

АБУА ШИРЭДЖИБИ

Тара Мадрама

Чабуа Ираклиевич Амирэджиби

Гора Мборгали

Роман

Наука быть,

свершать

и уходить

У главного героя этой книги, или, как говорят критики, протагониста, два имени: Иагор Каргаретели и Гора Мборгали. Первое - данное от рождения, второе - прозвище. В моем представлении граждане, имеющие по две и более фамилий, принадлежат к уголовному миру. Так вот, Иагор Каргаретели за свою жизнь сменил несколько имен и фамилий, потому как числился в преступниках, однако Гора Мборгали прозвали его еще в ту пору, когда совершаемые им преступления не шли дальше кражи варенья. В деле хищения сластей его, пожалуй, можно назвать и рецидивистом. Под вымышленной фамилией тут не скроешься, подобное в семье мог совершить только Гора. И даже если на нем, положим, греха не было, родителям казалось, что мальчик тайком объелся конфет, особенно коли обедал он, против обыкновения, без аппетита.

Мборгали-непоседой окрестил его за беспокойный нрав дед - худощавый старик спортивного сложения, рыцарь внешностью и манерами, в прошлом лихой наездник, меткий стрелок, душа безудержных пиршеств и покоритель женских сердец, личность широко известная. Дед лично водил внука в начальные классы - туда и обратно. В обществе не без оснований полагали, что старик возложил на себя эту обязанность для того, чтобы все воочию увидели, каким он сам был в детстве "ловким, красивым и умным" - словом, таким, каким считал своего внука. Их сходство и в самом деле было поразительным. Однокашники Каргаретели, естественно, не могли этого не заметить. Прознали они и о том, что полное имя деда - Иагор, а зовут его уменьшительным Гора. Тогда и внука стали называть Горой, а, поскольку мальчику имя отнюдь не претило, оно так за ним и осталось. Безгранично гордый и счастливый дед счел выполненной одну из миссий своей жизни и перестал водить внука в школу, сославшись на то, что такой на редкость собранный ребенок может прекрасно ходить в храм мудрости один. О школьном прозвище прослышали в семье, и тут оно окончательно пристало к мальчику. Прозвище, помимо немалых стараний деда, закрепилось, возможно, и потому, что в молодом поколении близких родичей Гора был единственным мужчиной...

Было в этом ласковом имени нечто таинственное и достойное.

Гора!

Немного времени понадобилось и на то, чтобы в школу проникло Мборгали. Оно привилось. Даже учителя сочли прозвище точнейшим и, когда хотели осадить не в меру расшалившегося мальчика, обращались к нему - Мборгали, а с лаской и поощрением - Гора. Как-то раз новый учитель физкультуры спросил у него имя и фамилию. "Гора Мборгали", - ответил мальчик, и спустя несколько лет иные могли назвать его настоящее имя лишь после короткого замешательства. В связи с этим Иагор старший счел выполненной и вторую значительную

миссию своей жизни - утвердил под солнцем человека, заступившего на его место. Однажды у мальчика спросили, какое у него подлинное имя. "Оба, - ответил тот с улыбкой, - но я больше откликаюсь на Гору или Мборгали". Сам он предпочитал прозвище, именовал себя только Гора Мборгали, исключая те случаи, когда представляться нужно было официально.

Горе было пять лет, когда с ним произошло событие, надолго оставившее след. Младенческая память вобрала в себя все четко и остро. Жизнь его, на мой взгляд, отсюда и началась, поскольку жизнь - это то, что помнишь. Остальное - существование.

Как известно, революция не киносеанс, чтобы начаться и точно, через отведенные полтора часа, закончиться. Она похожа на комету с длинным хвостом. Для Горы началом того "хвоста" была поздняя осень двадцатых годов. В три часа пополудни к ним на квартиру пришли четверо мужчин в военной форме, при наганах. Отец Горы, Эрекле Каргаретели, был в отъезде по делам, связанным с загородным домом семьи. Впрочем, на сей раз чекистов занимал его брат Шалва, профессиональный революционер, политический деятель, национал-демократ, - он слишком резко выказывал свое отношение к вступлению русских войск в Грузию. Был объявлен розыск и даже обещано денежное вознаграждение за его голову. Семья Каргаретели занимала в ту пору квартиру из шести-семи комнат. Переворостили все, включая кладовые. Дошла очередь до спальни. В ней помещались Гора с матерью. Мать сопровождала чекистов из комнаты в комнату. Кроме нее, никого из взрослых дома не было. Вошли в спальню. Вещи, вышвырнутые из платяного шкафа, ящиков, сундука, громоздились на полу, впрочем, как всегда в подобных случаях. По окончании обыска трое оперативников вышли, а четвертый замешкался. Он собрался было уходить, как в открытую дверь донесся приказ начальника проверить матрас под ребенком.

Понятно, что искали живого человека, но уж если производили обыск, то, следуя заведенному жесткому порядку, выискивали все, что было направлено против закона и власти: оружие, запрещенную литературу, переписку - всего не перечесать. Пусть даже не это, человеку трудно избежать соблазна заглянуть во все уголки чужой квартиры или души, тем более когда ему дано на то право.

Оперативник вынул из брючного кармана и раскрыл большой, острый как бритва, кривой садовый нож. Мне этот нож представляется кусочком кометного хвоста. Вероятно, чекист пришел в революцию прямо из виноградника: то ли он батрачил на богатого крестьянина, то ли имел свой небольшой виноградник. С большим не расстался бы. Нож оказался при нем по чистой случайности, а выбросить его он не смог из жалости, вот и носил в кармане, ему нужны были мостки, перекадина к берегам своих предков. Он раскрыл нож, осторожно откинул простыню - очень осторожно, чтобы не разбудить ребенка. Поддев острием ножа угол матраса, он вспорол его по всей длине, от края до края. Чертовски острый был нож! Чекист и в нутро матрасное очень осторожно просунул руку. Но едва начал поиск, как сыскной азарт, распалив его, взял верх над осторожностью. Эта лихорадочно шарившая рука и разбудила мальчика. Грубая лапа больно пинала его - как тут было не проснуться! Гора, вскинувшись, разглядел при тусклом свете ночника распахнутые в страхе глаза беззвучно плачущей матери; тут же, у кровати, сидел на корточках незнакомый смуглый мужчина. Запустив одну руку по самую подмышку в матрас, он держал в другой поблескивающий кривой нож. В дверном проеме злобно сверкали глазами трое незнакомцев; кудреватые комья шерсти, вываливаясь из матраса, змеились по полу...

– Мама, мне живот вспороли! - вскрикнул Гора.

Мальчик принял клубки шерсти за свои кишки и стал кричать так, что люстра заходила ходуном. Даже заматерелые в насилии мужчины избегают столкновений с женщинами и детьми. Такие встречи в большинстве оканчиваются их бегством. В природе мужчины заложено нечто такое, что не выносит женских криков и детских слез. Тем чекистам, как и большевистской власти в Грузии, было семь-восемь лет от роду, им недоставало практики и

опыта. Крики Горы, по всему, заставили их забыть о престиже карательных органов, и они улепетывали так суматошно, что возле входной двери возникла толкотня. Кстати, до советизации Грузии садовый нож имел единственное назначение подрезать лозу, и он подрезал ее. Потом участь его изменилась. Отринув свое прямое назначение, он стал метаться в хвосте кометы, рассек матрас под спящим ребенком и, кто знает, сколько еще грехов принял на себя впоследствии.

После этой истории до одиннадцати лет - поначалу раз в две-три недели, а потом реже - мальчику снился этот обыск, он выкрикивал всегда одну и ту же фразу и иногда, должно быть от страха, мочился в постель.

Выходит, жизнь Горы началась с акта насилия. Ничего не попишешь, провидению было угодно, чтобы Гора родился именно в эту пору. Общественные катаклизмы творят в изобилии удивительные случаи и биографии. И только малодушные находят в этом повод для жалоб и недовольства. Гора не ведал нытья. Я не встречал другого человека, всегда и всем столь довольного; не встречал, не слышал и даже в книгах - самых лживых - о таком не читал. В свое время кто-то назвал его "счастливчиком", однако у него уже было прозвище и второе не привилось.

Еще одно: Горе иногда случалось мочиться в постель и тогда, когда ему ничего не снилось и не мерещилось, и чтобы взрослые не журили его, он лгал, что видел "тех мужчин"! Думаю, что первые шаги в искусстве изворачиваться Гора сделал тогда, когда придумал этот ловкий ход.

О Горе можно сказать, что он прожил поразительно долгую жизнь, ибо помнил все, что происходило в лично его жизни и жизни вокруг. К тому же провидение даровало ему своеобразную способность видения. Потому именно его личность оказалась в поле моего внимания, ведь людей с таким же прошлым, как у Горы, я знаю немало: общественные катаклизмы оставляют по себе множество удивительных биографий.

Глава первая

Прекрасное было время, когда в каждом лагерном бараке на самом видном месте в рамке под стеклом, чтобы бумагу не засиживали мухи, висел отпечатанный крупным типографским шрифтом "Внутренний распорядок". Чуть помельче следовали "Права и обязанности" и далее текст в трех разделах: "Заключенному запрещено", "Заключенный обязан" и "Меры наказания". О правах не говорилось ни слова - заключенный никаких прав не имел, все было запрещено, а когда все запрещено, значит, все как бы и разрешено - потому и было то время прекрасным! Да и вообще разве кто-нибудь когда-нибудь жаловал кому бы то ни было по доброй воле права на что-нибудь? Можно добиваться прав, красть их, присваивать, отбирать силой или хитростью - человек в здравом уме не ждет их в подарок, поскольку история доказала, что ползающий на брюхе никогда не получит от восседающего в кресле ничего, кроме пинка. Такого рода взгляд выработался благодаря вышеупомянутому "Распорядку", поэтому в лагерях дозволялось решительно все, кроме эксплуатации человека человеком. На нее имели право лишь чекисты и воры в законе. Под "эксплуатацией" понимали использование заключенных на тяжелых работах и в качестве прислуги - домашней или на посылках, - то есть лакеев.

Но, к сожалению, искони известно, что всему приходит конец! Пришел конец и тому прекрасному времени, когда все дозволялось. Главное управление лагерями вознамерилось наделить зэков правами. Гора Мборгали уверяет, что зачинателем процесса был врач внутренней тюрьмы Министерства государственной безопасности Грузии альбинос Хазадзе, и случилось это в лично его, Горы Мборгали, присутствии и, ох, при невольном его участии. А

дело было так.

Распахнулась дверь двухкочной камеры, и надзиратель впустил Хазадзе и фельдшера с банками-склянками в непременно ящике. Камера мигом наполнилась ароматом спирта. В тюрьме тогда не было перебоев в снабжении медпункта дезинфицирующими средствами, и потому Хазадзе постоянно бывал румянее, чем это приличествует даже альбиносу.

– А-а-а, заходите, уважаемый доктор! Добро пожаловать! - зычно приветствовал его сокамерник Горы по фамилии Кунатадзе, тем самым грубо нарушив дисциплину: во внутренних тюрьмах разговор в полный голос и вообще какой-либо шум грозили заключенному штрафным изолятором, говорить позволялось только шепотом.

– Ш-ша... - рассвирепел Хазадзе и едва слышно осведомился: - На что жалуетесь?

– На судьбу, уважаемый доктор, на судьбу! - все так же зычно ответил Кунатадзе.

Хазадзе, фельдшер с банками-склянками и надзиратель одновременно цыкнули на него.

– А вы? - обратился Хазадзе к Горе.

– Кашляю, уважаемый доктор, сильный кашель, - посетовал Гора в надежде заполучить лекарство, но Хазадзе, обернувшись к надзирателю, бросил:

– Этот пусть кашляет. Разрешаю! - Сказал и вышел.

Зэк получил право кашлять, то есть шуметь!

Так закончился еженедельный визит врача. Слово ничего и не было, но брошенная им фраза вызвала великие пересуды, препирательства и жаркие дискуссии. Дня три спустя от Берингова пролива до западных границ государства во всех тюрьмах и лагерях начался глубокий анализ этого поразительного события. Жгучесть интереса объяснялась значительностью темы, а скорость распространения - той общеизвестной истиной, что ни один государственный или частный источник информации не может обеспечить передачу сводки с оперативностью, каковой достигли места заключения. И сегодня во множестве найдутся примеры того, как событие еще не произошло, а тюрьме уже в подробностях известно, что, собственно, случилось. Наука оказалась бессильной истолковать причины такого оперативного распространения информации. Поэтому удовлетворимся простой констатацией факта. Словом, дискуссия вызвала сильное возбуждение вплоть до переполоха. Даже прошел слух, будто не то в Воркутинском, не то в Тайшетском лагере один бывший профессор якобы плюнул в лицо другому бывшему профессору - до того они доспорились. Слух этот, но счастью, оказался очередной парашей[1].

Предметом исследования с самого начала был вопрос: по своей ли инициативе Хазадзе допустил такое исключение или нет? К общему мнению пришли сравнительно легко - по своей не осмелился бы, выполнял указание. Когда это стало ясным, исследование пошло в другом направлении: что может за этим последовать. Мнения разделились. Скептики говорили - хуже будет; оптимисты утверждали - режим послабнет. Победу одержали скептики. За амнистией Хазадзе последовала смерть вождя; за смертью вождя - волнения, забастовки и бунты в системе лагерей. Новый вождь смекнул, что так дело дальше не пойдет, и усовершенствовал начатый Хазадзе процесс демократизации созданием в лагерях "советов актива". Заключенный получил право "выбирать" в совет своих же собратьев. В результате избиратель и избранный взяли на себя функцию неукоснительных исполнителей "Внутреннего распорядка" и, исходя из этого, обязанность доносить. Стремление использовать право доноса приняло чуть ли не повальный характер, потому как следующая ступень процесса сулила перспективу условно-досрочного освобождения тем зонам, которые чаще других и с большим толком пользовались правом доноса на нарушителей внутреннего

распорядка. До демократизации доносчиков было раз-два и обчелся, да и тем головы резали, если выводили на чистую воду. Нынче настали иные времена: стоило оперуполномоченному появиться в лагере, как у дверей его кабинета выстраивалась длинная очередь доносчиков. Опер, чтобы сэкономить время, действовал, что называется, методом тыка. Отвергнутые, проторчав в очереди несколько часов, возвращались в бараки несолоно хлебавши, но с твердой уверенностью, что письменные доносы, не востребованные сегодня, завтра непременно удасться сбить с рук. Заключение все знает!

В тексте "Внутреннего распорядка" появился новый, четвертый пункт "Заключенный имеет право". И шрифт стал красивее, и бумага белее, а вот стекла из рамок вынули, потому что стеклом стали пользоваться как холодным оружием - чтоб убирать стукачей, причем число таких случаев катастрофически возросло. И начался бедлам в обители, настоящий бедлам. А все потому, что заключенному были предоставлены права. И надобно знать, что если вам вдруг предоставили права, значит, дела обстоят из рук вон плохо, и вот теперь-то по-настоящему ничего нельзя, кроме того, на что даны эти права.

Так изменил свое лицо лагерь.

Гора Мборгали до сорока лет, то есть в молодости, то есть в пору, когда все разрешалось, потому что все было запрещено, сидел несколько раз. Несколько раз бежал из лагерей и несколько раз отсиживался именно за побеги, а основная судимость была у него одна. Что до других преступлений, то, хотя он и не сидел сложа руки, никто ничего доказать ему не смог, если не принимать во внимание некоторую вольность в обращении с определенными статьями Уголовного кодекса, которая, как правило, сопутствует всякого рода побегам. Горе было под шестьдесят, когда он, что-то совершив в России, в очередной раз оказался в лагере. Присмотревшись к новшествам лагерной жизни, он решил, что если вообще и стоит откуда-то бежать, то именно из этого бедлама и, в частности, из этой глухомани - заполярного лагеря, отстоящего от Дальневосточной железнодорожной магистрали, если брать по прямой, на тысяча пятьсот-тысяча семьсот километров. К побегу он готовился полгода! Такого рода побеги вообще-то редки. Согласитесь, когда готовишься столько времени, мало шансов остаться незамеченным, нет-нет да и увидят, а тогда, как говорится, привет! Однако план и качество подготовки к побегу совершенно отвечали богатейшему опыту Горы, и, понятно, он не то что ошибки, а малейшей оплошности не допустил, в чем мы в дальнейшем убедимся.

Найти путь к бегству помогло ему само рабочее место. Дело в том, что когда здесь закладывали шахту, обогатительную фабрику, поселок для вольнонаемных и прочие постройки, то поставили и котельную с водокачкой и коллекторами. Поначалу не предполагалось использовать труд лагерников. Эта необходимость возникла позже, и тогда для эков отстроили жилую зону. Один из барачников пришелся на самый коллектор. В период полярного лета Гора проработал кладовщиком в инструменталке на каменоломне. Осенью из-за жестоких морозов работа здесь прекратилась, и он перебрался в барак, в каптерку, где хранились личные вещи эков. Эту привилегированную должность Гора получил благодаря возрасту, "инвалидности второй группы" и надежно припрятанной сотенной. По весне работы на каменоломне возобновились, и теперь уже бригадиры затребовали к себе Гору, сославшись на то, что на этой должности он незаменим. Гора отнекивался, но после некоторого колебания согласился - при условии, что будет работать по совместительству. Начальство согласилось. Бараки отапливались горячим воздухом, труба отопления выходила в каптерку из-под пола. Догадаться, что под полом находится коллектор, особого ума не требовалось. Гора еще в прошлую зиму сумел снять пару досок и проверить свою догадку. Она подтвердилась, коллектор был и, главное, вел за территорию лагеря: метрах в тридцати от ограды из колючей проволоки помещался колодец под чугунной крышкой. При виде него в голове Мборгали зародился блистательный план побега. Опустившись на колени, он воздел руки к колодезной крышке:

– Господи, Господи! Ну что же это такое?! Сначала ты посылаешь мне отличную возможность сунуть голову в петлю, а потом коришь: что это ты натворил?!

Нужно отметить, что лагерная администрация выпустила из виду подобного рода возможность побега. Да и вообще, бежать из этой Тмутаракани, по ее мнению, могло втемяшиться в голову только безнадежному идиоту. В прошлом, в первые годы существования, правда, было совершено два побега, но оба завершились гибелью беглецов в тайге, к тому же бежали с обогатительной фабрики, а не из жилой зоны. Такой исход вконец успокоил администрацию, а заключенные и думать забыли о побегах. Забыли все, кроме Горы и еще одного. Это был некто Миша Филиппов, коренной сибиряк, потомок тех фанатиков, что еще в семнадцатом веке бежали из Центральной Руси от трехперстного знамения и в непроходимых лесах среднеречья Оби и Енисея обрели наконец право креститься двумя перстами. Миша Филиппов в лагере ничем не проявлял своего отношения к старой вере. Собственно говоря, не дело это - посвящать всех в свои интимные беседы с Богом! Об этой стороне его существования никто ничего не знал, а вот внешностью своей и повадками он привлекал к себе всеобщее внимание. Миша родился в приполярной тайге. Уже в пятнадцать лет он был, вроде своего отца, профессиональным охотником, отличным знатоком своего дела и стрелком, молва о нем шла по всему Енисею. В Великую Отечественную ушел добровольцем. Умел он в ту пору лишь расписываться и, понятно, стрелять. Ничего больше. Филиппов был снайпером, брали его в разведку. В один из рейдов в тыл врага он прикрывал своих и был тяжело ранен. Очнулся в немецком госпитале. А дальше все произошло как в анекдоте с кахетинцем, не быстрым разумом. Следователь все приставал к кахетинцу: "Как ты в плен попал, признавайся, так тебя разэтак!" - "Откуда мне знать, гражданин следователь, что сказать? Когда нас здесь загоняли в вагон, дверь закладывал русский, ехали мы, ехали, Бог знает сколько, а когда приехали, вагон открыл немец, выходите, говорит, вы пленные! Поди разберись!" Так и с Филипповым. Очнуться-то он очнулся, да память отшибло начисто, свою фамилию и то вспомнить не мог. Прозвали его раненые Непомнящим, так и сказали немецким врачам. В лазарете он провел больше года. Окреп, бежал, поймали, вернули. Еще несколько месяцев ушло на залечивание ран, полученных во время поимки. За это время гестаповцы трижды к нему наведывались, неизвестно, правда, с какими намерениями - то ли расстрелять, то ли в концлагерь посадить, Бог весть. Госпитальное начальство воспротивилось его выдаче вылечим, а там извольте, расстреливайте. И висела над Филипповым угроза, когда к нему, почти оправившемуся, пришли власовцы и предложили вступить в их армию. Миша предложение принял: чего ради идти под расстрел? Умней окрепнуть на власовских харчах, поднабраться сил, а после - в партизаны. Миша выздоровел настолько, что к нему даже память вернулась, и пришел он во власовскую армию под своей фамилией и под своей же фамилией бежал к партизанам. После освобождения Украины был зачислен в одну из армейских частей. Навоевался вдоволь - и на Западе, и на Востоке. Вернулся домой в пятьдесят первом, снова взялся за охоту, обзавелся семьей и жил себе двадцать восемь лет тихо-мирно в приполярном вотчинном скиту, покуда не вызвали в районный центр. Поехал и не вернулся - врезали пятнадцать лет заключения с отбыванием срока в лагерях особо строгого режима. Хорошо еще, дешево отделался! И вот почему: в ту пору, когда Миша Филиппов в течение полутора лет лечил свое покореженное, израненное тело в немецком госпитале, в тюрьме одного из областных городов Украины с великим тщанием вершил работу палача некто, известный под именем Миши Филиппова. Провидению было угодно, чтобы дата исчезновения палача и дата перехода Миши Филиппова из госпиталя к власовцам совпали. Органы незамедлительно взялись за усердные поиски исчезнувшего палача и, понятно, изучили подноготную всех Филипповых, сколько их было в стране. У Миши взяли показания еще в бытность его на Восточном фронте. Он разъяснил, где находился упомянутые полтора года. Когда поиски палача ни к чему не привели, вспомнили о немецком госпитале... Ни в советских, ни в немецких архивах сведений о госпитале не оказалось; не нашлось в пределах досягаемости следствия ни тамошних врачей, ни начальства; не представилось возможным обнаружить названных Филипповым больных, ни тех, кто переманил Мишу из госпиталя во власовскую

армию. И неудивительно - ведь пленных, поменявших вроде Миши Филиппова фамилию, в том немецком госпитале и власовской армии было пруд пруди. А еще и те, кто помер своей смертью дома или на чужбине! А скольких еще перемолола война, кто знает? Словом, Миша не смог доказать факт своего пребывания в немецком госпитале. Зато нашелся человек, раз уже проволочивший срок и повторно посаженный за совершенные во время войны и сокрытые им преступления. Указав на Мишу Филиппова, он подтвердил, что это и есть тот человек, чью фотографию ему предъявляли. Таково было показание единственного живого свидетеля зверств палача и, как подозревал Миша, его сподручного. Во-первых, свидетелю загодя показали фотографию. Во-вторых, преступник, судимый ранее за измену Родине и снова арестованный за совершенные в тот же период и сокрытые преступления, все что угодно подтвердит, лишь бы избежать расстрела. В-третьих, основное правило, во все времена работающее на сыск и следствие: "Закрывать нераскрытое дело". Вот вам и нераскрытое преступление тридцатилетней давности, вот вам и расчудесный Миша Филиппов, который не может доказать свою правоту...

Пятнадцать лет!

Исключения подобного рода существуют - это подтвердит мало-мальски сведущий юрист любой страны. Миша Филиппов был от природы умным человеком, в процессе следствия он понял, что стал жертвой недоразумения и вместо какого-то выродка должен принять позорную смерть, но выхода не видел и смирился, надо полагать, не без участия Бога, которому молился, осеняя себя двуперстным знамением. Приговор - лишение свободы на пятнадцать лет поверг его в недоумение, он ничего не понял, поначалу растерялся, потом опаматовался, и первой его реакцией было безграничное изумление, что удалось избежать расстрела.

Прошло время, прошло и изумление. Миша Филиппов составил исчерпывающий список людей, которые могли бы подтвердить его правоту, и принялся их разыскивать. От пяти лет каждодневного кропотливого труда остались две пухлые папки копий отправленных писем, жалоб, заявлений, полученных ответов и... обманутые надежды. Его афоризм: "Если другие не сумели установить твою правоту - ты должен установить ее сам" - потерпел полный крах; на смену ему пришел второй: "Когда другие не хотят вернуть отнятое у тебя - верни его сам". Миша Филиппов вообще мыслил афоризмами - это ему удавалось. Однажды, когда Гора Мборгали сидел на камне возле своей каптерки, глядя на восток, где солнце, беспомощное и тусклое, льнуло к горизонту, он присел рядом, убедился, что их никто не подслушивает, и выдал еще один афоризм:

- Настоящее дело всегда сопряжено с риском.
- Верно, - отозвался Гора. - Вот Белов. Видишь, в сральню идет. Тоже риск.
- Как?.. - Миша Филиппов несколько растерялся.
- А если доска под ним подломится?

Филиппов улыбнулся и сказал:

- Хочу тебя попросить кое о чем.
- Эта просьба сопряжена с риском?
- Конечно. А вдруг откажешь?
- Говори.

Филиппов некоторое время колебался.

- Мне надо воспользоваться твоей норой. - Он имел в виду инструменталку.
- Как то есть воспользоваться?
- Надо разобрать пол, всего доски три. Ночью придет человек, кое-что оставит в подполе.
- А как он в мою нору проникнет? Они замок вешают.
- Доски с тыльной стены тоже снимем. Потом легонько, для видимости, приколотим на прежнее место. Он их снимет, оставит что надо, а выйдет доски прибьет, как были. Я ему скажу, какие снимать и в самой норе, и сзади, со стены.
- Скажешь?
- Брат ко мне приехал. Свидание дали. Вечером. Я и скажу.

Во время этой беседы Гора не сводил глаз с солнца. Потом поднял голову, пристально посмотрел Филиппову в глаза и спросил:

- Откуда ты знаешь, что со мной такие разговоры разговаривать можно?
- Знаю. Можно.
- Выходит, доверяешь?
- Доверяю.
- Тогда, может, и то скажешь, что он должен тебе оставить?
- Одежду оленьего меха, унты... и кое-что еще.
- А карту? - спросил Гора после довольно долгого молчания.
- Карту, компас, секстант. Я ему список дал в прошлом году... Постой, постой... А тебе зачем знать?
- Пошли разбирать доски, - сказал Гора.

Вошли в инструменталку.

- Столько матерых шпионов, как в этом лагере, нет ни в одном зарубежном государстве. Можно ли так слепо доверять непроверенному человеку? - укоризненно заметил Гора.
- Можно. Раз Хабибула сказал, то... - Филиппов пошарил за пазухой, вытащил клочок бумажки, глянул на него и протянул Горе.

На бумаге было написано по-грузински: "Гора! Это Миша Филиппов, местный житель, хороший человек. Пригодитесь друг другу. Резо".

- Гм, Квицадзе. - Гора улыбнулся. - Где свиделись?
- В Енисейске в январе, когда шел под конвоем с доследования; вместе пережидали в Енисейском распределителе, пока начнется навигация. Там и подружились. Он знал, что ты здесь.
- Ты эту бумагу в кармане держал?
- Нет. В подушке. Сегодня вытащил.

– Почему до сих пор не отдал?

– Присматривался.

– Когда Резо взяли, сколько он пробыл на воле?

– С полгода будет. Полтора месяца погулял.

Гора призадумался, улыбнулся:

– У него всегда так. Ловко уходит, плохо скрывается.

С делом управились быстро. Миша Филиппов заметил:

– Может, тебе лучше бросить свою инструменталку?

Гора недоуменно взглянул на него.

– После моего побега могут дознаться, что ты пособничал. Будут неприятности. Лучше, если кто другой сюда придет.

– А если такой придет, что начнет вынюхивать, найдет тайник и обчистит? Или настучит? Был у меня такой случай в Караганде, обчистили... А порядочный придет - незачем ему зря неприятности чинить. Неизвестно, какой придет.

– Ты прав.

Это случилось той весной, когда бригадиры затребовали Гору к себе в каменоломню инструментальщиком. Одним из них был Миша Филиппов.

Настала осень, работы на каменоломне свернулись. Некоторое время спустя Верховный суд сообщил Мише Филиппову об освобождении с реабилитацией. Похоже, следствие дало положительные результаты - "правда свое взяла". Прошло больше месяца, пока лагерная администрация получила соответствующие документы. Все, что без вины виноватый заготовил для побега, перешло по наследству Горе вместе со всевозможными сведениями, пояснениями и наставлениями, крайне необходимыми для такого огромного пути.

Оправданного старовера наконец позвали на выход.

И было то в начале сентября.

...Гора прополз в колодец, встал, глубоко и шумно вздохнул, осветил фонарем чугунную крышку. Во дворе неистовствовала черная пурга. Прислушавшись, он уловил звук, похожий на протяжный стон.

"Какой знакомый звук! Что он напоминает? Что-то такое, что я когда-то слышал и мне запомнилось... Стон роженицы?! Да, тогда... Та женщина стонала точно так же - протяжно, обреченно".

Он прислушивался еще некоторое время, потом стал одеваться: теплое белье, свитер из мохера, брюки оленьего меха, чукотские унты, оленьего же меха длинная куртка с капюшоном и шнурками, которые туго стягивали ее под ягодицами, меховая ушанка, поверх всего полотняная, пропитанная резиновым клеем самодельная ветровка-балахон и, наконец, белый, по самые щиколотки, просторный маскировочный халат, который в силу своего особого кроя при надобности мог служить палаткой.

Гора подпоясался, сунул саперную лопатку за ремень. В ногах лежал вещмешок. Подвязав бечевку от вещмешка к ремню, замер.

Роженица по-прежнему стонала. Гора вытащил из бокового коллектора козлы, встал на них и уперся спиной в крышку колодца. Крышка поддалась, но не очень охотно - на ней было много снега; и только образовалась щель стенания пурги перешли в вопли. Слышались они вначале приглушенно, как из соседней квартиры... Еще усилие, и крышку удалось сдвинуть.

Колодец был открыт. Пурга голосила. Гора высунул голову, огляделся. Стояла мгла, хоть глаза выколи, вихрь с ревом кружил мириады льдинок.

"Потому ли мрак, что ночь? Или это от черной пурги? Может, и то и другое?.. Белый мрак! Название пришло мне в голову еще на Колыме, когда я шел, держась веревки, протянутой от барака к столовой. Белый мрак!.. Гора, вроде бы можно и вылезать!"

Он выбрался на снег, проследил взглядом за веревкой, свисающей в колодец, и усмехнулся воспоминаниям молодости... В Караганде, на Дубовке, сделали подкоп в сорок три метра. Первым номером, кому по жребию выпало пробить последние две пяди и выбраться наружу, был некто Карпухин; его называли "дураком подкопным", потому как он, хотя и участвовал несколько раз в удачных подкопах, ни разу не смог совершить побег, не хватало решимости на последний шаг - "всего один шаг" - для выхода из надежного укрытия на простор, где, возможно, тебя застрелят! Один за другим ползли Карпухин, Куценко, Ортоидзе, Гора и Богдан. Карпухин пробил лаз на волю, пахло свежим воздухом - надо вылезать. Карпухин задервенел, как труп, он перестал что-либо воспринимать и даже не почувствовал, как Куценко кольнул его в зад острием ножа, лежал - бревно бревном. Шок... Богдан сказал:

– Гора, в Киеве я знаю одного коллекционера. Он презервативы собирает. Штук пятьсот у него, а сам импотент...

"Да-а, импотенция бывает разная. Последний, решающий шаг! Он всегда труден, в любом случае... Снова голосит пурга. Погоду рождает?.. Мать кричит от боли. Ребенку трудно сделать последний, решающий шаг; все сомневается родиться или нет... Что ж, есть от чего. Разве там ему не лучше? В тепле, сытости, покое? Матери, должно быть, самую острую боль испытывают именно тогда, когда их чадо во чреве начинает колебаться - родиться или нет... Пурга рождает тебя, потому и голосит. Колеблешься? Возвращайся, еще не поздно... Что ты стоишь - хочешь доказать самому себе, что спокоен и ничего не боишься?.. Вернуться? Но я уже родился! Я никогда не знал колебаний, были раздумья, да и те остались в колодце! Только пурга выведет меня на свободу, она - единственная возможность. Я родился! Ха-х-а-а, вот приволье, легкие роды! Когда я впервые появился на свет, весил четырнадцать с половиной фунтов, то есть шесть килограммов без двухсот граммов. Тогда считали на фунты. Каково было рожать! Во второй раз мне пришлось пролезать через щель в двери. Она была узкой, настолько узкой, что я протиснулся с четвертой попытки, пришлось все с себя стянуть. Случилось это в Грузии. Хорошо еще, лето было. В третий раз я родился в Караганде, и рождение это больше всех остальных походило на настоящие роды, подкоп был узкий и длинный, еле прополз. И вот сейчас, в четвертый раз, меня родили двое: коллекторный колодец и пурга. Четвертые роды, слышал я от женщин, совсем легкие... В самый первый раз, со слов моей матери, я родился в рубашке. Во второй тоже на мне была серая рубашка. В третий, в Караганде, рубашка была из грубого холста, я едва не задохнулся. В эти, четвертые, роды на мне белая рубашка... Я с головы до пят укутан в меха. Столько мехов ни одной тбилисской красавице не снилось, и, держу пари, никто еще не рождался на свет с вещмешком. Что ж, Гора, тащи свой скарб и пошли на каменоломню... Стоишь тут Бог весть сколько времени и размышляешь о какой-то чепухе. Ведь ты уж доказал себе, что не знаешь страха и все тебе нипочем? Довольно... "Ступай, детка, в школу, а то придет бука и съест тебя!.." Ты прав. Часовых в пургу чаще обходят, не столкнуться бы с разводом! Да здравствует каменоломня - образ надежды и упований, пусть даже ипостась! Что точнее: образ или ипостась? Собственно, можно и "лик" сказать... Эх, Гора, опять суд да пересуд, как хочешь, так и говори. Занялся бы делом!.."

Гора подтянул веревку, вытащил мешок. Стал толкать колодезную крышку она была тяжелая. Пришлось потрудиться, чтобы закрыть люк. Лопатой нагреб снег на крышку, разровнял его, тщательно приладил к лицу маску и двинулся в путь.

"Работа сделана, больше ничего не требуется - метель доделает остальное. Минут через пять самый расчудесный и распроницательный Дед Мороз ни в какую не найдет место, откуда вылез Гора Мборгали... Наплечные ремни широковаты. Сузить бы... Пустое... А каково идти в кромешной тьме да с эдаким грузом!.. Направо - до дороги, а затем дорогой - три километра.

Прощай, преступная братия,

На хлеб беспечный падкий род;

И вы, погоны золотые,

И ты, покорный жребью сброд.

Это шедевр Анатолия Ивановича Шульца, он сочинил его во время среднеазиатского побега... Белый мрак! Коль скоро вы только-только родились, уважаемый Гора, то знайте же, что прозреете вы, как и всякий новорожденный, несколько позже. Поэтому сперва двести шагов напрямик на запад. Пятьдесят уже пройдено. Проверим направление... Стрелка компаса нервничает сверх меры, но это не магнитная буря. Направление правильное. Давай считать шаги".

Гора шел, преодолевая вихрь ледяных снежинок, не глядя на дорогу, а если б и взглянул, все равно ниже пояса ничего не увидел бы. К рукавице был пристегнут компас, и он поминутно сверялся с ним. Может, такой точности и не требовалось, потому как дорога на каменоломню пролегла перпендикулярно взятому им направлению, и он, даже двигаясь наискось, все равно не сбился бы с пути и достиг цели, нужно было только определить, где дорога. А определить ее можно было лишь по глубокой колее, оставленной грузовиками в распутицу, других ориентиров не было. Последние двадцать шагов Гора шел как слепец, потерявший палку, - пытаюсь нащупать колею ступней. Отсчитав двести шагов, он остановился, включил фонарь, взглянул на компас.

"Я шел правильно, где-то здесь должна быть колея. Я же все здесь замерил-перемерил и пургу учел - в пургу шаг короче. Значит, даже если ошибся, значительное отклонение исключается. И потом, снег неглубок. Я должен нащупать колею. Ну-ка, Гора, десять шагов вперед!.. Есть!.. Снег-то, снег весь повымело, земля почти голая... Ветер северный, будет подталкивать в спину. Пошли! Эти три километра я наверняка за час пройду... Просчитаем еще раз?.. Давай!.. Я родился на свет сегодня, то есть двадцать третьего октября, в двадцать часов. К двадцати одному часу мною будет пройдено три километра, после придется тащить сани с барахлом. В тундре, по бездорожью, пусть даже ветер попутный, с санями больше двух километров в час не сделаешь. Завтра утром к восьми часам, или через двенадцать часов после побега, я буду в двадцати пяти километрах от лагеря. Допустим крайний вариант: пурга утихнет нынче ночью и при утренней поверке, когда зэков поведут в рабочую смену, одного не досчитаются. На новый пересчет уйдет еще два часа. К десяти примутся выяснять, кого именно недостает.

Горы!

Тогда будут доискиваться, сбежал я или меня кто-нибудь порешил и сунул в сугроб или куда

еще. Допустим, установили, что сбежал. Как, откуда и куда? Если вообще поверят, что я в конце октября подался на юг. Словом, раньше двух часов вряд ли погонятся. К этому времени я оставлю позади тридцать семь километров, пройденных за восемнадцать часов... Надо отдохнуть!.. Поспать часов шесть. Допустим, мои поимщики пойдут быстрее три километра в час - и за время моего сна сделают километров восемнадцать. К тому времени как я продолжу путь, расстояние между мной и ими составит девятнадцать километров, на которые погоне понадобится шесть часов, и она сделает за это время тридцать семь километров, зато я пройду еще двенадцать. Значит, погоня длится уже двенадцать часов без передышки и в тяжелых условиях. Понятно?! Я, свежий после сна, опережаю их на двенадцать километров, а пройдено целых сорок девять. На эти двенадцать километров у них уйдет четыре часа, я сделаю еще восемь, и на пятьдесят восьмом километре разрыв между нами составит восемь километров... Тьфу ты, черт, разболтался, как Глаха Чриашвили[2], не остановишь! Сколько можно талдычить одно и то же! Ладно. Точно просчитано, что погоня настигнет тебя на шестьдесят шестом километре, если будет двигаться без остановок все восемнадцать часов. Не на танках же она за тобой увяжется? Ладно, скажем, настигли. А дальше что? Как нынче с беглецами расправляются? Не знаю. Раньше, если беглеца брали там, где был какой-нибудь транспорт, доставляли обратно и тут же расстреливали у лагерных ворот. Труп так и валялся для показа несколько дней. Зависело от климата, в жару мертвец быстро разлагался. Ну а если в тайге ловили, в отступе от лагеря, то раздевали догола, накрепко привязывали к дереву и оставляли. Мошкара и зверь довершали дело. А в тайге изловят зимой, подойдут на ружейный выстрел, подстрелят - и с концами. Во всех трех случаях составлялся акт "убит при попытке к бегству". Теперь иные времена, такого исхода избегают, но бывают случаи, подбрасывают оружие - сопротивлялся, мол, вынуждены были убить!

А все-таки, что они со мной сделают?.. Не знаю... Да это и не имеет значения. Главное, что буду делать я!..

Об этом я не думал, ни к чему, ничего подобного со мной не может случиться. И вот почему: ходить по Заполярью в октябре ночью в пургу вообще невозможно. Существует стереотипное представление о погоне - беглец в ходьбе вымотается, вздремнет, замерзнет, помрет, и это на самом деле так. Оперативники убеждены, что в таких условиях единственное спасение для беглеца - найти убежище неподалеку... Скажем, беглец уцелел и, переждав пургу, продолжил путь. Куда он пойдет? Конечно же, к Енисею, поскольку к югу на восемьсот километров нет ни одного населенного пункта. На пути к Енисею беглеца легко настигнут, а если и не настигнут, кордона ему не миновать, это доказано практикой. Теперь допустим, что беглец чокнутый, душевнобольной, тогда он, как уймется пурга, двинет на юг. Далеко ли уйдет? Самое большее, опередит погоню километров на десять - пятнадцать. Изловят. Допустим и то, что он, не убоявшись пурги, все же двинется. Ха... тут и летом никому уйти не удавалось, что о зиме и пурге говорить. Так или иначе, погоня все равно будет - правило есть правило. Пусть, я и это учел. Добавлю лишь: я беглец, и промедление будет стоить мне жизни; как бы ни был велик энтузиазм или служебное рвение оперативников, они все равно выдохнутся. Двадцать - двадцать пять часов идти без остановок, да еще в пургу! Попробуй! А не наплевать ли им, собственно, возьмут они беглеца или нет? Вернемся к тому, что предусматривалось с самого начала: пурга уймется, кончится, и все тут! Тогда я смогу делать примерно три, а не два километра в час. Я крепок, поимка слабее, ну и что ж, что разница в возрасте солидная. Они все больше на караульной службе топчутся, у них ноги задеревенели. На этом я выиграю хотя бы три часа и успею уйти за Горячие Ключи. На юг из нашего лагеря бежали всего пару раз, и оба раза дальше сорока километров погоня не шла. Это в рапорте написали, что шли семьдесят пять километров, до Горячих Ключей. Туфта все это. Вынужденная. Через тридцать километров из собак дух вон, что о людях-то говорить! Рухнут, отдышатся и поплетутся туда, откуда пришли. Выходит, все зависит от меня, от моей выносливости и воли. Выдержу - оторвался; упаду - прощай, любовь... Теперь возьми вариант получше... Чутье подсказывает, что пурга продлится два дня и у меня будет перевес самое малое в сорок часов, не считая шести часов сна и отдыха. Они не погонят солдат в пургу,

запрещено уставом, а я воспользуюсь именно пургой, и к тому времени, как они только тронутся в путь, я в избушке на Горячих Ключах, обозначенной на карте Миши Филиппова, буду предаваться любовным воспоминаниям. Нет, не только воспоминаниям, я, пожалуй, поразмышляю, как же мне все-таки сесть на Дальневосточной железнодорожной магистрали. Прямо на рельсу!..

Из этого надо сделать идефикс - сесть на рельсу! Людям, вполне нормальным, без комплексов, с холодным рассудком, не дано свершить ничего выдающегося ни для себя, ни тем более для человечества. Надо быть блаженным, одержимым. Превратить цель в идефикс. Только тогда воля проявится во всей своей мощи, и только тогда интуиция подскажет способ, средство, минуту, миг, когда воображение станет реальностью. Это особенно касается политиков и вождей революций, все они в какой-то мере были одержимыми, иначе не достигли бы цели... А гениев?.. Да. Гениям свойственна одержимость, но быть только одержимым недостаточно, одержимость должна слиться с талантом, особым талантом. Об этом потом, времени хватит.

Да, конечно, мне следовало начать с того, что в этом направлении за мной не погонятся по нескольким причинам. Во-первых, выбрать этот путь и оторваться - такое трудно представить даже при самой буйной фантазии. Даже если предположить, что удастся пройти по сибирской тайге две тысячи километров, на это уйдет два-три года. Не было случая, чтобы кому-нибудь удалось отсюда выбраться на магистраль. Есть два трупа - Чурбана и ингуша Сейсалама. Охотникам велено сообщать, если где по весне им случится наткнуться на труп... Поимщикам невдомек, что у меня есть карта Миши Филиппова, срисованная химическим карандашом на полотно, и кой-какое нужное снаряжение... Во-вторых, они знают, что я беглец, бегу для того, чтобы выжить, и, значит, в эту сторону не пойду. В-третьих, по их документам, я инвалид второй группы. Не пойду на такой риск... Словом, в этом направлении они возьмутся за поиски лишь весной, когда исчерпают все надежды, а тогда... Откуда им знать, что я лауреат везунчиков заочного чемпионата мира? О своей везучести я всегда объявляю во всеуслышание, потому как везение отпущено мне Богом, и как я могу выразить ему свою благодарность, если не признанием во всеуслышание?! Есть доводы и противные: пурга, возможно, не замела мои следы, и они определяют, в какую сторону я подался. Если еще и мороз ослабнет градусов до десяти - двенадцати - пустят собак. Что еще? Наверное, ничего больше, если вдруг не возникнет что-то от меня не зависящее. Чего под солнцем не бывает!.."

Буря набирала силу. Гора бежал. Несколько раз, завязая в сугробах, падал. Тогда он сверялся с компасом, лежа ничком, так даже было удобнее. Потом колея пошла по небольшому возвышению, снега здесь не было, идти стало легче.

"Сказать по правде, на такую милость благословенной матушки-природы я не рассчитывал!.. Когда в деле тебе с самого начала очень уж везет, добра не жди... В молодости я увлекался игрой в покер и, если вначале карта шла, всегда проигрывал... Покер, вероятно, единственное, в чем тебе никогда не везло... Так и есть, но я же уделял ему слишком мало времени и всегда был слабее партнеров. Может, не было способностей..."

Колея снова пошла по ложбине, и снова стали попадаться большие сугробы. Гора продвигался с трудом. В одном из сугробов снегу оказалось по самое горло. Решившись обойти его, Гора рассмеялся своим воспоминаниям. Как-то в лагере от барака к бараку брел доходяга.

Поперек дороги лежало толстенное бревно. Зэк подошел к нему, долго разглядывал. Поняв, что не достанет сил перешагнуть, обошел бревно и поплелся дальше...

Гора посветил на компас, сился разглядеть стрелку, и двинулся в обратном направлении, точно на север прошел через злополучный сугроб. Потом по колено в снегу отсчитал десять

шагов на запад и снова продолжил путь на юг.

"Интересно, есть, кроме меня, хоть одна живая душа в этом аду?.. Пурга выдалась свирепая. Забавно, что в пургу никто носа не высовывает... На это есть свои причины. Прежде всего, легко сбиться с пути, дальше вытянутой руки ничего не видно. Потом одежда: если оставить хоть какую щелочку, пусть в миллиметр, пурга тут же задует в нее ледяную пыль, и не успеешь ахнуть, как обморозишься. А лицо? Мороз нынче двадцать градусов, и скорость ветра, должно быть, около двадцати метров. Считай, все сорок градусов. Ладно, пусть тридцать пять - отморозить уши и щеки пары минут достаточно. Местные почему-то не признают защитной маски... Пришлые тоже... А вещь, между прочим, практичная - если иметь при себе две-три штуки для смены... Впрочем, зачем человеку выходить из дому в пургу? Распогодится, тогда и выйдет... Это еще что такое, тьфу, черт?! Колючая проволока! Вот тебе и маска - без нее я изодрал бы лицо об эту штуковину... Ладно, теперь направо. Одна половина ворот, по слухам, должна быть завалена. Хоть бы и не завалена, все равно пройду!.. А вдруг в тайнике не окажется саней?.. Теоретически такая возможность существует, конечно, но не стоит заранее убиваться, этот приятный сюрприз еще успеет сделать свое дело... Э-э-э, и в самом деле завалена... Пстой-ка, обе половины сорвало ветром..."

Гора шагнул через заснеженный порог и, оглядевшись, напрямик направился к дощатому барaku. Каменный фундамент был в пояс высотой. Гора обошел его с юга. Стену не занесло, но снег все же лежал. Гора разгреб его лопатой и взялся за доски, приживленные для видимости. Снял пять досок, сложил их в определенной последовательности, чтобы без хлопот прибить обратно, когда вынесет сани. Вещмешок он оставил снаружи, влез в проем. Посветив фонариком, тщательно осмотрелся. Кладовка была завалена лопатами, кирками, ломami, заступами. Расчистив угол, Гора разобрал пол, лег ничком и посветил вниз.

Сани были на месте!

Ухватив сани за лямки, Гора выпрямился. Попытался вытащить, но тщетно. Тогда Гора спрыгнул вниз, взялся за сани и поднял их наверх, еще раз тщательно осмотрел. К саням был пристегнут ремнями мешок из непромокаемой рогожи с карманами. Гора присел на корточки, проверил условные метки - не шарили ли чужие руки. Метки были целы на всех шести карманах и на горловине мешка. Гора вынес сани на двор, вернулся. Достал из ящика припасенные с лета ржавые гвозди с молотком, приладил доски к полу, вбил гвозди и сложил в прежнем порядке отложенные в сторону инструменты. Еще раз обвел кладовку лучом фонаря в поисках ветхого кресла, опустил в него и замер. На дворе по-прежнему неистовствовала пурга.

От поры до поры вьюга волком вривалась в проем, кидалась во все углы, исчезала, словно ее ждали неотложные дела.

Гора встал, выбрался наружу приколотить доски. Приколотил, зашвырнул молоток. Взвалил вещмешок на спину, пригнал к плечам санные лямки и двинулся. На санях было двадцать килограммов груза. Вещмешок весил еще двенадцать! Гора вышел со двора, повернулся лицом к лагерю и гаркнул что есть мочи:

"Э-гей, жабы, за мной, в ком душа держится и кого ноги носят!.. Ну, ну, кричи, давай, захочешь докричаться - не сможешь... Я сам себя не слышу, черт побери! Крикнул что было сил, а не услышал... Очень хорошо. Теперь два километра до реки, потом еще семьдесят по руслу до Горячих Ключей... Господи, помоги! Я, правда, вспоминаю о тебе, когда трудно, но мы же договорились, что так оно и будет. Святой Георгий Атоцкий[3], помоги мне довести до конца дело, выведи! Между нами, я что, недостойн? Разве всю жизнь не ходил твоими путями? Когда я говорю "твоими путями", то, ясное дело, имею в виду пределы своих возможностей... Какие жуткие звуки! Хохот, хохот радости... А теперь вроде новорожденный плачет... Миша

Филиппов, человек опытный, предупреждал тебя - не поддавайся голосам пурги!.. Разве звуки не напоминают крик новорожденного?.. Это я сам, вероятно, кричу, я же новорожденный, кто же еще...

Давай, Гора, тяни ляжку, ниспосланную Богом!"

Он стоял на льду, но в русле ли реки? Если в устье весна запаздывала и река оставалась в ледяной броне, то талая вода в верховье, не находя прохода, скапливалась и в тех местах, где сейчас стоял Гора, выходила из берегов, размывая границы, затапливала тундру на много километров по обе стороны. Случалось и так: пока под напором воды и тепла не начинался взлом льда в низовье, затопленные пространства среднеречья и верховья прихватывало морозом, - и образовывался плотный гололед. В такие годы очень трудно определить русло, но нынче весна выдалась ранняя, воды успели ко времени стечь, река унялась, улеглась в свое ложе, довольно глубокое, и только потом замерзла. Гора об этом знал.

Он побродил взад-вперед, пока не убедился, что находится между отвесными берегами. Подвернув полы балахона, достал из накладного кармана штанов складную палку. Она была составлена из дюралюминиевых трубок. Трубки входили одна в другую, при надобности раздвигались на нужную длину и служили опорой, на которую натягивался маскхалат вместо палатки. Один конец палки представлял собой стальное острие, на другой был надет стальной же набалдашник. Гора лег на лед, постучал по нему палкой, прислушался. Пурга по-прежнему выла, было плохо слышно. Он стучал, пока в промежутках между порывами ветра не расслышал отчетливый отзвук. Лед был речной - он издавал чавкающий звук, чавкала пустота между льдом и водой. У затопленной почвы звук был резкий, звенящий, поскольку тут не было пустоты, вода и почва застывали единой массой.

Гора посмотрел на часы, сунул их обратно в карман и пошел.

"Я, как говорится, сижу в графине. Идти надо до истока реки, то есть до Горячих Ключей. Русло, правда, пойдет дальше извилинами, но ветер будет подгонять меня сбоку, к берегу, и у меня будет ориентир. Через пять-шесть часов река повернет вправо. Тогда я пойду точно на юго-запад. Какая дивная пурга, что ей стоит продлиться еще сутки! Двадцать четыре часа в этом мраке, ну прямо второе пришествие!.. А разве человек всю свою жизнь не во мраке ходит? Всю жизнь? Нет, только в детстве, лет так до девяти одиннадцати. Ходит как с закрытыми глазами. Родители, члены семьи, другие дети... одним словом, среда определяет каждый шаг; среда эта для него и компас, и часы, и посох - все вместе; но есть к тому же еще собственные инстинкты и младенческий разум, который поначалу всегда и всему противится, а потом чаще всего делается податливым и покорным... Ты это запомни - есть над чем поразмыслить, пища для ума... Ладно, потом... Ты только и умеешь откладывать на потом. Помнишь, когда мы из Караганды ушли, я спросил: "Ты свободен, почему не радуешься?" А ты ответил: "Об этом потом поразмышляем", В дни того же побега я как-то спросил: "Отчего ты бежишь, почему?" А ты опять: "Потом". Сколько таких "потом" накопилось! Вот-вот шестьдесят стукнет. Так и отправишься на тот свет, оставив без ответа все эти вопросы? Правильно, тут есть над чем подумать. Уточним направление, а потом поразмышляем обо всем этом".

Гора проверил направление. Снова собрался в путь, но почувствовал, что вспотел. Он скинул с плеч санные ляжки и затащил их узлом на ногу, снял белый балахон и, подстелив под себя, лег ничком на лед. Мешок, притороченный к саням, был на шнурках. Он распустил один из них, накрепко привязал к мешку балахон, поднялся, оправил на себе одежду и двинулся дальше.

"В Средней Азии бураном унесло мои очки! Я так и не сумел их найти. Поминай как звали. Там вихрь, вздымая песчинки, кружит их, потому и называют его бураном, а не пургой. В

Сахаре такой вихрь самумом зовут... Ну пурга, унесла что-нибудь?! На-кося выкуси!.. "Эгей, грузины-сопляки! Чей во главе человек?" С чего это ты вспомнил вдруг?.. Наверное, потому, что меня переполняет такое же злорадство... Это я на пургу огрызнулся - на балахон мой позарилась... Ладно, теперь об отложенных вопросах: почему и зачем я устраиваю побеги, да? Я размышлял об этом, но так и не доискался начал, не нашел причин. Право, откуда мне знать? Давай порассуждаем методом исключения.

В прошлые отсидки никакой особой причины бежать у меня в лагерях не было. Я никогда не жил с комфортом, не было такой потребности. А если Бог посылал мне радость, было приятно и только, но непременным условием жизни комфорт я не считал. В основном я рос в нужде, служил в армии, прошел войну. Значит, баланда, барак, неустроенность и прочие прелести заключения не могли заставить меня уйти в побег: и не было на мне такого греха, совершенного хоть на воле, хоть в лагере, который, вызывая гнев эзков, принудил бы меня бежать; политзаключенные грузины в войне "мастей" вообще не принимали никакого участия. Напротив, наша роль всегда была - разнимать и примирять. Потому-то и не было у меня тех самых кровных врагов, от которых обычно бегают; возвратиться в семью, общество, восстановить отношения с друзьями-приятелями можно, лишь если тебя освободят законным путем. Побег не мог мне дать этого; что еще исключить? Побег как протест против несправедливости? Тот, кто полагает, что сидит несправедливо, полагает также, что справедливость существует и истина в конце концов всегда торжествует.

Такие сидели и писали жалобы. Вот только с начала тридцатых годов вплоть до самой смерти Сталина оправдание и освобождение политзаключенных случались так же редко, как затмение солнца. Фраза: "Наши славные чекисты никогда не ошибаются!" - действовала. Ситуация и ослу понятна, но политические все равно уповали на истину - писали! Были и исключения, но я не припомню побега в знак протеста против несправедливости. Я не страдал комплексом несправедливо осужденного, я был безгранично благодарен судьбе за то, что меня не расстреляли. Побег как жажда свободы? Во времена Сталина, то есть моих предыдущих побегов, жизнь на воле вообще-то не очень отличалась от лагерной. К тому же жизнь человека в бегах - это постоянная настороженность, подозрительность, страх попасться в лапы сыщиков, и слово "свобода" с этим никак не вязалось... Иное, когда на воле тебя ждет конкретное, значительное дело. В ту пору я думал именно так. Целью моего первого побега была жажда возвращения на родину и возобновления борьбы. Вернулся. Старая организация была разгромлена еще при нашем аресте. Двое-трое Божьей волею спасшихся членов кружка решительно отвергли идею возобновления политической борьбы. Грузия праздновала победу в войне, залечивала раны, оплакивала жертвы, металась в поисках наживы, народ выражал свой патриотизм персональными здравицами Сталину и членам Политбюро, каждому в отдельности...

А меня, кроме борьбы, больше ничего не влекло. Побег оказался напрасным. Я понял, нужно переждать, и покинул Грузию, чтобы найти иной путь.

Я удирал еще дважды, сам не знаю почему. Выходит, ответа я так и не нашел... Тогда поставим вопрос иначе: кто вообще бежит, люди с какой психикой? Причину побега следует искать в особенностях характера, натуры, но никак не во внутренних и внешних обстоятельствах. Какое же свойство характера может вовлечь тебя в смертельную опасность?.. Сталинизм беспощадным террором и разнузданной пропагандой почти искоренил возможность борьбы со строем, сделал систему неуязвимой... Это одно толкование. А вот и другое: институт власти на протяжении нескольких тысячелетий приобрел такой огромный опыт самозащиты и обезвреживания внутреннего врага, что у сопротивления была одна перспектива - поражение... если, конечно, историческая обстановка и процесс загнивания строя сами не содержат условий, при которых он неизбежно рухнет. И все-таки, положила руку на сердце, зачем совершали побеги старые революционеры? В большинстве своем они просто уходили из мест свободного поселения для того, чтобы эмигрировать. Да и сам побег не составлял трудностей: достать фальшивый паспорт было

несложно, равно как и пересечь государственную границу жандармы были отменными простаками. Немаловажно и то, что бежавшие революционеры по прибытии в центры, а часто и до того были обеспечены всесторонней помощью и надежным покровительством хорошо организованной группы единомышленников. Беглец же в эпоху Сталина был одинок как перст. У него не только не было проблеска надежды на помощь и покровительство, но если он был совестливым, то подойти не смел к знакомому или другу. Приютить политзаключенного, пусть на одну ночь, протянуть ему кусок хлеба значило в случае доноса подписать себе строгий приговор. К тому же побег при Сталине грозил если не смертью, то опять же тюрьмой. Для бегльца это яснее ясного. Вопрос лишь в том, как долго ты пробудешь на воле, вернее, как долго продержат тебя на воле твоя осторожность, разум и удача... "Мы ж возвратимся к тому, о чем изначала поведать хотели..." Ты что-то подозрительно ходишь кругами, копаешь около, а к основному вопросу подступить не решаешься. Или трудно, братец?.. Трудно. Не стану объяснять, почему я совершаю побеги, получается, вроде как хвастаюсь - не пристало порядочному человеку. Главное, если кто без усталости твердит о своих достоинствах или успехах, каков бы ни был его интеллект, им поневоле овладевает мания величия. Это болезнь. Мне же нужно здоровье, душевное и физическое, я должен сесть на рельсу! Поэтому я отмечу только те черты, которые замечал в других беглецах.

Честолюбцы. Они пытаются следовать примерам сильных личностей, снискать себе имя достойного человека, причем убедить в этом и самих себя. Кузнечики - это беглецы, чьи поступки диктуются посылностью формы существования. Они переходят из бригады в бригаду, умудряются перебираться из лагеря в лагерь, меняют друзей, мечутся, им не сидится на месте, и в конце концов они бегут вместе с другими лишь потому, что не могут вынести будничности, однообразия жизни. Есть и такие, которые бегут из чисто практических соображений, они используют славу беглого как средство для того, чтобы вежливо вымогать у поваров побольше еды и устанавливать контакты с теми зеками, у которых есть авторитет и посылки. Это прагматики. Существуют, однако, и идеалисты, которые стремятся к славе беглого лишь для всеобщего признания и популярности. Думаю, и без помощи "Витязя в тигровой шкуре" некоторые из них дошли до истины, что "лучше смерть, но смерть со славой, чем бесславных дней позор". Есть еще одна порода беглецов. Я называю их бегунами-мазохистами. Они ищут острых ощущений. Вершина их счастья и блаженства, когда в них стреляют и промахиваются. Если снова выстрелят и снова промахнутся, у них может сердце лопнуть от душевного сотрясения, и они умрут. Это именно так! Теперь о борцах. Иные исполнены духа противоречия, их хлебом не корми - дай повод поспорить. "Я тебе докажу, что..." - их постоянное душевное состояние. Они бегут потому, что побеги запрещены. Открой им ворота лагеря и предложи уйти, они, может статься, вовсе и не уйдут. Среди борцов есть и такие, которые, совершив побег, спустя несколько дней непрошеными гостями возвращаются к лагерным воротам. Для них главное - отведать запретный плод. Вот так-то, голубчик. Побеги совершают те, кому провидением отпущено одно или несколько из перечисленных свойств. Если я ничего не упустил, то осталось сказать лишь о вершителях. Это серьезные люди. Всю жизнь они берутся за самые трудные дела, их томит неумемное желание творить, созидать новое, побеждать, превосходить. Если обстоятельства складываются так, что достигать и одолевать нечего, они ищут трудностей - и снова и снова с азартом и радостью подставляют шею под ярмо. Такие люди не долго остаются в заключении, они непременно уходят, если, конечно, здоровье позволяет. Какая у них цель? Перед ними огромная империя с карательными механизмами, налаженными как часы, с сыскными службами, известными своим профессионализмом, строгим паспортным режимом, лагерями, удаленными на тысячи километров от центра и оснащенными последними достижениями охранно-караульной техники, и многочисленной армией с огромным практическим опытом по ее использованию. Возможность противопоставить себя столь могучей силе для вершителя - Эльдorado, счастливый случай и милость Божья. Они бегут! Процесс побега для них - реализация собственной стихии, а уход с концами - свершение одного из величайших дел в жизни, возможно, самого трудного. Вершитель идет в побег, чтобы жить, испытать свои силы в самых трудных делах, а не затем, чтобы мужественно умереть, если, конечно, смерть

не вызвана нравственной необходимостью.

Других не знаю. Если кто знает - пусть скажет!"

Пурга бесилась по-прежнему, царил белый мрак, когда Гора подошел к скалам. Тут русло меняло направление, поворачивая направо. Гора присел. Посветил на часы. Посидев десять минут, двинулся в путь.

"А интересно было бы мысленно проследить процесс становления моего собственного характера, независимости, личности... Почему, в самом деле, Гора, ты такой, какой есть, а не иной... Проследить от начала до конца, с детских лет... Чудак человек! Что у тебя, времени нет или память отшибло? Ну и думай. Пока ты сядешь на рельсу, четыре-пять месяцев пройдет. Правильно... Не уходить же мне из этого мира, так и не ответив на вопрос, почему я такой, что побуждает меня идти в побег?.."

"Митиленич размышляет". Так именовался процесс, которому отводилась первая пара часов первой половины рабочего дня Митиленича. Работникам Управления было доподлинно известно, что никакая сила не заставит его войти в контакт с внешним миром за время, отведенное им на размышления. Даже если телефон разрывало от звонков, трубки он не снимал ни в коем разе. Запершись на ключ, он не отзывался ни на чей стук. Митиленич, вероятно, и жену родную не впустил бы, голоси она за дверь. Как-то раз в здании Управления занялся пожар. Люди кинулись спасаться. Все, кроме Митиленича. По истошным воплям и суматохе он догадался, что здание горит, но бровью не повел, даже когда его кабинет заволкло дымом. Он остался сидеть в кресле и тогда, когда под мощной струей из пожарного рукава разлетелось вдребезги оконное стекло и водяные брызги от стены застучали по письменному столу. Он только закрыл папку, зажал ее под мышкой и остался сидеть. Как только струя переместилась на верхний этаж, Митиленич вернул папку на стол и, раскрыв ее, возобновил думы. После этого случая никто, кроме, конечно, начальника Управления, не смел беспокоить его с девяти до одиннадцати (и даже после), потому как знали - Митиленич размышляет! По правде, он не то чтобы все время предавался мыслям, доводилось ему и письма деловые составлять, и бумаги отправлять. Покончив с бумагами, Митиленич тут же уходил в себя, и зачастую мысли его выливались в стихи, вроде того, что "Никуда не денешься, все равно возьму, если жив, конечно, подожду весну". Или: "Теперь, я знаю, думаешь, что навсегда ушел, но ты еще вернешься в клетку свою, ибо ты - моя птица". Как явствуют приведенные примеры, Митиленич был склонен к верлибру, но эта склонность проявилась только за последние восемнадцать лет службы, когда ему почему-то перестала даваться рифма или, возможно, лень-матушка одолела; лично он такой поворот в творчестве объяснял тем, что раньше, когда он был заместителем начальника розыска, у него было больше времени. Начальник розыска - так именуется должностное лицо, в обязанности которого входят розыск и поимка зэков, бежавших или укрывавшихся. Дело это чрезвычайно ответственное: не удастся найти зэка - все, от начальника до уборщицы, злорадствуют - ха-ха, не сумел; удастся - тогда все, понятно, наоборот. За восемнадцать лет службы у Митиленича ни разу не было осечки его отличал талант, дело свое он знал глубоко, основательно. После каждой поимки все только руками разводили - снова нашел! За это Митиленичу вручали почетные грамоты в праздники, иногда награждали ценными подарками под зубовный скрежет сотрудников, о котором он знал. Грамот этих Митиленич нахватал на одну просторную стену, но, как говорится, критерии оценки имел собственные - самой блестящей своей удачей он считал четыре погони-поимки. Остальные для него ничего не значили, хотя и приятно было получать за них грамоты. Тут нельзя не отметить обозначившейся параллели. У Митиленича был сводный брат по матери, кинорежиссер, который, для справки, талантом не вышел, да и грамот у него была всего парочка. Кинорежиссера отличало странное свойство: перед началом съемок каждого нового фильма он разводился с женой и приводил другую. Он был автором пяти-шести фильмов и сменил столько же жен. В отличие от брата. От того жены бегали сами, и случалось это, как ни странно, в моменты сказочных успехов по работе, то есть по завершении тех операций по

розыску и поимке, которые Митиленич оценивал как шедевры. Как бы то ни было, он сменил четырех жен, теперь у него была пятая. Я говорю - сменил, поскольку в холостяках он ходил не более двух-трех месяцев. Едва убежала очередная жена, как он брал полагающийся отпуск и возвращался к месту службы уже с новой женой. По поводу поведения жен Митиленич объяснялся с начальством, полагая, что бегут его подруги оттого, что сам он служит у черта на рогах, а женщин маняты центры цивилизации. Были времена, когда в партийных кругах, на всяких собраниях, заседаниях, бюро, в правоохранительных органах и местах заключения живо обсуждались семейные дразги и разводы, виновные часто получали партийные взыскания, но Митиленич считался незаменимым работником, и факт частых женитьб попросту "замалчивался", как и было отмечено в заключении комиссии по проверке работы Управления. Замалчиванию, несомненно, способствовало то обстоятельство, что ни от одной из жен он не имел детей и считал это естественным. По теории Митиленича, у власти - а он полагал себя властью - не должно быть детей, потому как плод, согласно гегелевской триаде, есть отрицание родителей, а отрицать власть не годится. Вслед за этой максимой, высказанной вслух или про себя, непременно следовало замечание, что, хотя она несколько расплывчата, если копнуть поглубже, в самый корень, то окажется совершенно правильной. Наряду с целым арсеналом профессиональных уловок, приемов и методов розыска и поимки Митиленич владел еще и особой тайной. Ему не раз предлагали перейти на работу на ту же должность в центры, но он упорно не соглашался, отговариваясь тем, что не сибарит и считает долгом служить партии и родине там, где труднее всего! Дело же обстояло иначе, и об истинной причине никто не догадывался: офицеры, несущие службу в глухомани, постоянно подавали рапорты о переводе в город, хоть какой, а Митиленич тем временем прямо-таки горел на службе, и высшее начальство в изустных речах своих отмечало его как пример рвения, и фамилия нет-нет да мелькала в документах. Стало быть, Митиленич постоянно пребывал на виду у руководства. Однако основная причина его заполярного патриотизма заключалась даже не в этом. Чем ближе помещался лагерь к густонаселенному району, тем выше было число побегов, потому как больше было соблазнов и возможностей оторваться. В таких условиях работы у Митиленича было бы куда больше, и она не оправдывала бы затраченных усилий. Представим себе, заключенный сбежал и через пару часов, пусть даже пару дней, добрался до своего пособника. Тогда Митиленич во всех случаях остается с носом, потому что беглец может задержать любой милицейский убудок. Как же быть со стеной, увешанной грамотами в хорошеньких рамочках? Иначе, когда служишь у черта на рогах, то тут ты начальник розыска - и поимки, и лавры тоже твои. Если беглец пустился в долгий путь, на этот случай в твоём кабинете на столе разложена большая рельефная карта, и на ней с удивительной четкостью проступает каждая складочка бассейнов Оби и Енисея. Кроме того, в твоих руках сосредоточены все улики, следы, информация о пути следования бегльца. Такой профессионал, как Митиленич, без труда установит, где именно и когда погибнет беглец, в каком месте искать его труп, а если содеется чудо и зэку представится возможность выбраться на волю, несложно сообразить, в каком месте должна устроить засаду опергруппа. Bravo, Митиленич!

Циники и сплетники никогда не переведутся на свете, а может, и не нужно, чтобы они переводились, от них порой услышишь

такое! К примеру, один из таких циников-сплетников прибыл из Большой Тмутаракани в нашу Малую Тмутаракань с преинтересным сообщением о Митилениче. В Большой Тмутаракани проживала в свое время некая Лена, не грузинка по национальности, высланная из Грузии за троцкистские взгляды, молодая вдовица с малолетним сыном. Сюда же был определен на поселение Дмитрий, или Митя, грузин по национальности, - фамилию его история Большой Тмутаракани не сохранила, поскольку он едва успел зачать Митиленича, как тут же был расстрелян вместе с другими ссыльными. Когда ребенок появился на свет, возникла, само собой, нужда указать его фамилию; и мать, то есть гражданка Лена, из страха, как бы ее не расстреляли вслед за любимым, в книге записей актов гражданского состояния указала не подлинную фамилию, а вымышленную, соединив свое имя Лена и отцовское - Митя. Так

появился Митиленич. Никто этой истории не проверял, но в нее поверили, и, когда в кругу циников-сплетников захлеб обсуждалась очередная жена Митиленича, в его адрес следовало негодующее "черт нерусский".

Это, в общем, все, что касается Митиленича. Теперь обратимся к частностям, то есть возвратимся к тому дню, который, на наш взгляд, заслуживает особого внимания.

Значит, так. Митиленич размышлял, и это было в половине десятого утра по времени того пояса, в котором он размышлял. Была темень, в этих широтах солнце вообще зимой не восходит, кабинет Митиленича был ярко освещен, одна стена, как отмечалось, целиком была отведена под грамоты. Противоположный простенок между окнами занимала задернутая зеленой шторой административно-географическая карта. Прямо перед письменным столом висела, но уже на всю стену и тоже зашторенная карта Обь-Енисейского междуречья и бассейна. Что до рельефной карты, то она помещалась посередке. В то утро Митиленич рассматривал флажки, которыми была утыкана малая карта, и размышлял, как бы зажать в кольцо вора по кличке Ворона, сбежавшего несколько дней назад. Флажки помечали точки, где, по чутью Митиленича, Ворона мог остановиться у осевших в этих местах бывших, а может, и промышляющих воров. Вероятно, то, что надумал Митиленич, сполна удовлетворило его, потому что, задернув шторку, он возвратился к столу, нажал кнопку коммутатора и продиктовал примерно следующее сотруднику на другом конце провода: "Второй опергруппе. Мною было указано предполагаемое местонахождение сбежавшего заключенного Селиванова, он же Еливанов, он же Ливанов, он же Иванов по кличке Ворона. Ему надлежит вернуться в лагерь по своей воле. Дайте понять его пособникам, что нам известно об их содействии в укрывательстве беглого. Они откажут Вороне в убежище. Ему некуда будет деться, а без крова до навигации не продержаться, и он по своей воле вернется в лагерь. Это будет примером для остальных заключенных, а советским людям представится возможность исполнить свой гражданский долг".

Митиленич сделал необходимые пометки в журнале, навел на столе порядок, достал из сейфа толстый пакет и взрезал его. Вынув из пакета папку, он бросил взгляд на надпись... "Каргаретели Иагор Ираклиевич", прочитал он и вскочил как ужаленный. Заметался по комнате. Он шагал до тех пор, пока на лице не проступила испарина. Кинувшись к папке, он перелистал ее, приборматывая: "В таком возрасте!" Успокоившись, Митиленич сел за стол и внимательно прочитал докладную записку на имя начальника Управления: лагерь тщательно и неоднократно обыскивали, перелопатили все сугробы, но никаких следов не обнаружили!..

"Нет, в лагере никто руки на него не поднял бы, если, конечно, не было задания службы безопасности. Его не было. Бежал? Скукожился в машине? С его ростом? Была пурга, и машины в лагерь не заезжали. Бежал с объекта? Но при проверке число вывода и привода совпало. Тогда как же?"

Митиленич помолчал с полчаса. Сощурившись, затребовал чертежи четырнадцатой зоны...

– Никак нет, не желаю знать, немедленно найти и доставить!

Инженер принес чертежей только через два часа, а уже через десять минут Митиленич затребовал селектор. Вызвал начальника режима четырнадцатой зоны.

– Был каптером в бараке? Осмотрите пол каптерки. Под ним проходит коллектор... Как? Коллектор, коллектор... Не знаешь, что такое коллектор? Ты начальник режима, капитан, офицер!.. Допускаю, ты можешь не знать, что в зоне под седьмым бараком проходит коллектор. Но должен же ты знать хотя бы, что такое коллектор!..

Еще через час Митиленич раздвинул шторы на большой карте и воткнул первый флажок на местоположении четырнадцатой зоны. Отыскав на рельефной карте холм, на который приходился коллекторный колодец, он воткнул флажок и в него. Потер руки... И словно

ощутил в пальцах будущий орден, и как ему воздается "за особые заслуги". А какой дадут?.. Тут неожиданное соображение его как обухом огрело, он насупился, закаменел. Сидел какое-то время недвижно. Рука нерешительно потянулась к ящику и, выдвинув его, извлекла фотографию в округлой картонной рамке с подпоркой. Установив ее перед собой, Митиленич внимательно взгляделся. С фотографии улыбалась кокетливая, довольно хорошо сохранившаяся женщина лет сорока с небольшим. У нее было полноватое, нежное лицо, оставлявшее впечатление человека веселого. Надо сказать, что Митиленич жен подбирал по выражению глаз, руководствуясь принципом, что в "улыбке глаза женщины обманчивы, а в гневе - зеркало души". В этом замечании есть зерно, заслуживающее внимания, пусть никто не обманывается на тот счет, что девушка периода любовной игры и кокетства проявит в замужестве тот же характер. Хочешь знать, что она такое, рассерди, увидишь реакцию - и по ней суди. Митиленич сунул руку в другой ящик, долго шарил в нем и извлек конверт, вынул из него фотографии и разложил в ряд. Помешкал некоторое время, напрягая память, и поменял местами две первые фотографии. То были его жены: Нора, Лора, Дора, Флора!.. Митиленич жен своих переименовывал, такой уж у него был характер. Новые имена походили одно на другое, тут улавливался призыв небезызвестной оперетты, где в выходной арии героя-любовника кокетливой чередой шли сходные по звучанию женские имена. И в самом деле, Митиленич, кроме поэзии и оперетты, других жанров не признавал. К чести Митиленича, он никогда не путал имен, которыми нарекал своих подруг, на это у него была особая память, вообще-то можете себе представить жену, которую вы хоть раз в жизни назовете именем ее предшественницы! Сначала Митиленич оглядел весь строй жен. Взял фотографию Норы, задумался и перевел взгляд на грамоту в серой рамке. Ему припомнилась операция, принесшая грамоту и внеочередное звание. Сбежал вор по кличке Косой. Он сумел добраться до Дудинки, но Митиленич вышел на него, да так здорово, что в сеть попались еще два рецидивиста, на которых был объявлен всесоюзный розыск. Именно после этой операции Нора запросилась к родителям, то ли в Рязань, то ли в Воронеж, пообещав не задерживаться больше месяца, а через десять дней пришла почтовая открытка, составленная всего из двух слов: "Не вернусь". Покинутый муж какое-то время погоревал, потом махнул рукой, взял отпуск и привез Лору. Тут дело слегка осложнилось, так как женщину звали Аэлитой и она наотрез отказалась от нового имени. Митиленич сделал вид, что уступает, но про себя все равно называл ее Лорой. Лора удрала от него после вон той грамоты. Ее Митиленич получил за поимку обвиненного в шпионаже заключенного Августа Соккера, которого взяли прямо на турецкой границе, в точно указанном Митиленичем месте. Дора!.. Флора!.. Что это, совпадения? Столько совпадений походит на закономерность. Митиленич перевел взгляд на портрет своей последней жены: "Мара, любимая, тебя я не смогу потерять... А Каргаретели? Я должен найти его и взять! А если найду и повторится то, что было уже целых четыре раза! Если не найду, тогда по той же закономерности... Как это - не найду, что ты говоришь, товарищ Митиленич, что скажут там?! Найду, куда он денется, он где-то здесь мотается... От пурги не уйдет. Лучше всего, если он замерзнет, и летом я уже буду знать, где искать труп". Митиленич оживился, на лице мелькнула улыбка, но тут же погасла. Митиленич помрачнел, пробормотав: "Это профессионал! Он не ушел бы, не имей гарантии процентов на восемьдесят девяносто. Выходит, надо искать и найти..." Митиленич снова вперился взглядом в фотографию жены: "Нет, любимая, я старею, мне нужен уход, да и тебе нужен друг, не так ли?.. Ты посмотри на эту гнилушку, на этого Каргаретели или как его там! Что ему от меня надо, я не сделал ему ничего дурного! Неслыханная жестокость! Ладно, ты хочешь оторваться, но я-то тут при чем?! Нашел время бегать! До навигации пять месяцев. Что он собирается делать? Тут надо хорошенько подумать... Навигация? Если б он надеялся на навигацию, то погодил бы бежать. Может, он из тех, кто не в ладах с самим собой? Ушел в пургу и будет идти в пургу... Он рванет на юг, душа рекорда взалкала. С другой стороны, он профессионал и бежит, чтобы жить, разве нет? Если он пойдет на юг, какой у него шанс выжить? Тут что-то кроется, Митиленич, тут что-то кроется!"

Гора шел восемнадцать часов. Пятьдесят минут ходу - десять отдыха, как в походном марше. Он приобрел этот навык еще в юности, именно в юности. Техникум, в котором Гора учился,

был военизированным, две недели в месяц были отведены военному делу. Летом - два месяца лагерей. Там была настоящая муштра, никаких поблажек. Через два года бойцам студенческой роты присваивалось звание военных техников третьего ранга и один "кубик", с красным талончиком первоочередника запаса в военном билете и с четким адресом, куда следует незамедлительно явиться в первый же день войны. Гора был несовершеннолетним, младше своих однокашников - рано поступил в техникум. Он имел право отказаться, но не захотел ронять себя в глазах товарищей...

Подошло время сна. Чтобы обустроить логовище, нужен был большой сугроб. Нашел, вырыл, получилось довольно просторно. Правда, спать пришлось поджав ноги, но в сложившейся ситуации и это был хлеб.

Гора вбил складной стержень, намучился, натягивая маскхалат, - пурга мешала. Насилу управившись, стал оснеживать края палатки. Ничего не вышло; махнув рукой, он влез в свое убежище, подтянул к щели сани, снял ветровку, подложил под голову вещмешок. Теперь можно было и поспать. Не прошло и пятнадцати минут, как палатку замело снегом. Шум стал глуше, усталость взяла свое. Гора уснул как убитый. Спал он недолго - внутренняя тревога разбудила его. Он ощупал руки-ноги, не отморозил ли, и снова погрузился в дрему. Он вообще не был соней, даже в молодости ему хватало шести-семи часов сна. Но засыпал мгновенно, едва голова касалась подушки, а со временем выучился просыпаться в заданный час. Так вышло и на сей раз - он проснулся, посветил на часы. Восемь вечера.

"Я уже сутки в пути, прошел тридцать шесть километров... Может, больше. Пурга, что ли, стихла? За пазухой у меня граммов триста хлеба и пятьдесят свиного сала. За ужин - и в дорогу! Наши предки брали в поход кумелу[4], горцы ее халой называют. В ней крахмал и углеводы. Еще брали чурчхелы[5] - сплошь витамины, фруктоза, грецкие орехи. Славяне, наверное, свиное сало брали. Вкусное оно и сытное... Черт, видел какой-то сон!.. Видел, как же! Мне Чан Дзолин явился - Митиленич, говорит, хочет сани твои украсть, тебя он брать не будет, голодом заморит... Как Митиленич мои сани уведет? Распогодится, он вертолет вызовет. Ты, услышав шум, бросишь сани и дашь деру. Вот и уведут сани... Ха-а, Митиленич, не знал, что ты такой простак. Недаром мне Чан Дзолин явился... Если поимщики приметят меня с вертолета, то сядут, и, уж конечно, загребут. При чем здесь сани? Непонятно... Чего ради Митиленичу меня голодом морить, прошелся бы автоматной очередью. Что только не привидится!.. Помню, лишь только доставили меня в тот лагерь, так он самолично пришел на меня посмотреть, каков я молодец. Флегма он, но спец, говорят, отличный. Ему и в голову не приходит, что мне вся его подноготная известна. Даже то, что сделал его Митя Джваршеишвили. Мито и в ссылке все шумел, за что большевики и осиротили его сына... Вот к чему ведет увлеченность идеями Маркса... Двадцать часов пятнадцать минут. Аванти, сеньор!.. Скорее всего, за эти восемнадцать часов я делал по три километра в час. Очень может быть, что прошел я не тридцать шесть, а все пятьдесят километров и даже больше; сани скользили хорошо, легко... Да, я хотел что-то обдумать?.. Так о чем же шла речь? Стало быть, становление характера, личности, миропонимания, так?.. Смешно, что человек отправляется на тот свет со всем своим опытом, будто без него

там не примут... Иные, правда, впадают в такое слабоумие, имени своего не помнят... Это конец. А начало?.. Начало - род. Сейчас это называется то ли исторической, то ли генетической памятью - тоже своего рода "опыт", с которым человек рождается. Остальному он учится у людей, приобретает, сталкиваясь с живым и предметным миром. Опыт накапливается, пока работает память... Да, это так. Теперь бы определить, какой возраст чему научает, какой опыт приобретает человек?.. На первых порах, лет до десяти-одиннадцати, он постигает искусство отстаивать место под солнцем, учится выживать. Назовем этот опыт наукой жить. В том же возрасте вырабатываются основные мерилы или закладывается тот фундамент, который определяет духовность, миропонимание личности в процессе становления. Теперь о том, что составляет программу или курс науки. Прежде всего это родовая, наследственная потенция. Затем первые слуховые и зрительные впечатления,

элементарные навыки... Случались у меня и видения. Это мистика, хотя очень может быть, что видения были порождением оптических эффектов, простых и непростых. По глубокому убеждению бабушки Софьи, такие видения сулили мне удачливость на всю жизнь. Убеждение это несколько сомнительного толка, поскольку и поныне никто не знает, что такое удача: когда до самой смерти провидение ограждает тебя от любых, пусть самых небольших, горестей или когда тебе за жизнь раз сто удастся выскользнуть из рук смерти?.."

Скажу пару слов о загородном доме, где видения мальчика становились явью. Если верить деду, род Каргаретели еще в начале семнадцатого века отдал в жены юноше из рода Мерхеулидзе писаную красавицу и за ней в приданое эту усадьбу с садом и дубняком. Потом Мерхеулидзе отдали не менее достойную красавицу за юношу Каргаретели... В течение трех столетий усадьба переходила от одного рода к другому, не сбиваясь в сторону с прямого пути, и даже дед затрундился в подсчетах, сколько раз она меняла хозяев. Дом слыл "мученым". Гора слышал это слово от старших. Здесь на протяжении веков всегда что-то происходило: кто-то кончал самоубийством, кто-то убивал кого-то, и вообще в пяти комнатах угла не осталось, откуда кто-нибудь не отправился бы в мир иной. Возможно, этим объясняется некоторая склонность Горы к мистике, позволявшая ему расцвечивать рассказы взрослых своими причудливыми грезами. Не сочтите за шутку, но, по моей мысли, видения и призраки детства оказали значительное влияние на Гору и в некотором смысле определили его жизнь. Он всегда охотно беседовал на эти темы. О некоторых упомяну - этого требует дальнейшее повествование. Вспоминал он примерно так:

"Как-то раз составила подходящая аудитория из дачных гостей моего отца, и дед, улучив момент, объявил, что этот дом был отстроен в языческую пору... Нет, может, само здание было другим, но фундамент остался прежним!

Гости с некоторым недоверием отнеслись к этой версии. Тогда дед, распалившись, предложил всем спуститься в подвал и убедиться в этом самим. Гости неохотно поднялись и пошли за дедом. Я увязался за ними. Дед открыл дверь, в подвал хлынул свет. Я проскользнул вперед. Дед отложил в сторону какие-то вещи. Показалась большая, величиной с тахту, плоская тесаная мощная плита из камня, с изголовьем в форме валика. В нескольких вершках от изножья был вбит клин высотой с ладонь и толщиной с запястье. В клин было продето кольцо, оно свисало, как серьга. Дед взял с полки напильник, провел им пару раз по клину, затем по кольцу. Распил сверкнул на свету желтизной.

– Обратите внимание, - дед повернулся к гостям, - каменная плита - это ложе. Вот и изголовье. Клин и кольцо - бронзовые, не какие-нибудь. Это позволяет отнести ложе к бронзовому веку. Ясно, что к кольцу приковывали цепью. Кого? Конечно, Юродивого, который предназначался в прорицатели. Где-то поблизости должно быть капище с жертвенником. Юродивого спускали с цепи, вели в капище, а после прорицаний его приносили в жертву языческим богам!

Дед немного помолчал, давая гостям осмыслить сказанное, и тихо, почти шепотом добавил:

– Какой силы должна быть исполнена вера, если ей удалось выстоять, несмотря на все испытания, случайные и обусловленные, которым она подвергалась на протяжении двух-трех тысячелетий, и предстать перед нами одной из самых трагических своих сторон!

Скажите на милость, как я мог успокоиться, пока не добился от деда в доступной мне форме пояснений, что такое язычество, Юродивый, прорицатель, жертвоприношение и весь тот ритуал. На вопросы, в которых дед и сам был не очень сведущ, он отвечал вымыслом, но я ему во всем верил. Не говоря ни о чем другом, дед за несколько дней до рассказа о прорицателе, такой старый, на глазах у всех, включая меня, одним махом вскочил на необузданного чистопородного жеребца и объезжал его, пока не усмирил. До деда жеребца пытались объездить несколько человек, и даже офицер от кавалерии. Не смогли. Деду в ту

пору было шестьдесят - он вскочил на коня и обуздал его. Я во всем ему верил, как же иначе?

После этого я каждодневно, а то и по два раза на дню спускался в подвал и, как заговоренный, смотрел на каменное ложе. Как-то раз я даже увидел Юродивого. Лысый, кожа да кости, он был прикован к кольцу, на лице пламенела клочковатая борода, он сверкал огромными, как раскаленные уголья, глазами. Я подумал, что он, должно быть, голоден, и принес ломоть хлеба. При втором посещении хлеба не оказалось, в глазах Юродивого была благодарность. Приободрившись, я стал каждый день носить ему еду. Мои подношения, конечно, съедали домашние животные. Юродивый как-то раз даже заговорил. Я запомнил слово в слово. "Водой уже топило. Теперь от огня погибнем!.." - внятно произнес он. Непонятно, как я, молокосос, придумал эту фразу. Возможно, она составилась из слов, выхваченных из разговоров взрослых... Но вот, спустившись как-то раз в подвал, я не застал Юродивого. Ложе было уставлено всякой утварью: деревянным корытом, бочкой для квашения и глиняными горшками. Я возопил: "Увели на закланье! Убьют!.."

Было полнолуние, я стоял у балконных перил. Тучка, одинокая, белая, нежная, лепилась к небу, луна скользила по небосводу. Серебристым цветом сияло небо, трава на земле, взметнувшиеся кроны дубов, стройные липы, старая груша, зонтиком раскинувшая ветви над колодцем, и дикая лоза, пологом увившая веранду. Из-за тучки вылетела птица - серебристая и огромная. Добрая, красивая, она кинулась догонять луну. Наблюдая за ней, я поневоле заговорил вслух. Птица неслась за луной, постепенно настигая ее. Настигла и, как-то чудно вострепнувшись, хотела было сесть на нее, но вдруг исчезла... А может, села и потом исчезла?! Слова замерли у меня на губах. Прошло довольно много времени, голос бабушки вывел меня из оцепенения, она спрашивала: села птица или нет? Оказалось, бабушка пришла до того, как я заговорил вслух, она все слышала. Я мог ответить двояко: что птица не сумела сесть и что она села. После некоторого раздумья я ответил: "Села!" Бабушка подхватила меня на руки, она целовала и ласкала меня, обливаясь слезами радости. Мне кажется, отсюда моя одержимость догнать и оседлать, достичь цели, свершить. Ничего такого, что имело бы значение для всего человечества, я не совершал, но упомянутая одержимость есть во мне, это уж точно.

Великан был уже потом. В трех километрах по прямой от нашей дачи высилась Коджорская крепость. В лунные ночи эта крутая гора с крепостью на вершине казалась мне лежащим Великаном. Днем это была Коджорская крепость, ночью - Великан. В семье об этом знали и снисходили к моим слабостям, пусть себе думает. Я стал носиться с мыслью о Великане не без влияния бабушки. Мне запомнилась строка из Акакия Церетели, которого она мне читала: "Он не умер, он просто спит!.." [6] Я твердо верил в то, что Великан прикован цепями. Я отчетливо видел его конечности и мышцы, оружие, шлем, цепи и верил, что он разорвет их и встанет. Так и случилось. Ночь была хоть глаз выколи, ни зги не видно, но я, взобравшись на подоконник, уставился в кромешное пространство без конца и края, туда, где возлежал мой гигант. Сверкнула молния - раз, другой, третий... Великан привстал, поднялся, торжественно воздел сжатые кулаки со свисающими цепями, выпрямился во весь свой могучий рост. Гром и молнии сопровождали каждое его движение. Разумеется, я поднял крик: "Великан встал!"

Великан вселил в меня твердую веру в то, что все дремлющее, подавленное, скованное цепями должно непременно восстать и возродиться. Это видение стало зачином моего отчаянного оптимизма.

Видением мне была и маленькая девочка. Она много раз являлась на протяжении жизни, всегда вызывая приязнь. Очень красивая златовласка шла по дороге мне навстречу, над ее головой с грохотом вращались мельничные жернова. Они походили на нимб, а были всего лишь мельничными жерновами. Я остановил девочку, но мы не слышали друг друга. Мало того что жернова грохотали, в этот шум вплеталось еще множество разных звуков: боевой клич, торжественный хорал, причитания, хохот, гром бурь, нежный лепет детей, они глушили

слова... Звуки эти то как бы неслись из самой бездны, то раздавались возле самого уха - и так, и этак. Девочка стояла, улыбаясь сияющими голубыми глазами, а мельничные жернова грохотали. Потом все на мгновение смолкло, девочка нахмурилась, сказала мне несколько слов и исчезла. Вот эти слова: "Иди рядом, следуй за мной... Захочешь - можешь обогнать. Но не оставляй меня, иначе тебя сомнет! Звать меня Нино, вспоминай обо мне..."

Она исчезла, а вместе с ней и дорога. Вокруг простиралась пустыня, я не знал, куда идти...

Эта девочка за всю жизнь много раз указывала мне правильный путь. Не сама, просто я слышал ее в грохоте мельничных жерновов.

Как-то привиделось и такое: стояла зима, было темно, я шагал по шпалам. До того я один-единственный раз видел полотно железной дороги. Холодный ветер дул в спину, я продрог. Послышался шум приближающегося поезда. Я собрался сойти со шпал. Ноги перестали слушаться, я не мог ступить ни вправо, ни влево. Пробовал рвануться - ничего не вышло, рельсы держали меня, поезд приближался... Вот-вот догонит, раздавит... Мелькнула мысль лечь. Я бросился ничком. Тело пронзил холод металла, и я ощутил, как мои конечности, распластанные на путях, наливаются твердостью стали, я превращаюсь в рельсы. Это было настолько явственно, что я даже ощутил жесткость стяжки крепежных костылей. Состав кончился, прошел по мне, прогрохотал. Я поднялся целым и невредимым, но уже глубоким старцем, совсем дряхлым. Тело кричало от усталости, и этот крик я слышал своими ушами.

И все же был вне себя от радости - я остался жив!

Я рассказал об этом деду. Он задумался и еле слышно произнес:

– В плохое время ты родился... И тебя, как и меня, как и многих других, переедет жизнь.

Сдается мне, это он верно заметил!

А Чан Дзолин?.. Бабушка взяла меня в церковь. Оттуда мы вышли на Пушкинскую, стали ждать трамвая. Вот тогда я и увидел впервые в жизни человека с глазами монголоида - живого, до того я видел рисованных китайцев, мужчин и женщин, - у нас был такой кофейный сервис. За нашей спиной, у стены, стоял китаец с жемчужными бусами, свисающими с рук. Он был маленький, тщедушный. Я, раскрыв рот, смотрел на раскосость его глаз. Он даже улыбнулся мне, но потом снова нахмурился и ушел в свои мысли - по моему тогдашнему разумению, глубокие и сложные. Примерно год спустя я встретил этого китайца в подъезде нашего дома. Он сидел на лестничной ступеньке, ждал моего возвращения с урока музыки. Мы поприветствовали друг друга как старые знакомцы.

– А где бусы? - спросил я.

– Сегодня я много размышлял. Мысли были всякие - мелкие и настоящие. Каждая бусина-мысль. Я - Чан Дзолин...

Так завершилась наша встреча. Я, вероятно, краем уха слышал эту фамилию. Тогда в Китае смута была великая, старшие читали в газетах: Чан Кайши, Чан Сюелян, Чан Дзолин, Восточно-Китайская железная дорога - и беседовали на эти темы...

Мои видения повергли семью в такие серьезные раздумья, что бабушка предложила сводить меня к Бабале - та умела заговаривать. Родные чуть было не согласились. Излечила бы меня Бабала или нет - трудно сказать, но молодой женщине, которая пять лет никак не могла понести, она дала выпить довольно большую кружку керосина, и у нее родился ребенок. А хорошо сделали, что не дали меня заморозить. Я прекрасно себя чувствовал с моими призраками и привидениями. Профессора сказали моим родителям, что все это последствия

того ночного обыска. В таком случае мой дядя Шалва, те обыскивающие и кривой нож одного из них сослужили службу - пробудили мою фантазию. Для начала я выучился вдохновенно врать, а со временем, когда понял, что ложь - трусость, стал придумывать многообразные сюжеты и жить в преображенном мире. Это сняло тяжесть с моего сердца, отучило ныть, подарило улыбку.

Спасибо тебе, дядя, и вам огромное спасибо, товарищи чекисты...

Ну и подъем! Неужели я шел так быстро, что и до Ключей рукой подать? Русло вдруг сузилось, может, я пошел по какому-нибудь притоку? Хотя и река была так себе, средненькая. И этот подъем что-то сомнительный. Не мог же я так быстро добраться до гористой местности. Очень может быть, что у меня неверное описание ущелья и реки... Нужно определить местоположение".

На сей раз сугроб, который выбрал Гора, был большой, и логовище вышло на славу. Влез, какое-то время посидел, поразмышлял. Даже чуточку согрелся. Снял маску, очки и взялся за дело. Стрелка компаса металась как безумная. Гора вылез из логовища, поднял глаза на небо. В паузах между порывами ветра мелькал усеянный звездами небосвод, но паузы эти были так ничтожны, что рассмотреть, а уж тем более воспользоваться секстантом не удавалось. Вернувшись в убежище, Гора задумался.

"Что с того, если я не определяю, где нахожусь? Русло вьется, как змея, то на юг гонит, то на запад... От компаса проку мало, что есть он, что нет... Может, я вообще на север иду?! Эх, один и хлеба не съешь... Ты всю жизнь один. Тоже мне, новость!.. То есть как один?! Разве я когда-нибудь был обделен любовью, признанием и уважением?.. Это другое. Послушай. Как бывает в семье между супругами? Кто-то пассивен, кто-то активен. Первенствует активный, взваливает все дела на себя, и со временем остальные члены семьи привыкают к мысли, что так и должно быть. Активному все дается, для него нет непреодолимых препятствий, и трудностей он никаких не испытывает! Активному только и остается, что тянуть ляжку - это его завоевание. Но разве твои близкие и друзья, поделись ты с ними своими трудностями, не поддержали бы тебя?! Другое дело - мне не хотелось ронять себя в глазах близких, как-никак "всему голова". Ты прав, не хотелось!.. Ты одинок? Нет! О тебе и в эту минуту думают, беспокоятся, готовы помочь, но ты сам обычно выбираешь позицию, когда помощь тебе либо не нужна, либо помочь невозможно. Гора, ты ли не любишь одиночество?.. Мы-то с тобой знаем, почему я одинок. Смерть матери обрекла меня на одиночество. Она погибла из-за меня. Эх, откуда мне знать? Я, конечно, не люблю одиночества, однако... Я и теперь не одинок, - разве Митиленич не со мной? Ха, ха-а!.. Пстой, река течет с юго-запада. Как бы она ни извивалась - я тоже иду на юго-запад. Именно так и надо! Единственная опасность - не прозевать бы Горячие Ключи и хижину гляциологов. Прозеваю так прозеваю, забьюсь в логовище - и с концами! Главное, перевалить водораздел, уйти подальше от Енисея, то есть от зоны поиска... Гора, порядок, пошли!.. А то заладил одиночество, то да се... Бедняга Шилин! Вот кто был одинок... О своей семье и прошлом он никогда мне ничего не рассказывал. Я сам догадался, что он был сыном чекиста, большого человека, которого с корнями рванули в тридцать седьмом. Отца с матерью расстреляли, старенькая бабушка в приюте, сам с семи или восьми лет в детдоме. Удрал, бродяжничал, наголодался украл, с тех пор - "Бутырка, я твой бессменный арестант, погибли юность и талант в стенах твоих..." Он был начитанным. Тюрма не сумела убить в нем тяги к знаниям. Да и Шилин ли он? Пальцев не хватит пересчитывать все эти "он же"... У Шилина была чахотка. Он подал мне из больницы весточку с просьбой навестить. Я навестил. Бедняга, от него одни кости остались, дышал на ладан... У меня, говорит, просьба к тебе - не хочу в тюрьме помирать. Срок послезавтра выходит, но с температурой не выпустят. Лагерный врач твой друг. Попроси, пусть хотя бы пару дней записывает в лист нормальную температуру, а выйду и... Я попытался подбодрить его - Бог свидетель, не пришла еще твоя пора, но просьбу мы выполнили оба: и я, и врач. На почтовой открытке я написал лагерный, то есть свой, адрес и сунул открытку на выходе в вещмешок, черкни, мол, при случае пару слов. Он ушел. Чуть ли

не три месяца спустя открытка вернулась обратно. На ней аккуратным почерком было написано, что нашли ее в вещах больного. Думаю, вас интересует его судьба. В такой-то день он скончался в нашей больнице... Вот кто был одинок! Мы не одиноки, я и ты идем вместе, вдвоем - Гора и Гора! Об остальном потолкуем, когда сяду на рельсу, пошли!"

Гора прикинул, что если в сутки делать по тридцать семь километров, то на рассвете третьих он доберется до Горячих Ключей. Задача была тяжелой, и выполнить ее нужно было за двое суток, расчет был прост: оторваться от лагеря на семьдесят пять километров, то есть на такое расстояние, когда погоня оставила бы надежду настигнуть его. Чутье подсказывало, что в такую погоду преследовать вообще не будут, но Горе даже в голову не пришло изменить намеченный план. Он шел почти одиннадцать часов без передышки, и по графику уже полагалось найти большой сугроб, чтобы снова завалиться на шесть часов. Утомление его было так велико, что ему хотелось заснуть тут же, не делая больше ни шагу! И именно в этот момент он увидел огромный сугроб. Гора, приостановившись, бросил ему: "Дорогой, желанный, может, не встречу больше такого, как ты" - и пошел дальше. Он сделал еще шагов двести-триста. Взопрел. Подъем становился всё круче, сани все тяжелее. Он прошел еще немного, чтобы протянуть время, и увидел сугроб, так себе, средненький, устроил убежище и сел. Выровнял дыхание и, стянув маску, смежил веки. Прошло минут пять. Открыв глаза, он снова отдался мыслям.

"Думаю, что я уже в районе Горячих Ключей. Разглядеть хижину почти невозможно, тьма-тьмушая. Серная вода, по слухам, горяча. Сто градусов... Перенасыщенная к тому же. Значит, запах должен бить на большое расстояние. Интересно, с какого расстояния можно уловить этот специфический запах? Как там, в Тбилиси, с этим запахом от серных бань?.. Не останавливайся, думай на ходу... Возле Сионского собора, считай, метров за триста запах явно ощущался. Здесь, надо думать, он резче... Постой, а если тут вода замерзает? О каком запахе тогда речь, а? Дело усложняется. Теперь о хижине. Ее параметры: три с половиной на два метра. Высота - два метра. Крыша с легким скатом, жестяная. Дверь и оконце. Между двумя бугорками проложены толстые бревна. На них стоит хижина, а под ней бьет гейзер. Бревна и хижину вертолетом доставили. Сперва бревна привезли, уложили, как надо, потом и хижину аккуратно опустили на бревна. Почему? А потому, что кипятик под ней бьет!.. Здорово придумано, ничего не скажешь, умно! Хижина оказалась как бы в юбке, одно только отверстие оставили для стока. Выходит, под хижинкой своего рода бак с горячей водой. Дерево, правда, плохой проводник тепла, но когда-нибудь же согреется?! Словом, Гагра и Кобулету в тундре, уважаемый Гора!.. Вот только серой припахивает!.. Но я же не собираюсь там поселиться. Отдохнем, погреем старые кости, поедим... Да, надо сузить лямки вещмешка. Твоя погоня еще из казармы не вышла, как пить дать. Можно часов десять-двенадцать понежиться... Я-то не оставлял им записки, куда иду. С чего бы им сюда тащиться? Как бы там ни было, пока нет причин план менять... Отоспаться часиков шесть - и в путь, хижину искать... Какие, однако, сани стали тяжелые! Александру Папаве, царство ему небесное, было восемьдесят пять лет, когда я спросил его как-то после застолья, где он был тамадой:

– Ты как себя чувствуешь?

– Я ничего, только вот вино в последнее время что-то крепче стало, усмехнулся дядя Саша...

Так и со мной, сани от подъема затяжелели, любезный. А что означают эти подъемы, может, мы к Ключам приближаемся?.. Ключи эти стекают в ложбину, зачинают реку... Откуда ты знаешь, что это именно та ложбина?.. Если она, то вода должна иметь привкус серы... Пробьем лед, попробуем на вкус сколок с исподу... Гениальная мысль... Не будь торопыгой, этот сколок с поверхности. Глубже, глубже коли... Чудак человек, зачем столько сил зря тратить? Не будет серного привкуса, тогда и колоть буду глубже... Давай, работай, не философствуй!.. Нет, надо попробовать, мочи нет терпеть... Раз уж вбил себе в башку..."

Гора стянул рукавицу и, попробовав кусочек льда, восхитился вслух:

– До чего ты вкусная, серная водичка, драгоценная ты моя!..

"Все дело в том, сколько еще осталось до хижины... Отоспаться или идти дальше? Через тридцать пять минут время сна. Как быть?.. Идти! Если за тридцать пять минут увидим хижину - добро, а нет, пусть хоть три метра до нее останется - логовище, и конец делу... Как будто и подъем уменьшился. Может, дошли до плоскогорья?.."

Не прошло и получаса, как Гора уже стоял перед дверью хижины. Она была заложена засовом. Пришлось повозиться, сбивать рукоятью лопаты. Засов поддался, дверь открылась. В хижине было темно. Он включил фонарь, обвел хижину лучом, вошел. Втащил сани, дверь оставил открытой, чтобы выветрился запах серы. Двух порывов ветра хватило на то, чтобы хижина проветрилась. Закрыв дверь изнутри, Гора огляделся и увидел на дощатом столе фонарь "летучая мышь". Он встряхнул его, булькнул керосин. Достав спички, засветил фонарь.

Возле двери, в углу, обшитом асбестом, стояла соляровая печь. У стола помещался широкий, на двоих, топчан. Больше ничего не было. Присев, Гора задумчиво уставился на огонь, потом положил вещмешок на пол, расстелил на топчане ветровку. Сюда же побросал меховую одежду, подложил унты под голову и прилег. Тело, уставшее от постоянной борьбы и натуги, расслабилось. Гора задремал.

В хижине было по-настоящему тепло. На дворе свирепствовала пурга, и Горе в полусне казалось, что этих двух суток в его жизни никогда не было.

Глава вторая

Митиленич размышлял. Обычно после чрезмерных возлияний или бурных супружеских утех ему случалось и носом клевать в отведенное на размышления время. А в нынешнее утро, хоть он и к бутылке накануне приложился, и жену любовью не обошел, сон не шел к нему. А все потому, что дума его была необычной, за всю жизнь впервые выпала такая. Ладно бы это, но сегодня точно в шестнадцать ноль-ноль он должен был доложить свое мнение по поводу побега Каргаретели и представить окончательный план его поимки.

"Когда бы знали, что у меня на уме, в дурдом бы упекли... Ничего не поделаешь, факты - штука упрямая!.. Скажите на милость, какая может быть связь между поимкой каких-то подонков и бегством жен, а? Чепуха все это! Жены бегут от меня потому, что я им обещаний даю с три короба, байки рассказываю о том, что не сегодня завтра переберемся из глухомани в центр и заживем по-человечески. Обещаю, конечно, а что мне остается! Все всегда что-то обещают... А что, в политике иначе ли? Люди поумнее соображают - все это пустой звон, никому на ум не придет выполнять свои посулы. Не верят и бегут... Не только бегут, но и убить замышляют тех, кто слова своего не держит. Сколько их прошло через мои руки, тех, кто на вождя покушался... Брось, пожалуйста, какое там покушался... Может, скажешь, что они без вины сидели?.. Да, скажу. Как будто такое не случилось! Пьянь Колька Тараньков трепанул как-то в пивной: "Я вашего вождя на остром колу видел!" И готово теракт, двадцать пять лет! Колька все на суде пытался вывернуться, что имел в виду жердочку, насест, а "острый" и вовсе стукач выдумал. Поверили, как же... Двадцать пять... Забавное, однако, зрелище: вождь на насесте сидит, по сторонам глазищами зыркает да ножками коротенькими болтает... Что ты несешь, Митиленич! Тараньков только за это и пострадал... Чур, чур меня, мил человек, я про кол не говорил, да еще острый, я о насесте... Как бы там ни было, сам-то вождь верил, что каждый третий гражданин жаждет его убить? Верил, иначе откуда здесь взялся всем этим тараньковым? Верил, потому как знал - не выполнил он и никогда не выполнит обещанного. Хватал людей - и в торбу! В торбе держал и иллюзией тешился -

теперь не убьют! Иллюзия эта порождение домысла, что каждый третий гражданин жаждет его убить. Одним словом, он жил в мире иллюзий... Как бы и ты, Митиленич, не запутался. Сначала убедишь себя в том, что подруги бегут от тебя только потому, что им опостылела жизнь в глухомани, а затем и в том, что на сей раз жена не сбежит, даже если ты и поймаешь мерзавца Каргаретсли. Пожалуй, слишком много иллюзий нагромождается. Недолго и увязнуть... Потому, Митиленич, коротко и ясно: преследовать преследуй, но не бери! Дай срок - он и сам подохнет, если двинется на юг. А на Енисей пойдет, ты его запросто до навигации возьмешь!.. Нет, брат, его возьмешь не ты, а оперслужба. Допустим крайность: он пошел на юг, я потерял след и поэтому не смог определить точки, где оперативникам устраивать засаду. Что ж, так он и уйдет?.. А возможно ли вообще такое - выбраться целым-невредимым из дремучей тайги? Шутка ли - две тысячи километров!.. Всяко бывает, от человека зависит. Я вроде все о нем знаю. Только он в лагерь попал, я узнал, что он беглец, и тотчас же ознакомился с его делом, пухлый том, ничего не скажешь, он, почитай, неделю на моем столе пролежал... И лично самого повидал... Может, я чего-то не заметил, упустил, забыл, а? Времени много прошло. Дай-ка еще полистаю, что он за фрукт такой, наш уважаемый Иагор Ираклиевич".

Оставалось три часа. Митиленич не только с делами управился, но и время на размышления отвел. Он еще раз тщательно изучил все, от протокола первого обыска до последнего приговора, включая документы этапирования. Он сверил все ордера, чтобы установить время пребывания заключенного в кабинете следователя. Это давало какое-то представление о характере Каргаретели, о его упорстве, выдержке. Митиленич перечитал несколько раз материалы по трем предыдущим побегам, въедливо перебрал анкетные данные и биографию. В особых приметах его насторожила пятка зэка - на два сантиметра больше нормальной, то есть выступает. Интересно, что это за пятка такая? Митиленич довольно долго размышлял и над этим. Вынув из сейфа дело Каргаретели, он сделал в нем свои пометки, разложил все по своим местам и сел за стол.

"Господи, чего только не услышишь! Срок-то у него всего лет пять. Реабилитирован, судимости сняты. Выходит, эта судимость как бы первая. Практически отсидеть ему надо было каких-то четыре года. Почему он сбежал? Полярная ночь, тундра, пурга... Может, в лагере влип в какую-нибудь историю? У опера таких сведений нет. Да и в какую историю он мог влипнуть? Опытный зэк, станет он, в его возрасте, лезть в какие-нибудь сомнительные делишки? И вообще, за что он сидел? Обвинения пустяковые, с чего ему бежать, а?! Тут что-то не так, Митиленич, что-то не так... Может, он хорошо законспирированный агент, получил весточку об угрозе разоблачения и, чтобы спастись, сбежал, пошел на крайний риск?! Очень даже может быть. Не исключено, что он душевнобольной, псих, одержимый манией бегства. Есть же такие. Надо подумать, крепко подумать. Глубоко вникнуть. Не вникнешь глубоко, не возьмешь беглеца, уйдет... Ладно, обмозгуем, как и о чем будем докладывать на совещании, до начала всего полчаса".

Митиленич взялся составлять тезисы к своему докладу. Пришлось крепко повозиться, изменить последовательность пунктов, чтобы речь была гладкой и критикам не за что было уцепиться. Он закончил доклад, перебелил, и тут его вызвали на совещание.

Битых два часа заслушивались объяснения лагерного начальства, за которыми последовал разнос, учиненный тучным, багровощекиным генералом, начальником Управления; объявив, что по отношению к администрации будут приняты самые жесткие меры, он кивнул Митиленичу, предоставляя ему слово.

Митиленич начал с психологического портрета беглеца, заметив, что тут не мешало бы уточнить множество деталей - опергруппе надлежит собрать агентурные сведения. Может, всплывет что-нибудь новенькое и важное, облегчающее поиск. Митиленич высказал свои соображения по поводу маршрута, который может быть избран бегльцом. О первоочередных, конкретных мерах он высказался так:

– Если заключенный укрылся где-то поблизости, да так ловко, что ухитрился не замерзнуть, он сразу же, едва уймется непогода, двинется в путь, но у нас нет никакой возможности начать погоню: полярная ночь - раз, пурга уничтожила следы - два. На данный момент он уже часов семьдесят как в пути. Он учел такую погоду, рассчитал свои силы и, я уверен, сейчас уже находится, самое малое, за сто километров от лагеря. Не обнаружим, тогда нужно переждать до дневного света, стало быть, до наступления весны, и тогда попытаться воспользоваться вертолетом. И последнее, лично я считаю, что преследовать его вообще нецелесообразно. Весной я смогу примерно указать, в каком именно районе следует искать его труп.

Возразить тут было нечего, и даже багровощекий генерал только и нашелся, что призвать к бдительности оперативников на енисейских кордонах, и закрыл совещание.

По дороге домой Митиленич размышлял: "Что бы им там ни двигало, Каргаретели все-таки относятся к тому типу людей, которые бегут, чтобы жить. Такой побег требует очень серьезной подготовки, тут надо все продумать. Это целая экспедиция. Совершенно ясно, что он долго готовился, а значит, из всех вариантов побега выбрал самый опасный... Не по своей воле, а вынужден был выбрать, другого выхода у него не было. Если он бежал, чтобы выжить, то и подготовка у него была долгой, почему же служба надзора ничего не заметила? Идиоты!.. Поди теперь, бегай за ним. Он идет, а пурга замечает следы... Потому и пошел в пургу, а то вылезти из коллекторного колодца и весной недолго... Он основательно подготовился, и не только к пурге, он и маршрут определил, и трассу подробно изучил. В противном случае он безумец!.. Он идет и сейчас, Митиленич!.. Изучил! Как, каким образом? Для такой экспедиции нужны одежда, карта, компас, да мало ли чего! Откуда у него все это? Тут что-то кроется, Митиленич! Допустим, я рассуждаю правильно. Тогда очень может быть, что Каргаретели находится в хижине гляциологов на Горячих Ключах... Это ты, брат, загнул, совсем не обязательно, что он выбрал этот путь. Распогодится, затребую вертолет и сам отправлюсь осматривать эту хижину. Может, мои догадки верные, он там был и даже наследил. На рельефной карте у меня один-единственный флажок. Позор, Митиленич!.."

Гора проснулся, посмотрел на часы - недолго же он дремал.

"Что меня разбудило? Не сон - я ничего не видел. Но что-то меня насторожило. Может, почуял опасность?.. О какой опасности речь, любезный, смотри, как пурга бушует... Похоже, в голове засела мысль, что я, прежде чем лечь, не обыскал хижину. Надо же. Вот что меня разбудило, точно..."

Гора посветил фонарем, луч выхватил из мрака полку, на ней спичечный коробок. Чиркнул спичкой - она оказалась отсыревшей, головка раскрошилась. На столе, в самом углу, лежал кусок дикта. Гора мгновенно сообразил, что под ним что-то лежит, но смотреть не стал, решив, что успеется, и пошел искать, щупать, шарить по всем углам-уголочкам, щелям, выступам на стенах.

Навык обыскивать камеру выработался в долгих отсидаках. Во всех камерах, особенно карцерах, есть заветный тайник, и даже не один. Они устроены хитроумно, крепко голову поломаешь, прежде чем найдешь. Тайник это вроде как кладовка или справочное бюро. Зэк с опытом и при интересе может найти табачок на одну самокрутку, "укомплектованный" спичкой, обрывком шершавой боковушки от коробка, иголку с ниткой, карандашный огрызок, обломок лезвия или стекла, а случается, и ножичек перочинный, совсем крохотный, который отлично бреет и годится на разные разности: скажем, можно порезать себя в знак протеста против самоуправления местной администрации или симулировать самоубийство; тут же может оказаться зернышко горчичное, чтобы вызвать сильный жар и сказаться больным; кстати, тут тебе и больше внимания, а то кровь пускать и вешаться - невелик толк.

В тюрьмах строго-настрого запрещено хранить при себе эти предметы, и если при обыске их

обнаружат - карцер обеспечен. В тайнике найдут - знать не знаю, ведать не ведаю, чье, можно выкрутиться. Если тайник используется как источник информации, то в нем может оказаться бумажный клочок с каким угодно текстом по жанру и назначению: "Паруса убили в Свердловске, а не в Соликамске", "Повели на повторное доследование. Коля Сова", "Саньку Рябого расстреляли", "Саша, я ничего не знаю. Грач", "Крачко, брательник проданся москалям", "Иду в крытую. Катя Палочка". Порой и песня находилась, кем-то сочиненная. Записки с песнями оставляли в основном сами авторы. Творения подписывались кличкой либо фамилией...

Горе так ничего и не удалось найти. Он задумался, недоумевая, что бы это значило, и вдруг, сообразив, рассмеялся вслух. Когда он вошел в хижину, она напомнила ему штрафной изолятор, а изолятор, по укоренившейся привычке, следовало перво-наперво обыскать.

Вот где собака зарыта, вот почему он вскинулся со сна, подсознание сработало - не обыскал камеру!

Гора подошел к столу, поднял дикт, под ним лежала тетрадь в полиэтиленовой обложке. Он полистал ее, исписанной оказалась лишь первая страница - на ней был перечень предметов, оставленных гляциологами в хижине. Ничего особенного: канистра солярки, кастрюли - большая и поменьше, сковородка, молоток, клещи, гвозди, медикаменты, две пары лыж. Перечень был составлен недавно, во второй половине сентября. Гора скользнул взглядом по чердачному лазу, отметив про себя, что где-то тут должна быть лестница (она и вправду нашлась под топчаном), устроил постель и уснул.

Спал он восемь часов. Проснувшись, посидел немного на топчане, открыл дверь - проветрить хижину и приступил к зарядке. Ветер кружил хлопья по хижине, и Гора закрыл дверь. Поразмывшись, он ненадолго вышел и, вернувшись, сел завтракать.

"От погони я ушел - главное сделано. Дальше пойдет то, что называется поиском и поимкой. Надо отсюда сматываться, чтобы пурга стерла по возможности больше следов на пройденном пути... Сколько она заметет?.. Тундра и лесотундра тянутся еще километров на триста-триста пятьдесят. Даже если я буду делать по двадцать километров в день, я смогу пройти это расстояние за пятнадцать-двадцать дней. Пурга не сегодня завтра уляжется. Вертолет - и все дела! Тут же и следы отыщутся, и сам Гора найдется! Волков бояться - в лес не ходить. Нужно идти! В полярную ночь обнаружить след ой, как не просто... Лыжи на чердаке сам Бог послал, это точно. Если и палки к ним найдутся, совсем хорошо. А нет, так настрогаю - вон доски... Только вот крепления не подвели бы, как их к унтам приспособить?.. Брось, не в пуантах же на них ходили. Ладно, ладно... Эта хижина расположена на пересечении восьмидесятого меридиана и семидесятой параллели. Отсюда до Восточной магистрали тысяча шестьсот километров. Это если по прямой, а по пересеченной местности - никак не меньше двух тысяч. Вынужденные отклонения, прочие непредвиденные помехи, задержки! Эге-е! Так и жизни не хватит! Нет, у меня, самое большее, пять месяцев, я должен быть на месте до середины марта, не то болото раскиснет. К черту болото, подумай о встречах. Ты хочешь сказать, об укывищах? Давай, шевелись, суши маски, портянки... А съестные припасы? Девятьсот граммов в день, двадцать дней - восемнадцать килограммов..."

Подготовка к предстоящему броску заняла больше трех часов. Гора сжег тетрадь в печи, чтобы поимка не обнаружила по перечню пропажу лыж. Уничтожив следы своего пребывания, он еще раз уточнил маршрут, вынес поклажу, заложил дверь засовом и, сверившись с компасом, тронулся в путь.

Он шел на лыжах, приторочив к саням запасную пару. Пурга вздымала снег столбом. Путь лежал по плоскогорью, но наст был неровным, лыжи проскальзывали, стоило огромных усилий отталкиваться палками. Зато под гору сани шли ходко, наезжая сзади, и Горе

приходилось бежать трусцой.

Первую пару дней он всё перебирал в уме подробности пребывания в хижине, исчерпал все возможные осложнения, случайности, которые сулила ему предстоящая дорога. Потом тундра пошла равниной, и Гора призадумался, чем бы занять себя.

"Мне же столько всего нужно было обдумать. Я и собирался этим заняться, но после хижины... Что такое характер, какие качества слагают личность, что порождает то или иное отношение к миру... То есть все, что видел или слышал: от истоков памяти до десяти-одиннадцати лет, - "наука жить"! Стало быть, начать нужно с того, что составило меня, с кладки моего нравственного основания... Разработаем систему... Пожалуй, так. Путь до тайги отведем тому, что мне довелось слышать о праотцах. Повспоминаем об этом. С чего начнем?.."

Во второй день пути ветер стих, небо вызвездило, морозы установились не то чтобы сильные, а так, градусов восемнадцать-двадцать.

Теперь, пожалуй, и не скажешь, в какой последовательности всплывали в памяти эпизоды детства, на какой день пути они приходились или на какие обстоятельства. Одно точно, на этом адовом пути Горе удалось воскресить картины прошлого только потому, что он наказал себе: думать!

"Эх, с чего бы начать, столько всякого было... Взять, к примеру, тот небольшой сквер против аптеки Земмеля, где со временем был установлен памятник Руставели. Сквер Земмеля. Тут, можно сказать, прошло мое раннее детство. Дед Иагор водил меня в сквер, покуда я не поступил в школу, а случалось, и позже. Здесь собирались отвергнутые новым временем глубокие старцы, та незначительная часть мужчин, которым Господь, как печаль, даровал долгую жизнь, позволив заглянуть из девятнадцатого века в двадцатый, и при этом был так милостив, что в конце двадцатых - начале тридцатых годов прибрал их души. Когда б не воля Божья, эти истаявшие призраки в двадцатые годы испустили бы дух в застенках ГПУ, поскольку ни одному из них не достало бы сил добраться до места, где тогдашние земные божества пулей творили свой скорый суд над теми, кто не был пригоден для строительства коммунизма. Все же кто они были, эти удивительные старцы? Прежде всего могиране, чудом избежавшие массовых расстрелов восстания тысяча девятьсот двадцать четвертого года; аристократы, спустившие свои состояния до революции или ставшие банкротами милостью революции; первостатейные купцы - их было поменьше, и совсем мало - лиц духовного звания, лишенных в принудительном порядке комсомольцами сана священства или по своей воле ставших расстригами; бывшие чиновники высокого ранга и прочие, которые, справедливо или нет, почитали себя достойными членами общества из сквера Земмеля.

Мне было шесть, когда дед Гора предложил прогуляться, а заодно заглянуть и на кладбище Земмеля. В те поры я о кладбище знал понаслышке и согласился. Дед повел меня в сквер Земмеля, и я поверил, что нахожусь на кладбище: не так давно мне довелось видеть покойника, лежащего в гробу. Это был хирург Юзбашянц, семью которого вырезали турки. Ему как-то удалось спастись, он укрылся в Грузии, а спустя несколько лет скончался. Он жил по соседству с нами. Я уже не помню, как нам, сопливым мальчишкам, удалось пробраться днем в комнату, где стоял гроб. А пробрались мы скорее всего потому, что плакать над ним было некому. Я и теперь хорошо помню землистое лицо мертвеца с провалами щек и глазниц. В сквере Земмеля я увидел с десятков таких юзбашянцев, и моему изумлению, как говорится, не было границ, поскольку здесь юзбашянцы мало того что были живыми, они к тому же говорили по-грузински, что самому Юзбашянцу, мягко говоря, не очень удавалось, но он, по-моему, не очень-то старался. Пока мой дед беседовал с покойниками, я утвердился во мнении, что в Тбилиси помимо Старо-Верийского, Ново-Верийского, Кукийского и Петропавловского кладбищ существует еще и это. По дороге домой я спросил у деда: почему этот сквер называется кладбищем? Дед так громко расхохотался, что кое-кто из прохожих

остановился в изумлении. Отсмеявшись, он серьезно ответил: "Они, сынок, уже давно умерли. Они погибли с приходом большевиков. В сквере и похоронены". Потом все точно разъяснил. Я понял, что он хотел сказать, но мне по-прежнему это сходбище старцев казалось составленным из юзбашянцев. Я почувствовал, как раздуилось мое любопытство, и спросил: кто они такие?

– Яловые коровы! - ответил дед, снова залившись смехом.

Я совсем растерялся. Тогда дед пояснил:

– В девятнадцатом веке каждый порядочный грузин вынашивал в себе независимость Грузии как плод, а в результате в девятьсот восемнадцатом на свет явился мертворожденный - ни тебе теля, ни бычок. Остались мы порожными, яловыми коровами. Кем же еще?!

У меня и тогда был слух на слово, и от меня не ускользнуло, что дед и себя причисляет к людям с кладбища Земмеля, и я не стал мешкать с вопросом: "Дед, ты тоже яловая корова?"

Задумавшись, он трижды повторил как бы про себя:

– Я тоже яловая корова! Яловая! Яловая!

Прошло довольно много времени, пока я упорядочил свои мысли о яловости... Не знаю, может, это трижды сказанное дедом слово определило мою последующую жизнь и судьбу...

Поразительное все же существо - ребенок. Точнее, его природа. Тяга к знаниям, потребность в опыте - это его самое напряженное, не знающее удовлетворения чувство... Сквер Земмеля многому научил меня! Даст Бог, когда-нибудь напишу "Записки с кладбища Земмеля".

Много дало мне и общение с семейством госпожи Ольги Вачнадзе-Эристави. Туда водила меня бабушка. Дед редко появлялся в этом доме. За глаза он называл его не иначе как "гаремом Джимшеда"[7], и тому были основания: семейство числило шестнадцать старушек, ровесниц старцев с Земмеля, и одну старую деву, малость с приветом. Не помню, кому из старушек доводилась внучкой эта Кетуся. Кем же они, эти старушки, были? Продуктом первой мировой войны, всех революций, гражданской войны и восстания тысяча девятьсот двадцать четвертого года в Грузии, если угодно - энциклопедией. Ко времени моего появления единственным мужчиной в семье был князь Симон Эристави-Ксанский, вскоре, к сожалению, преставившийся, сначала коренник кладбища Земмеля, потом - Ново-Верийского кладбища. Он был супругом госпожи Ольги Вачнадзе. Они помещались в трех комнатах бельэтажа на Старой Бебутовской. Мужчин в доме не было по той простой причине, что их поубивали: кого - где, кого - когда. Пятеро из шестнадцати старушек окончили Сорбонну, а шестеро или семеро подолгу жилали в европейских столицах. Остальные - ничего особенного - имели при себе дипломы института благородных девиц, с тем и приняты были в обществе. Казалось, не было на свете языка более или менее цивилизованного народа, которым не владела бы в совершенстве хотя бы одна из них. Изъяснялись в семействе на французском, английским же пользовались для дел, в основном коммерческого толка. К примеру, в сделках с князем Аргутинским, носивших перманентный характер, когда в силу финансовой несостоятельности приходилось извлекать, скажем, из девятого узелка, припрятанного на черный день, какую-нибудь безделку на продажу. Представляясь, князь Аргутинский именовал себя маклером и при этом двусмысленно улыбался, дескать, смотрите, что сделали большевики с налаженной как часы страной!.. Старушкам, очевидно, казалось, что если они назовут цену по-английски, то вещь пойдет дороже... На пропитание старушки зарабатывали преподаванием - обучали детей иностранным языкам. Дети приходили сами, потому как ни одной из старушек здоровье не позволяло ходить по домам, кроме Кетуси, которая, кроме скверного грузинского, языками не владела.

О каких только чудесах не наслышались бы вы в этом доме! Взять хотя бы госпожу Мариам

Бегтабегишвили-Голицыну, вдову генерала, мать двоих сыновей в высоких офицерских чинах. Она жила по соседству и ходила к старушкам с визитами. Генерал пал в первую мировую войну, старший сын - в гражданскую, а младший в ту пору служил в польской армии. До прихода большевиков Голицыны занимали целый этаж то ли в двенадцать, то ли в четырнадцать комнат в частном доме. В двадцать первом году произошла советизация, и госпожа Мариам осталась совершенно одна в просторной квартире. В двадцать третьем ее навестил управдом и смущенно попросил уступить одну комнату коммунисту, высокому должностному лицу. Госпожа Мариам слегка удивилась, что коммунисту такого высокого ранга нужна всего одна комната, но, разумеется, уступила. Потом еще одну, еще... Словом, спустя пару лет в квартире проживало несколько семей. Сама госпожа Мариам ютилась в одной комнате, была вполне довольна да и не нуждалась в большем, но "гарем Джимшеда" чрезвычайно остро переживал ползучую экспансию сановных коммунистов - на столько семей всего одна кухня и туалет... О трагикомических ситуациях в этих местах, неудобь сказуемых, госпожа Мариам рассказывала очень живо, с мягким юмором. Это, естественно, еще больше распалило слушательниц, поскольку "гарем Джимшеда" страдал от такой же неустроенности. Хотя, пожалуй, их больше возмущало хладнокровие госпожи Мариам.

Так оно или иначе, как-то раз бабушка, отвозившись с хозяйством, накинула на голову лечаки, прихватила его чихтой и взяла меня с собой в гости к семье госпожи Оленьки. Там находилась и госпожа Мариам Голицына. Она сидела за столом, раскладывая пасьянс. Говорили о том, что Кетусю никак не берут на службу и отказывают ей по той причине, что она не член профсоюза, а в профсоюз не принимают оттого, что она нигде не служит.

Тогда госпожа Саломе Чолокашвили-Амилахвари изрекла:

Чтобы службу получить

надо в профсоюзе быть.

Чтобы в профсоюзе быть

надо службу получить.

Куплет вызвал реакцию, которая обычно следует за последним призывом оратора на очередном торжественном заседании по поводу годовщины Октябрьской революции и какую пресса именует овацией. Помнится, даже я почувствовал всю комичность Кетусиной ситуации.

Госпожа Лордкипанидзе-Габашвили, известная в нелегальных марксистских кружках начала века, легонько раненная на краснопресненских баррикадах и занимавшая затем довольно высокую должность при канцелярии правительства Керенского, направила беседу в русло классовой борьбы. Тут у нее объявились серьезные идеологические противники, и госпожа Вачнадзе-Эристави, дабы унять страсти, вынуждена была прибегнуть к императиву. И вот тогда-то, нарушив нависшее молчание, госпожа Мариам Бегтабегишвили-Голицына обратилась к моей бабушке:

– Софья Сопромовна, вы когда-нибудь задумывались над тем, какой поразительный народ эти большевики?

Бабушка слегка смешалась:

– Да, конечно... Но что вы имеете в виду?

– Видите ли, большевики упразднили все классы и взамен создали один класс соседей!

В ответ грянул такой хохот, который, вероятно, не выпадал на долю блаженной памяти Чантладзе, исполнителя юмористических миниатюр, но главное, я по сей день уверен, что госпожа Мариам сказала это без тени юмора и без желания кого-то поддеть. Она облекла в слова то, что видела, и в глубине души искренне была убеждена в том, что основная цель большевиков состояла в создании класса соседей. Верили же многие в то, что в Самтависской коммуне вся деревня спит скопом под одним одеялом, на одной огромной тахте! Эх, славное было место, "Джимшедов гарем", но "вернемся к тому, о чем изначала поведать хотели", - вернемся к кладбищу Земмеля...

...Что это? Следы полозьев - только и всего... Оленьи копыта... Посветим... Ясное дело. Вот оно что. Следы парные - туда и обратно. А может, наоборот?.."

Это было на двадцать девятый день побега. Кому еще быть в этих местах, как не оленеводам? Хорошо бы определить, как двигался путник: со стойбища или на стойбище? След нартовых полозьев шел с юга и поворачивал на восток, а копыта оставили след в обоих направлениях. Горе не было дела до стойбища и оленеводов, но по полозистому следу легче шли лыжи. И путь он держал туда. Махнув мысленно рукой, он заскользил по лыжне. Он прошел с километр, как вдруг заметил на снегу какой-то предмет. Приблизившись, огляделся...

Было темно, как будто ничего необычного. Только тишина сгустилась так, что сердце тревожно сжалось, уж лучше бы рев людской толпы или изматывающий барачный гвалт...

Это был олень, теплый, только что забитый и освежеванный.

Наклонившись, он увидел вчетверо сложенную шкуру...

– Эй, - раздалось в темноте. - Кто там?

Гора выпрямился, оглядываясь на окрик. Человек шел уверенно, без тени страха. Остановившись в трех шагах, лицом к лицу, внимательно всмотрелся в незваного гостя. Он был из местных, приземистый, с ружьем наперевес.

– Кто ты? - спокойно спросил он.

– Беглый, политический! - ответил Гора.

Воцарилось молчание. Перекинув ружье через плечо, человек ухватил тушу за передние ноги, сунул шкуру под мышку и заметил:

– Знаю. Вчера в поселке был, сказали. Подсоби, понесем... Даже имя назвали, подзабыл. Как звать-то?..

– Иагор Каргаретели, - ответил Гора.

Уже по дороге человек осведомился:

– А другое имя у тебя есть, прозвище?

– Гора.

– Да, так и сказали.

– Куда идем? - поинтересовался Гора.

– Я здесь один, не бойся, никто не увидит, - сказал незнакомец и представился: - Я - Коля.

Чум ютился в ложбине. Скорее, не чум, а просторная палатка, обшитая для тепла изнутри и снаружи оленьими шкурами, шкуры устлали и пол, освещением служила керосиновая лампа.

– А почему ты, собственно, один? - спросил Гора после трапезы.

– Так надо. Я свеча.

– Свеча? Что ты хочешь сказать?

– Я - свеча, то есть... Нет, начну по порядку. Образование у меня высшее, кончал Университет народов Севера и отмотал десять лет срока... Тебе приходилось слышать о безупречной власти и счастливом народе?

– Нет, - улыбнулся Гора.

– Мы, народы Севера, люди порабощенные. Какая разница, кто на шее сидит - русские или свои политиканы, одно слово - под пятой. Народ, изверившийся в свободе, независимости, навсегда рабом и останется.

– Нынче другое время, люди очнутся, - заметил Гора.

– Очнутся, когда есть свеча. Свеча необходима!

– А что значит "свеча"?

– Это когда кто-то протестует, пусть даже один. Но люди должны поверить в него, поверить и пойти за ним. Свеча должна гореть вечно! Понял?!

– Понял. Тебя преследует закон?

– Нет. Я в тундре по своей воле. Людям нет дела до того, преследуют меня или нет. Для них главное, что я отсидел десять лет и что я протестую.

– А в чем выражается твой протест?

– Раз в месяц я прихожу в поселок со своими лозунгами: "Политиканы, вон отсюда!", "Да здравствует освобождение народов Севера!". Теперь за это вроде не сажают, кричи, сколько влезет, но кричать все равно нужно!.. У меня есть и другие лозунги, но эти два - главные. Когда я их выкрикиваю, людей в дрожь бросает.

– А что дальше?

– Ничего. Старший брат дает мне муку, керосин, прочие продукты, и я возвращаюсь. Пусть люди сами додумывают. Младший брат пасет мое стадо.

Горе показался забавным этот Коля, хотя рациональное зерно в его поступках было.

Он спросил вслух:

– А оленя ты прирезал потому, что он издыхал?

– Нет, олень - жертва, которую я принес духам. Двенадцать лет стою я на своем... И власти, и люди считали меня сумасшедшим. А в последнее время, как ни приду, люди начинают собираться. Вот и вчера собрались. Я ушел было восвояси, слышу - митинг устроили! Значит, я в конце концов одержал победу, разве нет? Так угодно было добрым духам, в благодарность я приношу им жертву. Славный был олень...

Молчание нарушил Гора:

– Далеко отсюда до пастбища?

– Шесть часов ходу, хорошие здесь пастбища... Тебе зачем?

– Ты бы мог продать мне одного оленя? Я заплачу, деньги есть.

Коля засуетился:

– Оленя? Олень тебе здорово пригодится! А знаешь, сколько он стоит? Цену определяет нужда. Очень нужно - очень дорого!.. Ты представь, пока тундра - он сани тянет, кончилась тундра - он тебе еда. Понял?

– А все же, сколько олень стоит?

– Продать не могу. Хочешь, укради. Я его здесь же держу, в поселке скажу, пропал олень. Если узнают, что я его продал тебе, кто же свечой тогда будет?..

– Ты прав, нельзя. А когда в поселок пойдешь?

– У-у-у, через месяц. Я туда раз в месяц хожу... Я только сегодня вернулся.

– Далеко до поселка?

– Десять часов ходу. Тундра не долго тянется, потом пойдет березняк, а там и тайга. Снег, самое малое, продержится до апреля. Олень до весны бегаёт, а это четыре с половиной месяца! Если корм будет... Ему пару часов в день пастись - больше не надо, будет ходить.

– Где его украсть?.. И упряжь нужна.

– Кроме как у меня, негде. Кради вместе с упряжью. Вот запрягу и вернусь... И мяса дам...

Коля вернулся скоро. Разрубив тушу оленя, дал половину Горе со словами:

– Вон там река Таз. Иди по руслу, его снегом замело, а под снегом лед, там олень ходко пойдет. И рыба у тебя будет. А карта есть?

– И компас, и секстант.

– Да у тебя все есть. Тогда так: двигай прямо на восток, километров сто пятьдесят, дойдешь до реки Пур.

– Знаю.

– Все ты знаешь, только зря болтаю.

– Нет, не зря, говори!

– Спустишься вниз по реке километров пятьсот, дойдешь до точки, где восьмидесятый меридиан с пятьдесят седьмой параллелью пересекаются. Места заболоченные, но подо льдом, да и тайга редкая, так что пойдете легко: и ты, и олень, к тому же прокорм у обоих будет. Оттуда двинешь на юг километров четыреста, пересечешь Обь...

– Не спеши, не успеваю записывать... Пересеку Обь... Дальше?

– А дальше снова на юг километров четыреста-пятьсот, там Омь течет. Она и приведет тебя прямехонько в Омск. И здесь километров шестьсот будет, пожалуй, не меньше... Я тебя не

видел, ты меня не видел, усек?

– Откуда подробности такие, сам ходил?

– Дважды! Я дал тебе самый короткий и самый легкий путь... Да, там есть город Уренгой. Ты его стороной обходи, там тебе делать нечего!

– Спасибо! - ответил Гора и подумал, что делать ему там действительно нечего.

– Дойдешь до пятьдесят девятой параллели, а там двести километров на юго-запад. От пересечения пятьдесят седьмой параллели и восьмидесятого меридиана иди на юг. Там редколесье, оленю не в тягость, и корм будет... Я тебя не видел, ты меня не видел - ступай!..

Гора усмехнулся: совсем, что ли, помешался?

"Попроси я понастойчивее у него ружье, он бы дал. Постой, увести оленя, значит, оставить след! Чудак человек, а у него побывать и дальше идти по его указке, по-твоему, не след оставить?! Чему быть, того не миновать!"

Гора, наверное, с неделю не мог избавиться от мыслей о Коле, он отмахивался от них, но они снова и снова, всплывая, тревожили его. Когда сумятица наконец улеглась и в сознании обозначился "феномен свечи", Гора ощутил такой покой, как если бы ему удалось избежать опасности. Он облегченно вздохнул.

"Полно, будет!.. У меня достаточно мяса, есть олень, я стою на лыжах, олень тянет сани, иду я быстрее намеченного... Можно и о приятном подумать. Кажется, я о кладбище Земмеля вспоминал... Да, о нем. Из всех слышанных там рассказов самое сильное впечатление произвела на меня история Арсена Одзелашвили[8]. В ту пору я довольно бегло читал, знал в отрывках на память "Песнь об Арсене" и едва где слышал его имя - тут же уши на макушку.

Дед премудростей педагогики не постигал, но накопил немалый жизненный опыт. Поскольку он был одержим мыслью вырастить внука патриотом и гражданином, чутье подсказало ему метод, весьма, впрочем, своеобразный, как воспитывать меня и как образовывать мой ум. Подсаживаясь ко мне, он требовал пересказать прочитанное или уловленное со слуха, предлагая повторить, вычленив суть, - словом, развивал во мне способность анализировать и делать выводы. Но это я осознал значительно позднее, когда подошла старость. Одной из первых моих "наук жить" была именно тема Арсена Одзелашвили. Мне были известны все версии стариков с Земмеля, когда дед предложил пересказать все мне известное об Арсене. Я обрадовался и не только потому, что Арсен был моим "собственным" героем, но и потому, что сам я кое-что недопонимал и рассчитывал на то, что дед мне все растолкует.

Одного из завсегдатаев кладбища Земмеля звали князем Гиго. По его рассказам, во времена Арсена, чтобы убрать со своего пути законных наследников, родственнички, лишь бы заполучить имение, не гнушались убийствами и отравлениями, и случаи такие были отнюдь не редки. Чтобы защитить Дариспана, отца князя Гиго, от возможности покушения, его отправили подальше от дома, к тетушке, супруге Заала Бараташвили-старшего. Вот почему детство и юность Дариспана прошли в Марабде, а не в родовом поместье.

Одзелашвили были крепостными Заала-старшего. В бытность свою в Марабде Дариспан не разлучался с Арсеном, дружил с ним и даже побратался. Прошло время, скончался отец Дариспана, князь Кайхосро. Удаленный из дома наследник вернулся в Саголашени и вступил во владение имением. Как-то раз ему приглянулась в Имерети девица из рода Джохтаберидзе, звали ее Родам. Одолеваемый гордыней князь Джохтаберидзе, заупрямившись, отказался отдать свою дочь замуж. Дариспану ничего не оставалось, как похитить Родам. Он привез ее в Картли и обвенчался. Пошли дети, и только тогда смягчились Джохтаберидзе.

Многочисленные сестры князя Гиго в замужестве разъехались по самым разным уголкам Грузии, в Тбилиси же наведывались только к брату или по личным делам. Когда дед привел меня к князю, у него как раз гостили старшие сестры, три благородные дамы весьма почтенного возраста. Они обласкали меня, задарили сладостями и упростили прочитать какое-нибудь стихотворение. Я прочел отрывок из "Песни об Арсене", так что одна из дам даже прослезилась - какие у нас прекрасные дети растут! Это были степенные дамы, исполненные достоинства, я и мысли не допускаю, что они, уговорившись, могли намеренно ввести нас в заблуждение, однако верь не верь, а Георгий Дариспанович поведал историю, прямо-таки невероятную, и сестры ее подтвердили.

Их вотчинный дом стоял в Саголашени у самой Карталино-Имеретинской столбовой дороги. Гиго было лет двенадцать, остальные братья и сестры были постарше. Стояло знойное, засушливое лето. На терраске второго этажа женщины возились с фруктами, собираясь варить варенье. Дариспана не было дома. Тут же в кресле восседал князь Михаил, его двоюродный брат, а стало быть, и двоюродный дядюшка этих детей, известный в миру как Михака, и задумчиво перебирал четки...

Старцы с Земмеля называли Михаку бароном Мюнхгаузенем. Его охотничьи побасенки расходились по всей Грузии. Он вообще был на редкость остроумным, словоохотливым человеком и потому чрезвычайно популярным и желанным гостем в любой семье. Сам Михака грамоте не разумел, но, если верить старцам, сочинил такое множество небольших новелл, что их хватило бы на объемистую книгу. Жаль, никто их не записал. Я помню всего две байки Михаки, остальные забылись. Это я объясняю странным свойством своей памяти: чем смешнее слово, эпиграмма, анекдот, тем меньше я его запоминаю. Сдается, я тут не исключение, поскольку и в других не раз отмечал такую особенность, но, коли к слову пришлось, вспомню одну из его баек... Благо, спешить некуда.

"Был я у Абашидзе, в Саванэ, на свадьбе, - принимался за рассказ Михака. - Сделалось мне как-то не по себе - нужно было выйти воздухом подышать. Я позволил себе дерзость встать из-за стола. За домом росла кукуруза, крупная, высокая - всадника укроет. Я вошел в кукурузник и уже собирался в дом, когда в двух шагах от себя увидел сверкающие волчьи глаза. Оружия при мне нет, размышлять, понятно, недосуг, вот я и вспрыгнул на кукурузину. Волк ринулся за мной и, подскочив, стащил с меня сапог. Я, как выстрелившая пружина, взлетел на самый верх стебля. Тут, по крайности, было не так страшно. Волк подпрыгнул - не достал, и я, чтобы уж совсем себя обезопасить, отломил початок в руку толщиной. Он был ну прямо как железный. Сколько волк ни прыгал, я его початком по лбу угощал... Так мы и провели ночь: он прыгнет - я ему колотушку. Ни он меня - ни я его. Забресжил рассвет. Я бросил взгляд на початок, на нем зернышка не оставалось, и у волка вся голова была в кровь издолбана. Где-то залаяла собака. Волк наострил уши, потом молвил человеческим голосом: "Как бы не так, из-за этой старичатины отдать себя на растерзание псам!" - повернулся и был таков..."

...Так вот, восседал Михака в креслах и перебирал четки, задумчиво глядя вдаль.

– Всадник скачет! - воскликнул Михака, встал, подошедши к перилам, и теперь уже отсюда уставился на дорогу. - Гигола, всадник, говорю! - крикнул он вниз дворовому.

Гигола сам знал, что делать в таких случаях. Он вынес из марани вино в кувшине, выложил фрукты на деревянное блюдо и остановился, дожидаясь гостя. Всадник, верно, проделал долгий путь - весь был в пыли. По виду ему было под пятьдесят. Он сидел на крепком иноходце, опоясанный ремнем с дорогим кинжалом, голову его покрывала имеретинская шапка. Гигола преградил всаднику путь, поскольку тот, по всему, действительно торопился и останавливаться не собирался. Михана поприветствовал его, предложил спешиться, умыться, перекусить и с Богом путь дальше держать. Путник стал отговариваться: "Очень тороплюсь, ехать надо, не то, коли Бог удостоил меня быть гостем вашей благородной семьи,

сошел бы, как же нет?! Ты, парень, подай-ка мне твой кувшин, будь ласков. И жажду утолю, и выпью за здоровье этой благословенной семьи, сразу двух зайцев убью", - обратился он к Гиголе.

Всадник припал к кувшину, и пока он пил, Михака продолжал уговаривать: "Сойди с коня, мил человек, парой слов перекинемся, что тебе стоит?!" Всадник наотрез отказывался. Убедившись, что он не собирается оставаться, Михака предложил ему еще выпить вина, раз оно понравилось гостю. Всадник улыбнулся и, заметив на перилах террасы огромный таз для варенья, отвечал: "Пить здравицу из кувшина недостойно чести семьи побратимова побратима, уважаемый Михака. Вели принести вон тот таз, выпью с радостью!" Михака принял его слова за шутку. Таз был пятилитровый. Литровый кувшин гость уже изволил откусать!.. Пока Михака соображал, что к чему, Гигола кинулся за тазом, наполнил его до краев вином и поднес гостю. Путник благословил побратимова побратима, то бишь Дариспана, припал к тазу и на глазах свесившихся с перил домочадцев осушил его, не переводя дыхания. Поблагодарил, попрощался и пришпорил коня.

Михака стоял, разинув рот, и все смотрел ему вслед. Вернувшись в свое кресло, он после долгого раздумья пробормотал: "Смотри-ка, а мне казалось, что я о Георгии все знаю!.."

Это был Георгий Сепискверадзе-Кучатнели. Рассказав эту историю, князь Гиго велел правнучке вынести "тот самый" таз. Он произвел на меня такое сильное впечатление, что, когда я мысленно смотрю на него из нынешнего далека, он представляется мне по меньшей мере шестилитровым. Георгия Кучатнели народ и, понятно, фольклор считают убийцей Арсена Одзелашвили. Поэтому в те времена в Восточной Грузии ему никто не подал бы вина, тем более в дом не пригласил. Дариспан, вернувшись в Саголашени и прослышав об истории Кучатнели со злополучным тазом, призвал в свою комнату Михаку и сыновей, дабы они присутствовали при разговоре отца с их двоюродным дядюшкой и наперед знали то, что следовало им знать.

– Зачем тебе было Георга Кучатнели вином угощать да в дом зазывать? укоризненно начал Дариспан.

– Почему бы нет? Он что, в самом деле убил Арсена или как? - удивился Михака.

Дариспан возмутился, но, сдержавшись, спокойно заметил:

– Тебе хорошо известно, что ни он, ни кто другой Арсена не убивал, Арсен в Турции. Но раз уговор был, надо слово держать.

– То есть как? - не понял Михака. - О чем уговор был? Какое слово держать? Ты мне ничего не говорил.

Михака был человеком слегка чудаковатым, одно время его даже чокнутым называли за глаза, но, поскольку у него было много других достоинств, прозвище не прилипло.

– Народ и частью русские считают, что Арсена убил Георгий Кучатнели, ты об этом знаешь?

– Знаю, а как же!

– Тогда тебе известно и другое. Пока Арсен считался живым, они не без оснований полагали, что он наш человек и что мы и нам подобные пособничаем ему и укрываем его у себя. Не так ли?

– Да, братец, как не знать, я помню, как они все вверх дном в домах переворачивали, - подтвердил Михака.

– А теперь и они смекают, что никакой Кучатнели его не убивал, что он жив и где-то

скрывается!

– Что ты говоришь, неужели? - удивился Михака.

– Вот то и говорю! О чем наш уговор? Мы держимся версии, что Арсена убили и сделал это не кто иной, как Кучатнели. Этому должны поверить и русские, а то прознают, где он, и потребуют у турков его выдачи!

– А при чем тут Кучатнели? Жалко, он человек достойный...

– Постой, Михака, - прервал его Дариспан, - мы должны сторониться Кучатнели, чтобы власти убедились - Арсен был нашим человеком и Кучатнели убил его!

Михака, помолчав, спросил:

– Не понял, а что это даст?..

– Что даст, что даст... Русские поверят, что Кучатнели убил Арсена, и перестанут его искать. А чей он был - наш или чужой, прятали мы его или не прятали, - пусть этим закусывают. Теперь понял?

– Понял! Я к Кучатнели в знакомые не набивался... Приглашал, как пригласил бы любого другого. Вот и все.

– Почему он не поддался на твои увещевания? Да потому, что и сам знает о нашем уговоре, - объявил Дариспан и обратился к своим мальчикам: - На этом и стоять должны, понятно, дети?

Мальчики кивнули.

Для того чтобы ответить на мои бесконечные "почему", думаю, деду понадобилось затратить не меньше усилий, чем господину Дариспану, когда он пытался растолковать своим сыновьям все обстоятельства перезапутанного дела.

Среди завсегдатаев кладбища Земмеля был некий господин Ивана со своей версией об Арсене. Кем же был тот Арсен, которому сначала отхватили руку, потом в спину выстрелили, да так, что "аж дым изо рта повалил"? В бытность молодым господин Ивана собственными ушами слышал эту историю от сурамского коваля Милилы, которому тогда уже было под восемьдесят.

Милила в то время занимался своей кузней, при ней же и жил. Все, кто путь держал в Тбилиси и из Тбилиси, на запад или на север, не могли миновать Мухатгверди. Милила был лично знаком и с Георгием Кучатнели, и с Арсеном Одзелашвили, "не раз подковывал коней и одному, и другому". Хотя один верой и правдой служил русскому государю, а другой был тому лютым врагом, Милила клятвенно заверял, что они были верными друзьями и что он их часто видел вдвоем в обнимку в застолье. И в самом деле, если подумать, причин для вражды у них не было. Служба Георгия Кучатнели состояла в том, что он преследовал абреков - горцев и разбойников, за Арсеном же он никогда не охотился - не было на то указа. Одзелашвили был героем грузинского крестьянства. А в конечном счете оба они, Арсен и Георгий, служили одной цели. Где и почему должны были пересечься их жизненные пути?! По натуре своей оба были рыцарями, и что, кроме почтения друг к другу и искреннего восхищения, могли они таить в своей душе?..

Так или иначе, была глубокая ночь, Милила стоял возле стойки в духане и беседовал с хозяином. В зале сидел один-единственный посетитель, вооруженный до зубов, пьяный в стельку верзила. Он налегал на красное вино и время от времени дико вскрикивал, что должно было означать пение. Вошел Георгий Кучатнели в сопровождении лезгина ординарца

из Белокан. Звали его Хамза (а не Гамзат, как о том сообщают другие источники). Георгий подошел к стойке и, поздоровавшись за руку с Милилой и духанщиком, справился об их здоровье, о семьях. Потом он вместе со своим ординарцем сел за стол и спросил ужин. Дело было в Великую пятницу, и Георгий Кучатнели, верующий христианин, не прикоснулся к вину, для Хамзы же и вовсе его принадлежность к мусульманству исключала спиртное. Духанщик об этом знал, он подал ужин, а вместо вина поставил графин с фруктовой водой. Пьяный орясина, определив по цвету, что в графине вода, прервал свое пение и с вызовом бросил Георгию: "Подойди ко мне, выпей вина за мое здоровье!" "Сегодня Великая пятница, я не смею пить", - вежливо возразил Георгий. Верзила счел себя оскорбленным и, расщипав губы, гаркнул: "Сказано, поди сюда, иначе пожалеешь!" Георгий не стал обращать на него внимания. Верзила повторил приглашение, сопроводив его бранью и такими вот словами: "Со мной шутки плохи, я Арсен, пообрезаю вам уши и велю духанщику изжарить их взамен шашлыков, будет тогда вам чем угоститься!" Георгий усмехнулся. Даже тот, кто Арсена в глаза не видел, не поверил бы словам верзилы, настолько выговор и пение выдавали его негрузинское происхождение. В те времена проходимцы разных мастей прикрывались именем Арсена, и верзила явно был из их числа... "Ты, милый, уймись, не то я с тобой разделаюсь, а если и пощажу, то все равно болтаться тебе на виселице, как пить дать!" - спокойно, не отрываясь от еды, отвечал ему Кучатнели. Никаких тебе кинжалов, криков, кулаков не было... Верзила выхватил пистолет. Георгий сидел к нему спиной и не мог этого видеть, зато увидел Хамза и успел выстрелить первым. Верзила грянулся оземь. Пуля угодила ему в переносицу и так разворотила лицо, что родная мать не узнала бы. Георгий подошел, осмотрел труп. Пуля, разворотив лицо, черепа не задела, так и застряла внутри. Кучатнели рассердился на Хамзу за то, что он снова поспешил на порох, оттого и пуля черепа не разнесла. Поразмыслив немного, Георгий направился к стойке и обратился к насмерть перепуганному духанщику и Милиле: "Он же сам представился как Арсен Одзелашвили и те подтвердили. Он и есть Арсен Одзелашвили, а мой ординарец Хамза убил его. Так ведь?" Милила заколебался, но духанщик, что-то смекнув, ответил: "Мил человек! Мы все его знаем: и ты, и я, и Милила. Это Арсен Одзелашвили, кто же еще!" Милила не уразумел, что к чему, но понял, что от него ждут подтверждения, и он подтвердил: "Конечно, это Арсен!" Георгий Кучатнели сказал: "Я еду в Ахалцихе, мне в Тбилиси возвращаться не с руки. Завтра-послезавтра сюда придут представители властей. Вы должны будете подтвердить, что это Арсен Одзелашвили затеял ссору с Георгием Кучатнели, за что ординарец Кучатнели и убил его из пистолета! Во весь свой век, сколько вам ни отпущено, вы - и один, и другой - должны стоять на своем. Скоро узнаете, для чего это нужно". Духанщик с Хамзой вынесли труп и бросили его на дорожной обочине, в двадцати шагах от духана. Духанщик возвратился. Вслед за ним вошел в духан Хамза с отсеченной правой локотиной верзилы... Тут господин Иванэ позволял себе обычно небольшое отступление. Первая половина девятнадцатого века в Грузии была порой заговоров и восстаний. Каждое подавленное восстание оставляет по себе разворошенные судьбы великого множества людей: тут и гонимые законом, и не смилившиеся с поражением, и продолжающие борьбу, и просто разбойники и грабители. Власти прибегают к различным мерам, чтобы как-то восстановить порядок в стране... В Грузии, к примеру, по наказу русских властей для обеспечения безопасности передвижения были вырублены леса по обе стороны от столбовых дорог, где на полверсты, а где и на целую. Одним из способов наведения порядка в стране была денежная награда за убийство неугодных противников, за поимку имярека; когда не удавалось доставить преступника живым, предъявляли его отрубленную голову и только после опознания получали обещанную мзду. Были среди преступников и такие, на которых государству не резон было раскошелиться особым вознаграждением, но полиция все равно выделяла на них мелкие суммы и выдавала их только тогда, когда убийца предъявлял в доказательство отрезанную локотину либо уши убитого. Для справки: у большинства кавказских горцев с незапамятных времен бытует обычай возвращаться с локотиной убиенного врага в подтверждение того, что кровник мертв. Хамза отсек верзиле правую локотину, чтобы предъявить ее властям, подтверждая факт убийства. А отрубил он руку, а не уши только потому, что этого требовала традиция лезгин. Словом, Хамза вернулся

в духан с локотиной верзилой, что поначалу привело в ярость Георгия Кучатнели, а потом повергло в тяжкие раздумья: отрубленная рука как-то не вязалась с легендой, затверженной духанщиком и Милилой, по которой Арсен погиб от выстрела Хамзы. Выход нашелся, легенду подправили: ссора случилась во дворе, Кучатнели в честном единоборстве отсек верзиле саблей локотину, а Хамза прикончил его выстрелом. Тут же следует сказать, что после этого случая никто никогда Хамзу больше не видел, пошел слух, что с ним разделались друзья Арсена.

Георгий и Хамза отправились верхами в Мцхети. Георгий разбудил князя Гедеванишвили и, объяснив положение дел, предложил похоронить убитого верзилу под именем Арсена Одзелашвили. Князю идея пришлась по душе, загудели колокола Самтавро, созывая жителей Мцхети... И пошел плач по земле, и пошел шепот, что убили в Мухатгверди Арсена Одзелашвили и, если не предать труп земле, царицы люди заруют его, камня на могиле не поставив, и останется безвестной могила Арсена. Жители Мцхети перевезли тело верзилы и в ту же ночь предали его земле. Лицо его было сильно изуродовано, да это и не имело значения, темень была такая, что все равно никто бы его не узнал, даже если и видел прежде.

Тут господин Иванэ позволял себе еще одно отступление, вернее объяснение.

Версия об убийстве Арсена Одзелашвили была на руку и народу, и дворянству, и властям. И вот почему.

Люди устали от доносов, устали от постоянных обысков, поскольку едва поступал сигнал, что Арсен находится там-то или там-то, как солдаты, оцепив село, начинали прочесывать все дома, пускали по миру целые семьи. Смерть Арсена полагала всему этому конец.

Все восстания, включая заговор тысяча восемьсот тридцать второго года, как правило, завершались поражением, однако большая часть грузинского общества не теряла надежды на избавление от власти русского царя, восстановление независимости, она выжидала время, и, если бы такое время наступило, авторитет Арсена Одзелашвили пригодился бы для того, чтобы привести в движение крестьянство.

Сам Арсен, со слов того же Милилы и по прочим сведениям, находился в Турции и ждал зова, чтобы вернуться, но и в таком случае версия о смерти была всем на руку, поскольку воскресший из мертвых вызвал бы в народе большой трепет, его и без того громкое имя увенчалось бы нимбом бессмертного. История знает достаточно таких примеров.

Власти устали выслушивать бесконечные выговоры из Петербурга за непоимку Арсена. Версия об убийстве позволяла послать соответствующую реляцию, а если бы вдруг Арсен снова объявился, можно было прикрыться, как щитом, Кучатнели, обвинив его в злостном обмане.

Кучатнели за убийство Арсена даже побрякушкой наградили. Милила сказывал, что у Георгия были и другие награды, он даже носил их, но после того, как ему дали медаль за Арсена, он вообще перестал носить награды. Милила видел его многожды и отметил это...

...Если верить календарю, то мы уже, считай, сорок три дня в пути. Две недели, как у меня есть олень... Вон, мох уплетает... Ух, Кола, отличный ты парень! Хозяин не догадался назвать мне твою кличку, а я как-то забыл спросить. Скорее всего, у тебя ее нет. У нас, к примеру, разве на всю отару кличек напасешься? Вот и с оленями, наверное, так же. Я назвал тебя Колой. Хорошее имя, надеюсь, нравится. Наконец вот оно, редколесье! Солнышко не слишком балует, но хотя бы светло. Я прошел примерно шестьсот километров... Погоди - пятое декабря... сегодня день моего рождения!.. Подумаешь, велика важность... Надо все-таки отметить. Еды у нас вдоволь, любезный Кола, и выпивки сколько угодно - прямо под ногами река. Кутнем! И мясцом закусим! У нас всего полно, не будем скаредами хоть на

денечек, будем бесшабашными, щедрыми, расточительными - словом, настоящими грузинами".

Подготовка к побегу была долгой и тщательной, велась она под жестким надзором Миши Филиппова, и все же кое-что он не учел: во время сна холод с земли пронзал тело, проникая сквозь подстеленную ветровку и одежду из оленьего меха, так что долго лежать в одном положении было почти невозможно, приходилось ворочаться. К тому же непросто было найти укрытое место для ночлега, всего-то и удалось что считанные разы. Это сказало на силах, и бодрости отнюдь не прибавило, так что в первую же ночь, как оказалось возможным соорудить себе ложе из толстого слоя ветвей, он заснул как убитый и чуркой пролежал целых двенадцать часов. "Застолье" поправило ему настроение, он проснулся бодрым, позавтракал и двинулся в путь, предавшись воспоминаниям.

"На кладбище Земмеля все вспоминали Дариспана, отца князя Гиго и друга Арсена, того, кто наставлял Михаку по поводу Георгия Кучатнели, и вспоминали часто, с каким-то особенным чувством почтительного восхищения, но исключительное право на воспоминания принадлежало некоему старцу, такому древнему, что меня, пожалуй, можно было бы отнести если не к шестому, то уж непременно к пятому колену его потомков. Если верить рассказам этого старца, Дариспан был личностью загадочной, человеком, заключавшим в себе притягательную тайну. Я был поглощен мыслями о нем, и, сказать по правде, его личность и поныне волнует меня.

Когда скончался отец Дариспана, князь Кайхосро, его старший сын, занятый на военной службе, прибыл в отпуск на похороны отца. Поскольку военная служба не позволяла Арчилу, так звали старшего сына, заниматься поместьями, он оставил за собой небольшую усадьбу с лесами. Утвердив остальное имущество братьям в наследство, Арчил отбыл. Со временем он стал блистательным генералом, прославившим свое имя больше, чем кто-либо из грузин, находящихся на царской службе.

Отвоевавшись в Крыму, Дариспан вернулся домой. Все деньги, какие у него были - наличные и полученные от продажи кое-каких поместий, - он вложил в извозный промысел. Купил буйволов и волов на пятьсот парных упряжек, двести арб и взялся ходить с кладью обозами между Каспийским и Черным морями. Основной торговый путь между Европой и Азией шел через Закавказье. К слову сказать, дело пошло так успешно, что ему было пожаловано государем звание члена Мануфактурной коллегии с какой-то медалью в придачу...

Впоследствии это и спасло Дариспана от каторги. Старцу с Земмеля самому доводилось видеть въезд обоза в Тбилиси - Дариспан водил ребятишек то в Ортачала, то в Дигоми, в зависимости от того, откуда шел обоз - с юга или с запада. Владельцы товаров уже поджидали там. По прибытии обоза купцы подвязывали кирманские шали к рогам буйволов, запряженных в головную арбу поезда с принадлежащими им товарами. "Кирманские шали" старец произносил с особым чувством!..

Главное тут вот что... Мне уже доводилось говорить: разбойники и грабители лютовали так, что по обе стороны от проезжих дорог власти извели леса. Почта со случайными попутчиками сопровождалась конвоем с пушками. А вот обозы Дариспана ходили безо всякого конвоя, у аробщиков, кроме кинжалов, никакого оружия не водилось, от моря до моря никто и пальцем их не трогал, за исключением одного случая, да и то, когда Дариспан сидел в тюрьме. Кладь сама по себе немало стоила, да и цена за перевоз была высокая. При таких обстоятельствах пара-другая страховых компаний не могла быть в ответе за целостность поклажи, и понятно, что единственным поручителем был сам перевозчик. Спрашивается: в те смутные времена оголтелых убийств и грабежей кому по плечу было такое поручительство?! Только Дариспану. То ли он откупался от грабителей, боялись его, то ли сам был вожаком и участником всекавказского сопротивления и брожения, Бог весть.

Старцы высказывали множество соображений в подтверждение последнего предположения. Одно из них касалось Арсена Одзелашвили.

Как-то раз один из обозов Дариспана застигла по пути из Сальян ночь, примерно верстах в пятидесяти-шестидесяти от Тбилиси. Погонщики распрягли скотину, пустили ее пастись, развели огонь и сели ужинать. Откуда ни возьмись, появился статный всадник и, спешившись, поздоровался с ними. На нем была дорогая черкеска, бурка и оружие. Он подсел, спросил, чей извоз. Ему ответили. Слово за слово, завязалась беседа, и пришлый рассказал, что он с Дариспаном побратимы, испившие серебра из одной чаши, вместе росли. Гость представился как Арсен Одзелашвили. Понятно, что аробщики ему обрадовались. Наутро Арсен сообщил, что намерен ехать вместе с обозом в Картли, чтобы под видом аробщика миновать Тбилиси. Аробщики дали ему старье, а Арсеново платье убрали в поклажу. Распрягли коня, припрятали сбрую. Лошадь привязали к арбе коновязью и тронулись в путь. Дариспан встретил обоз в Ортачалах. Обозничий шепнул, что с ними Арсен. Побратимы оглядели друг друга. Обозничий получил записку для передачи Арсену, в которой Дариспан писал жене: "Прими этого человека, чтобы его никто не видел, скоро вернусь". Как было велено в записке, так Арсена и приняли. Через пару дней вернулся Дариспан. Он и прозвал, как оказалось, Арсена Одзелашвили Гордой.

Не знаю, как долго гостил Арсен у Дариспана, - я ничего не слышал об этом в саду Земмеля, но как-то раз к воротам Дариспана подъехал пристав Кобулашвили, а может, Сологашвили, в сопровождении двух стражников. Он потребовал выдать человека, которого укрывает у себя Дариспан, и, предъявив ордер на обыск, объяснил, что должен доставить его в Гори по приказу уездного начальника. В ответ на это Дариспан рассмеялся, ругнув вначале уездного начальника, а вслед за ним и пристава. Пристав толкнул калитку и въехал верхом во двор. Дариспан выхватил пистолет и снял выстрелом, как там его, Сологашвили или Кобулашвили. Стражники взвалили своего начальника, как суму переметную, на лошадь и ускакали. Медлить было нельзя, Дариспан дал Арсену сопровождающего, денег и записку к овчару, в прошлом разбойнику, с просьбой укрыть и оберегать подателя записки. Местечко Кваблиани относилось к Османской империи, и рука кавказского правительства до него не дотягивалась.

Пристав остался в живых. Дариспану пришлось больше года отсиживаться в тюрьме. Адвокаты ловко пустили в ход его военные заслуги, чины, происхождение, наглость пристава, большие заслуги в извозном деле и прочее. Пустили в ход, но, увы, ничего не добились, пока не раскопали всеми забытый, но действующий указ, изданный Петром Великим. Дариспан был членом Мануфактурной коллегии. Это учреждение основал сам Петр для развития промыслов и извоза, членам ее были пожалованы и утверждены особым указом привилегии. Согласно десятой главе "Соборного уложения", владения членов Мануфактурной коллегии пользовались правом неприкосновенности, ступить туда без приглашения мог разве что сам всемогущий Господь. Если член этой достойнейшей ассоциации совершал какое-либо преступление и при этом самолично не являлся в полицию, приставу надлежало, оцепив владения, терпеливо выжидать, пока сам преступник или кто-либо из членов его семьи не попадет ему в руки. На Руси бывали случаи, когда преступник и все его семейство месяцами отсиживались в доме... Адвокаты Дариспана воспользовались промашкой пристава, самовольно преступившего границы владений члена Мануфактурной коллегии. Кроме того, Дариспан по доброй воле явился к начальнику уезда, правда, цель его была несколько иной - он пришел избить начальника за то, что тот посмел прислать к нему пристава. Случившиеся здесь люди едва удержали его, но этот эпизод в дело внесен не был - взятка перевесила.

Таков был Дариспан - рыцарь, негодянт, авантюрист... В его личности тебя всегда волновало именно это свойство, ты и теперь к нему не равнодушен. Как тут остаться равнодушным, когда ты молод и мечтаешь об опасных приключениях. Дариспан скончался пятидесяти шести лет от роду от отравления - съел зараженной убоины. Такой вульгарный конец часто является уделом ярких личностей. Он умер, и через месяц разграбили обоз.

Убыток, который нужно было возместить купцам, оказался так велик, что второе ограбление довело дело до банкротства. Старший брат Дариспана нагрел руки началось строительство железной дороги, от моря до моря пролегали дубовые шпалы, большая часть которых была поставлена им по рублю за пару. Куда было деваться с арбами да буйволами наследникам Дариспана?! Вот они и ликвидировали дело.

Шло время, большая часть грузин отказалась от сопротивления, молодое поколение ретиво служило русскому царю, пожиная чины и медали. Арсен женился на единственной дочери приютившего его овчара и занялся разведением овец. Рассказчик заверял, что в Кваблиани и поныне живут несколькими дворами потомки Арсена под чужой, понятно, фамилией.

Такое жизнеописание Арсена, наверное, известно всем, кто черкнул хотя бы пару строк о нем. В сквер Земмеля хаживал и Михаил Джавахишвили[9], ему тоже кое-что довелось слышать об Арсене, свидетелями тому были я и дед Гора. Но ни одним из множества рассказов почти никто не воспользовался. Возможно, потому, что разработка темы Арсена пришлась на такой социальный период, когда от литературы требовалась мужественная смерть народного героя, а не прозаический итог жизни пастуха из Кваблиани. Коммунистическая идеология взяла себе за цель подавить все национальное, а потому втиснула литературу и историю в рамки классовой борьбы и социалистического реализма.

При чутком участии деда я осмысливал до самого донного донышка каждый из поступков каждого участника этого необыкновенного жизнеописания: рыцарство, благородство, хитрость, коварство... Мы беседовали, дед меня нахваливал. Может, его похвалы и пробудили потребность чутко прислушиваться к тому, что происходило во мне самом..."

Лишь спустя два месяца Митиленич получил ответ на свой запрос из геологического управления. Он смотрел на нераспечатанный конверт у себя на столе, как если бы раздумывал, стоит ли его вскрывать.

Запрос он сделал после того, как оперативники, не сумев напасть на след Горы, усомнились в его, Митиленича, версии. Митиленич же стоял на том, что преступник бежал из коллекторного колодца, но никаких подтверждений тому найдено не было, кроме разве что козел, но и те неизвестно, как и когда туда попали. Митиленич решительно отмахнулся от возражений оперативников: "Ну и ищите тогда Каргаретели в бараках, если уж других следов не обнаружили".

Чтобы убедиться в своем предположении, Митиленич, едва распогодилось, отправился в хижину гляциологов. Он пригласил с собой заместителя, новоиспеченного юриста, потому как едва ли не перед образами пообещал его папеньке, ходившему у него в начальниках, отменно вышколить сына. Поначалу наставник и выученик тщательно исследовали окрестность вокруг хижины и дверь. Не нашедши ничегостораживающего, взялись осматривать хижину. Митиленич зажег фонарь и, устроившись на топчане, погрузился в размышления. Выученик изучал стены, миллиметр за миллиметром. Делал он это с такой дотошностью, что Митиленич раздраженно заметил:

– Судя по всему, ты принимаешь Каргаретели за урюпинского туриста, а эту хижину - за павильоны в Парке культуры и отдыха. Думаешь, он оставил на стене свою фамилию, имя и дату? Брось, Глеб.

– Выйду огляжусь, - предложил Глеб. - Если беглец ночевал здесь, оправиться-то надо было хоть раз?

Митиленич, усмехнувшись, заметил:

– Насколько мне известно, по этой улике преступника почти невозможно установить... Здесь где-то должен быть перечень предметов, оставленных гляциологами в хижине. Не обнаружим

- тоже добрый знак, даже, пожалуй, более чем добрый.

– Это почему же? - любопытствовал ученик.

– Каргаретели был в хижине, взял кое-что отсюда и уничтожил перечень, чтобы замести следы. Загляни в печь, там должен быть пепел... Сделай описание. Отметь чердачный лаз, лестницу. Не пропусти ничего.

– А вы не осмотрите хижину?..

– И так ясно! - отозвался Митиленич.

На том и кончили, Митиленич не стал больше задерживаться. Сел в вертолет и вернулся к своему столу.

Итак, Митиленич смотрел на конверт. Хоть ему и было наперед известно содержание письма, тем не менее он распечатал его и пробежал глазами. Так оно и было.

– Лыжи... С палками! Дело даже не в лыжах, а в том, что они пропали. Кто их взял? Каргаретели, больше никому!..

Второй флажок на карте отметил хижину гляциологов.

"Это всё ничего. Нужно поразмыслить, сколько успел он пройти за это время? И вообще, жив ли он? К сожалению, Митиленич, все это мраком покрыто, а надо бы знать! Он жив, если у него есть снаряжение, путь предстоит долгий и трудный. Допустим, есть, и он идет.

Что именно есть у него и откуда? Надо бы Сумина вызвать. Сколько у него фамилий? Он же Ивановский, он же Преображенский, он же Рюмин".

Зэка доставили на следующий день. Он беспокойно ерзал в углу на прибитом к полу стуле, шныряя по сторонам глазами.

– Чего ты трусишь, братец?.. Я в старых делах, нераскрытых, не копаюсь. Я - начальник розыска. Тебя не предупредили? Ты бывший вор, да?

Лагерник помрачнел, но промолчал, уронив голову.

Митиленич, как водится, справился о составе преступления, семейном положении, характере работы и состоянии здоровья.

– Не горюй, вот-вот выйдет амнистия, не иначе и ты подпадешь, подбодрил он приунывшего зэка и только потом приступил к делу: - В прошлом году освободился некто Филиппов. Сибиряк, охотник, его Мишей звали. - Он подождал, пока Сумин кивнул, и продолжил: - В августе к нему брат приезжал. Ты тогда еще заявление начальнику лагеря подавал, просил свидания с соседом. Вы встретились. Он тебе ничего не давал брату передать?..

– Д-а-а! А откуда вы знаете? Он забыл брату часы отдать и передал через меня. Как же, как же... Там был один грузин, Гора... Старик. Тот самый, что из колодца убег. Эти часы ему Филиппов подарил. Знаете, нет? Гора, каптер!

Митиленич замер, лихорадочно соображая. Он соображал так долго, что зэк, обеспокоившись, заерзал на стуле.

– Какие в лагере разговоры? - подал наконец голос Митиленич.

– Вы о чем, начальник?

– О беглом.

Сумин пожал плечами:

– Откуда мне знать? Разное болтают... Будто хана ему, замерз в дороге.

– Ладно... будет, ступай.

Митиленич нажал на кнопку звонка. Заключение увели.

Эта встреча только раззудила в нем тревогу. Известно ведь, что зэк всегда все раньше всех узнает: действительно, "хана ему, замерз". Черт с ней, с почетной грамотой, зато жена не сбежит, но часы! Забыл, говорит, брату передать. Зато, может, передал много чего другого... Как передал? А где этот припрятал? Вот ведь задал задачу.

Митиленич, как и подобает истовому профессионалу и сыщику, безгранично влюбленному в свое дело, не стал мешкать, оформил отпуск и вылетел в Красноярск. Он перекопал все агентурные данные и в краевом, и в районном розыске, все надеялся, может, где и сболтнули лишнего Филипповы. Тщетно. Тогда он взялся за сведения, полученные по спецзаданию от информаторов. И тут незадача, кроме разве что детали: якобы Миша Филиппов где-то сказал, что, если бы его не освободили, он все равно бы бежал, сменил фамилию на свободе - и тогда ищи ветра в поле. Только и всего. Так говорит каждый третий заключенный - язык без костей. Но Филиппов бы точно ушел, тайга была его стихией. И только после этого обул Митиленич "железные лапти, взял в руки железный посох" и отправился в тайгу потолковать с Филипповыми.

Зима выдалась лютая, но Митиленича погода не тяготила: в гостеприимстве, водке и тепле недостатка не было. Вот только по жене истосковался, да в свирепый мороз, когда машина надсадно хрипела в глубоком снегу, он тотчас же переносился мыслями к Каргаретели - если этот старый идиот жив, то каково ему приходится!

Братьев Филипповых доставили в районное отделение. Миша Филиппов воспринял сообщение о побеге Каргаретели как некую обиду, к которой он проявляет интерес разве что из вежливости. А младший брат и вовсе осведомился у старшего, что это, Каргаретели, фамилия или государство. Но и Митиленич не лыком был шит: каких только ловушек он не расставлял, в присутствии начальника отдела и опера из угрозыска часа четыре прямо-таки пытал братьев, но Филипповы оказались тверже кремня...

Эта попытка тоже не дала результатов, тем не менее Митиленич после разговора с Филипповыми заметил своим районным коллегам:

– Не признались, да я на это и не рассчитывал. Для меня яснее ясного, что у Каргаретели есть все необходимое, чтобы добраться до центров. Из этого и надо исходить!

Митиленич размышлял в самолете:

"Мне нужна зацепка, хоть какая, жив Каргаретели или нет... След, преступление, труп - что-нибудь! Если он мертв, все проблемы сами по себе снимаются... Жаль его, сукина сына! А себя не жаль? Жаль, в том случае, если Гора остался в живых и ушел. Жив он, сволочь, жив и идет себе. Терпение, Митиленич, никакой паники! Весной съезжу в Грузию, возьму отпуск. Я должен разузнать о нем все: кто он, что из себя представляет, как он жил, на что способен и в какой семье рос... Заберу с собой Мару... Вот забавно, на юг я всегда ездил один и почему-то после того, как жены бросали меня. Никогда не был там с женой. Вместе поедem и вместе вернемся. А вдруг она прямо оттуда и сбежит? С какой стати, я же еще не взял Каргаретели!..

А мой отец?... Интересно, когда б его не расстреляли, он бы тоже сбежал? Надо будет там родственников порасспросить, если, конечно, мне удастся найти кого-нибудь из них... А может, для начала стоило б съездить в Уренгой?.."

"Мне бы освежить в памяти кое-что из того, что я слышал о Дариспане. Хочется как-то больше разобраться, отчего личность его вызывает мое восхищение."

Началась война. В Грузии еще бытовала старинная традиция: "Ты не мужчина, если не воевал!" Дариспан пошел добровольцем. В те годы в Картли жил некто Канчавели, человек среднего достатка, то ли князь, то ли дворянин. Даровав вольную своим крепостным, он отдал им же в аренду все земли, какие у него были. Если случались деньги, он закатывал пиры, себя не обделяя и других не забывая. Когда деньги иссякали, он, в ожидании осенних поступлений от крестьян, проводил время у многочисленной родни, близкой и дальней. Канчавели как раз гостил в семье Дариспана, когда госпожа Родам разрешилась беременем. Дариспан в это время воевал в Молдавии: с турками, французами, англичанами и сардинийцами. На другой день после рождения ребенка Канчавели объявил, что должен съездить в Молдавию, порадовать Дариспана вестью о рождении сына!

Поскольку Канчавели слыл человеком легковесным (отпустил крестьян на волю, блажил и чудесил с друзьями), никому на ум не пришло всерьез принять его заявление. Канчавели же сел на коня и был таков. Даже вообразить трудно, сколько времени надо истратить на то, чтобы верхом на коне пересечь Западную Грузию, Черкесские земли, Таманский полуостров, весь Крым, Северное Причерноморье и Северную Молдавию, но зато легко представить, как отвисла челюсть у Дариспана при виде Канчавели, когда тот вместо приветствия гаркнул: "Сын у тебя родился, Георгием назвали!" Так или иначе, Канчавели как вестник радости получил тридцать золотых, шапку калмыцкого каракуля, черкеску верблюжьей шерсти, под пару ей пояс с саблей и кинжалом, ахалтекинскога скакуна под седлом и с миром вернулся домой. По тем временам даров этих хватило бы на обустройство десяти крестьянских хозяйств. Сдается мне, Канчавели точно знал, куда и зачем едет.

Вот и называй его легковесным!..

К этой Дариспаниане можно бы присовокупить еще одну из любимых побасенок Михаки, о побиении которым волка кукурузным початком я уже вспоминал.

"Ехал я верхом в деревню по соседству. Все больше тропинки выбирал, чтобы путь сократить. Поднялся на взгорок, глянул вниз - сплошь купы кустарника... Здесь, думаю, зайцы водятся... Только подумал - из кустарника зайчиха - скок, цапнула у меня из рук плеть и была такова, словно ее земля поглотила, а может, небеса, не знаю. Хорошая плеть была, ничего не скажешь, драгоценными камнями изукрашена. Прошло пять месяцев или шесть - не скажу точно. Еду я все тем же путем, по тем же тропкам. Стою на том же взгорке, и припомнилась мне плеть. Только подумал - из-под того же куста павой выплыла зайчиха с плетью в зубах, за ней семеро зайчат, и у всех семерых по крохотной плеточке."

Я остолбенел, звука не могу издать. Весь выводок неторопливо, не сбиваясь с пути, гуляючи прошелся передо мной и канул..."

Судя по архивам кладбища Земмеля, в девятнадцатом веке блаженных в Грузии было хоть отбавляй. Мне этот Михака тоже представляется блаженным, а о Канчавели и говорить нечего. А вот вам еще один блаженный - юный Питала.

В сквер Земмеля ходила дама: увядшая, ссохшаяся, от рождения, пожалуй, величиной с ноготок, некая госпожа Элисо. Она встречалась мне и в "гареме Джимшеда". Эту историю я помню с ее слов.

Отец госпожи Элисо, Давид, был артиллеристом и воевал с Шамилем. По офицерскому чину

ему полагался денщик - он и был у него. Но по тем временам воину-грузину не пристало использовать на посылках человека, облаченного в военную форму, поэтому денщику полагалось сопровождать своего офицера да присматривать за его лошадью и амуницией. Этим ограничивались его обязанности, а на посылках, будь то мирное или военное время, грузинские офицеры использовали крепостных. Обычно проворных подростков лет пятнадцати-семнадцати. Имел при себе мальчика по прозвищу Питала и отец госпожи Элисо. Их воинская часть стояла лагерем в самом центре Дагестана. Питала неотступно ходил за баринком, умоляя купить ему на Рождество красную рубаху. Барин купил. Надел Питала рубаху и был таков, исчез в одной красной рубахе. Стояли сильные холода, по ночам даже мороз прихватывал. Барин обыскался его, никаких следов. Решив, что мальчика похитили, Давид послал к горцам посредника, с тем чтобы они назначили выкуп. Вернувшись, посредник сообщил, что мальчика никто не видел, но горцы пообещали порасспросить о нем в соседних аулах. Прошло время, от мальчика не было никаких вестей. Объявился он только на двадцать девятый день. Завидев его, барин от радости залился слезами и с трудом выдавил из себя:

– Где ты был, Гитала?!

– Дома!..

Как выяснилось, Гитала, бедняга, пехом прошел через весь Дагестан, Чечню. Оставив позади Дзауги[10], Стефанцминду, Арагвинское ущелье, добрался до родного села в Горийском уезде и вдруг вырос на пороге своего дома. Бросив ошеломленным от неожиданности домочадцам: "Вот красная рубаха!" он повернулся разок, чтобы дать разглядеть себя со спины, и ринулся обратно в Дагестан - ни тебе здравствуй, ни до свидания. Гитале для перехода ни конвой не понадобился, ни пушки. Как ушел в красной рубахе, так и вернулся в ней к барину. Что он ел все эти дни, где ночевал - так и не удалось выяснить. На все расспросы он коротко отвечал:

– А кто его знает!..

Еще одним завсегдаем сквера Земмеля был некий Саварсам Карумидзе. По возрасту он годился в отцы моему деду. Еще до отмены крепостного права семья Карумидзе приютила у себя супружескую чету Баидошвили. Тогда не то что пастбищ и угодий, но и ущелий было множество, и заброшенных деревень, дочиста разоренных северными горцами. Помещики охотно давали пристанище бездомным, помогали им, как могли, укорениться, разжиться - словом, чтобы множилось они и барину в помощь были. Пришли Баидошвили, люди сноровистые, за несколько лет встали на ноги, но от судьбы не уйдешь. Нико в пьянке был нрава злобного. Как-то раз на празднике он в порыве безудержной ярости схватился за кинжал, и в результате домой его принесли мертвым. Даро пережила его на пару лишь лет и, изведя себя горем, ушла вслед за мужем. Остался Сандро, парнишка четырех лет. В Грузии искони бытовал обычай: если батрак или крепостной оставался сиротой, не находя приюта ни у кого из близких, заботу о нем брал на себя барин, давал ему воспитание, обустроивал. Карумидзе забрали к себе малыша Сандро, растили его со своими детьми. К ним были приставлены воспитатель и француженка. Учился Сандро на равных с господскими детьми, выказывая несомненные дарования. И воспитатель, и француженка в один голос ратовали за то, чтобы Сандро продолжил образование в гимназии.

Как-то раз привезли барину к Пасхе ягнят. Сандро тогда было семь или восемь лет. Один ягненок был, что называется, рыжиком. Сандро бросился к нему, прижал к себе и с тех пор не расставался, не спал, не ел без него. Близилась Пасха, собрались резать ягнят, вместе с ними и рыжика. Сандро от горя даже чувств лишился, с трудом привели его в себя.

Подошло время определяться в гимназию, но мальчик упорно отказывался учиться, ему хотелось стать овчаром, пасти овец. Его долго уговаривали оставить пустую затею, но

мальчик стоял на своем, и тогда его насильно отвезли в гимназию вместе с Саварсамом. Он сбежал на третий день и вернулся обратно в деревню. Так повторилось несколько раз. Потому прозвали его на деревне "обратным". Господа в конце концов оставили его в покое - пусть живет как хочет.

Эту историю я слышал в детстве раза три, не меньше. Каждый раз ее рассказы-Вали по-разному, и каждый раз в этом месте я непременно задавал вопрос рассказчику: "А что случилось с рыжиком?" И ни разу не получил на него ответа... Сандро отвел от себя угрозу гимназии и стал неотступно молить отпустить его в пастухи. Стал молить и таки добился своего, это в двенадцать-то лет. К отаре Карумидзе был приставлен овчар, человек опытный, достойный и верный, ему-то и препоручили Сандро. Лет до четырнадцати мальчик был при нем, потом вдруг исчез, оставив записку с просьбой не беспокоиться о нем и с заверением, что через несколько лет вернется уже со своими собственными отарами.

Восемь лет спустя он и впрямь объявился со своими отарами. Все это время Сандро, как выяснилось, пастушил у казбекских горцев. В те времена как овцеводы, так и пастухи занимались своим промыслом в заведенном порядке. Под началом двух пастухов были отара из двух тысяч овец, шесть кавказских овчарок, две упряжные лошади и два иноходца. Отработав год, пастух отбирал из стада в свою собственность пятьдесят овцематок. По прошествии двух лет у него уже было сто собственных овец и пятьдесят полагаемых из хозяйской отары. Итого, сто пятьдесят, а через три года все триста пятьдесят. Словом, за восемь лет службы Сандро стал хозяином трех отар, или шести тысяч голов, к тому еще овчарки, табун из тридцати лошадей да деньги, довольно много. Женился, пошли дети, и зажил он жизнью зажиточного крестьянина. Больше шести тысяч овец не держал - считал, что этого достаточно. Он был обучен грамоте, умел держать слово, помогал бедным, сирым, и мужеством его Бог не обидел.

Времена были лихие, поэтому смелость и отвага нужны были овцеводам не меньше, чем умение ходить за овцами и врачевать их. Пастухи водили отары на кизлярские пастбища через земли, населенные северокавказскими племенами: водили туда и обратно. Какие только испытания не выпадали на их долю!

К двадцати пяти годам слава об овцеводе Сандро Баидошвили шла по всему краю, о его отчаянной храбрости были наслышаны по обе стороны Кавкасион. Сандро-то ходил под Богом, но и черт не дремал, и вот ведь как вышло, что осудили его на двадцать лет каторги.

Случилось все просто и вдруг. Таможенники на Ларсе остановили отару сбор за зимние пастбища составлял копейку с головы. Это были новички, Сандро никогда прежде их не видел. Таможенники спросили, сколько голов он перегоняет. Сандро ответил так, как то и было. Его подняли на смех, тем не менее Сандро держался вежливо. Старшему таможеннику пастух показался простаком, и он решил поднажать, чтоб выколотить из него побольше денег. Как говорится, нашла коса на камень. Таможенник осатанело бранился. Сандро спокойно отвечал. Его невозмутимость привела таможенника в бешенство, и он, не сдержавшись, дал Сандро затрецину. В ответ Сандро отвесил оплеуху, от которой тот грянулся оземь. На подмогу начальству кинулись двое других таможенников, один безоружный, второй - при винтовке со штыком. Безоружный выхватил из рук сотоварища винтовку, хотел было поддеть Сандро на штык, но тот опередил его кинжальной раной в живот. Таможенник упал и забился в судорогах. Солдат кинулся к своей винтовке, но и его постигла участь младшего таможенника - он испустил дух со вспоротым животом. Начальника тем временем и след простыл. Сандро погнал отары дальше. Его взяли во Владикавказе. Брат одного из убитых таможенников служил в Тбилиси околоточным надзирателем. Объявившийся начальник таможенной заставы ни за какие блага не склонялся к правдивым показаниям. Да и какая, собственно, разница, когда на тебе две человеческие жизни. Как ни старались Карумидзе только виселицу сумели отвести от Сандро Баидошвили. Двадцать лет не подавал он о себе вестей, его считали мертвым, однако он вернулся. Вернулся... Куда девалась его всегдашняя

улыбка, мощная грудь, горделиво развернутые плечи! Развалина и калека. Вместо ноги - обрубок по колено.

Года два он беспрестанно болел. Жена Сандро - Майя была родом из Марабды, за что прозвали ее на селе Марабдулой. Пока Сандро отбывал срок, она вырастила детей, поставила их на ноги, сумела приумножить добро, так что к возвращению мужа семья жила в полном достатке. Сандро не хотелось стеснять домочадцев. У старшего сына был дом каменной кладки, и в нем маленькая комнатенка, там он и обособился. Он все больше молчал и молился. Пришла весна. Сандро стал выходить во двор, греться на солнышке. Это был добрый знак - Сандро оживал душой. Он и ходить стал иначе - перестал волочить, широко расставляя по привычке к кандалам, ноги, на лице его заиграла почти прежняя улыбка. Отобрав двух бурых бычков с белыми звездочками на лбу, он стал их выхаживать, выбирая для них травку посочнее, лесные груши и яблоки по вкуснее. Бычки подросли и к двум годам так налились силой, что не было им равных в выносливости. Правда, под ярмо их не ставили, в старину в Грузии почиталось за грех запрягать вола моложе пяти лет.

Как-то осенью Сандро пригнал своих бычков, бурых, со звездочками, в лес похрупать дикие груши. С немалым трудом взобравшись на дерево, он стал трясти его. Бычки внизу звучно жамкали фрукты, а Сандро, глядя на них, радовался. Присмотрев ветвь, густо унизанную плодами, он потянулся за ней, она подломилась, Сандро Баидошвили упал на землю и испустил последний вздох. Его похоронили, положили на могилу надгробный камень, который и поныне там. На одной грани надпись: "Ни себе в радость, ни другим", на другой высечены рога, бараньи рога.

В этом рассказе, помнится, мне сперва не давала покоя тревога за участь рыжего ягненка. Потом я едва ли не до иступления довел деда Иагора, пытаюсь выяснить, какими все же правами наделен околоточный надзиратель, как далеко простирается его власть. Мы даже повздорили, потому как я все твердил о ягненке и околоточном, а дед мне в ответ - о любви к животным, о пользе труда и, главное, о некоей закономерности, по которой успех нередко порождает роковую самонадеянность, а за смертный грех ждет расплата, если не тебя, то твоих детей!

Какое чудо человеческая память. Я отчетливо припоминаю, как заливались черные дрозды и соловьи в зарослях орешника на обочине нашего сада; окаемок и цвет камней, наваленных у родника Оникашвили; помню, что любовницу Дереника, тачавшего сапоги против нашего дома, звали Лолой; помню, что брюки покроя "чарльстон" первым в Тбилиси надел молодой адвокат Бесик Мчедлидзе. Много всякой всячины помню. Покойный Амиран Морчиладзе притворно возмущался: "Сколько мусора у тебя в голове!" А вместе с тем из истории Коташвили, которую я слышал в "гареме Джимшеда", у меня выскользнуло из головы что-то настолько важное, что остальное вроде бы и смысла лишено... А ведь эту историю я тоже слышал в детстве и, если исходить из моей теории, должен был твердо ее помнить. Может, "нечто важное" я выпустил из памяти потому, что история была забавной, а дед Гора не вынес из нее никакой морали, кроме как: никогда ничего не проси ни у жены, ни у любовницы иначе придется платить сторицею! Удивительно, тогда я ничего не мог понять из этой максимы да и потом не разделял ее, но просить редко когда приходилось, в том числе и... Может, и впрямь это правило заключает в себе рациональное зерно?.. Господи, ну и что, что выскочило из головы?! Давай вспомним саму историю, может, в процессе рассказа забытое само всплывет в памяти?..

В одной из деревень, то ли карталинской, то ли кахетинской[11], жил крестьянин по фамилии Коташвили. За точность имен действующих лиц этой истории я не ручаюсь, поскольку не смог их запомнить по двум причинам. Перво-наперво, мне было всего то ли шесть, то ли семь лет, а рассказчице за сто, и шамкала она эту историю беззубым ртом. А вторая причина состояла в том, что я глаз не мог отвести от лица рассказчицы - у нее был огромных размеров подбородок в девять складок!

Ило Коташвили было восемнадцать лет, когда родители взяли ему в жены девушку шестнадцати лет, звали ее Даро. Ее привезли из дальнего далека по тем соображениям, что вдали от своих родителей жена бывает более покладистой. За семь лет супружества детей у них не было. Пока не пошли дети, Даро без конца недомогала, ни днем, ни ночью не снимая со лба теплого платка, туго повязанного по самые глаза. Зато когда она в двадцать три года родила первого ребенка, с тех пор...

Бедняжка Даро скончалась тридцати пяти лет от роду и оставила Ило Коташвили шестерых детей. За двенадцать лет шестеро детей! Она была хорошей матерью, скольких послал Бог, стольких и вырастила крепкими, здоровенькими и после первого ребенка ни разу не издала стона, не болела, и платка на лбу у нее никто больше не видел, но вот так, вдруг, померла в одночасье, бедняга.

Коташвили долго горевал по своей Даро, иная мать по сыну так убиваться не будет. Он все сидел у надгробья и лил слезы. Забросил хозяйство, забыл о пахоте, доме, севе, скотине. Деревня извелась от жалости, на него гляючи. Поговаривали, что он умом тронулся, бедолага.

В конце концов призвала его барыня к себе и сказала:

– Хватит горевать, детям присмотр нужен. Так не годится. Я решила тебя женить.

Ило понурился:

– Воля ваша, барыня.

Коташвили, коренастый крепыш, был сноровистым, умелым, трудолюбивым мужиком, довольно зажиточным. Повезла его барыня в материнское имение и вот ведь подыскала ему жену отменную - молодую, лет двадцати, бездетную вдовицу Като. Невеста - ласковая, привлекательная, полная сил и здоровья оказалась такой умницей и трудягой, что вытащила из запустения хозяйство, поставила на ноги семью. Дети ходили обутые-одетые, мытые-причесанные; муж лучился благодарностью, деревня и соседи были довольны-предовольны; господа не могли нарадоваться. Като не позволяла посторонним совать нос в свои дела, семейные и супружеские, сама в чужие не вмешивалась, если, конечно, люди не приходили к ней за советом или просто отвести душу. Сплетен не слушала и сама не сплетничала. Словом, деревня твердила, на Ило счастье свалилось, но увы... Дела приняли иной оборот.

Пришла Като как-то к священнику и взмолилась:

– Разведи меня, батюшка, с этим человеком!

Священник пристально раза три оглядел Като с головы до ног и, усмехнувшись, осведомился:

– Почему?

– Просто так! - отрезала Като.

– Просто так и цыпленок не оперится, - отпарировал священник.

– Мужняя я баба али нет? За три года ни разу меня не тронул. Так тоже не оперится цыпленок?!

Священник нахмурился, озадачился. Думал, думал и изрек:

– За ради этого не могу развести, дочь моя. Когда бы он к соитию вообще не способен был, то

вера и церковь снизошли бы к твоей просьбе, но у него шестеро мальцов своих и...

Като залилась слезами и, перемежая речь всхлипываниями, забормотала:

– Что делать, батюшка, в какой мне омут кинуться! Не знала б мужика, может, и стерпела бы, да я ж вдовая, вкусила радость, пропади она пропадом... Ладно, пусть не это, я детей хочу своих или право не имею?!

Священнику было лет под тридцать. Он смотрел на молодуху и диву давался: "Надо же, такая соблазнительная бабенка рядом лежит, а он - ни-ни. Возможно ли такое? А Ило? Шестерых на свет произвел, мужик, можно сказать, в соку, чуть больше сорока. Что с ним могло такое статься, что он ее "не трогает" ?.."

– Хорошо, дочь моя, ступай, я поговорю с ним, и, если он будет вести себя по-прежнему, я знаю, как с ним управиться.

Думаю, священник и вовсе не знал, как будет управляться. Призвал батюшка к себе Ило Коташвили:

– Почему не спишь с женой?

– А с кем же я, по-вашему, сплю? - удивился Коташвили. - Тахта одна на всех, вместе на ней и спим.

В старину в крестьянской избе помещалась одна большая тахта, на ней спали и взрослые, и дети. Зыбки с новорожденными и те на ней стояли.

– Я не об этом. Пошто бабу не ублажаешь?

– А как я должен ее ублажать? - вопросом на вопрос ответил Ноташвили.

– А так, как мужик бабу ублажает, - пояснил священник.

– Что вы, отче, как я осмелюсь на такое... Она мне детей растит, от зари до зари вся в хлопотах, с ног валится, до того ли ей. Бог свидетель!

Священник слушал его и думал: он и в самом деле такой болван или ваньку валяет, а когда ваньку валяет, что же у него такое на уме?

Надо полагать, отец небесный не прояснил его мыслей, потому как батюшка только и нашелся, что сказать:

– Дурак ты, братец. Ступай и ублажай ее как положено, не то получишь у меня!

Повернулся Коташвили и пошел себе восвояси, но от угрозы отчевой, видать, отмахнулся и наказа его не выполнил, потому как спустя месяц Като снова заявила к священнику и на этот раз тверже и решительнее потребовала незамедлительного развода.

Ну что тут скажешь. В старину бытовал обычай: с семейными неурядицами такого рода обращались к барам, и те, как могли, улаживали разногласия в присутствии священника и повздоривших супругов. Призывали. Они явились вместе - Като и Ило.

Лето. Под раскидистой липой барин с барыней и священник расположились в креслах. Като и Ило стоят, понурившись. Все молчат, пропадая от неловкости, не решаясь начать разговор. Барину бы слово сказать, а он сидит себе, четки перебирает. Время идет, спасения ниоткуда.

– Скажите что-нибудь! - взмолился наконец священник, обращаясь к барину.

Барин нахмурился, собираясь с мыслями, и думал так долго, что все замерли, ожидая мудрого слова, а вместо этого он вдруг возьми и брякни:

– Эй ты, осел! Для чего тебе эту девку в жены дали?!

– Вот-вот, - пришла на помощь супругу барыня. - Для чего я тебе такую красавицу везла? Дороги в Триалети, не приведи Господь. Могла ли я, с моим здоровьем, ехать верхом? Сам же видел... У проклятого Тедо свиное сало вышло, и я чуть не оглохла, когда арба пошла скрипеть. Разрази его гром, как проголодается, копну соломы в один присест умнет, а свиным салом запастись ума не хватило...

– погоди, Мариам, пусть сам скажет, - прервал ее барин.

– Почему, говорите, жену взял? А разве шестерым моим детям уход и забота не нужны были?! - возразил Ило Коташвили.

– А самой бабе, по-твоему, ничего не нужно? - не унималась барыня.

– Вот именно. Самой бабе, - поддержал в свой черед барин супругу.

– Не знаю, барин, о чем вы, еды у нее вдоволь, одета-обута, на крестины да свадьбы вместе ходим, не скуплюсь на ласку и пожурить умею. Что ей еще нужно, а?

Снова нависло молчание. Барин уже то ли в четвертый, то ли в пятый раз перебрал четки и, не в силах больше сдерживаться, выпалил:

– Ты, Ило, что-нибудь смыслишь в бабах?

– Я-то? Вы, барин, никак, меня за слабосилка держите, а? - залился смехом Ило.

– У него, наверное, есть любовница! - воскликнул священник.

– Есть, отче! - подтвердил Ило.

– Кто, Ило, кто она, твоя любовница? - оживилась барыня.

– Вот, милостивая моя госпожа, вот она, отрада души моей! - Ило погладил жену по голове. - До того люблю, нет мне без нее жизни!

– Вот пролаза! - возмутился барин. - Послушай, болван, тебя спрашивают, когда тебе приспичит, пластаешь ты бабу или нет, а если пластаешь, то кого?!

– Пластаю, как не пластаю. Баб же и пластаю, - объявил Коташвили, обводя всех удивленным взглядом, словно спрашивая: "А кого же еще?"

Это произвело на присутствующих разное впечатление.

– Ой-ой-ой! Что я слышу? - застыдилась барыня.

Барин разинул рот.

Священник чуть приметно усмехнулся.

Като впилась грозным взглядом в мужа и, мотнув головой, ехидно заметила:

– И-и-х, лопни твои глаза! Найдешь ты кого лучше меня! - Потом, то ли припомнила что-то, то ли обида ее разобрала, она закатила такую затрещину распутному муженьку, до баб охочему, что барин едва ль не бросился их разнимать.

– Так бы и говорил, а то замучил всех! - пророкотал барин.

– Ишь ты, баб, говорит! Не одну, не двух - во множестве! Наговаривает. В моей пастве, самое большее, две такие сыщутся, - заметил священник.

А барыня, встrepенувшись, взялась уточнять:

– Откуда бы им взяться? Ну, одна, положим, вдова Тухи, а кто вторая? Вторая, скажем, Маро. Этот старикашка взял в жены девушку, ну прямо розу, жизнь ей сгубил. Эти двое, больше никого. Ежели есть, назови!

– Не выйдет, барыня, не из таких я! Назову кого, другие к себе не подпустят. Дело это деликатное, никак нельзя! - отрезал Ило и обратился к священнику: - Что значит "ваша" паства? Вам что, в собственность дали меня и тех баб или как?! Господские мы, Бог наш пастырь, его волею живы!

– Ежели волей Божьею... - осеклась Като и обернулась к священнику: Знать ничего не знаю! Не разведешь, убегу, сгину!..

– Помолчи, баба! - осердился барин. - Тут еще многое надо выяснить, уточнить... Я барин, и так вот запросто... Стольких и мне не уломать, а ты... Все же как ты ухитряешься, а?

– А чего тут ухитряться?!

– А все же... все же? - Барыня сгорала от любопытства.

Коташвили смущенно усмехнулся, потер ладонью шею, нахмурился и выдавил, словно под пыткой, важную тайну:

– Приворот есть во мне, приворот! Иду себе куда-нибудь... Мужикам на меня плевать, что видят меня, что нет - Коташвили и Коташвили - не велика важность. Зато бабы млеют... А я вот чую, которая больше млеет. Я о бабах говорю, о вдовицах и молодухах. Девочек я не трогаю, жалею их. По правде, и я им не больно нужен. Не знаю, почему, да так оно есть...

– Пропади ты пропадом, бессовестный, развратник, исчадие ада! накинулась барыня, но супруг, прервав ее жестом, сам обратился к Коташвили:

– Ладно, говори о вдовушках и молодухах.

Коташвили стоял, свесив голову в деланном смущении, но похоже было, что его разбирала досада, так ему не терпелось наконец убраться отсюда.

– Говори! - прикрикнул барин.

– Уж не знаю, о чем говорить?

– А все же как это? Вот ты видишь, как она млеет. А дальше? - подводил барин к ответу. - Откуда тебе знать?

Коташвили поднял голову, оживился:

– Встречусь глазами и знаю! Бывает, что молчат, рот платном прикроют и молчат, а я слышу собственными ушами, как глаза их в голос говорят... - Он еще хотел что-то сказать, но барин прервал:

– Подумаешь, это пара пустяков. Трудно то, что следует за этим, а начало - так, тьфу!

– Трудно, барин, не скажу, что легко! Коли ты пентюх, трудно!

– Какой такой секрет ты знаешь, милый человек? - заговорил священник.

– Какой секрет? Вот шел я вчера по проулку с косой на плече. Бабенку в огороде увидел. Ягодка - лучше не сыскать. Она разогнула стан и глянула на меня. И я на нее глянул, и, когда наши взгляды встретились, я уже все знал...

– Прелюбодей и богохульник! - объявил священник и взялся за кресло: Пересяду, чтоб не слышать подобных речей... Я буду вон там, под тем деревом. - Батюшка подбородком указал на дерево, которое росло рядом и так близко, что, сядь он туда, до него все равно доносилось бы каждое слово.

– Ай, что за вопросы ты задаешь? Подобаает ли мне выслушивать такие речи?! - привстав, воскликнула барыня.

– Сядь, не капризничай! - одернул ее барин. - Садитесь, батюшка, и вы, и ты, Маркам! Не уходите! Мы должны сообща решить это дело. Таков порядок! Давай ты, Ило, говори, о чем это ты "знал"?

– Знал, что она уйдет с огорода. И то знал, что, если я пойду за ней, дело заладится...

– И кто же это был? - встряла в разговор крайне взволнованная барыня.

– Э-хе, - засмеялся Коташвили. - Иметь с бабой дело, а потом судачить о ней? Не мужское это занятие!

– Не мешай, Мариам, пусть говорит, подлец, - вмешался барин. - Лучше скажи, вот женщина пошла, а ты, что ли, за ней?

– А как же. Пошел и...

Тут Нато залепила ему вторую оплеуху и снова стала требовать развода.

– Уймись, баба! - одернул барин распалившуюся Като. - Мы пока не добрались до главного. Главное впереди. - Он повернулся к Коташвили: - Ты пошел за ней, догнал... А если она упрется, что тогда?

– Тогда ничего. Силой нельзя. Впрочем, есть и такие, которым нравится, когда сильничают... Бывало, что и не давались, разве ж нет? Поворачивался, уходил. Пару месяцев делал вид, что не замечаю, зато потом... Вы все, барин, спрашиваете, что потом? Вот потом и начинается самая что ни на есть потеха!

– Допустим, - подал голос священник. - Она пошла, ты за ней, свершилось богопротивное дело... А вдруг вас кто увидит?

– Что вы такое говорите, батюшка? - удивился Коташвили. - Баба, знаете ли... Прежде чем она встретится с тобой глазами и поманит за собой, она наперед знает и место, и время, у ней уже все взвешено-перевешено. Баба она отродье дьявольское, только положишь на нее. Баба не ошибется, мужик ошибется! Ты только не мешай бабе. Я всегда так делаю, и вы запомните, так оно лучше.

Барыня вскочила, кинулась на Коташвили, стала колотить его по груди маленькими, уже крепко увядшими кулачками:

– Вы посмотрите на него, охальник, бесстыжие глаза! Как ты смеешь говорить такие вещи в присутствии благородных мужчин! "Вы запомните!" "Так оно лучше!" Чему ты их учишь, для чего им это запоминать, будь ты проклят!

Като собралась было встать на защиту своего крайне потрясенного супруга, но не посмела...

Барин схватил супругу за руку - она все пыталась вырваться - и силой оттащил ее в кресло. Выждав, пока супруга изольется бранью, он ласково сказал:

– Полно, Мариам, успокойся, дорогая... Пусть себе учит, я же не помчусь, задрав штанины, в тот проулок, где Ило ринулся в огород за бабой. Он сболтнул лишку, скотина, а ты себе нервы портишь!

Барыня все продолжала кипеть, когда Коташвили объявил в свое оправдание:

– Что я такого сказал, барыня... Бабе, говорю, лучше знать, нужно делать по ейному разумению. Я угодить вам хотел... Я всегда так делал. Разве ж кто меня хоть раз накрыл? Ни в жизнь.

Священник с барином переглянулись. Священник деланно нахмурился. Барин захлопал глазами. Оба опустили головы, и барин, не сдержавшись, хмыкнул:

– Ну и ну, каков фрукт?!

– Каков? Мерзкая скотина, пропади он пропадом... Не скотина, а гад ползучий, прости Господи, что в жарких странах водится, он только зев разинет, а кролик сам в глотку ему и прыгает. Гад и есть.

– Все это, Ило, называется изменой Господу, церкви, жене и семье, сообщил священник.

– Ты что говоришь, батюшка! Разве могу я изменить этой святой женщине?! Не такой я человек, на измену я не способен. Когда я с теми бабами, разве ж я с ними? Я с нею, моей отрадою. Кроме нее, у меня никого не было, да мне никто и не нужен. Так-то вот!

– Смотрите-ка, что он говорит, отче, - разволновалась барыня. - Хочешь быть с нею - будь, на кой тебе ляд другие?! Ах ты, распутник. Лежит она рядом, вот и будь с нею, и никаким разводом она голову себе забивать не станет...

– Вот-вот! Это как же получается? Когда ты с ними... Нет, когда ты с нею, то ты с ними... Как ты сказал... - запутался барин.

– Об этом деле я так соображаю. Будь оно праведным, никто бы не стал его пользоваться для брани. Милая моя! - Ило протянул руку, чтобы погладить жену, но она уклонилась, чертыхнувшись, и Ило пришлось "всухую" заканчивать фразу: - Она ни в чем не провинилась и...

Это было слишком. Под молчаливыми, спокойными липами вихрем взметнулась ярость. Никто не мог взять в толк: что за человек Коташвили? Повеса, какого свет не видывал, или законченный болван, а может, то и другое вместе. Но ведь какая-то тайна здесь была. Женщина, полная жизни, привлекательная, годами рядом лежит, а он даже попытки не делает овладеть ею?..

– Здесь без Соломона мудрого не обойтись! - нарушил молчание барин, и, надо думать, вывод этот был очень точным.

Священник вдруг оживился, видно, Господь-таки осенил его, подсказав единственно правильную мысль, которую он ждал еще со времени первого посещения Като.

– Слушай меня, Ило, - негромко, спокойно начал он, - ты и с первой женой, бедняжкой Даро, так жил?

– И с нею, отче, и с нею, - не задумываясь, ответил Коташвили.

– Э-э-э! - вырвалось у барина.

– Так откуда шестеро детей, те шестеро откуда?! - опередила священника барыня.

– Она, Даро, украдем брала, сударыня, вот откуда, - глазом не моргнув ответил Коташвили.

– Слава тебе, Господи! - перекрестилась барыня. - Вам бы все на тех несчастных цыган валить, а они просто курокрады да огородные воришки...

– Немедленно признавайся, у кого вы этих детей выкрали? Господи, шестерых! - возмутился барин.

Коташвили улыбнулся, оглядел господ, собрался ответить, но священник не дал:

– Я о воровстве и пропаже детей в нашем уезде ни от кого не слышал. Вы где-нибудь в другом месте крали или, по твоему глупому разумению, "украдом" означает нечто иное?

– Я говорю, она украдом, тишком брала, отче, - застыдился Коташвили. Она утайкой приходила ко мне ночью...

Вопрошатели на миг застыли и вдруг заржали, как кони.

– Слушай, парень, и все шестеро у вас так, украдом? - одышливо спросил барин. Коташвили закивал понурой головой.

– Господи, прости, грех поминать покойницу недобрым словом, но бедняжка Даро, у нее, видно, не было ни крупицы женского самолюбия, пролепетала госпожа.

Супруг в ответ наградил ее уничтожающим взглядом: можно подумать, ты ведешь себя иначе!

– Не ты ли говорил, что будь это дело хорошим, его не пользовали бы в брани и поношении, - ехидно заметил священник.

– Нет, когда по своей воле - нет, отче, - ответил Коташвили.

– Чудачка ты, - игриво заметил священник Като, - чем ко мне ходить, развода требовать, ходила бы к мужу, благо, рядом лежит.

– Откуда мне знать... Вроде бы стыдно, я же баба. А вдруг он не в себе и прогонит меня, уймись, дескать, спи... Что тогда? - как бы про себя, но достаточно внятно проговорила Като.

– Ило, - спокойно, с призывком смущения заметила барыня, - где это слыхано, чтобы в таких делах зачин был за женщиной?!

– А пусть и не слыхано! Я, барыня, Ило Коташвили, я царь и господин в своем доме и семье, - твердо заявил Ило. - Если я у нее что-нибудь стану просить, хоть самую малость, тогда и верховодить станет она!..

– А как же, чудак человек, как же? - заволновался барин.

– Я погляжу, в этом деле другого выхода нет, украдом должна брать! заключил, как повелел, Ило.

Барин умолк, потом вдруг подскочил как ужаленный и гаркнул:

– Вон отсюда, сучьи дети, убирайтесь!

Такого исхода никто не ждал, уж тем более супруги Коташвили, их как ветром сдуло.

Мысль о том, что "у бедняжки Даро не было ни крупички женского самолюбия", уже, как видно, не казалась барыне такой категорической. Она побежала следом за супругами и, догнав, ухватила Като за подол. "Давай украдом действуй, дочка. Хочешь иметь детей - ходи украдом. Вон ведь какой упрямый осел", - частила она.

Като родила четверых детей. Надо полагать, все четверо были зачаты "украдом". Деревня так и прозвала их "украдовыми".

Это прозвище осталось за ними и поныне...

Мне понадобились годы для того, чтобы восстановить и восполнить в памяти эту историю - спасибо бабушке, сам бы я не справился. К тому же мне приходилось хитрить: вопросы нужно было задавать с умом, поскольку у бабушки было свое понимание того, что следует знать ребенку, а что нет, в таких случаях она просто делала "не слышу". В конце концов, я вроде бы придал истории Коташвили законченный вид, но позднее у меня возникло ощущение, что рассказу чего-то не хватает, пожалуй, убедительности. Поэтому от времени до времени я возвращаюсь к нему и под конец как будто нашел, в чем промах, а теперь вот опять забыл. Эх, да Бог с ним".

Глава третья

На реке Пур, то есть на пересечении пятьдесят седьмой параллели и восьмидесятого меридиана, Горе пришлось взяться за удочку. Еда вся вышла, предстоял долгий путь в тысячу километров по прямой.

Перебравшись на южный берег, он раскинул палатку, утеплил края снегом. Затем сделал прорубь во льду и стал ловить рыбу. Немного погодя, почувствовал сильный жар, но, перемогаясь, удил до наступления ночи и таки взял здоровущего осетра. Разложив костер, Гора подвесил вялить куски рыбыны.

"Что за чудо, река Пур! Впрочем, река - громко сказано, скорее, речушка. Славная здесь рыба водится, ничего не скажешь! Поймать такого осетра, надо же! Не иначе, он привязанным был или в стельку пьяным!.. На кита и кашалота я, конечно, не рассчитывал. А надо бы! Вот ведь как с крючками вышло... Мелкие он все заглотал... Каков подлец! Этот крючок последним был, вдруг он и его бы слопал? Чур, чур меня!.. Уж он дергал, дергал, а перекусить не смог - леска капроновая. Дураков нет, теперь я буду выбирать крюк по рыбе. Так я же не рассчитывал на такого здоровяка! Три крючка откушал. Провялится - килограммов на пять-шесть усохнет. Какого тащить лишних пять килограммов... Мне-то что, я о Коле пекусь, не надорвался бы. Кто мне поверит, что я такую рыбину отхватил?.. Плыл бы отсюда подальше. Ан нет, бес его попутал. Ну и прорвой оказался, ей-богу. Четвертый проглотил, четвертый! Надо бы при случае других рыбаков расспросить, может, еще с кем-нибудь такое было?.. Ха-ха-а, приплыл и вернул крючки... Откуда здесь осетр взялся среди зимы?! Может, отбил от стаи. И куда он путь держал, в Северный Ледовитый океан? Рассчитывал на райские кущи?.. Мне бы еще такую рыбину поймать, ну, пусть не осетра, тогда моему счастью можно было бы позавидовать. Выручил, благослови его Господь. Кто мне поверит, что одной мякоти потянуло на двадцать килограммов?.. Почему бы нет? У Слюнтяя ни сети не было, ни уды, так он голыми руками сома на восемь килограммов взял!.. Кто-нибудь поверил? Ни-ни. Как же! Он до сих пор мается, что ему не верят! Очевидцам, и тем не верят. Завидят Слюнтяя и

подначивают: вон, идет восьмикилограммовый!..

Что-то мне, брат, не по себе! Все плывет, до глаз не дотронешься такая боль, дыхание хриплое... Если это воспаление легких, то, можно сказать, завершилась моя одиссея. Я уже стар, организм, как прежде, не придет на помощь лекарству... Ладно, не прибежняйся, вспомни, как уходили из Майкудука... Да, пожалуй, ты прав, там тоже пришлось несладко... Бежали по железнодорожному полотну... Ха-ха-а! Каково?! За спиной лают собаки, мешок килограммов на двадцать за плечами болтается, в глазах темень, сильный жар, по следу лагерный конвой, который сначала забьет тебя прикладами, потом расшлепает автоматом у лагерных ворот... Точнее, изрешетит. Сойдемся на этом, согласен? Пусть так. Словом, я знал, что падать нельзя. Тогда я присел на корточки, прижал кулаки к глазам и трижды, в голос повторил: "Нельзя болеть! Нельзя болеть!" Свершилось чудо: когда я поднялся, то хвори как не бывало! Дальше пришлось идти прямо по воде, речушка была мелкая, берега льдом покрыты... Полно, уж как есть! Давай-ка повторим трюк... Тогда он удался, потому как смерть была неминуема, страх помог организму, умножил силы. Теперь никто не наступает тебе на пятки, не дышит в затылок... Хватит, Гора Мборгали!.."

Гора подтянул веревку, загнал Колу в палатку, сел, сняв рукавицы, прижал кулаки к глазам, под веками замелькали многоцветные точки. Затем мрак объял мир, прокатился гром, черный небосвод, пронзаемый молниями, раскололся, являя китайца, торговца жемчугом Чан Дзолина. Он выкрикнул какие-то слова и исчез...

"Что это, а?.. Что предвещает его появление?.. Я и слов толком не разобрал... По-моему, он выкрикнул китайскую поговорку: "Чтобы стоять прочно, нужно бежать вечно!" Насчет "бежать" - не скажу, а вот ходить мы еще можем, это точно... Хватит об этом. Подумаем о чем-нибудь другом... О чем? Переберем былое, давненько этим не занимались. На чем мы остановились?.. О праотцах сказали все, что помнилось. Займемся ближайшими предками. Дед мой со стороны матери, Михаил, помладше, оставим его на потом, начнем с приключений деда Горы... С какого именно? А хоть бы с непогребенных мертвецов. Такое не забывается... К слову, случилось это в русско-турецкую войну, в семидесятые годы прошлого столетия. В одной из армянских деревень, в скалистых окрестностях Карса, укрепились, отважно обороняясь, турки. Противнику никак не удавалось выбить их с занятых позиций. Противостояние длилось довольно долго, было много раненых и убитых с обеих сторон. Со временем тяжесть боев переместилась на другие участки фронта, живая сила была переброшена туда. В армянской деревне остался взвод аскеров. Русские, примерно той же численностью, под началом деда Горы заняли подступы к деревне. У турок была, что называется, крыша над головой и харч на столе. Русские не могли даже толком окопаться, кругом - сплошь скалы, да и жили они впроголодь. Стояла лютая зима, от мороза камни расседались. Противники располагались в двухстах метрах друг от друга и, по всему, приказа об активных действиях не получали.

Деревня, притулившаяся к горному склону, насчитывала дворов двадцать пять. Плоские кровли землянок уступами взбегали одна над другой. На одной из кровель некий старец возраста Мафусаила, уставив пень, восседал на нем в ненастье и в ветер. Устраиваясь на пне с рассветом, он не пил, не ел и сидел допоздна, как изваянный. Разве что голову поворачивал, да и то тогда, когда глаз не хватал оком. Между позициями пролегал ручей по щиколотку, разумеется, покрытый льдом, с ним смежался единственный в окрестности низменный участок величиной в десять квадратных сажений, сплошь усеянный непогребенными трупами солдат, как русских, так и турецких, погибших в рукопашных схватках. Боевых действий не было, разве что изредка раздавались одиночные ружейные выстрелы, солдаты оставались не у дел.

Был среди них некий Ерофей Павлович. Нужно сказать, что Павлович была его фамилия, но никак не отчество, тем не менее солдаты по сходству с названием местечка на Дальнем Востоке звали его Ерофеем Павловичем, хотя для отчества он ни возрастом не вышел, ни

положением. Дед Гора всегда упоминал его вместе с Цитлидзе, признавая за ним превосходство в стрельбе из винтовки, при этом он так напирал на слово "винтовка", что становилось ясным: в стрельбе из пистолета они ему не равня. К чести, однако, своей, признавался: собралась как-то молодежь за столом на террасе дома Кипиани в Квишхетах. Поскольку о Иагоре Каргаретели шла молва как о превосходном стрелке, девушки стали неотступно просить его снять выстрелом ворону с башни. Дед, как бы предчувствуя неудачу, отнекивался, но девушки настаивали, и Иагор был вынужден уступить их просьбам. Башня отстояла от террасы не более чем на сотню метров. Дед Гора выстрелил три раза и все три раза промахнулся... Вернемся к прерванному рассказу. Как-то, глядя на трупы, вповалку устилавшие берег ручья, Ерофей Павлович заметил, что не годится оставлять христиан непогребенными. Солдаты согласились с ним. Порядок есть порядок, тогда нужно бы и турок предать земле, заметил дед Гора. Согласились и с этим. Нашлись добровольцы. Прихватив с собой заступы, кирки и белый флаг, солдаты спустились к ручью. Им предстояло выкопать две братские могилы - для христиан и для мусульман. Было тесно, сначала приходилось расчищать площадку от трупов, сносить их в сторону, а потом уж копать. От мороза трупы задеревенели, их укладывали штабелями, отдельно турок, отдельно русских - по вероисповеданию. Мафусаил, изогнутый временем, как серп, восседал на своем пне, наблюдая за происходящим.

Аскеры, всполошившись, забегали. Русские, воткнув в землю белый флаг, копали могилы. Турецкий офицер зашпешил к наблюдательному пункту и, оглядев площадку, вдруг приказал открыть огонь. Троих солдат убило наповал. Четвертого тяжело ранило, он скончался день спустя!

Ерофей Павлович с Цитлидзе, удобно устроившись в засаде, за неделю отправили к праотцам одиннадцать аскеров. Мафусаил восседал на своем пне и, по всему, считал убитых.

Турки под прикрытием ночи замаскировали в одной из землянок пушку и, наведя ее прямехонько на полевую кухню русских, открыли огонь, едва солдаты собрались на обед. Пушечный огонь умножился винтовочной пальбой. Много было убитых, много было и раненых. Эта охота друг на друга длилась больше месяца. Мафусаил все сидел на кровле и только головой вертел из стороны в сторону. Дело дошло до того, что у противников солдаты почти перевелись: осталось по четыре-пять человек с каждой стороны. Иагор Каргаретели, что и говорить, не раз посылал нарочного в штаб с просьбой о подкреплении. Вероятно, и турок офицер не дремал, но ни одна из сторон пополнения не получила. Что до армянина Мафусаила, он спозаранку появлялся на кровле землянки и, засиживаясь допоздна, размышлял о неразумности рода человеческого. В конце концов под началом турецкого офицера осталось двое аскеров, у деда Горы - один, раненный в голень Ерофей Павлович, который томился в ожидании санитарной подводы. Не видя выхода, Каргаретели замыслил выследить турецкого офицера. Как-то раз, дав турку возможность войти в нужник, дед Гора, едва тот вышел, уложил его выстрелом на месте. Аскеры соорудили носилки и, поместив на них офицера, унесли.

Иагор Каргаретели вступил в село и, к великой радости армян, объявив, что отныне эта местность входит в состав Российской Империи, спросил кусок шелка и краски. Принесли. Отрезав материю по мерке, он велел обшить ее тесьмой. Обшили. Дед разложил материю прямо на столе под открытым небом и принялся рисовать императорский стяг. Вся деревня высыпала посмотреть, чем дед занимается. Покончив со знаменем, Иагор Каргаретели велел выточить древко и собственноручно водрузил знамя над землянкой Мафусаила. Жители деревни погребли мертвецов, дед под страхом смерти запретил им снимать флаг! Набрал отряд из десяти человек, он раздал добровольцам оружие, обучил стрельбе, привел к присяге, оставил распоряжения, велел запрячь арбу, уложил на нее Ерофея Павловича и двинулся к штабу.

Мафусаил восседал на крыше, переводя взгляд со знамени на арбу с раненым солдатом, и по-прежнему сокрушался о глупости рода человеческого.

Через несколько дней Иагор Каргаретели вернулся в деревню со взводом грузинских добровольцев, объявил двухдневный отдых, а затем приступил к разведывательным операциям.

По мнению деда Горы, войны происходят потому, что человечество или одна его часть от поры до поры начинает сходить с ума. Сойдут с ума и кидаются уничтожать друг друга! Он был уверен, что Мафусаил держался тех же мыслей: восседая на крыше с мудростью и спокойствием, подобающим его возрасту, он наблюдал человеческое безумие. Когда мир сходит с ума, на долю мудреца выпадает возможность развлечься. Иагор Каргаретели именно этим объяснял свое поведение: едва начиналась какая-либо война, он тут же отправлялся в свой полк, война кончалась - и он, не мешкая, уходил в отставку и возвращался домой. В устах деда рассказ о непогребенных мертвецах имел следующую концовку:

– Когда я водрузил самодельное знамя над землянкой Мафусаила, шелк взметнулся. Старец, вскинув голову, смотрел, смотрел на стяг и вдруг покотился со смеху. Он хохотал до бесчувствия, его едва удалось привести в сознание!

Вероятно, своеобразное восприятие дедом военной службы породило и мое к ней отношение: для меня это был гражданский долг, и только, хотя, Бог весть, сколько поколений моих предков избрало службу своим жизненным поприщем".

Болезнь так разыгралась, что Гора едва смог додумать этот эпизод. Приняв лекарство, он устроил постель и, прижавшись к Коле, уснул.

Он проболел несколько дней. Едва окрепнув, снова принялся вялить рыбу. Изголодавшийся Кола набросился на еду: разгребал копытами снег и жадно, с аппетитом жевал то ли мох, то ли еще какую траву.

"Сорок восьмой день пошел, в путь, Гора... Я ослаб, мне трудно... Еще бы не трудно, любезный, столько сотен километров отмахал в непогоду, переболел и жалуешься, что ослаб!.. Ладно уж, как есть!.. Чан Дзолин привиделся, к чему бы это? Продолжим думы и воспоминания?.. А что нам остается?..

Переберем теперь в мыслях рассказы деда Михаила.

Жил в Батуми некто Нико Накашидзе, владелец довольно крупных поместий, заядлый кутила, игрок, охотник, дуэлянт, забияка и скандалист, покоритель женских сердец, - словом, князь прошлого столетия! Супруга его была рода именитого, внучка последних правителей Мегрелии и Абхазии. Детей у них было множество, и все больше девочки. Князь семейными заботами себя не обременял и удержу в своих утехах не знал. Так он прожил до сорока лет. Что с ним вдруг случилось, так никто никогда и не узнал, но он заделался вегетарианцем, а потом и толстовцем. Со слов деда Михаила, он до самой смерти ничего, кроме овощей да простокваши, в рот не брал. Господин Нико взялся за крупную коммерцию и за короткое время восстановил спущенное по собственному безрассудству состояние, стал одним из самых крупных грузинских промышленников, оптовым торговцем и купцом первой гильдии. К слову сказать, его обогащение чрезвычайно облегчило существование нелегальных политических партий - князь оказывал денежное вспомоществование всем, кто в свою программу вносил неперемный пункт - свержение самодержавия. Его настроения были хорошо известны тайной полиции. Оттого и приключилась с ним, уже пятидесятилетним, эта история.

Частым гостем семьи Накашидзе был инспектор батумской гимназии некий Старчинский, а

может, Вельчинский... В этой круговерти свою фамилию не вдруг вспомнишь, что говорить о каком-то прохиндее.

Так вот, этот Старчинский или Вельчинский... Как же его фамилия, будь он неладен?! Какая разница, называй инспектором, и все тут!.. Да, так вот, этот инспектор, как оказалось, имел тайные сношения с полицией. Однажды он ненароком заметил в доме Накашидзе человека, которого скрывали не только от заходящих чужаков, но и от своих завсегдатаев. Случилось так, что инспектор запомнил его внешность, хоть и видел мельком, и, просматривая в полиции фотографии разыскиваемых лиц, уверился, что в доме Накашидзе скрывается известный революционер. Полиция не посмела устроить обыск, но слежку установила, хотя она и не дала желаемых результатов. Инспектор получил задание почаще заходить к Накашидзе и пусть прежнего следить за посетителями. Лакеи, отметив нездоровое любопытство гостя, доложили об этом госпоже, но семья отмела всякие подозрения, отнеся участвовавшие визиты к особому интересу, который тот испытывал к одной из девиц Нанашидзе. Станет ли человек, набивающийся в зятя, подвергать опасности семью девушки, с которой хочет связать свою судьбу? Ко всему инспектор слыл человеком, настроенным против самодержавия, впрочем, как и все тогдашние интеллигенты, и как же мог он выдать подпольщика?! Словом, проявленное к нему доверие позволило инспектору с течением времени отметить в доме Накашидзе помимо первого случая появление еще одного лица, не обласканного законом. Кончилось это тем, что князя Нико Накашидзе пригласили в тайную полицию и предъявили обвинения. Князь, естественно, все начисто отрицал. Полиция настаивала на своем, но и князь не лыком был шит - не поддался. Положение было затруднительным, но Нанашидзе нашелся, затребовав очной ставки. Полиция, растерявшись, согласилась, и вот господин инспектор предстал пред очи князя. Предстал и объявил, что видел в доме Накашидзе таких-то людей, врагов императора, а коли князь изволит принимать в своем доме врагов, стало быть, и он сам враг императора! Нанашидзе невозмутимо заявил, что считает личным для себя оскорблением, когда недостойные уста смеют произносить императорское имя, и, выхватив кинжал, всадил его в живот инспектора...

Знаю, что князь довольно долго проваландался в тюрьме, но как ему удалось выбраться оттуда - запомнил. Случай этот избитый, лишенный, пожалуй, свежести и оригинальности, но примечательно, что Накашидзе, толстолицый, исповедующий если не прощение, то, во всяком случае, непротивление злу насилем, вдруг всадил кинжал в инспектора... Князь Нико, который и мухи бы не обидел! Некоторое своеобразие в толковании толстовства он проявил и в других случаях. После аннексии Грузии, в конце двадцатых годов, начальник батумского ГПУ вызвал к себе Нико. На то были причины. И среди них: его единственный сын - седьмой по счету ребенок - еще во времена независимости Грузии отправился в Англию получить высшее образование; тем временем произошла советизация, и молодой человек назад не вернулся, родители переписывались с сыном. Вероятно, об этой переписке и хотел потолковать батумский начальник Главного политического управления. А может, его интересовало, как относится к Советской власти Нико Накашидзе. Это было время, когда большевик номер один Закавказской федерации похвастал с трибуны, что сумел довести численность дворянского отребья, весь этот княжеский и церковный сброд, с двенадцати процентов до семи! Вслед за ним подголосок, большевик номер два, выкрикнул в верноподданническом порыве лозунг: "Свести эту цифру к нулю!" Аудитория отозвалась на призыв оглушительной овацией, даже стекло на одном из окон лопнуло. Дед Михаил глубокомысленно заметил: "Недальновидность, сынок, до добра не доводит!" Воистину: на протяжении десяти последующих лет три четверти аплодирующих отправились на тот свет - им воздалось пулей за ретивость, а застрельщику движения припомнили собственное дворянское происхождение и снизили к его призыву свести к нулю число классовых врагов. Его пустили в расход вслед за упомянутыми тремя четвертями зала. Тот, кому принадлежал зачин доведения двенадцати процентов до семи, вероятно, решил, что по причине дворянского происхождения не видит в себе классового врага, каковым на самом деле является, и, предупредив заплечных дел мастеров, покончил с собой.

Очень может быть, что при такой установке извода на корню чекист номер один Аджарии недосчитался человека для расстрела, потому и пригласил к себе господина Нино Накашидзе. А может, его раздражала тяжба между Накашидзе и Джоджуа. Братья Джоджуа были гуртовщиками. Они пасли свои стада вместе с двадцатью коровами Накашидзе: зимой - в Ланчхутской низине, летом - в горах Бахмаро. Батумский ревком за "заслуги перед революцией" оставил за князем Накашидзе собственный дом и коров. Дело в том, что князь вообще любил животных, а за то, что Джоджуа пасли его коров, он мало того что платил им, но еще и оставлял весь сыр и приплод от своей скотины. Летом Накашидзе поднимался в горы Бахмаро, обласкивал своих коровок и возвращался. Только в этом и проявлялось его собственничество - ни в чем больше. Настропалили люди, завидующие братьям Джоджуа, что прошли-де времена княжеские, коровы эти принадлежат братьям и никому больше! Поскольку князь оплачивал Джоджуа уход за коровами, ему вменили в вину использование наемного труда, а его скотину отдали в собственность "эксплуатируемым". Правда, всего несколько лет спустя братьев Джоджуа как зажиточных крестьян раскулачили и сослали в Сибирь, но это уже отдельная тема... Так или иначе, Накашидзе обратился в суд, закон и декрет ревкома были на его стороне, дело затянулось. Возможно, принципиальность Накашидзе и вызвала у чекиста номер один города Батуми и всея Аджарии некоторую досаду, возможно...

Старик явился в ГПУ. Сначала его битых два часа продержали в приемной. Потом он был допущен в кабинет. Князь остановился на пороге, ожидая приглашения сесть. Никто не предложил. Начальник, зарывшись в бумаги, не отрывал головы от стола. Накашидзе стоял, опираясь на толстую трость, и размышлял о том, что понадобилось от него этому сукину сыну?! Почувствовав, как в нем поднимается раздражение, он кашлянул несколько раз. Хозяин кабинета и бровью не повел. Прошло более получаса, ярость захлестнула князя, и, подошедши к столу, он отчеканил: "Когда в комнату входит старый человек, ты, быдло ряженое, должен встать, поздороваться и предложить ему сесть! С таким воспитанием, конечно, только и созидать новый строй!" Выговорил и обрушил сучковатую трость на голову начальника. Накашидзе был роста громадного, сложения мощного, удар был нанесен изо всех сил. Начальник, потеряв сознание, хлопнулся с кресла. Князя Нико Накашидзе препроводили в тюрьму и продержали там семь или восемь месяцев. В конце концов он был вызволен заступничеством тех же революционеров, которым в прежние времена оказывал многообразную помощь и которые ныне занимали высокие должности. Выпустили. Для справки: чекист номер один города Батуми и всея Аджарии и иже с ним были пущены в расход в тридцать седьмом году. Не думаю, чтобы его расстреляли за отсутствие должного воспитания. Сподручные Берии нашли, по-видимому, доводы повесомее.

Сучковатую трость я сам видел в Батуми, в доме Накашидзе, потомки берегут ее как реликвию... Боже сохрани, князь Накашидзе не был чудовищем, как такое могло прийти в голову... Был у него, к примеру, племянник Илларион Минеладзе, тоже из негоциантов. Как-то послал Илларион к своему дядюшке человека с просьбой передать по возможности, если таковая имеется, подателю записки пятьдесят червонцев, с заверением назавтра же возратить долг. Князь отсчитал деньги. Посыльный, не глядя, сунул их в карман и направился к выходу. Накашидзе велел ему вернуться, тот вернулся. Князь, указывая пальцем на стол, велел выложить червонцы обратно и по возвращении домой доложить Иллариону, чтобы тот впредь присылал к нему людей, знающих толк в деньгах! Посыльный растерялся. "Нужно пересчитывать деньги, когда отдаешь их или берешь, - пояснил князь. - Ступай и передай племяннику мои слова!.." Что привело его к бережливости, вегетарианству и толстовству? Разгульная жизнь, мотовство или просто возраст подошел... Ей-богу, любопытно! Об этом стоит поразмышлять на досуге... О скупости тут, разумеется, речи нет, он был человеком щедрым, всегда принимал участие в каких-то пожертвованиях на общественные дела, в России и за рубежом у него были стипендиаты. Многожды случалось ему отваливать внушительные суммы просто так, купцы головы ломали в поисках какой-нибудь заковыки. Подобное безрассудство для человека, занятого коммерцией, по

меньшей мере губительно, но ничего не попишешь, оно всасывается с молоком матери.

Давным-давно, во времена военные, приблизился как-то враг к дому грузинского князя. Члены семьи вознамерились припрятать драгоценности, безделки и прочее добро, но князь запретил им прикасаться к вещам со словами: "Не следует давать повод врагу для наветов, что в Грузии даже в княжеском доме нечем поживиться!.."

Дядюшка супруги господина Нино Накашидзе - сын последнего правителя Абхазии известный поэт Георгий Шервашидзе выиграл однажды в Монте-Карло два миллиона франков, а может, и больше. Два тогдашних миллиона! Выигрыш принесли на подносе. Шервашидзе счел оскорбительным для человека его происхождения брать шальные деньги. Их, по приказу князя, отослали в приют для беспризорных!

Время было необыкновенным, и отношения между людьми были необыкновенными. В одном из тбилисских ресторанов посетителям именитым никогда не предъявляли счета, обычно отговариваясь тем, что можно и завтра заплатить, а можно вообще не платить, поскольку для хозяев великая честь, что их почтили своим присутствием такие люди! Ловкий ход был рассчитан на грузинский характер: слышав эти слова, посетитель отстегивал сумму вдвое большую. Хозяева отнекивались, не брали деньги под предлогом, что гость слегка подвыпил, и предлагали наутро, на трезвую голову, прислать долг с лакеем, чтобы самому не беспокоиться. Кто бы позволил себе наутро послать сумму меньшую, чем посулил накануне?! Разумеется, при таком расчете не исключался и убыток, но один или два неоплаченных счета не нанесли бы ущерб делу. К тому же человек, не сдержавший слова, во второй раз в этот ресторан не смог прийти, что тоже было на руку хозяину ресторана.

Во времена моих дедов - я имею в виду конец девятнадцатого-начало двадцатого века - грузинского князя отличали лень и неприспособленность. Взять хотя бы Гигуцу Эрисави-Ксанского... Жил он в Гори, детей у него не было. Осенью управляющий приносил плату за земли, отданные в аренду крестьянам, и князь ездил в Тбилиси, в тот же вечер проигрывался в пух в Грузинском клубе и возвращался домой, и до следующей осени супруги пробавлялись теми ежемесячными пятнадцатью рублями, которые исхитрялась откладывать его супруга. Князь, отнюдь не дряхлый и беспомощный, в поездках почему-то не расставался с ночной посудиною, которую таскал в переметной суме. Раз как-то его навещил родственник, молодой адвокат. Гигуца Эрисави предложил ему просмотреть документы с тем, чтобы разобраться, что есть чье. По документам - это подтвердилось впоследствии - Гигуца Эрисави-Ксанский оказался одним из самых крупных землевладельцев Грузии. Юрист в самый короткий срок возвратил забытые-брошенные поместья, но дальше этого дело не пошло. Князь и пальцем не пошевелил, чтобы навести порядок в своих владениях. Революция навела... Так он и жил, нуждался до крайности, но чтобы проявить хоть какую-то расторопность и попользоваться хотя бы десятой долей своего имущества - ни-ни...

Это бы еще ничего. Один из представителей рода Цицишвили женился на госпоже Нино, прекрасной дочери князя Амилахвари. Мало того, что ей дали в приданное большое число рукописных книг, ей в доме Цицишвили уготовили редкостные издания. Госпожа была женщиной образованной, начитанной, и библиотека у нее составила довольно обширная, книги драгоценные и удивительные. Дедам моим довелось воочию видеть эту библиотеку. Во время неисчислимых убиений двадцать четвертого года госпожа заполнила книгами два больших сундука и отдала деверю схоронить их.

Деверь увез и схоронил. Сказывали, свез на Кубань. По возвращении на него напали красноотрядцы. Спасаясь от стрельбы, деверь сумел ускользнуть и добраться до станции Гоми. Там он и умер, ожидая поезда. Сердце не выдержало у бедняги, и унес он с собой тайну сундуков. И это тоже результат беспечности, безответственности. Кто знает, какие богатства порастерял грузинский народ только из-за того, что, кроме деверя госпожи Нино, никто не знал о местонахождении сундуков!..

Вот было бы здорово, если бы ты умел обходиться без пространных отступлений... Ты прав, я всегда этим грешил... Да, о князе Нико Накашидзе я кое-что узнал стороной, по чистой случайности. Как-то в Гурии, в многолюдье за столом, рядом со мной оказался глубокий старик. Я спросил, какой он фамилии. Это был дядя моего тбилисского друга-ученого Отара Кинкладзе. По ходу беседы я поинтересовался: кому принадлежали до революции эти поместья? Оказалось, Нико Накашидзе. Тогда я любопытствовал, что представляли собой эти Накашидзе? Задумавшись, старик улыбнулся и пояснил, что в большинстве своем они были лентяи, пустельги и ветреники. Трудягой, умницей и богачом был только один - Нико Накашидзе. Как выяснилось, старик служил у него управляющим. В Тбилиси, в музее, Нико Накашидзе отведен целый угол, и портрет висит там же. Мне было известно, что он основал первую чайную фабрику в Грузии, разбил первые виноградники "чхавери", отстроил винный завод, основал первое сельскохозяйственное училище, и многое другое - дело рук Нико Накашидзе. Я попытался выяснить, на чем же он разбогател. "Ум и трудолюбие сделали его богатство", - не задумываясь, ответил старец и рассказал следующую историю. Как-то раз уведомил его Нико Накашидзе о дне своего приезда и попросил встретиться на станции Натанеби верхами. Управляющий встретил. Дорогой князь осведомился, как обстоят дела в имении. Управляющий заверил его сиятельство, что все бы благополучно, если б не Николоз, уворовавший из сада апельсины, примерно с полпуда, да Иванэ, нечестивец, утачивший двадцать господских саженцев мандаринов. Нависло молчание, через какое-то время Нико заметил:

– Передай Нинолозу, что если он еще раз совершит нечто подобное, то будет иметь дело с приставом. А на Иванэ не сетуй, что он с этими саженцами сделает?.. Посадит, вероятно, и будет у него собственный мандариновый сад.

– Так разбогател мой господин, - заключил старик.

Как говорится, не простой характер был у господина Нико Накашидзе...

...Передохнем, хорошее местечко... Красота какая, похоже на Цицамури... Да, да, Цицамури, где убили Илью Чавчавадзе, именно те окрестности!.. А помнишь того Кикашвили?.. Как же, интересная была личность, ходил к моему отцу, он еще в Мцхета служил судебным исполнителем и с завидным упорством протестовал против решения, принятого судом по какому-то гражданскому делу. В двадцатые годы волнующие события, обрушиваясь одно за другим, возбуждали умы, и темы для разговоров не переводились, но они не могли вытеснить из памяти некоторые явления прошлой жизни, столь значительными они были. К их числу прежде всего следует отнести убийство Ильи Чавчавадзе. Все как будто было ясно: кто, почему и как убил, тем не менее среди интеллигенции любая мелочь, фактическая или вымышленная, вызывала живой интерес. Разговоры были пылкими, велись с горячей увлеченностью. Это и понятно, ведь при Советской власти тема покушения на Илью была под запретом, большевики ославили его помещиком-кровопийцей, этим они не только оправдали убийство Ильи, но и ненароком подтвердили, что злодеяние - дело их рук, хотя официально никогда не брали на себя вины. Когда власти что-либо утаивают, в людях просыпается желание дознаться истины, и в этом есть некоторая доля злорадства: уличить во грехе.

Кинашвили вплоть до самой старости служил в Душети и Мцхета. По поводу убийства Ильи Чавчавадзе он, правда, знал не более других, однако путями неисповедимыми был посвящен во все тонкости злонамеренной травли, предшествовавшей решению убить Чавчавадзе. Со слов Кикашвили, стрелять в Илью поначалу не хотели, предполагалось сжить его со свету иными способами: к примеру, довести его до состояния, когда сердце, переполнившись мукой, разрывается! Кинашвили был осведомлен обо всех подробностях: какими средствами боролись с Ильей, в какой последовательности строились каверзы, терзавшие его нервы, чьими руками все это делалось. Он поименно называл людей, совершивших преступления за мзду или просто по подстрекательству... По малолетству я не предполагал, что это крайне важно - запоминать подробности такого рода. Меня больше занимали козни, нежели имена

преступников. Этот детский промах я осознал слишком поздно, когда в моем роду не оставалось никого из тех, кто мог бы назвать виновных. Ничего не поделаешь, только ли фамилии, связанные с убийством Ильи, выпали из моей памяти?.. Речь шла не о паре-другой проделок, досужей выдумке вредуна, а о тщательно разработанной системе действий, не исключавшей и участие психолога... К примеру, все началось с того, что на веранде дома, где жил Илья, разорили ласточкины гнезда. Вслед за этим разрыли дорогу - фаэтон не смог проехать. Князь призвал управляющего к ответу. Тот оправдывался, что дорогу разрыли за то время, как он ездил встречать хозяина. Ров засыпали. Тогда во двор кто-то стал подбрасывать дохлых собак и кошек. Выведенный из терпения, Илья созвал старейшин деревни с требованием прекратить безобразные попытки выжить его из собственного дома, пригрозил продать имение и съехать. В ответ старейшины клялись в своей непричастности. По весне оказался разоренным фруктовый сад, все посаженные осенью саженцы повыдернуты. Не довольствуясь этим, злоумышленники стали неизвестно какими путями подбрасывать в комнату Ильи то змею с раздробленной головой, то живого скорпиона, он находил их по возвращении из города. Илью этим не удалось пронять, он был человеком крепким. Тогда недруги замыслили гадить в родник перед самым домом князя. И делали это не раз и не два - постоянно. Возмущенный Илья снова призвал старейшин: "Из деревни в такую даль к роднику никто не поднимется. У вас там свои родники. Кто-то намеренно пакостит мне. А если ваш родник загадят? Приятно будет?.. Не прекратятся безобразия - не подпущу к воде!.." Вот и все, что он сказал - ничего другого, а негодяи разблаговестили на всю Грузию, что Илья не дает воду крестьянам, одно слово - кровопийца, убить его мало. Любопытно, что все злонамеренные проделки, творимые негодяями, были направлены на то, чтобы окончательно испортить и без того натянутые отношения между Ильей и селянами. Врагам нужно было распалить страсти, создать обстановку, которая оправдала бы убийство кровопийцы-помещика, замучившего крестьян. Когда не удалось извести Илью, его застрелили...

Шагай, шагай, не останавливайся!.. В нашей семье одной из главных тем, обсуждаемых как домашними, так и гостями, была тема национально-освободительного движения. Сколько ночей провел я без сна, горько сожалея, что родился не в те времена, и напряженно размышляя, как бы я сам повел себя в тех или иных обстоятельствах. Да, я уже тогда был оптимистом, не терявшим надежды: настанет время, когда я смогу внести свою лепту в дело освобождения грузинского народа. В этих упованиях я засыпал.

Дядя Серго Герсамия слыл непревзойденным рассказчиком событий той поры. Сколько чего он знал! Вот одна из историй, им поведанных:

– В девятьсот пятом мы, ученики кутаисской гимназии, вышли на демонстрацию под лозунгом "Полная демократия!" и прочия. На нас налетели казаки и, орудуя нагайками, оттеснили к губернской тюрьме. Помню, били, было больно, что греха таить, однако я исполнялся гордости оттого, что принимаю муки за благоденствие своего народа, и, кажется, мне это было приятно. Потом взялись за дело надзиратели и затолкали нас тычками в камеры. Словом, мы себя чувствовали выдавшими виды революционерами... Теперь я уверен, что, если бы нас брали по одному, мы бы струили слезы, а так, друг перед другом, каждый старался не уронить своего достоинства!

Сидим. Только и разговоров, в какую именно губернию нас сошлют. Я мучаюсь угрызениями совести, поскольку не совершил ничего такого, за что меня приговорили бы, например, к каторге. Такого рода сожаления, уверен, терзали многих из нас, но мы успокаивали себя тем, что для начала хватит с нас и ссылки в какую-нибудь Вятку или Кандалакшу, а с каторгой еще успеется, попадемся как-нибудь за будущие героические деяния. Мы были заняты разговорами, когда по камерам пронесся слух, что в тюрьме находится губернатор с обходом! Мы, разумеется, наспех прикинули, как себя вести с ненавистным правителем Кутаиси и всея Лихт-Имерети, назначенным не менее ненавистным императором. Шел господин губернатор по камерам, шел и дошел до нас. Распахнулась дверь. К этому времени мы уже разместились

все на полу по центру камеры. Едва губернатор переступил порог, как мы одновременно обернули к нему спины. Эффект, в силу своей неожиданности, получился ошеломляющим, высокий гость опешил, у него челюсть отвисла в полном смысле этого слова. Взяв себя в руки, он обошел нас, пристально вглядываясь в каждого из гимназистов, и осведомился у начальника тюрьмы, кто мы, собственно, такие. Он просто любопытствовал, без тени прежней растерянности и изумления. Начальник тюрьмы доложил, что это политические, согнанные казаками. От такого ответа несчастный губернатор обезумел прямо на наших глазах и диким голосом возопил: "Гнать взащей, чтоб их духу не было!" Он ринулся к дверям и, задержавшись на пороге, окинул нас взглядом. Покачив головой, пробормотал: "Государству, которое этих пугается, уже ничем не поможешь..." И ушел. Такое завершение мистерии было неожиданным и поучительным: перспектива ссылки и мечты о каторге несколько различались оттого, что нас ждало десятью минутами спустя!.. Мы в голос дружно отказались покинуть тюрьму. Тогда понабежали надзиратели и, ухватив нас за шкурки, словно котят, вышвырнули вон. Но и это пустяки. Когда я пришел домой, мой отец объявил: "Вот и наш доморощенный революционер явился".

Серго Герсамия был федералистом, редактировавшим в свое время партийную газету в Кутаиси. После советизации Грузии он не раз сидел и избежал репрессий тридцать седьмого года лишь потому, что в начале тридцать шестого его арестовали еще раз и вскоре освободили. Он перебрался в Тбилиси, а славный Наркомат внутренних дел не удосужился копнуть его прошлое, столько было забот - того взять, этого расстрелять... Пока подходила очередь Герсамии, репрессии и пошли на убыль. Очень может быть, как-то так получилось, что они просто упустили его из виду.

Конечно, одними подобными доводами нельзя всерьез объяснить чудо его спасения, однако такие ляпы, по счастью, с наркоматом случались. Так или иначе, Герсамия начал работать в театральном музее, дожил до глубокой старости, пробавляясь гонорарами от биографий актеров и театральных деятелей, был автором десятка монографий в этой области. В свое время вокруг имени Герсамии происходил шум: газеты, им редактируемые, цензура то и дело закрывала, он же, не мешкая, приступал к изданию новой - такие были времена, что-то и позволялось... За одну статью Герсамия упекли в тюрьму, а газету, как водится, закрыли. Оценка целей, возможностей и перспектив свершающейся революции, возможно, была не слишком оригинальной, тех же мыслей, вероятно, держались и другие, но приоритет публикации в Грузии, бесспорно, принадлежит Герсамии. Нужно сказать, что лично я в политической литературе того времени ничего подобного не встречал... Вот что он писал в тысяча девятьсот пятнадцатом году:

"В основе борьбы угнетенных народов Российской Империи лежат два фактора - социальный и национальный. Народы, входящие в состав империи, с одной стороны, испытывают тяжелое бремя эксплуатации господствующих классов, с другой - имперскую национальную дискриминацию и гнет. Империя это государство одного народа-работителя, а не совокупность входящих в него наций. Основной принцип внутренней политики Российской Империи состоит в том, что она ограничивает развитие национальной культуры народов, ее составляющих, искореняет перспективу государственной независимости, насилем и террором подавляет освободительное движение. Империя, как, впрочем, все на свете, имеет свои периоды зарождения, становления, гниения и распада. Русская империя на краю гибели, крах ее неотвратим. Понимая это, народ-работитель стремится выискать различные пути для ее сохранения. Один из них - завезенный из Европы марксизм. Это течение видит выход и избавление в революции, в создании новой социально-экономической формации. Оно обещает народам демократические свободы, независимое развитие национальных культур, материальное благополучие. Марксизм надеется с помощью этого грандиозного обмана - этой иллюзии - сохранить империю, и именно этим опасен. Угнетаемые нации под давлением длительной политики русификации утратили национальное самосознание, легко поддавшись соблазнам материального благополучия. Первейшая обязанность национальных партий

начать пропаганду в массах, разоблачающую истинную природу русского большевизма или социализма, фальшивому знамени пролетарской диктатуры противопоставить борьбу за национальное освобождение, перекрыть пути создания новой империи!.."

Такова была доктрина Серго Герсамии. Поначалу цензура сочла, что статьи эти направлены против коммунизма, но на другой день губернатор спохватился, ухватив подлинную суть, газету закрыли, а Серго Герсамию арестовали.

Он приоткрыл самое существо принципа империи! За что, естественно, подлежал аресту!

Приключения Ираклия и Шалвы также остались в моей памяти из калейдоскопа событий девятьсот пятого года. Мир перевернулся с ног на голову: разбои, грабежи, вымогательства - кто во что горазд, тбилисские миллионеры усилили вооруженные охраны. В быту этих охранников называли "джамфиданами". Не знаю, откуда взялось это слово. Военную организацию одной из националистически ориентированных партий возглавлял Георгий Хуцишвили. Ему поручили раздобыть деньги для партийной кассы. Взять их было неоткуда, оставалось отобрать силой. Хуцишвили узнал из достоверных источников, что один из миллионеров хранит в своем доме крупную сумму денег. Однако проникнуть к нему на квартиру оказалось совсем не просто - в подъезде неотлучно находился джамфидан, вооруженный маузером и прочими пугачами. Хуцишвили придумал и осуществил план экспроприации, взяв себе в помощь из молодежной организации мальчика лет четырнадцати. Ираклий, проворный, отважный парень, был младшим из двух братьев Картвелишвили. Подошли Георгий с мальчиком среди бела дня к подъезду. Георгий прижался к стене, Ираклий дернул ручку звонка. Джамфидан приоткрыл дверь, не снимая цепочки, и, увидев в образовавшуюся щель юного гимназиста, спросил, что ему надо. Ираклий ответил, что пришел к тете Маше - она служила экономкой в семье миллионера. Охранник открыл дверь. Скинув с плеч набитый книгами ранец, Ираклий сунул в него руку и, выхватив огромный нож, приставил к животу джамфидана. Пока тот опамятовался, Хуцишвили скользнул в дверь и, разоружив охранника, связал его... Деньги взяли и передали ожидавшему неподалеку лицу. Георгий с Ираклием возвращались по договоренному пути обратно, но случилось нечто непредвиденное. Дело в том, что в городе из-за постоянных выступлений и митингов было объявлено чрезвычайное положение, солдаты и казаки останавливали подозрительных и обыскивали. Находили оружие - арестовывали, Сибирь была обеспечена. В случае сопротивления дело пахло виселицей, полевые суды лютовали. Георгий с Ираклием, перейдя Воронцовский мост, столкнулись с патрулем на улице Великого князя. Солдаты вознамерились их обыскать. Надо было уносить ноги, и Георгий с Ираклием не стали мешкать. Солдаты открыли огонь, беглецы, свернув направо, припустили по подъему. Патрульные, не прекращая стрельбы, добежали до поворота. Велев Ираклию удирать, Хуцишвили открыл ответный огонь. Солдат было трое, Георгий ранил одного, двое спаслись бегством. На следующий день пресса разразилась статьями по поводу имевшего место происшествия, присовокупив описания внешности преступников: один - в черной куртке такой-то и такой-то, другой - гимназист лет шестнадцати-семнадцати. Полиция арестовала почти всех гимназистов, которые подходили под это описание, и среди них члена той же молодежной организации, брата Ираклия - Шалву. Сам Ираклий избежал ареста, а Шалва месяца два проваландался в тюрьме. Выпустили, и он вернулся домой. Вернулся и высыпал брату по первое число за то, что пришлось за него отсиживаться.

Двадцать шестого мая тысяча девятьсот восемнадцатого года Георгий и Ираклий водрузили над зданием правительства флаг независимой Грузии.

Дед, бывало, говорил, революция не что иное, как хаос, в котором авантюристы руками фанатиков вылавливают в мутной воде акул и скармливают им интеллектуалов. Не знаю, как насчет акул, отнесем эту метафору к художественному мышлению старого Иагора Каргаретели, но то, что для интеллигенции настали черные дни, это истина, и бесспорная. Мне помнится, что в детстве часто упоминали о тех ста семнадцати грузинах, которые,

спасаясь от хаоса, вознамерились вернуться из России на родину. В Армавире их сняли с поезда некие "революционеры" и всех до единого, сто семнадцать человек, расстреляли. Никто не вел статистики, сколько интеллигентов было расстреляно, равно как и никому не ведомо, сколько революционеров было казнено именем революции. Армавирская история чаще других всплывала в разговорах оттого, что из ста семнадцати десять-пятнадцать были нашими родственниками или близкими друзьями. Одним из них был Баук Церетели. Среди палачей, вершивших расстрел, замешался грузин. Узнав Баука или, может, замороженный его мужественной осанкой и благородством, он отвел его в сторону, велел уходить. Баук отказался идти без товарищей, предпочитая расстрел бегству, и вернулся в ряды приговоренных. Расстреляли, ясное дело. Об этом рассказали грузины-армавирцы, бывшие очевидцами этой расправы...

Оставь-ка эти трагедии, отложим их на потом. Рассказывай о чем угодно, только не о смерти. Мало ли историй у тебя в памяти?.. Ты прав, не время говорить о смерти, не будем портить себе настроение... Вспомни рассказ Резо Гошхотели... Резо? Пусть Резо...

Э-э-э, это что за след?! Просто след, любезный! Человеческий след. Причем старый, ему уже несколько дней... Какое это имеет значение?.. Очень большое. Это значит, что человека, оставившего его, поблизости нет и тебе ничего не угрожает... Сядем, обмозгуем... Снега на днях не было, а след все равно нечеткий. Может, ветер стер... И сколько дней ему, окаянному, неделя, больше или меньше?.. Так или иначе, человек побывал здесь не вчера и даже не третьего дня, намного раньше... Но след есть, стало быть, где-то есть и хижина... Какая хижина? Та, в которой, по словам Миши, я могу взять ружье, или другая?.. От последнего логовища до хижины с ружьем я должен пройти сто двадцать, сто тридцать километров. Быстро шел? Почему бы и нет, дорога пролегала равниной. Ладно, теперь о том, кто оставил след... Как он оказался в хижине Филипповых?.. Просто шел мимо, зачем ему эта хижина, развалюха без кровли?.. Так или иначе, пойдём по следу... Пойдем, но осторожно. Откуда нам знать, может, это и есть тот охотник, кому поручена наша поимка?.."

Гора прошел пару километров, заметил возвращающиеся следы. Они направлялись к югу, принадлежали тому же человеку и, судя по четкости, были оставлены в то же время. Задумавшись, Гора снова двинулся по следу и вскоре увидел избушку, уютившуюся у подножия холма. Спустя немного Гора уже сидел, прислонясь к стене, на прогнившем, с провалами, полузаброшенной избенки Филипповых. За дремучими лесами, на краю небосвода застыло огромное солнце. Лучи еле пробивались сквозь толщу деревьев. Гора не сводил глаз с солнца, пока туча не перекрыла его. Повернув голову, увидел на полу, в провале, тряпку. Перегнувшись, достал. Это был перепачканный тавотом лоскут исподнего из грубого полотна, называемого "америкой"...

"Миша говорил, что ружье в тавоте, ржа его не тронет, вероятно, незнакомец счищал его... Конечно, счистил бы, не уносить же со смазкой!.. Ладно, унес так унес, пропади оно пропадом, все равно не вернуть. Давай-ка порассуждаем, каков ущерб: ружье без патронов! Пока я дойду до хижины, где хранятся, со слов Миши, патроны, или до любой другой, указанной на карте, пригодится ли мне это ружье?.. Легко, что ли, таскать такую тяжесть?.. Хижину с патронами ты непременно отыщешь... Полно, будет! Что прикажете, бить себя по голове, голосить, объявить национальный траур?.. Что ты пристал? Уж очень ты язык распустил!.. Прошу прощения, уважаемый! Помиримся. Помнишь, в горах Тушети пастух попросил у Резо Тархан-Моурави: "Сказывают, в Тбилиси можно купить хороший карабин, я дам тебе денег, купи". Резо согласился: "Из-под полы не только карабин, но и пушку купить можно, надо только покрутиться, найду - тут же сообщу". На другой день мы двинулись в Фарсму. Шли, покуда не спустилась ночь. Пришлось ночевать в заброшенном доме. Утром, уже не помню, кто из нас обнаружил за дверным наличником припрятанный карабин, весь в тавоте! Судя по всему, дом был заброшен давно, когда же ружье припрятали? Сначала мы до изнеможения строили догадки. Потом один из нас предложил отдать карабин пастуху, который просил Резо о покупке ружья. Предложение "не прошло", карабин вернули на

прежнее место. По возвращении мы снова остановились с ночевкой у Резо Цадзикадзе в Омало, послали за пастухом с приглашением поужинать. Когда он пришел, мы сообщили, что видели в одном местечке новехонький карабин, он может пойти и взять его. Пастух уточнил, не в Фарсме ли видели? Мы подтвердили. Улыбнувшись, он объявил, что карабин чужой! Оказалось, отец с двумя сыновьями ушли на фронт и перед уходом припрятали карабин. Все трое погибли. Семья разрушилась, опустел дом, погас очаг. А пастух: не берем, говорит, - чужое...

Да, все это хорошо, однако без ружья не обойтись, как быть с провизией?.. С твоим везением Господь непременно пошлет тебе хорошее ружьишко, не сомневайся... Уважаемый, вы оптимист до идиотизма... Погоди, погоди, а кто мог взять это ружье? Охотник чужого ружья не возьмет, разве что в крайней нужде. Какой ему резон, махнув рукой на промысел, проморгать сезон и ни с чем возвратиться домой? Кончит охотиться, вернет, положит на место. Э, что-то эта ткань мне кажется знакомой! Похоже на лагерное исподнее!.. Какое там кажется?! Не будь этой ткани, ГУЛАГ давно бы по миру пошел. Вся молодость прошла в таком исподнем!.. Почти вся жизнь, но чтобы у охотника такое белье... Полно!.. Будем держаться версии, что взявший ружье в ближайшую пару дней не вернется, и потому расположимся передохнуть, а может, лучше уйти отсюда и укрыться где-нибудь в другом месте?.. Ха-а, Митиленич, раскусил ты меня и послал по следу человека, чтобы он у меня из-под носа ружье увел, или это во мне говорит подозрительность?.. Возможно и то, и другое. Если ты, уважаемый Митиленич, точно определил мое нынешнее местонахождение, тогда, надо полагать, поблизости сидят оперативники в засаде. Разве не так? Если твои люди здесь и к тому же видят меня, то не имеет значения, уйду я или останусь. Как же быть, уходить отсюда или с чувством, с толком обустроить укрытие и отдохнуть как положено? Ни то, ни другое - возиться с укрытием ни к чему, прокантоваться бы здесь пару дней, а потом идти, но уже не к югу, а по этим следам, куда поведут. Правда, тут есть опасность столкнуться с людьми, но, учитывая сложившуюся ситуацию, близость к жилью, возможно, будет на руку, удастся перехватить что-нибудь из еды. Так или нет?.. Так, уважаемый!"

Гора пробыл здесь день, не больше. Он шел с опаской, останавливаясь, прислушиваясь к шуму тайги. Если след терялся в ложбинах и пропадал за окомом, Гора тщательно изучал окрестность и только потом продолжал путь. Эти вынужденные остановки и потеря времени раздражали его, терпение иссякало. В конце концов, наскучив себе осмотрительностью, он пошел напрямик, без оглядки.

"Что заставило меня отбросить осторожность? Чутье подсказало, что нет опасности? На чем основывалось это ваше хваленое чутье, когда давало такой ответственный совет?.. Ей-богу, чудной тип, этот твой бесплотный Гора Мборгали - твое, так сказать, подсознание! Между прочим, не так уж он плох... На моей памяти подвел всего несколько раз. Зато когда нужно было совершить поступок или сделать решительный шаг, а времени на обдумывание не было, уважаемый Гора, именно он и выручал тебя. Вот и теперь, судя по следам, незнакомец был один. Каким надо быть отважным, чтобы решиться в одиночку идти на беглеца. На практике такого не бывает, поскольку считается, что беглец всегда вооружен..."

Ладно бы... Уже шестьдесят седьмой день, как я иду... Если останусь в живых, я тебе, Кола-Колышек, воздвигну где-нибудь монумент... Правда, правда, воздвигну. Если бы не ты, где бы я сейчас был, а?! Да, еще за лыжи с меня причитается, хоть бы по бюсту на каждого гляциолога! Я даже не знаю, кто они такие. Если судьба сведет, возьму у них фотографии на память, и пусть лепят бюсты с фотографий... Хватит нести чепуховину... Не сердись, должен же я как-то занять себя?.. Вот и присматривай за следами, это и есть твое занятие... След?.. Да, след... След следом, но я ведь могу еще поворошить воспоминания!.. Твоя правда! Давай вспомним Резо Гошхотели: очень интересной был личностью - прекрасной наружности, обходительный, ни тени чванства, высокомерия и почему-то холостой. Мужчина в самом расцвете сил стал жертвой репрессий тридцать седьмого года. Он был искателем приключений, с душой, исполненной благородных порывов и страстей, мужчиной, уделом

которого должна стать смерть в бою, в противоборстве, ему бы умереть стоя, а вместо этого его закололи, как овцу...

Резо Гошхотели был другом моего отца. Время от времени он появлялся у нас. Его рассказы я предпочитал любым зрелищам и развлечениям. Он был отменным рассказчиком и любил вспоминать всякие истории.

Раз как-то в моем присутствии дед Гора спросил его:

– Кто такой этот украинец, высокопоставленный чиновник, он еще в Цхалтубо ездит лечиться? Ни разу не уехал, не повидавшись с тобой. Как вы подружились?

– Он старый революционер, большевик, - усмехнулся Резо, - мы познакомились в гражданскую войну. Между прочим, спас меня от смерти. Это было двадцать второго февраля тысяча девятьсот двадцатого года.

– Кое-кому и меня доводилось от смерти спасать, но по приезде в Цхалтубо или Боржом они обо мне не справлялись... Расскажи, будь ласков, как это было? - попросил дед.

Дядя Резо улыбнулся, собираясь с мыслями, и приступил к рассказу:

– Во времена меньшевиков у меня была на Черном море шхуна "Нина" водоизмещением пятьсот тонн. Команда состояла из шкипера и четырех матросов. Шхуна была двухмачтовой, ходила под парусом и как моторка. Я занимался фрахтом, перевозил груз из порта в порт на Черном море.

В начале тысяча девятьсот девятнадцатого года, кажется на исходе января, меня отыскал в Батуми Теофиле Эджибия - на него был объявлен розыск, и он скрывался. Узнав, что "Нина" направляется в Одессу, Теофиле попросил помочь вывезти из города революционера Шаумяна, в этом была настоящая необходимость. Я задумался. До революции все, кто добивался свержения самодержавия, невзирая на партийную принадлежность, помогали друг другу даже тогда, когда между партиями велась какая-либо полемика или борьба.

Обратись ко мне Теофиле Эджибия до революции с просьбой вывезти Шаумяна, я бы считал себя обязанным выполнить просьбу, хотя мы состояли в разных партиях: я был национал-демократом, они - большевиками, но тогда, в то время и при тех обстоятельствах... Грузия была независимой, власть находилась в руках меньшевиков. Большевики боролись с нами, мутили воду, старались представить Советской России положение дел так, что население Грузии жаждет большевистского строя, спит и видит, когда же наконец войдут русские войска. Правда, мы, национал-демократы, были в оппозиции существующему правительству, боролись легально по принципу многопартийных взаимоотношений, но оказывать большевикам какую бы то ни было помощь нам не подобало: ни официально, ни дружески.

Словом, просьба его вызвала во мне смятение. В конце концов я согласился, пропади все пропадом, вывезу, и подумал про себя, что в этой несчастной Грузии одним большевиком меньше будет!

Сам я в этот рейс не собирался, вместо меня должен был идти мой помощник Григол Чивадзе. Скажу пару слов о нем. Григол был сыном дьячка и крестником какого-то князя. Окончил кутаисскую гимназию, рвался всей душой к морю, и крестный устроил его в мореходное училище. Григол был честолюбцем, его томила жажда известности, славы, но случилось так, что он ударил офицера, за что и распрощался с училищем, приняв наказание. Меня всегда удивляло, как Григол мог ударить офицера, будучи сам человеком спокойным до флегматичности. Во всяком случае, в двадцать пять лет он был таким. Вместе с тем его отличали энергия и проницательность, и я не встречал человека с таким обостренным

чувством долга. Он был чрезвычайно добросовестным, умелым и проявлял эти качества исключительно в работе. Для себя он пальцем о палец не ударял, и, насколько мне известно, других увлечений вне работы у него не было. Мне доводилось встречать таких людей это бывает от перегоревших мечтаний. Григол, образованный, интеллигентный, слыл и в преступном мире человеком бывалым, своим, хотя я клятвенно заверяю, что злоумышленником он не был - ни по природе своей, ни по делам. Он никогда ничего общего не имел с политикой. Добрый, благожелательный, он и пальцем никого не тронул, но в случае необходимости способен был на все. Я говорю был, потому что не знаю, каков он теперь. Порой случается людям вдруг проявлять со временем несвойственные им качества, но думаю, что Григол Чивадзе и по сию пору такой, каким был в бытность на службе у меня. Вы, наверное, думаете, что я преувеличиваю, да? Ничуть! Сами убедитесь... Так или иначе, Григол мне нравился, мы с самого начала подружились, и наша дружба выдержала испытание временем.

Да, так вот, я согласился. На судне находился преступник, стало быть, могли обостриться отношения с полицией. Я решил идти в рейс. Меня знали, не стали бы досматривать, да и в Одессе я должен был уладить кое-какие дела. Мы доставили Степана Шаумяна в Одессу, проводили до места встречи и, как говорится, сдали с рук на руки. Это было не просто, контрразведка белых действовала активно.

Мир, и без того сумасшедший, вконец обезумел. Большевики предприняли наступление в южном направлении. Из достоверных источников я узнал, что белые и до весны не продержатся в Одессе. У меня там была постоянная клиентура и небольшая контора, нужно было ликвидировать все дела. В феврале тысяча девятьсот двадцатого года наша "Нина" взяла курс на Одессу.

В городе царил великая паника, собаки и те хозяев не узнавали. Мы жили в гостинице, не сегодня завтра собирались возвращаться, ждали только разрешения на выход в море, когда вдруг явился наш шкипер с сообщением, что белые реквизируют нашу "Нину", взяв с команды подписку о невыходе в море, поэтому теперь попытка оставить судно квалифицировалась бы как дезертирство со всеми вытекающими последствиями!..

Смутная угроза застрять в Одессе становилась реальностью. Я кинулся по всем инстанциям, предлагая доставить куда угодно любой груз или солдат, а потом, как говорится, вы сами по себе, мы сами по себе. Ничего не вытанцовывалось. Положение осложнялось и тем, что под страхом смерти не только в море выходить запрещалось, но и у берега саженками плавать. Попали как кур в ошип, но мы были молоды, оптимизм перевешивал разум, и мы не поддавались отчаянию.

Четырнадцатое февраля тысяча девятьсот двадцатого года, вечер. Я играю в гостинице в бильярд. Маркер, приблизившись, вполголоса сообщает, что меня спрашивает молодой человек. Я выхожу. Незнакомец пристально вглядывается в меня, как бы уточняя, тот ли я, кого он ищет, и передает конверт. "Резо, друг, надеюсь, окажешь помощь подателю этой записки. Теофиле".

Я усмехнулся, Эджибия и здесь разыскал меня. Справился, какого рода помощь от меня требуется.

— Пятьсот рублей золотом. Так оценивает мою жизнь и жизнь одного из наших людей офицер, отпустивший меня за деньгами. Удирает, потому и просит золотом. Это срочно... Через два часа будет поздно. Если я не принесу деньги, то товарища расстреляют, а меня обвинят в трусости. Еще мне нужно какое-нибудь оружие. А главное, помогите выбраться из этой гостиницы, меня опознали, но я как-то ускользнул. Контрразведка держит под наблюдением все выходы.

На мне был архалук. Мы поднялись в номер. Я отсчитал пятьдесят золотых десятков и дал свою одежду - черкеску, сапоги, пояс с кинжалом и подарил маузер, право на ношение которого я взял накануне в штабе белых. Снабдив незнакомца своим паспортом, я велел Григолу вывести его из гостиницы. Григол захватил с собой чемодан, чтобы сложить в него мои вещи на обратном пути. С собой же он взял платье молодого человека. Григол предупредил, что сможет вернуться только после того, как контрразведка снимет наблюдение, а это могло быть не скоро, поэтому беспокоиться за него нечего.

Из окна нашего номера отлично просматривались подступы к зданию. Вначале документы проверил патруль, потом агенты. Все сошло благополучно, они ушли. На выходе из гостиницы чемодан не проверили, но его могли проверить на обратном пути, и тогда обнаружился бы мой паспорт и черкеска, положение осложнилось бы. Не исключался обыск в гостинице и до возвращения Григола, тогда у меня потребовали бы паспорт. Словом, радоваться было нечему. По счастью, вечер прошел спокойно. Часа в три ночи контрразведка сняла посты.

Вскоре появился Григол с чемоданом. В номер он поднялся без происшествий.

Я не знал даже имени молодого человека, которому мы оказали услугу. Он ушел со всем нашим добром, и, надо полагать, навсегда, как, впрочем, чаще всего и бывало в подобных случаях, но я не испытывал никаких сожалений, уверенный, что поступил правильно. Анализируя свои действия, я и сейчас думаю, что не ошибся: мои интересы полностью совпадали с интересами того человека - мы оба исходили из желания разрушить Российскую Империю; мне выпала возможность спасти за какие-то пятьсот рублей человека, которого ждал неминуемый расстрел; и наконец, Теофиле был моим другом, я обязан был исполнить его просьбу... Григол обрушился на меня с упреками: мало того что я отдал оружие, пропади оно пропадом, ввязался в историю, я еще отвалил ему последние золотые десятки, не подумав о том, что они и нам не помешали бы, не могли же мы всерьез рассчитывать на то, что выберемся из Одессы с помощью оставшихся у нас никому не нужных семи сотен николаевских денег! Так и остались мы на бобах!

В самом деле, николаевские банкноты не котировались, курс их упал до одного к ста, и только те, кто верил в реставрацию царизма, считали эти деньги настоящими. Вот только было таких не много - раз-два и обчелся.

За двое суток, восемнадцатого и девятнадцатого февраля, белые сгребли подчистую все корабли, пароходы, лодки, какие только нашлись в одесском порту и, погрузив на них свои воинские части со снаряжением, оставили навсегда родной берег. Ночью двадцатого февраля Одессу заняли красные. Арьергард белых с боями отступил к порту. Но тут для них не нашлось ни единого суденышка. Преданные своими же, они оказались в западне. Красные привычно расправились с врагом, а кого не смогли добить, взяли в плен, и пошли нескончаемые расстрелы.

Спустя три дня в восьми верстах от Одессы доктор Байсаголов предложил нам на продажу свою яхту. О цене сговорились быстро, порешив в следующую же ночь выйти в море... А накануне к нам в гостиницу пожаловали чекисты. Устроили обыск, составили акт, отобрали все ценности, какие оставались, препроводили нас в ЧК, вероятно, больше потому, что в моем паспорте черным по белому значилось "князь". В номере, а потом в ЦК мы долго доказывали, что мы граждане Республики Грузия, что между нашей страной и Советской Россией добрососедские отношения, что у нас с белыми нет ничего общего и, более того, мы находимся в состоянии войны с ними... Говори не говори - об стену горох.

ЧК размещалась в здании жандармерии. Нас загнали в камеру, в ней была сотня, не меньше, задержанных - яблоку негде было упасть. И тут я вдруг увидел русского генерала. Увешанный многочисленными орденами, он важно восседал на параше, втолковывая, не без горячности,

своему собеседнику, что ничего дурного "советским большевикам" не сделал, напротив, и что орденов он из принципа не снимет, поскольку получил их ценою крови, пролитой в боях с врагами родины в мировой войне, и красные обязаны считаться с этим обстоятельством!.. Очень впечатляющая была картина: и смех, и наука!

Российскую Империю пересадили с трона на парашу!..

В камере оказались люди самых различных занятий и национальностей. Большинство - белые офицеры в штатском, несколько аристократов из высшего общества, купчики, примкнувшие к белому движению, лица, взятые по ошибке вместо кого-то.

Ночь прошла спокойно, разве что списки вдруг вздумалось кому-то составлять. Было часов десять утра, когда нас вывели поодиночке в коридор и, связав руки бечевкой, вытолкали во двор жандармерии. Двор был тесным. Обнесенный с трех сторон высоким глухим забором, он прилегал к служебному корпусу жандармерии, ныне - ЧК. Нас оттеснили к стене. В ряд мы не умещались - столько нас было, и нас сбили в кучу. Я с Григолом оказались прижатыми к стене. Обреченный всегда верит в чудо, верил и я, не буду скрывать, полагая, что проводится какая-то неизвестная мне операция. Никто ни на что не жаловался, не плакал, не ругался. Мы стояли и ждали. Прямо напротив нас было распахнуто окно в бельэтаже. Я то и дело возвращался к мыслям: почему окно распахнуто в такой мороз, кто сидит в этой комнате, сколько их? Впрочем, давно замечено, что в критических ситуациях в голову обычно лезет всякая чепуховина, ничего странного - защитная реакция организма.

Тем временем вышел кто-то из чекистов, так, мелкая сошка, и стал зачитывать по бумажке список. Читал он, мучительно запинаясь, по складам, искажая фамилии. Фамилию Иванов, казалось бы, куда проще, он и ту умудрился исковеркать так, что выговорил Игнемосов. Я, можно сказать, всю Россию вдоль и поперек исколесил, а такой фамилии слыхом не слыхивал; так и запомнилась она мне на всю жизнь... "Помнишь, как-то в Натанеби, когда ты вел собрание, - шепнул мне Григол, - ты заметил, что революция всколыхнет темные массы! Вот и всколыхнула!.."

В окне мелькнул мужчина, и меня стала неотвязно мучить мысль, что окно открыли для того, чтобы слышны были зачитываемые фамилии...

С грехом пополам, через пень-колоду добрался наконец чекист и до моей фамилии, при этом он издал горлом такие удивительные звуки, что я не вдруг сообразил: он произносит мою фамилию. Не буду кривить душой, он старался изо всех сил, но чем больше тщания он проявлял, тем больше искажал фамилию, и тем больше я почему-то раздражался. Казалось, мне не привыкать, мое имя зачастую коверкали, особенно в России, тем не менее я выверился до того, что, уже не сдерживаясь, в полный голос, отчетливо, по слогам произнес:

– Го-шхо-те-ли Ре-ваз Со-про-мо-вич. Гражданин Республики Грузия. Князь!

Чекист от всей души расхохотался, опустил глаза на список, почмокал губами и, вдруг помрачнев, гаркнул:

– Повторить! - Видно, "князь" дошло до него с некоторым опозданием.

Спокойно, с той же интонацией я повторил свое имя, даже "князя" не выпустил.

– Покняжишь ты у меня, покняжишь! - огрызнулся он и собрался было продолжить список, как из открытого окна донеслось:

– Самотеев, веди его сюда!

– Есть! - Чекист обернулся ко мне: - Следуй за мной, контра!

– Нас двое, - отозвался я.

Начальник, растерявшись, злобно бросил:

– Чего-о-о?!

Но сверху тотчас последовал приказ:

– Самотеев, веди обоих!

– Следовать за мной! - гаркнул чекист так, что, казалось, тотчас за командой грянет туш духового оркестра.

Мы пошли, подталкиваемые чекистом. Пока мы поднимались по лестнице, я попытался представить себе человека, отдавшего из окна приказ, выходило, что он смахивал на молодого парня, за которого просил Теофиле. Я рассмеялся, что только не взбредет в голову обреченному. И тут же мелькнула спасительная мысль, а собственно, почему не может оказаться в этой комнате большевик, скрываться ему как-то не от кого - белых в Одессе нет.

Чекист разрезал бечевки, стягивающие руки за спиной, и провел нас в кабинет.

Это был тот самый молодой человек!

Он пожал нам обоим руки, предложил сесть.

– Революция, гражданская война, Реваз Сопромович! Революция, которую сами делаем! - как бы размышлял он вслух, расхаживая по комнате. - Да, простите... Яремчук Влас Яковлевич! - представился он, подсаживаясь к столу и протягивая нам чистую бумагу. - Напишите разборчиво ваши фамилии, имена, отчества, - попросил он с улыбкой.

Яремчук нажал на кнопку звонка и продиктовал машинистке текст мандатов, затем вызвал сотрудника и велел ему принести акт о нашем обыске и конфискованные ценности с вещами.

Через десять минут нам все вернули. Яремчук извинился, что не может пока отдать пятьдесят червонцев, но пообещал со временем расплатиться. Маузер и оружие Григола он оставил у себя, поскольку большевики запретили гражданским лицам носить оружие. Яремчук предупредил, что останется в Одессе еще на три дня, и, снабдив нас мандатами с печатями, отпустил с наилучшими пожеланиями.

Мы получили недельную гарантию жизни и неприкосновенности, если вообще в том беспределе могла существовать какая-либо гарантия.

Из кабинета мы уходили, не помня себя от радости. Едва мы оказались на улице, как грохнул залп десятка ружей. Мы поневоле стянули с головы шапки. Несколько случайных прохожих последовали нашему примеру, потом, осеняя себя крестным знаменем, торопливо, как и мы, снова нахлобучили их и быстрым шагом, почти бегом, продолжили путь под беспорядочные ружейные выстрелы.

В Одессе есть улица - запомнил ее название, - на которой помещаются разного рода мастерские: седельная, шапочная, портняжная. Среди ремесленников было множество грузин. Весть о том, что меня с Григолом повели на расстрел, уже дошла до них, и нас числили в мертвецах. Наше появление вызвало слезы радости. Мы сбросили с себя черкески с архалуками, переоделись в гражданское платье.

На случай, если нас спросят, мы оставили сообщение, что ночуем в той же гостинице.

Когда Яремчук приехал подлечиться в Цхалтубо и разыскал меня, он занимал высокий пост. Я навел на него, мы поговорили, вспомнили прошлое. Вынув из портфеля конверт, он протянул мне пятьдесят червонцев. По тем временам червонец ценился дороже золотой десятки. Я отказался от денег. Он настаивал, и, когда дело дошло до обиды, я сослался на то, что деньги были взяты из кассы национал-демократической партии, а поскольку ее больше не существует, я, естественно, не могу прикарманить чужие деньги. Яремчук растерялся, поскольку тоже не считал возможным оставлять их у себя. Выход нашлся. Пригласив личного секретаря, занимавшего смежную комнату, Яремчук велел внести деньги на депозит!

Резо Гошхотели закончил рассказ. Наплыла тишина. Помолчав, дед Гора задумчиво заметил:

– Человек человеком жив. Кинь добро назад - очутится наперед! По слухам, на этом история не закончилась. Кажется, Ладо Алекси-Месхишвили выбрался из Одессы тоже не без твоего участия...

– Это на потом, уважаемый Иагор, - ответил Гошхотели и, бросив взгляд на часы, поднялся. - Эрекле опаздывает, мне надо идти, как-нибудь в другой раз...

Прошло не меньше года, прежде чем мне довелось услышать продолжение всей этой истории. Праздновали день рождения моей сестры, и гости упросили Резо Гошхотели рассказать о том, как выбирался из Одессы Ладо Алекси-Месхишвили. Рассказывал он интересно, но с отступлениями, несколько сложными для моего младенческого ума, я не во всем разобрался, кое-какие подробности, связанные с оценкой событий и высказываний, я недопонял... Как запомнилось, так и изложу.

Когда Резо рассказывал об уходе из Одессы, которую к тому времени захватили после бегства белых красные, он невольно понижал голос, поскольку отсутствие должного восторга при упоминании Красной Армии могло быть истолковано как похвала белым. Несмотря на то что гражданская война окончилась двенадцать лет тому назад, за равнодушие в изложении некоторых событий рассказчика могли объявить агентом Антанты и мирового империализма, со всеми вытекающими трагическими последствиями. Гошхотели, помню, начал рассказ, и я весь обратился в слух, как меня вдруг мама попросила сбегать за "Боржомом". Я сжался, так не хотелось пропускать что-либо из этого рассказа. Отец, заметив мое отчаяние, взялся выполнить просьбу. В нашей семье детям всегда позволялось присутствовать при беседах взрослых. И делалось это намеренно, по тем соображениям, что эти разговоры помогали разбираться в жизненных ситуациях, тормозили ум, пробуждая его к мысли... Ладно, рассказывай, не отвлекайся...

Господин Ладо, великий актер своего времени, был чрезвычайно популярен еще до первой мировой войны, и все эти годы, включая начало гражданской войны, российские кинофирмы пытались переманить его друг у друга, приглашая на заглавные роли. За этот период он снялся в тридцати кинофильмах, причем в некоторых из них ему случалось играть по несколько ролей. Для киноискусства того времени это было нормальным явлением. В разгар гражданской войны фирмы свернули работы. Дороги на юг были отрезаны, местность занята белыми. Случалось, отдельные территории переходили из рук в руки. В этой передрыге множество грузин, лишенных возможности выехать, остались в Москве, Петрограде и других российских городах. Те, кто, не убоившись опасностей, рискнул двинуться в путь, в большинстве погибли от эпидемий или пуль. Их расстреляли именем революции. Одним из таких отчаянных смельчаков был господин Ладо, достигший преклонного возраста.

По Москве сначала прошел слух, что красные взяли Одессу, потом - что пока не взяли, но на днях возьмут. Господин Ладо сел в одесский поезд с намерением добраться до черноморского побережья, а там морем и до Грузии рукой подать. В пути он пробыл полтора

месяца. На двадцатое февраля тысяча девятьсот двадцатого года, когда красные взяли Одессу, он находился в пригороде. В течение двух дней, пока красные наводили свой порядок, въезд в город был запрещен. И только двадцать третьего февраля господин Ладо с рассветом вошел в Одессу и, чтобы разузнать об обстановке в городе, о возможности попасть в Грузию, напрямик направился к грузинским ремесленникам, оставив вещи в гостинице. Те выложили все, что знали, и в придачу: как Резо Гошхотели с Григолом Чивадзе избежали смерти, в какой они нынче находятся гостинице, кому не удалось спастись, как расстреляли двух грузинских генералов. Портной Нико Чохели доверительно сообщил господину Ладо, что Резо с Григолом облюбовали в окрестностях Одессы яхту, на которой и собираются тайно отплыть! Господину Ладо пришла в голову мысль взять свой багаж и поселиться вместе с молодыми людьми. Благо, скарб его сильно уменьшился - остался один чемодан с небольшим узелком. Когда он пришел в гостиницу, оказалось, что номер перерыт - ЧК, разыскивая Ладо, устроила обыск.

Господину Ладо пришлось уносить ноги. По счастью, Резо был у себя, в те времена всякий распахнул бы дверь перед Ладо Алекси-Месхишвили гордостью грузинской нации!

Ревком в силу революционной бдительности закрыл одесский порт, даже попытки выйти в море карались смертью, потому как, по полученным сведениям, в Одессе якобы находилась сокровищница двора Его Императорского Величества, которую белые не успели вывезти и поручили эту операцию оставленной в городе агентуре. Все это больше походило на вымысел, что и подтвердилось впоследствии. Говорить о царской сокровищнице не берусь, но что в городе и впрямь скопились богатства несметные, это точно. Российские магнаты с семьями, не успевшие вовремя эмигрировать и вывезти свои богатства, съехались в портовые города Черного моря с тем, чтобы бежать за кордон, однако выход в море запрещен был и при белых. Так, волею обстоятельств, Одесса превратилась в своеобразную кладовую. Красными двигало желание завладеть именно этими богатствами, а отнюдь не бриллиантами из коллекции Романовых, надежно упрятанными в уготовленном для них месте.

Резо Гошхотели и Григолу Чивадзе надлежало через три дня покинуть Одессу. Мандаты, правда, у них были, но легко могло стать, что при очередной проверке их сочли бы недействительными или фальшивыми и новый приказ ревкома поставил бы к той же стенке в ЧК не только Гошхотели и Чивадзе, но и Ладо Алекси-Месхишвили. Словом, нужно было действовать.

Посоветовались. В первую голову предстояло выяснить, существовала ли та яхта, которую они присмотрели и почти что купили еще до того, как попали в ЧК. Ежели нет, то Григолу Чивадзе следовало подыскать взамен какое-нибудь суденышко. Он располагал обширными связями в одесских деловых кругах и в преступном мире. Нужно было найти подходящую посудину, а потом уже купить, тайно выкрасть или силой завладеть - по обстоятельствам. Опыта и смелости Резо с Григолом было не занимать, проверить дело особых трудов не составляло.

Судьбе свойственно как отворачиваться, так и щедро осыпать дарами. Яхта Байсаголова стояла на месте, непроданная и целехонья. Она была довольно крупной, даже с небольшой кают-компанией: и парусник, и моторка.

Торговаться особенно не пришлось, но после покупки почти все деньги вышли. Сделка состоялась с жестким условием не разглашать времени выхода в море. Отплытие назначили на четыре часа утра. Выйти раньше не было возможности, поскольку красные подтянули в Одессу целую флотилию из других, занятых ими портов, набережная патрулировалась.

Григол Чивадзе остался на яхте, чтобы подготовить ее к выходу в море. Резо с мандатом ревкома во внутреннем кармане направился за господином Ладо. В гостинице его ждала неприятность - волнения и ожидание сказались на старом актере. С ним случился сердечный

приступ, едва не приведший его к смерти. Врачу пришлось довольно долго повозиться, состояние больного улучшилось, он смог встать на ноги. Пока добрались до яхты, господину Ладо снова сделалось дурно - схватило сердце. За больного взялся доктор Байсаголов... На этом напасти не кончились: на причале, где швартовалась яхта, скучились люди, человек пятнадцать - мужчины и женщины, старики и дети, каждый со своим "небольшим узелком", по объему если не превосходящим яхту, то уж не меньше ее... Поднялся плач, заклинания, угрозы, замелькали деньги. Байсаголов клятвенно заверял, что не проговорился ни единой душе и понятия не имеет, как прознали эти люди о выходе судна в море. Это были богатеи, укрывавшиеся от разбоя в окрестных селах и деревнях. Оставить их значило выдать себя, поскольку на рассвете с появлением береговой охраны непременно узналось бы о выходе яхты в море, и тогда вдогонку пошел бы катер и всех троих расстреляли бы. Решено было принять людей на борт, но по требованию Гошхотели, каждому позволялось взять с собой по одному узлу! Тут началось такое! Смятение, страх, суета! Одна молодая дама стала угрожать Резо пистолетом. У грузин вообще не было с собой оружия, можете себе представить радость, какую они испытали при виде пистолета... Оружие отобрали за считанные секунды, Гошхотели сделал это мастерски. Сноровка Резо несколько поубавила пыл будущих пассажиров, они стали послушно перекладывать багаж, кое-что пришлось выбросить, и наконец все разместились в кают-компани. Прощаясь, Байсаголов посоветовал Резо взять с пассажиров деньги за рейс, их от этого не убудет. Резо не мог пойти на это из суеверия: возьмешь деньги за спасение человеческой жизни, и яхта непременно затонет или случится что-нибудь ужасное, ни один не спасется!..

Чтобы не привлекать внимания, вышли в море под парусом, не включая двигателя. Дул попутный ветер, море было относительно спокойным. Отплыв от берега, взяли курс на юго-восток.

Первые два часа у руля стоял Чивадзе. Резо находился в кают-компани и только время от времени поднимался на палубу.

Перегруженная яхта едва ползла. Ветер даже не стих, а просто издох, паруса безжизненно обвисли. Пришлось включить двигатель и с превеликим трудом продвигаться. С рассветом удалось отойти от берега, вокруг, куда хватал глаз, простиралась морская гладь. Небо хмурилось. Если, не приведи Господь, поднялось бы волнение, яхта, не выдержав и трех-четырех баллов, распалась бы на части. Совершенно реальной была и угроза погони, и эта реальность не замедлила сказаться.

Вот как это случилось.

Резо и господин Ладо, оправившийся после приступа, беседовали в кают-компани с непрошеными гостями, точнее, подбадривали их. Единственное, чем были заняты помыслы пассажиров, - сумеют ли они добраться до берегов Грузии. В дверном проеме показался Григол и попросил Резо подняться с ним на палубу. С северо-запада двигалось по тому же курсу, что и яхта, судно! Резо с Григолом довольно долго наблюдали за ним. Судно, похожее на небольшой военный катер, приближалось. На расстоянии слышимости раздалась пулеметная очередь - приказ остановиться! Из кают-компани повыскакивали перепуганные пассажиры. Гошхотели прикрикнул на них, пассажиры послушно скрылись. Во избежание паники нужно было спуститься к людям, успокоить их. Резо так и сделал, пассажиры замерли в ожидании объяснений. Господин Ладо по-грузински предупредил Резо, что дама, у которой накануне отобрали пистолет, вытащила из ридикюля еще один здоровый револьвер и, вырезав перочинным ножом бархат на спинке кресла, упрятала его туда. Резо даже не успел отреагировать на это сообщение, как снова застучал пулемет.

– Сидеть! Без паники! - приказал Гошхотели и, убедившись, что люди не двигаются с мест, поднялся на палубу.

Военный катер с крупнокалиберным пулеметом прижался к яхте бортом. Пулемет бил с расстояния протянутой руки. Их было трое - пулеметчик, шкипер и командир сухопутных войск Красной Армии. Шкипер с командиром перебрались на яхту - суда стояли так тесно друг к другу, что трапа не понадобилось. Спросили хозяина яхты. Гошхотели, представившись, протянул мандат. Командир, пробежав его глазами, объявил мандат фальшивкой и, разорвав в клочья, выбросил за борт. Гошхотели потребовал объяснений. Командир заявил, что яхта вместе с экипажем арестована, он должен произвести обыск, а остальное объяснят в Одессе. Ткнув пальцем в сторону кают-компания, он велел Гошхотели спуститься вниз. Незнакомцы держали в руках наганы со взведенными курками. У Резо был при себе пистолет, отобранный им накануне у вздорной дамы, и он боялся, что если его отберут во время обыска, то в нужный момент он окажется безоружным. Но случилось так, что его вообще не обыскали.

Командир, кивнув на Григола, велел пулеметчику не спускать с него глаз и гаркнул Резо спускаться в кают-компанию! Резо почему-то замешкался... Тогда чужаки стали размахивать оружием, браниться, угрожать. Их поведение заронило в Резо сомнение, военные ли они, похоже было, что это просто налетчики. Он распахнул дверь кают-компания, когда до него донеслось брошенное ему вдогонку по-грузински предупреждение Григола, что это громилы.

– Не гавкать! - прикрикнул на него шкипер. - Говорить на человеческом языке!

Красная Армия, как известно, воевала под интернациональными лозунгами, и эти слова были явно заимствованы не из ее словаря. Все обозначилось: тут действовали налетчики, пытавшиеся под видом властей проверить противозаконное дельце. Поскольку в Одессу и ее окрестности стекались несметные богатства, а у белых, равно как и у красных, карманы пустовали, то обе стороны с одинаковым азартом охотились за шальными миллионами. Деньги и богатство всегда влекут к себе грабителей, воров, вымогателей и разного рода паразитов. Так обстояли дела и в тогдашней Одессе, грабеж стал промыслом - ни больше ни меньше. Не удавалось обчистить на берегу - давали возможность выйти в море и, настигнув, грабили, убивали, а потом пускали судно ко дну. Грабеж в море имел свои преимущества. Во-первых, не оставалось следов, во-вторых, на судне собиралось воедино рассованное на берегу по различным тайникам добро. Единственная сложность - требовался катер. Не плавучий гроб, а быстроходный военный катер, чтобы настичь и в случае сопротивления потопить. Для этого у пиратов - сначала белых, потом красных - была налажена связь с пограничной береговой службой и правомочными представителями военного флота, они пользовались их поддержкой и, конечно, отстегивали им львиную долю из награбленных богатств. Пираты, ясно, имели своих наводчиков, особую прослойку преступного мира. Вероятно, один из них приметил сгрудившихся на причале людей, сообщил пиратам, и... дело заладилось. Спускаясь по сходням в кают-компанию, Гошхотели уже знал, кто есть кто: пулеметчик и военный - налетчики, а шкипер на самом деле служил на военном катере и отряжен был своим начальством для того, чтобы вернуть посудину в целостности-сохранности и проследить, чтобы не обделили награбленным.

Все ясно, но как управиться с пулеметом и наганами? Действовать! Но как?..

Кают-компания была тесной. Пираты затолкали людей в угол и, пригрозив расстрелом на месте, потребовали незамедлительной сдачи оружия, после чего взялись за обыск.

Оружия никто не сдал, да его и не обнаружили.

Случилось чудо - Гошхотели не обыскали и на этот раз! Резо говорил, что до сих пор удивляется, как такое могло случиться.

Грабители произвели обыск, потом вывалили на пол содержимое двух больших чемоданов. Отобрав все, какие были, драгоценности, деньги, меха, сложили их обратно в чемодан и принялись за другую кладь. Не прошло и получаса, как упомянутые чемоданы были набиты

до отказа. Вывернули на пол содержимое очередного чемодана. Налетчики взопрели от жадности, перебирая такие богатства.

Обыск был в самом разгаре, когда кто-то осторожно коснулся Резо рукой. Он обернулся. Дама, у которой Гошхотели накануне отобрал пистолет, протягивала ему огромный "Смит-Вессон"!.. В этом месте Резо, прерывая нить повествования, добавлял, что про себя он усмехнулся тому, что дама прихватила с собой целый арсенал... Это и был припрятанный в спинке кресла револьвер, о котором предупреждал его по-грузински господин Ладо. Гошхотели незаметно для грабителей взял протянутый револьвер. Стоя за спинами пассажиров, он только выжидал подходящего момента... В этом месте Резо снова прерывал рассказ, как бы оправдывая свое поведение: "Так уж обязателен был "Смит-Вессон" для того, чтобы обезоружить налетчиков? Был же у меня в кармане дамский браунинг, им тоже несложно убить человека! Чисто психологический момент: их двое, с большими наганами, я с маленьким браунингом, один, инстинктивно ощущаю себя беспомощным. Большой револьвер придал мне силы".

Словом, Гошхотели стоял за пассажирами, настороженно следя за происходящим. Военный, наставив наган на сбившихся в угол людей, сверкал ястребиными глазами. Второго грабителя обыск привел в такое возбуждение, что ему и дела ни до кого на свете не было. Резо мог, не целясь, выстрелить. Для этого нужно было просунуть руку с револьвером между пассажирами. Когда он стрелял из своего оружия, то обычно промахивался раз из десяти, глаз у него был точный, но "Смит-Вессон" был чужим, и Бог его знает, как в стрельбе уводило ствол. Вероятно, это соображение тоже заставляло его мешкать. Вдобавок ко всему на море начался шторм, и яхту раскачивало. Времени на размышления и колебания не оставалось, налетчики заканчивали с обыском...

Застучал пулемет...

Это было так неожиданно, что все, растерявшись, вопрошающе уставились на дверь. Снова наплыла тишина. Выждав время, каждый из присутствующих возобновил прерванное занятие. Раздалась пулеметная очередь. Военный направился к двери. Обыскивающий поднял на него глаза. И тут наконец Гошхотели, просунув между пассажирами револьвер, нажал на спуск... Военный выронил наган и, развернувшись, рухнул на пол...

Обыскивающий дернулся к револьверу...

– Руки вверх, мерзавец! - осадил его Резо. Дважды выстрелив в потолок, он бросился к грабителю и, обезоружив его, спокойно заметил: - Тебе сказано, свинья, руки!..

Наган военного прогрохотал вниз по сходням, задержавшись на последней ступеньке.

Обыскивающий нехотя поднял руки.

– Следуй наверх! - приказал Резо.

Поднялись по сходням. Налетчик, ступив на палубу, опустил руки.

– Цыц, цыц!!! - донеслось снаружи. - Вверх, вверх руки! Резо, это я, Гриша!

Гошхотели, выбравшись на палубу, бросил взгляд на катер.

Григол дымил махоркой возле пулемета.

Резо, приказав грабителю лечь ничком, крикнул в кают-компанию, чтобы кто-нибудь поднялся, и обратился к Григолу:

– Как ты там... а?

– Спасибо, ничего...

Хозяйка "арсенала" принесла чулки, туго стянула за спиной руки грабителю и подбоченилась...

Резо, недоумевая, как оказался Григол возле пулемета, мучительно соображал. Так ничего и не придумав, махнул рукой:

– Как ты там оказался, а?..

Обычно во время рейса Григол надевал на себя матросскую форму. Пулеметчик, приняв его за моряка-наемника, естественно, никаких выпадов от него не ждал. Григол, со своей стороны, пытаясь завязать контакт с пулеметчиком, перебросился с ним парой слов и, когда тот свернул себе сигарку, попросил табачку, сославшись на то, что у него весь вышел...

– Вон пулеметчик... купается, - сообщил Григол, перегнувшись за борт...

Все, какое было на катере горючее, перенесли на яхту, даже в двигателе ничего не оставили. Связанного пирата перенесли на катер, замок от пулемета выбросили в море и легли на курс. В кают-компании господин Ладо Алекси-Месхишвили взялся раздавать отобранные грабителями драгоценности. Делал он это мудро: взял в руки, скажем, какую-нибудь безделушку, поднимал ее на всеобщее обозрение. Если кто-то признавал ее своею, то господин Ладо, выждав время, не сыщется ли еще претендент, возвращал владельцу. Были и драгоценности, на которые притязали по нескольку человек. Их господин Ладо откладывал в сторону...

Шторм длился три дня. И все эти дни яхта болталась по морю, но уцелела - видно, так было угодно провидению.

После всех передрыг уже в Батуми сели поужинать. Григол, вспомнив грабителя, оставленного связанным на катере, заметил, что надо было развязать этого сукина сына, кто знает, что с ним случилось?

Господин Ладо Алекси-Месхишвили добрался до Тбилиси в конце февраля. Он никогда не отличался отменным здоровьем. Поездка из Москвы в Одессу, полная испытаний, основательно пошатнула его здоровье. Волнения, связанные с путешествием по морю, тоже сил не прибавили, и в ноябре того же тысяча девятьсот двадцатого года великий актер и театральный деятель, национальная гордость грузин господин Ладо Аленси-Месхишвили скончался.

Светлая ему память!

Аминь!"

Пару дней назад Гора потерял следы - их замело снегом.

Снявшись с рассветом, он побрел дальше, следуя больше своей интуиции, чем намеченному плану. Когда он увидел хижину, глазам своим не поверил: на взгорке, перед поляной возвышался довольно просторный сруб, и из трубы столбом валил дым. Гора почувствовал, как закружилась голова, и, прислонившись к дереву, отдышался. В поисках, где бы оставить Колу, он набрел на холм и, удобно расположившись, стал вести наблюдение. Икры снова занемели. Гора себе в утешение подумал, что это мышцы расслабятся после нагрузки.

Небо было чистым, и Гора достал секстант, чтобы определить местоположение. По карте и координатам выходило, что это отмеченная Филипповым вторая хижина, то есть с шестью патронами. Если печь топится, значит, охотник в хижине. Горе следовало выждать, пока тот уйдет.

Дым над трубой наконец поубавился, у Горы появилась надежда, что хозяин пойдет на охоту, но не тут-то было: из трубы снова повалил дым.

"Он что, раздумал уходить?.. Если не раздумал, зачем было подкладывать дрова в печь! Он до утра не двинется, придется здесь ночевать... Ждать, только ждать, Гора, сколько бы ни пришлось!.. Погоди, погоди, может, я что-нибудь напутал? Сколько дней я в пути? Тьфу, пропасть, голова не работает! Календарь, должно быть, в нагрудном кармане. Третьего января, семидесятый день побега. Сколько я шел? Эта хижина, совершенно точно... Силы на исходе, в среднем за день я больше пяти километров не осилю... В середине марта я должен быть в хижине Хабибулы... Что осталось? Семьдесят три дня!... Если не заболею... Хабибула не будет ждать меня бесконечно. Сказано, в середине марта, значит, в середине марта!.."

Гора, уютно устроившись, задремал. Когда проснулся, из печной трубы снова валил дым.

"Я продрог. Не разболеться бы снова! Жар, мучивший меня, и скудный паек сделали свое дело. Я все время недомогаю, потому и не могу сосредоточиться. Э-э-э, мы ведь слышали ружейный выстрел, когда грызли кедровые орешки. Кто же стрелял?.. Потом еще раздавались вдалеке одиночные выстрелы... Может, незнакомец шел за беличьей стаей... Я не силен в зоологии, но где-то слышал, что белки стаями ночуют к месту обильного урожая кедровых шишек... В молодецкеновской тюрьме, к примеру, Лучинский слыл знатоком охотного дела, а знания, скорее всего, были заемные, почерпнул из какой-нибудь брошюры... Никакой он не знаток. Ты узнал стороной, что он бузил по пьянке, его осудили и посадили в камеру насадкой, причем тебя предупредили, что с ним надо держать язык за зубами... Так или иначе, эта хижина - скромный дар, ниспосланный Богом, как всегда, в самые трудные минуты, как послан был тот огромный осетр. Сколько раз я прежде удил, ни разу бычка не поймал... Гора Мборгали, терпи и жди!.. Не пропустить бы момента, когда хозяин отправится на охоту, нужно узнать, куда он ключ прячет. Может, он вообще дверь не запирает, может, здесь и замок-то не нужен? Хижина ветхая, сруб прогнил... Гм, эта подзорная труба весит восемьсот граммов, я еще хотел ее выбросить... Совсем не обязательно, чтобы Миша Филиппов наперечет знал все хижины в огромной тайге!.. Да, зайду. Хлеб или мука в хижине будут непременно. Испеку... Эх, Гора, Гора, все хвастаешь - я да я, а в голодуху о еде говоришь, когда и думать о ней нельзя! Помнишь, в Ортачальской пересылке, общая камера, а в ней четыреста пятьдесят голодных заключенных? Каждый третий - дистрофик! Железный ряд лежат впритирку на полу. Староста камеры, Жора Ишхтнели, услышит краем уха разговор о еде, вскочит с дрючком в руке - заткнитесь! Ну и что? Вслух никто не говорил, молчали, но в мыслях все равно было - хлеб, хлеб, хлеб! Зря старался Жора. Бедняга Михо Марсагишвили. По окончании следствия его дядя, степенный старик Арсен Марсагишвили, получив разрешение, прислал во внутреннюю тюрьму продуктовую передачу племяннику. Михо зажал в руке кусок хлеба, так что в ком его сплющил, и сказал с горечью: "Эх, не знал я тебе цены!..". Хлеб лежал на ладони, он смотрел на него... Существует оскорбление словом, жестом, поступком, пыткой, и существует самое изощренное, самое циничное оскорбление - голодом!... Блаженны те, кто не испытал этого. Я был молод, и только слова Михо Марсагишвили заставили меня задуматься о цене хлеба... Сколько в тебе сил душевных осталось, если ты, терзаемый голодом, еще думаешь о человеке!... Да, испеку хлеб, совсем немного - так, граммов пятьдесят. На такой кусочек уйдет двадцать пять - тридцать граммов муки, хозяин ничего не заметит. Много нельзя, я съем чуть-чуть. И потом, хозяин хижины ничего дурного мне не сделал, зачем его обижать. А если застанет меня, что он станет делать? Убьет и заявит, что действовал в целях самозащиты, или, плюнув на охоту, поведет меня под конвоем сдавать "куда следует", черт знает сколько сотен километров?.. Местные ненавидят беглецов... Это на юге о беглецах ведать не ведают, откуда там взяться беглецу... Правда на стороне населения. Вот ведь втемяшится в башку, что за каждого пойманного и сданного беглеца власти дают по пуду муки и сколько-то там спирту. Во-первых, несколько сомнительной представляется количественная сторона вознаграждения: чекисты расщедрятся на такое богатство?.. Во всем беглецы виноваты, у них репутация воришек,

насильников, грабителей и убийц, и не без оснований. Я слышал о случаях, когда местные жители давали пристанище беглецу, кормили-поили его, укрывали какое-то время, а он, попавшись потом, выдавал своего радетеля, и тот получал двадцать пять лет ни больше ни меньше!.. Ладно, хватит. Что дальше-то? Воду согрею, искупаюсь. Вот она, отменная сибирская банька. Заберу с собой пару коробков спичек. Кое-что прояснится позже. У охотника возьму самую малость, чтоб не объесть его. Пусть думает, забегал кто-то из своих, охотник, перекусил маленько и ушел!.. Все равно хозяин хижины раскумекает что к чему, и Митиленич воткнет новый флажок на своей карте. Пусть втыкает! Кого еще несет?! Да их, оказывается, двое!.."

Человек поднялся по склону, оставив позади лес, и вышел на поляну. Обернулся на хижину. Какое-то время смотрел на нее, потом снова возвратился в лес и, укрывшись за толстым стволом, стал наблюдать за хижинкой. Гора навел на него подзорную трубу. Ничего примечательного - ружье, патронташ, ягдташ, отстреленные белки и тревога, настороженность во взгляде...

"С чего бы ему прятаться?! Прятаться, говоришь? Лучше подумай, за кем он охотится? Пусть себе охотится, за кем хочет. На белок, если не ошибаюсь, можно до пятнадцатого марта. На таких, как я, - круглый год... То-то! Все же почему он спрятался? Увидел дым? Значит, он не предполагал найти кого-то в хижине? Тогда это его хижина. Кто же внутри? Если хижина чужая, а пришлый всего-навсего мирный охотник, почему он прячется от хозяина? На меня охотится? Митиленич, откуда тебе известно, что я иду вдоль восьмидесятого меридиана, или ты ворожить умеешь?.. Гляди-ка, переломил ствол, меняет патроны. Наверное, жакан заложил... Э-э-э, тут что-то неладно, Гора! Идет, идет... Схватить Гору Каргаретели?.. Что с вами, господа... Спуститься, что ли?.. Идиот, разве в детстве тебя не учили, не суй свой нос в дела супругов!.."

Незнакомец сделал так, как предполагал Гора, - ринулся ничтоже сумняшеся в хижину, правда, ружье взял на изготовку. Несколько мгновений и прогремел выстрел. За ним другой. Гора, сорвавшись с места, бросился вниз по склону. В хижине было одно-единственное оконце, он собрался было подкрасться к нему, но снова почувствовал головокружение и опустился в снег. Едва немного отпустило, он подполз к окну и затаился. Свет в хижину проникал единственно отсюда. Заглянуть - значило застать свет, и незнакомец в хижине непременно обернулся бы. Гора замер, лихорадочно соображая, как быть, и уже было решился привстать, как в нависшей тишине скрипнула дверь. Видно, человек стоял на пороге. Тишина длилась недолго, ее вспорол шум шагов - незнакомец удалялся от хижины. Гора дополз до угла, проводил уходящего взглядом. Тот шел с ружьем через плечо, в руках были кирка и лопата. Пройдя шагов двадцать, он остановился, оглянулся, скинул ружье на снег и стал копать. Гора отполз назад, заглянул в оконце и вздрогнул... В открытую дверь падал свет, на полу ничком лежал голый труп, уткнув лицо в лужу крови!.. Гора обошел хижину с тыльной стороны, где была сложена поленница. Примостившись за ней, он нашел просвет между дровами и стал наблюдать в подзорную трубу за пришлым. Тот копал. Ветер время от времени хлопал открытой дверью. Незнакомец на каждый хлопок замирал, стремительно оглядывая хижину и окрестность.

"Он убийца, это очевидно! И убил он охотника, заглянувшего в хижину в то время, когда он там находился. Кто он?.. Видишь, и голова перестала кружиться!.. Нервы напряглись, и сопротивляемость возросла. Солдату порой приходится по несколько суток стоять по пояс в воде, так он даже насморка не получает. А дома от небольшого сквозняка можно свалиться с воспалением легких... Так оно. Послушай, в хижине ружье! Я слышал два выстрела. Ружье было и у того. Какой же я болван!.. Погоди, не время сокрушаться и бить себя по голове... Попроверь в хижину, и как только он войдет - руки вверх!.. Не годится. Если он на входе увидит меня - сразу выстрелит. Скажем, не успеет, я опережу. А если во втором ружье не окажется патронов?.. Пока я найду патроны, заряджу, этот подоспеет, выстрелит и, судя по всему, не промажет - убил же он одним-единственным выстрелом хозяина хижины?!"

Допустим, он умнее, чем кажется. Тогда он ускользнет, подкараулит в засаде и прихлопнет... Как бы мне незамеченным пробраться в хижину? Через окно не влезть! Что ж, сидеть сложа руки, наблюдать за ним и упустить?! Нет, надо что-то предпринять, Гора!.. Возьмем себя в руки! Чужак роет могилу, хочет убрать труп. Да он круглый дурак. Понабегут следователи, прочешут окрестность, что ж, могилы не найдут?.. А-а-а, он задумал остаться здесь на какое-то время, а нервишки слабые, быть рядом с трупом ему неважно... Так, так, это хорошие данные - негодные нервы, и к тому же дурак!.. Если пару дней покараулить, выйдет ведь он оправиться. Не всегда же с ружьем!.. Пару дней, говоришь? За пару дней я дойду до точки. Нет, нельзя скулить. Значит, так: положение чрезвычайное, убит человек, и убийца вот он, тут. А как со мной? Мне позарез нужна эта хижина и кое-что из того, что в ней есть. Убийца не сегодня завтра непременно уйдет... Уйдет, и тогда наше дело в шляпе, можно будет остаться здесь на несколько дней, отдохнуть, привести себя в порядок, восстановить силы... Не пойдет! Во-первых, потому, что этот мерзавец все, что мне нужно, надо думать, прихватит с собой. Во-вторых, уйдет и еще кого-нибудь порешит. Тогда что? Это всего лишь предположение, а не обоснованный вывод... Как бы там ни было, его нельзя выпускать!.. Вот-вот, это именно то и есть, что называют в тебе авантюризмом... Что в этом плохого?.. Ладно, поздно вносить коррективы в твой характер... Теперь, скажем, я заполучил этого подонка. Как быть с ним? Ближайшее учреждение по охране правопорядка находится на расстоянии нескольких сот километров. Будь оно даже под носом, не мне же его туда вести? Может, они и обрадуются при виде него, но при моем появлении совсем обезумеют от счастья!.. А не почувствовал ли он, сволочь, что-то неладное, подозрительно часто оглядывается на хижину!.. Опасается, что охотник жив, вдруг да доползет к порогу и выстрелит! Продолжим: нам, товарищ, не с руки вступать в какие-либо отношения с административными органами, но налицо убийство и, хочешь не хочешь, нужно наметить план действий... Смотри-ка, глубоко роет!.. Схватить его?.. От меня одна тень осталась.

Убийца в сравнении со мной сказочный великан, и, кроме прочего, мне он нужен связанным. А связать его можно, только оглушив. Так! Надо оглядеться, может, кол какой-нибудь найдется?.."

Возле поленницы лежали нераспиленные дрова. Гора выбрал толстую, с локоть, сучковатую дубинку метра в полтора.

Убийца вырыл яму по пояс и, перекинув ружье через плечо, направился к хижине. Обойдя сруб, Гора прижался к стене между оконцем и углом. Убийца присел на порожек, закурил. Встал, шагнул вовнутрь. Дверь, скрипнув, закрылась. Какое-то время слышалась возня и шум шагов. Потом дверь приоткрылась. Гора догадался - убийца волочил труп, пятясь к двери. Дотащив его до порога, чужак выставил ногу на снег, но, прикрытая створкой двери, она все еще оставалась вне поля зрения Горы. Вот он подтянул еще немного мертвеца, и, хоть сам все еще оставался за дверью, левая нога его высунулась до бедра. Гора шагнул и, взмахнув дубинкой, изо всех сил опустил ее на подколенный сгиб чужака и, когда тот вскрикнул, нанес второй удар. Он пришелся на правую ключицу - убийца успел отвести голову. Все это заняло секунды три. Чужак - он оказался довольно молодым - взревел, дернувшись назад, и грянулся навзничь на снег. Подняв глаза на Гору, он снова взревел - то ли от боли, то ли от неожиданности. Отбросив дубину, Гора выхватил нож. Бестолково размахивая здоровой рукой, чужак вылез зверем. Гора снял с пояса веревку, чтобы связать его, но тот воспротивился, отбиваясь здоровой рукой и ногой. Тогда Гора, снова взявшись за дубинку, вполголоса осведомился:

– Угомонишься, или, может, перебить тебе здоровую руку и ногу?

Незнакомец тотчас притих, только поскуливал. Гора связал его. Вытащив труп из хижины, положил его рядом с убийцей. Теперь можно было и дух перевести. Он посидел немного на пороге, потом, подхватив ружье незнакомца, вошел в хижину.

В глаза ему бросились два туго набитых рюкзака со связкой беличьих шкурок сверху. Нагнувшись, Гора ощупал рюкзаки, распустил на одном из них шнур, достал свежеиспеченную лепешку, отломил, положил в рот и стал жевать. Пришлось помучиться, пока разжевывал кусок. Отломил еще, поднес было ко рту, но сунул обратно в рюкзак.

"Больше нельзя, пока хватит! Надо последить за деснами, попить хвойный отвар. Отвратительное пойло. В этих рюкзаках могут оказаться и витамины... С каких это пор охотники таскают с собой витамины, а? Почему бы и нет? Союз охотников снабжает их, почитай, весь сезон. И провизию дают, и медикаменты. Этот парень, пожалуй, единственный в своем роде грабитель - охотится на беличьи шкурки. Все, что плохо лежало, сгреб в охапку, сволочь... Продуктов, наверное, тьму извел, закидал в свою утробу. Ружье, патроны, патронташ! А это что? В мешочке - дробь. А в коробке? Порох... И это приготовил навынос..."

Гора осмотрел ружья. Оба были заряжены. Достал патроны, проверил стволы, снова зарядил, взгляделся и оторопел!

На одном из прикладов были вырезаны три креста. Он положил ружья, примостился на пороге. Долго любовался тайгой, небосводом. Потом перевел взгляд на убийцу и смотрел на него до тех пор, пока тот не отвел глаза...

– Ты кто? - спросил он вполголоса.

– Барсук. А ты Гора?

– Гора. Ты-то откуда знаешь?

– Два месяца назад говорили, ушел.

– Ты в бегах?

– Нет. Повели нас как-то на работу, ну примерно с месяц будет. Бригаду инвалидов. Лед на реке проломился. Вся бригада вместе с конвоирами и собаками под лед ушла. Все погибли. Я чудом спасся... О тебе говорили, что ушел в пургу и дуба дал.

– Ты-то как здесь оказался?

– Поднялся по притоку реки. Шел пять суток. Продрог и оголодал, как пес. Увидел хижину. Она и спасла меня.

– Ружье откуда?

– И тут повезло. В первой хижине нашел патроны. Прихватил еще кое-что. Набрел на вторую хижину, давно заброшенную... Вверх по притоку есть и другие хижины, на пятьдесят, а то и на сто километров друг от друга. Словом, я в заброшенной заночевал. Перед уходом обыскал хижину и обнаружил ружье. Хорошее.

– За дверным наличником?

– А?... - удивился Барсук. - Да!

– И входная дверь мечена тремя крестами?

– Мечена, как же, мечена! Ты что, бывал там? Гора умолк и после долгой паузы спросил:

– А здесь чего бродишь?

– Не могу я порожним на юг идти! Весь порезан... Инвалид. Ты беглец, ты должен знать, какая прорва денег уходит, пока где-нибудь сядешь.

– Порожним, говоришь? Чем поживиться, когда кругом ни души?

– Пушниной.

Гора задумался. Откинув голову, оглядел рюкзаки со связкой беличьих шкурок, подумал немного и подошел к убийце.

Барсук растерянно хлопал глазами, не понимая, что от него хотят. Гора стал обыскивать Барсука, извлек из-за ремня финку. Пощупал карманы, достал из внутреннего кармана паспорт, удостоверение Союза охотников и разрешение на отстрел. Все это лежало в полиэтиленовом пакете, перетянутом крест-накрест тонкой резинкой. В нем же оказалось немного денег. Открыв паспорт, вслух прочел:

– Васильев Михаил Иванович... Стало быть, пятидесяти четырех лет. - Он внимательно всмотрелся в убитого и прибавил: - Этот значительно моложе. Документы чужие! Он что, жил под чужими документами? И лицо не похоже, нисколечко! - Помолчав, мрачно бросил: - Давай, повернись!

– Чего пристал, леший, кошкоед, нечисть с мутного болота... Что ты мучаешь меня!

– Поворачивайся, говорю!

Убийца повернулся. Гора присел на корточки, ощупал задний карман брюк. В нем оказались документы в точно таком же полиэтиленовом пакете, перетянутом резинкой.

– Это его документы? - Гора ткнул пальцем в сторону убитого. - Тарахно Сергей Петрович. Сколько ему? Выходит, сорок шесть.

Гора вернулся в хижину, вычистил печь, разжег. Пошарив в рюкзаках, взялся варить кашу.

"Я столько сырой рыбы съел, поверить, в ней совсем витаминов не было? На Севере пьют чифир. И я пристрастился к нему в лагерях, вот уж тридцать лет как пью. Самому мне читать об этом не доводилось, но заключенные по опыту своему утверждают, что в чае есть вещества, удерживающие в организме витамины. Похоже на правду. На Колыме чая не было, вот я и заболел цингой. Не болел же я в других местах, а все потому, что чай пил. Давненько мы с тобой не чифирничали, Гора! Попьем, Бог послал... Теперь об этом подонке... С ним все ясно. Подсуетился, патроны достал. Потом прихватил мое, то есть филипповское ружье... Он и того охотника, Михаила Ивановича Васильева, порешил, сволочь, и в одежду его вырядился...

Все, говорит, утонули! Значит, о том, что он спасся, никому не известно. Кому же пришьют его преступления? Как кому? Горе! Ха-а, Митиленич, ты клюнешь на это? Гора Каргаретели - грабитель и убийца?.. Дело осложняется. Едва обнаружат труп, как охотники, Ханты-Мансийское управление внутренних дел кинутся искать тебя, не говоря уже о разных оперативниках те просто обыщутся! Ничего себе положеньице! Полно, охотников не проведешь - следы разные, принадлежат двоим. Правда, к северу от хижины, то есть на моем пути, следов преступления нет, но они могут объяснить это тем, что на том отрезке никто из тех, кого можно было бы убить и ограбить, мне не встретился. А как только встретился... Практикой доказано, что изголодавшийся беглец способен на все... Следствие должно установить, кто из нас совершил эти убийства, поэтому задержат обоих, сначала за побег, потом... Ясно, я в западне! Остаться? Не ровен час нагрянут. Уйти? По следам настигнут. Откуда эта сволочь свалилась мне на голову! Может быть, Митиленич считает меня мертвым? Шел бы к себе, шел и в конце концов сел бы на рельсу... Куда теперь деваться бабочке?.."

Гора поел кашу, заварил чифир, попил, растягивая удовольствие. Барсук надсаживался,

требуя завести его в хижину, он продрог.

Гора втащил его, развязал и предложил:

– Пройдись!

Барсук, кряхтя и ругаясь, встал на здоровую ногу, попытался ступить на другую, но, взревев от боли, снова рухнул на пол, прижался к печи продрогшей спиной.

– Что ты наделал! Куда я такой денусь, а? Придут, забьют!

– А так тебя не поймают? Сойдет с рук?

Заломив Барсуку руки за спину, Гора связал его, узлом затянул конец веревки на скобе под потолком, перекинул ружье через плечо и направился к своей клади.

Небо потемнело, и Гора порадовался, может, снег пойдет.

"Исккупаться, постирать, высушить белье, починить одежду... На это уйдет, скажем, день. Схоронить труп, сделать надпись - еще один день... Надо снять с него показания, и самому написать объяснительную. И на это, самое малое, день понадобится. Сколько получается? Три дня?.. Думаю, оперативники вот-вот придут за ним. Когда придут - это зависит оттого, как скоро удастся обнаружить его след, а потом обойти все места, где он наследил. Эта хижина - конечный пункт, и придут они сюда тоже под конец. Интуиция подсказывает, что погоня будет здесь не раньше, чем через неделю. Не могу сказать почему, просто чувствую, и все тут... Им нужно пройти несколько сот километров. Кроме того, отдохнуть в пути, поспать... Как бы там ни было, иного выхода нет... Допустим, уйдешь сегодня, ты же не сможешь груз тащить и к тому же быстро идти?.. Вон, силы на исходе, на ногах едва держишься.

Эх, Кола-Колышек, одна надежда на тебя! Если я не отдохну и при этом не отъемся, как следует, то мне и десяти километров не пройти... А если и лыжи прикажут долго жить?! Из второй пары только одна штука и осталась. А большой ли риск остаться здесь на неделю, пусть дней на шесть?.. Еще одна опасность - Митиленич! Если он смекнул, что я иду вдоль восьмидесятого меридиана... Очень уж красивая картина получается, влипли мы по уши, уважаемый!.. Не отвлекайся, делай дело!.."

Сначала Гора перетаскал вещи в хижину, потом завел и Колу. Подложил дрова в печь, прилег.

– Послушай, - обратился он, помолчав, к Барсуку, - я здесь пробуду несколько дней. У тебя достаточно времени подумать, взвесить все хорошенько и ответить, как бы ты поступил на моем месте?..

Гора похоронил охотника, срубил крест. На полке лежал пустой ящик из фанеры. Отодрав боковинку, он сделал на ней надпись химическим карандашом: "Тарахно Сергей Петрович. Убит грабителем по кличке Барсук" - и прибил гвоздем к крестовине. Установив крест на могиле, он вернулся в хижину и взялся за стирку. Ночь прошла спокойно. Вот только где-то за полночь Барсук стал истошно кричать, извиваться, силясь освободиться от пут: "За нами пришли, они здесь, обоих пришьют!"

– Ты что, во сне видел, действительно что-то слышал или симульнуть собираешься? - спросил его Гора.

– Они здесь, здесь, с рассветом пришьют обоих! Не хочу, не хочу... бился в истерике Барсук. Бредил он или лукавил, но эта сцена повторилась несколько раз.

– А тем людям хотелось умирать? За этот месяц ты, самое малое, двоих на тот свет

отправил.

Барсук умолк. Гора долго не мог уснуть, сначала его тревожило, как бы Барсук не высвободился из веревок, потом его стала сверлить мысль, а вдруг он правда чувствует беду и оперативники сидят где-то здесь, в засаде? Гора лихорадочно искал выход из силков, в которых оказался.

"С моими возможностями, включая и умственные, мне ничего не остается, как сдаться. Ничего, любезный! О суета сует!.. Давай-ка обмозгуем интересную мыслишку, промелькнувшую у меня в голове: об обесценивании человеческой жизни. Мальтуса я не читал. Интересно, как бы он отнесся к такому вот соображению: на той ступени развития человечества, когда нация, племя или род были малочисленными, жизнь человеческая стоила очень дорого, может, даже равнялась цене жизни убийцы, всей его семьи или рода... Меня спросить, так принцип кровной мести обусловлен дороговизной человеческой жизни. Интересно, когда на нашей крошечной планете численность населения возрастет до тридцати миллиардов, сколько будет стоить одна человеческая жизнь: столько же, сколько в средние века, или дешевле? К какому сроку будут приговаривать за убийство? К чему приведет перенаселенность?.. Что зря болтать, жизнь человеческая уже, собственно, обесценилась, иначе этот подонок не смог бы запросто убить двух безобидных людей! Обесценена жизнь всего человечества, самой планеты... К вашим услугам самые изощренные средства массового уничтожения! Пять миллиардов человек рты поразинули, ждут, когда параноики доведут их до гибели, и радуются!.. Этого подонка, барсук он там или дикобраз, может, и не расстреляют. А если меня настигнут, наверняка убьют или накрепко привяжут голым к дереву, это точно!.."

Гора уснул.

Два последующих дня ушли на приготовления, отдых, раздумья. Барсук продолжал по ночам закатывать сцены с воплями. Гора в ужасе вскидывался, и каждый раз эти пробуждения были для него острейшими душевными потрясениями. Ничего не поделаешь, он сам говорил, воля - это достоинство, а страх врожденный рефлекс, и никуда от него не денешься. Вполне могло стать так, что Барсук сойдет с ума или прикинется сумасшедшим. Тогда Горе трудно будет осуществить свою затею, а может, она и вообще лопнет. У него почти все было готово к дороге, он чувствовал себя хорошо. Выбрав подходящий момент, он начал разговор:

– Помнишь, я спрашивал: как бы ты поступил на моем месте? Давай поговорим.

У Барсука, верно, готов был ответ:

– Я тебе кое-что скажу... о том, что я жив, ни одна душа не знает. А о твоём побеге наверняка уже знают все охотники, вся тайга. Это не меня, а тебя ищут! Все мои преступления навесили на тебя, потому и ищут. Понял? Если ты уйдешь, оставив меня в живых, я умываю руки, все валю на тебя. Как ты докажешь, что ни в чем не виноват? Они не любят бесхозных мертвецов. А хозяин-то - вот он. Даже если одного мертвеца на тебя повесят - на расстрел потянет. Повесят! Понял?

– Понял, как не понять!

– Послушай, я тебе кое-что скажу. Ты из гнилых интеллигентов - "Сидор Поликарпович"! Думаете, что мы, простой народ, не шибко соображаем?.. Я вот все сообразил, попусту не болтался, не турист... Пушнины у меня много! Провизии хоть отбавляй, обоим надолго хватит, и ружья здесь есть. Провизия у меня в тайнике, такое место, сам черт не сыщет. Оторвемся, найдем на воле покупателя на пушнину, возьму тебя в половинную долю, заберешь ее и разбежимся. Дельное слово?

– Очень! Лучше не скажешь. Говоришь, тайник у тебя?

– Тайник. Никому не найти.

– Даже охотникам?

– Откуда им знать, что у меня тайник?

– Ты у них украл или силой взял всю провизию и пушнину, какая была. Не думают же они, что ты все это добро на себе таскаешь?

– Д-а-а! - Барсук задумался и ответил: - Больше недели там не был... Девять дней... Не найдут! - Он сказал твердо, но нотки сомнения в его голосе все же были.

Гора задумчиво пробормотал:

– Тайник! Это хорошо. Чем позже его обнаружат, тем оно лучше... - И обернулся к Барсуку: - Теперь ты меня послушай. Тебя, Барсук, и впрямь никто не ищет. Не знают, что ты спасся. Однако след они возьмут не только мой, но и твой. След с востока - чей он? Чей бы ни был, шел человек, делал свои дела и досюда дошел? Стало быть, дела эти делал не Гора, кто-то другой. Отсюда следует: оставлю я тебя в живых или прикончу, значения не имеет, перевалить свою вину на меня тебе не удастся. Теперь, что касается компании по сбыту пушнины. Я укрывался вон за тем пригорком, ожидая, пока охотник отправится по своим делам, чтобы проникнуть в хижину и перехватить что-нибудь из еды. Услышав выстрел, я, не раздумывая, бросился вниз. Почему? Потому, что произошло убийство, и я не могу не вмешаться, в каком бы состоянии ни был! Это принцип моего существования. Сам посуди, могу ли я, человек таких принципов, вступить в сговор с убийцей, продавать краденое и потом беспечно просаживать эти деньги? Я предложил тебе - подумай и ответь, как бы ты поступил на моем месте. А кстати, и предупредил - не хитри и не пытайся обмануть. Тебе ведь не компаньон нужен на ленинградском аукционе пушнины, а в лучшем случае сестра милосердия, кашевар и вьючное животное, скажем, по совместительству. Разве человек, порезанный, с перебитыми костями, не нуждается в лекаре, кашеваре и носильщике? Нуждается, и вот вам фраер! И это бы ничего. Ну, оторвемся мы, вывезем награбленное, найдем покупателя. Для чего тебе Гора нужен? Подкрадешься ночью, пользоваться ножом, надо полагать, ты не хуже меня умеешь, а может, и лучше. Осел ты этакий, меня на мякине не проведешь! Основная вина того, кто лжет, не в том, что он лжет, а в том, что он оскорбляет своей ложью собеседника. Я похож на идиота, который может поверить в подобные сказки? Ладно, будет. Ты левша, что ли?

– Я-а-а? Да, левша... Что с того? - огрызнулся Барсук.

– Ничего. Я повредил тебе правую руку, хоть тут повезло. Мне нужна твоя здоровая рука, левая! Теперь так: выбирай. Или ты сядешь и собственной рукой напишешь обо всем, что с тобой произошло после той трагедии, и тогда я оставлю тебе провизию на пять дней и пойду своей дорогой, или я убью тебя и сам напишу обо всем. Выбирай.

– Читать, писать и на саксофоне играть не обучен, - отрезал Барсук.

– Сядь к столу! - прикрикнул Гора.

Барсук плюнул, не дотянул. Гора ударил его дубиной.

– Вставай, говорю!

Барсук подполз, помучился, постонал, взобрался на стул.

Гора, не на шутку обозлившись, смахнул рукой со стола все, что на нем было. Взял с полки тетрадь, положил ее перед Барсуком и сунул в руку карандаш.

– Пиши: "Все, кроме этой фразы!.."

– Сказал ведь, не обучен. Читать, писать да на кларнете играть не мастак.

Гора от души расхохотался.

– Слыхал о Ежове и Берии? Я побывал в руках их ребят. Должен же я когда-нибудь применить полученные там знания и опыт!.. В нашем деле примитивные средства, придуманные милиционерами, исключаются. Мы люди солидные. Вот, например, поставлю тебя на одну ногу и будешь ты стоять. Упадешь - я тебя дубинкой огрею. Снова встанешь. Когда распухнет голень сразу за карандаш возьмешься. А вот еще один гуманный способ: сяду я перед тобой, изголодавшимся, и стану на твоих глазах жрать! Больше недели никто не выдерживает, пишут. Еще хлестче - ледяной карцер. Технического оснащения у нас нет, так мы воспользуемся натуральным морозцем. Заледенеешь напишешь. В Тбилиси во внутренней тюрьме врач решил для себя, что у меня болят зубы. Повел вниз, посадил, подвязал белоснежную салфетку. Тут и следователь пожаловал - Арташес Михайлович или Григорьевич Макаров! Врач, взявшись за клещи, стал дергать коренные зубы, разумеется, без наркоза. В процессе этого "лечения" майор Макаров простодушно, с приторной вежливостью вопрошал: могу ли я что-нибудь добавить к предыдущим показаниям? Видишь, говорит, на полке лежат маленькие ржавые клещи? Опыта и квалификации, как у тюремного врача, у меня нет, но уж как-нибудь постараюсь... Интересно, есть у них свой институт повышения квалификации? Я никогда не задумывался над этим. Наверное, есть... Но если ты не напишешь, как все было на самом деле, тогда тебе придется сыграть в ящик, другого выхода нет. Могила уже готова. Дед Иагор Каргаретели учил меня - нельзя оставлять мертвеца непогребенным. Пришью тебя, похороню, оставлю на столе записку и уйду...

– Не напишу! - Барсук впадал в истерику.

– Ну-ка, ползи к могиле! - крикнул Гора, обрушивая на него дубинку.

Пытаясь уклониться от удара, Барсук машинально пополз к двери. Уже добравшись до порога, воскликнул:

– Напишу, напишу! - Гора отвел дубину. - Оставишь провизию на пятнадцать дней - напишу!

– Я передумал. Тебя нельзя оставлять в живых. Давай ползи, говорю, спокойно сказал Гора, замахиваясь дубиной.

– Напишу, только не бей! - простонал Барсук, подполз к стулу и, помучившись, взобрался на него. - Погоди. Дух переведу, соберусь с мыслями.

– Давай: "Все, кроме начальной фразы, пишу по своей воле". Теперь - со дня побега до сегодняшнего!

Чтобы хоть немного успокоиться, Гора стал расхаживать по хижине, потом подсел к столу, исписал одну тетрадную страничку, поставил подпись.

Стал готовить еду. Через какое-то время прочитал творение Барсука; писал он как курица лапой, с пятого на десятое, тем не менее Гора похвалил его:

– Молодец! Стиль у тебя отменный. Да и на саксофоне, наверное, играть умеешь.

"Он пытается обелить себя. Следствие на это не клюнет, но он хочет представить меня соучастником. За ним глаз да глаз. Надо заставить его написать правду... Нитки есть, беличьих шкурок - навалом. Смастерю-ка я себе добротный спальный мешок. Нет, сначала решим проблему лыж. Мне бы короткие широкие лыжи, для снега... А крепления?... Что-нибудь сообразим, ничего..."

Как ни думал, ни гадал Гора, но так и не смог решить, сколько же дней он может, не рискуя, оставаться в хижине.

Поскольку показания, по замыслу Горы, нужны были в двух экземплярах, он заставил Барсука переписать текст и сам сделал дубликат своей объяснительной записки. Он оставался в хижине до тех пор, пока не подготовился к пути со всем тщанием, на какое был способен. Потом пару дней у него совсем не было дел, а на третье утро он, неожиданно для самого себя, решил идти и впоследствии сам говорил: "Как будто что-то толкнуло меня!.."

Покончив с приготовлениями, Гора обратился к Барсуку, пребывавшему в крайнем возбуждении:

– По моим расчетам, за тобой придут дней через десять. Ты не дурак, сообразил, что еду надо просить на пятнадцать дней. Я оставлю тебе на пять. Ты недостойн жизни, но я не могу взять на себя грех и убить тебя, не смогу смотреть в глаза людям... Ладно уж. Вот ружье. Один патрон я брошу тебе в окошко, может, пригодится, все мы люди!..

– Троцкист несчастный, фашист, палач! - орал Барсук. - Хоть бы развязал, мать твою...

Гора вынес во двор скарб, заколотил дверь, насадил на гвоздь бумагу с надписью: "В хижине преступник. У него ружье и один патрон".

Подошел к могиле охотника, положил в заранее вырытую яму под крестом тщательно завернутые в целлофан документы убитых с показаниями - своими и Барсука.

"Если погоня пойдет по следу Барсука, то непременно выйдет на его тайник и там же устроит засаду в расчете на то, что голод приведет хозяина к своим припасам. Если оперативников будет много, они разделятся: кто останется у тайника, кто дальше пойдет по следу. На одиночную погоню они не решатся, знают, что бандит вооружен..."

Господи, пришлось взять на себя грех! Но провидение взыскует с меня за все грехи. И этот не простится, знаю... А разве я мог поступить иначе, пусть кто-нибудь скажет!..

Такое испытание...

Небо потемнело, может, Господь пошлет мне в дар обильный, долгий снегопад?.."

Глава четвертая

Это случилось так: Гора очнулся от ружейного выстрела, гроыхнувшего почти возле самого уха, и вслед за ним услышал глухой стук довольно тяжелого предмета, упавшего неподалеку на землю. Он лежал, смежив веки, сознание, зашевелившись, неохотно возвращалось к действительности.

Горе припомнилось, как он карабкался на этот холм и каких трудов ему это стоило. Опустившись наконец на землю, он перевел дух под сосной. Затянув шнурки, надел на лицо маску, влез в меховой мешок, сшитый в хижине Тарахно, и привалился спиной к дереву... Больше он ничего не мог вспомнить, разве что сон, приснившийся совсем недавно: Юродивый в подвале кикетской дачи, прикованный цепью к каменному ложу, - рыжий, с лицом, поросшим пламенеющей бородой, прорицатель, которого увели на жертвенное закляние... Гора мучительно напрягал память, когда же он приполз сюда - сегодня или несколькими днями раньше?.. В разлипшейся тишине он вдруг отчетливо услышал торопливые шаги. Гора открыл глаза. По болоту, покрытому льдом, бежало странное

существо о двух ногах, бежало, неловко прыгая с кочки на кочку, будто изнемогающее раненое животное. Существо бежало довольно долго, пока, укрывшись в мелколесье, не исчезло из глаз.

"Он-то и приходил ко мне во сне, кормил отварным картофелем!.. И водой поил... "Что лиса во сне видит, то ей и мерещится". Пословица есть такая. Никогда не мог понять, что бы это значило. А оказалось так просто! У меня был сильный жар. Суставы в бедрах томило так, что идти я уже не мог, пришлось ползти на карачках. Привиделось мне все это, что ли?.. Почему ружье там?.. Все остальное как будто на месте. Погоди, погоди, а это что?! Это?.. Картофельные очистки! Не с неба же упали... Опять, скажете, привиделось? Кто бы это мог быть: лесной дух или снежный человек? Скорее, кто-то из одичавших. А где топор? Вон, лежит рядом с ружьем. Там не только топор! Что же еще? Смотри-ка, и боль как будто отпустила. Сидишь - боли нет, шагнешь - снова вступает. Костыли бы смастерить по мерке, чтоб под мышками не натирало. Никаких тебе йетти, что за чушь собачья!.. Человек это, самый что ни на есть обыкновенный, разве что малость одичал в лесу. Он и топор здесь свой обронил, бедолага. Сколько же лет ему этот топор служит, если от лезвия узенькая полоска осталась - в палец шириной! Может, он хотел мой унести? Ему, видно, кроме этого топора, ничего и не нужно было... А ружье зачем трогал? Пожадничал или из любопытства?.. Если ружье взять хотел, о патронах подумал бы, вон, в сумке лежит полиэтиленовый пакет. И пришел он сюда не со злом, иначе зачем ему кормить меня картофелем? У самого небось не так много!.. И хворосту натаскал... Стало быть, хотел привести меня в чувство! Не сумел! Выходит, я не спал, а был без сознания... Долго ли?.. Картофельной шелухи тут полно, да и костер, видно, давно горит. Вон сколько золы и головней!.. Эге-е! Хорошо еще, мошкары тут не много, а то, на радость Митиленичу, лежать моим костям под сосенкой. Ха-ха, Митиленич, удача пока на моей стороне!.. В стволе патрона нет. Скорее, выстрел был случайным, от неумелого обращения. Когда я в беспамятстве, елозя рукой, коснулся незнакомца, он вскрикнул и бросился наутек. Если так, то вернется. Кто он? Не зэк ли?.. Ушел когда-то в побег..."

Поворошив головни, Гора подкинул хворост, который натаскал незнакомец, и стал ждать появления чужака, удивляясь себе: "Каким же я был голодным, что даже в беспамятстве жевал и глотал пищу!" * * *

Незнакомец появился с той стороны, куда и умотал. Появился, прошел немного вперед и остановился неподалеку. Он был лысый, совершенно, ни намек на волосы, зато на лице пламенела борода - другой такой не сыщешь.

"Спору нет, это тот самый Юродивый, только сильно состарившийся, высохший. Я еще ему еду таскал в подвал... Сколько лет прошло с тех пор?.. Сказано, сотвори добро! Вот и откликнулось мне мое ауканье... Он пришел!.."

Тело старика укрывал мех, точнее кожа, видно, этого добра у него хватало, потому как платье и обувь на нем были новехонькие, с иголочки, но с модой он явно не ладил. Старик, конечно, выбирал крой одежды, исходя из нужд своего быта, иначе такое не могло прийти в голову и самому авангардному художнику. Он стоял и смотрел. Гора махнул рукой, приглашая старика сесть.

Тот насторожился, готовый бежать.

– Иди, слышишь, присядь!.. Кунаки мы или кто!..

Незнакомец порывался унести ноги. Гора, взявшись за ружье, повторил приглашение, но уже с нотками угрозы в голосе. Старик поднял руки вверх и, просеменив к костру, так и сел, не опуская рук.

– Опустите руки, я ничего тебе не сделаю, - сказал Гора, жестами поясняя слова.

Старик, как бы не слыша, сидел все в той же позе.

– Э-э-э, да он забыл язык... - пробормотал Гора. "А может, он глухонемой?" - вдруг пришла ему в голову мысль.

Незнакомец исторг из горла какие-то звуки и опустил руки.

Гора одобрительно кивнул, отметив про себя: "Какие у него глаза! Рыбы. Нет, тупые, без всякой мысли. Мертвые. Я где-то видел такие глаза. Сколько ему лет? Он очень стар, похоже, ему за восемьдесят, а может, просто выглядит плохо, на самом деле ему меньше. Он уже и речь перестал понимать. Когда же бежал - сорок лет назад или пятьдесят? А бежал ли? Может, убил человека, укрылся в лесу и спятил от одиночества?.. Какие у него глаза!.. Вспомнил, где я видел такие глаза. Множество! В лагерях. И то раньше, теперь такие глаза встречаются реже, но все же встречаются! Может, поговорить с ним? Ухо попривыкнет, научится понимать, говорить...

Я расскажу ему про глаза, почему они делаются такими, где я встречал людей с такими глазами...

"Послушай, я расскажу тебе о глазах, таких, как у тебя. Нет, ты явно не чокнутый. Вон, как ты внимательно слушаешь и стараешься понять.

Значит, так: о том, что лагеря придумали сразу же после революции, это всем известно. В них бесшумно, незаметно уничтожали людей, объявленных контрой, классовыми врагами. Понятно, что люди нормальные - физически и нравственно - не могли вынести лагерных условий и погибали. С их смертью общество "оздоравлилось". Так и было задумано. Но кое-кто выживал. Надо полагать, мастера заплечных дел учли и это. Иные лагерники благодаря врожденному, обостренному умению приспособливаться свыкались с адом и, проволочив свой срок, возвращались в общество, но уже покалеченными, бывшими людьми... Ух, я так ослаб, что даже говорить трудно, это мне, Горе Мборгали, сороке болтливой!

Ни для кого не секрет, что страна, в которой мы жили, погрязла во лжи и беспримерном цинизме, но "строители коммунизма" смекнули: будучи свидетелем подобных мерзостей, человек непременно озлобится, станет лютым врагом строя, и если кто вырвется из этого земного ада, то при первом же удобном случае воздаст сторицею своим мучителям. Этот факт тоже решительно предполагал необходимость нашего "исправления" - они боялись мести! Что ни говори, а наш социализм в сравнении с социализмом других стран был намного гуманнее! Нравственная деформация! Подумаешь, велика важность! А те, что жили на воле, скажешь, избежали ее? Как же! Выходит, что при нашем социализме люди - что в тюрьме, что на воле - имели одинаковые права. А возьмите румынский социализм! При Георгиу-Деже арестанта, будь то контра или классовый враг, калечили и нравственно, и физически... Смотри-ка, он не верит!.. Слушай, слушай, как это было: Георгиу-Деж был противником лагерей - считал, что с арестанта хватит и своих трудностей, незачем ему еще и на работе жилы рвать! Посему таких, как я, он держал в тюрьмах. Попробуй, посиди десять-пятнадцать лет в камере. Что тогда запоешь? Вот где нравственная деформация!.. И это бы ничего. Арестантам давали лекарство, чтобы сексуальные потребности не донимали. Давали - не скупилась. Прошли годы, случился переворот. Неповинную ту молодежь из тюрем повыкидывали. Они женились, а детей нет. Потребность была, еще бы, а насчет зачатия извините! И действительно, зачем, скажите на милость, социализму дети из семей врагов народа? Незачем. Вот как все было. Тот Георгиу-Деж был мужиком умным и дальновидным. У нас этого не было. Когда я говорю, наш социализм гуманнее, можешь мне верить..."

Сунув руку за пазуху, старик достал картофелины. Сунул еще - еще достал. Разворошив головни, сложил картофель, присыпал его золой и устремил глаза на Гору.

"Это хорошо, что ты успокоился. Мы ушли от основной темы, о чем это мы?.. Да, да,

вспомнил: когда кому-то доводилось выбираться из лагерей, домой он возвращался бывшим человеком. Хитро было задумано, ведь и условия для этого создавались особые, по рекомендациям специальных научно-исследовательских институтов, - знаем, не тайна. Опустим подробности касательно этих условий. Поговорим о физической, то бишь телесной деформации. Если меня спросить, об этом понятия не имели даже те "ученые", которые диссертации защитили на темы об уничтожении человека, его вырождении... Однако разболтался же я! Наверное, от жара..."

У Горы закружилась голова, он почувствовал, что теряет сознание. С трудом добравшись до спального мешка, влез в него.

Гора не знал, как долго находился в беспамятстве. Очнулся он, плавая в поту, во рту ощущался привкус малины, воздух был насыщен смрадным паром.

"В ресторане малину подают на десерт. Но я, надо думать, не в ресторане... Вот так старик! Вдобавок ко всему, он и лекарем оказался, напоил малиновым чаем, дал пропотеть. И голода я не чувствую. Видно, кормил меня. Опять варит какую-то гадость... Жар спал, ей-ей! Мне бы осушить пот и привстать. Открыть, что ли, глаза? А стоит ли?.. Лежи, отдыхай, куда спешишь? Все равно, пока сил не наберешься, ходить не сможешь... Живет же он где-то, значит, есть у него крыша над головой и свое хозяйство... Увидим. Надо бы чем-то занять себя, пока сварится эта хашлама из гиены и пот сойдет... Ему твои разговоры что есть, что нет. Погоди, уж больно тема интересная. Вот и договори... На чем я остановился?.. Баня, деформация тела... Баня - величайшее из изобретений человечества, спору нет. Э-э-э, да у моего старика наверняка есть банька!.. Может, кое-кому известно и другое - лучше места для наблюдения за человеческим телом не сыщешь. Когда я говорю "кое-кому", я, понятно, имею в виду специалистов. Раз как-то в Майкудукский комендантский лагерь пожаловала в сопровождении охраны некая дама. Ее интересовало только одно - баня. Раскрыв толстую канцелярскую тетрадь, она что-то записывала в нее, то и дело поглядывая на моющихся лагерников. Те решили, что дама составляет списки зэков, подлежащих пересылке по этапу, и устроили бедлам. Бог мой, что только не придет в голову зэку! Вот ты, старик, к примеру, думал, что сыскные службы всей планеты повязаны между собой черной клятвой - погибнуть или поймать того беглого мужика, что рыщет по тайге. Во всяком случае, думал до тех пор, пока способен был соображать. А потом оказалось, что дама срисовывала тела и походя вписывала замечания. Тогда и я ничего не понял, до истины доискался позднее.

Теперь мне, пожалуй, и не вспомнить, в каком именно лагере я сделал первое открытие. В банях у меня всегда и везде были друзья. Наши отношения складывались под знаком того, что ни я, ни они не разделяли лозунг ГУЛАГа: "Запомни сам, скажи другому, что честный труд - дорога к дому". Как раз наоборот: труд и условия лагерной жизни вели миллионы людей не домой, а напрямик на тот свет! Работать в бане и по сей день выгодно тем, что работа тут легкая, тепло, а если и воду доставляют в цистернах, значит, есть связь с волей. Так вот, я о том, что в банях у меня всегда и везде были друзья. Я ходил к ним, помогал, раздавал мыло, раскладывал на картонке или жестянке малюсенькие кусочки и, стоя в дверях, выдавал каждому из входящих голых мужчин или женщин по штуке. Попробовал бы кто-нибудь взять две! Были, как же, и такие, что крали или выманивали мыло, но я следил, не многим удавалось обвести меня вокруг пальца.

Под ту баню был отведен барак, окна в нем заложили кирпичом, а подоконники оставили как есть, чтобы использовать под полки. Несколько десятков душой страшно дребезжали. В толкотне и густом пару мало что можно было разглядеть, и я не вдруг заметил: в конце душевой стояла спиной ко мне женщина и, разложив что-то на подоконнике, стирала. В мои обязанности входило среди прочего следить за тем, чтобы никто ничего не вносил в душевые для стирки, это строго запрещалось, потому как долгое мытье и стирка пропускной способности, сами понимаете, не способствовали, но меня насторожило не это: оперев левую руку в подоконник, женщина странно размахивала правой. Стирала, что ли? Нет, вроде не

похоже! Меня стало разбирать любопытство - вот бы узнать, что она делает? Я подошел поближе, но это ситуации не прояснило. Женщина была широкой в кости, и я не видел из-за ее спины кистей рук. Я перешел к следующему подоконнику, стал к стене и сбоку, искоса глянул... Разостлав на подоконнике кожу живота и придерживая ее рукой, чтоб не соскользнула, женщина терла ее.

Я вдруг подумал о матери, сердце сжалось, но - очень забавно - в то же мгновение на меня снизошел покой: мама была худощавой, такое с ней не могло случиться. Вероятно, и эта женщина была матерью, пышнотелая, округлая домохозяйка. В лагерь она попала по воле ведомства Ежова или Берии как "член семьи врага народа"; измученная голодом, она исхудала до костей, и теперь, в бане, эта в прошлом обильная плотью женщина стирала кожу живота!

В первую же отсидку я отметил человеческий тип с совершенно особенным строением тела. Вернее, зачином моему открытию послужили глаза, их выражение: тупые, погасшие, как у дохлой рыбы, - то ли по причине совершенно угасших эмоций, то ли оттого, что людям проблеска надежды не оставили! Я встречал субъектов, настолько одержимых одной-единственной целью, что для других мыслей у них в голове места не оставалось, у них всегда были горящие, мятежные, сумасшедшие глаза. Это другое, я говорю об атрофированных. Их лексический запас насчитывает всего несколько слов: "да", "нет", "не хочу", "дай", "потом"... Иные из них, подобно жвачным животным, выработали в себе свойство отрывать и вторично пережевывать пищу. От длительного недоедания тела их - кожа да кости, недаром звались они доходягами. Зато у мертвоглазых чрезмерно развиты мышцы, грудь культуриста, мощные руки, покатые богатырские плечи и... брюхо! Не болезненно вислое, обмякшее, а с крепкими мышцами, брюхо торчком! Откуда, Бог мой? Я долго думал, гадал и с трудом доискался причины: в лагерях искони, за вычетом коротких периодов, действовала система "зачетов". Для тех, кто выполнял норму на сто двадцать один и более процентов, день засчитывался за три. Это требовало чрезвычайного напряжения физических сил и сноровки, поскольку нормы выработки определялись исходя из возможностей слона, но никак не человека. Разве можно обычной затирухой возместить энергию, затраченную за десять-двенадцать часов работы? Нужно дополнительное питание! А где его взять? По возвращении с работы - то, что можно лишь условно назвать ужином, какие-то личные мелкие дела и потом вкалывание на кухне до часу, а то и двух ночи: перебирание и чистка мерзлого картофеля, потрошение и нарезание червивой сельди, драение кастрюль - словом, много разных разностей... Заведующий кухней специально подбирает зэков, в основном по прилежанию. До начала работы лагернику выдают трехлитровую жестянку с баландой до краев. Опустошив жестянку, зэк несколько часов вкалывает с переполненным животом. При этом он ухитряется походя пожевывать всякую всячину, а перед уходом в барак получает навынос целую жестянку затирухи, вторую по счету. Устраиваясь на ночь, зэк ставит банку в изголовье. То и дело просыпаясь, он до рассвета приканчивает жестянку, затем съедает утреннюю пайку и только после этого идет в смену замаливать грехи: на каменоломню или в лес, как прикажут. Мне могут возразить, что желудку при всем желании не вместить в себя столько еды! Голод - это не урчащий натошак живот, как полагают некоторые. А не хотите ли жидкую постную баланду - изо дня в день, из года в год?! Попробуйте! Даже если глаз насытится, баланда физически не может насытить - это пустоварка. Вот и вмещает ее желудок, и за счет количества организм как бы сыт. А труд для тела - это вроде упражнений: мышцы развиваются в тех частях, где они больше всего напрягаются, но главное, голова занята одним как управиться с работой и где бы достать еду. Со временем мозг затмевается, погружаясь во мрак, а глаза... Глаза только отражают умственное состояние!.. Я говорил о лексическом запасе... Это я загнул! Они и язык постепенно забывают. Словом, от тяжелого труда, голода и постоянных мыслей о пропитании с ними происходит то же, что случилось с моим странноприимцем. Старик, без сомнения, прошел через все это. Теперь, пожалуй, можно и глаза открыть.. Выясним, какого он рода-племени..."

– Как тебя звать? Скажи свое имя, имя! Я - Гора! А ты? - спросил Гора почему-то по-грузински, а потом то же по-русски.

Старик мучительно напрягал горло, издавая нечленораздельные звуки.

– От старости спятил... Наверное, склероз. И пальцы вон ходуном ходят. Трясучка! - пробормотал Гора. Он обнажил незнакомцу грудь, оголил руки. Тот не противился. Татуировки не оказалось. Ему подумалось, что старик не из уголовников.

– На каком языке с тобой разговаривать? Ты что, из тюрьмы бежал? Тюрьма, тюрьма! Сидел? - Гора изобразил на пальцах решетку.

Старик, пристально глядя Горе в глаза, отрицательно покачал головой.

– Так бы и говорил! А то всю душу из меня вымотал! Имя свое скажи, имя! - по-грузински обратился к нему Гора.

Старик не отозвался, только поворошил головни и вытащил из огня два сильно обгоревших корня. Нанизав их на нож, пошел к болоту и, прорубив лёд, принялся мыть и скоблить корни. Вернувшись, старик растолок их и, замесив бело-розовую гущу, протянул ее Горе, предлагая съесть. Кашица оказалась такой пакостной на вкус, что Гора едва не выворотил с первым же глотком все содержимое желудка. На втором глотке он ощутил, что вкус знаком ему. Подумав, вспомнил, что во сне к нему снова приходил Юродивый - кормил этой гущей. Значит, каша и вылечила его. Вот так так! Гора старательно выскреб посудину. Протянув ему кружку с подслащенной водой - запить, старик встал, собираясь уйти. Сделал несколько шагов и поднял глаза на Гору, как бы испрашивая разрешение. Гора махнул рукой, и старик пошел. Прежде чем скрыться с глаз, он еще раз остановился, оглянулся...

"Почему он ушел?.. Давай-ка о себе... Что это со мной стряслось, а?.. Погоди, погоди! Он прожил здесь всю жизнь! Где же картофель раздобыл для посева? Чтобы вытянуть из него что-то, надо научить его языку. И научу, большое дело! Мне бы провизией запастись. Подготовиться к дороге. Я не то что этого старика, но и глухонемого за три дня смог бы научить читать Параклит[12] скороговоркой, без единой запинки. А вы как думали?! Вот и он пожаловал! Что это он тащит?.."

– Пришел? Что у тебя в руках? Видишь, как я повеселел? Давненько у меня не было такого настроения. Благослови тебя Бог!

Старик протянул Горе аккуратный кожаный мешок и подсел к огню. Сунув руку вовнутрь, Гора вытащил увесистый кусок мороженой медвежатины.

– Да ты, любезный, похоже, в "Астории" живешь, - пробормотал он, заморозил отварное мясо... Значит, есть у тебя морозильник. Молодец! Сдается мне, у тебя и телевизор есть... Уговорил, твоя взяла, обойдемся без шашлыка... Хашлама даже вкуснее. Открой-ка рот! - Гора ощерился.

Старик напрягся. Тогда Гора сам раскрыл ему губы и увидел беззубые, стершиеся десны.

– Правильно. Не по возрасту тебе зубы! У меня тоже почти не осталось. Поэтому, любезный, сделаем так!..

Гора достал нож, собираясь нарезать мясо. Но старик, опередив его, сам взялся за дело.

– Нож-то, нож откуда такой? Я погляжу, насчет обмена с цивилизованным миром у тебя полный порядок. Отличная финка. Ты что, увел ее из охотничьей хижины?.. А на медведя как охотился? Капканом? Что тебе сказать? Устал, слышишь! Давай поедим, а разговоры оставим на потом...

Горе пришла на ум мысль, не старовер ли незнакомец. Когда же он увидел его жилище, оказавшееся не просто избенкой, а прекрасным домом, вернее, в прошлом прекрасным, нынче ветхим и покосившимся, то еще больше утвердился в своей мысли. Это был небольшой хутор со множеством уцелевших хозяйственных пристроек. Вокруг простирались пахотные угодья. Урожай тут родился богатый, вполне достаточный для прокорма многочленной семьи. И погост был довольно большой; здесь покоилось не одно поколение. Гора подумал, что старик поселился на хуторе со смертью его последнего хозяина. А до того он, надо полагать, со стороны, да и то изредка, присматривался к здешним обитателям. Судя по всему, последнего мертвеца погребли недавно. Если бы старик был из семьи староверов, он не отвык бы от речи. Что он, с немymi жил?! Он не славянин. Это очевидно. Не славянин - значит, не старовер. Случись старику заговорить, Гора и тогда по лагерному укоренившемуся навыку не стал бы у него выпытывать ни о чем личном. Сам скажет. Даже если это очевидная ложь, прими за правду. Что ты теряешь?

Старик показал Горе грязевой источник неподалеку от своего хутора и, пояснив жестами, что в грязь ложатся медведи и олени, предложил Горе принять ванны, чтоб полегчало ногам. Вняв совету, Гора принял десять ванн, и ему показалось, что грязь и в самом деле пошла на пользу.

Наступил день прощания. Старик доверху набил продуктами большой рюкзак, не забыл сушеную малину и вонькое лекарство, от которого Гору едва не стошнило в болезни. Сам старик тоже взял мешок, довольно увесистый, и пошел вперед.

Есть одна закономерность - смена обстоятельств на противоположные, так Гора некогда окрестил ее для себя. Он не любил философствовать, расцвечивать свою речь иноязычными словами и не особенно жаловал тех, кто грешил этим для понту. Что до закономерности, то непогода по ней должна сменяться погодой, радостное благодущие, вызванное алкоголем или чем-либо еще, - мрачной подавленностью, слишком долгое везение - невезением, причем невезением таким всеохватывающим, что неудачи настигают тебя там, где, казалось бы, они совершенно исключаются и предусмотреть их невозможно...

...Кола пал в агонии, ни выхода, ни спасения - у самого Горы рука не поднялась, и старику пришлось забить оленя. Освежив тушу, он нарезал ее на куски, сложил в мешок и разместил на санях. Теперь Гора мог рассчитывать только на лыжи и сани.

Они шли три дня, отмахали добрых тридцать километров. Старик настаивал на том, чтобы и дальше идти с Горой, но, завидев вдруг непонятно откуда взявшихся трех баб, струсил так, что ноги подкосились. Побелев, он без сил опустился на землю, его била дрожь. Бабы в свой черед развизжались, бросились наутек. Гора с немалым трудом привел старика в чувство, и они снова двинулись в путь. Шли до полуночи. Утром поели. Расставаясь, Гора сказал:

– Не будь тебя, меня уже не было бы в живых. Я говорю тебе "спасибо" и понимаю, что это пустые слова. Обещаю отплатить за добро сторицею. Не тебе, так другим. Да поможет тебе Бог!

Глаза старика наполнились слезами, он вроде собрался что-то сказать... На Гору напал смех, нервный, безудержный...

– Так ты, значит, понял, что я сказал? Значит, хочешь объяснить, кто ты?..

Старик смотрел, смотрел на него недвижными, мертвыми глазами и кивнул головой.

– Не говори ничего, прошу тебя, я живу своими представлениями, пусть придуманными, но я создал их сам, не меняй их, прошу... Если скажешь что-нибудь, возможно, мои зыбкие догадки рассыпятся в прах, а мне бы не хотелось разуверяться... Ты понял, о чем я?

Старик впервые за время их общения растянул в улыбке губы, оголив беззубые десны, и, повернувшись, пошел.

Гора долго смотрел ему вслед. Старик поднялся на взгорок, махнул рукой и скрылся...

Вертолет кружил над поляной, выбирая место для посадки. Ветер так яростно хлопал дверью хижины Тарахно, что Митиленич вроде как въявь услышал этот звук и даже удивился - на таком расстоянии, к тому же в реве двигателя!.. Он вдруг насторожился, мысли заметались.

"Тут что-то кроется, Митиленич! Охотник не мог оставить открытой дверь хижины... Вон могила с крестом! Парамонов, сукин сын, и как только крест разглядел!.. Место открытое, как тут не разглядеть!.. Если бы труп закапывал убийца, он разровнял бы могилу, чтобы следы замести! Впрочем, вполне вероятно, что какой-то там имярек обнаружил в лесу труп и захоронил его. Почему же он не заявил о том, что в таком-то месте нашел и предал земле труп неизвестного?! Непонятно! Поживем - увидим, что все это значит".

Вертолет приземлился, притих. Пилот спустил лестницу, оперативники сошли. Их было шестеро: Митиленич с Глебом, старший лейтенант, медицинский эксперт и два пилота.

– Начнем с осмотра местности, - распорядился Митиленич. - Двигайтесь к югу минут так тридцать-сорок. По одному. Вам - левый сектор, а вам правый.

Пилоты и эксперт, потоптавшись немного, сели, подставившись солнцу.

Глеб, сориентировавшись по компасу, двинулся на юг в сопровождении старшего лейтенанта.

Митиленич выждал, пока они скрылись с глаз, сделал шагов двадцать-тридцать, присел на порог хижины, закурил сигарету. Выкурив ее до половины, отшвырнул окурки и шагнул в хижину. Взяв там лопату, направился к могиле. Остановившись возле могильного холма, несколько раз наклонился, пристально вглядываясь. На вертикальной крестовине, у самого основания была нарисована жирная синяя стрелка...

– Явно что-то зарыто!

Митиленич не стал спешить. Обернувшись на вертолет, убедился, что никому до него нет дела, и принялся копать. Копал он довольно долго и наконец вытащил полиэтиленовый пакет. Осмотрел, сунул во внутренний карман.

Митиленич вернулся к хижине - повнимательнее рассмотреть дверь. В ней торчали три гвоздя - сверху, внизу и посередине, очевидно, ее не так давно заколачивали снаружи. Изнутри заколоченные места были примяты каким-то тупым предметом, вероятно, топором.

"Эге! Что бы это значило? Тот, кого заперли, вынужден был взламывать дверь изнутри?.. Только так, не иначе!"

Митиленич какое-то время постоял, устремив взгляд вдаль, потом перевел его на гвозди - не зацепился ли кто-нибудь случайно?..

Он обошел хижину, тщательно осматривая местность. Устроившись на колоде, прислонился к стене, достал бумаги из найденного пакета. Митиленич настроился на неторопливое внимательное чтение, но после первых же строк взволнованно вскочил. Пропуская неразборчивые слова, он лихорадочно дочитал записи Горы и снова опустил на колоду, пытаясь осмыслить прочитанное.

"Как получилось, что подонок Барсук не заметил стрелку? Тут возможны два варианта.

Первое - ему в голову не пришло, что Каргаретели спрячет под крестом записи. Второе - он решил, что Гора заставил его писать объяснительную с тем, чтобы прихватить ее с собой и при случае воспользоваться как оправдательным документом. Вероятно, Каргаретели тоже заверил Барсука, что при необходимости предъявит эти бумаги. Даже если не так. С чего бы это Барсуку идти на могилу убитого им же человека?.. Впрочем, поведение Каргаретели тоже не логично. А если бы Барсук паче чаяния заметил синюю стрелку?.. Это надо обдумать. Отложим на потом.

Что же выходит?! Руку на сердце, я не был до конца уверен, что обнаруженный труп - Каргаретели. Рост не совпадает. Мертвец короче на шесть сантиметров, но не было же никакой информации о том, что в преступлении замешано третье лицо... Откуда взялся этот Барсук, будь он неладен... Допустим, что труп все-таки Каргаретели. Может же быть, что в формуляре неверно указан рост или мертвеца неточно замерыли, а Барсук и сейчас где-то бродит? Нет, исключается. Судя по записям, труп Барсука, а если нет, то положение осложняется дальше некуда... Ну его, не мне Барсука искать, пусть у других голова болит! Дрязги начнутся, не приведи Господь. Парамончик, сволочь, попытается руки умыть, сошлетя на то, что из его подопечных там никого быть не могло!.. Куда он денется?! Вот они, записи!.. До чего славный финал готовился: труп Каргаретели, закрытое дело! Все шло так, как только можно было мечтать... А ты не говори никому об этих бумагах, и мечта сбудется. Вот труп Каргаретели, можно закрывать дело. Можно-то можно, а как быть с сигналом?.. Поступил же сигнал от каких-то баб о том, что они встретили в тайге двух мужиков... Судя по описанию, один из них старик, дикарь с хутора, старовер... Надо бы приглядеться к нему... Времени нет, где его взять!.. И потом, не мое это дело!.. А второй... Не Гора ли? Может же быть, что они встретились не без помощи Филиппова? Этот мерзавец тайгу знает как свои пять пальцев. Ну, видели, пусть их!.. Что с того? Так уж непременно это Каргаретели? Нет, сигнал замолчать не удастся. Экспертиза не подтвердит идентичности трупа. А тем временем преступник по тайге мыкается. Предположим, махну на это рукой, но я же должен знать, жив Каргаретели или нет? Записи припрятать, тогда все преступления свалят на него... Ну и пусть, тебе-то что?.. Я же не Парамончик... Нет, Митиленич, тебе не пристало ходить легкими путями, пускай другие ходят! Если рассуждать просто, по-человечески, Каргаретели не должен быть убийцей. В противном случае я в людях вообще ничего не смыслю... Надо отдать должное его мужеству. У него есть цель, он напрямик идет к ней, и он, наконец, предан своему делу!.. А я что, хуже? Мой долг - установить истину! Понятно? Оно-то так, но в наших интересах, чтобы мертвецом оказался Каргаретели. В противном случае - одинокая старость... Тьфу ты, втемяшится же в голову такая чушь: если поймаю Каргаретели, от меня сбежит жена! Полно, это совпадения... Столько совпадений? Ну, не знаю... Интересно, а у других есть навязчивые идеи?.. Погоди, Митиленич, не сходи с ума. Вспомни о своем хваленном анализе. Давай-ка для начала обмозгуем вот что. Как полупилось, что нашли труп только первого охотника? Так и получилось. В этих местах охотятся только трое. У других хижины все больше на юге, отсюда до ближайшей километров сто, а то и больше. У Иванникова еда вся вышла, он пошел домой. Дорогой завернул к Васильеву и обнаружил, что тот убит... Он не мог не заметить следов Барсука! Почему же не пошел по следу? Все потому, что провизия вышла, он был один и, не решившись преследовать вооруженного убийцу, продолжил путь домой. Кого обвинят в смерти Васильева? Ясное дело, Каргаретели. Кого же еще? По той информации, какой мы располагаем на данный момент, по тайге никто, кроме Каргаретели, не мыкается! Ладно, найден труп, обглоданный зверьями, практически скелет. Кто бы это мог быть? Каргаретели! О Барсуке никто не помышлял. Никто. Теперь о Тарахно. Он опаздывал с возвращением. Где он? Между тем обнаружен труп. Пошел слух, что Васильева убил Тарахно и сам погиб в тайге - возмездие за грех. Припомнили давнюю их распрю, не ладили они друг с другом. По этой версии выходило, что труп Тарахно, а тут, нате, его могила! Каргаретели пишет о том, что идет дальше своей дорогой. Сообщение баб подтверждает, что отсюда он двинулся на юг. Труп Барсука обнаружен всего в каких-нибудь шестидесяти километрах, на северо-востоке от хижины. Каргаретели пишет, что покалечил Барсуку руку и ногу с целью обезвредить его и сомневается в том, сможет ли тот ходить. На

труп зафиксировал перелом голени. Отлично, можно будет припереть Парамонова, теперь ему не уйти от ответственности - труп-то Барсучий, а он списал его вместе с другими погибшими из контингента!.. Нет, зачем было Барсуку идти на северо-восток? Шел к тайнику, в котором припрятал провизию и пушнину? Вероятно. Над этим пусть ломает головы сыск. Каргаретели пишет, что столкнулся с Барсуком третьего января, а хижину покинул седьмого. Сегодня четырнадцатое февраля, выходит, сто четырнадцатый день его побега. В среднем он мог за день делать километров пятнадцать... Местечко, где бабы встретили Гору, отстоит от хижины на все шестьсот километров. Быстро же он шел! Железный, что ли, мерзавец?! Ну, если не шестьсот, то пятьсот как пить дать. Пусть идет. Уж я-то знаю, где можно взять его. Это мы обстряпаем.

О чем стоит призадуматься, так это о сообщении, полученном из Тбилиси. Им уже известно, что Гора ушел в побег, говорят, "сообщил Хабибулаев". Начнем с того, что он Хабибулин, а не Хабибулаев. А проще называть его Хабибулой, в преступном мире он известен под этим именем. Как он оказался в Тбилиси? Освободили его за два месяца до побега Каргаретели. Что с того? Были друзьями? Таких сведений нет. Может, у них давняя дружба, а они по каким-то соображениям скрывают свои отношения? Откуда нам знать? Хабибула беглец вроде Каргаретели. Не исключено, что в прошлом они вместе сидели, а может, и в побег вместе ходили. Надо проверить! Если, предположим, я задам Хабибуле вопрос, зачем он ездил в Тбилиси, он лопнет со смеху. А интересно, зачем он все-таки ездил? Ездил сообщить, что Каргаретели из лагеря бежал, да?.. Митиленич, что-то здесь не вяжется! Э-э-э! А где сейчас живет этот Хабибула?.."

Гора стоял на лыжах и, опираясь на костыли, насилу волочил ноги. Суставы ныли, настроение было подавленным. Он шел шаркая и думал:

"Эх, Кола, Кола, каким верным и надежным другом ты был... Моя жизнь состоит из сплошных потерь! Люди уходят один за другим... Нас, реабилитированных политических, только в Тбилиси было не меньше двух сотен. После каждого футбольного матча мы собирались возле киностудии "Грузия-фильм". Приветствия, сбивчивые разговоры обо всем и ни о чем, любовь, воспоминания... Потом расходились по несколько человек - кто куда. Спаянность, взаимовыручка, верность... Мы были в ответе друг за друга, делили беды и радости. Чтобы кто-то проявил равнодушие, остался в стороне?! Такого не было. Что же произошло?.. Время, возраст, болезни прибрали постепенно всех еще в бытность мою в Тбилиси. Уходят самые близкие люди... Каково оплакивать их одного за другим?! Каждый из них уносит частичку твоей жизни... Был среди нас грузинский еврей Абрек Батошвили, человек удивительной души. Большая часть грузинских евреев уехала в Израиль. Абрек не уезжал, не мог оставить могилы своих предков. Его ремеслом была война. Под старость он уже не мог быть полезным обетованной родине. Благородство не позволяло ему стать пенсионером в стране, и без того втянутой в постоянные войны. Под конец уехал и он. Я узнал об этом в последний мой приезд с Севера, когда получил весточку с грустной фразой: "У меня здесь больше никого не осталось". Смерть, похороны, скорбный плач... Кола, Кола, тебе я могу признаться, может, оттого и сбежал я в Россию, что больше не мог этого вынести... Теперь и ты покинул меня, Кола!.. Ты отвел от меня столько бед, несчастий, и вот... Как же мне есть твое мясо?! Или на свете ничего святого не осталось?.. Даю тебе слово, слово мужчины, - я коснусь тебя только на последнем издыхании, клянусь Богом и святым Георгием Атоцним... Кола, а хочешь, я расскажу тебе, сколько раз спасали меня от смерти настоящие парни, такие, как ты! Ладно, перестань! Что за тирада!.. То ли смеешься, то ли плачешь, не поймешь... Тогда я тебе расскажу вот что... Да, да, расскажи-ка тот случай в "Иберии". Гостили в Тбилиси две немки: пожилая и молодая, прекрасная. Остановились в гостинице "Иверия". Днем мы возили их по городу, окрестностям, показывали, как водится, достопримечательности, а вечером я пригласил дам поужинать в ресторан "Иверия". За соседним столиком шел пир горой. Кутили пятеро парней, к тому времени уже крепко набравшихся. Едва оркестр заиграл танец, как один из них пригласил мою красотку. На следующий танец к ней подскочил другой. Она

пошла и с ним. Когда перед нашим столиком вырос третий, уже вмещался я оставь, говорю, она устала. Кавалер ругнулся в ответ. Будучи сам под хмельком, я, не раздумывая, шарахнул его в челюсть. Парень, и без того нетвердо державшийся на ногах, качнулся и, падая, ухватился за скатерть соседнего столика, сдернув на пол все, что на нем было. Люди повскакали с мест. Рванулись собутыльники. На шум сбежались администратор, официанты, милицейские, дежурившие в те времена в ресторане, - словом, все. И пошел дым столбом. Насилу их оттащили, потому как парни были - будь здоров! Каждый мог бы ударом кулака свалить носорога. Покидая ресторан, они не жалели угроз в мой адрес. К тому времени закончили свой ужин и мы. Я проводил гостей до их комнат, попрощался. Вышел из гостиницы - парни в полном составе, все пятеро, стоят. Завидев меня, сомкнули ряд и двинулись. Я, Кола, прижался к стене, так хоть с тыла не подберутся. Силенок у меня хватало, но не на пятерых же бугаев... Вдруг откуда ни возьмись "Волга". Останавливается. Выходят Амиран Морчиладзе, Викентий Джмухадзе, Абрек Батошвили, Саша Папава, Тариэл Кутателадзе... Кто-то из них, то ли Абрек, то ли Викентий, окликает: "Гора, в чем дело?" Моих горланов как ветром сдуло, куда только подевались богатыри. Может, компанию узнали... Может быть... Эх, Кола, с твоей смертью забот у меня поприбавилось. Через пятьдесят-шестьдесят дней, в середине марта, я должен быть у Хабибулы! Смогу ли? Успею?.. Довольно, хватит ныть. Определим местоположение, уточним, сколько идти осталось..."

Едва Гора покончил с делами, как его мыслями снова завладел старик.

"У него необычный страх преследования. Спорим, ему за девяносто. Давай попытаемся разобраться, кто он такой. Возьмем несколько вариантов... Ну, ты даешь! Старик сам хотел все рассказать... Что бы тебе его выслушать! Тогда себя нечем было бы занять! Резонно, ничего не скажешь. Допустим, он интеллигент. Очень возможно, что и грузин... По возрасту мог бы быть Митиленичу отцом... Что, сомневаешься? Но его повадки, жесты!.. Ладно, согласен, пусть интеллигент. Скажем, из меньшевиков, член организации "Молодой марксист", участник восстания двадцать четвертого года. Сослан, а может, подпал под "высшую меру". Сбежал, укрылся в тайге. Может быть? Может! Тогда давай разберемся, какими были настроения в нашем грузинском обществе того времени, какие причины обусловили и его, в частности, арест и ссылку в Сибирь .. Да только ли его?! Десятков тысяч... Нужна общая картина .. Все мы росли в той обстановке!..

Со времен первой мировой войны жизнь грузинского народа, его интеллигенции отличали скорбь и страх. Эти чувства и сопутствовали им в жизни до самого конца. Материальные убытки никого не трогали, ведь интеллигенция искони боролась за справедливое перераспределение богатства. Она только горевала о безвременно, несправедно погибших и, перебирая мысленно трагические события, приходила в отчаяние, потому как эта бесконечная цепь несчастий была выкована собственными руками. Отец сравнивал свое поколение с разбойником, обобраным до нитки, который, оставшись в чем мать родила, сам сунул голову в петлю. Я все это видел, слышал. Сначала я мучался оттого, что мучаются взрослые, потом во мне самом стал нарастать протест против насилия и несправедливости.

О чем только не голосили в том плаче великом! О том, что помешавшиеся на идеологии дилетанты, играя в свои игры, проиграли независимость, Богом ниспосланную грузинскому народу после ста двадцати лет рабства; не говоря ни о чем другом, они ликвидировали конную армию как гнездовья аристократов, и врага, не раз терпевшего поражение на поле битвы, обращавшегося в бегство, некому было преследовать. Посему он не только избежал полного уничтожения, но снова обрел силу для наступления и победы.

Прав был Эрекле Каргаретели: революция - агония отжившего, разрушение того, что должно быть разрушено. Вождем революции становится тот, кто по природе своей лишен тяги к созиданию или потерпел на этом поприще неудачу, зато умеет поднимать и увлекать за собой массы, политизировать их. Созидание нового - талант. Разрушение старого - стихия,

животный инстинкт использования обстоятельств. Жажда самоутверждения неодолимо влечет людей несостоявшихся на революционное поприще, потому как их человеческие качества и возможности исчерпываются способностью разрушать. Им под силу свершить революцию, то есть смести отжившее, старое, но они не могут построить систему, государство, поскольку созидание нового - это творчество, а они лишены этой благодати. Едва ли в истории сыщутся примеры, когда вождь революции, уничтожив старую систему, сам воздвиг новую. Это удел тех, кто приходит вслед за разрушителями. Вождям - Кромвелю, Марату, Дантону, Робеспьеру, Ленину и им подобным - история уготовляет иную участь. Ни одному из поименованных не дано было создать новую систему, основать государство. Пришли другие - хорошие или плохие - иной вопрос, но новые системы и государства основали они. Взявшись строить государство, меньшевистское правительство освобожденной Грузии обратилось к революционной методологии - посулам, лжи, трепу, пропаганде идей. Результаты не замедлили сказаться: грузинские большевики ввели русские войска, торжественно вернули собственную родину все тому же поработителю и свое предательство сочли геройством. Тут уже большевики взялись за "строительство социализма" на свой лад, собственными, неповторимыми революционными методами. Они поедом ели друг друга: с захвата Грузии, во времена Сталина и потом... Впрочем, на отсутствие аппетита они и нынче не жалуются, но от физического уничтожения отказались. Что ни говори, а двадцатые годы отмечены особой жестокостью и кровопролитиями... Странное дело, сначала большевики - те, что жили в Грузии, и те, что укрывались у русских, - с обоюдного согласия ввели русские войска, подмяв под себя страну, потом сцепились друг с другом... Владений не поделили. Напридумывали слов, стали называться уклонистами, троцкистами... Допустим, мой старик грузин в прошлом какой-нибудь уклонист... А тебе так и хочется, чтобы он оказался грузином... Даже если окажется, тебе что с того? Интересно, всегда ли так было, что революционеры после победы начинают охоту друг на друга? Научного анализа этого явления или не существует, или я не встречал... Тут вступают в действие закономерности. Какие?! Как ты думаешь, кого они больше поубивали: друг друга или тех, кого объявили врагами революции? Конечно, своих они больше щадили, что тут говорить... Гнев Господний навлекли на Грузию... Трагедии начались намного раньше. Разве не с первой мировой войны поселились в стране смерть и скорбь?..

Два десятка лет, предшествовавшие революции, были периодом политической борьбы, нелегальной работы, резкого обострения противостояний между партиями и различными группировками, социальной вражды и в основном насилия. Для того чтобы самоутвердиться, молодежь идет на все. Она и в мирное время агрессивна, а о смуте и говорить не приходится. Каждый едва оперившийся птенец твердо убежден, что держит в кармане панацею освобождения человечества. Неудивительно, что при таком раскладе инициативу берет в свои руки насилие! Вахтанг Амилахвари и Симонина Цхведадзе росли и мужали именно в такую пору. Друзья - водой не разольешь. Детство провели в драках, защищая свою дружбу, в юности терпели нападки: что может быть общего у князя с крестьянином! Понадобилось два-три года, прежде чем к друзьям перестали цепляться, а все потому, что ни один из обидчиков не избежал трепки. Мужественные, рослые парни, они сами никого зазря не задевали и другим спуску не давали. Обычно, когда личность утверждает себя, какая-нибудь серость, притязаящая на лидерство, рвется в драку со сверстниками-верховодами. В случае победы середняка ждет почтение и боязнь окружающих, а в случае поражения он все равно не остается внакладе, обретает славу человека бесстрашного, о таком будут говорить - ты погляди, на кого он руку поднял! Кстати, помимо прочего, парням сильным и мужественным нет покоя от таких честолубцев. Приходится порой вразумлять какого-нибудь задиру, даже если на это нет никакой охоты. Когда разговор заходил о Вахтанге Амилахвари и Симонике Цхведадзе, дед Гора рассказывал такую историю.

В канун нового тысяча девятьсот двадцать первого года Вахтанга с несколькими друзьями по юнкерскому училищу отпустили на побывку домой. Семья Амилахвари занимала квартиру в бельэтаже. Пир был в самом разгаре, когда Вахтанг выглянул в окошко и увидел, что мимо

идет Иагор Каргаретели. Вахтанг взмолился: "Дядя Гора, пожалуйста, поднимись, не то обидишь!" Дед принял приглашение и присоединился к застолью. И все было бы славно, если бы вдруг под окнами не взревел невесть откуда взявшийся духовой оркестр. В гвалте застольцы не только собеседников, но и собственных голосов не слышали. Вахтанг Амилахвари, высунувшись из окна, попросил оркестрантов переместиться куда-нибудь подальше. Музыканты, разгоряченные вином, только жару наддали в ответ. Вахтанг велел им убираться, пригрозив спуститься и намылить шею. "Спустишься и выкусишь", - нагло отпарировал капельмейстер! Вахтанг выскочил на улицу, а застольцы в ожидании потехи сгрудились у окна. Вахтанг еще раз, крайне вежливо, попросил оркестрантов уйти и нарвался на грубость. Вопрос разрешился всего за пару минут. Полиция сгребла всех: того, кто бил, и тех, кого били. Прервавшееся было застолье возобновилось, а Иагор Каргаретели, выждав время, отправился в полицию выручать Вахтанга Амилахвари. К его приходу фельдшеры уже отвозились с пострадавшими. В углу помещения грудой лежали расплюснутые инструменты, а Вахтанг Амилахвари беседовал с дежурным полицейским. Прибывшему вскоре начальнику уже в дверях ударил в нос запах йода, а глазам предстала странная картина: сборище людей с перебинтованными головами, с руками на перевязи - словом, изумлению его не было границ. Тем не менее начальник был человеком воспитанным, сначала поздравил Иагора Каргаретели с Новым годом, а потом стал осматриваться, точнее, изучать обстановку. Пострадали двадцать два человека, а цел-невредим был один "злоумышленник". Начальник рассвирепел: до чего измельчал род людской, если одному парню удалось так лихо расправиться с двадцатью двумя, - ярость его была так велика, что он самолично вышвырнул на улицу все инструменты, а вслед за ними и оркестрантов, одного за другим... Иагор и Вахтанг возвратились к столу.

И никто не ведал тогда, что спустя месяц и двадцать пять дней никого из них, исключая Иагора Каргаретели, не будет в живых! Они погибли на Коджорской возвышенности, все семеро. Прервались жизни, подобные натянутой тетиве. Было много погибших с обеих сторон. Вырыли братские могилы. В одну опустили тех, кто приехал сюда, за тридевять земель, сражаться за "социальную справедливость", в другую - тех, кто несколько иначе смотрел на насаждаемую врагом справедливость. Полегли в землю отважные юноши, и даже памяти о них не осталось в сердцах людей.

Так некогда оплакивала Грузия своих сыновей, захлебнувшихся в крови прежних войн. История повторялась. В который раз! Победители почти всегда погребают воинов побежденной страны на месте гибели. Большевики грузинские поводыри русских войск - разрешили скорбящим перевезти трупы и захоронить их по собственному усмотрению. Позволением почти никто не воспользовался. Тогда двести трупов перевезли в Тбилиси и погребли их во дворе русского военного собора на Головинском проспекте. Это был приказ властей, в нем крылся злой умысел. Жители Тбилиси сначала открыто, а после запрета тайком приносили цветы на могилы юнкеров. Порой скорбь выливалась в стихийные траурные митинги. Это шло вразрез с устремлениями большевиков. И когда взмыла волна атеистической пропаганды, круша церкви, снесли и русский военный собор. Могилы юнкеров сровняли с землей. Собор этот в народе звался собором русских и почитался символом их владычества. Так, собственно, и было. А посему, когда снесли его, ликование было всеобщим. И в этом скрытом ликовании как-то растворилась память об отважных юношах.

Трудно сказать, что для новых властей имело большее значение проведенная антирелигиозная кампания или то, что удалось заглушить в людях скорбь по утраченной независимости, которую большевики считали проявлением оголтелого национализма. Скорее, второй фактор. От собора остался один фундамент, простоявший несколько лет... В его подвалах находили себе убежище пацаны, осиротевшие в войнах и революциях. Двор был просторным, нашлись и оборотистые парни, обучавшие за плату ребятишек из окрестных школ кататься на велосипеде. Круг - гривенник. Многие из нас там и научились ездить на велосипеде. Сам я в этом дворе набил руку, выучившись играть в бабки. Радость игр и

развлечений временами омрачалась печалью по погибшим юнкерам, у меня сердце сжималось от тоски, я чувствовал себя виноватым оттого, что не лежу вместе с ними под этой толщей тщательно разровненной и утоптанной грузинской земли.

Впоследствии на месте собора отстроили Дом правительства, и на могилы юнкеров легла массивная гранитная лестница...

Тогда же мне довелось быть свидетелем случаев беспощадной жестокости. Одни были вынужденными и оправданными, другие являли собой следствие необузданности, вспыльчивости. На даче в Пикетах у нас была кавказская овчарка, злая. Звали ее Огресом. Не знаю, был ли в том чей-то тайный умысел или случайное совпадение, но я воспринял собачью кличку как слово-перевертыш, и выходило здорово: Серго. Вождь коммунистов Закавказья и Грузии товарищ Орджоникидзе! Пёс был злющим, и отец держал Огреса днем на цепи, а ночью, перед тем как лечь спать, спускал с привязи. Деду бросилось в глаза несколько необычное поведение пса. Едва его спускали с цепи, как он мчался из дому и возвращался лишь с рассветом. А отец приметил и то, что Огрес начисто утратил аппетит, шерсть у него стала лезть клочьями. Как-то раз ночью отец выследил овчарку... Роя братскую могилу на Коджорской возвышенности, где были захоронены русские солдаты, пёс жрал трупы! Когда Огрес возвратился домой, дед убил его выстрелом из ружья. Я плакал, меня с трудом успокоили.

Прошло время, дед объяснил мне свой поступок:

– Причины, по которым эти парни оказались здесь, разные: идея и принуждение. Но матери скорбят по ним одинаково. Пусть даже не это. Воин, павший на поле битвы, свой или чужой, достоин уважения и светлой памяти. По международному соглашению братские могилы неприкосновенны в течение пятидесяти лет. Надругательство над ними влечет за собой наказание. Правда, Огрес - пёс, знания закона с него не спросишь, но собака, пожирающая трупы, жить не должна. Это само собой.

Я принял объяснение как истину, но и по сей день в ушах стоит предсмертный собачий визг, и я вижу, как овчарка падает.

На ту пору приходится и этот случай. В годы недорода, когда трава в нашем кикетском саду была худосочной, отец отдавал ее на покос своим крестным, а тучную обычно приберегал для крестьян из местечка Дидеба, на условиях половинной доли. В это лето покосом занимались пришлые. Я спустился в сад. Крестьяне полдничали, беседовали, расположившись в тени. Один из косарей спал, приоткрыв рот и громко похрапывая, другой встал, переступил ногой через спящего, присел раскорякой и, нацелив свой зад на открытый рот спящего, сделал то, что Сулхан-Саба именует в своем словаре "пуком". Косари покатались со смеху. Спящий, открыв глаза, не вдруг сообразил, в чем дело, а поняв, разразился бранью. Схватились за грудки, даже разнимать пришлось. В конце концов вроде бы утихомирились, продолжили работу, причем повздорившие работали бок о бок.

Немного погодя затаивший обиду крестьянин внезапно всадил изо всех сил обидчику косу в голень! Со страху мне померещилось, что лезвие вошло по самое косовище... Раненый было взвился, побушевал малость, потом присыпал рану землицей и продолжил косить как ни в чем не бывало!..

Постигая науку бытия под солнцем, я пополнил ковчег моих знаний удивительным словосочетанием "уничтожить как класс!". Нет сомнения, что это выражение породила революция. Но как ни старался я, мне не удалось дознаться, какая именно революция обогатила международный лексикон этими "роковыми" словами. Добраться до источников мне не удалось. Неужели я так и умру, не выяснив этого?! Я не случайно назвал слова "роковыми". Главари Октябрьской революции только и занимались тем, что непрерывно

кого-то уничтожали как класс. Первыми уничтожили как класс буржуазию и аристократию. Затем, навесив ярлык кулака на талантливых трудолюбивых крестьян, уничтожили их как класс эксплуататоров. Методично и постоянно уничтожали как класс тех, кто мыслил некоммунистически, оппозицию, настоящую и надуманную, людей аполитичных, в которых видели замаскированных врагов, колеблющихся или объявленных колеблющимися. Выражение "уничтожить как класс!" стало путеводной звездой большевизма, самым расхожим выражением с двадцать пятого октября тысяча девятьсот семнадцатого года до конца сталинской диктатуры. Позже словосочетание выпало из обихода, но суть его долго оставалась значимой. В детстве я только и слышал, что руководство Советской Грузии, в частности Серго Орджоникидзе со своими приближенными, по заданию Сталина уничтожало как класс бывших промышленников, священников, князей, офицеров царской или грузинской национальной армии... Слышал я это постоянно и пребывал в некоторой растерянности, поскольку соображал, что они уничтожают друг друга. Но я никак не мог взять в толк, из кого же еще состоит наша страна и, в частности, кого же большевики не уничтожают как класс. Уничтожали всех. Для этого власти пользовались любыми средствами, не брезгуя клеветой. В совокупности это называлось классово-борьбой.

В нашей семье, как, впрочем, и в обществе, бытовало мнение, что на мысль о восстании в Грузии меньшевистское правительство, находящееся в эмиграции, навели сами большевики. Навели и затаились. Это восстание ославили авантюрой по той причине, что меньшевики обманули грузинский народ, посулив поддержку государств Антанты, которые якобы тут же высадят десант в поддержку восставшим и сами завершат дело. Большевики руководствовались известным соображением: пролитая кровь, пусть даже капля, возопиет в будущем, спросит ответа у кровопролителя, и народ завершит начатое. Все это так. История борьбы за социальное и национальное освобождение тому подтверждение. Но меньшевики упустили из виду другое, не менее известное соображение: за поражением неорганизованного восстания, в основе которого лежит обман, следуют террор и долгая безучастность нации или класса... Чтобы сопротивление возродилось, нужно время - самое малое жизнь одного поколения, и эмиграции, спровоцировавшей восстание, не суждено было вернуться на родину. Вполне допустимо и такое толкование: меньшевики об этом знали, но хотели вернуть власть, утраченную по собственной глупости, и потому пошли на риск, может, что и получится. Зато большевики не преминули воспользоваться восстанием, чтобы уничтожить как класс всех тех, кто не сотрудничал с ними с должным рвением. Я был мал тогда, не понимал, что исполненная волшебной силы фраза "уничтожить как класс" должна была громом и молнией поразить нашу семью, коснуться всего грузинского народа... Я не ошибся. Все мое детство и вся моя жизнь прошли под этим клеймом.

Дата начала восстания была известна большевикам заранее. В этом нет никакого сомнения, хотя бы потому, что о ней знали решительно все, открыто высказывались, обсуждали. У самих большевиков была налажена связь с некоторыми членами паритетного комитета восстания. Во всяком случае, так говорили в кругу моих родителей. Непреложность этого факта подтверждается еще и тем, что в руках у коммунистов на местах были списки участников назревавшего восстания. План подавления был составлен загодя, причем его осуществление не предполагало участия русских войск. Большевики хотели продемонстрировать Москве, что никакая авантюра не помешает победоносному шествию грузинского народа под мудрым руководством коммунистов Грузии к вершинам социализма. А главное, грузинские большевики, просиживающие штаны в кремлевских коридорах, уже успели заполучить от Ленина войска для захвата Грузии под тем предлогом, что грузинский народ жаждет социализма. Пусть видят русские, что трудящиеся Грузии своими силами, без вмешательства русской армии, подавили восстание. Видят и не жалеют побрякушек.

Во время восстания красноотрядцы со списками в руках выволакивали из домов людей и пускали их в расход. По плану предполагалось расстрелять на месте десять тысяч человек. План перевыполнили. Последующие репрессии проводились выборочным методом: кому -

пуля, кому - Сибирь. Даже могилы, и те были вырыты в некоторых местах заранее. Длинные, мелкие ямы...

Да, старик, до меня дошел слух, что отец Митиленича из сосланных грузин. Неужели может мой поимщик оказаться твоим сыном? А вдруг да удалось тебе избежать расстрела?.. Отличное развлечение, на досуге поразмышляем и об этом...

Что говорить, много было трагедий в дни восстания, много леденящих эпизодов. Меня больше других событий потрясла история, случившаяся где-то в Мегрелии. Согнали более двухсот человек, виновных и невиновных. Скрутив попарно запястья толстой проволокой, поставили их на краю ямы и расстреляли из пулемета. В толпе приговоренных оказались и двое братьев. Прикрученные один к другому, они стояли то ли в первом, то ли во втором ряду. Младший из братьев, потеряв сознание, упал еще до того, как застучал пулемет. Очнулся он уже в братской могиле, припомнил все, что произошло с ним накануне. Увидев руку брата, прикрученную к своему запястью, стал в ужасе искать его. Двигаться можно было, хоть и с трудом, поскольку слой земли над ними был невелик. Тело брата оказалось погребенным под трупами, высвободить его не удавалось, несмотря на нечеловеческие усилия, которые он прилагал. Когда надежда иссякла, парень стал думать о том, как самому выбраться из могилы. Выход был один - перегрызть локоть брата и выпростаться из-под земли... Он долго мучался... перегрыз. Принялся разгребать землю. Справился и с этим. Побрел домой. Брел и нес руку брата. С рассветом добрался до дома. Постучал. Голос отца откликнулся: кто это? Ответил. Отец, зная, что братьев вместе уводили на расстрел, спросил из-за двери о старшем. Услышав, что расстреляли, заподозрил младшего в том, что тот спасся предательством и, отрекшись от отцовства, велел сыну не попадаться ему на глаза. Тот молил открыть дверь, чтобы показать нечто такое, что прольет свет на случившееся. Умолил наконец. Отец открыл дверь.

Революция, затем и советизация Грузии оставили по себе множество драм и трагедий. Вспомню об одной из них, типичной для времени великих социальных переломов. Сюжет избитый, один из тех, от которых отмахиваются, а если и слушают, то позевывая... Классический любовный треугольник. Девушка, обворожительная, двадцати лет, из интеллигентной семьи средней руки, пробующая себя на сцене, а может, уже состоявшаяся актриса с именем, и мужчина тридцати с небольшим, утонченной наружности, аристократ, высокого нравственного склада, известный писатель, общественный и политический деятель, депутат парламента, один из лидеров оппозиционной партии и редактор ее главного печатного органа. Третий в классическом треугольнике сын тбилисского обывателя, обожатель сцены, скульптор по профессии, не менее одаренный и популярный, нежели два вышеназванных персонажа.

Писатель влюбился в актрису, влюбился пылко, без памяти. Это стало завязкой трагедии. Он долго и упорно добивался ее. Наконец состоялась свадьба. Девушка, казалось, не отвечала взаимностью своему избраннику. Множество мелочей впоследствии стало тому подтверждением. Будучи человеком честным, писатель открыто выступал против меньшевистского правительства, программу которого не принимал. Борца, как известно, венчает ореол героя, поэтому естественно, что молодая девушка, неискушенная, воспитанная на благородных идеалах, предпочла писателя какому-нибудь чинуше. Они были всеми любимы и почитаемы. Так и жили, работали, пока... Пока Грузия не советизировалась!.. Вышло так, что на смену одним социалистам пришли другие. И если прежде писатель выступал против тех, кто намеревался строить справедливое общество под знаменем независимой Грузии, то, вообразите, как он должен был отнестись к социалистам, что видели будущее Грузии в рамках российского многонационального государства.

Начались преследования, писателя объявили изгоем, отщепенцем, а известную актрису супругой и пособницей врага народа. Нужно было как-то определиться в новой жизни. Найти свое место. Так и сделали. Писатель перешел на нелегальное положение, стал одним из

руководителей подготовки восстания, жизни не щадил, чтобы выполнить свой человеческий, гражданский и национальный долг.

Мог ли он иначе?..

Новые социалисты предстали в ипостаси рабоче-крестьянской власти и, нужно сказать, не без успеха. Они провозгласили лозунги независимого развития суверенной республики и национальной культуры, социальной справедливости и равенства. Большая часть грузинского народа и, в частности, нижние слои приняли власть восторженно. Выходцы из низов стали занимать ведущее положение в обществе, среди них и скульптор, чья любовь к актрисе вспыхнула с новой силой. Писателя разыскивали, за его убийство или арест было объявлено денежное вознаграждение. Жену, используя в качестве приманки, до поры не арестовывали, в ее квартире дневали и ночевали чекисты. В случае убийства или ареста мужа ей, похоже, светила участь счетовода в каком-нибудь заштатном сибирском городке, если, конечно, поимщики ограничились бы этим. И без того напряженную обстановку обострила смерть ее ребенка. Женщина вообще по своей природе нуждается в сильном покровителе, а тут еще такая безысходность! Бросив писателя, она вышла замуж за скульптора, спасая свою жизнь. Что ей еще оставалось?.. Добрые люди, те, что обычно пытаются оправдать человеческие поступки, а не осуждать их, поговаривали, что актриса вышла замуж за скульптора по настоятельной просьбе своего мужа. Пути супругов разошлись. Раз и навсегда.

В последующей жизни на долю женщины выпало много испытаний, она еще раз оказалась перед реальной угрозой смерти в сибирском лагере, но она была умна и талантлива и благодаря этим дарованным ей свыше качествам сумела выбраться из сложного сплетения роковых обстоятельств. Справедливости ради нужно отметить, что она с гордостью пронесла через всю свою жизнь если не любовь, то глубочайшее почтение к писателю. Она нашла в себе смелость принародно и не раз выказать свое отношение к нему. Как-то приехав в Тбилиси на пару недель в отпуск, я сам был свидетелем этому. Однажды на вечере, посвященном памяти известного грузинского деятеля, эта женщина зачитала некогда опубликованное письмо своего первого супруга, скончавшегося в эмиграции, прибавив: "Вот что писал ныне забытый писатель к пятидесятилетию юбиляра!" Правда, Сталина к тому времени не было в живых, но подобная смелость и на ту пору считалась враждебным выпадом. Она пренебрегла этой опасностью.

Писатель остался верен своему долгу и призванию до конца. Биография его - трагическая жизнь человека глубоко несчастного, отмеченная печатью сплошных поражений. Восстание было подавлено. О репрессиях я уже говорил. Руководители восстания, паритетный комитет, были арестованы в полном составе. Остался на свободе только писатель. Снова нужно было скрываться, жить в постоянном страхе, видеть, как измываются над людьми, предоставившими тебе приют, испытывать муки человека, лишённого пристанища. Прошло больше года. Наконец по категорическому настоянию родственников писатель согласился на эмиграцию. Устроить отъезд тоже было не просто, но удалось уговорить какого-то шкипера. Писателя тайно переправили в Батуми. Люди, спасаясь от репрессий, перебежали в Турцию - кто морем, кто сушей. Много народу покинуло страну, особенно молодых. Власти жестоко расправлялись с беглецами, и с их пособниками. Писателя перевезли в Батуми, сдали на руки шкиперу и вернулись. Через пару дней он объявился в Кутаиси у своей сестры, работавшей в местном театре. О возвращении прослышали актеры, но ни один из них не выдал беглеца властям, более того, убежище ему предоставил человек, слывший агентом чекистов. Поступок писателя поверг всех в изумление: пренебречь возможностью уехать за границу и вернуться к преследованиям и смерти! А тот не мог оставить могилы своих соратников: "Безжалостно уничтожают моих друзей, родственников, лучших сынов народа, родина в беде, отъезд при таких обстоятельствах считаю дезертирством. Мое место здесь, а не в парижских кафе!.." Он играл со смертью, поимщики с ног сбились, пока партийное руководство, пребывающее в эмиграции, категорически не потребовало от него покинуть Грузию. Он и покинул. Как покинуло все его поколение: кого в Сибирь упекли, кого - в мир

иной, кого - принудили к эмиграции. Он пробыл там восемнадцать лет. Так никогда и не женился. Жил, писал стихи о своей первой и единственной любви и о родине, покинутой с такой болью.

Похоронен близ Парижа, на кладбище Сент-Уэн.

Актриса скончалась в глубокой старости. Последние годы жизни она проводила лето в Квишхетах, хотя могла бы выбрать курорт и получше. Возможно, оттого, что некогда венчалась с писателем в местной церквушке. Церквушка и поныне стоит, всеми забытая, обветшалая. Актриса подолгу стояла, прижавшись лбом к церковной стене, отворотившись от мира. Как объяснить это оцепенение? Каялась ли она во грехах, к которым принудили ее мерзости жизни? Оплакивала ли несчастную судьбу первого супруга? Или скорбела о старости?

Кто знает, может, это был искренний плач по чистым чувствам молодости, а не просто актерская поза, ставшая ее естественным и по-своему монументальной.

После восстания основным местонахождением грузинской интеллигенции стала Метехская тюрьма. Что остается грузину в тюрьме, в канун ссылки или расстрела? Конечно, душу отводить в песне! Вот и пели. В народе живы отдельные строки этих песен:

Я видел Грузию во сне,
Измученную, в море крови.
Но в изумрудной синеве,
Крылом, изорванным в неволе,
Взывал к оставшимся в живых
Стяг веры над горой Коджори.

А это, если не ошибаюсь, припев:

Прощайте, мама и друзья,
Прощай и ты, меня любившая,
Прощай земля, меня вскормившая,
И ты, Метехская тюрьма.

Следующее поколение грузинской молодежи в знак протеста против волны террора властей облачилось в черные черкески, символ траура. Чекисты сочли этот выпад контрреволюцией, антисоветским движением и учинили расправу. Она была не слишком суровой - вольное поселение, хотя кое-кому из черночеркесников пришлось отведать лагерей на Соловках и в Медвежьегорске, правда, с небольшим сроком, всего три года.

Именно эти репрессии против юношей в черных черкесках навсегда отвратили грузин от

национальной одежды. Жаль, красивая была одежда... Только ли это достойно жалости? Беды чумой прошлись по судьбе нации числом в два с половиной миллиона. Кто кого убивал? Грузины грузин и гордились этим. Не слышал бы собственными ушами, не стал бы говорить. Как-то раз возвращались мы с папой откуда-то. Была первомайская демонстрация. В кузове украшенного кумачом грузовика выламывались, кто во что горазд, то ли актеры, то ли любители. Они изображали буржуев, купцов, церковников словом, представителей тех социальных слоев, кого власти к тому времени уже извели. Толпа громко хохотала. Мы остановились. Вдруг голос за спиной, отчетливый, чеканный: "Вчера я самолично расстрелял двух контр!" Папа не шелохнулся. Я обернулся - двое грузин. Второй отвечает: "До окончательного искоренения еще далеко!" Отца арестовали, но спустя три месяца выпустили. Выпустили человека, которого чуть было не расстреляли. Радость, большая или маленькая, сопровождается печалью. Почему так устроено? Перед самым арестом отец принес мне борзого щенка и назвал его Росинкой. Щенок и вправду был прекрасен, как утренняя роса, и нежен, как прядка облачка. Когда хозяин вдруг исчез, Росинка затосковал. С неделю он ничего не ел. Лежал и плакал настоящими слезами. Потом забыл его, совсем как человек, а может, уверился в том, что хозяин скоро вернется. Словом, он успокоился. Налился тельцем, подрос, похорошел. Соседи души в нем не чаяли, а дом был большой, многоквартирный. Друзья Эренле Каргаретели, узнав о дне освобождения, встретили его у тюремных ворот. Сначала свернули в серную баню, потом покутить. Кутежи длились два дня и две ночи. А постель отца и узелок с вещами принесли домой сразу по выходе его из тюрьмы. Учувя хозяина, Росинка обезумел в полном смысле слова. В жизни не видел, чтобы пес так радовался, он прыгал, визжал, кидался на дверь, сбросил на пол и перебил все, что мог... Угомонился он, только выбившись из сил. Выбился из сил и лег на порог ждать. Отца не было, Росинка струил горючие слезы. Ночью он выл и метался, глаз не смыкая. Потом сел и снова заплакал.

Вечером дед вывел пса на прогулку. Росинка, сорвавшись, умчался. С тех пор мы его не видели.

Мы долго горевали, отец с ног сбился, но пес как в воду канул. Говорили, что он бросился искать хозяина, но дорогой его, как беспризорного, перехватили чужие люди. Предполагали даже, что пес мог покончить с собой. Мне кажется, что Росинка, решив, что хозяин умер, ушел из опостылевшего дома.

Нет печали без призывов смеха. Молодой человек, личность небезызвестная в городе, отсидел, как положено, три года за то, что носил черную черкеску. Но в отличие от товарищей по беде он, возвратившись, не перестал ее носить, просто поменял цвет одежды. Откуда бы ни приходилось ему возвращаться домой, он намеренно сворачивал к зданию ЧК, чтобы его мог видеть из окна своего кабинета чекист номер один Грузии. Правда, у самого стрелецкого головы, как вы понимаете, времени не было в окно глазеть, но ему доложили, что такой-то парень демонстративно ходит в непрменной черкеске мимо их здания. Начальник, снедаемый любопытством, подкараулил бывшего черночеркесника и, когда тот, облаченный в серую черкеску, поравнялся с его окнами, крикнул, высунувшись: "Зря ходишь, Александр, брат я тебя все равно не буду, только дорогу себе удлиняешь!"

Жили в Тбилиси двое братьев Пирцхалава, оба революционеры. Один большевик, кузнец, другой - меньшевик, кондуктор товарного поезда. Меньшевики арестовали большевика Пирцхалаву. Содержали его в метехской тюрьме. Кондуктор отправился просить о заступничестве министра внутренних дел: "Брат - человек темный, большевики задурили ему голову, он не станет впредь безобразничать, прости-ка его, прикажи, чтоб освободили". Был написан приказ, его выдали на руки брату-меньшевику - снеси, мол, сам в тюрьму, и заключенного выпустят. Выпустили, привел домой. Грузия советизировалась. Брат-большевик стал выдвигенцем, получил сановную должность, был принят в правительственных кругах, а брат-меньшевик оказался в метехской тюрьме за то, что в меньшевиках состоял. Другой вины за ним не было. Сидел, бедняга, и ждал... Вернее, стоял с

утра до вечера, стоял и ждал - придет, дескать, мой брат и заберет меня отсюда. Большевик и в самом деле пришел, еще снизу заметил за решеткой истаявшего от ожидания брата и крикнул: "Хорош гусь, и клетка у тебя хорошая!" Повернулся и ушел.

Люди, спасаясь от репрессий, бежали из городов, укрывались в деревнях. Бежали и мы всей семьей в Никети. Обросли со временем хозяйством - коровой, свиньей, овцой, козами, птицей. Однажды зимним вечером козы не вернулись домой. Иагор Каргаретели пошел их искать. Нашел он их в двух километрах от дома. Дед закоченел от холода и зашел в духан погреться, а там кутили крестьяне из местечка Дидеба. Завидев Иагора, они шумно ему обрадовались и усадили к столу, а коз отправили домой с оказавшимся под рукой мальчиком. И пошел пир горой.

Застольцы разошлись под утро. Иагор, разгоряченный хмелем, стоял на обочине дороги перед духаном, уперев подбородок в посох, и смотрел на проклянувшееся солнце. Эта сумасшедшая красота так заморозила его, что грузовик из Тбилиси он заметил, когда тот был совсем рядом. Правда, Иагор Каргаретели был одет так, что самому черту не удалось бы отличить его от крестьянина, но горожан он сторонился, как бы кто не узнал. Вот и теперь дед сделал движение, намереваясь укрыться, но передумал, решив, что грузовик едет в Манглиси и не станет здесь останавливаться... Как бы не так! Машина остановилась перед самым его носом. Невезение на этом не кончилось. Из машины выпрыгнул молодой человек с девушкой. Шофер снял с кузова большой узел, бросил его к ногам пассажиров и таки поехал дальше в сторону Манглиси. На молодом человеке была новенькая форма чекиста! Иагор хотел было дать деру, но взял себя в руки и сделал вид, что чихает. Во всей этой истории чих показался моему отцу самым важным моментом. Приезжие поздоровались с дедом: девушка на ломаном грузинском, чекист по-русски.

Поддельваясь под крестьянский говор, Иагор откликнулся пожеланием здоровья.

– Дядечка, где Нинети? - спросила девушка.

– А вона, там. - Иагор ткнул посохом, отметив про себя, что приезжие не из грузин. Чекист обратился к девушке:

– Скажи, пусть понесет, рубль получит. - Он имел в виду узел.

Выяснилось, что приехали они в гости к Хачатурову. Рубен Арменакович был, как и дед, бывшим офицером царской армии, покинувшим Тбилиси по тем же соображениям - с глаз долой. Поселок Кинети был дачной местностью, и в зимнее время в нем по большей части жили люди вроде Рубена Арменаковича и моего деда. У каждого из них была своя "легенда". В кикетской мистории Хачатуров играл роль крестьянина-армянина, и одет он был в точном соответствии с картинной на папиросной коробке "Федерация". В поселке коротал зиму и некто Анисимов, весьма своеобразное создание. Каждый Божий день он взбирался с рассветом на крышу своей дачи и надсаживался, как старый петух:

– Вся власть Советам! Да здравствует мировая революция!..

Был еще некий Котэ Оников, то бишь Оникашвили. Этот сходства с грузином на папиросной коробке не добивался, но, чтобы чекисты вдруг не заинтересовались его прошлым, принимал меры предупредительного характера прикидывался безнадежно глухим. Мало того, едва приметив кого-нибудь поблизости, он шумно озвучивал каждый свой шаг с помощью задней, срамной части тела. Эти ухищрения, по мнению Котэ, должны были разжалобить чекистов - у кого поднимется рука на бедного старца, глух как тетерев, шагу не ступит, не оскандалившись. Иагор Каргаретели видел в том умысел: господин Котэ доступным ему способом проявлял отношение к Советской власти...

Словом, шел дед с посохом на плече, нес узел, и все было в порядке, пока девушка не

упрекнула молодого человека:

– Ты всегда переплачиваешь, он и за полтинник с удовольствием тащил бы.

– А-а-а, черт с ним! - расщедрился чекист, и дед заволновался, кого же он чертыхнул - рубль, полтинник, Иагора Каргаретели или всех чохом.

– Дядечка, грамоте разумеешь? Ну, читать-писать? - полюбопытствовала после паузы девица.

– Разумею, как не разумею! - с пьяной словоохотливостью отозвался дед.

– Никак, в школу ходил?

– Случалось, - хмыкнул Иагор.

Девица, озадаченная, нерешительно осведомилась:

– И как, окончил?

– Окончил, почему бы не окончить!

– Что же ты окончил?

– А кто его знает, разве все упомнишь.

Обычно впоследствии дед приводил свой ответ в пример - естественно, для моего сведения, - к какому промаху могут привести безудержные кутежи и пьянство.

Шли. Молчание затягивалось. Чекист, бросив укоризненный взгляд на свою подругу, будто только она и была виновата в этой неловкости, пробормотал:

– Вы, наверное, устали, давайте я понесу. - Он взялся за узелок, но Иагор решительно отказался от его услуг.

Как выяснилось позднее, Рубен Хачатуров, увидев чекиста, обомлел от страха. Первое, что пришло ему в голову, - бежать через черный ход, но было поздно, пришлось смириться с участью - чумы не избежишь, видно, на роду написано... Девушка вскрикнула: "Ой, дед!" И тогда Хачатуров узнал внучку, а вслед за ней и Иагора. Страх прошел, Рубен Арменакович предложил гостям войти. Речь и повадки его были так изысканны, что чекист растерялся и, разинув рот, переводил взгляд с Хачатурова на Иагора. К его изумлению, крестьян в Кинети оказалось множество и все таких, которые "чего-только-не-кончали".

– Рубен, дорогой, молодые задолжали мне рубль. Возьми его себе, и будем квиты, - сказал Иагор и, попрощавшись, ушел.

Спасти себя, придуриваясь, можно было множеством способов. Этим грешил и Иагор Каргаретели. Всякий раз в конце мая он затевал поездки с гостеваниями, потому как полагал, что нельзя подолгу отсиживаться в одном укрытии. У деда было довольно много близких родственников и друзей в самых разных уголках Грузии, хотя большевики щедро сократили их поголовье. По самый конец ноября даже домашние ведать не ведали, где находится Иагор.

В шестидесятые годы носить с собой паспорт было если не обязательно, то крайне желательно. А о тех временах и говорить не приходится, захочешь выпустить из рук, не сможешь - милиционеры и активисты то и дело проверяли документы. По мнению Иагора Каргаретели, строить из себя придурка нужно было именно в момент предъявления паспорта.

Почему? А потому что в нем черным по белому значилось: Иагор Каргаретели, а для любого милиционера или активиста эта фамилия не только годилась для выдвижения, но была прямо-таки пределом мечтаний: вообразите, самолично доставить в ЧК офицера царской или там меньшевика...

Дед Гора окоротил ножницами на пару сантиметров паспорт. И довод нашел веский: пуговка на нагрудном кармане распашной рубашки, которую он привык носить, не застегивается, карман мелкий, и паспорт из него торчит.

Вид обкорнанного паспорта вызывал обычно неподдельное изумление:

– Что ты наделал, дяденька?!

– А что?

– Ты же номер паспорта срезал!

– А он нужен?

– Конечно, нужен! Не нужен был бы - не напечатали.

– Откуда мне знать? Карман мелкий, паспорт из него торчит. Вдруг вытащат... Ладно, больше не буду...

Над ним потешались, а Иагор Каргаретели шел своей дорогой!

Результаты ленинской экономической политики были самыми разнообразными, и безусловной ее заслугой стал материальный достаток. Из-за этого активные противники новых властей почти лишились прежней поддержки в массах. Основная часть интеллигенции была уничтожена, а уцелевшие повели себя по-разному: одни бросились за границу, другие - в наживу и во все тяжкие. Жизнь нации, многие годы насыщенная испытаниями, бурными страстями, вдруг сменилась разочарованием, социальной и политической безучастностью. Активность сохранила только та часть рабочих, которая искренне верила, что участвует в строительстве счастливого будущего - для себя и всего человечества и что это будущее совсем близко. Чрезмерная склонность грузин к кутежам сделала застолье занятием настолько серьезным, что даже случай, о котором речь ниже, можно бы отнести к явлению почти нормальному.

Эрекле Каргаретели, Вахтанг Нотетишвили, Христофор Рачвелишвили и Бидзина Гамбашидзе женились одновременно - в канун первой мировой войны. К слову сказать, невесты тоже были подружками, и близость свою, все восьмеро, сохранили до конца жизни. Обычно по установившейся традиции на дне рождения Нино Харатишвили, супруги Христофора Рачвелишвили, тамадой бывал Эрекле Каргаретели.

И вот настает очередной день рождения - четырнадцатое января тысяча девятьсот двадцать шестого года, а тамада пребывает в ортачальской тюрьме! Выхода нет, объясняют ситуацию начальнику тюрьмы Шалино Бакрадзе, и тот, проникаясь святостью традиции, ничтоже сумняшеся отпускает заключенного на всю ночь из тюрьмы. Эрекле Каргаретели, справив обязанности тамады, с рассветом возвращается на фаэтоне в тюрьму!..

"Ого, что получается? Я на целых восемьдесят километров отклонился от меридиана... Звук самолета!.. Двигатель внутреннего сгорания. Поисковый или рейсовый?.. А хоть какой, не будем отступать от принципа, укроемся... Черта лысого, где ты укроешься, кругом болото. Сплошной лед... Приближается, не время размусоливать!"

Гора сдернул с санок белый балахон, вжался в какую-то рытвину и, накрывшись для маскировки, замер. Самолёт вернулся, довольно быстро. Пролетел над головой и скрылся.

"Улетел! А возвращался зачем?.. Неужели заметил?.. Заметил бы приземлился или покружил... Может, я у него на трассе сижу?.. Улетел! Нет, чтобы окурочку сбросить!.. Я, почитай, от десятерых лагерников слышал рассказы о том, как сидят они, к примеру, в тайге, пригревшись у огня, и вдруг - бац! - на тебе окурочка из пролетающего над головой самолета. А на том окурочке следы губной помады, и достается он, ясное дело, рассказчику. Я даже песню слышал об этом, Сенька Бомштейн распевал. Человек склонен к сентиментальности. Какой, скажите, шедевр без элемента мелодрамы, сентиментальности?.. Почти обязательный компонент... А что удивительного, если заключенный тоскует по женщине, ее любви. Окурочка - это порождение любовной тоски. Если по правде, меня тоже пронзил образ женщины в самолетном кресле - сердце захолонуло, дыхание сперло. Ах ты, старый паскудник, в твоём возрасте! Пройти через голод, холод, передрыги - и нате! Томление по женщине. Это, брат, добрый знак! Отличный знак!

Постой, постой, мне было всего восемь лет, когда я влюбился. Только увижу ее, весь облираю!.. Как же ее звали?.. Натела, Натела Тамазашвили! Восемь лет! Вот те на! Она мне снилась, но не такой, как в жизни, а в образе златовласки из моих видений с грохочущими мельничными жерновами над головой... Надо же! Как рано пробуждается страсть... Ладно, допустим сердцебиение от подсознательного. Так по крайней мере уверяют психологи и философы. Это грубое плотское чувство, да, согласен. Но порой оно перерастает в любовь, возвышенную и благородную. Сворачивается чудо. Инстинкт размножения, воспроизводства выливается в духовность, нежную, трепетную!..

Да-да, Натела. Где я встретил ее впервые?.. У Гвилавы, мы дружили семьями. У них был сын Хута, мой ровесник, к которому и повел меня отец на день рождения. Там была и Натела, та девочка. Потом оказалось, что Тамазашвили жили неподалеку от нас... Да. Я без устали гонял волчок перед их домом. Только бы видеть ее - мне больше ничего не надо было. Нателу водили на уроки музыки, я знал на память ее расписание. Тот вечер я запомнил еще и по каким-то иным причинам. У Гвилавы был собственный дом на окраине города, возле конечной остановки трамвая...

...За дело! Не забывай о деле! Я прошел примерно тысячу километров. Это и много, и мало. Много потому, что за такой короткий срок я не мог и надеяться пройти столько, спасибо, Кола помог. До хижины Хабибулы девятьсот километров. Это если по прямой, только по прямой. А по рельефу самое малое еще тысяча триста!.. С большими суставами... Почти без еды! Провизия, подаренная стариком, вот-вот вся выйдет. Мне бы до Оби добраться или хоть до притока, тогда бы я разжился рыбой...

...А доберешься? Не доберусь - прощай, мир. Что-то я часто стал думать о смерти... Что, время пришло? Ой ли? Впрочем, есть же выход. Недаром мне Миша Салуквадзе рассказывал эту байку. Нужно взять на заметку. Была у него соседка, Ангелина, из тех, что вечно недомогают. Она все хныкала - умираю да умираю. Лет пять-шесть ее терпеливо успокаивали, утешали, что ничего страшного у нее нет, не надо бояться, все будет хорошо. Ангелина стояла на своем: умираю! Тогда доведенный до отчаяния супруг как-то раз сказал: "Ангелина, милая, перестань канючить, свыкнись с этой мыслью, тогда и умирать будет не страшно". Услышав это, Ангелина взвилась с постели: "Ты что болтаешь, с чем это я должна свыкнуться!" Как вскочила, так с тех пор ни разу не слегла с болячками!.. Гора, браток, бежим, значит, живем!.. Не так ли? Сделаем километров тридцать на юг, подальше от воздушной трассы, а потом двинем на запад - Обь завоевывать!.. Отлично! О чем теперь покумекаем?.. Может, доскажем о дне рождения Хуты?.. Давай. Началось с того, что, когда мы сходили с трамвая, я заметил на одной из скамеек забытый кем-то бумажный пакет. Вагон был пустой, а остановка последней. Я потянулся к пакету, хотел было заглянуть, но отец не позволил. Я удивился, спросил о причине. "Сначала сбегай отнеси пакет", - велел отец. Сбегал, отнес. "Как это ни грустно, человек - существо слабое, - заметил Эренле. Даже если не так, находка может ввергнуть тебя в искушение, с которым ты не справишься. Согрешишь, присвоишь себе чужую вещь, а потом всю жизнь будешь сожалеть об этом". Отец не менее, чем дед, по

природе своей был склонен к поучениям, в тот день он преподавал мне еще пару уроков. Мы сидели обок за столом, когда он сказал: "Обрати внимание сначала на мою тарелку, потом на свою и сравни их". Я посмотрел, смутно почувствовал разницу, но не осознал ее. "Объедки, - пояснил он, - будь то кость, огрызок или кусок, должны быть сложены на тарелке так, чтобы у других это не вызывало отвращения и потерю аппетита". Я огляделся, тарелки у большинства и вправду скорее походили на натюрморт или коллаж, чем на остатки еды. Спустя время мне захотелось выйти из-за стола. Отец не позволил: "Дождись, пока тебя позовут дети". Меня позвали. Отец пошел со мной и объяснил: "У грузинского застолья свои обычаи. Вставать и выходить из-за стола не следует, поскольку те, что остаются, могут решить, что ты вышел по надобности. Каково?.."

Поначалу, едва мы сели за стол, я долго не мог ни к чему прикоснуться. Я держал в руках кусочек сырного пирога и пребывал в растерянности. Дома за обедом я не приступал к еде до тех пор, пока не выносил во двор детям из бедных семей что-нибудь съестное, таков был заведенный для меня порядок. Дело в том, что после турецко-армянской войны в Грузии нашло себе пристанище множество армян. Большинство из них бедствовали, дети голодали. У меня в любимцах ходил Врастан, сын нашего дворника, рожденный в Тбилиси и названный по этому случаю Врастаном. По-армянски это значит Грузия. Я непременно должен был чем-то угостить его - булкой с котлетой, кусочком сырного пирога, в зависимости от того, что было у нас самих... Вот и теперь сидел я за столом у Гвилавы и думал: кому же мне отдать сырный пирог? Отец догадался, что меня мучает, погладил по голове: "Ешь сам, причина уважительная".

Да... Эрекле Каргаретели, мой отец, сидел в тюрьме восемь раз; убить его удалось лишь на восьмой, хотя попытки такого рода предпринимались и в гражданскую войну, и в чекистском застенке. В тот, последний раз в дело пошла бы пуля, время было такое - тысяча девятьсот тридцать седьмой год, но убийцы и тут просчитались, с расстрелом ничего не получилось, тогда они убили его молотком. Нужно отметить, что подолгу отец никогда не сидел, самое большее - одиннадцать месяцев. Объясняется это просто. Эрекле Каргаретели был профессиональным юристом, и невежественные подонки не могли обвинить его абы в чем. К тому же и опыт, полученный в результате знаний о стольких арестах и расстрелах... А если еще и предположить нечто вроде иммунитета, а?.. Реваз Ткавадзе и кое-кто видели на стене камеры запись, сделанную Эрекле Каргаретели в последнюю отсидку: "Под током времени увяла юность". Он держался мужественно, отвел от себя все ложные обвинения, сам не оболгал никого, и тогда они взялись за молоток. Каким же он в молодости был?!

Каждый арест моего отца сопровождался непременно появлением в нашем доме двух незнакомых друг с другом людей. Они не были с нами в родстве и в другое время, при других обстоятельствах редко навещали нас. Вардо Зубиашвили приходил, самое крайнее, через пару дней после отцовского ареста. Гриша Девдариани появлялся чуть позднее. Занимался он поимкой лесных разбойников, то есть был чекистом. Где и когда они подружились, Гриша и Эрекле, мне и по сей день невдомек. Он приходил, прикладывался к маминой руке, одаривал меня сладостями. Потом степенно беседовал с матерью расспрашивал о нашей семье, говорил о своих домочадцах, подбадривал нас, не горюйте, мол, все уладится. Несмотря на протесты матери, оставлял деньги, довольно много, и уходил. Но в последний арест Эрекле он не пришел. Думаю, что Гришу Девдариани арестовали и расстреляли раньше моих родителей, иначе он хоть раз навестил бы нас, не оставив без внимания сирот. Желену его тоже звали Мариам, и дети у них были... Пропал со всем потомством.

Теперь о Вардо. Их было двое братьев, Вардо и Иосиф, и содержали они духаны в Самадло по обе стороны от проезжей дороги, понемногу занимались хозяйством. Эрекле был крестным отцом сына Вардо. Приходил Вардо, приносил большую головку сырагуды. Сидел, понурившись, и молча сочувствовал всем. Потом вынимал из кармана деньги, клал на стол и уходил. Этот не покидал нас до конца. И после смерти Эрекле все равно приходил... Есть ли в наше время такие?.. Да, кое-кто из родственников и близких. Отзывчивость, милосердие,

помощь в беде остались как воспоминания об ушедших поколениях. Новой поросли свойственны жестокость, беспощадность и цинизм...

Свойственны... Это веяние времени... Помнишь, как расправились с добрым Георгием?.. Как не помнить... Вначале о том, кем же он был, добрый Георгий... Тбилисский кинто, последний из могижан. Он ходил в широких сатиновых шароварах, в черной облегающей рубаше со стоячим воротом, перехваченной массивным серебряным поясом, называемым "фунтиком" за свой вес, и в мягких чувяках. Шапку ему заменял деревянный поднос с фруктами. Он расхаживал по дворам с ручными весами с чашами и зычным, поставленным голосом оповещал домохозяек о своем приходе, предлагая лучшие на свете фрукты. Он давал в долг, деньги ему возвращали в конце месяца. Добрый Георгий был неграмотным, поэтому учета, естественно, вести не мог, но у него никогда не было неурядиц с домохозяйками, любой житель Сололаки мог бы подтвердить это.

Так вот, покончил добрый Георгий с делами в нашем дворе, поставил поднос на голову и вышел. Тут Ольга Ивановна попросила меня сбегать за хлебом. Какой наглец дерзнет в наше время обратиться с подобной просьбой к соседскому мальчишке! Выскочат родители и заплуют за подобное оскорбление!.. Я выбежал на улицу и увидел: трое комсомольцев преградили путь доброму Георгию. Разговор велся на таких повышенных нотах, что я невольно остановился поглазеть. В те времена комсомольцы ходили в галифе и сорочках хаки, с накладными кожаными голенищами, называемыми крагами. Носили они и портупей, иные даже с наганом. Один из них, не переставая что-то говорить, лягнул ногой доброго Георгия, поднос с фруктами упал. Другой разорвал на нем одежду, третий сорвал пояс и швырнул его за забор. Потом все трое стали избивать его так, что бедняга лишился чувств. Он лежал на мостовой, изо рта шла кровь. Комсомольцы о чем-то посоветовались. Тот, кто выбросил пояс, перелез через забор и подобрал его. Топнул ногой по подносу, он разлетелся на куски. Комсомольцы ушли. Повыскакивали домохозяйки, привели в чувство Георгия, завели в дом... Это было время после нэпа, и большевики боролись с рудиментами частной собственности...

Спустя несколько десятков лет произошел удивительный случай. Я вошел в кофейню. Приятель, окликнув меня, пригласил за свой столик. Он сидел с незнакомым мне человеком. Нас представили друг другу. Пили кофе, говорили. На стене висела чеканка, изображавшая кинто. Мне припомнился добрый Георгий. Я рассказал, как избивали его комсомольцы. Очень коротко. Новый знакомец спросил, когда и где это было. Я ответил. Смущенно улыбнувшись, он опустил голову и с горечью произнес: "Я был одним из этих комсомольцев".

Да, мил человек, такое было время. И дом был удивительным, как бы живой иллюстрацией тех социальных и психологических процессов, которые вершила история на одной шестой материка... Огромная часть людей слепо верила в эфемерную идеологию, сочиненную за письменным столом, считала ее истинной и безраздельно связывала с ней свою жизнь. Вот как оно было. Чего стоит один только пример Маро Нандошвили?..

Она приехала из Сигнахи с двумя детьми - мальчиком и девочкой. Гоги было девять лет, Тинико - семь. В Грузии начался процесс национализации имущества, но наш дом все еще принадлежал Цоцолашвили - трехэтажное здание, рассчитанное на состоятельных жильцов. На каждом этаже квартира из семи комнат, со множеством кладовок и подсобных помещений во флигеле. В начале тридцатых годов с ростом темпа индустриализации страны деревня, спасающаяся от коллективизации, хлынула в город и сразу заполонила все, что только годилось год жилье. Степенные молчаливые дома забурлили и загалдели. Маро Нандошвили с детьми объявилась, когда в доме Цоцолашвили оставалась "неосвоенной" только прачечная на первом этаже. Это была глубокая, темная, как пещера, сырая подсобка, свет в которую проникал из стеклянной форточки в двери. Пол в подсобке был вымощен асфальтом, а внутри гнездились такое количество крыс, что даже самые отважные из ребят боялись в нее заходить. Мне кажется, что если ад на самом деле существует, он состоит из таких вот

прачечных. Пришли трое, красные щеки, красивые, с путевками комсомола и тощими узелками и добровольно поселились в этом аду.

Мы с Гоги оказались сверстниками и быстро подружились. Познакомились и наши матери. Маро Нандошвили была партийным работником, со службы возвращалась поздно, поэтому днем я никогда не видел ее у нас - только поздно вечером или ночью. Она часто приходила, по самым разным поводам. Моя мать, женщина добросердечная, наладила с новыми соседями теплые отношения. Маро Нандошвили бросила мужа - он тоже был партийным работником. Вы спросите: почему? Из-за идеологических разногласий - ни больше ни меньше! Моя мама в основном обсуждала с Маро Нандошвили тему, можно ли рушить семью и оставлять детей без отца из-за каких-то идеологических разногласий.

Маро была категорична:

– Мы, большевики, должны уничтожить семью, а рано или поздно, какая разница?..

По вопросу существования семьи лично я точку зрения Маро Нандошвили разделял. Для Гоги и Тинико, несомненно, было бы лучше, поселись они в приюте! Из школы они возвращались в пустой дом, еды не было, разве что черный хлеб. Держали они по ломтю и медленно, не разжимая губ, жевали.

Это идейно-политическое времяпрепровождение привело к тому, что через несколько лет сначала умерла от чахотки Тинико, а вслед за ней и Гоги. Маро Нандошвили так была упоена партийной работой и общественной деятельностью, что даже времени не выбрала, чтобы оплакать своих детей.

Ее арестовали в тридцать седьмом году. В лагерях Мордовии я узнал стороной от старых заключенных, что она и тут активничала, но то ли в тридцать девятом, то ли в сороковом повесилась.

Сталинский социализм был создан комсомольцами, избивающими добрых Георгиев, и многочисленными маро нандошвили. Но общество, конечно, не состояло только из таких. Преобладали те, что, ловко воспользовавшись ситуацией, выучились высокопарным речам, патетическому слову на митингах и собраниях и в конце концов обеспечили себе партийные или чиновничьи должности высокого ранга. Другим удалось с помощью денег приобрести доходные места. Под прикрытием индустриализации множились подпольные цеха и артели, дельцы богатели. Расцвели пышным цветом спекуляция, торговля драгоценными металлами и валютой. Правда, советская власть преследовала тех, кто делал деньги незаконными путями, но в большинстве ее легко было задобрить взяткой, и... "стерли с лица земли страну на веки вечные".

Один из таких торговцев антиквариатом, старый тбилисец, жил в нашем доме. Его то и дело арестовывали. После одной из отсидок он взмолился:

– Сиран-джан, очень прошу, носи эти шубы... Если шубы не носить, мех портится! У тебя их восемь, сгниют, за грош не продашь!

– Сам говорил, не надевай, вдруг тебя опять эти мерзавцы посадят!

– Тогда давай продадим, пока они еще что-то стоят!..

– Не продаются! - отрезала Сирана и нашла мудрый способ: мех сохранить и арест не навлечь. Носила шубы по ночам, часами разгуливала по чердаку.

Шел в ногу со временем и я. Из-за частых арестов отца наша семья испытывала финансовые трудности. У меня не было карманных денег, случалось даже в школу ходить, не имея мелочи

на завтрак. Играть в бабки я выучился в ранней юности, а с нуждой еще больше поднаторел в них. Бабка стояла пятак, и редкий день когда я не выигрывал двух-трех рублей. Слава обо мне шла по городу, ребята из других околотков приходили со мной сразиться... Кукури Хетерели!.. Конечно, помню. Я не избил бы его, не будь я так влюблен. Именно в тот момент появилась Циала - моя избранница. Впрочем, моя - громко сказано, я даже не был знаком с ней... Да, это так, но я любил ее, и она знала об этом. Собственно, Кукури был самым обычным парнем - ни силой, ни умом не вышел, но он был наглым, и этим превосходил меня. Он, подлец, как будто следил за мной. Скажем, я с кем-то играю. Вдруг откуда ни возьмись появляется Кукури, сгребает мои бабки, сыпает в свой карман, а пикни я, еще и пинка даст и пойдет своей дорогой! Причем все это он проделывал так, будто я был его должником, припозднившимся с возвратом денег. Не знаю, какова психологическая подоплека этого явления, но, многие со мной согласятся, такое в жизни случается, человек пасует перед наглостью.

Как-то раз во время игры я навязал партнеру длинную ставку, расставил бабки копеек на шестьдесят, это сулило мне половинный выигрыш... Вдруг вырастает как из-под земли Кукури-экспроприатор, направляется к нам. Я замираю. Он приближается. Мне и в голову не приходит противиться - и вдруг... На мостовой Циала! Кукури наклоняется за бабками... Остальное вышло как бы само собой - я взмахнул ногой, грабитель грянулся навзничь. Схватив обломок туфа, я уселся верхом на врага и стал безжалостно, без разбору колотить его до тех пор, пока не убедился, что он уже не способен сопротивляться. Девочка смотрела на этот вандализм раскрыв рот. Я счел, что теперь-то моя избранница не сможет отказать мне в любви!.. Мои воспоминания в основном касаются ремесла. В тот период источником дохода мне служила игра в бабки, и впечатлений от нее осталось множество. Какое из них припомним?.. Наливки!..

Теперь почему-то женщины не занимаются этим.

Прежде, начиная со второго этажа и выше, на солнечных стенах домов висели, настаиваясь, бутылки с наливками. Клади в бутылочку вишню или эстрагон, щедро засыпали сахарным песком, повязывали горлышко марлей и подвешивали. Прекрасная получалась наливка, семье на целый год хватало ароматного и вкусного ликера. Напротив нас помещался дом в два этажа со стенами, сплошь увешанными бутылками, а перед домом взамен брусчатки была площадка плотно утопанной земли. Для игры в бабки лучше места не сыскать. Играю я как-то с мальчиком с Гоголевской улицы, и вдруг удар по лицу опрокидывает меня навзничь, совсем как я - Кукури. Теряю сознание. Очнувшись, вижу над собой Серго Хабарадзе, квартировавшего на втором этаже. "Это ты украл бутылки с черникой и клубникой!" - голосит он. Голова звенит, кровь льет из носу и вдобавок поклеп... Дорого это ему стоило!.. Дорого. У меня была рогатка, отлично сработанная. С чердака Кереселидзе я сначала по одной расколотил всю эту несметь бутылок, бережно хранимых на солнце, потом взялся за окна. Серго приводил стекольщика через день. Жаловались в милицию. Меня забрали, но признания не выбили. Отец на ту пору сидел в тюрьме, пришли жаловаться матери. И это не помогло. Им повезло, отца выпустили, ради него я приостановил расправу, а то доведенный до отчаяния владелец бесценных бутылок приходил накануне ко мне домой с дарами, пытаюсь умаслить меня чурчхелами, - я был непреклонен и расколотил той же ночью большое стекло на его балконной двери.

Бедняга Эрекле Каргаретели, в какое время довелось тебе жить! Ты был прекрасным отцом и воспитателем! Сколькому научил ты меня... Когда мы переехали на улицу Ниношвили, там оказался стадион, прямо под боком. Какой-нибудь футболист перестарается, мяч перелетит через стену, и мы, ребята со всего околотка, затевали драку, пытаюсь завладеть этим мячом. Несколько раз и мне перепал похищенный мяч. Как-то пришел ко мне одноклассник. Ребята затеяли играть в футбол - околоток на околоток, и он, зная, что у меня новый мяч, попросил одолжить его до вечера. Я вынес мяч, но, отдавая, прямо извел его советами и наставлениями, как с ним обращаться, чтобы он не лопнул, не потерялся. Вернуть же мяч я

потребовал немедленно после окончания игры. Бог знает, сколько всего я понаговорил. Наконец я закончил назидания, мальчик ушел, унося с собой мяч.

Отец, как оказалось, все слышал. Когда я вернулся в дом, он сказал:

– Отныне, когда у тебя что-то попросят, ты должен отдать или с готовностью и удовольствием, или совсем не отдавать, но тогда твердо стоять на своем. Отдавать и ныть при этом хуже, чем попрекать.

О ком-то я в разговоре заметил, что у них много денег. Отец рассердился:

– Считать деньги в чужом кармане - завидовать, а это хуже, чем красть. Свои считай, чужие - нечего.

Мне лет двенадцать, утро, я опаздываю в школу. Дверь в спальню родителей приоткрыта, я слышу, как мама жалуется отцу на мои проказы притащил в класс щенка, налил керосин в рыбий жир, подвязал бубенчик к хвосту соседской кошки, сбросил с тутового дерева Насидзе чучело и чего только ни...

– Это все возрастное, пройдет. Вырастет - человеком будет. Запомни мои слова!

Возможно, слова эти были сказаны с умыслом и предназначались для моих ушей, но фант остается фантом - действие они возымели на меня огромное, на всю жизнь, с тех пор и поныне я во всем стараюсь быть похожим на деда Иагора и отца Эрекле, они для меня пример.

Тот день я и теперь считаю концом своего детства и юности... Как же, как же! Именно новый период и начался!.. Среди старых книг, хранившихся в подвале, я обнаружил изданную в Петербурге и прекрасно иллюстрированную книгу "Искусство любви"!

Ясное дело, человек, так тщательно изучивший эту книгу, должен начать новую жизнь! Я проштудировал не только подробности физиологической любви, но и вызубрил все уловки, интриги - словом, всю чертовщину любовной предыгры и искусства завлекать. Вооруженный такими знаниями, я, естественно, возжелал применить их на практике... Вот только просвещенность моя окончилась конфузом... Вволю насытившись книгой, я, из желания похвастать своим сверхопытом, одолжил ее Резо Сисаури.

Так ее и видели. Книга пропала. Начинается новый учебный год. Я слушатель первого курса техникума. Вечерняя пора, к нам в дом приходит незнакомый мужчина. Искоса глянув на меня, спрашивает отца. Узнав, что он дома, кладет шапку на вешалку. Я приглашаю гостя сесть, иду сообщить отцу о том, что к нему пришли, сам же отправляюсь в свою комнату. Мужчина приносит "Искусство любви". Обнаружив эту книгу у своей дочери, он стал распутывать клубок и вышел на меня. До его чада в этой цепи оказалось одиннадцать человек. Если учесть, что каждый из них дал от себя почитать еще трем-четырем девочкам или мальчикам, то можно с уверенностью сказать, что в изучении и популяризации этого предмета я имею больше заслуг, нежели советская педагогика в насаждении идей коммунизма.

И вот первая женщина - то, что называется страстью! Я не знаю мужчины, который не помнил бы первой женщины в своей жизни. Помню, естественно, и я, хотя, если честно, и по сей день стараюсь как-нибудь стереть ее из памяти. Ничего не выходит... Мне было почти шестнадцать, отец с матерью сидели дома. Вечером я вышел прошвырнуться на "биржу", потрепаться с ребятами. Покрутился, никого не было, может, потому что было еще рано. Мне прискучило шататься, и я зашел в летний кинотеатр. Шел новый фильм, и я подумал, что встречу тут кого-нибудь из друзей! Тогда в Тбилиси летние отсеки были почти при каждом кинотеатре. Сеансы начинались с темнотой, и, в зависимости от времени года, порой

удавалось прокрутить по два-три сеанса, если, конечно, дождь не разгонял зрителей. И здесь никого из друзей не оказалось. Я купил мороженое, присел. Напротив - женщина лет под тридцать, прекрасной наружности. Я держу в руках "Вечерку", делаю вид, что читаю, а сам лихорадочно размышляю, как бы мне с ней познакомиться.

Перебираю тысячу возможных вариантов, все они никуда не годятся. Иные и в шестнадцать лет станут приударять за королевой Великобритании так, будто это им не впервой. В коричневой книге о германском фашизме и, ясное дело, в "Искусстве любви" я вычитал сентенцию такого толка: масса - это женщина, а женщина любит насилие! Но это почему-то не прибавило мне решимости в отношениях с женщинами. Я нигде об этом не читал, никто меня не учил, но я чувствовал: если напряженно думать о человеке, сидящем в паре шагов от тебя, он непременно с тобой заговорит, разумеется, в том случае, если и его в тебе что-то заинтересует. Так и случилось. Я на мгновение поднял глаза от газеты, и женщина тут же заговорила со мной - одолжите, мол, мне, если она вам уже не нужна. Я одолжил. Спустя немного она затеяла разговор об одной из статей. Я ответил, что пока не прочел, и подсел к ней. Завязалась беседа. Звали ее Мариико. Звонок оповестил о начале сеанса. Места, как обычно, были нумерованными. Мы сели рядом. Ничего особенного, сидели и смотрели. Но едва на экране сложилась какая-то трагическая ситуация - не помню, убивали кого-то или уже убили, - Мариико взяла меня за руку и уже не выпускала ее до конца сеанса, а я, признаться, не возражал. Перед тем как проститься, она дала мне номер телефона и попросила позвонить на следующий вечер. Всю первую половину дня, сами понимаете, я посвятил бане, парикмахерской, стирке рубашки, глажке брюк и подобным занятиям. Вторую половину - волнениям и размышлениям о том, как я должен себя вести. Точно в семь я позвонил. Она извинилась, что занята, заболела племянница, и предложила позвонить не завтра, а скажем, послезавтра... Я несколько растерялся. Услышать такое мытому-стираному, глаженому-бритому?! Каково!.. Послезавтра повторилось почти то же самое, с той лишь разницей, что товарищ одолжил мне прекрасную рубашку. Если коротко, то "послезавтра" повторилось четыре раза, а на пятый я наконец поднялся со двора по деревянной лестнице на террасу и постучал в застекленную дверь. Извинения длились так долго, что я едва не лишился чувств. На стене против входа висел ковер, щедро изукрашенный разными разностями, захватившими мое внимание, иначе не избежать бы мне обморока.

Был конец июня, не так жарко, тем не менее Мариико была одета несколько легковато и выглядела много привлекательнее, чем в первую встречу. За разговорами и анекдотами последовал чай, я дымил папиросой "Рекорд", купленной на деньги, одолженные уже не помню у кого, и держался волокитой, но деликатным. Во всяком случае, думал, что так держусь.

Квартира состояла из двух комнат в старом тбилисском доме в три этажа. Подъезда не было. В квартиру можно было попасть через деревянную террасу, сюда же выходило и окно. За первой комнатой кишкой следовала другая, спальня с окном и железным балконом на улицу.

Я упомянул о ковре. Как и в каждой традиционной старой тбилисской семье, на нем были развешаны несколько пищалей, кремневое ружье, довольно большое собрание сабель и кинжалов, конская сбруя, вся целиком, плетень, старинные портреты маслом каких-то военных и фотография молодого майора Красной Армии...

Оружие было прекрасной работы, украшенное золотом, серебром и драгоценными камнями. Даже рукоять плетни была затянута золоченой сеткой и местами лучилась яхонтами. Я забеспокоился: кто такие эти доблестные мужи? "Предки моего супруга, - пояснила Мариико и, ткнув пальцем в фотографию, добавила: - А вот и он сам!" Я едва не выпалил: где же он сейчас? - но взял себя в руки, хотя волнений это отнюдь не убавило, мог же он внезапно нагрянуть! А дальше? Дальше я несколько оправился от страха, сообразив, что она не пригласила бы меня к себе, не будь уверена в противном, но муки совести не давали мне покоя: я - любовник чужой жены! Мариико заметила, что я пригорюнился, и заверила меня, что

муж в летних лагерях в Авчалах, уехал нынче утром, до субботы не вернется. Я слегка оживился. Марико прикрыла ставни, заперла дверь, вошла в спальню и стала стелить постель. Теперь-то я понимаю, что она, почуяв мое настроение - как бы птенчик не упорхнул, отрезала пути к отступлению. Но тогда я был ошеломлен тем, с какой деловитостью она готовилась к любви, - у меня было несколько иное представление о таинстве соития... Марико окликнула меня: "Выключи в комнате свет и иди помоги мне!" Я выключил, вошел. Она сидела в одном лифчике, пытаясь расстегнуть застежку на спине. Руки не повиновались ей, а может, она хотела, чтобы я расстегнул?... Я стоял, смотрел, робея прийти на помощь... Она засмеялась: "Ты что стоишь, я же прошу помочь!.."

Было примерно половина одиннадцатого, когда в самый разгар страсти раздался стук в дверь! Марико обомлела, отстранилась и села, прислушиваясь. Стук повторился. "Сейчас!" - крикнула она, накинула халатик и пошла к двери. "Это я, открой!" - потребовал мужской голос. Марико какое-то время стояла в оцепенении, потом включила свет, медленно протянула руку к двери, так же медленно два раза повернула ключ... Вошел тот самый майор, который весь вечер с укоризной смотрел на меня с фотографии в белой рамке.

Я схватил в охапку одежду... Стояло лето, на мне были сорочка, брюки и летние туфли... Я рыбкой скользнул в открытую дверь на уличный балкон и огляделся. Возможности спрыгнуть или спуститься - никакой. Третий этаж, голая стена... По улице прогуливалась пара. Заметив меня, остановилась. К ней присоединилась еще одна пара! Они стояли в ожидании потехи. Из комнаты снова донесся мужской голос. Я скосил глаза... Классический обстав: окурки, чайная посуда, стулья вразброс, разворошенная постель. Майор стоял, опустив голову, и думал Марико притулилась к двери. Муж оглянулся на нее, прошел в переднюю комнату, запер дверь на ключ, вернулся в спальню. Женщина все так же неподвижно стояла, понурившись. Майор подошел к двери моего балкона и, как подобает военному, гаркнул: "Выходи!" Перед опасностью я всегда беру себя в руки и сохраняю совершенное спокойствие. Думаю, что эта особенность свойственна не только мне. Я неторопливо оделся, глянул вниз на сгрудившихся зевак и вошел в комнату.

Остановился на мгновение, окинул взглядом майора, пересек, не торопясь, обе комнаты. Подойдя к двери, хотел было повернуть ключ, но тут подошедший со спины майор опустил руку мне на плечо. Я обернулся. В руке у него была плеть, та самая, с золоченой сеткой и лучащимися яхонтами. Он не произнес ни слова, хлестал и хлестал! Сложения майор был тщедушного, я легко справился бы с ним, но мне и в голову не приходило оказывать сопротивление... Я уклонился - он за мной. Я бегал вокруг стола, плеть была длинной, доставала. Мы сделали по меньшей мере три круга. Майор остановился - то ли устал, то ли решил, что хватит. Тогда я кинулся к ключу и прогрохотал вниз по лестнице.

Зеваки по-прежнему не двигались с места. Я спокойно, с отсутствующим видом (я не я, и хата не моя) прошел мимо них и двинулся дальше по мостовой.

Той женщины я никогда больше не встречал, а если бы и встретил, то, знаю, отвел бы глаза.

Этот мучительный случай, казалось, должен был жгучим стыдом терзать меня, но удивительно, именно после этого происшествия я почувствовал, что могу лицом к лицу встретить любые трудности и неожиданности и, более того, готов к свершению больших дел.

Глава пятая

Гора вылез из спального метка, поразмялся, заморил червячка и взялся определять местоположение. Погода стояла солнечная. Такое солнце не может справиться с морозом,

разве что ослабит его на пару градусов, да и то только в тех широтах, где на ту пору находился Гора. Он держал путь на юг, к Оби.

"Удивительно, до чего быстро я шел... Зря радуешься, тоже мне скорость... Ты ушел в октябре, а нынче начало февраля... Уж как-нибудь за полтора месяца до Хабибулы я доберусь! Доберусь! Если, конечно, не возникнет что-нибудь непредвиденное. Слушай, браток, наше дело идти и вспоминать, благо, невысказанного осталось больше сказанного. Потому и осталось, что все тебе недосуг - то настроения нет, то что-то мешает. А о старике дикаре сколько ты думал, сколько времени на него ухлопал! Так интересно же... Ладно, о чем теперь поразмышляем? С чего начнем? С твоих двенадцати лет, с того возраста, когда идет подготовка к свершениям, накапливаются наблюдения, приобретается опыт, вспомним те времена, явления, людей, обстоятельства. Не будь всего этого, я не пришел бы туда, куда пришел - в тюрьму!.. Это целая эпоха, в нее входят годы репрессий... Верно. С чего начнем? Главным авторитетом той поры был Сталин. Все, что происходило, становилось плодом его гения. А происходило вот что: сталинское понимание мировосприятия человека, народа, нации удивительно точно совпадало с русской поговоркой, а может, изречением, не знаю, не буду спорить... По мне, так это скорее поговорка: "Охохонюшки, тяжело жить без Афонюшки. Кабы Афонюшка жил, кнуты бы вил и нас бы бил". Как полагал вождь, человеку нужен кнут и голод, иначе дело не заладится. Тут, бесспорно, сыграли свою роль его незаконное появление на свет, воспитание и духовное образование - антирелигиозные инстинкты, врожденные и со временем обострившиеся. Мне кажется, что ни в те времена, ни в давние никто на свете лучше Сталина не знал истории человечества. Похоже, в семинариях постижение этой науки считалось делом чрезвычайной важности и особенно той части предмета, где описывался тысячелетний опыт единоличного правления государством, взаимоотношений властей и масс. Вероятно, Сталину волею провидения суждено было стать вождем, иначе чем объяснить его жгучий интерес, особое тяготение к этому предмету? Ему не нужно было создавать ничего нового в этом направлении, вполне хватало и старого. А какой предтеча у него был! Какое наследство оставил ему Ленин - возможность использовать старый опыт в новых условиях! К собственным знаниям присовокупилось мастерство учителя, и составилась богатейший арсенал политических интриг, происков, козней - явных и тайных. Сталин был упрям и жесток в осуществлении своих целей. Он и кровопролитие считал игрой. За эти качества и выбрали его главой партии и правительства, вопреки завету ментора - не делать этой глупости!

Сам учитель никогда не сказал ни единого слова похвалы в адрес своих учеников, в глубине души он каждого из них считал законченным идиотом и подонком - его гениальность сказала и в этом. С помощью сочиненной за письменным столом идеологии учитель сумел привлечь на свою сторону массы, а учении использовал эту идеологию в качестве основы государственного строя и экономики. Как тут откажешь им в гениальности, учителю и ученику?! Кажется, впервые в истории человечества идеология вытекала не из социально-экономических особенностей общества, а наоборот - строй и экономика были созданы в соответствии с надуманной идеологией, и Сталин даже похвалялся этим. И все бы ничего, но на развалинах Российской Империи он задумал построить новое государство, способное распространить коммунизм по всему миру. Эта цель всегда входила в Программу Российской коммунистической партии. Она подтверждалась и символикой - красной пятиконечной звездой, пятью красными материками.

Он был великим прохиндеем - наш вождь. Каких только фокусов он не ведал! Чтобы осуществить поставленную цель, нужно добиться абсолютного послушания человека, всего народа. Как получить желанный психологический настрой в массах? Он взял за руководство вышеприведенную поговорку и начал бить, сопровождая побои самыми различными поощрениями и пропагандой идей. Но этим лишь отчасти была разрешена проблема послушания. Такие люди годились на то, чтобы голодными-холодными восстанавливать разрушенную страну, но не кидаться по мановению руки вождя, куда он велит. Нужен был

гражданин, подданный, которому скажут: ты должен покончить с собой, - а он только спросит: петлей, ядом или пулей? Здесь или где-нибудь в другом месте? Вождь добился этого. И вот каким путем: создал систему такой низкой оплаты труда, что на эти деньги не мог бы прокормиться одинокий, а о семье и говорить не приходилось! Взамен оставлен был кран, из которого текло так называемое государственное имущество, а точнее, добро, созданное руками трудящихся, но отнятое вождем. Когда голод начинает терзать детей, человек идет к крану, подставляет пригоршню и пьет из нее, а проще, крадет. Крадет и тотчас проникается чувством вины. А поскольку для физического существования красть нужно постоянно, то и чувство вины, укореняясь, становится постоянным. Началось повальное воровство, издоимство, разбазаривание государственного имущества. Зато общество уже состояло из граждан, где каждый ощущал свою вину перед законом; тут, конечно, из страха, что при малейшем непослушании тебе припомнят все грехи, упекут в Сибирь и все пойдет прахом, станешь послушным, покорным и верным рабом Вождь просчитал и другое: то, что крали у него, было во сто крат меньше того, что крал он сам у народа. Этот фокус оправдывал себя материально, за гроши покупалась всеобщая молчаливая покорность. Что нужно было для того, чтобы среди двухсот миллионов отобрать непокорных, создать из них многомиллионную армию, вкалывающую задаром в далеких трудовых исправительных лагерях?.. Создать ГУЛАГ, только и всего! У лагерей скажем, кстати, и об этом - было и другое назначение. Вождь прекрасно понимал, что исправить человека трудом или воспитать в лагере гражданина, верного партии и государству, - дело безнадежное. Основная цель создания системы лагерей состояла в физическом уничтожении противников партии и недовольных существующим положением. Уничтожали не только пулей, но и нечеловеческими условиями жизни и труда. Работай, покуда не сдохнешь! Как-то в Караганде, под вечер, я разыскивал знакомого. Мне сказали, что он у врача. Там, как обычно, было много народу, и все с просьбой освободиться от работы на следующий день. Едва я вошел, появился майор - то ли Кулагин, то ли Калугин, начальник культурно-воспитательной части. Он с неподдельным изумлением оглядел собравшихся - почему скопилось столько народу. Ответили - лечиться. Майор улыбнулся: "Вас привезли сюда умирать, а не болезни лечить, занесенные с воли". Выставил всех до единого. Но это он по глупости. Администрации, естественно, запрещалось высказывать вслух настоящие причины.

"А мы вернемся к тому, о чем изначально поведать хотели". Иосиф Джугашвили родился по прихоти крови и потому от рождения был озлоблен на целый свет. Не будь этого, мальчик все свое упорство, если хотите, упрямство проявил бы в стихоплетстве и любви, а не в чтении Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина! Погоди! Видишь, как получается: сложишь обстоятельства иначе, и в стране был бы другой вождь. Ты прав, пожалуй. Откуда нам знать, может, другой был бы пройдохой похлеще. Уж сколько я слышал проклятий на его голову, он еще долго пожил. Сталин любил хорошее вино, "Черную ласточку" и сыр-гуду. Оттого и считали его грузином. Если я люблю пиво, колбаски и Бетховена, стало быть, я немец? В документах он собственноручно писал: русский грузинского происхождения. Кого не устраивает, пусть не верит. Если меня спросить, Сталин ни тем, ни другим не был. У него вообще не было национальности. Он был продуктом октябрьского переворота, социально-политическим феноменом. А что, меньше бы народу расстреляли, если сами русские, евреи или другие члены тогдашнего Политбюро выбрали бы вместо Сталина Генеральным секретарем, скажем, Троцкого или Бухарина? Нет. Возможно, в Тбилиси за семнадцать лет убрали бы в университете не шестерых ректоров, а четырех, но эту цифру восполнили бы за счет меня и моих ближайших родственников, уничтожив восемь человек вместо шести. В тот же период могли расстрелять не двести семьдесят тысяч грузин, а двести тысяч, остальные же семьдесят тысяч по-братски раскидать на другие народы. Великая поблажка! Это гипотеза. Хотя истина такой арифметики не терпит.

Поговорим о Сталине. Родня моего отца происходила из Гори, и местные события она знала в подробностях. Была в Гори девица привлекательной наружности, некая Екатерина, по-домашнему Кеке. Родом из бедной семьи, она славилась умением стегать шерстяные

одеяла, легкие, воздушные, шитые узором по атласу. Там же, в Гори, жил широко и расходисто дворянин Эгнаташвили, купец первостатейный. У супружеской четы был сын Яков, впоследствии по паспорту Александр. Может, грешу, точно сказать не могу... Кеке пригласили в семью стегать одеяла, а кончилось тем, что она понесла от хозяина. Эгнаташвили огласки не захотел, посему приискал жениха - молодого человека Бесо Джугашвили, сапожника и любителя приложиться. Купил дом из трех-четырёх комнат с большим полуподвальным помещением. Подробностей теперь не восстановишь... Тот, кто бывал в Гори в доме-музее Сталина, непременно заметил бы небольшой, в две комнаты, дом кирпичной кладки под стеклянным зонтом. Сталин действительно в нем родился. Но если присмотреться, видна сохранившаяся часть смежной третьей комнаты, потом ее снесли. При благоустройстве двора и сопредельного участка полуподвальное помещение утопили в землю, превратив его в подвал. Эти уловки были рассчитаны на туристов, экскурсантов - словом, на общественное мнение, вот, мол, где ютился великий вождь мирового пролетариата! Об этом я слышал от собственной бабушки и нескольких горийских старожилов. Это сушая правда. Я только запомнил, из скольких комнат состоял дом - трех или четырех. Что до полуподвала, то в качестве бесспорного доказательства того, что он всего на метр уходил в землю, приводили тот факт, что в нем работали тридцать пять сапожников и открыл эту мастерскую для Бесо сам Эгнаташвили. Будущему вождю было всего года три или четыре, когда Бесо Джугашвили окончательно спился. Мастерская разорилась, сам владелец дошел до ручки. Поговаривали, что он переживал свое мнимое отцовство и глушил горе в вине. В это нетрудно поверить, тем более что он от природы пристрастен был к выпивке. Шила в мешке не утаишь, вероятно, пополз слухок, и весть о незаконном ребенке все равно дошла бы до супруги Эгнаташвили. А тут еще у нее родился второй сын Василий, и мать двоих сыновей, как бы уязвлена она ни была, смирилась бы с фактом хотя бы из соображений христианской морали. По всему по этому, Эгнаташвили принимали в своей семье Сосо Джугашвили, растили вместе со своими детьми, то есть ничем не отличали от своих мальчиков, но жил Сосо по большей части с матерью и, разумеется, на содержании Эгнаташвили. Настала пора учиться, и Сосо поступил в Горийское духовное училище, опять-таки благодаря дворянскому званию Эгнаташвили. По окончании его мальчик был определен своим благодетелем в Тбилисскую духовную семинарию - в ней учились отпрыски аристократов и лиц духовного звания. Братья с малолетства были привязаны друг к другу по-родственному. Несмотря на принадлежность к различным партиям: Яков и Василий были национал-демократами, а Иосиф социал-демократом, - они до конца искренне, преданно любили друг друга, доказательством тому их отношения и в последующие годы. Сосо, к примеру, назвал своих сыновей Яковом и Василием, их неподдельное чувство не раз проявлялось и впоследствии. Жизнь развела братьев. Яков отправился во Францию учиться виноделию, пошел, кажется, по стопам отца. Васо отдал предпочтение Московскому университету. Сосо занялся политикой, скитался по тюрьмам, ссылкам, но помощь, любовь семьи и братьев ему сопутствовали всегда.

Началась первая мировая война. Яков пошел добровольцем во французскую армию. В битве под Верденом был тяжело ранен и вернулся на родину с боевыми наградами Франции. Василий по окончании университета занялся в Тбилиси педагогической деятельностью. Сосо к этому времени был уже Сталиным, а не Джугашвили и вскоре занял пост Генерального секретаря, возглавил гигантское многонациональное российское государство. Своеобразно сложились и жизни Якова с Василием. Янов вернулся в Тбилиси при меньшевистском правительстве, то есть в пору независимости Грузии. Покрутившись немного, открыл на Сололакской горе элитарный ресторан, который его стараниями превратился в любимое место встреч тбилисских литераторов, художников - словом, просвещенной богемы. Ресторан существовал, пока Сталин не вызвал Эгнаташвили в Москву. И вот почему: в конце двадцатых годов Советская Россия начала расширять дипломатические связи. Оказалось, что революция и гражданская война не только уничтожили всех гофмаршалов, но и посуды для торжественных случаев не оставили - пришлось искать. Для оживления дипломатических отношений нужно было восстановить хозяйственные службы, и это дело возложили на Якова.

Яков, то есть Александр Эгнаташвили, скончался несколькими годами раньше Сталина и, помню, в некрологе был назван генерал-лейтенантом службы безопасности. Помню и другое. В Белоруссии один из знакомых протянул мне газету "Известия". Он сложил ее так, что, кроме фотографии, не видно было никакой подписи, и спросил, кто это. Я взглянул, формат фотографии был из тех, что обычно предваряют некрологи. На меня смотрел Сталин. Но с такой маленькой фотографии?! И тогда я понял, что скончался Яков, он же Александр. Сталин не обошел вниманием и младшего брата. Перед началом репрессий тридцатых годов Василий по указке Сталина был назначен секретарем Президиума Верховного Совета Грузии - пусть, мол, знают, что он под моей опекой, а если кто и заденет ненароком, тому несдобровать. Васо пережил Сталина. Братья отправились на тот свет в порядке возрастной очередности.

Мать Сталина, Кеке, похоронена в Тбилиси в пантеоне писателей и общественных деятелей. Ее муж, Виссарион Джугашвили, в Телави. Поговаривали, что могила его затерялась, но после смерти Сталина ее восстановили по описаниям очевидцев...

Гора, что за привычка у тебя! Начинаешь об одном и тут же перескакиваешь на другое! Почему? Мы же решили, что будем перебирать события сталинских времен с твоих двенадцати лет и далее. Вспоминаю то, что помнится. Если помнится, значит, как-то способствовало формированию моей личности... Нет, может, было и такое, что не запомнилось, но оставило свою отметину, подействовало как-то?! Полно, будет, договорились рассказывать о том, при каких обстоятельствах шла моя подготовка "к свершениям", так? Да, так. Вот что, к примеру, запомнилось мне из периода коллективизации. В Тбилиси хлынуло множество русских. Я вышел как-то по поручению домашних за покупкой и вдруг увидел посреди мостовой плачущую толпу из женщин, детей и одного-двух мужчин. Дети плакали навзрыд, женщины голосили. Леденящее зрелище. Толпа скрылась из глаз, а я все стоял и стоял, не понимая, что происходит. Когда я вернулся, то ли дед, то ли отец объяснили мне, что в России начался голод и люди бегут, бросая обжитые дома, бегут, куда глаза глядят. В Грузии коллективизация началась позже. Деревня устремилась в город на строительство заводов и фабрик. Проблема жилья решалась просто: утесняли жильцов, занимали чуланы, кладовки под лестницами, останавливались якобы на время у родственников, а потом начинались тяжбы за право на жилплощадь. В городе появилось население, непривычное к городской жизни, и вместе с ним новые порядки, обычаи. В общем, начался бедлам в обители. В деревнях некому было выращивать хлеб, город же переполнился едоками. Система не могла навести порядка, но народ все терпел потому, что, выскажи он любой протест, место для него, как и для раскулаченных крестьян, было заготовлено. Нужно сказать, что довольно многочисленная часть населения, поддавшись агитации и пропаганде, была преисполнена искреннего энтузиазма, верила в то, что в ближайшем будущем будет построено идеальное коммунистическое общество, но мнимые энтузиасты все-таки преобладали. Они жили по принципу: "Держи нос по ветру..."

Нет, так, пожалуй, ничего не получится. Лучше вспоминать о людях, их настроениях, характерах. По мне, так если бы наши летописцы побольше обращали внимание на человеческие характеры, вместо того чтобы растрчивать свой талант на похвалы царям, описания придворной жизни, войн и эпидемий, то эпоха яснее бы обозначилась... Время создает людей, а человеческие поступки, отношения и мышление воспроизводят точную картину эпохи... Разумеется!.. Это еще что такое?!"

Гора шел уже по местности, чреватой большей опасностью встреч с людьми, чем в верхних широтах. Раз ему послышалась музыка, он замер. Несмотря на то, что звуки лились издали, а стоянку Гора выбрал для продолжительного отдыха, он торопливо снялся с места. На второй день пути он вдруг увидел хижину-временку. Дверь заменяла штора, а у порога дымился трухлявый чурбан - чтоб не проникала вовнутрь мошकारа. Из хижины вышел седой бородач, выбросил мусор и вернулся обратно. В незастекленную форточку виднелась голова бородача. Гора навел подозрительную трубу - тот писал, сидя за столом.

"Я совершил две непростительные глупости. Одна из них в том, что нужно было держать маскхалат под рукой и вовремя укрыться от самолета. Я должен был предусмотреть эту опасность. Промашка вышла. Вторая глупость в том, что я убежал от звуков музыки. Чего бежишь, кто за тобой гонится? Этого бородача я высижу, может, и выгода какая будет. Еда кончилась, ноги не слушаются. Э-э! Никак, лошадь заржала! Опять, надо же! Скажи, какой я болван! Столько времени тащусь, и ни разу в голову не пришло, что можно лошадь раздобыть, то есть украсть! Откуда донеслось ржание? Оттуда! Сходить, что ли, посмотреть? Поляна - рукой подать. Скорее всего, там и пасется... Далеко не пустил бы, она где-то здесь, ясное дело..."

Гора взялся было за поклажу, но, передумав, пополз к лошади. Спустившись с косогора, встал на ноги и продолжил путь. На поляне, искрившейся под лупами солнца, паслась вороная лошадь, пощипывая проклюнувшуюся местами из-под снега траву. Ему припомнилась почти такая же картина студенческих времен: лошадь на лугу в окрестностях Икалто, только та была белой и паслась на траве, умытой дождем.

Гора спрятался за толстую сосну и замер - точь-в-точь как тогда, в окрестностях Икалто.

Раздались звуки шагов, скрип сапог, приминающих снег на сухой хвое. Гора приник к земле, проследил взглядом за бородачом. Тот ступал по лугу твердым, размашистым шагом, но ходьбе его недоставало молодой легкости, он был стариком. Бородач прошел совсем близко, направляясь к лошади. У Горы возникло ощущение, что он видит его и намеренно отводит глаза. Бородач подошел к лошади, снял путы с ее ног, повел к хижине. Он шел, а Гора ждал, что сейчас, вот сейчас он обернется и посмотрит ему в глаза. Не обернулся, скрылся в чаще. Гора выждал немного и, вернувшись на прежнее место, продолжил наблюдение.

Бородач вертелся возле лошади, может, в путь собирался.

"Давно перевалило за полдень. Куда и зачем ему идти? Если по делу, то для дел время позднее. Да и место тут, прямо скажем, такое, что к соседям поболтать не сбегаешь... Навьючивает лошадь... Что, вообще снимается?.. Пусть, хижина мне достанется... Что он вынес? Ого, да он старатель, вон инструменты укладывает... Как же так? Разве не с утра нужно ездить?.. Что ты привязался, когда хочет, тогда и едет... Золото и после полудня намыть можно! Мы в этих делах не очень-то смыслим... Оглядывает окрестность... Обычно и ты осматриваешься перед уходом. Ага, двинулся. Пойдем за ним. Поглядим, куда путь держит. На кой он нам! Только бы умотал подальше отсюда, ничего больше от него не требуется..."

Бородач скоро скрылся. Гора опасливо прошелся, выбрал удобное смотровое местечко. По его расчетам, именно отсюда он бы мог проследить с помощью подзорной трубы за перемещениями бородача вплоть до горизонта. Так оно и вышло, но тот, отъехав всего метров пятьсот, остановился на берегу ручья, снял поклажу, привязал лошадь, проломил тонкий лед и стал промывать песок, но почему-то все время тревожно озирался.

Гора двинулся к хижине.

"Меня не оставляет мысль, что он откуда-то знает о моем присутствии .. Может, у него есть основания кого-то бояться? Или ему кажется, что кто-то охотится за его золотом? Руку на сердце, нужна изрядная смелость, чтобы держать при себе золото в этом безлюдном, Богом забытом месте .."

Сначала Гора обошел хижину, потом заглянул в форточку. С особенным тщанием изучив окрестность, он даже потянул носом воздух и, отважившись наконец, отодвинул штору: узкая тахта, сколоченная из жердей и покрытая овчиной, приземистый, из жердей же столик, печка-временка и под форточкой небольшой дощатый стол - ничего больше. На жердяном столике сложена чистая посуда, а на дощатом - пачка тетрадей различной толщины. Одна

школьная тетрадь была раскрыта, на ней лежал аккуратно заточенный карандаш. Под потолком висела на крюке большая полевая сумка с приколотой запиской. Она легко прочитывалась - хижина была приземистой, Горе даже на цыпочки стать не пришлось. Красивым, легким почерком было написано, что в сумке лежат отложенные для хозяина хижины продукты, точное количество жизненно необходимого. Для гостя же еда в кастрюле. Может отведать. Вне этого гость имеет право взять только десять патронов двенадцатого калибра. Ни в коем разе ничего другого. Хозяин хижины знает обо всем и даже уверен в том, что приход гостя не вызовет осложнений. Встретаться нет нужды! Пусть ест и уходит, да не трогает ничего, не то ему не поздоровится!..

Кастрюля стояла на полке. Гора снял ее, заглянул - ячменная каша, щедро приправленная топленым маслом. Подошел к столу под форточкой, сел и стал есть. Заглянув в тетрадь, прочел несколько строк. Ему подумалось, что этот человек явно один из учителей того Коли, что дал ему оленя. Гора продолжил чтение:

"Сила, противостоящая власти, должна существовать всегда, она светоч, надежда, упование, без нее народ - масса, а не нация. И это надо знать каждому гражданину, обществу. Власть, со своей стороны, постоянно ощущая, что с ней борются, должна противостоять оппозиции. В этом противостоянии приобретаются защитные рефлексy, отрабатываются средства и приемы борьбы с любыми переворотами. Уничтожая противодействующие политические силы, диктаторы совершают непоправимую ошибку, поскольку лишают себя возможности совершенствоваться, тормозят процесс разработки методики борьбы. Чем жестче давление, тем сильнее сопротивление. Чем тяжелее условия, в которых приходится действовать оппозиции, тем интенсивнее улучшает она стратегию и тактику борьбы и в этой постоянной устремленности к совершенству побеждает. В этом одна из основных причин падения диктатуры".

Гора мотнул головой, проглотил кусок, перелистал тетрадь и продолжил чтение:

"Когда государство управляет экономикой, когда гражданин с помощью зарплаты, получаемой за свой труд, не может обеспечить себе прожиточный минимум, он вынужден красть или каким-то иным незаконным доходом обеспечивать себе этот минимум. В таком обществе создастся прослойка казнокрадов, которая задаст тон жизни, и воровство как поступок становится достоинством, а не позором, люди гордятся им, а это уже маразм системы". * * *

"Да он философ!.. Интересно, а что он думает об интеллигенте нового типа, порожденном русским социализмом? Чем обусловлено его становление? Тяжелое существование в обход законов в условиях насилия, несправедливости; необходимость хитрить, предавать, ловчить, чтобы избежать ссылки в Сибирь; борьба за выживание в тюрьмах и исправительно-трудовых лагерях, если не удалось отвести от себя арест. Только бы не умереть! Вот каким путем приобретался жизненный опыт, и в общество возвращался интеллигент социалистического настоя, познавший жизнь со всей ее изнаночной стороной, эрудированный матерый разбойник, активно использующий букет благоприобретенных качеств в борьбе с той системой, которая посягнула на его принципы существования и превратила в раба надуманной идеологии для сохранения единства империи. Конечно, империя развалилась бы! Разве могла быть у нее иная судьба?!

Подпись есть, но намеренно неразборчивая. "Прус", а потом какие-то загогулины... Кем бы он ни был, человек он порядочный, да!.. Интеллигент нового типа. А по нынешним временам - уже устаревшего типа... Теперь он помышляет о том, как бы разбогатеть законным путем и почтить где-нибудь на юге, в собственной избе или дворце.

Я ведь тоже интеллигент, порожденный социализмом. Имею ли я право красть лошадь? Господи, как полегчает суставам Горы Каргаретели, будь у него кляча... Полегчает, еще как! Нельзя! Украсть - значит оставить след и присовокупить к своре поимщиков еще одного в

лице разъяренного владельца лошади!.. Вот тебе и десять патронов... Ничего не скажешь, необычная ситуация: так и уйти, "спасибо" не сказав интеллигенту социалистического толка? Он прав, нет нужды. Если бы хижина была без хозяина, брошенной, ты бы поел, прихватил что-нибудь с собой - конечно, самое необходимое - и... Стал бы дожидаться, чтоб "спасибо" сказать? Это было бы слишком вежливо. Пора уходить. Интересно, когда и как он меня заметил?.."

На другой день Гора вдруг услышал топот копыт. Сначала он подумал, что показалось. Прислушался - так и есть! Решив укрыться, Гора, чтобы не оставлять следов, свернул на незаснеженную тропу. На пригорке тянулись к небу крупные сосны - три или четыре. Выбрав укромное местечко, Гора залег. Стал наблюдать... Извини-подвинься, вон она, ворона, старатель восседает на ней собственной персоной. И остановился он именно там, где Гора свернул с пути, и именно так, будто заметил следы...

– Вылезай, чего прячешься, все равно вижу! - сердито крикнул всадник.

Гора, не долго думая, встал, сунул ружье под мышку, подхватил сани и, с лыжами на спине, двинулся навстречу пришельцу.

– Вы это мне, уважаемый? - на всякий случай издали осведомился он.

– Где моя лошадь?! Я вас спрашиваю, куда девалась моя лошадь?!

– Какая, уважаемый?

– У меня была одна, вороная!

Гора несколько растерялся. Оглядев всадника, он осторожно заметил:

– Вы сидите на своей лошади!

Старатель спешил, уставился на лошадь и, вскочив в седло, повернул обратно.

Гора долго смотрел ему вслед.

– Эта страна населена придурками. Целый день провел в седле и не знал, что под ним вороная? - проворчал он и пошел своей дорогой.

"Интересно, что бы значил этот финт? Хотел посмотреть, что я из себя представляю, и прикинулся дурковатым?.. Он тебя раньше видел, потому письмо оставил, накормил и... Ты прав, он из придурков!.. Кому еще в башку втемяшится намыывать золото среди зимы?! К тому же я склонен думать, что это не золото, а пирит. В Заполярье пирита навалом... Помнишь, в Норильске, когда город строили, или в Магадане земля так и сверкала, думали золото, а оказался пирит... Ладно, уважаемый, я так полагаю, что история пустяковая и голову ломать над ней не стоит, подумаем о чем-нибудь другом...

Люди сталинских времен... С кого начнем?.. Не имеет значения, с любого, кто был арестован в тридцатые годы. Массовые аресты начались в тридцать шестом... Мы не с этого времени начали свои воспоминания. С моих двенадцати-тринадцати лет? Хорошо. Тогда расскажем о девице Мачабели. Снова к Сталину вернулись?.. Отчасти так. Склонность к благотворительности, проявленная Сталиным в пору его молодости, свидетельствует о том, что он не чужд был сентиментальности. Сосо учился в духовном училище, писал стихи, когда влюбился в красавицу, дочь князя Мачабели. Увлечение было таким сильным, что юноша из желания чаще видеть девушку нанялся в прислуги к ее отцу. Обязанности у него были несложные: встретить гостей, помочь снять верхнее платье, разместить его на вешалке и прочие необременительные дела. Зато у него была возможность видеть украдкой свою возлюбленную. Удивительно, что дворянин, первостатейный купец Эгнатшвили разрешил

своему пасынку пойти в услужение, стать мальчиком на побегушках у князя Мачабели. Еще раньше, во времена моего детства, современники объясняли этот факт безграничным упрямством Сосо, его умением настоять на своем. По окончании каникул он вернулся в духовное училище. Как долго продолжалась влюбленность юноши, история умалчивает, но известно, что Мачабели навсегда запомнила грустные, выразительные глаза Сосо, что совершенно естественно, если учесть, что в результате тяжелой и неизлечимой болезни девушка лишилась ноги, женихов перебирать не приходилось, и во умножение несчастий, в советской Грузии она лишилась средств к существованию. В Тбилиси Мачабели жила в тесной, узкой комнатенке. Чем питалась - неизвестно. Известно лишь, что она поддерживала тесные отношения с "гаремом Джимшеда". В конце двадцатых годов девица Мачабели переехала в благоустроенную квартиру, обставила ее добротной мебелью и стала опекать нищих и бесприютных женщин. Дед Гора Каргаретели вынужден был признать ее квартиру филиалом "гарема" вот до чего дошло. Счастье, привалившее вдруг девице Мачабели, следует приписать настояниям ее друзей - напхни о себе Сталину, напиши ему, как ты нуждаешься, может, порадует. Она написала, и - о диво, Божья воля, козни дьявола! К девице Мачабели пожаловало правительство в полном составе и, узрев тесноту, предоставило ей хоромы, назначило пенсией на "пропитание". Спустя небольшое время пришла посылка от самого вождя - дары, словами неопишуемые, радость сердцу и отрада душе. И это пустяки - отныне и до скончания девица Мачабели ежемесячно получала вспомоществование от вождя. Люди, сведущие в подобных делах, поговаривали, что эти двести двадцать пять рублей - партмаксимум Генерального секретаря! Помимо того, госпоже Мачабели ежемесячно поступала на так называемый "Торгсин" определенная сумма в валюте. Разумеется, все это сильно облегчило существование не только госпоже Мачабели, но и "гарему Джимшеда". Любезное внимание длилось до самой смерти госпожи Мачабели, но едва покойницу опустили в могилу, милосердия как не бывало... Странное дело. Похоже, вождь получил от грузинских властей соболезнующую эпистола, иначе как он мог так вдруг узнать о кончине своей любезной? Обитатели "гарема", и не только они, горевали и довольно долго. Вот только что составляло предмет их печали - ее кончина или потеря кормушки..."

Митиленич оформил командировку и отправился в Уренгой. Он надеялся получить информацию в городе, где до ареста жил и работал Иагор Каргаретели. Сведения нужны были, конечно, дополнительные, а те о суде и приговоре он и так знал из дела. Митиленич никак не мог понять, что "привело Гору из рая, именуемого Грузией, на Дальний Север, который иначе как адом не назовешь", ведь у него "на воле всего было вдоволь, да и в заключении, если уж честно, он не голодал". Еще Митиленича интересовало, с кем был связан Гора в Уренгое и почему закончилось его пребывание в этом городе. Может, его арест и вызван тем, что не заладились отношения с имяреком... Ответ на первый вопрос, почему Гора уехал из Грузии, в деле поимки Каргаретели имел значение, скажем, третьестепенное. Установить же уренгойские связи было чрезвычайно важно - а вдруг да надумает Гора вернуться сюда в поисках пособников, укывища... Или с какой-нибудь иной целью.

Свое пребывание в Уренгое Митиленич считал оправданным. Более того, обдумывая в самолете результаты командировки, он руки потирал от удовольствия, при этом губы его морщила довольная улыбка.

По возвращении, едва войдя в кабинет, он направился к рельефной карте. Поразмыслил, недовольно помахал руками, подсел к письменному столу и снова ушел в свои мысли.

"Нужно уточнить хронологию. На данный момент в Уренгое нет ни этого Санцова, ни Полины Цезаревой - его любовницы. Они исчезли после того, как Каргаретели получил срок. Дело тянулось долго. Два человека утверждали, что Гору не должны были арестовывать. Санцов и Цезарева выждали, пока Каргаретели вынесли приговор, и исчезли. Так-то, Митиленич! Теперь нужно докопаться, почему, что за этим кроется!.. Да, о нем говорят, что в деньгах он не нуждался, жил по-холостяцки умеренно... Нет, была у него и любовница, и друзья, любил кутежи, но в меру... Не знаю, не знаю... С другой стороны, та баба, еще в бытность

любовницей Каргаретели, завела себе нового любовника Санцова. Если он подлежал аресту, какие силы затягивали следствие, чем объяснить, что дело четырежды возвращали из суда на доследование, чья рука тут действовала?.. Сам Каргаретели, как мне сказали, пальцем не пошевелил для своего освобождения... На сегодняшний день о Санцове ничего не известно. Сплошная путаница. Ладно, куда исчезли Цезарева и Санцов?.. Вместе бежали или раздельно? Погоди, погоди, нужно поискать, кто работал в Уренгое, а потом перебрался в другой город. Легко может статься, что Цезарева уехала вслед за новым любовником на новую работу... Э-э-э, Митиленич, наплел с три короба!

Как бы там ни было, искать нужно нового любовника. Цезарева с ним, ясное дело... Если вся эта конструкция заслуживает маломальского внимания... Заслуживает, Митиленич!.. Да, вот еще: кто такой этот Ашна, где он? Это кличка, а нам нужны имя, фамилия, местонахождение... При чем тут он? Бывший зэк, то ли татарин, то ли узбек? При том, что... Говорю, надо установить!..

"Теперь кое-что о тех, кого успели убрать: расстрелять или в лагерях извести. Не представляю, какими мотивами должны были руководствоваться власти, чтобы тратить время и силы на уничтожение таких людей, как, скажем, Захарий... Господи, как же фамилия этого придурка?.. Служил он некогда в охране Сталина и был, в общем, не старым, но от той службы его освободили то ли по болезни, то ли по дурости. Он доводился нам дальней родней. Приходил очень редко, по большим праздникам - на Новый год, день рождения деда Иагора. Бывало, год пройдет, так и не появится. Есть такие родственники. Его приход означал одно - восторженные разговоры о Сталине. Он рассказывал много всякого, но Эрекле Каргаретели особенно нравился случай, когда Сталин... Нет, начнем сначала, право, стоит труда. Мой отец назвал эту новеллу "Сталинианой по Захарию". Из всего рассказанного Захарием мне она тоже кажется значительной, поскольку точно передает психологический настрой людей тридцатых годов.

В те поры Захарий "охранял" Сталина на одном из курортов, то есть сидел в кустах и обзирал окрестности.

Со времен Сталина и поныне парки правительственных дач всегда обносились надежной оградой, но самому отдыхающему подходить к ограде возбранялось. Почему - Бог весть. На прогулочных тропинках, то есть на приличном расстоянии от ограды, были установлены небольшие таблички с предупреждающими надписями - граница, дальше не ходить, - а у ограды, в том или ином укрытии, сидели охранники. Обязанности их были несколько расплывчаты, потому как часовые снаружи, естественно, никому не разрешили бы лезть через стену, да и среди отдыхающих вряд ли сыскался бы желающий выйти таким путем. Вместе с тем охранник в засаде не имел права одернуть отдыхающего, нарушившего границу, да он, собственно, вообще никаких прав не имел, даже права пикнуть, если его шарахнет по голове булыжником. Скажем, идет Лазарь Моисеевич Каганович, перешагнул черту. Ты что, вылезешь и гаркнешь: давай, мол, назад?! Что ты, милый, попробуй высунься... Шевельнуться нельзя... Словом, сидит Захарий за кустом, охраняет Сталина. Теперь о том, как он рассказывал...

— За три года работы Сталина я видел всего раз. Служба, знаете, то туда перебросят, то сюда. Нет, издалека видеть приходилось, как же, но так, чтобы вот-вот, совсем близко, всего раз. Что правда - то правда. Куст был большим, разлапистым, как-то он называется, не помню. Сижу себе, и вдруг появляется на моей тропинке Сталин. Идет, скрестив руки за спиной. Остановится, на что-то посмотрит или на небо глаза вскинет, подумает-подумает и снова пойдет. Сам знаешь, много забот у него. Идет себе, уточкой переваливается. Приближается ко мне. Покуда к табличке подошел, остановился раза три-четыре. Гляжу промеж веточек и промеж листочков, гляжу на него, а про себя думаю: подойди, ну, подойди поближе, хоть рассмотрю, как положено. Подходит к табличке, останавливается, читает. Руки по-прежнему за спиной держит, думает. Потом, смотрю, идет дальше, оставляет за спиной

табличку и направляется напрямиком ко мне, ты подумай! Сижу - не дышу. Снова останавливается, куст разглядывает - мой куст, под которым я сижу, тот самый. Досада меня взяла, не приведи Господь, заметит и скажет старшему, кто это в кустах у тебя сидит! Уволят как пить дать! Да дело и не в том, что уволят, без него мне жизнь не в жизнь. Им дышу, такому человечеству служу, шутка? Да, так вот, сижу я, а он приближается! Вплотную подошел к кусту, замешкался, осматривает ограду. Осмотрел. Делает еще несколько шагов и останавливается ровно над моей головой. Да это только так говорится, а видеть-то он меня не видел! Стоит, озирается по сторонам.

Убедился, что никого нет, вынимает и мочится. Мочится, поливает меня, а попробуй пошевелись - не положено! А чего мне шевелиться, это же Сталин! Закончил, стряхнул капельки, упрятал, застегнул пуговицы - так все красиво делал, очень красиво, - повернулся и пошел себе уточкой переваливаться...

Чувства юмора у Захария не было даже в зачаточном состоянии. Рассказ он начинал, правда, спокойно, но постепенно, по мере того как нарастало возбуждение, лоб и подбородок покрывались капельками пота, голос доходил до крика и вдруг прерывался, словно кто топором отсекал цепь слов.

Пошел слух, что Захария обвинили то ли в желании, то ли в намерении убить Сталина. Слух оказался ложным. Взяли его за болтовню, за то, что осмелился выставить в неблагоприятном свете нашего любимого вождя! Весной тысяча девятьсот сорокового он вернулся целым и невредимым. Написал письмо генеральному прокурору, дескать, спросите у Самого, так ли это было. Представляю, как гоготали в кремлевских кабинетах, но простить унижения вождя чекисты не смогли, а посему Захария вновь арестовали и на сей раз расстреляли.

Была бы моя воля, я бы внес его в книгу Гиннеса. Найдется ли еще в мире человек, на которого лично писал товарищ Сталин?

Для меня репрессии начались с ареста господина Бесо Зедгинидзе. В семье стало известно, что он арестован! Бесо Зедгинидзе был другом деда Иагора, ученым с именем, европейски образованным интеллигентом. Деликатности он был чрезвычайной. Отправился однажды господин Бесо с неким ученым вдвоем в экспедицию. Жили в крошечных палатках. Как-то раз поутру Бесо взялся готовить завтрак, - коллега, дескать, проснется, накормлю. Коллега не проснулся... Ни днем, ни ночью - он скончался! А господин Бесо только на следующий день позволил себе поскрестись в палатку, дабы разбудить мертвеца...

Пришел как-то господин Бесо к деду Горе. Они побеседовали, сели за шахматы. Сыграли партию, другую, и вдруг гость стал проявлять заметное беспокойство, даже я обратил на это внимание. Дед Гора спросил друга, не может ли он чем-нибудь помочь ему. Оказалось, что старик по просьбе родных купил с рук на Майдане лекарство для больного зятя и должен был отправить его с оказией в Москву. Знакомых в московском поезде не случилось, и он вынужден был просить об услуге совершенно незнакомых ему двоих мужчин представительного вида. Те с радостью взялись выполнить просьбу, записали адрес больного. Господин Бесо, естественно, не просил их тогда представиться - в подобной ситуации это означало бы проявить недоверие, а он нисколько не сомневался в их честности. В разговоре мужчины обращались к нему по имени-отчеству, значит, были наслышаны о нем. И вот теперь старик сокрушался о том, что, может, и тем мужчинам хотелось представиться, чтобы господин Бесо знал, кто оказывает ему услугу. "Совсем я выжил из ума", досадливо махнул старик рукой. Дед Гора засмеялся, потом задумался и недоуменно развел руками, кто знает, как следует поступать в таких случаях. "Вообще-то тебе везет на подобные ситуации", - заметил дед Гора. Они припомнили другой случай, относящийся к началу двадцатых годов.

Господин Бесо получил телеграмму от своего русского коллеги с извещением, что тот приезжает в Тбилиси и просит его прийти к десяти часам утра в гостиницу "Ориент". Господин

Бесо прихватил с собой младшего сына лет одиннадцати-двенадцати, с тем чтобы после назначенной встречи сходить в баню. Дорогой они встретили Иагора Каргаретели, он тоже шел искупаться. Господин Бесо уговорил его заглянуть с ними ненадолго в гостиницу, а потом пойти вместе в баню, поскольку номер заранее был заказан Иагор согласился. Поднялись на этаж, стали искать комнату. Двери были смежными, скажем, одна помечена номером двадцать три, другая - двадцать пять. Господину Бесо нужна была комната двадцать три, а постучался он по рассеянности в соседнюю. Коллега, ожидая друга, решил, что это к нему, и живо откликнулся, приглашая войти. Господин Бесо, не чинясь, распахнул дверь... и о ужас! Перед ним стояла дама в исподнем. Завидев в дверном проеме мужчину, она вскрикнула, и господин Бесо со словами: "Простите, господин!" - с быстротой молнии захлопнул дверь. Тут на пороге соседней комнаты появился коллега, радушно приглашая гостей войти.

Побеседовали, обговорили все, что нужно, и ушли. Дорогой мальчик спросил отца, почему он обратился к женщине "господин". Тот объяснил, что сказал так намеренно, дабы женщина, полагая, что ее приняли за мужчину, не испытывала чувства стыда.

Таким был профессор Бесо Зедгинидзе. Спустя время к нам как-то зашли друзья отца, и один из них упомянул господина Бесо. Отец рассказал этот случай. Реакция была точной - молчаливое раздумье. Потом я узнал, один из них назвал эту историю "Страстями Зедгинидзе".

Кого еще арестовывали и уничтожали? Кого только не... Вскоре после того как вошла Красная Армия и Грузия советизировалась, в Тбилиси пожаловал Сталин. Была устроена встреча с рабочими в клубе имени Плеханова. Сталина освистали, согнав с трибуны. Перед тем как покинуть зал, он бросил два слова - погодите, погодите! Ушел поджав хвост. Тут же Орджоникидзе, а потом и Берия составили полный список присутствовавших. В тридцатые годы этих рабочих всех до одного расстреляли. Сразу по окончании учебного года нас, студентов техникума, забирали в авчальские лагеря; в течение двух месяцев мы несли военную службу, а точнее, проходили подготовку. У нас были отличные командиры, увешанные орденами, участники войн - первой мировой и гражданской. Мы были мальчишка-ми, но держались ветеранами. Наши командиры только улыбались. Они любили нас за прилежание, а мы их за то, что они отечески относились к нам.

Было засушливое лето, воскресный день. Я стоял на часах возле продуктового склада. Метрах в двадцати теснились в ряд времянки из дикта, в которых жил командный состав. Вдруг откуда ни возьмись крытая машина с чекистами. Загребли всех, кто оказался дома... Господи Боже - капитан Демчук, майор Ханамиров, майор Долидзе... Одиннадцать офицеров, одним махом... На второй день состоялся большой митинг. Выступали младшие командиры, солдаты и так искренно, с такой ненавистью клеймили "изменников родины", что неискушенный мог бы поверить. В студенческой роте остался один-единственный командир - капитан Хурцилава, его арестовали позднее. Об их дальнейшей участи я ничего не слышал.

Господь Всемогущий, какие люди попадали в сети! В нашем "жакте", то есть домоуправлении, работал некий Тарас, как-то раз один из сотрудников, побывавший в отпуске, в шутку сказал ему: "Был я в Харькове, там Тарасу памятник поставили, может, тебе, ты ведь тоже воевал". К сведению: Тарас был солдатом одиннадцатой армии, той самой, что осуществляла аннексию Грузии. Сообщение сотрудника пришлось по душе освободителю, воевавшему и на Украине. Преисполненный гордости, он то и дело повторял: " Попрошу уважения, мне памятник в Харькове поставили!" Зачем его было расстреливать, кому мешала его болтовня?

Совершенно непонятно, в чем провинились сестры Майгур, две выжившие из ума старушки. Обе остались старыми девами, несмотря на то что наружность в молодости имели самую что ни на есть привлекательную. Старшая не вышла замуж потому, что ей, восемнадцатилетней, какой-то русский поэт признался по пьянке в любви и она прождала его всю жизнь, до старости. Младшая не вышла замуж из уважения к старшей. Они трудились, едва сводили

концы с концами Взяли и их - выживших из ума старушек, а в комнату, им принадлежавшую, поселили парработника.

Попал в выдвиженцы некто Ладос Джанджаладзе, и назначили его управляющим "Шелкотреста". Мой отец работал юрисконсультаном в нескольких учреждениях, включая и упомянутый трест, и случилось так, что Джанджаладзе пришел в нашу семью к праздничному столу. Гостей было человек двадцать, мужчин и женщин. В самый разгар застолья Джанджаладзе вдруг вытащил спичку из коробочка и стал ковырять ею в ушах. Потом старательно вычистил спичку о край скатерти и как ни в чем не бывало продолжил свое занятие. Расстреляли и Джанджаладзе.

Вот некий Богиначвили, ревизор. В одном из магазинов, среди книг, списанных заведующим по той простой причине, что их никто не покупал вот уже много лет, он вдруг увидел труды Ленина и возмутился: "Хочешь списать книги любимого Ленина, да?" Написал заявление, по которому "виновника" арестовали.

В Гурии скончался пожилой человек, отец семейства. На поминках тамада поднял тост за его репрессированного сына - все, дескать, бывает. Виновен он или нет, осталось сидеть два года. Жаль только, что отцу не довелось дожидаться возвращения сына! Вот и все, что сказал. За это тамада оказался в тюрьме, скончался в лагерях. Сын покойника вернулся, впоследствии получил реабилитацию и даже восстановил себя в партии...

Господи, не ко времени сказано, но допустим, мы все преодолеем, доберемся до вотчины Ашны, дойдем и до хижини Хабибулы, а там в условленном месте не окажется ключа от нее? Может же быть? Жизнь, она и вообще не многого стоит, а тут - грош ей будет цена, Гора! Помнишь, почему принял смерть Христофор Рачвелишвили? Может, и удалось бы ему избежать казни, но он сам пошел на расстрел! На одном из допросов ему дали прочитать показания, написанные рукой его самого близкого и верного друга. Обвинения, непомерно раздутые, были изложены в нужном чекистам свете. Самого Христофора, язвенника, рафинированного интеллигента, они ни под какими пытками не смогли заставить подтвердить прочитанное. Христофор потребовал очной ставки, настаивая, что это провокация, друг не мог оклеветать его, разве что силой заставили. Чекисты согласились на очную ставку. Христофор, вернувшись в камеру, после мучительных раздумий решил: "Если мой друг действительно дал эти показания и повторит их на очной ставке, я все подтверждаю, пусть меня расстреляют, мне не для чего больше жить..." Тот человек повторил свои показания. Христофор подтвердил. Его расстреляли...

Осенью тридцать шестого года Берия устроил митинг. Он зачитал "Разведем в прах врагов социализма", написанное им самим или кем-то другим. На митинг сошли триста тысяч человек, все предприятия и учреждения города Тбилиси в полном составе. Кто бы дерзнул не прийти? Митинг начался большим докладом, изданным впоследствии брошюрой. Через каждую пару абзацев клика в толпе устраивала овации. Собравшиеся надсаживались в криках "ура", рев стоял такой, что стены дрожали. Кто и почему поддерживал ораторов? Из-за неполадок с микрофонами никто и половины слов Берии не слышал, но поддерживали, конечно, все, хотя бы из страха, как бы рядом стоявший не усомнился в его лояльности. Эти "всеобщие одобрения" любых мероприятий властей и сделали возможной массовую бойню людей.

Времена были необычными. При творимом вокруг произволе все же существовали люди, и их было немало, которые верили в строительство коммунизма, а отсюда и в необходимость жертвенности. В техникуме я был одним из секретарей нашей комсомольской организации. Митинги следовали один за другим. Мы все дружно хлопали в ладоши, в овациях недостатка не было, но одновременно, по составленному заранее сценарию, среди ораторской паузы из зала раздавались лозунги примерно такого содержания: "Да здравствует красный корабль, уверенно рассекающий черные волны мирового океана на пути к коммунизму!" За ним

следовал другой возглас: "Да здравствует гениальный рулевой красного корабля, вождь мирового пролетариата, товарищ Иосиф Виссарионович Сталин, который своей стальной рукой ведет корабль с алыми парусами!"

После чего оратор продолжал свое выступление до следующей паузы, заполняемой лозунгами и возгласами.

В ту пору многие из слушателей нашего техникума ушли на разные курсы при НКВД или в училища: кто связистом, а кто радистом, совершенствовать свое мастерство. Несколько человек из техникума были отчислены как дети "врагов народа". Меня не отчислили, но от должности секретаря комитета комсомола освободили... Тогда секретарем райкома был некто Лашхи. Он вызвал меня и... Спустя много времени я встретил его на строительстве города Норильска, он держал в руках кирку и долбил мерзлую землю...

По правде, среди тех, кого арестовывали и уничтожали, были люди разного толка, трудно упрекнуть правящие круги за желание избавиться от некоторых из них. Васо Арабидзе, актер, в прошлом меньшевик. В свое время бежал из мурманской ссылки, для того чтобы в тысяча девятьсот пятом году бороться на московских баррикадах. Максим Горький написал воспоминания о нем. На таких людей, конечно, охотились. Причина кроется, по-моему, в том, что чекисты были убеждены: человек, принимавший активное участие в революционном движении, свержении царизма, станет домогаться власти или выскажет недовольство существующим строем, а стало быть, возьмется за "антисоветскую пропаганду". Иными словами, Васо Арабидзе и ему подобных замели всех как потенциальных врагов, хотя своих прав они ни на что не предъявили.

Партийные ряды подвергались регулярной "чистке", созывались какие-то комиссии, называемые в народе "комиссиями по похоронам заживо". Жертвой этого "общественного порождения" стал Варлам - кажется, так его звали Пирцхалава. Он был из семьи тех Пирцхалава, которые всю жизнь вели активную революционную деятельность, не раз арестовывались и ссылались еще до революции. Гигла, один из сыновей Варлама, стал впоследствии известным художником и скульптором. Гигла был моим ровесником. После ареста отца его исключили из школы; он нарисовал Буденного и отправился в другую школу вот, мол, я! Его приняли не в эту, а в третью школу, но главное другое. Когда начались реабилитации, он внес заявление в прокуратуру о реабилитации отца. Ему предложили прийти через пару недель. Пришел. Выдали справку о реабилитации, но не отца, а матери! Оказалось, что вместе с отцом подлежала аресту и мать, но, поскольку она была на сносях четвертым ребенком, ее не забрали. Тем не менее соответствующее ведомство сочло ее расстрелянной она была в списке, вот и получила реабилитацию!..

Участились случаи побегов молодых за рубеж.

Возник буквально промысел по переходу через границу, я уж не говорю о тех, кто когда-то где-то учился за границей или хотя бы находился там пусть даже небольшое время. Их вообще стерли с лица земли!

За что преследовали несчастных хевсуров, мне и по сей день непонятно. Они и без того были народом, утратившим свою функцию. В прежние времена враждовали с горцами по ту сторону Кавказского хребта, пытаюсь тем самым самоутвердиться, занимались животноводством - словом, жили, как умели. Часть хевсуров в насильственном порядке переселили в долину. Эта непонятная депортация была завершена во вторую мировую войну. Сравните: хевсуры, вековавшие в горных высях, потомки славных богатырей, принимавших участие в крестовых походах, и вдруг - долина, сады и виноградники!

Работал в поликлинике завхозом один человек - запомнил его фамилию. Я только помню, что никогда не мог понять, кашляет он или чихает. Познакомились мы с ним в поезде. Я играл

в детской сборной Грузии по баскетболу. Команда возвращалась из Киева. Я оказался с ним в одном купе. Познакомились. У него была одна, я бы сказал, странная привычка: перед тем как выйти из купе, он ваткой, смоченной в спирте, протирал дверную ручку, дезинфицировал и только потом брался за нее... Интересно, как он управлялся с дверью нужника перед расстрелом?..

Время было удивительным, да и люди были, мягко говоря, удивительными, их было немало. Вот кое-кто из них.

Иосиф Шоломич! Старик, одинокий еврей, жил в третьем от нас доме. Разве что одиночеством можно объяснить тот факт, что более грязного, вшивого и смердящего человека я за всю свою жизнь не встречал. Я слышал соседские пересуды по поводу того, чем занимал свой день с рассвета до ночи Иосиф Шоломич, но это были всего лишь угадки, в точности о нем никто ничего не знал. Те жалкие сведения о старом еврее, которые были известны мне и моим сверстникам, исходили от Дохляка - так прозвали сына чекиста Дошояна, обитавшего на нашей улице.

Справка номер один: кто-то сообщил в ЧК, что у Иосифа Шоломича под кроватью зарыт в землю глиняный горшок, набитый золотыми десятками. Пошли, нашли, принесли, прихватили и хозяина сокровищ. Мизансцена: кабинет. За письменным столом сидит отец Дохляка, Дошоян. На письменном столе - большой глиняный горшок, доверху набитый золотыми монетами, по поводу извлечения которых на ритуале составления протокола присутствуют все, кто проводил операцию. Монеты пересчитаны, помещены обратно в горшок, протокол составлен, подписан.

Отец Дохляка обращается к бывшему хозяину горшка:

– У тебя столько денег, а твоя вдовья дочь с голодными дочерьми на выданье ютятся в подвале. Ты помогал им?

Иосиф Шоломич молчит.

Отец Дохляка продолжает:

– Ладно, для них ты жалел. Купил бы себе брюки, сорочку, хоть раз в баню сходил!

Иосиф Шоломич молчит. Отец Дохляка за свое:

– У тебя столько золота...

Он протягивает руку к сокровищам, берет в горсть монеты, сыпает их медленно обратно, золото позвякивает...

Иосиф Шоломич в истерике:

– Не тревожь их, не тревожь!

Это он о монетах.

Старика держат в камере несколько месяцев в надежде выбить из него еще денег. Иосиф Шоломич "тверже камня", молчит как заговоренный. Он старик, его отпускают.

Справка вторая: Иосиф Шоломич оказался "шпионом". Расстреляли.

Ему был восемьдесят один год.

Справка третья: расстреляли и отца Дохляка.

Ему было сорок шесть.

Не могли же Ежов и Берия так прямо объявить, что каждое общество должно иметь своих паразитов и никакой коммунизм от этого не спасет. Компартия даже придумала соответствующие термины сродни проклятиям "деклассированные элементы!", "пережитки капитализма!" и прочее и прочее. В их основе лежала та же демагогия: наш строй исключает социальные условия для преступности и безнравственности. Тем временем террор наряду с преступлениями, известными испокон веку, породил новое, тяжелейшее зло беспринципность! Беспринципность, признанную панацеей сохранения жизни... Но увы, и она не часто спасала. Я был свидетелем такого случая: двое моих знакомых, молодые люди, вошли в вестибюль гостиницы. Мы поздоровались, перекинулись парой слов. Один из них заметил на полу гривенник, нагнулся, хотел взять...

Второй одернул его:

– Не бери, решка!

Молодой человек, уже склонившийся над гривенником и протянувший к нему руку, ответил:

– Переверну, орел будет! - Взял монету, и они ушли.

По тбилисскому обычаю, брать найденную монету можно было только на орле. Не знаю, почему мне вдруг захотелось обобщить этот незначительный эпизод. Наверное, потому, что провидение само ниспослало пример всеобщей беспринципности, просто мы ее не осознавали. Может, это козни дьявола хочешь выжить, будь таким. Я и вправду заболел бы этой неизлечимой болезнью, не узнай я спустя время о расстреле парня, подобравшего гривенник на решке! Нет, "десять лет без права переписки"!.. Из них составлялись так называемые "сплавные команды", сюда сгонялись люди со всех концов государства. Их отправляли на лесоповалы в ущелья рек на Урале, Сибири или Дальнем Востоке. Лес валили прямо на берегу, сплавливали его и двигались в верховье, помирая дорогой от голода, болезней, тоски. Команды в среднем собирали по тысяче человек. На исходе лета или раньше в живых оставалось десять - пятнадцать. Пропорционально редел и конвой, гибли и они. Этот сугубо корыстный поход кончался тем, что спасшиеся от смерти, скажем, пятеро конвоиров, расстреливали десять - двенадцать заключенных, оставшихся в живых, и шли к низовью реки в свою часть. Я слышал, что расстреливали и конвой, все равно в люди они уже не годились.

Как говорится, это все пустяки, но будь я чекистом, своего двоюродного дядю Нестора Магалашвили непременно бы арестовал за то, что он сменил девятерых жен - именно девятерых. Как-то раз идем мы с папой, навстречу дядя Нестор с женщиной приятной наружности. Завязалась беседа. Не знаю, на самом ли деле отец мой привлек к себе особое внимание этой женщины, но дядя Нестор счел нужным сообщить - это пока восьмая с половиной, не думай, не девятая! Могу поклясться на Библии и перед иконой, что в Батуми, в доме бабушки с дедушкой я видел Нестора вместе с четырьмя его женами. Самое интересное, что все четыре женщины были так же благожелательно настроены по отношению друг к другу, как и Нестор к ним...

Теперь о том, как он насобирав столько жен. Первое и самое главное: за всю свою жизнь я не встречал человека более привлекательной наружности, чем Нестор, второе - он прожил богатую и сложную жизнь. К примеру, во время первой мировой войны он был ближайшим соратником и советником всемирно известного английского полковника Лоуренса, работал, разумеется, под вымышленной фамилией. После окончания мировой войны он обосновался в Турции, стал негодичником. Именно там состоялась одна из его женитьб. Он был в тесном знакомстве, скорее приятельстве, с семьей некоего армянина. Муж скончался. Остались жена Беатриса, четверо детей и большое богатство. Тут началась турецко-армянская резня.

Беатрису с детьми ждала неминуемая смерть. Нестор, приняв мусульманство, носил, если не ошибаюсь, фамилию Мурадбея. Поскольку мусульманская фамилия обеспечивала безопасность, Беатриса попросила Нестора жениться на ней. Тот согласился, хотя внешнею невеста, мягко говоря, не вышла. Они обвенчались, и Нестор вернулся в Грузию в пору правления меньшевиков. Относительно других жен, где он их насобираал, мне ничего не известно. Он был истинным аристократом. Дядя Нестор и поныне стоит у меня перед глазами: деликатный, вежливый, с изящными манерами... Даже то, как он садился на стул или в кресло... Господи, как тебе удалось воплотить в одном человеке столько прелести!..

Несколько лет спустя, когда уже я сам сидел перед старым опытным чекистом и давал показания, он вдруг спросил меня, не дядей ли мне доводится Нестор Магалашвили. Я подтвердил. Помолчав немного, он сказал: "Вы, наверное, представляете, сколько людей прошло через мои руки. И каких людей! Такого, как Нестор, я никогда не встречу!" Сокрушенно покачав головой, он продолжил допрос. Это была оценка чекиста, та, из-за которой, проболтайся я, он мог бы понести наказание!.. Словом, как много позже заметил один из экзков: "Сажали всех, сажали везде, в подавляющем большинстве ни за что".

Взялись и за писателей. Сначала расстреляли Михаила Джавахишвили. Кто-то из критиков назвал его писателем правой ориентации. К тому же он довольно долго жил за границей, значит, расстрел ему полагался дважды. Потом Паоло Яшвили, председатель правления Союза писателей, в своем кабинете вложил в рот дуло охотничьей двустволки и, нажав на оба курка, покончил с собой. На выстрел сбежались писатели. Один из них поддел ногой череп, раскрыл его и внятно, во всеуслышание сказал: "С...ть я хотел в эту башку!.." Может, именно эта фраза и спасла его от расстрела!.. Не думаю... Он был писателем прокоммунистического толка, хотя и таких спровадили на тот свет немало. Вот один из них, опубликовавший стихотворение:

Славно, если б вокруг нас
Каменный забор поднялся,
Лай, мой пёс, погромче лай,
Чтобы враг к нам не прокрался.

Стихотворение это называлось "Славному КГБ" или что-то в этом роде и было написано от чистого сердца, хотя поверить в это, прямо скажем, нелегко.

Тициану Табидзе буквально проходу не давали, требовали, чтобы он объявил своего друга врагом народа. Не объявил - расстреляли!.. Берия в одном из своих выступлении назвал трех упомянутых писателей вкпе с двумя другими грузинскими фашистами или еще какими-то там врагами народа. Двое выкрутились. Один в спешке накропал книгу "Вождь", успел издать первый том из обещанной трилогии, два других так и остались ненаписанными. Время было особенным, и, конечно, можно назвать множество причин, почему он не осуществил замысел до конца, но лучше, пожалуй, умолчать об этом, поскольку относительно спасения писателя существуют и другие версии. А вот об избавлении пятого "фашиста", ей-богу, стоит рассказать. В молодости он был, что называется, "левым" и как-то напечатал в нелегальной прессе вместе со Сталиным несколько статей. Его еще при жизни называли "совестью грузинской литературы". Деликатный, благородный, просвещенный от Бога, он был чрезвычайно эрудированной личностью. Писателя спасла причуда того времени, а именно: именитые люди, удостоенные чести быть принятыми Сталиным, обычно, возвращаясь из Москвы, первым долгом чуть ли не с поезда наносили визит Первому секретарю

Центрального Комитета Коммунистической партии и рассказывали в подробностях о приеме. Нередко от случайно оброненных ими слов зависела судьба человека. Так было и на сей раз. Вернулся из Москвы Михаил Чиаурели - известный режиссер, посетил Первого секретаря и в беседе, помимо прочего, рассказал, что вождь спрашивался о таком-то писателе, как тот поживает, что поделявает. Чиаурели ответил, что писатель в основном занимается переводами французской литературы. От случая к случаю печатает небольшие статейки, тем и живет.

После некоторого раздумья Сталин пробормотал:

– Да, он всегда был непрактичным!

Этого писателя не только пальцем не тронули, но даже как-то раз, когда шла подготовка к юбилею, посвященному кому-то или чему-то, ему доверили редактировать юбилейный номер "Литературной газеты" и гонорар выплатили, очень приличный. Случалось и такое.

Еще один весьма известный писатель спасся благодаря некоему своеобразию памяти. За анекдоты, если они, с точки зрения чекистов, имели хоть какое отношение к политике, рассказчика сажали - "антисоветская агитация и пропаганда". Этого писателя спасло то, что анекдоты он любил слушать - со смеху помирал, но запоминать их почему-то не запоминал и повторить не мог. Порой и беда пользу приносит - точь-в-точь об этом сказано...

Был в Тбилиси пильщик Сумбат, бродил по улицам в неизменных коротких штанах, в холода и морозы в Куре купался, дрова пилил, тем и жил. А еще по городу ездил в тележке на подшипниках инвалид первой мировой войны, не помню, как его звали, у него ног не было по самые бедра. Обоих арестовали как шпионов империализма...

Мой отец Эренле Каргаретели утверждал, что аристократия деградировала, выполнила свое историческое назначение, кончился ее век. В подтверждение он приводил множество примеров. Некоторым я свидетель. У нас был родственник, дядя Лео, князь, соратник Какуцы Чолокашвили. Как-то раз отец спросил, что больше всего запомнилось ему из былых сражений. Дядя Лео задумался: "Коней у нас было мало, вот Какуца и отдал приказ подстричь кобылам хвосты, чтобы жеребцам сподручнее было подступать к ним!" Интеллект этого человека дальше стриженных хвостов не шел. Большевики и этот уровень сочли достаточным для того, чтобы расстрелять князя.

Другой близкий нам человек - тоже аристократ, глубокий старик, отставной генерал Варлам Симоныч, крестный моей матери. Раз в месяц, как по расписанию, он приходил к нам обедать. Этого человека расстреляло бы самое милосердное из всех правительств на свете. Вы спросите: почему? В беседе с отцом, к примеру, он говорил хриплым голосом: "О Эренле, у меня точные сведения, шестнадцатого апреля поляки возьмут Москву. Не позднее!" Если захват предсказывался в декабре, то в январе следовало уточнение: "Поляки передумали, но вот англичане... Они в мае высадят десант в Ленинграде, другого выхода у них нет". И в качестве источника информации называл генеральный штаб Великобритании. Каково?! Ему было восемьдесят девять лет, когда его расстреляли. Это понятно. Непонятно другое.

В старинных тбилисских домах были просторные подвалы. В одних размещались склады, в других - рестораны, харчевни. Использовали их по-разному. В одном из таких подвалов помещался ресторан "Олимпия", а может, "Симпатия" - заведение невысокой пробы. Тут попивали извозчики, мастеровые, праздный люд. Потом в ресторане стал петь вечерами под аккомпанемент уютного оркестра - два тари, чианури, бубен и диплипито-марнеульский азербайджанец Мамед. Пел Мамед превосходно, и публика в ресторан стала ходить другая, все больше любители городских песен. Нам было лет по пятнадцать или около того. В этом возрасте один из способов самоутверждения - ресторан, но, помимо этого, мы просто любили городские песни, поскольку родились и выросли в Тбилиси. Стипендии в техникуме были

ничтожными, но и ужин в ресторане был неразрительным. Два литра вина с закуской, две порции шашлыка и песни Мамеда - десять рублей. Раз как-то у Гоги Цулукидзе завелись деньжата. Мы пошли в "Олимпию" поужинать. Около нас крепко набрались четверо парней. Репертуар у Мамеда был обширный. Не помню, чья эта песня, Гивишвили или Скандарновы, но Мамед часто пел ее. Текст такой: "Мир переменялся, а ты по-прежнему остался ослом, и хозяину нет пользы от тебя, и для мира ты великая обуза, осел". Последнее слово - припев. Начал Мамед песню, дошел до припева, и тут один из собутыльников с криком "Да он на меня смотрит!" рванулся к певцу. Его с трудом удержали. Никто не заметил этого инцидента - ни сам певец, ни музыканты. Чуть позже Гоги, подойдя к Мамеду, сунул ему пятерку и попросил спеть "Осла".

Едва Мамед запел песню, как кутила, выверившись, кинулся на него. Друзья и ахнуть не успели. Начался мордобой, насилу их растащили. Конфликту придали характер переговоров. Парень упрямо требовал, чтобы Мамед, исполняя песню, воздевал руку на слове "осел". Певец сначала было согласился, потом категорически отказался, спохватившись, что на небесах обитает Аллах. Нашлось компромиссное решение вопроса: на слове "осел" Мамед должен был отводить правую руку в сторону - что он и делал впоследствии очень добросовестно во избежание всевозможных эксцессов. Но тут насторожились чекисты. Им показалось, что рука указывает на здание Центрального Комитета партии, в частности на кабинет Берии. Мамед исчез. С тех пор его никто не видел ...

Полно, друг, будет. Кое-что и на потом..."

Митиленич мерил шагами кабинет. Глеб стоял навтыжку, не сводя глаз с начальника, и ждал, когда тот продолжит рассуждения. Эта была не беседа, а, скорее, монолог. Митиленич размышлял вслух, а Глеб поддакивал: "Разумеется!.. Ясное дело!.." Последняя пауза несколько затянулась. Митиленич, дойдя до стены, вперился в карту. Он простоял довольно долго спиной к Глебу. Тот хотел было присесть, но Митиленич обернулся, и Глеб, опережая его движение, снова вытянул руки по швам.

Митиленич это заметил, но, не подав виду, подошел к Глебу:

– Ладно! Как, говоришь, называется дачка, где господин Ашна пристроился то ли сторожем, то ли комендантом? "Отрада", что ли?

Глеб хотел поддакнуть, но Митиленич не дал ему ответить:

– Как долго он там работает? С тех пор, как освободился! Когда он освободился?.. Нет, сначала скажем, за что сидел: в пригороде Уренгоя сбил человека. У кого служил шофером? У Феликса Санцова!.. Что за человек этот Санцов, какую должность занимал в Уренгое? Ей-ей, не помню! Глеб, какая должность у него была?!

– Начальник Управления снабжения и сбыта нефтяного объединения. По нашим данным, человек богатый и влиятельный!

– Ладно, ладно! Отложим-ка на время Санцова и вернемся к Ашне. Его вина была настолько тяжкой и явной, что Санцову только и удалось, что сократить срок заключения до шести лет!.. Он не досидел, вышел досрочно...

Освободился в тот период, когда Санцов, задолго до побега Каргаретели, был уже на новой должности и предвкушал новое назначение.

– Ашна стал работать в "Отраде" тотчас после освобождения?

– Нет, месяц или полтора он жил в Уренгое.

– Два, а то и больше.

– Можем ли мы принять такую последовательность событий? Санцов на своей новой должности. Суд условно освобождает до срока Аптну. Из лагеря он возвращается к хозяину. У хозяина на новом месте - заседания, собрания, встречи с населением, с сотрудниками районного промышленно-хозяйственного комплекса... На это как раз и уходят те два месяца или чуть больше, которые Ашна ждет в "Отраде" назначения. Наконец он принимает "Отраду". Еще один или два месяца, и Санцов едет в отпуск... Куда? В Уренгой, Москву, снова в Уренгой. Возвращается на новую работу...

Митиленич ждал, что скажет помощник, а тот затруднялся с ответом, мешкал.

– Глеб, твои успехи ошеломляют, - улыбнулся Митиленич. - Вот возьмем Каргаретели, поработаю еще с годик, выйду на пенсию, повезу Мару на юг, куплю на берегу моря хату, и заживем мы спокойно, безмятежно... Моя должность тебе обеспечена... Наша задача - взять Каргаретели живым или мертвым. Лучше бы, конечно, мертвым... Но как мертвого-то брать?! Да, тут возникает несколько вопросов, требующих решения: нужно установить семейное положение Санцова. Кроме того, что представляет собой Ашна... Это его кличка... Почему какой-то Аптна является обязательной и неотъемлемой частью жизни Санцова? Связь Санцова с Цезаревой длится или они разошлись?... Для меня яснее ясного, что Каргаретели держит путь в "Отраду", то есть к Ашне. Откуда Каргаретели знает Ашну? Понятно, вместе сидели у нас. Непонятно, откуда Каргаретели известно местонахождение Ашны? Скажем, тот еще до побега Каргаретели сообщил ему свой адрес в письме. Ашна, вероятно, знал, что Каргаретели уйдет в побег... Как он узнал о побеге? Видишь, Глеб, сколько неизвестных в этом уравнении?! Ладно, иди, мне нужно подумать!

Глеб уже подошел к двери, когда учитель сказал:

– Тебе понадобится съездить в Омск. Я не смогу поехать. Оформляй приказ, командировку... У нас мало времени, иди!

Глеб вышел.

– Тут что-то кроется! - пробормотал Митиленич, вышагивая по кабинету.

Накануне Гору так расстроили воспоминания, что он долго, наверное с неделю, не позволял себе возвращаться к ним. Заненастилось. Гора вынужден был разбить палатку. Непогода растянулась на двое суток. Едва разведрилось, Гора снова двинулся в путь.

"Зачем все время думать об ужасах? Разве мало было смешных и забавных случаев?... Сколько угодно, но и смешные случаи сопрягались с трагедией... Сопрягались, значит, вспомним, ничего не поделаешь. Мы рассматриваем процесс подготовки к свершениям, и выпустить что-либо не удастся... Воля твоя! Продолжим. О чем расскажем? Помнишь, были двое малышей, братьев... Да, как их звали? Ванико и Палико, значит, Иван и Павел... Хорошо, давай об этом. Нет, сначала вспомним Зурико и Кетино... Как угодно!.. Лучше вспомнить о них вместе, тема, собственно, одна. Начнем.

Детей в том возрасте, когда они могли хоть как-то сами прокормиться, оставляли на Божье попечение. Некоторых исключали из школы. Указания на то не было, все зависело от "сознательности" и "политической бдительности" дирекции.

Арестовывали родителей, детям давали какой-нибудь чулан и больше ими не занимались, если, конечно, их вдруг не изобличали в преступлении, как было, например, с Ваном Матурели из села Цхваричама. Ван шел четырнадцатый год, когда он подложил в книгу копирку под портрет Ильича и срисовал его - десять лет! Отец Ван служил милиционером в Цхваричама. Кто-то, вероятно имея на него зуб, донес на мальчишку, правильно рассчитав,

что отца репрессированного сына не станут держать в милиции... Правда, многие дети после ареста родителей находили себе пристанище у бабушек, дедушек, старших сестер, теток, но довольно большая часть ребят перемещалась в мир уголовников, попадала в тюрьмы, а кое-кто даже завоевывал себе громкое имя на этом поприще в масштабах государства. Были и оригиналы. К примеру, остались беспризорными двое братьев. Старший учился на первом курсе медицинского института, а младший - в пятом классе школы. И вдруг - ни родных, ни крова, ни ломтя хлеба. Старший стал карманником и достиг в этом ремесле совершенства. У него была "золотая рука", и воровал он до тех пор, пока не получил диплом врача и не поставил на ноги младшего брата. На протяжении всего этого времени он не только в тюрьму, но и в милицию ни разу не попал. Получили братья работу и стали жить обычной жизнью миллионов других людей.

Зурико и Кетино? Учащиеся музыкального училища для одаренных семнадцатилетний Зурико и пятнадцатилетняя Кетино. Родителей арестовали, детей выселили из квартир, предоставив взамен чуланы. Ни родных, ни близких. Ребята любили друг друга и решили жить вместе. Обменяли свои халупы на мансарду и, продав все, что оставалось от конфискации, купили пианино - потому как Зурино играл на фортепиано, а Кетино пела. Они не прерывали занятий в училище, кое-как сводили концы с концами. Кетино родила девочку. Настала нужда. Раз как-то мы на спине снесли в комиссионный последнюю оставшуюся в доме вещь - обеденный стол. Стол продали, деньги ушли. Соседи помогали, как могли, но и у самих было немного... Мы дети случая, случай и тут определил будущее. Однажды поздней ночью Зурико возвращался домой. На улице не было ни души. Внезапно крик, топот ног... Милиция преследовала кого-то. Зурико остановился, приткнулся к дереву. Мимо него вихрем промчался мужчина, бросив на ходу в заснеженный газон какой-то тяжелый предмет. В темноте милицейские ничего не заметили. Они пронеслись мимо и скрылись за углом. Все стихло. Зурико подошел к газону, поднял брошенный предмет - небольшой пакет, примерно с килограмм весом, с горловиной, затянутой узлом. Зурико решил, что Бог, сжалившись над ним, подбросил ломоть хлеба! Он распустил узел... В пакете оказались завернутые в бумагу несколько связок ключей. Самых разных. Прихватив пакет, Зурико все думал дорогой, кому бы его продать. Пришел домой, спрятал на чердаке. Некоторые вещи или предметы обладают удивительным свойством - они лучатся потенцией, внутренними возможностями, теребят, велют использовать себя!.. Думал-думал Зурико и наконец решился применить свою находку. Для начала он стал внимательно наблюдать за распорядком дня крупного чекиста - кто когда выходил из квартиры, кто когда оставался, в какое время пустовал дом. Подобрал из своей коллекции ключ, он пробрался в квартиру, взял драгоценности, ничего больше. Зурико грабежами пять лет содержал свою маленькую семью. Принципы его были такими: никакой роскоши и баловства; новую операцию предпринимать только при крайней нужде, когда голод подступит к порогу; сбывать краденое в других городах; ни ползвучка никому, даже собственной жене. Только раз, когда Кетино случайно обнаружила золотые изделия, он объяснил ей, что это драгоценности, припрятанные его родителями. Жертвами Зуриных набегов стали несколько начальников сысской службы. Все кражи имели одинаковый почерк, пострадавшие тоже были из одного социального круга. Тем не менее сыщики ни о чем не догадывались. Составив огромный список подозреваемых, они стали следить за каждым из них, изучать, устраивать агентурные проверки. К этому времени Зурико выбросил в Куру свой инструмент, надобность в нем отпала - в тайнике хранилась довольно большая сумма денег. Супруги оба работали, учили детей музыке. Зуру никто не допрашивал, зато к Кетино подослали агента, одну из близких ее подруг, учительницу пения в той же музыкальной школе, где она работала на половинном окладе. Разговоры о нужде - не новость. У Кетино как-то вырвалось, что, если бы не чудом уцелевшие от конфискации драгоценности, они бы погибли от голода! После нескольких дней или недель снова завязался подобный разговор, и агент добилась подробного описания одного из украшений... Кетино допросили, и поскольку она ничего не знала о происхождении только раз виденных драгоценностей, преступление любимого супруга квалифицировали как террор, а ее саму обвинили в недонесении. Справедливости ради нужно сказать, что срока они не досидели. Настали другие времена.

Мужу свели заключение к трем годам по статье о краже, а жене вообще судимость сняли. Вот только мансарду супругам пришлось искать заново.

Арестовали Сулиашвили - молодых супругов, а их единственного сына, прелестного малыша, поместили в детский дом. Бездетные супруги, жившие по соседству, взяли его оттуда и усыновили, но счастье длилось недолго вскоре сослали и их.

Через месяца полтора-два родную мать ребенка освободили. При аресте беременность ее не была заметна, но когда в тюрьме живот увеличился, чекисты предпочли выпустить ее. Узнав, что сын исчез, мать обезумела... Она сбилась с ног в поисках малыша, но все усилия были тщетными. Тогда она кинулась к своему следователю. В процессе поисков ребенка ей сказали, что донесли на них именно те соседи, которые усыновили ребенка. Мать не поверила, решив, что это провокация чекистов. Отец мальчика отсидел десять лет, после чего был определен на вольное поселение. Доносчик не вернулся, никто не знает, какая участь его постигла. Его жена погибла в лагерях. Перед смертью она написала исповедальное письмо матери мальчика, признаваясь в содеянном грехе: поддавшись искушению, она позарила на чужого ребенка, и вот Бог воздал ей за содеянное зло.

Ладно, хватит плакать и причитать. Давай-ка о смешном... "Колхоз Минделова"!

Это была группа врагов народа, именуемая "Колхозом Минделова". Минделов, человек пожилой, в прошлом духанщик, торговал зеленью на одном из базаров. Перекупал по утрам товар у крестьян, раскладывал его на прилавке и зазывал покупателей: "Отличная зелень, налетай! Колхоз Минделов!" Такие перекупщики есть на каждом базаре: кто чем торгует, кто чем. Вечерами Минделов с друзьями собирались за парой бутылок вина, отдыхали за разговорами и расходились по домам.

На одной из таких "пирушек" Минделов рассказал застольцам виденный им накануне сон:

– Сижу я, брат, а по небу ероплан летит. Подлетает он ко мне, а из него, гляжу, блаженной памяти Николушка выглядывает да мне кричит: потерпи немного, браток, вот вернусь я, снова лавки свои пооткрываете.

Как видно, один из застольцев донес куда следует, какие сны снятся Минделову. Стоял себе Минделов на базаре, покупателей зазывал, и вдруг появились чекисты. К слову сказать, операции чекистов почти всегда были исполнены цинизма. Пришли, спросили цену на зелень, стали торговаться товар брали оптом. Минделов уступил, уложил по просьбе покупателей зелень в мешок. Чекисты посулили ему отдельную плату за доставку мешка. Взвалил Минделов на спину мешок, остальное понятно. Зеленщик был человеком старым, мог не выдержать побоев и пыток. Чекисты нашли для него иной метод: заставили старика, стоя на одной ноге, в течение многих часов давать показания, кто входил в его контрреволюционную группировку. Минделова вынудили назвать пять-шесть фамилий. Трое из них и сам Минделов погибли в ортачальской тюрьме. Их уничтожение шло под лозунгом борьбы с частной собственностью и торговлей.

Что ни говори, а "кавезисты" тоже были хорошими людьми! Материала на них, как, скажем, на партию Аветика, у чекистов не было, и посадили их просто так. Тем не менее "кавезисты" держались достойно - ни плаксивости, ни злобы. Напротив! Они избежали расстрела и, имея статью террора, получили всего по десять лет! Скажем прямо, с такой статьей "тройка" никого не оставила бы в живых - 58-8! Сидели они, благодарили судьбу и радовались! Вот только из-за них в тюрьму понагнали сброд - алкоголиков со всего района... Мне кажется, именно водка выработала в человеке интернационализм как свойство... Пьянице все равно, с кем пить... Да, "кавезистам" в интернационализме не откажешь. Эта "организация" по составу своему была многонациональной. У чекистов имелся донос, в котором черным по белому значилось: собирается демонстрация с требованием назначить пьяницам как инвалидам

труда пенсию; люди на собраниях поговаривают, что, если пенсию не дадут, совершат грех против пьяниц и за него воздается не кому-нибудь, а Сталину, или Берии, или обоим вместе. А это, мой милый, иначе как "террористическим намерением" не назовешь. Расстрел! Тем более что выражение "грех против пьяниц" в протоколе допроса и обвинительном заключении опустили... Зато отметили, что в целях конспирации "кавезисты" называют свои подрывные антисоветские сборища "утренним хаши". Что касается их "кавезийности", то тут руку свою приложил интернационализм. Судите сами, по этому делу проходил некто Маслаков, русский. Его так крепко били, требуя, чтобы он сказал, как называется их организация, что он возьми и выдай - КВЗ. Следователь едва не спятил от радости, что таки заставил арестованного расколоться, и тотчас пригласил начальство - приходите, будьте свидетелями, зафиксируем в протоколе. Понабежали начальники, расселись - расшифруй, говорят. Расшифровал: "Как бы выпить-закусить!"

Мелкие сошки схватились за шомполы - он, мол, сукин сын, издевается над нами. Самый старший успокоил их - отлично! Висельный юмор Маслакова подарил юридической практике еще одну жемчужину: было отмечено, что "группа для конспирации выбрала себе название из трех букв, КВЗ, которые сами по себе ничего не означают". Разъяснения Маслакова упомянуты не были.

Те из "кавезистов", что были осведомленнее других, безмерно радовались приговору по чрезвычайно важной причине: те десять лет, которые им присудили, не сопровождалось словами "без права переписки", а "десять лет без права переписки" означали сплавные команды со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Да, каких еще людей арестовывали? Каких? Всяких. Даже крестьян, у которых некогда была малая толика имущества. Я не говорю о раскулаченных и тех, кому чудом удалось вернуться обратно, - их всех замели. Нет, речь идет о крестьянах, имевших лишнюю коровенку или торговавших в собственном сарайчике во времена нэпа спичками или керосином. Большевики внесли их в черный список мелкой буржуазии и стали упорно, методически уничтожать.

В Цхнетах или в Дигоми жил некий Аветик. Когда участились аресты, он решил нагреть на этом руки. Ходил по знакомым и родственникам арестованных, предлагал оказать содействие, выволить из тюрьмы близких им людей через посредство знакомого человека, которому, правда, нужно заплатить. Суммы были самые скромные, много он не требовал. То ли слышал я об этом, то ли читал - человек от природы милосерден. Кто пожалел бы несколько рублей для спасения близкого родственника или друга?! Тем более речь шла о грошах. Ясное дело, чекисты с самого начала прознали о плутнях Аветика и затаились. Когда пайщиков набралось до ста человек, провели мощную операцию по "ликвидации большой группы врагов народа". Именно так оповестили общество средства информации. Сборище старух и калек - чем не контрреволюционная антисоветская организация? Ведь Аветин скрупулезно вносил в списки, для их же спокойствия, всех тех, кто давал ему деньги, и чекисты заполучили этот избобличающий документ... Срок - по десять лет! Представляю, каково это услышать! В выражении лиц осужденных не было и следов сожаления, горечи, затаенной злобы - только изумление и еще чувство неловкости и стыда, как если бы вдруг кто-нибудь позволил себе непристойность в благовоспитанном обществе. Заключение прозвали их "партией Аветика".

То, что происходило в период с тридцать пятого по тридцать восьмой год, впоследствии стали называть "репрессиями тридцать седьмого года". Нынче все кому не лень считают своим долгом "осветить" эти события. Сколько всего написано! Одной десятой не прочтешь. Долго копившееся негодование нашло выход, выплеснувшись мутным потоком, и в этих материалах горе, связанное с репрессиями Сталина, - только поверхность, надводная часть айсберга.

А подводная его часть, настоящая цель - это желание скомпрометировать и похоронить идею диктатуры одной партии - непереносимое следствие социализма. Вероятно, потому меньшее внимание привлекает к себе то, что случилось с человеческой душой. Люди растерялись и оторопели. Они не понимали, как себя держать, вести, чтобы избежать смерти. Иные пошли на поводу у ретивых, стали клеймить на митингах и собраниях "врагов народа". Большую часть этих людей уничтожили, обвинив в лицемерии, желании возвыситься. Эта догадка, конечно, не была лишена оснований, но и зависть делала свое. Иные предпочли молчать, набравши в рот воды. Им было предъявлено обвинение: "Кто не с нами, тот против нас!" Погибли все, за исключением единиц. Спаслись в основном те, кто не имел собственной точки зрения на происходящие явления, те, кто свято верил в стереотипы, спущенные сверху, и жил согбенным, да еще те, их было немало, кто репрессии и террор считал непереносимым условием строительства социализма.

Обо всех говорить не стану, но многие порывали отношения с членами семей репрессированных. Родственник сторонился родственника, брат не признавал осиротевших детей брата, сын клеймил отца. Гражданская трусость была признана мудростью. Страх охватил нацию!..

Деревня! Тружеников-крестьян уничтожили. Деревня оказалась в руках темных, безграмотных, невежественных демагогов. Оказалась, говорю, потому, что если кто из талантливых крестьян и избежал раскулачивания, то они устремились в город на "вахту индустриализации" страны. Демагоги на селе праздновали победу и время, свободное от митингов, проводили в попойках.

Рабочий класс, в основном состоявший из вчерашнего крестьянства, с показным энтузиазмом вторил лозунгам сталинской партии, на деле же обеспечивал себе личное благополучие. Эти тоже удержу не знали в пьянках.

На синдром поражения тысяча девятьсот двадцать четвертого года, охвативший интеллигенцию, наложился страх новых репрессий. Люди старались ни о чем не думать, глушить в вине сердечную тоску. Показная беззаботность стала средством самозащиты. За редким исключением, даже за праздничным столом у ближайших друзей люди скрывали друг от друга истинные чувства и настроения. Функция человека - свобода. Ее сменил страх, на душу наложили оковы, но даже если она временами и сбрасывала их в кругу друзей, то чаще всего это проявлялось безобразным поступком. На мой взгляд, непрерывные репрессии повлекли за собой нечто очень важное: в восприятии людей стерлась грань между юмором и цинизмом.

Беда пока не коснулась нашей семьи. Как-то во время обеда дед Гора вдруг расхохотался. Отец спросил, чему он смеется. Оказалось, что дед Гора встретил накануне знакомого, и тот сказал: "Прежде когда я встречал человека, то размышлял, какую выгоду можно из него извлечь, а теперь только и думаю, донесет он на меня или нет..."

Вот еще несколько примеров цинизма.

У мелочного правительства и подданные лукавые. Это ярче всего проявилось в одной нашумевшей истории тех лет. Некий распросукин сын своей выдумкой, кто знает, в который раз подтвердил, что Кахетия - колыбель похабных шуток, их хранилище и неиссякаемый источник. Когда за праздничным столом произносили обязательную здравицу за Сталина или Берию, он выкрикивал: "Великому Сталину сла..." Следовала пауза, и затем застольцы хором выпаливали недостающий слог "ва!!!", который, для справки, в грузинском языке совпадает по звучанию с глаголом "с...ть" - ни больше ни меньше. Если возглас почему-то казался застрельщику недостаточно слаженным, он повторял здравицу и во второй, и в третий раз. Разделавшись со Сталиным, переходили к Берии. Теперь уже стол вопил "ва!!!" в ответ на тост за Берию. Далее следовало Политбюро в полном составе, порой же "ва!!!" перепадало и

секретарю райкома. Подтекст здравицы звучал примерно так: н.....ть на голову Сталина или за кого там еще пили! Возглас всем пришелся по душе и распространился в устрашающих масштабах. Чекисты добрались до первоисточника, взяли подлюгу, стали допрашивать: что он хотел сказать своим нелепым возгласом?! Распросукин сын отвечал, что славил вождя, и только! Следователь потребовал от него правды. Тогда арестованный в ответ нагло осведомился: как сам следователь понимает этот возглас?! Произнести вслух подобное кощунство не отважился бы ни один член Политбюро, что там говорить о рядовом следователе. Отмотал парень целый год. Подсадили к нему наседку, может, проговорится. Ничуть не бывало. Послали дело в Особое совещание. Какой срок дали местные чекисты, такой москвичи и утвердили, при этом учтено было следующее обстоятельство: народ не знал, за что посадили автора возгласа, а обыкновение кричать за столом "ва" распространилось по всей Грузии. Чекисты решили отпустить парня с умыслом, что он непременно проболтается хотя бы своим близким, за что сидел, узнают об этом остальные, и люди наконец перестанут выкрикивать за столом "ва". Выпустили. Подлюга затих и никому ни слова не сказал. После смерти Сталина как-то сошла на нет традиция провозглашать обязательный тост за вождя, но здравицу в честь особо уважаемого человека пьяные грузины и по сей день завершают криками "ва", дескать, н.....ть мне на твою голову! Сегодня практически никому не ведом изначальный смысл этой частицы, потому и продолжают по-прежнему кричать "ва". А может, кое-кому и ведом, как знать... К слову, парня того все равно расстреляли, правда, позднее. Так ему. Не надо было кричать!

Не знаю, то ли глядя на родителей, то ли под влиянием среды, но ощущение разницы между юмором и цинизмом утратили и дети. С моими сверстниками произошел такой случай: у ученицы пятого класса школы № 1 родители обнаружили любовное послание - ответ на записку мальчика. Они, конечно, возмутились, отругали дочь. Та, решив покончить с собой, попросила подругу, косоглазенькую Лиру, достать ей яду. Лира, в свой черед, переадресовала просьбу сокласснику, но объяснила, что у нее взбесилась кошка, которую непременно нужно отравить. Ушастик - таково было прозвище мальчика - на просьбу откликнулся незамедлительно и вызвался тут же, на большой перемене, сбегать за ядом, тем более что видел у себя дома пакетик с надписью: "Дети, не трогать, яд!" Помчался Ушастик в аптеку, купил двойную упаковку английской соли и отдал Лире. На другой день Лирин подружка в школу не явилась. Пошел слух, что она отравилась. Тот же Ушастик подговорил соклассников после уроков навестить больную. Пошли. Девочка лежала в постели, и матери приходилось то и дело выпроваживать гостей в соседнюю комнату - сказывалось действие английской соли, "самоубийца" бегала в туалет. На другой день Ушастик огласил ее тайну. Класс помирал со смеху, а Ушастик задрал нос - хорошую шутку отмочил!

Приятель деда Горы гостил у родственников в Боржоми. С хозяйской террасы мост через реку виден был как на ладони. Пospорил хозяин с крестьянином, приехавшим на заработки из Джавахети. Тот утверждал, что может в течение часа плевать с моста в речку. Ударили по рукам. Крестьянин выиграл спор, но наш "шутник", придравшись, что тот недостаточно хорошо плевал, выплатил всего половину обещанной суммы.

Григани! В те времена в Тбилиси было двое оригиналов. Один скромно и терпеливо стоял с утра до вечера на проспекте Руставели возле магазина "Люкс". Одет был совсем как Сталин, даже руку держал просунутой между пуговицами кителя. И внешне это был Сталин, точь-в-точь. Стоял, являя себя миру. Сам ни с кем не здоровался, и с ним никто не заговаривал, по крайней мере, я не видел. Стоял, и все. Вторым оригиналом был Григани, одевался он как денди лондонский или на манер денди. Красивый, рослый, элегантный, он был комбинатором, ловчил в одном из городов. По приезде в Тбилиси любил пройтись по проспекту Руставели. Здесь у него была дама сердца, полунемка-полугрузинка, очень красивая женщина, и, надо думать, приезжал он в город из-за нее, но поскольку был человеком крайне занятым, то совмещал свои наезды с каким-нибудь делом, иначе не выбрался бы. Как-то раз стоим мы на проспекте Руставели возле "Вод Лагидзе", я и

несколько парней. Навстречу, со стороны площади, идет, прогуливаясь, Григани под руку со своей красоткой. Не доходя до "Лагидзе", он встречает знакомого и останавливается переговорить с ним, а женщина продолжает идти и, минуя нас, проходит немного вперед. Григани догоняет ее. Кукури Сихарулидзе, провожая женщину жадным взглядом, довольно громко говорит: "У-у, вот хороша баба для е...и!" Григани, оборачиваясь, спокойно замечает: "Ничего особенного!" Нашу реакцию легко себе представить, тем более что Григани эту фразу бросил вскользь и, подхватив под руку возлюбленную, пошел своей дорогой.

Дед Леван был известен в обществе своими безобидными шутками, острым язычком, и вот как его юмор вылился в цинизм!.. Все, что осталось после революции у обнищавшего дворянина, так это его хата в одну комнатенку в Кикети, ореховое дерево да небольшой дворик. В Тбилиси он ютился с сестрой в трущобах и с наступлением весны перебирался в Кикети. Жили они здесь до поздней осени, все равно как господа, мешкавшие съезжать с дачи в ожидании крестьянского оброка и распоряжений, связанных с урожаем. Дед Леван коротал дни, лежа на циновке под ореховым деревом. Подложив под голову мутаку, он дремал или предавался размышлениям. Чоголия снимали конфискованную у кого-то дачу. Сам Чоголия был военным, прибывшим в Грузию в составе одиннадцатой армии. Потом он заделался партийным функционером. Жена его из прежней Елизаветы Петровны стала Элладой, так, пожалуй, звучало культурнее. И был у них сын лет шестнадцати, звали его Денисом, а мы дразнили его Деникиным, что вызывало крайнее негодование всех членов семьи. Как-то раз Деникин задал деду Левану щекотливый вопрос: "Весь день, все лето и всю жизнь вы лежите под этим орехом. На что вы живете, откуда у вас деньги?" Деникин был кретином, сам бы он до этого не додумался, стало быть, повторял то, о чем говорили в семье. Дед Леван смекнул и ответил: "Присылают из Парижа". Деникин полубопытствовал: за что? "За то, благодаря чему люди размножаются", - ответил дед Леван. О том, благодаря чему люди размножаются, Деникин, естественно, знал и удивленно справился: "Почему выбрали именно вас, что, своей у французов мало?" "Они покупают, чтобы улучшить свою породу", - пояснил дед Леван. На этом разговор кончился, но на следующий день Деникин снова навел деда Левана на сей раз с деловым предложением: "То, благодаря чему люди размножаются, мое не пригодится?" Дед Леван оглядел Деникина с макушки до пят, одобрительно покивал головой и велел нести в небольшом аптечном пузырьке - погляжу, если сгодится, отошлю. Мальчик так быстро примчал "небольшой аптечный пузырек", полный того, благодаря чему люди размножаются, что дед Леван заподозрил фальсификацию. Но нет, продукт был натуральным, еще теплым. Несмотря на это, дед взболтал пузырек, подставил его под солнечные лучи, пробивающиеся сквозь ореховые листья, и сказал Деникину: "Не годится, за это французы не заплатят..."

Был погожий летний день, я возвращался из техникума домой. Увидел отца, он беседовал с друзьями. Подошел, поздоровался. Это были писатели, поэты, все моложе моего отца. Эрекле Каргаретели был для них богом глубоко образованный, остроумный, простой в общении. Друзья любили, когда он вел застолье. Эта встреча тоже закончилась пирушкой у гололицы. Гололицы торговали вином. Почему их называли гололицыми, никто не знал, по крайней мере оснований для этого не было никаких. Отец прихватил меня с собой. Мне кажется, больше потому, чтобы иметь предлог не задерживаться надолго. Гололицы торговали только вином, зато оно было отменного качества и самых различных сортов. Они держали винный погреб, собственность какого-то колхоза. Если приходили знакомые, уважаемые гости, гололицы посылали мальчика на базар, и он приносил еду. Погреб у них был просторным и прохладным, со множеством отделений. Эрекле Каргаретели с друзьями вошли в одно из них. По центру размещалась широкая приземистая бочка с бочонками вокруг. Я не вдруг догадался, что эти предметы заменяют стол и стулья... Пошел пир, затеялись тосты один тонченнее другого. Поэты захмелели, в воздухе разлилось колдовство стиха. Естественно, ни слова о политике, и, может, именно это придало блеск и гармонию застолью. Тут появился еще один поэт, тоже прекрасный, но нежеланный, поскольку во хмелю всегда нес околесицу, а случалось, и драки затевал. Он уселся и, переполненный

злой, выплеснул ее на окружающих в безудержном потоке слов, так что никто и рта раскрыть не смог. Развевалась атмосфера печали, надежды, красоты и восторга... Один из застольцев, поманив гололицего, шепнул ему что-то на ухо. Виноторговец ушел, спустя небольшое время вернулся и вполголоса сообщил пустомеле, что его ждет на лестнице дама. Тот, извинившись перед застольцами, вышел. Оказалось, что ему привели шлюху. Иначе его не выставишь, заявил автор затеи. Были и комментарии, и смех, но пир все равно потускнел, за столом воцарилась неловкость, она передалась и мне. Тогда я не смог объяснить себе своего настроения - я был отроком. Только потом я понял, эта грубая шутка покорила меня. Мой дед Гора никогда не позволил бы себе такого. В осуждение он встал бы из-за стола, скорее всего незаметно, а может, и демонстративно. Раньше те поэты были как дед Гора, новое время перекроило и изуродовало их души, под его влиянием были утрачены мужская честь, человечность.

А в заключение замечу, что новые религии и идеологии насаждаются параноиками. Масса верит параноику больше, чем мудрецу, она идет за ним, возносит его на пьедестал, впитывает его учение, и завершается все лицемерием жрецов... Так было, так есть и так будет... Феномен самого Сталина объясняется его продолжительным единовластием. Если обратиться к истории, великие имена и великие дела - удел тех царей, которые долго царствовали. Вожди, собственно, снискивают себе громкое имя, даже если их личные достоинства весьма сомнительны. Сталин в течение тридцати лет держал руку на руле огромной империи. Будущее все рассудит и все расставит по своим местам..."

До истоков Оби оставалось километров триста-четырееста, когда разыгралась буря. Вокруг простиралась ледяная ширь болота, нигде ни рытвинки, не говоря о месте, удобном для логовища. Ветер вздымал снег, мешая разглядеть дорогу. Горе ничего не оставалось, как устраиваться на том же месте, где его застигла буря. Скинув лыжи, он привязал их к саням. Влез в спальный мешок, прихватив теплую шапку, затянул изнутри горловину мешка, открыл прорезь для дыхания, втянул санную лямку вовнутрь, обвязал ею кисть и, утомленный, измученный, уснул мертвым сном. Во сне к нему явилась Нино маленький ангел с мельничными жерновами над головой. Жернова грохотали, было плохо слышно, но Горе удалось разобрать ее слова. "Ты на правильном пути, не сворачивай с него, если понадобится, я помогу в беде!" - сказала и исчезла со своими жерновами. Это видение разбудило его. Он долго думал, что бы значило явление Нино, что она подразумевала под "правильным путем" - то направление, по которому он шел, или вообще жизненный путь. Гора снова уснул, и на сей раз ему приснилась Шурш, Шура Чибунина! В какой-то период заключения эта женщина стала для Горы путеводной звездой. Удивительная, трагическая жизнь была у Шурш, как ласково называл ее Гора. Шуре было четырнадцать лет, когда вспыхнула эпидемия брюшного тифа в местечке, где она жила с родителями, алданскими старателями. Родители умерли, а Шуре удалось выжить - то ли благодаря молодости, то ли Божьей милости. Деваться сироте было некуда, и она пошла в прачки. Стирала грязное, задубевшее белье старателей. Так прошло два года. Легко представить, каково ей было, молодой, привлекательной девушке, среди грубых, неотесанных мужиков... Она сбежала. Никто не знает, что довелось ей испытать по пути в Красноярск. Шура не любила говорить об этом, она вообще стеснялась рассказывать о себе. Начала работать, окончила заочно институт - экономический факультет. Замуж вышла раз, другой, третий. От каждого мужа по ребенку. Решила, хватит. Гора познакомился с ней в лагере, где Шура работала экономистом. Вскоре Гора получил пропуск, то есть право выходить, а потом и жить за пределами лагеря. Он подыскал комнатенку, и провели они вместе месяца два, а то и больше. Но тут вышел приказ, и Гора вынужден был вернуться в свой лагерь на Восточно-Сибирской магистрали. Поселок, в котором работала Шура, располагался неподалеку, тем не менее она собрала вещи, подхватила детей и перебралась на работу в лагерь к Горе. Жизнь их как будто наладилась. Нужно сказать, что в спецлагерях любовные связи воспрещались, но Шура не притязала на близость, ей нужно было только видеть Гору, хотя бы издали, и при случае перебраться с ним парой слов. Радость ее была недолгой. Может, Шура поделилась с

кем-то своей тайной и она дошла до начальства, может, пора было переводить Гору в другой лагерь - он был беглецом и долго на одном месте его не держали. Так или иначе, его перевели.

Спустя пару месяцев Шура приехала и туда. Времена были хрущевские, свидания разрешались. Разрешили и ей, но при условии, что она уйдет из системы ГУЛАГа. Гора, узнав стороной о приезде Шуры, пытался образумить ее, ведь работа в лагерной системе позволяла ей содержать детей. Она была непреклонна. Им дали сутки... Шуре пришлось уволиться, она перешла на другую работу. Потом им удалось пару раз подать друг другу весточку о себе, и Гору из Восточной Сибири перебросили в мордовские лагеря. Связь прервалась. Несмотря на тридцать пять лет, у Шуры уже было больное сердце. На лето она доставала какие-то путевки, лечилась в санаториях. Как-то раз она побывала то ли в Кисловодске, то ли в Ессентуках. Путевка кончилась, и Шура приехала в Тбилиси. Остановилась в гостинице, стала разыскивать Гору знала, что он освобожден по реабилитации. Нашла, побыла несколько дней и уехала. Следующим летом она собиралась в Гагры, заранее написала об этом Горе и просила по возможности приехать. Договорились. В назначенный день Гора приехал в Гагры, прождал целую неделю, Шура так и не появилась. По возвращении в Тбилиси Гора спустя несколько недель послал телеграмму... Шуры уже не было в живых...

Гора проснулся. Буря все бушевала. Он стал думать о Шурш, в который раз оплакивая горькую утрату, потом снова вернулся мыслями к событиям тридцатых годов.

"Да как же так! Рассказал обо всех, кроме своей семьи... Как все началось?"

Осенью тридцать седьмого года во втором часу ночи я возвращался домой. На проспекте Руставели не было ни души. Вдруг вдалеке появился мужчина, я сразу его заметил. Он шагал торопливо, за ним в некотором отдалении следовали двое мужчин, а параллельно медленно двигалась по мостовой легковая машина. Это был Берия с охраной. Когда он поравнялся со мной, я поздоровался:

– Здравствуйте, дядя Лаврентий! - И прошел.

– Подойди ко мне, мальчик!

Я вернулся.

– Ты почему так поздно на улице?

– Я был на дне рождения, провожал девочек.

Задумавшись, он спросил:

– Как твоя фамилия?

– Каргаретели, дядя Лаврентий, Гора Каргаретели.

– Постой-постой... как зовут отца?

– Эренле.

Берия, помешкав, сказал:

– Ладно, беги! - И продолжил путь.

Вот все, что было, ничего больше.

Спустя неделю отца моего Эрекле Каргаретели арестовали, а вслед за ним взяли и мать, Мариам. Меня и поныне мучает мысль: не этот ли случай погубил нашу семью? А может, гибель была неизбежна?

Дачу в Кикети конфисковали, спешно подремонтировали, подновили, и, удивительное совпадение, на ней поселился сам Берия с семьей. По советским законам, лицам на такой должности полагалось иметь поблизости помещение для охраны, кухню, кладовые и другие хозяйственные строения. Нашлись: справа к нашей даче примыкал участок Петрова с домом, а слева - Кряхнова... Не будем брать грех на душу, говорить о том, чего не знаем достоверно. Мне неизвестно, арестованы те семьи или нет. Известно, что наша бывшая дача поглотила оба этих дома... Семья Берии провела в Кикетах одно или два лета. Нового хозяина перевели в Москву, назначили народным комиссаром безопасности. Дача осталась его старенькой матери. Летом к ней приезжала глухонемая дочь, сестра Берии, с мужем и детьми... К слову, когда Берию арестовали, дача отошла правительству. Мать поместили в какой-то дом для престарелых, и, насколько мне известно, она там и скончалась.

Когда мать и отца увезли, меня с дедом выселили из квартиры. Мы притулились в небольшой комнатенке. Жили, как могли. В техникуме я получал повышенную стипендию, у деда Горы оказались сбережения, дотоле мне неизвестные. Помнишь, однажды я получил письмо!.. Как же!.. Наилучшие пожелания, благословения и похвалы. В конце была приписка с просьбой переписать письмо и отослать тому, кто этих чувств достоин. Я дал почитать деду. Он надел пенсне, прочел и сказал по-русски: "Брожение умов!" Потом пояснил по-грузински: "Возроптали умы, много народу погибнет, много крови прольется!.." Все так и вышло. Мирровая война!

По окончании техникума я стал работать техником на радиостанции. Возвратился я как-то домой, дед попросил меня сесть, ему-де надо поговорить со мной. Я сел.

– Гора, слушай меня внимательно. Ты один у меня. От меня скрывают, но я знаю. Твоего отца расстреляли. Дядя скончался в Берлине, его прах перевезли в Париж. Из моих ровесников никого в живых не осталось. Ты умный мальчик, знаю, не пропадешь. Пришла моя пора. Кончился мой век. Помни, твои предки отдали жизнь родине. Я не должен бы говорить тебе об этом, ты сам прекрасно все понимаешь. Не позорь своего рода, могил предков. Самая достойная жизнь - это жизнь, отданная народу и родине!

Он надел очки, заглянул в книгу и усмехнулся: "Ничего не вижу!" Потом приподнялся, но встать не смог, попросил довести его до постели. Я подставил деду плечо, подвел к кровати, раздел, уложил и побежал к дяде Вану Демурия, знакомому врачу по соседству с нами. Был воскресный день, он пошел со мной. Пришли - дед Гора был мертв.

– Старческий синдром! - пробормотал дядя Вану.

Так завершил свою долгую и интересную жизнь штабс-капитан армии Его Императорского Величества Иагор Каргаретели... А проще - достойный, благородный, великодушный человек.

Как он воспитывал меня, окольному научил, какую направленность дал моему будущему! Почти перед самой смертью он рассказал:

"В середине века жил арабский писатель Усама ибн Мункыз. У него написано: отец взял на охоту с собой меня и моего младшего брата. Из тростниковых зарослей донесся рык льва. Отец попросил меня выгнать льва из тех зарослей. Я повиновался, выгнал льва, а мой младший брат убил его!"

Дед вообще любил нравоучения, но эта история со львом была единственной, которую он оставил без пояснений, велел мне самому думать, что бы это могло значить! Он написал на

бумаге, приколов на стенку в изголовье моей постели: "Господи, пошли мне беды, чтоб закалилась душа моя, но беды такие, чтоб бедствовал один я". И еще: "Нравственный идеал содержит четыре добродетели - мужество, справедливость, сдержанность и разумность..." Может, оттого я все время бегаю, что тюрьма и лагерь - это те места, где следовать всем четырем добродетелям или трудно, или невозможно... А может, наоборот?.. Тюрьма и лагерь это то попроще, где цель жизни настоящего человека - блюсти эти добродетели?.. Не знаю, может и так, но там, в "тупике контрреволюции", большинство людей из этих четырех добродетелей предпочитали сдержанность, понимаемую как покорность... А ты как живешь?.. Дед Гора, бывало, говорил: уважай своего врага! Он формирует в тебе борца... Живу так, как жили борцы в моем окружении и моих условиях... Что касается четырех добродетелей, я по возможности следовал им. Откуда мне знать?! Дед Иагор, бедный мой! Отчего он умер, знаешь?.. Оттого, что он уже ничему не удивлялся. Во всяком случае, ему казалось, что он все видел и все знал. После смерти деда произошло удивительное событие. Не знаю, что это - мистика или непонятное для нас, людей, явление. У отца моего был абсолютный слух и удивительный дар играть на любом инструменте. Специального музыкального образования у него не было, но я не могу даже перечислить, на скольких инструментах он играл, поскольку, какой бы инструмент он ни брал в руки, через несколько минут он на нем играл, даже если впервые в жизни прикасался к нему. Он прекрасно играл на тари, и мне кажется, что именно этот самый сложный инструмент привлекал его более других. Чекисты, вероятно, приняли тари, сработанное мастером полтора века назад, за балалайку или ее не было в перечне, по которому вносились вещи репрессированных в протоколы о конфискации. Так или иначе, тари чудом уцелела, и мы повесили ее на стену в крохотной комнатенке, которую получили с дедом взамен собственного дома. Однажды ночью слышу какой-то странный, тревожный звук. Просыпаюсь, встаю, зажигаю свет, осматриваю комнату. Лопнула струна тари. На другую ночь лопаются еще одна. Так полопались все до единой струны, лопались они исключительно ночами, и каждый раз я вскакивал в тревоге. Впоследствии оказалось, что первая струна лопнула в ночь, когда расстреляли моего отца...

Гора, прочь печали и страдания! Нас ждут впереди "тяжести пути" и испытания... А из смешного мы ничего не помним?.. Слушай, время было такое, не до смеха. Ладно, расскажу еще две истории. Одна чуточку смешная, а другая... Как есть! С началом тридцатых годов всерьез взялись за воров. Их уничтожали по линии "деклассированности", но это продолжалось недолго. Кодекс с самого начала был снисходителен к ворам. Воровство, если оно не было связано с насилием, тянуло на два-три года заключения, не больше. И вот власти вернулись к старой практике - вору снова завладели лагерями. Этот факт оценивался по-разному. Одни утверждали, что к этому приложило руку начальство ГУЛАГа, им нужны были свои люди для поддержания порядка в лагерях. Другие считали, что они одного поля ягода. Третьи уверяли, что воров выручила статистика. Их столько развелось, что государство не справлялось с ними, а дополнительные аресты миллионов требовали огромных расходов. Заключенных нужно было одеть, разместить по тюрьмам и лагерям, не говоря о затратах на следствия и суды. Думаю, что все три фактора имели одинаковое значение. Как бы там ни было, но каста "воров в законе" одержала верх, всеобщий цинизм проник и в их ряды.

В юношеском возрасте даже несчастья близких воспринимаются неглубоко, а об остальных и говорить не приходится. Юношам вообще не свойственно обобщать явления. Даже если перед ними очевидные аналогии, они не свяжут их между собой... Когда и почему ты сам понял, что тридцатые годы были кампанией массового уничтожения, а не просто бедой, свалившейся на твою семью и родственников?! Да, когда и почему? Давай-ка вспомним! Встреча Нового года? Нет, это было потом. Я вспомнил характерную историю!

Кажется, я тогда впервые почувствовал, что происходит что-то необычное и мерзкое. На нашей улице жила семья известного адвоката - муж, жена и сын Отар. Он был намного старше меня. Как говорили в те времена, он сбился с пути, то есть попал в дурную компанию,

стяжал себе имя в преступном мире, стал профессиональным вором. Как-то поздней осенью Отар отколол такую "шутку": пригласил пятнадцать акул из воровского мира на ужин по определенному адресу. Квартира была отдельной, из трех комнат, со своим подъездом. В просторной столовой ломился от яств накрытый стол. К шести часам вечера гости Отара сели ужинать, а в одиннадцать он предложил им, уже порядком захмелевшим, выпить на посошок и расходиться, иначе не ровен час вернутся хозяева. Никто ничего не понял. Отару пришлось разъяснить: эта квартира принадлежала супружеской чете с двумя малолетними детьми. Они пошли поздравлять с днем рождения отца, собирались посидеть у него до полуночи, а потом всей компанией вернуться уже в этот дом и отпраздновать годовщину своей свадьбы. "Я пригласил вас к ним на квартиру. Забирайте, что понравится, - и с миром!" - заключил он. Реакцию гостей легко себе представить. Вряд ли в какой-нибудь семье найдется столько добра, чтобы насытить пятнадцать воров. Большинство из вас решит, что они сгребли все, включая галоши. Ничуть не бывало. Воры взялись за концертный рояль Бекнера, с превеликим трудом спустили его вниз, поставили на тротуар и стали судить-рядить, как быть с этой бандурой дальше. Обсуждение шло под "Лунную сонату", которую наигрывал Отар. Они еще не пришли ни к какому решению, как возле подъезда остановились две легковые и одна крытая машина, вышли чекисты, высадили хозяев квартиры - мужа, жену и детей. У жены в глазах стояли слезы, дети плакали навзрыд, отец их успокаивал. Почувяв опасность, воры исчезли. Чекисты не удивились тому, что на улице стоит рояль. Их насторожили люди, улизнувшие с такой поспешностью и бросившие на произвол судьбы прекрасный инструмент. Супружеской чете было не до рояля. Часа на два раньше чекисты, ворвавшись в квартиру, где они праздновали день рождения отца, устроили обыск, перевернули все вверх дном. Родителей супружеской четы арестовали, обвинив в контрреволюционном заговоре, заодно прихватили парочку гостей, а их с детьми привезли сюда. Обьедки на столе и пустующее место рояля, надо полагать, довершили впечатление от разгрома в отцовской квартире и последовавшего за ним финала.

Операция завершилась так же тривиально, как и тысячи других: муж получил "десять лет без права переписки", то есть смертный приговор; жена лагеря; дети - приюты, как правило, отдельно. Одним махом столько квартир освободилось: родителей мужа, родителей жены, двух гостей, самой супружеской четы и - о чудо! - адвоката. Отар, вернувшись с застолья, застал опечатанной свою квартиру, родителей увезли. Итого - шесть квартир!..

Рояль без малого неделю простоял на тротуаре. Нас, ребят со всего околотка, он привлекал к себе необычайным местоположением. Мы собирались возле него поболтать, обсудить, у кого накануне забрали отца. Потом в этой квартире поселился то ли чекист, то ли партийный работник.

Сказать по правде, наши беседы о том, что и как произошло, в основном были шутливыми, но Господу ведомо, сколько печали, тоски и страха гнездились в каждом из нас. Многим именно эти сборища у рояля открыли глаза на происходящее, и, думаю, последующее отношение к строю было обусловлено тем фактом, что новый постоялец поднял с помощью десяти грузчиков рояль в свою квартиру.

То, что произошло в новогоднюю ночь, уже не было для нас неожиданностью, но взволновало, потрясло до глубины души. Нам было по пятнадцать-шестнадцать лет, мы собрались на квартире одного из нас. Дом был новый, пятиэтажный, с пятью подъездами, ярко освещенный. Такой праздник, как же иначе? Мы торжественно, с детским восторгом встретили Новый год. Часа в два кто-то из нас выглянул в окно. Стоял, смотрел, потом подозвал нас - смотрите, что творится! Напротив был дом, сродни нашему, в пять этажей, празднично освещенный.

К столу мы больше не возвращались: стояли и смотрели в окна.

Все кончилось, мы молча, без слов разошлись... К подъездам дома напротив в течение всей

ночи непрерывно подъезжали по две машины: легковая и крытая. Из легковой выходили чекисты, заходили в подъезд. Через некоторое время у того же подъезда или соседнего останавливалась вторая пара машин. Потом третья... четвертая! Машины сновали до рассвета.

В квартирах гас свет. Выводили арестованных: мужчин, женщин, стариков, детей!.. Сажали в крытые машины, увозили.

Здание погружалось во тьму. Кое-где еще горели огоньки. Они ждали своей очереди и участи.

Эх, сколько всего было, одному Богу известно..."

Гора снова заснул.

Глава шестая

Гора вышел, по-видимому, к срединному течению реки, не помеченной на карте, - замерзшая поверхность была не такой широкой. Река оказалась рыбной, и Гора запасся впрок.

На дальнем берегу тянулся сосновый лес, редкий, убогий. Такие деревья растут на плотной почве, не пропускающей влагу. Горе подумалось, что из-за крепкой подпочвы и образуются болота в долинах, по которым ему довелось идти. Зато эта местность до того была изрезана-иссечена ложбинами, что вода здесь не застоилась бы - иначе не видать бы света и этим жалким сосенкам.

Шел мелкий снег. Хлопья заснеживали хвою, делая деревья похожими на зловещих птиц, расправивших крылья перед тем, как опуститься на землю.

"Сосенка, вон та... Сколько в ней очарования, она некрасива, но в ней есть что-то манящее. На каждый товар - свой купец... Да, это так, свой. Вон, справа, чуть поодаль, четвертая сосна, это и есть ее купец. Красотой не взял, но домогается сосенку, пытаюсь привлечь к себе ее внимание... И привлечет, если хватит воли и лукавства... Болтать болтай, но и дело делай! Люди и животные - все одним миром мазаны. В молодости ты не прилагаешь усилий, чтобы привлечь к себе внимание. Это происходит само собой. Подсознательно? Ты хотел рассказать о юности... Да, я имел в виду юность. В этом возрасте юноша первым делает шаг к знакомству, сближению, а девушка выжидает знаки внимания. Так было раньше, теперь все наоборот. Давай-ка о том, что было до смерти деда Горы..."

Нет, те увлечения любовью не назовешь... Почему? Это и есть любовь, самая что ни на есть настоящая, только незрелая, подсознательная... А после деда Горы, до начала войны? Я влюблялся трижды, каждый раз по-разному. От моих влюбленностей только и остались что печаль да угрызения совести. Нет, скорее сожаление о своем поведении... Правильно. Особенно с первой, Тамарой!.. У нас были чистые, платонические отношения. Мы оба были спортсменами, играли в баскетбол. Она была как лань, стройная, изящная. Знаю достоверно, что часть зрителей приходила в зал или на площадку любоваться ее фигурой, живостью, пластикой. Угрызения совести, говорю... Я их испытывал оттого, что не уберег эту любовь. Случилось так, что я увлекся другой девушкой, очень красивой. Она была падчерицей крупного должностного лица. Наши отношения не состоялись по двум причинам. Во-первых, я был сыном репрессированных. Наши отцы некогда вместе учились в Московском университете, а потом состояли в одной партии, национал-демократической. Однако ее отец, в отличие от моего, не только избежал репрессий, но и стал крупной шишкой. Ничего

удивительного - у него был мощный покровитель. Мое появление в этой семье, естественно, особой радости не вызвало. Я это понял по поведению матери девушки. А может, мне показалось, не знаю. Лично мне никто из членов семьи о своей неприязни не говорил. Я сам со временем решился на разрыв. Во-вторых, эту девушку любил еще один парень, сын известного профессора. Стоял я как-то на автобусной остановке. Он подошел ко мне, отвел в сторону и попросил оставить девушку в покое. "Давай договоримся так: пусть она сама выбирает," - ответил я и, повернувшись, ушел. Сказать по правде, к тому времени меня самого тяготили отношения с девушкой. Я даже ходить стал к ней реже уже до этого разговора, но тут то ли самолюбие взыграло, то ли я закусил удила, но ответил я именно так.

Прошло немного времени, и парень покончил с собой. Были разные версии. Лично мне кажется, что причина крылась вот в чем. После моего разрыва с девушкой ее пригласили на роль в кино - это был другой мир; что могло быть у нее общего с юношей, которого она никогда не любила; и потом, сказать по правде, он был заурядным человеком, разве что чуть выше среднего уровня. А тут еще за девушкой стал ухаживать известный актер, и не только он. Потянулся шлейф сплетен. Сын профессора покончил с собой оттого, что так сложились обстоятельства, но я почему-то считал и себя причастным к разыгравшейся трагедии. Мои терзания усугублялись тем, что этим постылым увлечением я мучил Тамрико!.. Отчаявшись вконец, я решил, что влюбленности и романы не в моем характере... Но слова словами, а юность юностью, и в мою жизнь ураганом ворвалась новая любовь: точеная фигура, красивые ноги, бездонные синие глаза с поволокой, изящный нос с горбинкой, юмор, голос... Ее отец, человек известный, погиб в тридцать седьмом году. Мы никогда не говорили о любви, но наше чувство было очень глубоким. Правда, будущего у него не оказалось. Сначала на нас обрушилась вторая мировая война, потом меня арестовали. Срок - двадцать пять лет. Она одной из первых примчалась ко мне в колонию. Расставаясь, я сказал: "Ты должна выйти замуж, не жди меня, теперь моя жизнь потечет по другому руслу". Она не ответила ни "да", ни "нет". Я ушел в побег. Прошло много времени. У девушки поклонников всегда было хоть отбавляй, и среди них люди чрезвычайно достойные. Пришла она как-то к моей тете в слезах: "Прошло столько времени, от Горы нет вестей. Позвольте мне выйти замуж!" - "Конечно, девочка, о чем ты, выходи, как же! - участливо ответила та и шепнула на ухо: - Говорят, Гора за границей".

Девушка вышла замуж.

Эта любовь стала печалью и горьким сожалением всей моей жизни. Она, думается, вызвала во мне протест против подлости судьбы, преумноживший упорство, с каким я впоследствии противостоял своей участи!.."

Через несколько дней Гора снова вышел к реке. Он знал, что у нее есть колена, - так, по крайней мере, значилось на карте Мити Филиппова. Определив местоположение, убедился, что тел правильно. Спустились сумерки, Гора перебрался на другой берег и тут только заметил паром, безлюдный, вмерзший...

"Гора, лучшей гостиницы ты в жизни не видел! Вот тебе будка! Входи и ночуй. Сюда никто носа не сунет среди зимы. Господи, как хорошо! Можно укрыться от снега, ветра... Помнишь тот случай в Тбилиси, на верийском пароме? Бедняга Гоги был задирой, всегда искал драку. Нам нужно было на другой берег. Один из паромщиков, кажется, его звали Павликом... Да, Павликом. Он, сукин сын, вырос на Куре и здорово плавал... На пароме спасателем работал! Помню, как-то Павлик прыгнул в воду за рыбой и поймал ее!

Вот как он плавал! Паром тронулся, Гоги подошел к цепям, встал одной ногой в одну лодку, другой - в другую. Стоит себе, то на воду поглядывает, то на вертящиеся ролики. Павлик рассердился и велел ему вылезать, но Гоги и ухом не повел. Павлик снова крикнул. Гоги, не повернув головы, велел ему убираться подобру-поздорову. Павлик взбеленился и в ярости пихнул Гоги ногой - тот упал в воду. Завидев это, я бросился на Павлика и отправил его вслед

за Гоги. И началась в реке драка... Не знаю, не знаю! Может, Гоги и плавал чуть хуже Павлика, но в драке... Павлику было далеко до него!.. Он так его отлупцевал... А драться в воде так трудно, так трудно!.. Короче, Павлик дернул к берегу, струсил... Пока Гоги выбирался из воды, того и след простыл, он и бегать был мастак... Мы шли на день рождения Что было делать с мокрой одеждой?! Гоги стоял на том, что ее нужно отжать и подсушить! Хорошо еще, была жара, на нем были парусиновые брюки и майка. Отжать он их отжал, но сушить не стал. Пока мы шли, по-моему, она на нем и просохла..

Накануне днем я вроде слышал шум трактора. Может, померещилось?.. Надо бы завтра с утра все тщательно осмотреть. Река, за деревьями далеко ходить не надо - удобно сплавливать лес!.."

Отоспавшись, Гора снова двинулся в путь. Шел он до полудня, медленно, временами отдыхая. Вышел к вырубке. Она была старой, изуродованной неумелыми руками, которые прежде ни топора не держали, ни пилы. Семенников, и тех для отсева не оставили - после нас хоть потоп. Так работают только договорники и заключенные.

"Если здесь поблизости лагерь, то со своей охраной и собаками. Сдалась нам такая экскурсия? Еще влипнем в какую-нибудь историю, а?.. Трактор всего в паре километров отсюда... Нет, дальше. Вон с того холма поглядим в бинокль... Ха, а как туда взобраться?.. Ничего, уж как-нибудь! Это еще что такое?.. Как что, флейта... Фу ты, неужели?! Кто-то наигрывает "По диким степям Забайкалья". Только начали играть, иначе я услышал бы. Поднимемся на холм, посмотрим..."

Горе и впрямь пришлось карабкаться. По его предположениям, лагерь размещался севернее, стало быть, на холм надо было взбираться с юга, со скрытой от глаз стороны, что оказалось делом нелегким. Гора помучился, с трудом одолел лесистый косогор. Удобно устроился, отдышался. Потом поднес бинокль к глазам и стал осматриваться.

Лагерь с прилегающим к нему поселком был заброшен. Он располагался на равнине, примерно в трехстах-четырёхстах метрах от Горы. В поселке, на крыльце ближайшего от барачных домов кто-то сидел и играл. Вокруг ни души. Бараки стояли без дверей и оконных рам. Забор из горбыля, местами поваленный, зиял провалом ворот. Поселок, похоже, тоже разорили, но окна и двери в нем были тщательно заколочены, по крайней мере, те, что видел Гора со своего места. Скорее всего, лагерь и поселок снялись недавно. Поодаль виднелась замерзшая река. На дальнем ее берегу помещался склад с причалом и подъемный кран. Привычная картина: лес, выделенный на ближнем берегу, лагерь давно вырубил. Потом ему дали участок на дальнем берегу, в паре километров от барачных. Вырубили и тот, и поскольку поблизости леса не осталось, взялись за новую вырубку, неблизкую, иначе, будь она в радиусе десяти километров, заключенных водили бы на работу отсюда. Оконные рамы, двери и ворота прихватили с собой для нового лагеря. Поселок, где жили сотрудники администрации и военные, оставили для продажи - покупателей на них много, приезжают с безлесого юга, нумеруют бревна, разбирают дома, увозят и на месте заново собирают их. Тракторист, должно быть, заключенный. Вольнонаемного не заманить в такую глухомань бревна из лесу возить. Гора вспомнил перипетии распродажи такого же поселка в Восточной Сибири: относительно новые строения продали как дрова представителю одного из среднеазиатских учреждений. Музыкант доиграл свою печальную мелодию и вошел в дом.

"Надо выждать, пусть уснет... Погоди, этот лагерь мне что-то напоминает... Тьфу ты, банки, конечно, банки... Такой же лагерь, бабы, тракторист!.. Надо же! Неужели мне во второй раз доведется увидеть такое?.. Времени много, вспомним ту историю, как раз и стемнеет, скрести в ямах картофель лучше в темноте. И сторож десятый сон будет видеть. Да, давай-ка о банках расскажем: заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет. Когда на престол взошел Хрущев, в результате забастовок и бунтов в лагерях режим был ослаблен до того, что мне выдали пропуск и назначили одним из экономистов в управлении. Моим начальником

был некто Павел Николаевич Котельников, майор. Мы были двое у него под началом. Он постоянно отсутствовал: то ездил в командировки, то отсиживался на совещаниях. Котельникову дела не было до того, чем мы занимаемся. А занятий у нас и в самом деле было маловато. Майор загодя подписывал бланки, мы заполняли их, приобщали к ним итоговый отчет, составленный по ежемесячным сводкам, поступавшим из лагерей, и отправляли с фельдслужбой. Этим исчерпывался наш труд, если не принимать во внимание, что мой сослуживец Абрам Хайт любил, вроде меня, анекдоты и кроссворды.

Как-то мы получили отчет одного из лагерей за два последних месяца. В примечании сообщалось, что у администрации нет сведений, вывозятся ли бревна на биржу с такого-то лесоучастка, а если да, то в каком количестве. Лагерь был заброшенным, вырубать было нечего, и контингент перевели на новое место, в лесу оставалось много бревен. Их надо было вывезти. Для этой цели лагерное начальство оставило на вырубке трактор с трактористом, который и должен был проделать эту работу. Но сколько он бревен вывез, никто учета не вел. Майор заподозрил, что их, вероятно, вообще не было и в старых отчетах сделана приписка. Он велел мне оформить командировку, съездить и посмотреть на месте. Оформил, мне выписали спецпропуск, и я поехал. Строительство Тайшет-Ленской магистрали считалось почти законченным, но заказчик, то есть министерство, не подписывал приемку из-за каких-то недоделок... Впрочем, не "каких-то", а очень определенных - чтобы преодолеть расстояние в семьсот километров, поезд порой тащился по несколько суток... Мне ехать было триста, но я ухлопал на них трое суток и только на четвертые попал на ту платформу бывшего лагеря, откуда мне предстояло пройти пешком еще семь километров... Поездка была не приведи Господи, но из нее мне врезался в память один эпизод. Мы стояли на полустанке, безнадега, как говорится, полная. В вагоне тьма кромешная. Я провел целый день на ногах, устал и опустился в коридоре прямо на пол. Чуть погодя ко мне под села женщина в стеганом ватном бушлате, таких же брюках и старых латаных-перелатанных пимах. Мы разговорились, она оказалась заключенной, как и я, и так же, как и я, ехала в командировку. Между нами возникло ощущение близости и нежности. Ей было примерно лет тридцать пять. Я спросил, какая у нее грудь. Она задумчиво ответила: "Я красивая женщина, в темноте не разглядишь. У меня упругое тело, грудь, высокие бедра и изящные длинные ноги. В нашем лагерном быту основная беда красивой женщины в том, что никто не видит, какая она под этим тряпьем. Иногда мне становится невмоготу, так хочется стащить с себя эти лохмотья и пройти в чем мать родила перед мужчинами. Пусть видят, какая я! Пусть видят! Пусть видят!.."

А мы вернемся к тому, о чем изначально поведать хотели. Я отмахал те семь километров и добрался наконец до заброшенного лагеря... Нет, об этом отдельно... Заброшенный лагерь, точнее, поселок, оставленный лагерной администрацией, стоит того... Да-а! Это интересное явление. Получают приказ. Чекисты со всеми чадами, домочадцами и скарбом снимаются с насиженного места, но определенная часть населения остается. Кто эти люди? К примеру, выходит срок у Прасковьи или Даши. Чтобы не возвращаться домой в лохмотках и нищими, пристраиваются они домработницами в семьи чекистов или же идут на работу в хлебопекарню, прачечную. Некоторым вообще некуда возвращаться - ни дома, ни родни. Потом выходит срок у Вани или Гоши, по той же причине остаются и они. Со временем Гоша "женится" на Прасковье, они справляют избу - в лагерном мире "балок". Живут, у них рождаются дети. В один прекрасный день Гоша покидает балок и исчезает как призрак. Остаются "соломенные вдовы". Тем временем лагерь меняет стоянку, администрация покидает свои дома, и в них перебираются "соломенные вдовы" с детьми. Работники администрации редко берут их с собой на новое место, разве что одну-двух. Так составляется "население" из женщин и детей. Чем больше, многочисленнее лагерь и его администрация, тем больше остается женщин и особенно детей. Как они живут, на что? У них есть крыша над головой, топчаны, в лучшем случае расшатанная кровать от прежних владельцев. У большинства нет матрасов, одеял, подушек, о постельном белье и говорить не приходится - все это им заменяют поношенные бушлаты. Ясное дело, никакой посуды, кроме лагерных алюминиевых

мисок и ложек. Словом, нищета неопишная! Что они едят?

Сажают картошку - кто сколько сможет обработать. Летом собирают ягоды, сдают за гроши в потребсоюз - это деньги на хлеб, который они покупают в магазине, - до него тащиться, как правило, несколько километров. В тот период - я имею в виду сталинские времена - заключенных после освобождения переводили на бессрочное вольное поселение. Такова была одна часть населения. Эти люди обрекались на подобное существование и жили так до той поры, пока волею providения не отправлялись в иной мир. Вот в такой поселок я и попал. Здесь мне надлежало узнать, где работает тракторист и как к нему пройти, чтобы замерить объем работ.

Мое появление в поселке вызвало переполох. Ей-богу, окон десять одновременно распахнулись, и из каждого выглянуло по женщине. Дети, занятые играми, вдруг умолкли и, разинув рты, уставились на меня. Наплыла тишина, я тоже довольно долго хранил молчание, пытаюсь оценить обстановку. Наконец одна из женщин спросила, что привело меня сюда, какая нужда? Я рассказал, с чем пожаловал. Все десятеро одновременно стали объяснять мне, как и куда надо идти. Я не разобрал ни слова и, подойдя к одному из окон, заставил повторить объяснения. Помахав на прощание рукой, я пошел... Через три-четыре километра услышал шум трактора и двинулся на звук. Путь лежал через косогор, идти было трудно. Тракторист заметил меня и, поравнявшись, жестом велел следовать за ним. Я так и сделал. На бирже он остановился. Заглушил двигатель, сошел. Оглядел меня и спросил, кто такой. Я представился и объяснил, зачем приехал. Начали замерять. Провозились довольно долго. По правде, я все на глазок мерил, сколько там было. Большею точности и не требовалось. Важно было убедиться, перевозятся бревна или нет.

Тракторист пригласил меня к себе в землянку. Она оказалась крошечной: несколько ступеней вниз, дверь, возле стены узкий, на одного, топчан, вернее, - его подобие, и печь - тоже малюсенькая. У меня была с собой бутылка водки. Мы выпили по глотку. Хмель немного развязал ему язык, иначе ему не разговориться - царь флегматиков. Он ни о чем не спрашивал, на мои вопросы отвечал коротко "да" или "нет". Когда встречаются двое заключенных, тема их разговора - водка, табак и женщина. Мне как-то удалось выудить из него, что срок его истекает через пять месяцев. Он не курил, ему было где-то под пятьдесят. Я спросил, как у него обстоят дела с бабами. Он махнул рукой, - этого добра тут хватает, вон, целый поселок. "Надоели они мне, - в сердцах плюнул он, - когда целый день вкалываешь, вечером не на многое годишься!" Я заинтересовался, как обстояло дело в первый раз.

Он рассказал:

- Окончил работу, развел огонь. Варится каша. Прилег. Слышу, на лестнице звяканье... Будто ручки ведер упали. Стук в дверь. Войди, говорю. Входит баба. Стоит. Садись, говорю. Садится. Говорим о том о сем... Дала бы, что ли, говорю. Мнется, потом спрашивает, а что взамен? Отвечаю, что дать мне нечего, гол как сокол. Вон, пожалуйста, все мое добро на полке. Я раз в месяц хожу в лагерь за продуктами - мука, крупы, постное масло... Что дадут... Она осматривается... И просит жестяную банку. А жестянка хорошая, я в ней масло ношу... Берет банку, уносит. Спустя два дня приходит другая. Уносит вторую банку - в ней я обычно крупу ношу. Вон ту. Остался я без посуды. Между тем настает время идти за продуктами. В лагере завскладом такой жмот, своей банки не даст, знаю, был у меня случай. Сижу, думаю, что делать. В это время снаружи доносится звяканье. Приходит та женщина, что первой унесла жестянку. Трахни меня, говорит, так хочется, мочи нет терпеть. Я упираюсь, не могу, говорю. Потом соглашаюсь, ступай, говорю, принеси банку, тогда трахну. Она на своем, и я на своем. Ни за что не уступил. Пошла, принесла. Вон та банка, правая. Левая - это та, которую вторая баба брала. И ее заставил вернуть. После этого ничего не выпрашивают. Жаль их, несчастных. Эти жестянки им заместо кастрюль. Обе были в саже. Когда третья пожаловала, я ее заставил надраить...

Сгустились сумерки. Пожалуй, можно идти. Тут, кроме музыканта, никто не появлялся. Интересно, женщина это или мужчина?! Где это слыхано, чтобы женщина играла на флейте!.. Я слышал и даже видел... Нам до этого нет дела, займемся картофельными ямами. Их здесь много, видишь? У каждого своя. Если не ошибаюсь, эта Хеопсова пирамида - лагерное овощехранилище... Если в каждой яме осталось хоть по несколько картофелин, на еду наберется. Вырою картофель и улизну, как огородный воришка... А если забраться в какой-нибудь дом и переночевать в тепле, разве плохо? Это будет даже не "Астория", а какой-нибудь "Континенталь"... Нет, милый, отмахали такой путь, чтобы угодить в капкан?.. Да и времени на это нет. У нас свидание назначено. Нас ждут встречи сначала со славным рыцарем неопределенных занятий, пожаловавшим к нам из страны Абу Ибн Сины, потом с истинным аристократом, чей род восходит к первым монголам. Не будем опаздывать на свидания. А у музыкантов - исполнителей и прочих простолюдинов просим прощения, с ними пообщаемся потом".

Пока Гора спустился с косогора в долину, настала ночь. Пробравшись к картофельным ямам, он еще раз окинул взглядом окрестность, положил наземь кладь, сдвинул крышку и спрыгнул в яму. Земля была рыхлой, может, занесенной с картофельными клубнями. Сначала он рыл руками, потом ножом. Нашел три картофелины, вылез, спрыгнул во вторую яму. Тут он собрал урожай побогаче - четыре картофелины и одну сморщенную, средних размеров, свеклу. Он распрямился, уперся руками в края ямы, подтянулся и хотел было вылезти, как со спины раздалось:

– Эй, ты!.. Ты кто такой?! - Это был сердитый голос пожилого человека.

Гора застыл. Какое-то время он так и висел в воздухе, опираясь руками о края ямы. Потом спрыгнул, повернулся к мужчине и, окинув его взглядом, ответил:

– Не видишь, я крот!

Вероятно, это был тот человек, что играл "По диким степям". Одетый во все лагерное, он стоял, скрестив руки на груди, и вызывающе косил глазами на Гору - тот был по пояс в яме.

Зажав в одной руке свеклу, в другой - нож, Гора улыбался, как ребенок, застигнутый на краже варенья.

– Кто такой, говорю?! - повысил голос пришелец.

Гора нахмурился, сунул свеклу в карман, вылез из ямы и с угрозой в голосе ответил:

– Кто такой? Сейчас узнаешь, кто я такой!

Незнакомец, попятившись, пролепетал:

– Я сторож, что же мне и не спросить, кто ты такой?

– А-а, это другое дело. Я - Гора. Чего тебе еще? Беглец!

Сторож оторопел, у него даже челюсть отвисла. Опомнившись, полюбопытствовал:

– Гора? Тот самый? Идешь из Заполярья, так?.. Не врешь, ты и впрямь Гора?

– Как тебя звать? Зэк или вольный? - тем же тоном осведомился Гора.

– Я... Поликарп Васильич я. Бывший зэк. Не бойся, тут, кроме меня, никого нет. Я совсем один...

Гора мотнул головой в сторону, откуда доносился шум трактора.

– У него есть землянка, теплая. Сюда он ходит только за продуктами, дважды в месяц. Недавно вот был... Не придет... не бойся.

– Я не боюсь. Я есть хочу. Здравствуй! - Гора вложил нож в ножны.

– Здравствуй! У меня все есть, все... Пойдем.

Он повернулся и пошел. Гора двинулся следом. Вошли в комнату. Гора присел. Поликарп Васильич достал с полки в нише миску, подал незваному гостю тепловатую кашу, отрезал хлеб, переложил кашу и себе.

Гора подождал, пока Поликарп Васильич принялся есть, и только потом взялся за ложку.

– Были, как же, тебя спрашивали... Э-э-э, откуда им известно, что ты пройдешь здесь, а? Их было трое. Начальник нашего лагеря... то есть нового лагеря... У меня срок в этом лагере истек. А с ним двое чужих. Всего трое.

– Когда были?

– Дней десять тому. На вертолете. Трое...

– Один из них майор?

– Подполковник.

Гора усмехнулся:

– Чего хотели?

– Да ничего. Начальство - ничего. Один офицер был, так себе, низкий чин, так тот сказал: "Верно, от него кожа да кости остались". И все разговоры.

– Не наставляли, как ты должен себя вести на случай, если я приду?

– Нет... Просто сказали, что должен здесь пройти, сказали и ушли... Вот смотрю на тебя, ты, можно сказать, в теле. А они - "кожа да кости". Даже не верю, ты впрямь Гора или врешь?

Гора ушел в свои мысли. Думал он довольно долго, потом снова взялся за кашу и спросил задумчиво у хозяина:

– Ты за что сидел?

– Я политический, "червонец" дали, потом еще "червонец" накинули. Теперь вольный. Давно. Не было у меня ни детей, ни братьев ни сестер. Столько времени утекло. Куда и к кому было идти?

– Когда тебя в первый раз взяли?

– После войны, в конце пятидесятых. - Поликарп Васильич усмехнулся: Лабух я. Знаешь, что такое лабух?

– Знаю, конечно, - музыкант.

– Играл на флейте. Сам я из Курска. Пришли немцы. На другой день нас, оркестрантов, вызвали в комендатуру. Поставили возле трибуны. Сначала говорил русский, потом - немец. Мы должны были сыграть туш, как он закончит. Мы грянули. Вот и все. Меня арестовали много лет спустя: зачем, мол, играл! Судили курских полицаев, а из уважения к ним и с нами расправились: помогали, дескать, фашистам. Они-то на самом деле помогали, а мы... Всем,

кто в живых еще оставался из оркестра, припаяли по червонцу. Нет, капельмейстеру дали пятнадцать. А Скелетова вовсе отпустили, он сказал, что просто так стоял, не дул. Мы подтвердили, его отпустили. За один туш - десять лет!.. Потом судимость сняли... Куда мне было деваться, кому я нужен? Вот остался здесь, не испустил дух, и на том спасибо Богу. Побудь у меня, тут безопасно! На мне склад. Овощи, есть кое-что еще. Мало, но есть. Не смогли вывезти, катер на капитальном стоит. Побудь. Пойдешь я тебе продуктов дам. О-о-о, сани дам! Хорошие сани.

Гора доел кашу и погрузился в свои мысли.

"Так простодушно и настойчиво просит остаться - с чего бы! Может, он стукач матерый, а простодушие - так себе, маска? Говорит, давно отсидел. На кой вольному укрывать беглеца со всеми вытекающими отсюда последствиями? С другой стороны, даже если он сможет сдать меня властям, ради чего он, старый человек, пойдет на это, что могли ему наобещать за такую услугу, зачем он станет так рисковать?.. В большинстве случаев беглые уголовники венчают подобные встречи грабежом и убийством. Он старый зэк, должен знать это. В таком случае, откуда подобная настойчивость?.. Простодушные с пеленок любят рабство, для них верность хозяину - святой долг, служба достоинство. Может, Васильич один из них, чекистский раб?.. Ну и мастер ты сочинять головоломки... Допустим, он - стукач, тогда ему нужно будет тайком выйти и сообщить куда следует обо мне! Топчан стоит у двери. Сплю я, как кролик, куда он денется? Пообещал мне харч, пусть попробует не дать. Побуду день-два. А морда у него мерзкая, на ней так и написано - не доверяй мне! Для нового рывка нужно подкормиться и отдохнуть. Как с этим быть? Кроме того, я должен понять, что он за человек!.. Неуместное любопытство! Времени много. По графику у меня дней десять в запасе, но... Но риск ни к чему, прямо скажем... Нет! Остаюсь на одну ночь. Да будет так!"

Гора остался на двое суток. Хозяин проявил удивительное уважение и щедрость. Никуда не отлучался. Еду переключивал сначала себе, пробовал, нахваливал, потом предлагал Горе. Один не выходил даже ночью по надобности, будил Гору, предлагая выйти вместе. Словом, все было так, как сказал Отия Пачкория об одном человеке - такой вежливый, воспитанный, прямо неприлично.

Утром после завтрака Васильич сказал:

– Я смотрю, ты хочешь идти, да и пора, пожалуй. Лешка-тракторист, сукин сын, такой обжора! Может пожаловать за продуктами. Нужно это тебе? Он парень порядочный, но болтливый. Я наполню рюкзак - и благослови тебя Бог. Ладно?

– Пожалуй, так лучше, - согласился Гора. - А сани, ты же обещал?

– Бери. Мне они ни к чему.

На прощание Поликарп Васильич сказал:

– Ты и сам не знаешь, какой ты человек. Четыре побега - так ведь ты говорил?! Шутка ли! У меня бывала возможность, и не раз, но я не мог уйти. Чего-то мне не доставало... Я не трус, но что-то меня держало... - Васильич понурился.

– Будь ты трусом, разве приютил бы меня? - сказал Гора и пошел.

Старик какое-то время смотрел ему вслед. Потом крикнул: "Стой!" Догнал. Молча топтался на месте. Хотел что-то сказать и не решался.

Гора опустил руку ему на плечо.

– Говори, чего тебе?

Старик все мешкал и, когда Гора повернулся было идти, выдавил из себя:

– Тот подполковник... - Он запнулся, махнул рукой и досказал: - Тот подполковник отвел меня в сторону и... Знаешь, что сказал?.. Дай ему продуктов, пусть уходит!.. Так и сказал, клянусь... Ей-Богу, непонятно!..

Гора, подумав, ответил:

– Да, непонятно! Я обмозгую, что бы это могло значить... Спасибо, Поликарп Васильич!.. Я пошел. Прощай, добрый человек!

Гору совсем не удивило сообщение Поликарпа Васильича. Скорее, удивления достойна была личность самого старика.

"Интересное явление. Наверное, во мне есть то, чего ему самому не доставало. Что-то мешало ему - синдром решающего шага! Судя по фотографии, в молодости он был симпатичным малым, у него добрые глаза. А теперь... На кого стал похож, ночью встретишь - столбняк хватит... О таких, как он, говорят: заглянет в крынку с молоком, молоко скиснет... Точно. Лагерный мир, среда вылепили его внешность... Тюрьма порой и на тебе сказывается... Конечно, сказывается! Если долго жить в Китае, вернешься с раскосыми глазами. Навидались... Оставим это. Вот Васильич прожил семьдесят лет! Что унесет он с собой, что свершил, что оставляет?.. Как ни крути, как ни верти, своей флейтой он кому-то доставил радость, кто-то полюбил или возненавидел музыку. Это его свершение, оно останется после него на земле. Надо думать, что добро, которое он мне сделал, не первое и не последнее в его жизни - тоже свершение, след, оставленный на земле, если, конечно, он не лицемерил. Теперь о том, что человек уносит с собой из этого мира. Это риторика, Бог не для того создал мир, чтобы человек тащил на спине свое добро - духовное или материальное - на тот свет. Оно должно оставаться на земле... Помнишь Петю? Чего он только ни делал: ловчил, в тюрьмах сидел, лишь бы сколотить состояние. Детям птичье молоко доставал. А потом? Потом случилось так, что Петины невестки не поделили между собой какую-то мелочь. Сцепились насмерть, забыли обрядить покойника - до него дела никому не было, и Петю-миллионера босым опустили в могилу. Он ничего не смог унести с собой, но оставить - оставил: деньги, состояние, могилу! Солидное сооружение, на эти средства можно было бы построить прекрасный детский сад. Это самореклама для невесток - таким он был человеком и такие у него достойные наследники!

Тебя и раньше занимала эта проблема, а в последнее время ты часто к ней возвращаешься... Разве не должен я знать, что свершил, что оставляю? Мборгали-непоседой звал меня дед. Может, было бы лучше, назови он меня "тщетным непоседой": есть же мужчины, которые ничего значительного не совершали да и от жизни ничего не получали... О-о-о, про Гору Мборгали не скажешь, что он ничего не получал от жизни... Ты прав, все, что я хотел духовное или материальное, - у меня было, но было, наверное, потому, что в быту я довольствовался малым!

Знаешь, что меня беспокоит? Пример Силы и ему подобных! Силу-то с чего вспомнил?.. Опыт - это не только то, как нельзя делать, но и то, как можно. В этом люди, подобные Силе, сослужили мне службу. Что ты хочешь, значит, они оставили свой след... Э-э-э, Васильич играет... Мазурка... С момента моего прихода он уже не играл "По диким степям", да и другого, пожалуй, тоже... Что это его на мазурку потянуло?.. Может, он кому-то сигнал подает? Исключено. Что ты хочешь от меня, Митиленич, что суетишься, что готовишь? Высчитал меня? И я тебя высчитаю, Митиленич, увидишь... Высчитаю! Готовишь мне финал... Уж я постараюсь, чтоб ты сел в лужу! До чего сани тяжелые, черт! Здорово он мне отвалил, ничего не скажешь?! Как приказали, так и отвалил. После старика дикаря у тебя вообще такого количества продуктов не было. Ладно, о чем теперь поразмышляем? Переберем побег. Ты почему-то ни во что не ставишь те два побега... Ты о которых? О тех самых...

Помнишь, когда ты бежал из колонии завода шампанских вин вместе с Старом Мачитадзе, тбилисским карманником по кличке Бехай, и в тот же день попал в милицию, потом пришлось бежать и от милиционера... Делать тебе нечего? Ты что, держишь за побег тот пустячный случай? Велика важность - обвести вокруг пальца милицейского с киллой! Если уж это считать за побег, тогда, пожалуй, в тот день я бежал дважды. Нет, браток, побег - это когда бежишь из лагеря или тюрьмы... Тебе не все равно, как развлечься и чем занять время?.. Ладно, вспомним о том побеге из колонии завода шампанских вин... От начала до конца, ладно? Пусть так!

Тот побег удался скорее потому, что время было выбрано правильно. Лагерная столовая не вмещала в себя больше одной бригады, то есть двадцати пяти заключенных, и обедать нас водили по очереди. Сначала обедали те бригады, что работали в цехах, - их было три, потом поочередно те, что были заняты на стройке. Я заметил, что последняя из заводских бригад, возвращавшаяся с обеда в подвал, часто по пути встречалась с первой строительной бригадой, ведомой на обед, и часовой на вышке обычно болтал с конвоем. Строительная площадка пустела и, поскольку охрана была занята болтовней, практически оставалась без надзора. Было и другое благоприятное обстоятельство: в то время завод шампанских вин располагался в четырех-пяти километрах от конечной трамвайной остановки, и посетителям с передачей приходилось проделывать этот путь пешком. Добравшись до места, они, как правило, расспрашивали часового, где сегодня работает такой-то заключенный, здесь или в лагере, и прочее. Это занимало много времени, которое при побеге можно было использовать для того, чтобы незаметно или с меньшим риском пересечь строительную площадку.. И все же я предпочел момент встречи бригад - в этом варианте строительная площадка дольше оставалась без присмотра... Сначала расскажем о том, что было до этого!.. Да, я начал с середины. Занятно, с чего бы? Мозги у тебя навыворот, вот с чего. Ладно, не забывай о деле. После окончания войны заключенные возлагали надежды на большую амнистию. Я, Фома неверующий, не верил, что выйдет амнистия, под которую подпаду я и мне подобные. С окончанием войны дороги поразгрузились, и я был уверен, что нас отправят в дальние лагеря. Как в воду глядел, вышло несколько амнистий: для дезертиров, воров, краткосрочников и прочих мелких преступников. Их освободили. Нас - нет. По правде сказать, готовиться к побегу я стал до того, как окончательно убедился, что мне амнистия не светит. Для начала я попросил молодого художника Левана Цомаю, такого же, как и я, заключенного, сделать мне на груди большую татуировку Святого Георгия. Я думал, что если меня возьмут во время побега, то, увидев на груди татуировку, непременно расстреляют как члена молодежной организации "Белый Георгий". В этом, возможно, я и не ошибался. Во всяком случае, Святой Георгий понуждал меня к большей осторожности, приумножая мое ожесточение. Еще я стал отпускать бороду, которую по плану намеревался сбрить перед самым побегом. Одновременно я искал место, откуда удобнее бежать, и тани нашел.

Наша бригада работала в цехе тиражного шампанского. Он представлял собой целую систему огромных подвалов, где вино сначала старилось, потом обрабатывалось. В цех вела одна-единственная двустворчатая дверь. Она, естественно, охранялась. Заключенных на входе и выходе пересчитывали. Система подвалов завершалась массивной металлической одностворчатой дверью. Запиралась она на два засова крест-накрест, на которые навешивались амбарные замки. Эта дверь выходила на строительную площадку! Мне предстояло взломать ее и выйти, но выйти именно в момент встречи бригад, пока часовые на вышке болтали с бригадным конвоем.

Я заранее припрятал в штабелях бутылок бритвенный прибор, гражданскую одежду и немного денег.

Было двадцатое сентября. В этот день я не собирался бежать, поскольку Тенгиз Канделаки, впоследствии известный потомственный винодел, мой ближайший друг и просто благородный молодой человек, должен был принести мне паспорт и военный билет. Я ждал его со дня на день. Время от времени я проверял, не обнаружил ли кто мой тайник и не обчистил его. Так

вот, вошел я в подвал проверить, как обычно, тайник и вдруг увидел человека, копавшегося в моих вещах. Он был настолько увлечен своим занятием, что даже не слышал, как я подкрался к нему. Это был Бехай. Увидев меня, он обомлел:

– Ты что ищешь?

Он не нашелся с ответом. Поскольку администрация завода сэкономила электроэнергию, освещение в подвале было тусклым, а тут еще Бехай от страха походил на мертвеца, хотя и не без оснований слыл парнем смелым.

– Вещи твои? - выдавил он наконец.

– Мои!

Помолчав немного, спросил:

– Для чего они тебе?

– В ломбард хочу сдать!.. А как ты думаешь, идиот, для чего они мне?

– Пойду с тобой, возьмешь?

В лагере, помимо нас, политических, была еще группа воров, правда малочисленная, с пристяжными зэками. Их пребывание в Тбилиси было связано или с большой взяткой, или с какими-то соображениями сыска - по-другому быть не могло. Ясно и то, что в эту малочисленную группу был внедрен человек опера.

Помешкав, я ответил:

– Я не собирался сегодня бежать, но если уж так получилось, что ты обо всем узнал, надо уходить. Я возьму тебя, но уходить мы будем по моему плану. Как только вернемся с обеда и охрана, проверив помещение, займет свои места возле дверей, я дам тебе знак, и мы уйдем. Но ты все время должен держаться рядом со мной и ни с кем не заговаривать: ни в подвале, ни в столовой. Среди воров - насадка, опер знает обо всех ваших разговорах. Не сдержишься, и побег сорвется. Понял, что я сказал?

– Еще бы! Как скажешь, так и сделаю!

Он сдержал слово, ходил возле как приклеенный и на работе, и в лагере, в контакты ни с кем не вступал.

По окончании обеда нас загнали в подвал. Охрана проверила помещение, двое стали в дверях, в обязанности остальных входило построение на обед второй бригады. Эта процедура требует времени: пока соберут заключенных, пересчитают, выведут из здания, снова пересчитают...

Отдав Бехаю отмычку, я сбрил бороду, переоделся. Издалека послышалось металлическое звяканье - раз, другой. Значит, Бехай снял замки и отбросил их. Во мне шевельнулось подозрение - зачем поднимать лишний шум? Ничего не поделаешь, станешь подозрительным, но отсчет времени шел на секунды, и я приблизился к выходу. Бехай уже приоткрыл дверь. Нужно было выходить, он мешкал, хотел, чтобы я вышел первым. Воровской закон - не подставляй свою голову, если рядом есть фрайер. Времени на размышления не было, я, можно сказать, не вышел, а пролез через дверь, настолько щель была узкой, Бехай за мной. На деле все оказалось проще, чем мне представлялось.

Надо было только спрыгнуть вниз, чтобы бетонная плита на этаже надежно укрыла нас от глаз часового. Потом, на приличном расстоянии, начинался тоннель, выходящий на

вокзальную платформу; за ней - железнодорожное полотно, спуск и сады до Куры... Я спрыгнул. Спрыгнул и Бехай, но дверь за собой не закрыл, стало быть, в подвал бил свет, охрана это заметит, то есть побег раскроется. Прыгай, говорю, закрой! Бехай отказался, я не стал настаивать. Мы бросились бежать, проскочили тоннель, платформа была пуста. Не спеша пересекли железнодорожное полотно, спустились с насыпи и пошли садами к Куре.

– Куда мы идем? - подал голос Бехай.

– Мы на свободе, хочешь, ступай своей дорогой, нет - иди за мной и помалкивай.

Он больше ни о чем не спрашивал. По моему плану мы должны были переплыть Куру, пройти пару километров тем берегом в сторону Тбилиси, еще раз переплыть реку и дальше идти к городу. Таким образом, если бы пустили собак, они потеряли бы след, сбилась бы и погоня, а мы тем временем спокойно вошли бы в город левым берегом.

Мы вышли к Куре. Я снял с себя одежду, подвязал ее ремнем к голове, чтоб не намочла, и тут услышал за спиной:

– Не пойду, не умею плавать!

Я обернулся, Бехай стоял одетым.

– Вырос в Ортачалах и не умеешь плавать?.. Раздевайся или уходи. Не бойся, тут мелко, я помогу!

Он подчинился. Возможно, у Бехая были свои соображения, по которым он не хотел со мной расставаться.

Кура обмелела, глубоко было разве что метров десять - еще понадобилась моя помощь. Мы выбрались на берег, оделись и побежали садами. Снова разделись и только переплыли реку, как раздалось два выстрела! Это охрана, оповещая о побеге заключенных, поднимала тревогу, но мы уже достигли городской окраины и шли между домами. Опасно было в центре, а до окраины военный патруль не доходил. Документов не было ни у одного из нас...

Мы попались в тот же день... Ладно, передохнем малость, а то суставы болят, мочи нет... Да... Когда мы вошли в Тбилиси, Бехай сказал, что на Кукии у него есть брательники, воры. Может, у них найдутся для нас документы. Мы пошли. Их собралось человек пять. Война только кончилась, люди жили в нужде, тем не менее нас угостили вином, случилась и закуска, но документов ни у кого не оказалось. Мы заглянули к Мулле. И тут ничего не получилось. Решили перебраться на другой берег. На проспекте Плеханова патрулировали военные, проверяли документы у прохожих, в основном молодых... До сих пор не могу понять, какую цель преследовало патрулирование? Война кончилась, дезертиров освободили по амнистии... Поди знай! Где бы мы ни перешли проспект, мы непременно столкнулись бы с патрулем и тогда - здрасьте, камеры внутренней тюрьмы Министерства госбезопасности Грузии!.. Но не даром говорится: нет такого положения, из которого не нашлось бы выхода. И я нашел его. Вот какой. На углу улицы Челюскинцев и проспекта Плеханова, напротив киностудии, помещались железнодорожные кассы. Здание было старым, одноэтажным, но, что очень важно, с двумя выходами. Можно было войти с улицы, переждать, пока патруль пройдет к Муштаиду, и выйти на проспект, пересечь его несколькими метрами левее, и на тебе - улица Челюскинцев со своим мостом. За мостом - площадь Героев, или то, что нам требовалось. Мы так и сделали. Перешли улицу Челюскинцев, вошли в здание с кассами, переждали, пока патруль отойдет на приличное расстояние от киностудии, пересекли проспект, и тут произошло то, что называется гримасой судьбы... Я шел впереди, Бехай - за мной. Перешли. Я взял влево, к улице Челюскинцев, но не сделал и пяти шагов, как мне навстречу вынырнул патруль, остановил меня, спросил документы. Я деловито и старательно обшарил все карманы и с сожалением заметил, что оставил их дома. Патрульные велели

следовать за ними. Я подчинился, но едва мы миновали угол, то есть вышли на улицу Челюскинцев, как я, сорвавшись с места, припустил к мосту. Я не бежал, а летел. Я был спортсменом, к тому же серьезно занимался бегом. Пару раз мне крикнули вслед: "Стой! Стрелять буду!" Потом действительно стали стрелять, причем оба. Не знаю, может, один из них - в воздух, но то, что пули цокали по мостовой, я слышал. Какой-то мужчина сделал вид, что хочет схватить меня. Он и случившиеся рядом прохожие спасли меня от пуль ППШ в спину. Стрельба прекратилась, а я все бежал. Обернулся - никого, тогда я продолжил путь, но уже спокойным, размеренным шагом. До конца моста оставалось шагов десять, когда рядом остановился грузовик и с подножки прыгнули мои патрульные: "Руки вверх!" Делать было нечего, я остановился. Не знаю, что на меня нашло, но рук я не поднял, отказавшись подчиниться приказу. Заложил их за спину. Патрульные подтолкнули меня вперед, сами пошли сзади. На углу Челюскинцев и Плеханова, по диагонали от касс, располагался одноэтажный психиатрический диспансер с небольшим садом, обнесенным невысоким, в полметра, бордюром. Вторая гримаса судьбы: на бордюре вместе с другими задержанными сидел под охраной конвоира Бехаи! Было от чего рот разинуть, я-то полагал, что ему удалось уйти! Забыл сказать, что на Кукии я взял газету у тех ребят, и все это время держал ее в руках. Тут она мне пригодилась. Я развернул газету, прикрыл ею лицо и сделал вид, что читаю, - мне не хотелось, чтобы кто-нибудь из знакомых увидел меня. По счастью, те, что шли мимо, или не обращали на нас внимания, или, глянув, тут же отводили глаза. Уверен, что кого-то из них все же изумило это зрелище: над головой - конвоир с автоматом, а парень сидит себе, газету почитывает. Примерно в половине четвертого нас всех четверых отправили на грузовике в городскую военную комендатуру возле Александровского сада. Относительно меня дежурному офицеру доложили так: пытался, дескать, удрать и был пойман. Я представился студентом университета Георгием Александровичем Майсурадзе, проживающим по улице Гоголя, тридцать три. Бехаи тоже подался в студенты. Имя он оставил свое, фамилию назвал Каландадзе, а насчет адреса сказал, что живет на улице Пиросмани, двенадцать. Дежурный офицер старательно записал наши фамилии, и нас заперли в таком же "темном и сыром" подвале, в каком некогда пребывал Лазарильо из Тормесы со своим рыцарем. Тут собралось довольно много народу. Сидели тихо, занятые своими мыслями. Мы с Бехаем назвали улицы Гоголя и Пиросмани, поскольку они были приписаны к одному и тому же отделению милиции, в частности девятому. В нем, как мне помнилось, работал некий Гулико Закарая, доводившийся мне дальней родней, - утопающий за соломинку хватается!

Дежурный офицер вызвал нас вместе, меня и Бехаю, возможно, потому, что нами должно было заняться одно и то же отделение милиции. Еще одна гримаса судьбы: за столом сидел незнакомый офицер, не тот, что принимал нас. В пять часов заступила новая смена, и дежурный ушел, забыв передать мои данные сменщику. Полагаю, что с этой случайности и началась полоса моего везения... Просматривая заполненные бланки, офицер задал какой-то вопрос, приставил к нам конвоира лет сорока-сорока пяти и спровадил в девятое отделение милиции. Мы шли впереди, заложив руки за спину, а конвоир следовал за нами на расстоянии десяти-пятнадцати шагов. Миновав Воронцовский мост, мы вышли на улицу Камо. Не поворачивая головы, я шепнул Бехаю: "Как дойдем до Семеновской, беги вверх по улице, я кинусь в Куру". Снова гримаса судьбы. Как мог конвоир на таком расстоянии слышать мой шепот, уму непостижимо, тем не менее он приказал нам остановиться. Мы остановились.

– Я слышал, вы собрались бежать. У меня семья, дети, не ждите пощады, я буду стрелять. Сами погибнете и меня втянете в историю. Даю слово, доставлю вас в милицию, сдам на руки, распишусь и ни слова о том, что вы хотели бежать. Лады?

Мы, естественно, сделали удивленные глаза, убеждая, что ничего подобного у нас и в мыслях не было.

– Марш! - прикрикнул он.

Мы двинулись. Конвоир доставил нас, передал дежурному бумаги на подпись. Не сказав ни слова лишнего, повернулся и ушел.

Прежде в отделениях милиции в комнате дежурного задержанным отводился закуток, обнесенный перилами с балясинами, а арестованным - камеры. Дежурный затолкал нас в закуток и занял свое место на возвышении с таким же ограждением. На телефонные звонки он отвечал так: "Девиати аделенья, дежурни старши лейтенант Тавадзе слушайт!" В зале... Нет, это был не зал, а большая комната... Народу здесь было тьма! Проститутки, карманники, доставленные по подозрению, тех же, кого ловили на деле, сразу помещали в камеры. Были и цыганки, торгующие катушечными нитками и прочей мелочью, и хулиганы, продолжавшие и здесь материться и драться. Дежурный "старши лейтенант Тавадзе" невозмутимо взирал на происходящее, подзывал к себе по очереди задержанных и, освобождая их одного за другим, сопровождал свои действия указанием:

– Казарян, выпусти этого!

Время шло.

Мы ждали, вот сейчас войдут оперативники, те, что нас, беглецов, ищут, и тогда пиши пропало. Обычно искали повсюду, включая и отделения милиции, могли же они попасть в милицейские лапы. Такое нередко случалось, но, по счастью, на сей раз никто из оперативников рвения не проявил.

Не существует положения, из которого не было бы выхода. Это девиз моей жизни от рождения и доныне. Мой мозг изрядно потрудился в той ситуации, отыскивая выход. Потрудился и добился результата. События развивались так. Дежурная комната опустела. Один из сотрудников был на посылках у дежурного - он уходил с поручением и спустя время возвращался за новым указанием. Второй, Казарян, сидел у входа, поклевывая носом.

– Уважаемый дежурный, позвольте подойти. Это я испрашивал разрешения выйти из закутка на пару слов.

– Иди!

Приблизившись, я прошелестел:

– Уважаемый дежурный, какой смысл нам сидеть здесь? Выпустите одного из нас, и он принесет документы. Много обещать не могу, но триста рублей я бы дал!

Тут Бехай, самовольно покинув закуток, вырос возле меня.

"Старши лейтенант Тавадзе" довольно долго размышлял и наконец решился.

– Ступай и принеси! - велел он Бехаю.

Дежурный досказать не успел, как Бехай сорвался с места. Я исхитрился ухватить его за рукав.

– Скажи моей матери, пусть вложит в документы триста рублей!

Эти слова, естественно, предназначались для ушей дежурного.

– Казарян, выпусти его!

Амнистия касалась Бехая, уже подскочившего к двери.

Я знал, что мне его больше не видать, - не мог же он впрямь поехать в Ланчхутскую колонию,

где находилась моя мать. Даже если и поехал бы, мои документы надежно хранились в архивах Министерства госбезопасности. Но этот трюк входил в мой план. К слову сказать, я был уверен, что за обещанными тремястами рублями дежурный пошлет именно Бехая. Все шло по моему сценарию, в котором мне была отведена роль трехсотрублевого заложника. Теперь все зависело от того, придут или нет в ближайшие час-полтора оперативники и обнаружат ли они меня в закутке, обнесенном перилами с балясинами.

Как бы то ни было, дело принимало нужный оборот Тавадзе покинул свой пост и вышел. Чуть погодя в дверном проеме блеснул очками Гулико Закарая. Я тотчас хлопнулся плашмя на скамью и притворился спящим. Я больше не нуждался в заступничестве Гулико. Более того, его присутствие, узнай он меня, грозило опасностью. Чин у Гулико был незавидный, и он из желания продвинуться по службе, отхватить очередное звание, мог заложить меня!.. Всяко бывает... Мне следовало заранее подумать об этом, но, как известно, утопающий и за соломинку хватается. Ладно, пусть бы только это. Но в моем плане обнаружился еще один грубейший просчет. Конкретно, вот какой. Гулико Закарая не меньше получаса болтал по телефону с какой-то девицей. Куда он только ни приглашал ее, чего только ни предлагал, но, вероятно, так и не уломал ее, поскольку, положив трубку, смачно выругался и, крайне раздраженный, покинул отделение. Вскоре вернулся дежурный Тавадзе и занял свое место. Я напряженно размышлял, пора или нет приступить ко второй части плана. Я боялся спешкой испортить операцию, так удачно начавшуюся. А вместе с тем надо мной висела угроза появления оперативных работников. Выждав еще с полчаса, я снова попросил у дежурного разрешения допустить меня к столу.

– Уважаемый дежурный, - вполголоса начал я, чтобы вдруг не услышал Казарян, - что-то его долго нет. Прямо скажем, подозрительно. Пройти на улицу Гоголя - двух часов не требуется. Представим себе, что парень дезертир или уголовник. Пришел к моей матери, взял документы, деньги и ищи-свищи. В таком случае я вынужден буду заявить о пропаже паспорта и военного билета. Как прикажете заявлять?!

– Что?! Ты хочешь сказать, что не был с ним знаком? Вы не вместе?

– Мы были вместе, вернее, нас привели вместе, но откуда мне знать, кто он такой?

Такой глубокой задумчивости, в какую погрузился "дежурни девиати аделенья старши лейтенант Тавадзе", я, пожалуй, после статуи Родена, в жизни не видел. Стряхнув с себя оцепенение, он живо спросил:

– Где живешь?

– Гоголя, тридцать три! - так же живо откликнулся я.

Тавадзе взялся за трубку - вступал в действие грубый просчет моего плана - и набрал номер:

– Натела, привет! Как ты, любовь моя, надеюсь, хорошо?

Любезности длились примерно минуты три-четыре.

Сказать по правде, меня била дрожь, ноги подкашивались, я едва не падал. Опершись о перила, я внимал преамбуле своего смертного приговора.

– Ладно! - покончил с любезностями Тавадзе. - Посмотри-ка, проживает ли на Гоголя, тридцать три, Майсурадзе?

Я уверен, что подобные паузы обеспечили инфаркт не одной такой гениальной личности, как я!

Пауза тянулась бесконечно, Натела искала!

– Ну пока! Я еще звякну, - сказал дежурный и обратился к милиционеру: - Казарян, поди сюда!

Я думал, что Казарян вытащит связку ключей и, затолкав меня в коридор, запрет в одной из камер.

Ничуть не бывало.

– Веди его на улицу Гоголя за документами и сразу обратно. Приведешь назад, слышишь?!

Я сказал "спасибо" и... Чтобы я вернулся обратно?! Как же! Держи карман шире! Такое могло прийти в голову разве что идиоту...

То, что произошло дальше, можно в равной степени отнести и к разряду комедии, и к разряду драмы. Когда мы дошли до улицы Ниношвили, я свернул направо.

– Ты куда? - строго окликнул Казарян.

– Тут, в номере пятьдесят, живет моя тетька. Мама вечерами бывает у нее, ей одной скучно. Если ее не окажется на Гоголя, нам все равно придется возвращаться сюда.

Казаряну нечего было возразить против такого мощного аргумента. На улице Ниношвили прошла моя юность. Дворы двух смежных домов были разделены полуразвалившейся кирпичной оградой. Я вошел в подворотню, длинную и темную. Он за мной. Развернувшись, я врезал ему по челюсти. Я был верзилой - будь здоров! - и по моим соображениям, удар, довольно мощный, должен был послать Казаряна по меньшей мере в нокаут. Перескочив в соседний двор, я выбежал на улицу, гляжу - вслед за мной выскакивает милиционер. Не так уж сильно я его припечатал. Казарян открыл стрельбу. Я несся в направлении улицы Кадиашвили. Под деревом стояла влюбленная пара. Не знаю, как парень, но девушка, заслышав выстрелы, вскрикнула и хлопнулась плашмя наземь...

Я ушел, что и говорить. За всю свою жизнь я первый и последний раз поднял руку на милиционера. То, что на Гоголя тридцать три на самом деле проживал Майсурадзе, было самым важным совпадением из числа тех, коими была исполнена моя жизнь... Погоди, что получается, сколько же побегов Митиленич должен мне приписать?.. Как сколько?.. Первый - от чекистов, второй и третий в один день - из лагеря и от милиционера, четвертый и пятый - из Караганды, шестой - из бухты Ванина... Это был не побег, только попытка... Шестой... Этот побег... Черта лысого, пусть считает как хочет. Какая разница?! Да, ту ночь я провел на Кукийском кладбище. Могила, давно заброшенная, вся заросла сиренью, она была удивительно мягкой, вероятно, из-за почвы, которую годами размягчали облетающие листья. Я спал мертвым сном. Несмотря на то, что накануне мне пришлось туго, проснулся я с рассветом и целый день провел на кладбище, поскольку высываться до темноты было опасно. Я просидел возле чьей-то могилы, как безутешно скорбящий... Помню, пополудни пришли госпожа Нато Вачнадзе и госпожа Кира Андроникашвили, сестры. Посидели немного неподалеку, положили цветы на могилу и ушли. Я подошел к той могиле. Надписи не было. Интересно, на чьей могиле они были?

Спустилась ночь; у меня была двоюродная тетка, одинокая старая дева. Я пошел к ней. Она занимала одну комнатенку в полуподвальном помещении двухэтажного дома. Наверху, в просторной квартире, жил чекист, большая шишка, так что охрана мне была обеспечена. Комната тети была перегорожена платяным шкафом, за ним помещалась кровать. Нашлось место и для меня. Тетя Тамара была целыми днями на работе. Днем выходить из дому было опасно, а вечерами мне не хотелось. Кстати, об этой комнате... Прошла вся жизнь, а я по сей день помню, как будто это было вчера, что довелось мне пережить в ней. Тут я познал цену благородства и сдержанности, понял, что нельзя поддаваться порывам и темным инстинктам. Жизнь - это школа, от самого рождения и до самой смерти... Особенно в молодости, когда

сознание хоть немного перебродило... Я плохо себя чувствую. Жар, что ли? Ну-ка, пощупаем пульс!"

Гора не меньше трех суток брел с высокой температурой, пока не вышел к охотничьей хижине, помеченной на карте Миши Филиппова. Он понимал, что нужно основательно отдохнуть и подлечиться, но не под открытым же небом! Он нуждался в крове и тепле, оттого и искал так упорно хижину.

Гора заметил ее еще издали, огляделся. Дым из трубы не шел, и он не стал мешкать. На двери висел замок. На поиски ключа ушло довольно много времени, хотя Миша Филиппов и предупредил, где он лежит. Ключ, собственно, там и оказался, на обычном месте, - хозяева хижин оставляют его перед началом охоты или по завершении ее. Гора снял замок, вошел. Возле печи, как водится, лежали лучины, небольшие поленья и спички. Он развел огонь. В хижине потеплело. Подкинув дров, Гора влез в спальный мешок. Когда проснулся, в хижине стоял ледяной холод, как и накануне, когда он вошел в нее.

"Долго я спал?.. Пару суток или пару часов?.. Не все ли равно?.. Пожалуй! Не помню, принял я лекарство или нет... И теперь не поздно. Опять температура... Так не пойдет, надо глотнуть таблетку, развести огонь... Дрова принести... В сенях сложены... Ишь ты, банки на полке. Хозяйственный мужик, перевернул вверх дном, чтоб не запылились... Мама, бедная моя, она после заключения пила чай из пол-литровой банки, никак не мог отучить. Откуда в лагере взяться стакану, вот и вошло в привычку. Пригодилась привычка - ее забрали во второй раз. Так мать и не вернулась. Я даже не знаю, где она скончалась. После первого заключения ее так и не оставили в покое. В те времена советская власть, в частности, Министерство внутренних дел не определяло заключенных на вольное поселение. Это потом придумали, кажется, во вторую мировую войну: тем, кто возвращался, запрещалось проживание не только в Тбилиси, но и в радиусе двадцати километров от него. Сказать по правде, эта санкция носила формальный характер. Маме удалось "прописаться" в Мцхети у Гедеванишвили, в основном же она жила со мной в чуланчике, который дали нам с дедом Горой. Из ссылки мать вернулась совершенно изменившейся, погасшей, безучастной, - словом, другой. Куда девались прежняя ее энергия и трудолюбие?! К примеру... В начале тридцатых годов Грузию наводнили проститутки и нищие - дилетанты и профессионалы со всех уголков Советского Союза... О нищих потом... Мать с госпожой Чхеидзе, чрезвычайно уважаемой дамой, организовали диспансер трудового воспитания, в котором собралось около трехсот проституток. Диспансер не был, разумеется, заведением тюремного типа. Женщины жили в общежитиях, там же питались, а работали в мастерских, изготавливали трикотажные изделия. У них даже клиника была для лечения венерических и других заболеваний. Помню, с каким азартом, ответственностью и любовью мама и госпожа Кетеван занимались этим делом. Такой была мать до ареста..."

А с нищими никто не мог управиться. Особенно остро ощущалось их нашествие в зимние месяцы. Континентальные морозы гнали на юг немалую прослойку советского социалистического общества. Что только не придет в голову грузину, к тому же коммунисту! Проблему нищих отчасти разрешали с помощью такой уловки: когда ожидался из Москвы приезд комиссии или высокого должностного лица, милиция, объезжая город, собирала в грузовики нищих, вывозила их на расстояние шестидесяти километров от Тбилиси и оставляла. Транспорта почти не было, пока нищие добирались обратно, комиссия или высокий гость возвращались в родные пенаты. На моих глазах произошел такой эпизод. Я шел мимо кафедрального собора Сиони, когда началась очередная облава на нищих. Завидев милицейских, одноногий нищий неопределенной национальности вскочил и, не теряя времени на костыль и шапку с мелочью, с такой завидной прытью покинул арену своей деятельности, что даже шустрый милиционер не смог угнаться за ним, хотя прилагал к этому немало вдохновенных усилий..."

Гора так и заснул с мыслью о матери. Проснулся он от голода и, снова не сообразив

спросонья, долго ли спал, продолжил прерванные раздумья.

"...Я виноват в твоей смерти, мамочка. Не уйди я в побег, ты отсидела бы срок в Ланчхутской колонии и вернулась, но тебя сослали. Этой ссылки ты не перенесла... Грех на мне! За него Всемогущий Господь послал мне в удел участь Агасфера - вечного странника!.. Не искупить этот грех..."

Гора полежал еще немного и вылез из мешка. Хоть накануне лекарства не принял, он чувствовал себя получше, голова лишь кружилась. Еды в хижине не было, и он, ограничившись своими запасами, глотнул таблетку, протопил хижину и снова залез в меток. Накануне ему приснился сон.

"Сон или видение?. Ни то ни другое - кто-то вошел, посмотрел на тебя и вышел .. Погоди, кто это был, Великан, Чан Дзолин или Юродивый? Да нет же, это был мужчина, обыкновенный мужчина, живой, бородатый, с ружьем. Он смотрел, смотрел на тебя, потом удалился!.. Кто бы это мог быть? Хозяин по окончании охотничьего сезона запер хижину и ушел... А случайный гость исключается?.. Конечно, нет... Ладно, разве поймешь, кто пришел и когда, как долго пробыл, что собирается делать?.. А что он должен делать? До ближайшего населенного пункта пара сотен километров. Даже если пара сотен метров. Ты можешь встать и идти? Не могу Вот и будем здесь, пока жар не спадет..."

Гора снова уснул, но спал на этот раз недолго. Когда проснулся, печь была еще теплой. Он лежал, думал. Что-то тревожило его. Одевшись, Гора засобирался в дорогу и с рассветом был уже в пути. Он двигался медленно, едва волоча за собой сани, тем не менее к вечеру прошел без малого тридцать километров. Снег повалил крупными хлопьями, совсем как в субтропиках, незамерзающими хлопьями. Гора вышел к берегу какой-то реки, прямо к пирамиде из бревен, готовых для сплава. Забравшись вовнутрь, устроил себе постель и уснул. Проснувшись, он пытался сообразить, как долго спит, но, так и не поняв, снова погрузился в сон.

Как выяснилось потом, Гора проспал трое суток. Стоял погожий день, проклевывалось солнце. Гора вылез из укрытия. Определил время и местоположение. Сделав отметку в календаре, собрал пожитки и двинулся в путь.

"Чем бы развлечься?.. О чем поразмышлять?.. Вспомним, на чем остановились... Да, я упомянул о комнате своей тети и о Зейнаб Нвелидзе-Нубанеишвили... Удрав с завода шампанских вин, а потом и от милиционера, я вынужден был заночевать на кладбище, а потом заявился к тете. Тут и случилась эта история ... Тетя с утра уходила на работу, а я отлеживался на тахте, помещавшейся за шкафом. Соседка, которой тетя доверяла, вызвалась носить мне еду, и тетя оставила ей ключ. Вот щелкнул замок, открылась дверь, и в комнату вошла девушка. "Тетя оставила мне ключ, я - Зейнаб Квелидзе, не бойтесь", - сказала она, заглядывая за шкаф, поставила еду на стол и ушла. Глазастая, стройная, красивая Зейнаб спустя время появилась снова, на сей раз чтобы забрать посуду. Она села неподалеку от меня, и мы стали болтать. Ее интересовало все - нелегальная работа, процесс следствия, тюрьма, побеги и много-много всего. На другое утро она снова пришла и принесла тарелку с едой в ведре, перекрытом полотенцем, чтобы любопытные соседи не видели, что она носит!.. Мы опять болтали, рассказывали друг другу всякие истории. Входная дверь была занавешена белой занавеской, через которую легко проглядывались силуэты людей в квартире. Поэтому в следующий свой приход Зейнаб присела на краешек моей постели. Кто бы ни заглянул в дверь, за шкафом ее не было видно. В ожидании денег и документов я остался на несколько дней дольше, чем предполагал, и Зейнаб пришлось раз пять или шесть приносить мне еду. Я был полон сил, здоровья, долго сидел в тюрьме, стосковался по женщине. Но могу поклясться всеми клятвами, что греховных мыслей у меня не было. Как-то так получилось, что между нами возникло ощущение близости. Повторяю, я ни о чем дурном не помышлял, просто почувствовал нутром, что Зейнаб тянется ко мне. И, думается, в

какой-то момент мы оба одновременно осознали, что испытываем взаимное влечение - она, когда вышла из комнаты, а я, когда остался один. Я метался в поисках выхода и наконец решил уйти в ту же ночь. У меня был друг Малхаз Заалишвили, он жил в Ване. Район меня устраивал, оттуда легче было подать о себе восточку нужным людям. Все обернулось иначе. Вечером Зейнаб принесла мне ужин... В одной руке она держала ведро, в другой... грудного ребенка! Пришла, села на край кровати, ребенка положила перед собой...

Между нами пролегла граница!.. Я не знал, что она замужем. Не знал и того, что у нее грудной ребенок... Зейнаб оказалась женой моего друга Авто Кубанеишвили. Если начистоту, все вышло как надо. Зейнаб поступила правильно. Она ведь не знала о том, что с темнотой я собирался уйти по той же причине, и принесла ребенка... На другое утро пришел и Авто. Он уже был актером. Мы поболтали, исполненные приязни друг к другу. Вечером... Нет, поздно ночью, Зейнаб пригласила меня к себе, познакомила с братом, Шалвой Квелидзе - он был тогда комсомольским вожаком одного из районов Тбилиси. Мать Зейнаб и Шалвы, госпожа Нино, накрыла ужин. Шалва дал мне деньги и одежду. Авто поутру принес паспорт и военный билет на имя Гавашели. Я распрощался с тетей, поцеловал Зейнаб руку и отправился за приключениями своими ухабистыми путями".

Гора шел, приторочив лыжи к спине. Вдали виднелись трубы, из которых валил дым столбом. Остановившись, Гора задумался о том, что там, в тепле, живут люди: суетятся женщины на кухне, дымят махоркой мужчины, играют дети, плачет в чьих-то руках скрипка. Прислушиваясь к звукам музыки, он невольно потел на них и остановился поблизости, чтобы лучше слышать. Постояв какое-то время, двинулся дальше, и припомнился ему еще один эпизод из лагерной жизни.

"Аляхнович, музыкант, старый человек... Жил в свое время в Ленинграде, играл в оркестре одного из ресторанов. Его взяли за болтовню, срок "червонец". Жена приехала к нему в лагерь и привезла с собой скрипку. Сидел себе старик и играл на ней. Молодой парень, украинец Кодрик, все приставал к старику, чтобы тот научил его играть на скрипке. Аляхнович согласился, в благодарность Кодрик обслуживал его: стирал, приносил из столовой хлеб. Он оказался на редкость талантливым музыкантом и внутренне богатым человеком. Выучившись играть, он исполнял на скрипке классические произведения, причем играл с таким мастерством и вдохновением, что его можно было принять за профессионала.

У Аляхновича никого, кроме старенькой жены, не было - все погибли в ленинградскую блокаду. Получив извещение о ее смерти, он так горевал, что вскоре последовал за ней. Перед смертью он написал завещание, по которому скрипка уходила Кодрику. Завещание заверили мы, свидетели.

Труп Аляхновича не успел остыть, как за скрипкой явился чекист. Кодрик протянул завещание. Чекист, прочитав его, смутился и ушел, вероятно, обдумывая, как быть дальше. В этом и заключался его просчет, поскольку Кодрик, припрятав скрипку, примчался ко мне, вернее, к нам, грузинам, за советом. Времена изменились, чекисты уже не смели творить произвол, как прежде, поэтому мы могли попридержать скрипку, тем более что через пару месяцев у Кодрика кончался срок и он прихватил бы ее с собой в Карпаты. Но за скрипку надо было бороться в полном смысле этого слова, тан стоило ли из-за инструмента затевать кутерьму?! Кто-то фыркнул: "Пусть отдает, ну ее на фиг!" Кодрик едва не задохнулся от ярости. Я даже подумал, с чего это он так горячится. Кодрик, заметив мое недоумение, отвел меня в сторону и шепнул: "Это Амати!" Я разинул рот - Амати у Аляхновича?! Чекист, как оказалось, ничего не знал о ценности скрипки. Просто ему хотелось присвоить ее вместе с другими вещами умершего - вдруг окажется что-нибудь стоящее. Нужно было устроить так, чтобы новоявленный любитель музыки добровольно отказался от своего намерения. На том и порешили. Если он явится за скрипкой не один, мы попытаемся убедить его, не получится - силой проведем свое; если вдруг придет один - пошлем его подальше и пригрозим пожаловаться начальству... Чекист пришел один. Мы припугнули его, и он ушел несолоно

хлебавши. Но существовала и другая опасность, на воле у него были какие-то делишки с "суками", в прошлом грабителями и ворами. Мы, признаться, тоже не были сиротками: за территорией зоны жили бандеровцы. Пришлось дать им знак, что выходит парень, которого нужно посадить в поезд без приключений, чтобы "суки" и чекисты пальцем его не тронули.

Освободился Кодрик, увез свою скрипку и по прибытии домой сообщил нам открыткой: все в порядке!

Интересно, где сейчас эта Амати, в чьих руках?..

А сколько народу погибло в войну, и какие это были люди!.. Разве ты не жертва этой войны?! Нет. Господь Бог вовремя вызволил меня с войны, зато посадил в тюрьму. Меня спросить, война началась потому, что Сталин с Гитлером "подружились". Зачином дружбы стал приезд Риббентропа. Я на ту пору был в Москве, играл с ребятами в баскетбол. Наш турнир кончился, и мы пошли на стадион "Динамо" смотреть футбольный матч. Вдруг послышался гул самолета. Все ближе, ближе... И над головами десятка тысяч людей шел немецкий лайнер со свастикой. Я и поныне не пойму, пролетал ли он своим курсом или хотел продемонстрировать москвичам свастику. На второй день газеты оповестили, что в Москву прибыл с визитом министр иностранных дел Германии фон Риббентроп.

У нас были друзья среди тбилисских немцев - несколько человек. Они никогда не проявляли своего личного отношения к тем или иным событиям нашей жизни. Обычно их высказывания совпадали с тем, что писалось в газетах или говорилось по советскому радио. Исключение составлял Бруно Кох. Он довольно оригинально реагировал на победы немцев на Западе. С началом войны он стал повязывать галстук - у него нашлись отличные, вероятно, присланные родственниками из Германии. Итак, он выходил при галстукке на угол проспекта Плеханова и улицы Жореса, здоровался с друзьями и знакомыми, благо, их у него было много - он вырос в этом районе; кто-то останавливался перекинуться с ним парой-другой слов. Но мы, ближайšie друзья, заметили, что эхо немецких побед сказалоь на Бруно - он задрал нос. Наш друг Олег Колесников, перс по материнской линии, - жил там же. Его мать работала на табачной фабрике, целыми днями ее не было дома, и квартира Олега больше походила на шахматный клуб, чем на жилье. Собственно, это была не квартира, а просторная комната с мокрой точкой в конце. Мы собирались, кто когда мог, и играли в шахматы. Большинство из нас были спортсменами, мы и подружались благодаря спорту. Тут были и ученики немецкой школы, преподавателей которой впоследствии арестовали всех до единого: никто не знает, какая участь их постигла. Учеников же распределили по русским и грузинским школам.

Когда в тридцать девятом году был объявлен всеобщий призыв маршала Тимошенко, многих из этих учащихся забрали в армию как знающих немецкий язык. Кто исчез без следа, кто кукарекнул уже после войны из одной страны, из другой.. Словом, играли мы в шахматы, шутили, а Бруно стоял на своем посту, в наши дела не совался, если, конечно, не принимать во внимание тот факт, что облегчаться он заходил в "шахматный клуб" Олега. Пройдет через комнату, ни на кого не глядя, войдет в туалет, справит нужду, прошествует мимо, будто не знаком ни с нем, и выйдет. Первым насторожился Олег, вслед за ним и мы, но все-таки решили проверить, нет ли тут ошибки. Увы, Олег оказался прав. Высокомерием тут не пахло, это больше смахивало на хамство.

В следующий приход, вернее, уход Бруно Олег хватил его пару раз по спине половой щеткой:

– Ты что, срать сюда ходишь? Мать твою!..

Бруно не прервал своей дружбы с нами. Он никогда не выказывал заносчивости, ничего подобного тому, что вот, мол, погодите, придут немцы, вы у меня попляшете!.. Он был добрым, мягким, ласковым парнем, это Гитлер на него скверно подействовал, ничего не поделаешь. Я еще нес военную службу в Алексеевне, когда взяли всех, у кого была немецкая

фамилия, а с ними отправили в Среднюю Азию и семью Коха".

Митиленич был зол, рушились все его домыслы. Сведения, привезенные Глебом из Омска, не только не прояснили, но еще больше запутали дело. Новости же его были таковы: местонахождение Цезаревой неизвестно; по одним сведениям, она находится в городе, где работает Санцов; по другим - в Новосибирске, где учатся в университете ее дети - юноша и девушка; Ашна по-прежнему числится комендантом "Отрады", но это непроверенные данные.

"Что получается? Получается, что мне вообще ничего не известно... Эти сведения нужны мне для того, чтобы высчитать, появится или нет Каргаретели в "Отраде". Так ведь? Так... Иначе на что мне Цезарева, Санцов или подонок Ашна. Прошло столько времени, а я до сих пор не могу ответить на несколько вопросов: где бродит Каргаретели с тех пор, как ушел от сторожа-музыканта? Допустим, музыкант дал знать ему о моем посещении - изменит он маршрут или нет? Если изменит, то как? По моим предположениям, он идет по такому маршруту: верховье Оми, "Отрада", хижина Хабибулина, железнодорожная станция Сосновка. На этом построен мой оперативный план. А если маршрут изменился?.. Как быть?"

Надо думать, маршрут он изменит в том случае, если узнает от сторожа-музыканта о моем приезде... Но не обязательно. У Каргаретели есть и другие причины свернуть с намеченного пути. Он видит, что за ним идет погоня по восьмидесятому меридиану - оленивод, Барсук, самолет, вертолет, теперь вот Поликарп Васильевич Астахов... Куча улик!.. Как ведет себя в таких случаях беглец? Меняет маршрут или наоборот, - как сделал Серпин на Енисее - идет тем же маршрутом и тем самым сбивает с толку погоню!.. Правильно, но Серпину удалось передать оперслужбе лажу о том, что он меняет маршрут. Поскольку информацию сообщили сразу двое стукачей, ее сочли достоверной... Серпин скрывался у воров, у нас там были свои люди... Каргаретели не может подсунуть фальшивку, стало быть... Что "стало быть", Митиленич?! Абсолютно ничего!.. Ладно, почему ты вбил себе в голову, что Каргаретели придет в "Отраду"? Если он идет к верховью Оми, так ли обязательно, чтоб он свернул к Ашне? Это твоя гипотеза... Мы только смогли установить: Ашна и вправду сообщил Каргаретели, что находится в настоящее время там-то и там-то... Установить?.. Полагаться на память цензора и болтовню заключенного - кто-то, де, сказал ему, что Каргаретели получил от Ашны письмо с сообщением о своем местопребывании!.. Разве этих данных достаточно для того, чтобы считать версию подтвержденной?! Э-э-э, Митиленич, Митиленич!.. Ладно, скажем, Ашна знал, что Каргаретели, по такой же непонятной причине, по которой он сел в тюрьму, рано или поздно уйдет в побег, и на этот случай сообщил ему о своем местонахождении: если, мол, понадобится, знай, я здесь! Может так быть или нет?.. Может... Допустим, что о побеге Каргаретели Ашне сообщил Хабибулин, предупредил, что тот может к нему заявиться. Погоди, Митиленич! Откуда Хабибулина знать, каким маршрутом пойдет Каргаретели?.. Разве Хабибулин не мог перед освобождением узнать о нем?.. Фактор Филиппова!.. Мог же Филиппов обоим сообщить, что Гора уйдет в первую же пургу! О погоде всем известно из газет, радио, местного телевидения, тем более о пурге! "Уйду с первой пургой в конце октября или начале ноября. Если не приду в такое-то время, значит, вообще не приду..." Допустим ли такой текст?.. Это же только гипотеза... Правильно, но ведь все начинается с гипотезы... Нужны подтверждения! Как их добыть? Сообразим, Митиленич. Но ошибка, какой бы незначительной она ни была, непременно всплывет. Это еще раз подтвердилось на практике. Ты же сам сообщил Филипповым, что Каргаретели ушел в побег?! Еще когда! У них было достаточно времени, чтобы передать весть и одному, и другому. Не знаю, стал бы человек, натерпевшийся в тюрьме, лезть в это дело?.. У них другая кровь!.."

Митиленич долго размышлял, набрасывая на бумаге какие-то схемы, потом вызвал Глеба.

– Глеб, в каком институте учатся дети Цезаревой?

Помощник, подумав, ответил:

– Не уточнял... Какое это имеет значение?..

– Имеет, имеет! На чьей они фамилии, материнской или отцовской, это тоже не уточнял?

– Это легко установить...

– Трудно. Нельзя привлекать к себе внимания, возникнет вопрос, зачем понадобилась фамилия, со всеми вытекающими отсюда последствиями... Нужно уточнить местонахождение ее детей, войти с ними в контакт и узнать, где Цезарева, с ними или где-нибудь в другом месте...

Гора пересек полосу вечной мерзлоты и, добравшись до реки Вах, перешел ее точно по восьмидесятому меридиану.

"Ладно, что еще мне предстоит?.. Перейти Обь, подняться по Васюгани к верховью Оми. Судя по этой карте, расстояние небольшое. Несмотря на помехи, я почти не выходил из графика. А вышел - восстановим... О чем поразмышляем? О том, на чем прервались... На начале войны, так ведь? Да, на том, что в Европе началась война. Что я заладил, война да война, я был сыном репрессированных. В моем военном билете со вклеенным красным талоном значилось: воентехник третьего ранга... Таких, как я, сторонились, как чумы, мы призыву не подлежали... Что меня заставило пойти в армию? В нашей семье бытовало убеждение, что мужчина обязательно должен хлебнуть войны, иначе он не мужчина. Это и заставило... Я попрощался с бедной мамочкой... Она была такой угасшей, жалкой, потерянной, что ни словом не возразила мне, она даже не шевельнулась... Я отправился в военный комиссариат и буквально за горло взял Чичико Кецховели, начальника одного из отделений комиссариата, - он стал потом генералом. Чичико пытался вразумить меня, просил не толкать его на преступление! Я стоял на своем! И добился Кецховели вырвал из моей папки какой-то документ, переставил личное дело с одной полки на другую, а может, перенес в другую комнату, и я оказался в Ортачалах, в здании школы, в 203-й отдельной роте связи ВВС Закавказья! Так продолжилась моя военная служба. Я говорю "продолжилась", поскольку в техникуме тоже проходил военное дело. Мне было присвоено звание и один кубик в петлицу. Его называли кубиком, хотя он был плоским квадратом.

Аэродром оказался таким убожеством, какое и вообразить себе трудно. В чем заключалась моя служба? Чуть поодаль от взлетных полос стояли три закрытые машины с радиоприемниками. В каждой по четыре. На комплектацию группы радистов ушел целый месяц, пока их откуда-то везли - рядовых и младших сержантов. Все они были малограмотными, уметь писать нужно было непременно, поскольку дежурство у приемника означало, что кто-то, возможно, когда-нибудь передаст радиogramму, которую следовало принять без ошибок, на частотах главного командования радиogramму не повторяют! Не сможешь принять, пойдешь под трибунал, а начальника станции разжалуют в рядовые. При этом аппаратура была времен Адама, мусор. Выход? Воздушные силы Закавказского военного округа никуда не летали, и поэтому никто ничего не передавал. Дежурить приходилось раз в трое суток. Те ночи навсегда остались в моей памяти. Темень и, главное, бессмыслица, муки безделия.

Хорошо еще, кошмар недолго длился - нас со всем нашим оборудованием перебросили на Северный Кавказ, и мы оказались недалеко от Грозного, на аэродроме 26-й авиадивизии. Это была настоящая военная служба. Самолеты летали, личный состав - дисциплинированный. Тут нам дали не просто радиоприемники, а приемники-передатчики, и работы было по макушку.

Так началась для меня вторая мировая война, но продолжилась и завершилась она, мягко говоря, не просто.

Лейтенант Ваню Тимченко, - мать у него была грузинкой, и с грузинским он, ничего себе, справлялся, - был, как и я, радистом, воентехником. Наша авиадивизия должна была передать излишки оборудования одной из частей в Моздоке. Мне и Ваню приказано было доставить его на место назначения. В то время англо-американский блок еще не протянул руку помощи России. По крайней мере, до нас она не дотянулась. По дороге машина испортилась хорошо еще, до Моздока было рукой подать. Оборудование оказалось легким, мы перетаскивали его на своем горбу, кое-что на попутках, но в город войти нам пришлось пешком, поскольку для транспорта требовался специальный пропуск, а у машины, на которой мы добирались, его не было. Делать было нечего, мы подхватили оборудование и стали искать нужную нам часть. В городе, как говорится, собаки хозяев не узнавали. Правда, паники не было, даже вроде сохранялось некое подобие порядка, но где какую часть искать, не знал никто. Наши злоключения кончились тем, что мы сдали груз в городскую комендатуру и, отдышавшись, стали думать о том, как вернуться на свой аэродром. Не могли же мы идти пешком до Грозного?! Ваню нашел "выход": сходить на базар, купить бутылку водки, распить, а там уже решать!.. Едва мы ступили на базар, как за его площадью раздался мощный взрыв. Народу тут, правда, было не много, но началось такое! Кто куда бежит, не разберешь. Мы были военными и, руководствуясь известной формулой "недолет - перелет попадание", помчались на взрыв. Мы пробежали через весь базар и уселись на тротуар, прислонившись к стене лабаза. Немцы, чтобы вызвать панику, стреляли в места скопления народа, но намеренно или случайно, первые два снаряда ложились возле цели, и только третий поражал ее. Так было и на сей раз. Когда разорвался третий снаряд, взрывной волной снесло крышу у здания, к которому мы притулились. Дождем посыпалась черепица. Что было потом, не помню. Очнулся в госпитале. По словам Ваню, мне на голову обрушились стропила. Не знаю, стропила это были или какая-нибудь хреновина, но пролежал я двадцать один день. Прошел комиссию. Врачи признали меня здоровым, отпуск не дали. Меня "приговорили" к возвращению в часть.

Самым щемящим воспоминанием службы на грозненском аэродроме было возвращение с задания летчика капитана Ковалева. У немцев в Крыму был аэродром. Трое наших получили приказ разбомбить его. Летали они на бомбардировщиках типа БН-2, дурацких машинах, с которыми легко справлялись немецкие истребители: они заходили им в хвост и, поскольку у бомбардировщиков не было хвостового вооружения, хладнокровно расстреливали их. Но война есть война, и воевать приходится тем оружием, какое имеется. Командование, по-видимому, решило до конца исчерпать возможности этой серии.

Два самолета вернулись вовремя, третий опаздывал. Нашим радистам не удавалось установить с ним связь. Его так долго не было, что даже сам командир дивизии полковник Красников вышел из укрытия на полосу. Наконец вдалеке показался самолет. Он даже не летел, а с трудом тащился. Наконец он сел, мы обступили его. Машина была изрешечена пулями. Кабину заклинило. Штурман и стрелок-радист молчали. Они были мертвы. Мы разбили дверь. Капитан Ковалев пробормотал одно слово: "Посадил!" - и умер...

Через пару месяцев после возвращения из госпиталя меня вызвали в "особняк", то есть в особый отдел:

- Почему вы скрыли, что ваши родные враги народа да еще и родственники за границей?!
- Потому что счел нужным воевать!
- Из каких соображений?
- Судите сами, можно ли перебежать к фашистам с аэродрома? Ясно ведь, хотелось воевать. Вот и все.

Помолчав немного, чекист заметил:

– Получено указание, отбудете в распоряжение штаба фронта!

– Что ж, придется вам без меня воевать!

Он дал мне конверт с пятью сургучными печатями. Я попрощался со всеми, включая командира дивизии полковника Красникова. Он встретил меня раздраженно. Сказал одно-единственное слово: "Вояки!.." Это, бесспорно, относилось к чекистам.

Я прибыл в штаб. Офицера, которому я должен был представиться, на месте не оказалось. Стою в коридоре, жду. Мимо проходит капитан с папками в руке. Лицо его показалось мне знакомым. Он тоже наморщил лоб, припоминая, обернулся и спросил, что я здесь делаю. Я сразу узнал его по голосу, зрительная память у меня с детства была скверная. Из-за этого я много раз попадал в неловкое положение. Я спросил его по-грузински, не Виктор Барнабишвили ли он. Он и сам меня узнал, мы поговорили; дядя Вин-тор взял у меня пакет и ушел. Друг моего отца, экономист, он много раз бывал в нашей семье и каким-то чудом уцелел в тридцать седьмом. Если не ошибаюсь, в ту пору он работал в другой республике и в армию попал по мобилизации. А через пару часов я - офицер связи в звании старшего лейтенанта, с только что нашитыми новыми погонами Красной Армии, стоял перед начальником штаба Северо-Кавказского фронта! Теперь в мои обязанности входило разносить пакеты. Я разносил. Иногда очень опасными дорогами.

Дядя Виктор однажды рассказал мне:

– Сидим мы как-то в ресторане, по левую руку от авлабарских мостов: твой отец Эренле, несколько поэтов и ашуг Иетим Гурджи. Тридцать четвертый или тридцать пятый год. Часа в три ночи, когда Иетим был, как и мы, под хмельком, он вдруг объявил, что у него есть новая песня, он споет ее и можно будет расходиться. Иетим исполнил "Бурку". Тогда он спел ее в первый раз. Слышал "Бурку"?

– "До самой смерти мы будем вместе, я и моя бурка!"

– Да, она самая. Эренле предложил посидеть подольше, часов до шести утра. Мы не поняли, почему именно до шести, но молча согласились. Один Иетим чего стоит, а тут еще Эрекле - тамада! Мы остались сидеть. В седьмом часу Эрекле поднялся из-за стола и, предупредив, что скоро вернется, вышел. Купил в хитаровском караван-сараяе прекрасную бурку, принес, накинул ее на плечи Иетиму. Вот каким человеком был Эрекле!

Я знал эту историю. В этой бурке Иетим Гурджи бывал и у нас в семье. Иетим скончался в тридцать девятом году. Гроб с его телом, накрытый буркой, покоился в Доме писателей. Я пошел. Отвернул полу бурки. На изнаночной стороне было вышито белой вязью: "Я - подарок Эренле". Я знал об этом, потому и отвернул полу. Иетима опустили в могилу вместе с буркой.

Мой отец! При каких только обстоятельствах не выручало меня его имя! Сколько раз!

В бытность мою офицером связи со мной случилось вот что. Возле Владикавказа есть село Гизель, его пересекает река Гизель-Дон. Дорога возле Гизель-Дона сворачивает под прямым углом на юг к Кавказскому хребту и ведет к горным селам, населенным осетинами. Именно этот угол, прилегающий к нему прямой отрезок и само село Гизель были под прицельным огнем немцев. Транспорт здесь не ходил.

Это было время, когда Сталин взялся за интендантов. Армейское довольствие расхищалось. Бывали случаи, когда бойцы неделями сидели без куска хлеба в окопах. Любое хищение, если факт подтверждался тремя свидетелями, каралось расстрелом на месте, причем право расстрела имел каждый. Эта мера повлекла за собой бойню и, нужно сказать, здорово помогла делу... Если бы у меня тогда болели суставы... Какие суставы, я был здоров как бык,

отмахал двадцать или тридцать километров по скалам и оврагам, к пяти утра отыскал штаб в Кобанском ущелье и передал пакет точно в срок... Я не шел, ей-Богу, а бежал. Кто поверит... Да, в трех километрах от Владикавказа размещался контрольно-пропускной пункт (КПП), его не достигал огонь немцев. За рулем мотоцикла сидел рядовой Борщов со щеками что маков цвет. Мы подъехали и остановились перед шлагбаумом. Я перепрыгнул, вынул из планшета пропуск и направился к КПП. Часовой равнодушно заметил, что не стоит стараться, все равно меня не пропустят. Я был уверен, что смогу проскочить даже через шквальный огонь. Молодости свойственно пренебрегать опасностью. Я вошел во времянку, протянул пропуск начальнику КПП. Даже не взглянув на него, он сказал, что не может пропустить, есть приказ! Как ни пытался я втолковать ему, даже пакет предъявил с планом расположения огневых точек противника. Приказ есть приказ! Я вынужден был подчиниться. Значит, придется пробираться по горам и долам. Ничего не поделаешь, я собрался идти. Из соседней комнаты донеслось:

– Товарищ старший лейтенант, войдите!

Я вошел. Комната была крошечной. В ней помимо майора находился еще и старшина. Бледный, трясущийся, он был в гимнастерке с сорванными погонами, без ремня.

– Подпишите! - приказал майор.

На подоконнике лежала бумага. Это был протокол: старшина отдал какому-то крестьянину полмешка капусты за пол-литра тутовой водки... Это означало, что майор должен был расстрелять старшину. Недоставало одной подписи.

Я отказался: - Я при этом не присутствовал, не подпишу!

– Вы мне не верите?. Вы не выполняете приказа старшего по званию?.. Я вас расстреляю!

– Товарищ майор, не будьте самодуром! Вы расстреляете не меня, а наших бойцов и командиров. Немцы рвутся к Военно-Грузинской дороге через Кобанское ущелье. В пять ноль-ноль я должен доставить этот пакет...

Я повернулся, двинулся к двери, ждал, что он выстрелит мне в спину. Майор не выстрелил. Мотоцикл я отправил обратно и тронулся в путь.

Через два дня по возвращении я увидел на месте КПП одни обгоревшие развалины. Я так никогда и не узнал, удалось ли майору расстрелять старшину.

А еще как-то был случай, когда я дважды избежал расстрела. Один из связистов, офицер, должен был доставить пакет в часть. Та, сдав позиции, отступила, и офицер вынужден был вернуться с пакетом обратно; в тот же день его отправили в штрафной батальон. Когда упомянутая часть отбила свои позиции, тот же пакет приказали доставить уже мне. Узнав стороной, что в пресловутом пакете находится план укрепления позиций, оставленных немцами, я сказал штабисту, что нет смысла его нести, пока не будет новых оперативных сводок. Он на дыбы. Слово за слово, началась перепалка, в результате которой надо мной нависла угроза наказания - "неподчинение приказу". С большим трудом я уговорил офицера ничего не оформлять и согласился нести пакет. Доставил. Мне его не подписали, сказали: прилепи себе на задницу! Что было делать, принес я пакет обратно. Начальство заподозрило, что я никуда не носил его. Начались угрозы, оформление протоколов и Бог знает что еще. Я и на сей раз спасся. Точнее, спасло меня то, что немцы снова заняли эти позиции, и командир отступившей части подтвердил, что я доставлял злополучный пакет. Теперь мне кажется, что штабисты меня недолюбливали. За что? Я так и не понял этого.

К этому времени американцы построили автомобильную дорогу от Персидского залива до иранской Джульфы, тут же, в порту, возвели сборочные заводы и стали морем доставлять

груз: узлы и детали автомашин, оружие, обмундирование, продовольствие. Это было началом невиданной помощи автомашины непрерывным потоком двигались по Военно-Грузинской дороге на север. Дядя Виктор еще раз оказал мне свое покровительство. Послал в Тбилиси. Оттуда меня направили в Джульфу на курсы командиров транспортных колонн. Я должен был водить автомашины, груженные американским и английским оружием, продуктами, от Джульфы или Тавриза до Северного Кавказа; потом вместе с шоферами возвращаться обратно за новой колонной - и так до конца войны. Но вышло иначе. Чекисты настигли меня и здесь. С формулировкой "списать как неправильно призванного" я был отправлен домой.

Силой, что ли, навязываться, если не хотят?!

Эта служба тоже запомнилась мне множеством забавных эпизодов. Если у нас бывали пассажиры, - а мы часто брали их по просьбе местных комендантов, особенно в Тавризе и иранской Джульфе, - они проходили досмотр в советской Джульфе. В один из рейсов комендант иранской Джульфы посадил к нам человека с большой сумкой. Таможенники заставили ее открыть, в ней оказалось двести штук женских перчаток высшего качества, все на правую руку! Таможенники заколебались. Товар был некондиционный и обложению пошлиной не подлежал. Пассажира - он оказался британским подданным спросили, для чего ему нужны такие перчатки. Тот с грехом пополам объяснил, что не знал о содержимом сумки, которую должен передать сотруднику посольства в Москве, и даже предъявил соответствующие документы. Таможенники позвонили куда-то, вернули перчатки, пассажир поехал с нами. Помню, он сидел в машине, груженной американскими мешками с белой фасолью, на которых очень красивыми буквами было написано: "Алабама - 1903 г.". Это был урожай сорокалетней давности. На третью или четвертую поездку комендант Джульфы попросил меня прихватить с собой женщину. Я согласился. На таможне Джульфы повторилась та же история, с той разницей, что на сей раз перчатки, оказавшиеся у женщины в сумке, все двести штук, были на левую руку. Дежурила другая таможенная бригада. Эти ни с кем не созванивались, пропустили без слов, поскольку им еще предстояло проверить не меньше сотни машин с грузом. После таможни я почему-то посадил женщину не в ту машину, а в грузовик с фасолью.

Как-то во время рейса Тавриз - Тбилиси произошел забавный случай, хоть в кино снимай. В Тавризе то ли намеренно, то ли случайно комендант загрузил лишь наполовину кузов головного "форда", в котором я должен был ехать, да и то ящики стояли только между скамьями. На свободной половине разместились трое пассажиров: женщина лет сорока, мужчина примерно того же возраста и молодой парень. Поскольку стояла сильная жара, я перебрался из кабины в кузов и разговорился с парнем, единственным пассажиром, владевшим русским языком. Он оказался сыном дипломата. Мы подъезжали к Джульфе, и я предупредил парня, что скоро таможня. Он достал из чемодана маленький очень красивый ковер и подложил его под себя, пояснив, что коврик молитвенный. Так он и таможенникам потом сказал, да они и не цеплялись к нему. В Джульфе иранская таможня не останавливала нас, зато советская ввела новые порядки: пассажиров уже не водили в зал на досмотр, таможенники сами поднимались в машину. Так вот. Поднялись таможенники и спросили, нет ли у кого-нибудь предметов, подлежащих предъявлению. Мужчина украдкой повел глазами на багаж женщины. Таможенники попросили ее открыть чемодан. Женщина неохотно подчинилась. В нем оказалась хрустальная ваза, очень красиво упакованная. Таможенники объявили, что вынуждены конфисковать ее, поскольку ввозить хрусталь в Советский Союз запрещается. Выписав квитанцию, они попросили открыть второй чемодан. Женщина заупрямилась, тогда они сами открыли его и, покопавшись, извлекли пикантную вещь. Вертели, вертели ее и, решив, что это игрушка, сунули обратно в чемодан и ушли. Предмет оказался искусственным мужским членом с пневматическим устройством! Едва таможенники прыгнули, как женщина метнулась к мужчине и расцарапала ему лицо. Она чертыхалась, рыдала, потом полезла на него с кулаками... Все это время мужчина увещевал ее,

успокаивал. Колонна тронулась. Мы проехали десять-пятнадцать километров, мужчина открыл свой чемодан и предложил женщине выбрать вазу, какая понравится! Женщина поначалу отказывалась велика была обида, потом согласилась и выбрала... Таковую же, как и ту, что у нее отобрали.

Чемодан мужчины был полон изделий из хрусталя.

Перед Горой расстилалась бескрайняя ледяная ширь. Он был уверен, что вышел к Оби, но все же счел нужным определить местоположение. Был полдень. В разрыв облаков временами проглядывало солнце. Стояли жгучие, пронзительные морозы. Гора отыскал надежное укрытие, разбил палатку, ту, что годилась и в балахоны, перекусил и взялся за секстант. Его догадка подтвердилась - он был на Оби. Оставалось понаблюдать, в каком месте люди переходят реку, а вечером уже переправиться самому. И часа не прошло, как к берегу подъехали с северной стороны сани. Возница проехал вверх по реке, потом спустился вниз и, наконец отыскав ровное место, двинулся на юг, пересек реку и скрылся. Гора, поколебавшись, свернул палатку и пошел к тому месту, откуда переправился на тот берег возница. Отыскав себе подходящее укрытие для наблюдений, он обустроил логовище. Спустя время он убедился, что не ошибся в выборе укрытия: с юга подъехала машина на гусеничном ходу и пересекла Обь именно в этом месте, может, шла по санному следу: накануне выпал снег, старый след занесло, а лошадь с санями проложила новый. Пока Гора наблюдал за движением, Обь пересекли еще несколько саней, две машины и аэросани - они с грохотом промчались по заснеженному льду. Гора развернул карту, пытаясь разобраться, откуда и куда ехали эти люди, почему выбрали для поездок послеполуденное время.

"А этот старик иуда навострился?.. Устал, сел отдышаться... На нем бушлат, брюки на вате... И "сиблонка" на нем арестантская!.. Может, где-то здесь поблизости лагерь?.. Встал, пошел... Кого-то он мне напоминает фигурой, походкой, лицом - насколько можно судить с такого расстояния. Понял, на кого он похож - на барона Бибинеишвили... Помню, я только вернулся в Тбилиси. Как-то в кругу друзей завязался разговор и меня спросили, не знаю ли я о судьбе барона? Я знал и не заставил себя упрашивать. Через несколько дней ко мне пришла старенькая сестра барона и попросила повторить рассказ. Она отвергла мою версию, поскольку была убеждена, что ее брата расстреляли в тридцать седьмом. Что до меня, то я просто не видел причины, по которой личность, широко известная, должна под чужой фамилией отбывать в лагере срок. По крайней мере, я не знаю таких примеров, и поэтому тот человек остается для меня бароном Бибинеишвили, старым революционером, много старше Сталина, марксистом. Кончался пятнадцатилетний срок, оставалось отсидеть каких-то девять-десять месяцев. Мы, грузины, помещались в одном бараке. Было голодно. Есть хотелось нестерпимо. Вдруг обнаружили две чудом уцелевшие горсти фасоли. Барон настаивал на том, что умеет вкусно готовить, и мы доверились ему. Унес он фасоль, сварил и уже возвращался обратно с драгоценным варевом, как споткнулся обо что-то в темноте. Что осталось от фасоли - понятно. Старик сокрушался, нам пришлось еще и успокаивать его: от этой-де жалкой пары ложек никто из нас не раздобреет. Прошло несколько дней, мы, вернувшись с работы, пообедали баландой и занялись каждый своим делом. Я играл в нарды с Васо Чавчанидзе, когда вошел барон. Он протянул мне конверт и попросил, чтобы мой человек с воли опустил бы его в почтовый ящик. Писать письма разрешалось не более двух раз в год, но если на работе был кто-нибудь из своих, можно было попросить отправить письма. Они редко когда доходили до адресата - чекисты ловили, но мы все равно писали, дойдет - хорошо, нет туда ему и дорога. Конверт барона не был запечатан, и на нем красивым почерком значилось: Москва, Кремль, Джугашвили Иосифу Виссарионовичу. Адрес отправителя, разумеется, липовый. Меня удивило не то, что он написал Сталину, а то, что он вообще написал, поскольку в течение пятнадцати лет заключения он ни разу не составил жалобы, тем паче просьбы. Таким он был человеком. Барон полагал, что среди руководства нет человека достойного, к которому можно было бы обратиться с просьбой. Вместе с тем ему предстояло освобождение в самое ближайшее время... Я перечитал адрес и спросил

барона: "Конверт не запечатан. Означает ли это, что можно прочесть письмо?" Он пожал плечами: если угодно. Вот это письмо. "Из-за крайней стесненности в средствах вынужден напомнить Вам: когда нас с Вами везли в столыпинском вагоне: Вас - в Туруханск на поселение - меня в Иркутскую централь, то на станции Енисей я дал Вам пальто на беличьем меху - раз, сто двадцать рублей; сибирские пимы - два, пять рублей, и пятьдесят рублей денег, итого сто семьдесят пять рублей. Надеюсь, Вы помните, что означенные вещи были переданы мне в тюрьму моими родными, партийной кассой я не пользовался. Прошу вернуть долг по старому курсу. Барон Бибинеишвили. Дата." Я разинул рот, письмо пошло по рукам. Разгорелся спор. Кто утверждал, что послать письмо - значит получить дополнительный срок от Особого совещания. Другие, напротив, упирали, что непременно нужно послать, откуда Сталину знать, сидит барон или стоит! Словом, наутро я украдкой принес письмо на работу, и в тот же вечер оно нырнуло в почтовый ящик.

Прошел месяц или полтора. Дело было к вечеру. Вошли надзиратели, велели барону одеваться и следовать за ними. Увели без вещей. Гриша Гоголадзе взобрался на террикон и доложил, что барона увезли в "темной", то есть в крытой машине. Это было довольно странно. Обычно, когда брали без вещей, это означало, что свидания ждет начальник, прибывший в зону. В редких случаях - в административное здание за пределами зоны. Оба вызова считались достаточно неприятными - какого черта?

Барон Бибинеишвили вернулся через два месяца. Он выглядел отдохнувшим, бодрым. Наш старик был человеком гордым, достойным. Он никогда не лгал, не грубил, не лебезил, не хвастался своим богатым прошлым. Ему доверяли и уважали его даже те, кто люто ненавидел коммунизм и коммунистов разного толка и оттенков. И это уважение было вызвано личностными качествами барона... Остальное я рассказываю с его слов. А рассказал он вот о чем. Привезли барона в Караганду, за пятьдесят километров от нашего лагеря, доставили в кабинет начальника Управления госбезопасности по Карагандинской области. А там вместе с начальником находился еще и министр госбезопасности Казахстана. Барон, как водится, назвал имя, фамилию, год рождения, судимость, срок заключения. Ему указали на стул, чтобы сел. Разговор шел о том о сем, и вдруг начальник в лоб спрашивает, с кем барон ведет переписку.

– Ни с кем, - твердо отвечает тот.

Начальник несколько раз повторяет вопрос, настаивая на том, чтобы барон сказал правду.

– Мне было двадцать восемь лет, когда я солгал в последний раз, гордо отрезает старик.

– Тогда кто это писал? - злорадно спрашивает начальник и показывает старику конверт.

– Я.

– А говоришь, ни с кем не переписываешься, последний раз солгал в двадцать восемь лет? В твоём-то возрасте, постыдись!

– Сколько труда затратили мы с соратниками и этот адресат, чтобы таких, как вы, обучить грамоте и русскому языку! Ничего не вышло. Переписка означает обмен письмами, вы пишете, а вам отвечают, действие неоднократное. Спроси вы меня, кому я написал письмо, я бы сказал, и на свой вопрос вы получили бы правильный ответ.

Замечание слегка покорило начальников, они растерялись, но, быстро овладев собой, перешли в наступление:

– Вы хоть соображаете, что делаете? Человек денно и нощно печется не только о нашем благополучии, но и о благополучии всего мирового пролетариата, на нем грузом лежит множество сложнейших проблем, а вы хотите отвлечь его какими-то глупостями, чтобы он

тратил драгоценные минуты на разбор ваших каракуль?! Где ваша сознательность? Какими нравственными нормами вы руководствовались, когда позволили себе написать это письмо? Министр потряс бумажкой.

– Если мы будем рассуждать о нравственных нормах, вы останетесь внакладе. Кто дал вам моральное право читать чужие письма? То, что я пишу в письме, касается только нас двоих, вмешательство третьего лица, какими бы полномочиями оно ни обладало, безнравственно.

Это замечание повергло начальника в ярость. Министр, разразившись потоком брани, выверился так, что, кинувшись на барона, отвесил ему оплеуху. Почувствовав, что перебрал, он умолк и вернулся в свое кресло.

Барон воспользовался нависшим молчанием:

– Что-то тут не так, оплеуха нынче мягкая. Получили директиву?.. Мне некогда с вами болтать. Отошлите письмо, не навлекайте на себя неприятностей... Хотя не исключено, что неприятности вас ждут и в том случае, если вы его отошлете. Будьте здоровы!

И барон решился на поступок, какового не знала история существования лагерей и тюрем, - встал и вышел из кабинета! Подобная дерзость привела начальство в совершенную растерянность. Надзиратели, притулившиеся в приемной, были глубоко озадачены, потому как не могли взять в толк, что происходит; должны же им дать распоряжение, куда вести заключенного, и вообще, вести ли его...

Проблема отправки письма барона и вправду была щекотливой для начальства. Положеньице - нарочно не придумаешь. Пропустишь - вдруг московские органы безопасности станут на дыбы и напустят чертей. Не пропустишь - еще хуже, вдруг Сталин прознает об этом и впадет в ярость, что кто-то осмеливается задерживать его письма! Надо думать, ни министр, ни начальник Управления умом не грешили, но Богу - Богово, а кесарю кесарево. Будем справедливы, и один, и другой дело свое знали. Потому решили поместить капризного старика в психиатрическую больницу. Времена были такими, что настоящих больных в психушку направляли на лечение, а подозреваемых в симуляции - на освидетельствование. Психушка как вид репрессии, если не ошибаюсь, финт брежневских времен. Начальству нужна была подлинная справка о состоянии психики барона. Если психиатры подтвердят, что барон нормальный, надо будет отправить письмо. Сказано - сделано. Барона доставили в психиатрическую лечебницу, где все - от главврача до уборщицы - убедились, что пациент не только нормален, но может быть признан эталоном здоровой психики. Написали справку, отослали начальству и доставили барона, живого-невредимого, в родной лагерь к изнывающим от любопытства собратьям. Еще через месяц барона вызвал бухгалтер и сообщил, что кремлевское хозяйственное управление перевело на его имя сто семьдесят пять рублей! Не думаю, чтобы кто-нибудь без согласия вождя решился на этот шаг.

В противовес общепринятой дате смерти барона говорю, что человек, известный в лагерном мире под фамилией Бибинеишвили, окончил свой срок зимой тысяча девятьсот пятьдесят второго года. Он вышел из пятого отделения Песчанлага и поселился в Дубовке. На воле он прожил не более двух-трех дней, скончался внезапно.

Погребен за казенный счет и, надо думать, не по христианскому обряду. Иначе и быть не могло, ни он, ни те, кто хоронил его, в Бога не верили.

Вообще из всех мест заключения более всего запомнились мне своими забавными историями Карагандинские лагеря. Чего только не увидишь, чего только не услышишь и, если нет должного опыта, во что только не вляпаешься... Сначала о Хасане-Бадр Парвизпуре...

Если администрация начинала лихорадочно мести, чистить, драить лагерь и упрячивать в изолятор языкатых эзков, это означало одно: не завтра, так после-завтра в лагерь нагрянет

какая-нибудь комиссия с проверкой, как администрация "выполняет обязанности, возложенные на нее Родиной", и нет ли брожения в контингенте заключенных. Для выяснения интересующих ее вопросов комиссия устраивала собеседования с заслушиванием жалоб лагерников. Положительных результатов, во всяком случае для заключенных, подобные проверки никогда не давали, поэтому зэки, смекнув это, стали использовать собеседования для того, чтобы добиться ощутимых результатов: если нужно было убрать особенно вредного опера, врага номер один, заключенные, двое или трое, начинали нахваливать его: "Один он из всех человек!" Остальные лагерники как бы между прочим подтверждали эту оценку, и опера через пару недель переводили в другой лагерь. Подобные операции планировались зэками заранее. Возможно, комиссия и догадывалась об этом, но от греха подальше опера переводила. Особенно рвались на эти собеседования новички. Они жаловались на поваров, ругали их: крадут-де постное масло, недосыпают соль... Будто комиссия могла искоренить воровство, гнездившееся в системе ГУЛАГа с момента ее основания. На подобные жалобы комиссия отвечала молчанием.

Мне довелось быть свидетелем курьеза, когда оба, и председатель комиссии, и жалобщик, оказались заиками. Они так и не поняли друг друга, как ни старались. Присутствующие, и я среди них, животы надорвали, слушая этот уникальный диалог. В конце концов генерал решил, что сукин сын смеется над ним, и зэка по фамилии Кваша надзиратели поволокли в изолятор, пиная его ногами и выворачивая руки...

Куда тебя понесло? Начал с Парвизпура, а кончил Бог весть чем?! Да, Парвизпур. Но прежде я должен непременно сказать вот что: интриганов и болтунов спроваживали в изолятор за несколько часов до приезда комиссии, а выпускали "репрессированных" сразу же после ее отъезда. После случившегося инцидента бедняга Кваша был причислен к разряду болтунов и, уверен, был навсегда лишен чести беседовать с комиссиями.

Парвизпур, да? Комиссию обступила довольно большая толпа, стою неподалеку. Из старых заключенных в ней были один-два человека, и то лишь для того, чтобы из случайно оброненных комиссией слов составить представление, что творится на свете вообще, в ГУЛАГе и местном управлении в частности... На много рассчитывать не приходилось, тем не менее в толпу мы внедряли самых смекалистых зэков... Э-э-э! Парвизпур, Парвизпур!.. Будет тебе, дай сказать то, что нужно! К толпе подошел молодой, высокий, представительный заключенный явно выраженного восточного типа. Постоял, послушал и, дождавшись паузы, растолкал толпу. Представ перед комиссией, он спросил по-русски с сильным восточным акцентом:

– Гражданин генерал, я живой?!

Генерал опешил, он только и смог, что выдать из себя, причем после довольно долгой паузы:

– Ну?..

– Что "ну"! Я живой?

– Ну, живой! А что? Во-первых, кто вы?

– Старший лейтенант шахиншахской военной авиации, летчик-истребитель, гражданин Ирана Парвизпур Хасан-Бадр!

– Вот теперь понятно! - твердо ответил генерал, удостоверившись, что перед ним живой человек.

Убежден, что генерал так и не понял, кто перед ним.

Хасан-Бадр Парвизпур достал из внутреннего кармана сложенную газету и обратился к генералу:

– Если я жив, почему в вашей газете пишут, что я мертв? Вот, пожалуйста! Но это сообщение последнее, гражданин генерал, а до этого ваша газета писала, что не располагает сведениями о таком-то человеке, то есть обо мне!

Парвизпур извлек другую газету и протянул ее генералу.

Тот прочитал отчеркнутые строки в обеих газетах, вернул их владельцу и, задумавшись, ответил:

– Нас не касается, что в какой газете пишут. Государство поручило вас нам, и мы вас охраняем, заботимся о вашем благополучии!

"Благополучии!" Ни больше ни меньше.

Я заинтересовался этим человеком. Он оказался общительным, мы даже подружились. Как выяснилось, он полетел на своем истребителе в Грецию, чтобы принять участие в войне ЭАМа и ЭЛАСа. Истинные мотивы этого шага для меня так и остались неизвестными. Он был азербайджанцем аристократического происхождения. Его близкие родственники служили при дворе шаха и в правительстве. Родной брат оставался иранским консулом в Москве даже во времена, когда Хасан-Бадр пребывал в заключении. Хотя этот факт можно объяснить тем, что летчик-истребитель считался пропавшим без вести и иранское правительство ничего не знало о нем.

Когда греческие коммунисты потерпели поражение в гражданской войне, Парвизпур отправился в Советский Союз, надеясь получить убежище, а вместо этого получил срок в двадцать пять лет - новогодний подарок от ОСО. Советское правительство объявило его мертвым, косвенно подтвердив тем самым его пребывание в Союзе. Иранское правительство отозвало консула-брата, а самого Парвизпура иранский верховный суд - на случай, если он жив, - заочно приговорил к смерти.

Помню, в царствование Маленкова в лагере началась забастовка. Парвизпура вызвали по радио. С тех пор много лет не видел его. В один из отпусков я вдруг встретил его на улице в Тбилиси. Мы оба очень обрадовались. Я рассказал ему о своих злоключениях, он - о своих. Вот как сложилась его жизнь. Сразу после вызова его отправили в Москву. Какое-то время держали на Лубянке. Освободили. В Иран вернуться он не мог. Сдал экзамены в Московский университет на юридический факультет. После окончания - аспирантура, кандидатская диссертация! Московское бюро иранской компартии предложило ему обосноваться там, где понравится, предоставив на выбор среднеазиатские республики, Азербайджан и Грузию. Ему даже советское гражданство дали. объездил, выбрал Грузию. Пришел к господину Дэви Стуруа, тот похлопотал за него в Институте права. К моменту нашей встречи он был женат. Женился на грузинке, от которой у него были две девочки. Пока я исчезал из Грузии со всеми своими пожитками, он защитил докторскую.

Вот тебе и Парвизпур. Успокоился?.. Там еще был некто Хоречко, может, вспомним?.. Я уже говорил, что из всех моих мест заключения, а их было около ста пятидесяти, в этом лагере случалось особенно много смешных несуразностей. Должны же мы доказать, что это так?.. Должны!

Первым поутру в столовую шел бригадир - он согласовывал с заведующим кухней количество паек - кому, что и как полагается. Когда я впервые пришел в столовую, там уже стояли в очереди человек двадцать. Я пристроился в хвосте. Ждать пришлось довольно долго, и я был уже в середине очереди, как вдруг бригадиры все, как если бы раздалась армейская команда "налево!", повернули головы ко входу, подтянулись, и очередь тотчас перестроилась

в каре. При этом бригадиры слаженно, в один голос, словно затверженную скороговорку, выпалили неслыханной затейливости мат. Оглянулся - идет небольшого росточка, приземистый, тщедушный мужичок. Пристроился рядом со мной, аккурат в середину очереди. Бригадиры бросились врассыпную. Пришелец постоял возле меня еще секунд десять, и вдруг в нос мне ударил такой смрад, что я, клянусь всем, что мне свято, покачнулся и, не стой я возле стены, непременно грянулся бы оземь. Мордобой среди политзаключенных - редкость, обычно конфликты разрешаются дипломатическим путем, но тут, надо полагать, сработал механизм самозащиты, и я изо всех сил двинул мужичка по челюсти. Он упал как подкошенный. Случились неподалеку надзиратели, они-то и препроводили меня в карцер. Как оказалось, я сделал то, что до меня делали другие. Мужичку по прозвищу Хорек удавалось таким способом продлевать свой сон на полчаса, не утомляя себя стоянием в очередях. Самое забавное, что и фамилия у него была Хоречко. Его привезли в лагерь месяц-полтора назад. Работал он, как и я, бригадиром. Свою уловку Хорек успешно применил в первый же день, но когда повторил ее на следующий, кто-то, озверев, двинул его в челюсть. Драчуна отправили в карцер - откуда мне было знать, что на такие случаи у администрации своя логика! Тебя обидели? Рукоприкладство запрещено, доложи - и мы накажем! Хоречко больной, страдает недержанием, как ему быть?.. Помнишь, кто-то возразил на это: если больной, лечите его! Ответили: это наше дело... Помню, как же. Теперь смотри, как действует Хоречко: те, кто знает, что следует за его приходом, отходят на безопасное расстояние, расчищая тем самым ему путь к раздаточному окошку; стало быть, подходить надо к тем, кто не знает о его хитрости, и известным способом удалять их со своего пути. Поэтому Хорек посвятил свой опус мне! Ничего не скажешь, он был порядочным человеком, за спиной козней не строил. Придет, демонстративно испортит воздух и уйдет...

Порой и от беды польза - в карцере я познакомился с неким Альфонсом. В жизни не встречал такого уродя, он был похож на зверя. Лет примерно двадцати, низкорослый, большеголовый, с лицом, покрытым шишками величиной с лесной орех, толстый и, но всему, на редкость веснушчатый. Грамоте обучен не был, разве что подписываться умел. Работал Альфонс ночным сторожем в магазине, в одной из Богом забытых белорусских деревень. Как-то ночью магазин ограбили, Альфонса связали. Его обвинили в сговоре с ворами.

Альфонс был человеком молчаливым, сидел себе неподвижно, в полном значении этого слова, и только иногда, точнее, раз в три дня, после ужина, в одно и то же время, поворачивал голову ко мне, пристально всматривался и спрашивал: "А камунистия когда будет?" Именно так.

На воле он часто слышал слово "коммунист", в тюрьме все твердили об амнистии. В его сознании два эти слова слились в одно и стали означать "свободу". Альфонс уверовал, что не сегодня завтра обязательно будет объявлена камунистия... Ты не собираешься закончить эту историю с Хоречко?.. Это было в другом лагере... Ну и что, снова потом возвращаться? Рассказывай.

Да, в том лагере Озерлага я был новичком, когда на валенках отошла подметка. Нужно было подремонтировать обувь, и я направился в сапожную мастерскую. Сапожник сидел опустив голову и работал. Я доложил, что мне нужно. Он поднял голову... Хоречко!.. После того как я вмазал ему по челюсти, прошло не меньше пяти лет. Я не напомнил ему о нашем знакомстве. Да и Хоречко не стал напрягать память. Отложив работу, он предложил мне сесть и подождать, пока он позавтракает. Я сел. Чайник клокотал. Хоречко насыпал на какое-то подобие ложечки немного сахара, сунул его в печь, сжег, размешал в чайнике и объявил, что заварка готова. Достал из шкафа коробку, заменявшую ему масленку, и снял крышку. Налил чай, подсластил его, отрезал хлеб, мазнул о штанину сапожный нож с обеих сторон и намазал на хлеб масло, точно в палец толщиной. Намазывал тщательно, как бы лаская. Наложив аккуратный слой, он старательно соскоблил его тупой стороной ножа и положил обратно в масленку. Потом для верности провел еще раз ножом и счистил в масленку приставшие остатки масла. Хлеб был черный, пористый. Масло забилося в поры, и хлеб

получился веснушчатый. Хоречко еще раз осмотрел кусок, перевернул его маслом вниз, откусил и запил чаем, то есть кипятком, подкрашенным жженым сахаром... Заплатив за работу трешку, я на прощание спросил его: "Понятно, почему ты соскоблил масло - из экономии, но почему перевернул хлеб маслом вниз?" Хоречко поднял на меня глаза и ответил: "Когда хлеб ешь перевернутым, масло попадает прямо на язык - вкусно!"

Часам к четырем поток прекратился - если можно назвать потоком десяток редких машин. Была зима, в этих широтах рано темнело. Горе нужно было подготовиться к дороге, он собрал пожитки, встал на лыжи, подвязал к поясу ляжку и спустился с косогора - рассчитывал пройти по свежему следу полозьев, так было легче пересечь ледяную ширь. "Брод" был уже близко, когда послышался шум мотора. Гора залег и, повернувшись на звук, увидел силуэт машины - она шла прямо на него. Оглядевшись, Гора пополз на взгорок, вернее, на грудку обломков льда, проверил, надежно ли скрыт от посторонних глаз, снял с саней балахон, накрылся им и замер.

Машина подошла к берегу, должна была выбраться на него, но почему-то остановилась. Это была белая "Нива", новехонькая. Гора смотрел из укрытия, стараясь понять, почему остановилась машина. Ему не удавалось разглядеть пассажиров, он не мог бы сказать, сколько их, - автомобиль был не так близко. Двигатель работал, то есть машина была на ходу и при желании могла выехать на берег. Прошло довольно много времени. Гора не понимал, что происходит, в какой-то миг ему захотелось унести ноги подальше от этого места, но двигаться было опасно, пассажиры могли заметить его - еще не совсем стемнело... Правая дверь открылась, из машины вышел мужчина, вытащил пистолет и крикнул, матерясь, водителю, чтобы тот вылезал. В ответ водитель послал его подальше и остался сидеть за рулем. Горе было слышно каждое слово. Они препирались довольно долго. Наконец, водитель смачно выругался трехэтажным матом, вышел, достал револьвер и направился к пассажиру. Началась перебранка. Пассажир выстрелил! Водитель выронил оружие, застонал, чертыхаясь, и вскоре затих. Убийца встал над головой водителя. Похоже, он собирался выстрелить еще раз, но почему-то мешкал, испуганно озираясь по сторонам. Гора передернул затвор и взял было на прицел убийцу, но тот сунул оружие в карман тулупа, подошел к машине, пригнул спинку своего сиденья и достал увесистый черный сверток. Потом вернулся к спутнику и прицелился...

– Руки вверх, подонок! - крикнул Гора и, опережая убийцу, выстрелил в воздух.

Тот огляделся по сторонам... Гора успел перезарядить ружье, нажал курок во второй раз... Убийца выстрелил на звук ружья и бросился к дальнему берегу. Гора еще раз пальнул ему в след. Мужчина бросил сверток, но не остановился, а продолжал бежать, прихрамывая...

"Попал!.. Ну и влип я! Нужны мне были эти приключения?! Везет как утопленнику... Черт знает кто такие, чего не поделили... Вот и сверток! Погоди, погоди... Револьвер там валяется. Пистолет у убийцы... Вдруг он спохватится и вернется за свертком? Вполне возможно... Откуда нам знать, умер водитель или ранен? Что делать будем, уважаемый Гора? Мне нужно на дальний берег, а какая гарантия, что пассажир не ждет там меня в засаде?.. По всему видно, что он принимает меня за представителя власти, значит, убежден, что нас тут несколько человек. Брось, не станет он ждать тебя в засаде; он ранен, пистолет при нем - уйдет и концы в воду. Зачем ему брать на себя мокрое дело?.. Знаешь, что я тебе скажу? Вляпался, валяй до конца! Что будем делать?.. Если он догадается, что выстрел был сделан из охотничьего ружья, может, и вернется... Не думаю!.."

Гора долго размышлял. Он мешкал из осторожности - нужно было время, чтобы беглец удалился на достаточное расстояние! Он выждал с полчаса, "Нива" урчала, водитель лежал на льду, в трех шагах от него валялось оружие, почти отчетливо виднелся брошенный убийцей сверток... Гора встал, подошел к водителю. Остановившись поблизости, насторожился, не слышно ли шагов или звука приближающейся машины. Водитель

по-прежнему не двигался. Гора взял револьвер, осмотрел его - бельгийский "вальтер"! Сунул за пояс, сел на корточки, пощупал пульс. Вернулся к машине, выключил двигатель, положил ключи в карман и направился к своему убежищу.

Гора перенес свои вещи и, снова проверив пульс водителя, стал осматривать рану... Она оказалась легкой: пуля прошла навылет, сорвав кожу под мышкой и ничего не задев. Даже если бы ребра оказались поврежденными, рана не представляла никакой опасности для жизни, и Гора засомневался, не притворяется ли водитель, правда ли потерял сознание?

Горе пришлось доставать бинты из своих аптечных запасов. Марли, равно как и ваты с йодом, было столько, сколько он взял с собой. Гора обработал рану и подумал про себя: "Как случилось, что я, пройдя такой путь, не использовал марлю, вату и бинты?" Поскольку рана была сквозной, Горе, чтобы наложить повязку, пришлось несколько раз переворачивать раненого. Может, поэтому, а может, по какой-то другой причине, но тот очнулся и спросил, постанывая, где его револьвер. Гора не ответил.

Водитель открыл глаза, пристально вглядываясь в Гору, помолчал и пробормотал, смежив веки:

– Ты кто?

– Какой ответ ты хочешь услышать?

Раненый молчал.

Гора принес сани, привязал их к машине, взялся за водителя, подтащил его к правой двери и сказал:

– Вставай, садись в машину, подвезу!

Раненый не реагировал.

– Садись в машину, не валяй дурака! Слышишь, что говорю?

Раненый хранил молчание.

Гора сложил лыжи в машину, разрядил ружье, пристроил его вместе с лыжами на заднем сиденье и пошел за черным свертком.

Тьма сгустилась, пришлось искать. Нашел, поднял. Сверток оказался таким тяжелым, что Гора едва не выронил его из рук. Помучившись, он пристроил его на заднем сиденье и обратился к раненому:

– Вставай, говорю, не то брошу тебя и уеду!

Раненый сел, попытался встать, снова упал, невнятно и тихо проговорил:

– Помоги, я потерял много крови, самому мне не сесть в машину.

Гора обхватил водителя, поднял. Он был тяжелым, и Горе не удалось втащить его в кузов.

– Я один не справлюсь, шевелись!.. Давай, давай, молодцом!..

Раненый, правильно оценив обстановку, собрался с силами и влез в машину. Гора завел двигатель, прогрел его, тронул с места, повернул в сторону, откуда пришла машина, подъехал к накату. Выключил двигатель, вынул ключ, проверил сани, не перевернулись ли. Вернулся к рулю и очень медленно поехал по желобчатой выбоине, взрезанной колесами. Прошло немного времени.

– Куда ты меня везешь? - погасшим голосом спросил раненый.

– Туда, откуда приехал! - ответил Гора. - Чья кровь на заднем сиденье?

– Какая кровь, что за кровь?! - с большей живостью, чем можно было от него ожидать, откликнулся раненый.

– Вас было трое. На сиденье кровь третьего. Куда вы его дели?! прикрикнул на него Гора и про себя подумал: "Глупый вопрос... Конечно, прорубили лед и утопили".

Раненый, замерев на мгновение, взмолился:

– Я не хочу на тот берег... Он поджидает меня!

– А я хочу на тот берег! Думаю, что никто тебя не поджидает, он ранен. Бросил сверток и удрал.

– Сверток?! Черный сверток! Где он?..

– На заднем сиденье, окровавленном. Думаю, там ему и место, на крови!

Раненый повернулся, попытался нащупать сверток рукой, рана не позволила...

– Не могу, переложи вперед, - попросил он Гору.

– Может, ноги тебе помыть? Сверток тяжелый, что в нем?

– Какое твое дело! Вижу, ты не легавый. Зачем совать нос в чужие дела? Кто ты такой, что пристал?! Тоже мне борец за справедливость... Переложи сверток, мать твою... - сердито выругался он.

Гора больше не заговаривал с раненым. Он медленно ехал по санному накату, тревожно оглядываясь по сторонам. Заметив колею, поворачивающую в сторону, двинулся по ней... Колея почему-то прервалась - Гора повернул обратно. Спустя время он снова заметил колею, но эта была старая, запорошенная снегом, выпавшим накануне...

– Ты что мечешься?! Езжай прямо!

– Ищу прорубь, в которую вы сунули труп!..

– Делать нам нечего, что ли?! Какая прорубь, что за труп?..

Расхохотавшись от души, Гора заметил:

– Значит, правда убили! Этот сверток принадлежал тому, убитому. Добро не должно расставаться с хозяином! Понял, на что это мне? Что в этом свертке? Говори, не то брошу его в прорубь, а вслед за ним окуну и тебя, машину оставлю себе... Спущу в прорубь и свое ружье, похоже, ты любишь подводную охоту. Мне оно уже не понадобится. Хватит с меня и бельгийского вальтера.

Раненый сидел прикусив язык, вероятно, обдумывал сложившуюся ситуацию.

Они ехали еще некоторое время, пока не увидели новую колею - она вела налево. Гора медленно двинулся по ней, осторожность подсказывала, что если прорубь и есть на самом деле, ее затащило свежим льдом, он может проломиться, и тогда они затонут. Заметив что-то похожее на прорубь, Гора выключил двигатель, вынул ключ, пошел по дорожке, проложенной ярким светом фар...

Размеры проруби как раз позволяли утопить в ней человека. Гора осторожно подошел, пробуя ногой крепость льда. Он оказался толстым, надежным, зато лед, подернувший прорубь, был тонким, значит, свежим!..

Гора вернулся в машину, с трудом переложил сверток с заднего сиденья на колени раненому, достал из кармана "вальтер", приставил к его виску и приказал:

– Открывай!

– Не могу, рука не слушается...

– Открывай, говорю, - повторил Гора. - Убью, не пожалею!..

Раненый подчинился, дергал, дергал шпагат... Это был прямоугольный предмет, одинаковый что в длину, что в ширину, тщательно упакованный в несколько слоев черного полиэтилена и накрест перевязанный шпагатом. Раненому никак не удавалось распустить узел. Тогда Гора вынул нож, перерезал шпагат и приказал:

– Снимай!

Тот не смог, Гора развернул пакет сам... Это были иконы, сложенные колодой; поверх них лежало Евангелие в золотом или в золоченом переплете, украшенном драгоценными камнями. Гора включил свет в салоне, внимательно осматривая предметы, каждый отдельно.

– Это в воду не выбросить! - пробормотал он, вернулся к старому следу и поехал к берегу.

До берега ничего не оставалось, когда он увидел впереди прямо перед собой бугор. Колея пролежала по нему. Гора выключил двигатель, сунул по привычке ключ в карман. Отвязал сани, перенес через бугор. Вернулся, достал ружье с лыжами, вынул обойму из "вальтера", бросил пистолет на заднее сиденье, потом открыл багажник, осветил: в нем оказалась увесистая сумка, она была доверчу набита продуктами с тремя бутылками водки в придачу. Гора оставил бутылки в багажнике. Закрыл его, сумку разместил на санях, ключ от машины вставил в замок зажигания и, бросив машину, тронулся в путь. Обойму выбросил туда, где снег был всего глубже.

До рассвета он шел по следу машины. Выбравшись на бесснежное пространство, свернул с дороги, отошел на несколько километров от неё и, отыскав удобное местечко, обустроил берлогу.

"Верил ли я в Бога?.. Как же!.. Не сторонился его... А то, что я чувствовал прежде и чувствую теперь по отношению к Богу, это скорее почтение и признание его всемогущества... Они не верили, сторонились и не испытывали почтительности Вот и настигла их кара!"

Глава седьмая

Как и предупреждал Миша Филиппов, после Оби пошли места, чреватые встречами с людьми. Правда, расстояния между крупными городами Тобольском, Сургутом, Томском, Новосибирском, Омском - были большими, но между ними теснилось множество населенных пунктов. По маршруту, намеченному Филипповым, Гора должен был выйти к Васюгани, пройти вверх по реке до самого се истока, а оттуда до Оми - рукой подать. Путь этот был длиннее, чем если бы он шел напрямик через мерзлые болота, но зато малолюднее и безопаснее. Гора, как идолу, поклонялся Мише Филиппову, его советы, почерпнутые из богатейшего жизненного опыта, сослужили в пути великую службу. Васюгань оказалась

рыбной, и эта информация Миши была точной. Идти было трудно, но Гора не спешил, времени до условленной встречи оставалось много, от поры до поры рыбачил, еды достаточно, а над чем поразмыслить слава Богу. Ему вдруг в голову пришло: за все это время о чем он только не передумал, а вот о своем первом аресте и суде так ни разу не вспомнил. Он даже упрекнул себя за то, что как бы намеренно обходит эту тему. Вечером, едва устроив себе логовище и угревшись, он воскресил в памяти те события.

"Удивительные создания люди. Кто-то, к примеру, платит бешеные деньги, чтобы освободиться от армии, а я прихожу в отчаяние оттого, что меня так несправедливо и бесславно отправляют в тыл. Что поделаешь? Вернулся я к матери и устроился работать завхозом в музей. Друзья в основном были на фронте. В городе оставались лишь студенты последних курсов высших учебных заведений..."

Жил в Тбилиси некий Кемаль Туркия, мой сверстник. В первый раз он сел в тюрьму как контрреволюционер в пятнадцать лет. Кемаль рано лишился родителей. Отец, потомственный интеллигент, скончался, мать, древней благородной фамилии, попала под трамвай, когда несла передачу сыну в Ортачальскую тюрьму. Отсидев три года, Кемаль в тридцать девятом или сороковом вернулся домой. Как-то так получилось, что мы не были знакомы друг с другом - может, потому, что учились в разных школах и круг друзей у каждого был свой. Но я слышал о нем, знал об аресте, возвращении, наделавшем столько шума: Кемаль влюбился в девушку, очень красивую, похитил ее с помощью близких друзей и хотел было увезти, но девушка категорически отказалась выходить за него замуж, и ему пришлось отступить от затеи. Это случилось еще до начала войны. А во время войны, когда немцы рвались к Сталинграду, вдруг прошел слух, что Кемалья Туркия снова арестовали и ему удалось бежать. Не скупилась на подробности. На Кемалья донесли, что дома-де у него приемник и он слушает немецкие передачи. Его взяли прямо на улице. На набережной Кемаль ускользнул от чекистов, прыгнул в проходящий грузовик и был таков. Поскольку побег сопровождался погоней и стрельбой, об этом судачили на всех перекрестках. Мы с мамой жили в комнате на окраине Сабуртало. Как-то вечером в окно постучал Амиран Морчиладзе. В течение нескольких дней он укрывал у себя Кемалья, но дольше держать его на своей квартире не мог. Амиран подыскивал для него надежное убежище и спрашивал, не соглашусь ли я принять его. Я не колеблясь согласился. Так мы познакомились с Туркия - по-моему, одним из самых храбрых людей того времени, умником и красавцем... Кемалем его называли в честь близкого друга отца, азербайджанца по национальности... К нашей комнате примыкала тесная, в четыре квадратных метра, кладовка с окном на улицу. В ней и устроился Кемаль.

Вскоре он принес радиоприемник, и мы стали слушать передачи. Кемаль часто исчезал по ночам. Я, разумеется, рассказал маме, кто он, она отнеслась к моему сообщению благосклонно. Со временем я понял, чем занимался Кемаль. В Грузии действовали во всех, без исключения, районах группы дезертиров: тех, что с самого начала уклонились от всеобщей мобилизации, и тех, что бежали из армии. Словом, это были люди, не испытывавшие никакого желания принести себя в жертву Советской империи. Из этих групп можно было сформировать преданные родине боевые отряды.

Теперь о том, зачем нужно было создавать в Грузии национальные вооруженные силы. Допустим, германский национал-социализм и его военная машина сумели бы разгромить Советскую империю, однако Германии противостояла бы вся Западная коалиция, с которой она не справилась бы и была бы повержена. На этот случай Грузии нужны были другие, альтернативные вооруженные силы. Они оказали бы сопротивление немцам, если бы те дошли до Грузии. И, после краха фашизма, грузины могли бы с полным правом ставить перед победившими союзниками вопрос о своей независимости. Таков был замысел, и ту нашу работу я и поныне считаю нужной. Движением руководила организация "Белый Георгий", тщательно законспирированная, малочисленная, со старинными традициями. "Белый Георгий", насколько мне известно, существует не одно столетие, принцип ее по преимуществу - идеологическое воздействие. Кемаль Туркия работал под началом этой

организации, но ни с кем из ее членов знаком не был. Кемаль организовал несколько групп с самыми различными обязанностями. В их число входила и наша. Мы в то время изыскивали денежные средства и, приобретая оружие, передавали его душетскому и тианетскому отрядам. Средства требовались значительные. Насилие и воровство категорически исключались. Кому-то пришла в голову мысль печатать фальшивые хлебные карточки. Дело пошло на лад, когда за него взялся специалист. Это был латышский художник Роман Сута. Когда в Ригу вошли немцы, он эвакуировался в Тбилиси и устроился работать на киностудию. К нам его доставили в чем был, с малой толикой денег в кармане, прямо с работы. Сута отлично наладил дело. Вскоре в целях конспирации "производство" пришлось перенести в другое место. Я выполнял самые разные поручения. Встречался с Кемалем только при крайней необходимости. Дело накрылось не без помощи того же Суты. Он был иностранцем, не очень разбирался в нашей действительности, говорил, что думал, ему не нравилась советская власть. Этого оказалось достаточно, чтобы начальник спецотдела студии Ваня Панков приставил к нему человека - Арменака Данеляна, бездарного режиссера, занятого каким-то третьестепенным делом. Когда немцев разгромили под Сталинградом, Сута стал искать способ бежать за границу. Арменак Данелян сказал, что у него есть человек, который берется его переправить за пятьдесят тысяч рублей. Сута поделился радостью с Кемалем. Тот попросил показать ему Арменака. Как-то устроилось - показал. Кемаль категорически запретил Суте общаться с ним. Роман внял совету, да разве чекисты успокоились бы?! Вот что они подстроили. Сута вдруг нежданно-негаданно получил из Москвы приглашение работать над фильмом, который должен был сниматься в Алма-Ате. Он, естественно, согласился. Ему купили билет, посадили на бакинский поезд. Арменак со своими людьми торжественно проводили его... Как потом выяснилось, чекисты тут же, в Навтлуги, сняли Суту с поезда. Мы об этом не знали. Провожать его, тем более в Навтлуги, по понятным причинам не пошли. Шло время, вестей от Суты все не было. Это нас насторожило. По уговору, он должен был тотчас по прибытии прислать нам открытку.

В органах его пытали, мучили, и вот начался погром нашей организации. Как выяснилось на очных ставках и потом, на суде, Сута заявил, что с Кемалем Туркия его познакомил на улице Гора. "Познакомил!" Вот почему чекисты решили вслед за Сутой сблизиться со мной. Ты подумай! У меня был старший друг, известный спортсмен. Его освободили от армии из-за травмы мениска. Я зашел и нему, мы немного поболтали и договорились, что завтра вечером я снова приду, уже не помню по какому делу. Назавтра я зашел, мы посидели, побеседовали, отужинали чем Бог послал - время было послевоенное. Потом увлеклись нардами. Было поздно, и он предложил мне переночевать, чтоб не ходить по городу в комендантский час. Я согласился. Наутро после завтрака мы прошли по проспекту Руставели и остановились возле оперы, где у моего друга была назначена встреча со знакомым. Ждать пришлось долго. Друг попросил меня сходить в кинотеатр "Спартак" и позвонить этому знакомому - если он сам возьмет трубку, значит, не смог уйти с работы, и тогда нам придется идти к нему в Горсовет. На том и порешили. Друг остался ждать, чтобы не разминуться со своим знакомым Меграбовым, а я пошел в "Спартак", благо кинотеатр был под боком. Я вошел, опустил монету в автомат. Ответил Меграбов. Я повесил трубку, как мы и договаривались; повернулся - стоят трое. Остальное понятно, вот только "друга" моего я по выходе из кинотеатра не увидел, он исчез...

А чекист Илико?! Вот орясина! Верста коломенская, ей-Богу... После вопросов, ничего не значащих, он в лоб спросил меня:

– Вы знакомы с Кемалем Туркия?

– Только издали.

– Он дурной человек, головы морочит людям, сбивает их с пути... Националист, какого поискать, враг нашего строя. Ты должен помочь нам взять его!

Я усмехнулся:

– Интересно, зачем вам моя помощь, это же ваш человек. Хотите взять берите! Тоже мне проблема! Он все время мельтешит на улицах... Дня не пройдет, чтобы я с ним не столкнулся...

– Он не наш человек!.. - грубо оборвал меня Илико. - Мы даже не знаем, как он выглядит, фотографии и той нет.

Он нажал на кнопку звонка. Вошел чекист посторожить меня, сам же Илико вышел. Он отсутствовал битый час - у меня было время подумать. О Кемале и вправду ходил слухок, что он агент госбезопасности. Значит, эту сплетню распространили сами чекисты, чтобы люди сторонились Кемалея. Но при чем тут я? За что взяли меня? Привезли допросить или уже уготовили мне "апартаменты"? Знай я, что Сута арестован, не стал бы задаваться этими вопросами.

Орясина Илико, похоже, побывал - не без пользы для себя - у чекистов потолковее и поднабрался ума. Во всяком случае, он предложил мне по возвращении заключить сделку: я похожу по улицам, на которых обычно сталкивался с Кемалем. За мной на почтительном расстоянии будут следовать несколько чекистов. Если я увижу Туркия, то выну из кармана расческу, проведу ею по волосам и продолжу путь, а они схватят подлюгу. Я согласился. Мне даже показали чекистов, которые будут сопровождать меня. Назначили время и место, куда я должен явиться завтра утром и - о диво!.. отпустили. Я не верил в такую удачу, пока не оказался на улице... А Кемаль-то, Кемаль! Фотографию и ту пожалел для органов госбезопасности! Чекисты тоже хороши - никаких точных данных.

Что еще могло быть?..

Я бродил по городу, ездил на трамвае - хотел убедиться, что за мной нет хвоста. Намотавшись, зашел к Кемалю и рассказал ему обо всем. Прощаясь, я посоветовал ему срочно поменять укрытие и отправился домой.

Мне бы вообще смотаться из города, но я рассудил иначе: похожу-похожу, никого, естественно, не встречу, и чекисты отстанут от меня. Наутро я пошел в назначенное место. Таскал их по городу целый день. Ситуация была комическая: чекисты рассчитывали встретить на улице человека, который и так носа из дому средь бела дня не высовывал, а уж тем более после моего предупреждения о ловушке... К вечеру я с ног валился, как, впрочем, и чекисты, но они вбили себе в голову, что будут ходить до тех пор, пока не поймут преступника. Когда я наконец понял, что они не оставят меня в покое ни сегодня, ни завтра, ни вообще, я решил повести их в Нахаловку. Там, в одном из проходных дворов, увижу незнакомого парня, выну из кармана выданный чекистами гребешок и проведу по волосам... Будь что будет. Все вышло так, как я рассчитывал, хотя и с небольшими накладками - я встретил дальнего знакомого Шота Эдзгверадзе, нахаловского парня, заику, каких свет не видывал. Поравнявшись, я кивнул Шота, сделал пару шагов, провел расческой по волосам и, пока чекисты заламывали бедняге руки, прошел по пешеходному мосту через железную дорогу, купил билет и унес ноги в Кахетию.

Гоги Цулукидзе так отозвался о беседе чекистов с Шота Эдзгверадзе: "Ну и досталось бедняге, барабану и тому столько не перепадает!"

Я отправился в Кахетию в надежде найти Парнаоза Залдастанишвили, нашего близкого друга. Он был ранен на фронте, и комиссия предоставила ему отпуск. Отец Парнаоза, Иасе Залдастанишвили, строил в Кахетии консервный завод, у него были квартира, достаток, а теперь и сын под боком. В Гурджаани я сел на попутку. Точного адреса у меня не было, я рассчитывал найти Парнаоза, порасспросив местных жителей. В Цителицнаро до меня вдруг донесся многоголосый женский плач и причитания. Встревожившись, я пошел на шум, он

вывел меня к вокзалу. На путях стоял товарный состав, двери вагонов, до половины забранные щитами, были открыты. За ними стояли, печально свесив головы, ослы... Шла мобилизация ослов - мероприятие районного масштаба. Что оставалось бедным бабам, как не плакать?! Мужиков в доме не было - ушли на фронт, кому таскать мешки на мельницу, носить воду с источника и хворост из лесу?.. Отнимали последнего кормильца...

Семью Залдастанишвили я в городе не застал, они уехали в Тбилиси. Делать было нечего, я вернулся. Дней семь-десять скрывался то у одних, то у других, потом наконец решил поехать в сторону Западной Грузии. Поднялся на ступеньку автобуса, и тут на меня кинулись чекисты в штатском, затолкали в легковую машину и препроводили в Министерство госбезопасности, всю дорогу ругая меня двурушником и изменником родины... Черт побери! Как они прознали о моих намерениях, не могли же они дежурить в каждом автобусе, отъезжающем из Тбилиси?! В тот день меня до полуночи мучили допросами. Потом спустили в комендатуру, срезали с одежды все пуговицы, какие нашлись, и, пока ее шмонали, я сидел нагишом в так называемом боксе. Покончив со шмоном, чекисты велели мне одеваться и повели на верхний этаж.

В коридоре лепились одна к другой двери камер с кормушками, небольшими форточками для еды. Повозившись с замком, мне открыли дверь, замыкающую ряд, и велели входить. Вошел, а что было делать, будто у меня был выбор! На двери камеры я успел заметить цифру шестьдесят пять. Сокамерник с ходу порадовал меня сообщением, что я нахожусь на пятом посту, ужаснее которого нет ничего не только во внутренней тюрьме, но и в подлунном мире! Не могу сказать, чтобы я был в прекрасном настроении, в это никто не поверит, но и напуган я не был, ни тем более охвачен паникой. Сначала сокамерник справился, кто я такой, потом представился сам: Антон Томадзе. Оповестил, что не сегодня завтра его должны расстрелять! Я любопытствовал, откуда ему это известно. Томадзе, не скупясь на подробности, рассказал, что дело передано в ОСО, а те, конечно, не станут чикаться. Он еще для ясности расшифровал ОСО: Особое совещание Министерства внутренних дел СССР. Это я знал. Слышал я от людей "сведущих" и о наседках. Антон Томадзе хотел припугнуть меня прямо с порога!.. Кажется, ясно! Мы поговорили, я лег, заснул. Проснулся от легкого скрипа двери - это вывели Томадзе. Как долго он отсутствовал, сказать не берусь. Скрип двери возвестил о его возвращении. Я прикинулся спящим. Он улегся и стал выщелкивать языком пищу, застрявшую в зубах. Утром Томадзе сам спросил, слышал ли я, как его выводили. Я ответил отрицательно. Он объяснил, почему его выводят по ночам: поскольку его показания записываются на машинку, их приходится считывать и подписывать! Томадзе взялся за наставления: я-де должен выкладывать на допросах все, что мне известно, не то расстреляют, глазом не моргнут. Я и сам был уверен, что меня приговорят к расстрелу, но выкладывать все как-то не собирался, это вообще было не в моих правилах... Мы разговаривали, ждали, когда поведут на opravку, как вдруг из коридора донеслось:

– Эй, вы, сопливые грузины! Вождь-то ваш человек!

Именно "грузины", а не грузины. Поначалу я решил, что заключенный страдает дефектом речи - не выговаривает букву "З".

– Каждый раз, как его ведут в нужник, он выкрикивает эту фразу, каждый раз получает пинок от надзирателя и тем не менее вопит, - пояснил Томадзе. - Погодите, сейчас услышите ответ.

И впрямь, едва хлопнула дверь нужника, как из соседней камеры раздался ответный вопль:

– На-кася выкуси!.. Не наш, не наш! Всесветный он! Такой гигант, как он, принадлежат всем народам, государству, миру.

Как оказалось, именно эта разница во взглядах и послужила причиной ареста двух

спорщиков. Точнее, причиной послужило препирательство, вызванное этой разницей во взглядах: один из них, покрыв великого вождя трехэтажным матом, пожелал околотить ему, а вместе с ним и своему личному врагу, который смеет с ним спорить; другой против смерти вождя не возражал и ненависть выражал в не менее крепких выражениях, но при этом не забывал о рефрене: "Вождь-то ваш человек!!!" К несчастью, некогда при этом споре в амплу слушателя присутствовало и третье лицо, одержимое верноподданническими чувствами, - так составилось "дело". Выражения спорщиков сочли "террористическим намерением", направленным против руководителя советского государства, и Особое совещание приговорило одного к двадцати пяти годам лагерей, другого - к двадцати. Что ни говори, а точка зрения второго не чужда была идее интернационализма, - принадлежит всему человечеству, - тогда как в вопросе первого и в его злорадстве явственно слышался призыв шовинизма.

Спорщики продолжали препираться даже после получения срока. Они надеялись на то, что их сочтут придурками и выставят вон. Напрасные надежды, потому что каждый из них втихаря доносил на другого: "Это я псих, а он себе на уме..."

А если честно, Томадзе не преувеличивал, говоря о пятом посте. Кто-то выл волком, кто-то кукарекал петухом, не говоря уже о столах и вздохах изморожденных заключенных. Один взывал к маме, другой - к мамочке, третий поминал крепким словцом маменьку вкупе с бабенькой и прочее, и прочее. Позже я понял: обстановка специально нагнеталась для психологической обработки новичков-заключенных. На пятый пост попадали со всей внутренней тюрьмы те, кто выл, вопил и кукарекал, - словом, особый контингент. Мне случалось сидеть здесь несколько раз и в последующие годы. Стиль работы оставался неизменным.

Я думал, меня тут же станут допрашивать, мучить, пытаться. Извините. Прошло две недели или больше, прежде чем мне устроили очную ставку с Сутой. К этому времени он уже выложил все, что знал и чего не знал. Я ужаснулся его виду, он был похож на мертвеца. Сута знаками дал понять, что его пытали, хотя он ни к чему, кроме кисти, карандаша и рисунков, касательства не имел... Словом, к этому времени были арестованы почти все, кто сталкивался с Кемалем Туркия - двадцать человек! Мне устроили очную ставку с Сутой, для того чтобы я подтвердил его показания. Я и подтвердил их частично - те, от которых не убежишь, будь ты даже Джеси Оуэном, чемпионом мира по бегу на стометровку.

Начались бесконечные допросы, очные ставки, пытки. Помимо мужчин, были арестованы три женщины, включая мою бедную маму. Наше дело ни в каких выяснениях не нуждалось. Все было ясно. Разве можно сохранить тайну, если в нее посвящены двадцать человек?! Мы только старались отвести от себя обвинения в проступках, которые не совершали, чекисты же сгорали от желания приписать их нам...

Я бы вспомнил еще несколько эпизодов, они стоят того. В ту пору адъютантом военного коменданта Тбилиси был молодой офицер Отар Капанава. Благослови его Господь! Если кого и можно было назвать офицером, так это Отара. Высокий, красивый, сложенный как статуя. Однажды, конечно, до ареста, я с Гоги Цулукидзе пошел в оперу на знаменитого певца. Пришел Отар Капанава, поздоровался, протянул мне довольно большой сверток в газетной обертке и попросил передать его Кемалю. Я изобразил удивление, сказал, что незнаком с ним. Отар ушел озадаченный, растерянный. Гоги бросился вслед, догнал; не знаю, о чем они говорили, но Гоги взял у Отара сверток и передал его на другой день Кемалю. На этом вроде все кончилось. Спустя время при поимке Кемалю у него нашли парабеллум Отара с полной обоймой. Сыск вышел на владельца оружия. Его арестовали. Но тогда я ничего не знал ни об аресте Отара, ни о гибели Кемалю.

Меня повели наверх к следователю. Смотрю, сидит Отар. Меня спросили, знаю ли я этого человека. Потом тот же вопрос задали Отару и предложили рассказать, как было дело с

оружием. Отар не стал скрывать, что подарил Кемалю свой парабеллум и даже пообещал запасные патроны с обоймами к нему. Не забыл он упомянуть и о той нашей встрече в опере. Подтвердив его слова, я все же уточнил, что о подарке ничего не знал, брать сверток из рук Отара отказался, поскольку не имел с Кемалем Туркия ничего общего. Наши показания, мои и Отара, совпали, его дело обособили и судили отдельно, дали три года за то, что отдал свое оружие. Если уж честно, он заслуживал эти три года за идиотизм и главным образом за то, что в "шутку" глотал золотые кольца своих возлюбленных. Гоги Цулукидзе утверждал, что мать Отара ходит за ним по пятам с ночной посудиною, умоляя сделать в горшок. Злые языки поговаривали, что как-то раз из ночной посудины извлекли небольшой золотой мундштук!.. Я встретил Отара в Ортачалской тюрьме, куда нас перевели после приговора. Он буквально молился на меня за то, что я отвел от него великую напасть - обвинение по политической статье.

Уже после возвращения из лагеря мы, друзья по заключению, кутили в духане, что помещался возле церкви святой Варвары. В нашу компанию затесался и Отар Капанав - у него неожиданно объявился друг из бывших лагерников. В разговоре кто-то спросил у него, помнит ли он Гору. Отар ответил: "Конечно, помню. Если б не моя помощь, его непременно расстреляли бы". Я сказал Отару спасибо. Он бросил на меня быстрый взгляд, узнал и тотчас испарился. Будь моя воля, я бы прибавил ему еще года три за это, но я простил ему бахвальство, да простит ему и Господь Бог. Был еще эпизод. У меня разболелся зуб, и Хазадзе посадил меня в стоматологическое кресло. Начальник следственного управления Арташес Маркаров, бывший карманник, требовал от меня признания в том, что я гитлеровский агент! Хазадзе без наркоза вырвал мне четыре зуба! Пару раз я терял сознание. Будь я агентом, непременно сознался бы. Я им не был, что мне было делать?! Об этом я и Барсуку сказал... Сказал, что с того!..

А Кочегаров? Видел я зашоренных, но таких... Мы сидели вдвоем в камере. Он был сектантом. Небольшая горстка людей устроила нечто вроде демонстрации, требуя свободу вероисповедания. Кочегарова, как застрельщика и скандалиста, арестовали. Он твердил только одну фразу: "Все от Бога!!!" и с концом. Что бы ни происходило, у него на все был один ответ. Он послал весточку домой с просьбой не приносить ему продуктов, - Бог его кормит. Тем Богом - Господи, прости меня - был я, потому как по-братски делил с Кочегаровым свои передачи. Как-то я спросил его: "А если вдруг мы рассоримся, и я перестану тебя подкармливать?" Он ответил: "Все от Бога". Было жаркое лето, у меня же, кроме сапог, в которых я попал в тюрьму, другой обуви не было. "Намордник" над окном раскалялся так, что в камере трудно было дышать. По правилам арестант всегда должен быть одет, то есть находиться в "мобилизационной готовности", - вдруг вызовут на допрос. Я попросил тетю купить мне туфли с полотняным верхом. Она купила. Я снял наконец сапоги и вздохнул с облегчением. Попросил и Кочегаров своих купить ему туфли. Купили. Передали. Он надел, прошелся, потом снял, стал крутить-вертеть. То внутрь заглянет, то снаружи осмотрит. Внимательно исследовав свою стопу от пальцев до пят, он промолвил: "Вот разум Всевышнего! Смотрите, как он сотворил человека - нога подходит к обуви тютелька в тютельку. А вы?! Все от Бога!"

Я возразил, что Господь дал человеку разум, дабы он выдумал обувь для ног самых разных размеров! Ничего не вышло. Ответом мне было: "Сначала он ногу сотворил. Все от Бога!"

Я только седьмого апреля увиделся со своими товарищами по организации, в одной из комнат внутренней тюрьмы, именуемой красным уголком, состоялся суд над нами. Председатель трибунала - Бурдули, старший лейтенант; судьи Чахракия и Эсиава, оба майоры; секретарь - крохотная тщедушная армяночка. Вот и все. Никаких защитников, прокуроров и прочих глупостей. Зачем нужен был этот фарс?! Объявили бы: Абдушелишвили, Сванидзе, Сута - расстрел; Каргаретели, Харагаули - двадцать-двадцать пять лет лагерей с последующим пятилетним лишением гражданских прав; Мачавариани - двадцать лет; Арчил Цулукидзе, Вахтанг Джорджадзе - пятнадцать. Остальным, почти всем -

десять, включая и женщин, всех трех. По мнению прокуратуры, я заслуживал расстрела, и вот двенадцатого апреля, в день вынесения приговора, я оказался в камере смертников. Лично для меня ничего неожиданного в этом не было. Мы все догадывались, что к нам применят высшую меру - конвой был усиленным. В камере смертников я провел целый месяц. Поскольку подробности гибели Кемалья мы узнали только на трибунале от Вахтанга Джорджадзе, то скорбь о нем заглушила во мне беспокойство о собственном будущем. Вот как случилась эта беда. Кемаль был у Вахтанга, остался у него ночевать. У Вахтанга ничего общего не было с организацией Кемалья. Просто они были друзьями. Вахтанг даже не знал, останется ли Кемаль ночевать у него. Кемаль остался. У Вахтанга была комнатенка в одном из тупиков улицы Энгельса. Дом лепился к подножию Сололакской горы. Вход в комнату был с подъезда, но была еще балконная дверь на задний двор. Уснули. Вахтанг - в своей постели, Немаль на тахте, не раздеваясь. Перед рассветом раздался стук в дверь. Вахтанг и Кемаль проснулись оба. Кемаль, приложив палец к губам, попросил Вахтанга не отзываться на стук и вышел из комнаты через балконную дверь. Едва он вышел, началась стрельба. Входная дверь в комнату была хлипкой, чекисты взломали ее, влетели внутрь. Стрельба на балконе продолжалась. Дом был окружен... Все стихло... Тяжело раненного Кемалья втокнули в машину и увезли в больницу Ортачальской тюрьмы. Комнату тщательно обыскали и опечатали, препроводив Вахтанга во внутреннюю тюрьму. Кемаль, не приходя в сознание, скончался по приезде в больницу. Вахтанг, поскольку другой вины за ним не было, получил свои пятнадцать лет за гостеприимство.

Беспокойство об участи Кемалья и моих товарищей, приговоренных к расстрелу, едва не свело меня в могилу. Я меньше всего думал о собственной судьбе и будущем, может, потому, что подспудно был уверен, до расстрела дело не дойдет. В камере смертников "жизнь" начиналась ночью, днем все, или почти все, спали, потому как на расстрел выводили ночью, а на помилование днем, но в камеру ни те, ни другие не возвращались. Во время войны приговоренных расстреливали тут же, в пристройке внутренней тюрьмы. Если раздавался металлический лязг двери, шарканье шагов приговоренного и надзирателей, а минут через двадцать глухой звук выстрелов, мы знали, приговор приведен в исполнение! Где именно расстреливали? В пристройке. Она принадлежала тиру спортивного общества "Динамо" и тянулась коридором вдоль тюрьмы с металлической дверью в тюремный двор. Тут обычно заключенного ждали врач, прокурор и начальник тюрьмы. Коридор был освещен, он оканчивался точно такой же металлической дверью, как и со двора. По одной версии, шел по коридору смертник, за ним - дежурный заместитель начальника тюрьмы. Заключенный шел относительно спокойно или в состоянии шока, полагая, что приговор будет приведен в исполнение за дверью в конце коридора. Бывали, правда, случаи, когда до нас доносился рев приговоренного из комендатуры и даже со двора, - странно, что редко! Палач стрелял в затылок смертнику, когда тот подходил к металлической двери. Поджидющие во дворе врач, прокурор и начальник тюрьмы входили, чтобы удостовериться в смерти. Производился еще один контрольный выстрел, после чего открывалась металлическая дверь крематория, надзиратели вкатывали труп, и дело было закончено, если не считать, что один из надзирателей наблюдал в дверной глазок за тем, как горит покойник. Вот так-то!..

За всю отсидку самое большое впечатление на меня произвел все-таки Лацабидзе. С ним я встретился в камере смертников. Он был довольно пожилым человеком лет пятидесяти, не меньше. О нем мы ничего решительно не знали. Возможно, фамилия тоже была вымышленной. Его вызвали ночью; зная, зачем осужденных вызывают в это время суток, он и бровью не повел. Пока открывали дверь, Лацабидзе шепнул, чтобы я взял сверток и спрятал его. Я подтолкнул к себе сверток ногой. Еще он шепнул, что меня не расстреляют, там все написано, и вышел из камеры. Он ни с кем не попрощался, на лице его не было и тени страха. Когда уводили кого-нибудь ночью, оставшиеся сидели как оглушенные. Так и на сей раз. Некоторое время мы пребывали в оцепенении, пока не послышались со двора два роковых выстрела. Не могу сказать, странно это или стыдно, но человек так устроен - все мы тотчас уснули. За мое пребывание в этой камере Лацабидзе четвертым выводили на

расстрел. И все четыре раза мы, сокамерники, проваливались в сон. Я проснулся в тревоге оттого, что не развернул сверток... В нем оказалась окровавленная рубашка. Под проймой химическим карандашом было написано, кому я должен передать ее. Я надел рубашку на себя - так мне удалось вынести ее из камеры смертников. Потом - из внутренней тюрьмы в Ортачалах, оттуда - в колонию завода шампанских вин. Я отыскал адресат, выполнил обещание. Пришел молодой человек, представился младшим братом казненного. Взял сорочку и ушел. Он не выказал ни сожаления, ни чего-нибудь похожего на скорбь, просто поблагодарил и ушел. Я и по сей день не знаю, какая трагедия обрушилась на эту семью... Кончим. Что было потом, я об этом, кажется, уже вспоминал... О побеге с завода шампанских вин - да, но о последующих событиях - нет... Отложим на потом!.."

Васюгань оказалась низменной степной рекой, напоенной болотными водами, - никаких подъемов и трудных препятствий. Одна беда, сани были тяжелыми и затрудняли передвижение на лыжах, а еще донимала боль в суставах, порой нестерпимая. На новые костыли ушло несколько дней - пока отыщешь ветви с развилиной, пока их обстругаешь. Ближе к руслу деревья росли не густо, там-сям. Наконец все устроилось, но теперь к боли в суставах прибавилась боль в натруженных подмышках.

"Нужно бы сделать привал, пока не заживут подмышки, но времени нет. Выход один - терпеть... Лыжи приторочены к саням. Если поработать кистями рук, подмышки передохнут... Что ни говори, а двигаться надо. Как бы отвлечься от боли... Возьмемся за воспоминания... Этого добра хоть отбавляй - одни побеги чего стоят... Переберем сначала?.. Нет, вспомним истории тех времен, когда после первого побега мы перебрались на Северный Кавказ... Какие именно? Ясное дело, те, что оставили свои отметины... Печальные, приятные или просто забавные... Все равно, лишь бы забыть о болячках! Где такие найти? Все, что связано с побегами, слишком тягостно... Может, расскажем о Тамаре-буфетчице с Олагирской станции? Да, это годится!.. Оставь, пожалуйста, тебе, кажется, не восемнадцать лет?! Сентиментальная история... Может, и так. Но это на первый взгляд, а копнуть глубже, поймешь, что поведение Тамары - подспудный протест против насилия... Она была женой ингуша. Мужа выселили в Казахстан. Тамара же, благодаря грузинской фамилии, избежала депортации и осталась на Северном Кавказе. Поднакопив малую толику денег, она ездила навещать мужа. Работала то в одном месте, то в другом. Когда я встретился с ней, она была буфетчицей на Олагирской станции... Давай-ка сначала, а?.. У меня были потрепанный паспорт и военный билет на имя Саванели Георгия Александровича. В Беслане Толик-Медник, майданщик, поездной вор, с которым мы вместе мотали срок, пообещал достать свидетельство об освобождении по амнистии, но для этого нужно было выждать, пока бы объявился владелец документа, у которого Толик должен был взять его. Именно это вынужденное ожидание и привело меня в Олагир. По легенде, я только что вышел из заключения и искал себе работу, чтобы вернуться на родину, в Грузию, не в этих обносках, а в мало-мальски приличной одежде!.. Осенью того года кукурузные поля почти по всему Северному Кавказу оставались необранными - не хватало рабочих рук. Если кто брался ломать початки, ему давали половину собранного им урожая, но к тому времени, как я попал в Олагир, эта кампания давно кончилась. Как бы то ни было, сошел я с поезда. Меня удивило отсутствие людей - всего каких-нибудь три-четыре человека на перроне. Было утро, обратный поезд отходил только завтра в десять утра. Я вошел в здание. Тут тоже было безлюдно. На одной из дверей висел кусочек картона с надписью "Буфет". Я вошел - никого, кроме буфетчицы, и та целиком ушла в свои мысли, а может, в мечты. Завидев меня, она вскочила, поздоровалась... По правде говоря, вид у меня был такой, что ей бы не здороваться со мной, а с криком бежать куда глаза глядят... На буфетной стойке ничего, кроме сковородки с холодными пирожками, не было. Зато на полках в ряд стояли бутылки водки. Пирожок стоил ровно столько, сколько у меня было. Я взял один, сел за угловой столик. Проголодался как собака, но ел так, будто только что угостился цыпленком табака. Буфетчица заговорила со мной. Я пересказал ей свою легенду. Она сочувственно заметила, что в этих краях уже собирать нечего. Я знал об этом, но мне нужно было дождаться обратного поезда. И по сей

день не пойму, что ею двигало, но она дала мне три пирожка, двадцать пять рублей, чтобы я пошел побрился и, если работает баня, искупался. Я отнекивался как мог, но она настаивала, и я взял деньги. Возле станции пролегалась речка и называлась она, кажется, Хатал-Доном. Я пошел вверх по ущелью, нашел укромное местечко. Было холодно, но я по возможности обмылся. Смысла в подобном купании не было - я завшивел. В побегах редко приходилось заглядывать в баню - на груди у меня красовалась большая татуировка, особая примета что надо! В Олагирской бане номеров и в помине не было, а в общем отделении я не мог сунуться.

Самое забавное, что, когда при последнем освобождении мне удалось просмотреть свой формуляр, в особых приметах значилось все, кроме татуировки; было отмечено даже то, что пятки у меня выступают на два сантиметра, а о татуировке - ни слова. Впоследствии, когда я рассказал об этом Саше Папава, он заметил, что это "улыбка судьбы". Помывшись, я отыскал парикмахерскую, побрился и снова пошел к Тамаре в буфет. Я рассчитывал переночевать в зале ожидания. Было холодно, и я решил отсидеться в буфете до самого закрытия... Да, главное - Тамара была красивой женщиной с прелестной родинкой на левой щеке. Отменными были и фигура, и ноги, но тогда это меня мало заботило, я все боялся, как бы кто не усомнился в моих документах и не препроводил в милицию. Я столько об этом думал, что мои страхи едва не оправдались... Сижу, ем, благо Тамара приготовила еду... Вдруг не входят, а влетают, как если бы за ними гнались, трое мужчин. Один в бурке, военной форме и с автоматом! Шишка небольшая, как я потом узнал, всего-навсего лейтенант, начальник местной госбезопасности, но с меня хватило бы и старика с дробовиком. Пришельцы были местными, и для Тamarочки своими... Она подала им бутылку водки и разогретые пирожки. Лейтенант, особенно после того как опрокинул в себя полстакана водки, стал поглядывать на меня. В конце концов он подозвал Тамару, шепнул ей что-то на ухо, та вскинула на меня глаза и тоже шепотом сказала обо мне что-то такое, от чего лейтенант утратил всякий интерес к моей особе... Могу поклясться черной клятвой, что Тамара каким-то шестым чувством угадала, что я - беглый заключенный. Может, потому, что я не слишком хорошо играл свою роль, мне недоставало таланта или опыта - я был новичком-беглецом... Словом, те трое клиентов ушли, я с облегчением вздохнул... Что это за город такой, Олагир, что за буфет, где нет ни души, разве что старичок, один-единственный...

Стемнело. Тамара перевернула висящий на двери картон - "Закрето". Мы еще немного поговорили о том о сем. Потом она тут же, на длинной вокзальной скамье, устроила мне постель из каких-то паласов. Сама вышла в смежную комнату... Я положил голову на локоть, стараясь уснуть, и вдруг заметил, что дверь в комнату Тамары приоткрыта, она легла, не заперев ее. "Легла" я говорю потому, что выходила она в халатике, погасила свет в зале, потом и в своей комнате... Я заволновался, почему она оставила дверь открытой?! Нет, я не исключал ни случайности, ни рассеянности, ни даже того, что дверь, возможно, повело и она не запиралась... А как же днем? Я припомнил и прокрутил в уме все наши разговоры, каждое слово, улыбку, мимику, жесты, нахмуренные брови, перешептывания со спесивым лейтенантом... Словом, эта женщина или пожалела меня, или я пришелся ей по душе, а может, и то и другое вместе... Она приглашала меня!.. Я долго еще размышлял, взвешивал "за" и "против". В заключении и в первом побеге я почти не знал женщин откуда? - и очень стосковался по ласке. Потому я совсем было решился войти - будь что будет! - но, вовремя спохватившись, отказался от этой мысли и уснул... Ничего. Наутро Тамара снова меня покормила, снова дала двадцать пять рублей; на подбородке у меня вскочил большой фурункул, она наложила ихтиоловую мазь, и я отправился в Беслан. Вот и все, если не считать одной интересной встречи!

Владикавказ тогда называли по-всякому: Орджоникидзе, Дзауджикау, Дзауг или Город - кто как. Я обосновался в тех местах - приделся, стал директором крупного производства с персональной машиной. После олагирского эпизода прошло целых два года, и вдруг на улице Куйбышева я столкнулся лицом к лицу с Тамарой. Она взглянула на меня и спросила, не

Леван ли я... В Олагире я представился ей Леваном. Я ответил утвердительно. Мы стояли, говорили, рассказывали друг другу о жите-бытье. Про себя я думал, хоть бы она теперь поманила меня или знак какой подала... Я проводил Тамару до дому; она жила в одноэтажном особняке, довольно красивом. Стоя на ступеньке каменной лестницы, она улыбнулась и неожиданно спросила:

– Ты не заметил, что я оставила дверь приоткрытой?

– Заметил, как не заметить!

– Почему не вошел?

Подумав, я спросил:

– Хочешь правду?

Она кивнула, глядя мне в глаза.

– У меня были вши, я не мог оскорбить тебя.

Тамара посмотрела на меня долгим взглядом и, поцеловав в щеку, вошла в дом... Тотчас вернулась. Я стоял все на том же месте, знал, что вернется... Она задумчиво спросила:

– Простится ли мне?

– Что?

– То, что оставила дверь открытой.

– А мне простится, что я не вошел?.. Сдается мне, нам обоим простится!

Засмеявшись, Тамара вошла в дом.

После того мы больше не виделись - я перебрался на работу в Белоруссию".

Гора лежал в логовище, накрывшись белым балахоном. Он так тщательно замаскировался, что подойди кто близко и то не заметил бы его укрытия. Правда, Васюгань была безлюдной, но Гора все же соблюдал осторожность. Отрезок пути, пройденный им за последние два дня, был относительно бесснежным; он шел без лыж, почти не оставляя следов. Логовище он устроил близ молодого сосняка, где надежно припрятал сани. Костыли не помещались, он оставил их на поверхности, потому как в глаза они особенно не бросались... Проснувшись, Гора посмотрел на часы - без малого одиннадцать. В дорогу он собирался завтра с утра, а этот день отвел отдыху.

Ему послышался шум двигателя. Глухой, отдаленный, он постепенно приближался, усиливаясь. Гора, высунувшись, поднял голову, но ничего не увидел - небо заволкло тучами. Убедившись по звуку, что это вертолет, он снова влез в укрытие. Вертолет пролетел справа, на приличном расстоянии от логовища, и скрылся. Шум затих, но не прошло и получаса, как снова раздался рокот. На сей раз вертолет пролетел слева, и тоже на приличном расстоянии от Горы. Так повторилось несколько раз - машина прочесывала десятикилометровые квадраты. Один пролет пришелся прямо над логовищем Горы. Вертолет взял курс на север. Шум постепенно утих, и снова воцарилась тишина.

"Насовсем улетел или где-нибудь приземлился?.. Митиленич?.. Может, и так. После Оби он потерял мой след. Митиленич предполагает, что я на восьмидесятом меридиане. Я и должен был идти по нему до Оби. Не пошел, свернул на запад. Ищет?.. Мои следы?.."

Гора вылез из логовища. Прихватив с собой балахон, лег возле саней, замаскировался... Снова раздался стук двигателя - мимо. Гора высунул голову, проследив за вертолетом... Он приземлился в паре километров и стих. Гора выполз из-под балахона, поднялся на взгорок и стал в бинокль наблюдать за машиной. Она села возле хижины без окон, с наполовину сорванной крышей. Трое мужчин, выйдя из вертолета, вошли в лачугу, один из них вернулся, как оказалось, за тросом... Обвязав им какой-то предмет - Гора его не разглядел, - мужчины направились к машине. Все это время четвертый пассажир оставался в вертолете и, высунувшись, наблюдал за работой остальных... Машина взлетела, подняв в воздух груз, и скрылась с глаз.

"Кто был тот четвертый, что даже не вышел из вертолета, и вообще, что все это значит?.. Есть несколько объяснений. Первое: они летают и знают, что если я где-то поблизости, то непременно наблюдаю за ними. Демонстративную перевозку груза я должен, вероятно, увязать с наличием пустующей хижины в том месте, где приземлился вертолет, - при переноске груза никого, кроме прилетевших, не было. Все это делается для того, чтобы сидящие в засаде люди заманили меня в хижину и схватили... Так?.. Возможно, в ней никого нет, но если я войду внутрь, то оставлю след, и Митиленич воткнет в свою карту очередной флажок, то есть поймет, куда я путь держу. Второе объяснение: они зафиксировали, что я иду вверх по Васюгани к ее истоку, оттуда прямо к Ашне, куда же еще?! Для Митиленича этого достаточно. Третье объяснение: он не хочет брать меня сейчас и здесь - что он шепнул Поликарпу Васильевичу?! Есть и четвертое объяснение: Митиленич тут ни при чем, это посторонние люди. Зачем ему следить за мной? Он знает, что путь мой лежит через Ашну и Хабибулу, - там и будет меня ждать... Как ни крути, как ни верти, нам в этой хижине делать нечего..."

И все-таки Гора поддался соблазну, стал наблюдать за полуразвалившейся лачугой, справедливо полагая, что если там кто и остался, то выйдет оправиться! Он вел наблюдение до сумерек. Никто так и не вышел. С наступлением ночи Гора вернулся к своему логовищу, перекусил и с рассветом тронулся в путь.

"Я, кажется, понял, что происходит... Все эти побег, погони, нынешний тяжкий путь из Заполярья - это своеобразная модель моей жизни, я живу на большой скорости... А эта дорога... До чего быстро я прошел ее. На протяжении всей своей жизни человеку кажется, что он за чем-то гонится, он не сознает того, что это отнюдь не погоня - это собственное бегство от беды, от смерти! Со временем бесконечная беготня приедается, человек мирится с неизбежностью и начинает готовиться к уходу из жизни. Все это подсознательные процессы... Наука смерти начинается в возрасте свершений; как корни всего лежат в прошлом, так и побег этот относится к порою свершений, но одновременно является и началом науки смерти; сам же путь на языке корриды - суэртэ де муэртэ. Это - процесс умерщвления, и осуществляет его величайшая и суровейшая эспада - неизбежность!.. Брось, ты же не бык, выскочивший на арену!.. Коррида кончается, близится конец мистерии, Гора! Собираешься помереть?.. Пока нет, нужно довести до конца дело. Об этом потом, когда вспомним Томи... Ладно, согласен... А помнишь Битюцкого, кандидата медицинских наук?.. Да. Еще в Тбилиси, после окончания института, мне поставили диагноз: "Злокачественная опухоль гортани до ороговения". Амиран Морчиладзе забросил на время свои дела - он был главным врачом больницы - и отвез меня в Москву, полтора месяца не отходил, собственноручно делал инъекции, ухаживал, как мог. Старостины устроили в лучшую клинику. Битюцкий первым из врачей проверил меня и заполнил историю болезни. Сижу, он нащупывает какой-то нерв на шее, поглаживает, и, представьте, я уснул. Когда очнулся, врач объявил, что я умру! Если мне не сделают операцию, то есть не удалят гортань, мое дело кончено. Я не мог говорить в голос и прошептал: "Что с того, пусть умру, все умирают - кто в материнской утробе, кто в три года, в десять, в сто лет. Мне сорок четыре, но я видел и пережил столько, сколько не каждый за сто лет увидит. Мою смерть можно считать закономерной, однако я не умру, я должен закончить важное дело!" Битюцкий, растерявшись, невольно спросил: "Какое?" Мне стало

смешно: "Как вам сказать, это нечто такое, чего, кроме меня, никто не завершит". Он ничего не понял... А что теперь ты должен завершить?.. Я должен сесть на рельсу! А потом?.. О-о! Вопрос по делу, правильный... Интересно, Митиленич тоже сам с собой беседует? Разумеется. А анализ это нечто другое?.. Любопытно, из каких сведений состоит его информационный сундук? Если он не безнадежный идиот, он должен знать, что я жив и иду в таком-то направлении. Еще бы, за столько месяцев пути я, наверное, наследил дай Боже! Вот будет хохма, если он разгадает, где и в каком месте я сяду на рельсу! Я пока и сам не знаю, нужно обдумать и решить. Наберусь немного сил. У Митилени-ча есть интуиция, ум. Не исключено, что он будет поджидать меня именно в тех краях... Скажешь тоже! Приснилось ему, что ты должен сесть на рельсу? Как знать... Все может быть. Брось гадать, вернемся к делу: зубы у тебя - со счета не собьешься; кисть левой руки почти неподвижна. Вернуть мышцам пластичность можно, если сделать сложную операцию и разработать кисть... Не исключено, что операция будет тяжелой, возраст и здоровье подведут... Если Резо Сесиашвили не смогли подлечить бедренные суставы, мне, что ли, вылечат! На одно ухо не слышу - последствия воспаления, перенесенного в Уренгое. С этим, вероятно, и удастся что-то сделать... А в общем, в нормальных условиях, с отдыхом и хорошим лечением, может, поднаберусь сил... А зрение, забыл?! Витамины, что ли, помогут?! Так я и поверил. Очки - и вся недолга. Вот только заняться этими болячками я смогу после получения официального статуса. Это отдельная и сложная проблема, но, пропади все пропадом, пока меня поймают, не подыхать же с голоду. А поймают - да здравствует гражданин начальник! Больше трехсот не дадут, дальше Луны не пошлют! Будут содержать нас, чтобы помереть не померли и жить не жили; ни о чем тужить не придется. Я о другом думаю кому и зачем я нужен такой, какой я есть?.. Ладно, разнылся, отвлекись чем-нибудь... О, кажется, горло болит... Может, тебя и запахи беспокоят? Какие еще запахи?! Падали!.. В такой мороз от падали вони не будет, но ты прав, не время причитать, подумаем о чем-нибудь другом... Мы еще не говорили о том, как жилось после первого побега. Белорусские истории и прочее... Да, в Белоруссии, в частности в Минске... Как фамилия того человека, не Вохнянский ли?.. Да, интересный был человек. Я приехал в Минск. В половине первого меня должен был принять по вопросу оборудования, которое по репарации вывозилось из Германии, заместитель Председателя Совета Министров Белоруссии. В половине двенадцатого я заскочил в ресторан при гостинице, есть хотелось ужасно. Мне принесли что-то перекусить. Беглец, где бы он ни был, всегда насторожен, нет ли опасности. Я заметил неподалеку сухопарого седовласого мужчину, он сидел за столиком один. Перед ним стояли бутылка пива и яичница на маленькой сковородке, он наблюдал за мной, я его не узнал - в этом не было ничего удивительного, зато он, оказавшись бывшим чекистом, мог бы узнать меня. Бросив взгляд на часы, я заторопился с едой. Мужчина встал и, прихватив бутылку пива со стаканом, направился напрямиком ко мне. Подошел, попросил разрешения сесть. Я кивнул. Он сел, продолжая разглядывать меня, и, помешкав, заговорил:

– Прошу прощения, я бывший дипломат, Вохнянский Иван Макарович. Не удивляйтесь, хочу спросить вас кое о чем.

– Слушаю.

– Есть такая наука, реакционная, - френология. Теория, вымученная профессором Френелем. Я холостяк, всю жизнь провел за границей. У меня частенько бывало свободное время, и я забавлялся этой теорией. Теперь, как выпадает случай, я кое-что уточняю. Не сочтите за дерзость... У вас есть дети?

– Да, двое! - солгал я.

– Обе девочки, не так ли?

– Да, - снова соврал я. - Как вы узнали?

– У таких, как вы, в основном бывают девочки.

– По профессору Френелю?

– Да.

– Интересно. Простите, тороплюсь, вынужден оставить вас.

Эта случайная беседа занозой впилась в мое сердце. В периоды побегов и потом, когда приходилось скрываться, меня мучил комплекс бездетности. Точнее, бессыновности. Это были естественная жажда иметь наследника и страх беглеца: вдруг убьют при аресте или приговорят к расстрелу, а у меня нет сына. Помимо этого мне запали в душу слова деда Горы и отца Эрекле. Они часто говорили о том, что у меня должно быть много сыновей, чтобы не иссяк род, не прервалась фамилия... Не смог я выполнить ни их заветов, ни... Эх, ладно..."

Гора не любил вспоминать, а тем более рассказывать о незадавшихся побегах. Он как-то сказал: "Человеку легче признать свою вину, чем неудачу и поражение!" К числу осечек он относил и тот побег, когда мы "рванули" из Караганды, - второй побег! Я знаю подробности от Анатолия Ивановича Шульца. Сам Анатолий Иванович, сын офицера-эмигранта, почти всю жизнь прожил в Китае. Туда он попал вместе с отцом и матерью, там рос, там же достиг довольно высокого положения - был представителем какой-то американской компании в Северном Китае; женился на Галине Солдатенко, красавице с трагической судьбой, - получив приглашение в Голливуд, она бросила господина Шульца, уехала в Штаты, там ее застрелили! Со временем эмигранты стали возвращаться из Китая на родину, вернулся и Анатолий Шулец. Свой приезд он объяснял так: "У меня никого и ничего не осталось ни там, ни где-нибудь еще. Только родина. Я снялся с места в надежде, что после победы в такой войне коммунисты не заставят нас, детей и внуков, расплачиваться за грехи своих отцов, и вот, пожалуйста!" Шулец получил срок и оказался в лагере. Замаливал вместе с Горой родительские грехи, дружил с ним, участвовал в побеге, о котором Гора никогда и никому не рассказывал.

Вот эта история со слов господина Шульца.

"В окрестностях Караганды началось строительство нового объекта под названием "Северо-западная стройка". На ней работали заключенные, они же возводили ограждения - столбы высотой в четыре с половиной метра, между которыми крепились гвоздями и скобами три ряда горбылей. Перед ограждением, по обыкновению, распахивалась так называемая "запретная зона", то есть полоса шириной восемь-девять метров, разровненная и разрыхленная. Она обносилась колючей проволокой. Перед тем как завести заключенных в рабочую зону, контрольную полосу тщательно осматривали, нет ли на ней следов: может, кто сбежал или, напротив, забрался с воли. Ночью на вышках часовых не было, зона пустовала, и в неё вполне могла пробраться, скажем, женщина; мог бежать и заключенный: укрывшись где-нибудь днем, он с уходом часовых переползал через запретную зону, ограждения и тогда ищи-свищи. Тот побег был частично подготовлен другими заключенными. Так нередко бывало. Оперслужба имела своих агентов, и, если они замечали что-то неладное, подозреваемых тотчас, не дознаваясь подробностей, переводили в другие лагеря. Словом, парней, готовивших этот побег, похватывали и рассовали по разным лагерям, но они успели передать надежному человеку суть дела. При установке столбов ограждения они вместо щебня залили в ямы воду и утрамбовали землей. Зимой воду прихватило морозом, и столбы стояли - не отличишь от других. Ребята успели указать на них. По замыслу машина должна была, прорвав проволоку, завалить вначале невысокие колья запретной зоны, потом один из столбов с оттаявшим льдом. Остальное - дело удачи, не попала бы пуля в беглеца, когда со сторожевой вышки откроют пулеметный огонь; не прострелили бы бак в машине и прочее... В подвале одного из домов припрятали двухсотлитровую бочку. На объекте челночило множество машин со строительными материалами и водой, у нас была возможность сливать

бензин. Бочка потихоньку наполнялась. Стояли погожие дни. Можно было бы и бежать, но случилось нечто непредвиденное. Поскольку случаи "прорывов" участились, начальство сочло нужным принять меры: пригнали экскаватор и опоясали зону рвом глубиной в два метра, вырытую землю сбросили на бровку, образовался бруствер, а значит, и дополнительная помеха для таких побегов. В сравнении с прежними неудачниками у нас было два преимущества: валкие столбы и щиты, специально изготовленные для этого случая, - в человеческий рост высотой, полдюйма толщиной и с ручкой. Воду в зону привозили на "студебеккере". Машина надежная, трехосная, при этом все три моста ведущие. К тому же между кабиной и цистерной легко умещались наша бочка с бензином и человек. Нас было шестеро. Распределились так: один возле бочки, трое в кабине, двое на ступеньках с обеих сторон, при этом у каждого в руке щит, упертый в ступеньку, - он защищал беглецов от пуль: и тех, кто стоял на ступеньках, и тех, кто сидел в кабине. Кроме того, щиты имели еще одно назначение: по ним, как по мосткам, должна была проехать машина, сначала - через ров, а потом - через бруствер; трехосный "студебеккер" легко бы взял насыпь. Водителем его был сосланный немец по имени Эвальд, очень хороший человек. Он всегда охотно выполнял наши просьбы, приносил что нужно с воли, но дело есть дело, и в один прекрасный день мы попросили Эвальда выйти из машины. Он и эту просьбу выполнил охотно. Мы подогнали "студебеккер" к месту, где хранились бочка и щиты. Погрузили горючее, сели. За бочкой укрылся Шуков; Лапка с Горой вооружились щитами, и операция началась!.. Эвальд должен был поднять крик лишь после того, как мы завалим забор, или вообще не поднимать. Я сидел за рулем. Кстати, о технологии побега: большинство из тех, кто уходил в побег, именно прорывались, от чего страдала в первую голову машина - выходил из строя радиатор. Мы учили это. Я включил все три моста и медленно двинулся к кольям запретной зоны - они легко завалились; потом так же медленно подъехал к основному заграждению - оно тоже поддавалось без труда... В лагерях для политических вышки отстояли одна от другой приблизительно на пятьдесят метров. Мы проехали примерно между двумя вышками, и, когда приблизились ко рву, случилось нечто ужасное... Лапка и Гора спрыгнули, чтобы перекинуть щиты. Часовой на вышке со стороны Горы покинул пост, спустился по лестенке на несколько ступенек, снова поднялся и только потом открыл огонь. Это обстоятельство позволило Горе выиграть время: он перебросил щит, перебрался через бруствер и залег. Бедняга Лапка тоже успел перекинуть щит, поднялся, но тут его подсек пулеметный огонь, и этот добрый, живой, на диво смелый парень, уроженец какого-то Богом забытого села в Закарпатье или Приднестровье, девятнадцатилетний украинец, упал бездыханный... Я нажал на газ, взял бруствер; из правой дверки вдруг выпрыгнул Клубницкий и бросился назад к заваленной ограде; но едва он поднялся на бруствер, как его настигла пуля, и он рухнул в ров. Времени на размышления не было - Гора подполз, взобрался в кабину, точнее, упал ничком на сиденье - ноги наружу, я поддал газ, и под пулеметный огонь с обеих вышек машина рванула вперед. Как известно, в Карагандинских степях на сайгу охотятся на машинах, рытвин и бугров здесь днем с огнем не сыщешь. "Студебеккер" мчался на бешеной скорости. Мы отъехали уже довольно далеко, непосредственной опасности не было, и я спросил у Ушакова, где Шуков, тот, что сидел за бочкой с горючим. Ушаков обернулся на заднее стекло кабины, долго всматривался и сказал: "По-моему, я видел его мельком... Он спрыгнул еще до того, как мы рванули через запретную зону!" Проехали еще немного. Едва мы перевели дух, как Гора, преодолевая боль, пробормотал, что убили Лапку, он сам видел его труп, а Клубницкий, может, и остался жив - он упал в ров. Я был в недоумении, почему Клубницкий спрыгнул, что вдруг на него нашло? Ушаков, нарушив нависшее молчание, заметил, что, видно, подвели нервы!

Примерно через час после побега машина стала - кончился бензин. Мы собрались снять бочку - куда там, изрешеченная пулями, она, подбитая, скатилась на землю. Мы бросили "студебеккер" Овальда. Спустилась ночь. Ушаков решил отделиться и ушел один. Нас осталось двое: я и Гора. Двинулись быстрым шагом, почти бегом. Близился рассвет, нужно было залечь, поскольку днем нас обнаружили бы с воздуха - в Песчанлаге был самолет типа "У-2". Прошли еще немного. На востоке чуть посветлело небо. Обозначилась какая-то

деревня или поселок - всего несколько домов. Мы подошли поближе. Трава была высокой, залегли... Из крайнего дома вышла женщина, поднялась по лестнице на сеновал и спустилась с охалкой сена. Вошла в сарай, вернулась в дом. Гора шепнул, что нужно выждать, пока женщина уснет, подняться на сеновал там полно сена, забраться в него, выпасться, а с наступлением сумерек продолжить путь. Я согласился. Мы подождали пятнадцать-двадцать минут и бесшумно пробрались на чердак под черепичной крышей. Тут и впрямь оказалось много сена. Мы забрались в него, легли бок о бок и уснули как мертвые... Мы так издергались накануне, бежали, почитай, всю ночь - как было не заснуть. Удивительно, что мы остались живы.

Проснулся я вроде бы от крика, бросил взгляд на часы - почти четыре. Я толкнул Гору локтем - он не спал! И тут мы услышали:

– Ребята, мы конвой Управления. Знаю, что вы там. Выходите, слово русского офицера, доставлю вас в Караганду, в шестнадцатую тюрьму. Не бойтесь, не в лагерь! Выходите!

Мы выбрались из сена. Я слегка приподнял черепицу, выглянул. Перед домом стоял грузовик с солдатами на скамьях. Приподнял черепицу с другой стороны... Дом был окружен, попали как кур во щи. Стали анализировать ситуацию, рассуждать... Офицер обратился к нам еще раз. Я почему-то запомнил, что поначалу он говорил "слово русского офицера", а потом уже "честное слово русского офицера". Как тут было не поверить!..

Странно, но нас действительно пальцем не тронули, даже не ругнули. Надели наручники, сдали дежурному в шестнадцатую тюрьму, и на том завершилась наша попытка побега.

Вначале мы сидели в шестнадцатой тюрьме, потом в Спасской. Прошло месяца два. Началось следствие, нас судили, снова приговорили к двадцати пяти годам, отсчет срока начался со дня вынесения последнего приговора. Прежняя отсидка пошла коту под хвост. А по правде, когда у тебя четвертак, двумя годами больше или меньше значения не имеет. Теперь в активе у каждого из нас было по полсотни.

Мы провели на воле сутки или чуть больше.

Беглец умный после поимки не останется в том же лагере, откуда бежал. На нем клеймо беглеца. Надо сделать все возможное и невозможное, чтобы как-то подменить чистым свой формуляр, в котором красным карандашом значится "побег", а уж затем "переводиться в другой лагерь". После суда и приговора меня с Горой отправили в седьмой лагерь "Песчанлага". Был день, стояла нестерпимая жара. Рабочее время, в лагере почти никого. Мы присели на лестницу барака. Мимо прошел офицер, сделал пару шагов, остановился и раздраженно отчеканил:

– Что, не знаете?.. Когда идет офицер, вы должны встать и снять шапки.

Я спросил:

– А почему?

Офицер рассвирепел:

– В знак уважения!

Гора возмутился:

– Послушайте, если вы в своем уме, можете объяснить, за что мы должны вас уважать?!

Офицер ушел, но прислал надзирателей, те повели нас в изолятор... Через пять дней выпустили. Фамилия офицера, начальника учетно-регистрационного отдела, была Фадеев.

Он оказался хорошим человеком. Через месяц после этого эпизода он согласился за порядочное вознаграждение заменить наши формуляры, а потом за не менее порядочное вознаграждение отправил нас по этапу в другой лагерь.

Впрочем, лагерем его можно было назвать разве что условно. Прежде в нем содержались японские военнопленные. Их отправили по домам. Лагерь опустел. Его буквально весь растащили, только фундамент оставили. Ни рам, ни дверей. Разворовали кухню, одежду и ту негде было просушить. Нам давали сухой паек и воду - три литра на человека в сутки. Была осень. Шли дожди с холодным среднеазиатским ветром. Мы, ясное дело, ходили на работу, осматривались, изыскивая возможности побега. Едва на строительстве появлялись доски, как мы распиливали их на дрова и таскали в жилую зону. Больше половины отбирали на вахте: солдатам тоже нужно было погреться и просушить мокрую одежду...

Как-то вечером лежим мы на нарах в мокрых бушлатах и ватных брюках. В бараке гуляет ветер, капли с потолка, с оттяжкой падая, стучат по жестянке, как по мозгам, - свихнуться можно. Единственное, что исправно работает в лагере, это радио. Чекисты, хоть мир перевернись, будут выпускать лагерную газету и позаботятся об исправности радио. Лежим, обмозговываем один из вариантов побега. Дистрофики принесли щепы, разложили костер прямо на полу, где разобраны доски. Взявшись с обеих концов за проволоку, вертят нанизанные на нее селедочные головки, прожаривают их. Радио долдонит последние известия.

Сводка: "В Москве, в Кремле товарищ Сталин дал обед в честь правительственной делегации Финляндии. Прием прошел в теплой, непринужденной обстановке!"

Реакция дистрофика:

– Ну, падлы, уж они там себе истопили! - сказано громко, в сердцах.

В бараке заготовили, расслабились. Я почему-то представил Сталина, как он вертит нанизанные на проволоку селедочные головки, и его гостей, попивающих шампанское.

Из этого лагеря можно было уйти. Мы нашли способ и не замедлили бы им воспользоваться, не помешай нам гениальный побег одного мальчика.

Мы копали шурф на рабочей площадке... Вернее, копали другие, а мы с Горой сидели по большей части у костра и коротали время... Да, но это ничего общего не имеет с побегом Разаускаса... Площадка - голое поле замыкалась со всех сторон кошевиной, то есть выкошенной полосой в несколько метров шириной. По углам кошевины, контролируя полосу, стояли автоматчики. Время обеденное, должны принести еду. Сеет мелкий дождь. Сидим, ждем. Подъезжают легковые автомашины. Из одних выходят гражданские, заказчики; из других - военные, генералы и полковники ГУЛАГа, исполнители работ. Разворачивают чертежи, совещаются. Часовые рты поразевали, разглядывают лампасы - шутка ли, на объект генералы пожаловали! Разаускас поглядел по сторонам, убедился, что патрульным не до него, и пополз через кошевину. Полз он довольно долго, потом встал и спокойно, не торопясь, пошел. Шел, шел и скрылся с глаз, уехали и генералы со свитой. Принесли нам обед, мы поели. Стали пересчитывать - караул! Человека нет! Ясно, от этих работ нас отстранили. Пересмотрели наши дела и распихали по разным лагерям!.."

Митиленич размышлял в своем кабинете, на столе перед ним лежала раскрытая пухлая папка:

– Вот пожалуйста, из дела видно, этот Ашна сидел за плен... Как долго, посмотрим!.. Ага, поздно взяли. Так, так... Каргаретели и Ашна вместе сидели во втором отделении "СТЕПЛАГа". Понятно! Отсюда и знают друг друга. Потом и у нас вместе срок волочили. Ашна сбил пешехода. За это и сел. Отлично. Выходит, письмо Ашны - факт, а не сплетня или чья-то

выдумка. Мог же он в этом письме упомянуть о том, что его назначили комендантом "Отрады"? Мог. Допускаю даже, что он нашел способ предложить свою помощь в случае нужды. Медом мазан этот Каргаретели, что ли?! Вот ведь как получается. Только Ашна отмотал срок и снова полез в пекло?! Я же говорил, у них другая кровь! Может, Каргаретели его от смерти спас или еще что... И Ашна чувствует себя должником. Эх, не знаю, все может быть... Допустим, Каргаретели направляется к Ашне "перевести дух", то есть пополнить запасы продуктов и набраться сил... Догадаться, что он двинет вверх по Васюгани, ума особого не надо. Сделал попытку замести следы! Ха, ха, ха-а! Не знает, с кем имеет дело!.. Но с хижинкой он здорово смекнул, не пошел - и баста!.. Хитер, не клюнул, сукин сын! К тому же умен, бестия. На Оби нашли Ниву, добра в ней было навалом! А Ершов-то, Ершов... Мертвец мертвецом, а хотел Гору подвести под монастырь! Ладно, на что надеялся твой Каргаретели? Вот именно, Каргаретели, а не Гора. Что он тебе, друг, товарищ?! Если бы и впрямь у меня были такие друзья... Хоть один! Бросил такое богатство и ушел. Шутить?.. Это, брат, не только ум, это еще и честность. А тот коллекционер умоокраденный, Арефьев... Здорово они его надули, деньги хотел получить, вот и увязался за ними... Его припугнули... Теперь и трупа не сыщешь, кто знает, куда прибило подо льдом!.. Погоди, не наше это дело, пусть угрозыск ломает себе голову... Вот ты говоришь, медом, что ли, мазан. А почему Санцов не отпускает от себя Ашну? Скажешь, и этот мерзавец медом мазан? Столько лет держал при себе шофером, потом определил в "Отраду". Митиленич, бойся Бога! Не твое это дело. Тебя ничего не должно занимать, кроме Каргаретели. Ничего! Вот тебе связь: Митиленич - Каргаретели. Занимайся фактами, которые к ней относятся! Правильно?.. Да, но... То-то и оно, что относятся! Ладно, нас интересует одно: Каргаретели должен прийти до Хабибулы, завернув по дороге к Ашне... Скажем, он придет к Ашне, а потом изменит направление, чтоб сбить меня с толку. Обойдется без помощи Хабибулы и выйдет на магистраль где-нибудь до Сосновки... Не сядет же он в поезд в лохмотьях, обросший, грязный?.. А если и сядет... Я должен точно знать, где и когда он сядет в поезд, иначе уйдет, и вся недолга! А ты думал?! Нет, я должен вынудить его зайти к Ашне. Пока не знаю, зачем это нужно, но интуиция подсказывает, что нужно. Если интуиция подсказывает, разум разберется, что к чему... Нечего зря голову ломать!.. Он идет по Васюгани, дойдет до верховья, пройдет еще двести или триста километров и выйдет туда, где на берегу Оми стоит "Отрада". То есть туда, где справляет свои обязанности, связанные с ответственной должностью, Апша. Выйдет как пить дать!.. Нужно подтолкнуть его, Митиленич, нужно как-то подтолкнуть, чтоб он непременно вышел!.. Но как?.. Это нетрудно спроворить: там же, на Васюгани, когда он двинется от верховья к юго-востоку, обчистим Каргаретели, как говорится, до нитки! Оголодает и выйдет, куда денется!.. Ладно, привели мы его к Ашне, он отъелся, отдышался. Умен же, бестия, догадается, чьих рук дело, и двинет другой дорогой... Может, и так... Тогда нужно подсунуть ему в "Отраде" приличную одежду и установить слежку. Куда пойдет - пойдет. Там тоже найдется станция, и поезд там остановится, и товарищ Митиленич сделает свое дело!.. Всё правильно, но предположим, мы потратились, купили одежду... Не станем тратиться, мы с ним примерно одного размера, своего не пожалею, найду что-нибудь в гардеробе, может, прикупить придется. Прикуплю, меня не убудет! Да, отдай свои тряпки, остальное купи за казенный счет, пусть даже на свои кровные! А как подсунуть тряпки Ашне: на, мол, надень это на Каргаретели, так, что ли? Да, но Ашна сделает прозрачные глаза: Каргаретели - это город или страна? В точности, как спросил брат Филиппова. Ничего не получится, и говорить нечего. Ашне хитрости не занимать! Выходит, этот способ не годится. Я знаю и другой, но тут нужна кропотливая, долгая подготовка... Придется перелопатить кучу всякой информации, обмозговать ее...

У Санцова семья в Москве, это установлено. Цезарева бывает наездами то в Омске, то в городе, которым правит ее любовник, но живет она своим домом. В Омске обслуживает детей, в "Отраде" мэра. Полина Цезарева, то бишь Лина, - пройдоха, каких свет ни видывал. Была любовницей Каргаретели, потом переметнулась к Санцову. Вот бы хорошо подключить к делу кого-нибудь из этой парочки. Разве не может быть так: эта баба узнала стороной, что Каргаретели должен прийти к Ашне в "Отраду", и, скажем, по старой

дружбе-любви принесла Горе нужную экипировку и все остальное? Митиленич, тебе не чекистом быть, а авантюрные романы пописывать. Куда тебя занесло, ты что плетешь?! Почему, почему? Представим такую ситуацию: я переговорю с ней, припугну. Она баба битая! Тебе ее не испугать! А если к делу подключить Санцова?.. Умоет руки: какая Цезарева, какой Каргаретели, что за вздор?! Конечно. Но если, к примеру, его семья узнает о существовании любовницы? Ха, учудил! Быть не может, чтобы жена не знала о ней. За столько лет... Ладно, каким медом мазан Ашна, что связывает с ним Санцова? Митиленич, тут что-то кроется! Надо бы разобраться в их отношениях... Если поднажать на Санцова, он заставит Цезареву сделать что угодно. Почему начальник управления снабжением, мэр города Санцов проявляет такое участие в судьбе Ашны, радеет о нем?.. Случается, должностное лицо берет взятки через; Ашна на этом деле собаку съел... Не годится... Тогда вот что: не сам ли Санцов сбил пешехода, а вину переложил на Ашну?.. Похоже... Если еще пристегнуть посредничество во взятке... Э-э, Митиленич, Митиленич, неужели не чувствуешь, что дело значительно сложнее твоей абракадабры... Митиленич, надо бы установить, кто сидел в машине, когда Ашна сбил пешехода!..

Гора проснулся. Посмотрел в бинокль на дорогу, местами покрытую там и сям рыхлым, неплотным снегом. У него создалось впечатление, что последняя машина здесь побывала пару месяцев назад, не меньше - ветер обычно сносит свежий снег. Гора дождался восхода солнца, определил местоположение, наметил направление и тронулся в путь.

"До верховья остается километров двести, не больше. Потом до Ашны еще двести, оттуда до Хабибулы почти триста. Всего семьсот. У Хабибулы я должен быть в середине или в конце марта... Допустим, восемнадцатого. Восемнадцать мартовских дней и двадцать восемь февральских... Какое сегодня число?.. Двадцать четвертое января. Значит, еще семь январских дней. Прибавим двадцать восемь февральских - тридцать пять! Плюс восемнадцать мартовских итого пятьдесят три дня. А мне нужно сорок. Хорошо!.. Что будем делать?.. Что-нибудь вспомним... Опять какие-нибудь гадости... А мне казалось, ты в хорошем настроении. Что тебя взвинтило?.. Черт побери! У меня дурное предчувствие. Вот и будут кстати забавные истории. Сначала о Шафранове, потом о другом. После первого побега я перебрался во Владикавказ. У меня был друг, начальник производства довольно крупного завода. Звали его Пашей. Есть такие люди, которые не только не досаждают другим, а напротив, вызывают всеобщую приязнь. На работе Паша спрашивал строго, но его любили и уважали. За доброту и справедливость. Так оно. Паша с Шафрановым соседствовали, жили дверь в дверь на общем балконе. У каждого было по комнате. Шафранов, человек одинокий, всегда почему-то возвращался домой в половине первого ночи. Кроме субботы - в субботу пораньше. Возвращался и смущенно скребся к Паше - тут его ждал клокочущий чайник. Сунув чайник в приоткрытую дверь, Паша, не тратя слов, запирался. Этим исчерпывалось их общение. Я довольно часто ходил к своему другу. В один из субботних вечеров Шафранов вернулся раньше обычного. Балконная дверь из-за жары была распахнута. Он остановился на пороге. Паша пригласил войти. Шафранов, не чинясь, вошел, сел, и завязалась беседа. Это был первый день нашего знакомства. После этого сосед зачастил к нам, освоился. Однажды в разговоре он заметил, что делает на досуге записи. Особого любопытства я не проявил, однако Шафранов пошел за тетрадь... Его снедало желание показать свои описи. Удивительное простодушие, не так ли? Это была толстая тетрадь в клеенчатой обложке, наполовину исписанная. Я раскрыл, стал читать. Господи, твоя воля! Уверен, ничего подобного всемирная история литературы еще не знала! Записи были такого толка: "Если я пошлю Малькову анонимку о том, что жена изменяет ему с Ивановым, один из них вынужден будет уйти с работы. А может, они сцепятся, вот смеху будет!" Еще одна запись: "Если я распушу слух: не ешьте, мол, редьку, она отравлена, - интересно, что будет с несчастным Глаголевым, он только и жрет что чеснок с редькой?" Вот отличная запись: "Надо бы узнать, в какое время жена Первиля, Екатерина Павловна, принимает ванну, выждать, пока она намылится, и перекрыть воду в молоканской слободе". Правда, Шафранов только рассматривал возможности, ничего подобного он не делал, но ведь желания тоже

чего-нибудь стоят. К тому же, если Шафранов решился бы привести в исполнение свои замыслы, он уже не смог бы совладать с собой. Я спросил Шафранова, как давно он ведет записи. Он с сожалением заметил, что ограничен во времени, не то смог бы за пятнадцать лет придумать что-нибудь замысловатее! Шафранов ушел. Паша был совершенно потрясен, пожалуй, больше, чем я. Когда мы переварили грехи, смакуемые Шафрановым, он рассказал:

"Одна моя знакомая, Мери, выбрала меня почему-то в свои наперсники и поверяет свои тайны. Муж выгнал ее из дому за распутство. Кто из женщин признается в том, что ее выгнал муж?! Даже если задал ей задачу, она все равно будет говорить, что с трудом избавилась от него. Мери посвятила этому всю жизнь. Она нашла довольно интересный способ доказать, что это она оставила мужа, а не он ее, - сочинила дневники от лица супруга, в которых себя представила ангелом небесным, а его подонком, способным на всякого рода низости, но страстно влюбленным в свою бывшую супружницу. Настало время, когда Мери, не довольствуясь дневниками, стала сочинять письма: "Он мне надоел до смерти, пишет каждый Божий день, клянется, что покончит с собой, просит помириться!" Рассказ Паши запомнился мне потому, что в Тбилиси, когда я учился в индустриальном институте, одного человека называли говноедом, естественно, за глаза... Мне даже показали его. Из рассказа Паши и участи говноеда я сделал вывод, что дневник как литературный жанр в наши дни нашел себе новое применение... В случае с говноедом он сыграл роковую роль! Вы спросите, что произошло, не так ли?! Ах, эти женщины... Жена у бедняги, вернее, у глупца была вертлявой, развязной особой. Она вела дневник. Но какой?! Перечень измен: с кем спала вчера или сегодня; как и в какой позе; каким мужиком оказался партнер в постели; когда снова должна встретиться с ним и тому подобное. Похоже, она жестоко ненавидела мужа. Бывает, ненавидят друг друга и живут вместе. Вышло так, что муж обнаружил дневники жены, прочитал их и взбесился, хоть на цепь сажай; но не только потому, что документально подтвердились его подозрения. Нет. Любовная летопись содержала заметки гастрономического толка: "Вчера снова подсунула дражайшему супругу свои испражнения с фасолью. Он даже не почувствовал!" Муж начал дело о разводе. На процессе судья спросил о причине раздора. Истец выложил на стол дневники жены.

Да... хоть муж, хоть жена - одного поля ягода!.. Вот и возвращайся опять в это общество - овчинка выделки не стоит! Не волнуйся, тебе и не придется в него возвращаться, как бы дело ни обернулось!.. Что-то в тебе сломалось, ты впал в отчаяние. В последнее время ты пытаешься убедить себя в бессмысленности своего побега. Разве ты бежал, чтобы вернуться в общество? Что происходит? Почему ты пал духом, чем вызваны твоя усталость, плохое самочувствие? Эти вопросы ждут ответов, и немедленных. Нужно найти способ обрести утраченную бодрость, выбрать самый удобный путь, скажем, добровольно сдаться, уступить... Полно, будет! Это я так, плачусь в жилетку, о каком возвращении речь?! Я еще Радчука припомню, тогда ты совсем свихнешься. На Лене, в Осетрово был лазарет "Озерлага" - большой, на тысячу двести коек. С разными отделениями. Меня привезли с кавернозным туберкулезом, который я заработал на Колыме. Кстати, благодаря этой болячке я и попал с Колымы в Восточную Сибирь, иначе бы загнулся. Мне сделали пневмоторакс. Мыкался из угла в угол. Наскучив бездельем, попросился в рентгенотехники.

Рентгенокабинет, лаборатория и стоматологическое отделение помещались в просторном срубе. Заведовал санчастью капитан медицинской служб Совинов, русский, выходец из Тбилиси, прекрасно владеющий грузинским языком. Под аппаратуру была отведена большая комната с крошечной подсобкой. Там я и работал, проявлял снимки и графы. В лаборатории были заняты две женщины - офицерские жены. Еще одна офицерская жена лечила зубы, а зубной техник, заключенный Саша Курдадзе, ютился в такой же, как у меня, норе. Уборщиком служил Радчук, бывший немецкий староста в одном из Богом забытых сел оккупированной Украины, степенный крестьянин лет шестидесяти с небольшим. Итого трое заключенных и четверо вольнонаемных. Всего. Правды ради нужно сказать, что людьми они были порядочными, мягкими, сочувственно относились к нам и даже по возможности помогали:

отослать третье или десятое письмо, помимо двух разрешенных в год, принести с воли какие-нибудь продукты - всего не перечесать. Как-то после приема Совинов предложил нам свои услуги: неподалеку забили корову, продают мясо, он бы мог нам купить его. Радчук дал денег и попросил пару килограммов печенки. Капитан предупредил, что заскочит примерно в час дня и положит печенку вон туда, в нишу за верхним брусом дверной рамы.

Мы разошлись. В амбулатории остался один Саша Курдадзе. Тут как раз патологоанатом, заключенный Юшкевич, вскрыв труп, принес завернутый в бумагу препарат. Предупредил, что Совинов должен его забрать к часу для экспертизы, и положил сверток за дверную притолоку. В час дня Саша ушел обедать. Вошел Радчук. Присмотрел сверток за притолокой, открыл - печень. Взял и унес. У Радчука был товарищ, тоже бывший немецкий староста по фамилии Пацюк. Они поджарили печень, добавили побольше лука и умяли за милую душу. Вошел Совинов, спросил препарат. Кинулись искать, расспрашивать. Разумеется, выяснили. Больше всех нервничал патологоанатом. Узнав, что Радчук сожрал препарат, он так разъярился, что кинулся на него с кулаками. У бедняги Радчука началась рвота. Если б не Рудовский, врач из эков, он бы отправился к праотцам. Пацюк только и нашелся, что сказать: "Брешут", - и выскреб остатки из кастрюли... А грибы?! Помнишь те грибы на барже, на Енисее?.. Опять ты мерзости вспоминаешь, брось... Они сами в голову лезут... Ты прав, кошки на душе скребут, и ничего, кроме пакостей, на ум не идет. Тот период из лагерной биографии, факт, был кошмарным. Помнишь норильский бунт?! Шесть тысяч женщин одновременно заголосили... Каково?! А бабы в Цителицкаро, что провожали ослов?.. Да, да... Бочки с грибами на барже! Баржа называлась "Путорака"... Нет, "Фатьяниха"... Там горный массив Путорана, вот и баржу называли. Не отвлекайся! А почему "Фатьяниха", мы так и не поняли. Эти баржи, собственность ГУЛАГа, возили этапы по Енисею до полуострова Таймыр и обратно. В них было по четыре трюма, в каждом из них - нары в четыре яруса на семьсот пятьдесят заключенных. Наш этап числил четыре с половиной тысячи человек. Представляете, что это была за давка?! Трюм на уровне палубы был забран решеткой четыре на четыре метра. Тут же сидел часовой и не сводил с нас глаз. Вот что было странно. Практически часовому видна была только небольшая часть трюма. Что делалось в глубине, оставалось вне поля его зрения. Тем не менее он не сводил с нас сумрачного, холодного взгляда. Зачем? Может, он исполнял долг, не предусмотренный уставом: смотри и следи за тем, что видишь. Перед тобой изменники родины, живехонькие! Вон сколько врагов у нашего советского народа! Возможно, возможно. И еще одно. Выдержка у них была дай Бог каждому! Смердящие испарения от стольких тел били им прямо в нос - хоть бы что!.. Все эти выдохи, выпоты, не говоря о махорке, и, главное, едкая вонь параш! Огромные бочки размещались прямо перед постом, в каких-нибудь пяти метрах от часового. Черт побери! Не могу сказать, кого я больше жалел - нас или этих восемнадцатилетних парней, завезенных сюда из Вологодской и Пермской областей. Чего только не выдерживает человек! Днем солнечные лучи, подбираясь к бочкам, освещали их. Если кто садился по нужде - большей частью по трое-четверо за раз, часовой сторожко следил за ними сверху, будто ждал, что у кого-нибудь из задницы выпорхнет райская птичка... Полно, будет. Это уже цинизм, не надо переступать границы; каждое из действующих лиц этой мистерии достойно жалости, а не осуждения... Да. Со дна трюма к решетке вела довольно широкая лестница - единственная связь с внешним миром, лестница нашего бытия. По ней спускали баланду, хлеб и воду. По ней же поднимали переполненные до краев параша - именно до краев, иначе часовой не открыл бы решетку. По лестнице поднимали трупы умерших, поднимали и умирающих, чтобы поместить их в изолятор, если, конечно, жизнь еще теплилась в них. Этим занималась бригада заключенных-краткосрочников, в основном набранная из курокрадов, ребят, сбежавших из фабзавуча, и прочей мелочи, осужденной за незначительные проступки, которую пытался "исправить" ГУЛАГ. Случилось так, что в течение трех-четырех дней еду и воду спускали нам военные. Заключенные из бригады обслуживания не появлялись, и парашу выносить было некому. Кто-то из эков, побывавших в карцере, сообщил, что во время одной из стоянок парни из obsługi дорвались до водки, упились в дымину и теперь отбывают наказание. Отлично, но как быть с параша-ми, переполненными до краев, и с теми, кого донимала

нужда? Староста трюма несколько раз докладывал об этом начальству, просил принять меры, - никакого впечатления. Тем временем параши разбухли, фекалии, подпираемые газами, вдруг распустились на поверхности чудовищными грибами. Мы с Картлосом Ахвледзиани лежали на нижней наре в глубине трюма. Картлос, будучи биохимиком, сразу сообразил, чем все это кончится, и предложил мне перейти в конец трюма на третий ярус: лучше, мол, оттуда наблюдать, как будут взрываться параши. Я усомнился, стоит ли перебираться. Картлос настаивал - я подчинился. Мы прихватили с собой вещи, какие были, устроились на третьем ярусе и, вроде часового, стали ждать, когда разразится назревающая катастрофа. Минут через пять начался такой грохот - я сразу вспомнил подступы к Моздоку. Грибы взрывались один за другим, как разлетается в крошево автомобильное стекло или граната. Если бы паренек из Вологды или Перми самовольно покинул пост, ему бы это сочлось за измену родине, поэтому он ни на шаг не сдвинулся с места. Сидел и геройски сносил все!.. Что с тобой, Гора, зачем рассказывать мерзости! Взял и выплеснул из себя всю грязь?! И впрямь, за мной этого не водилось! Я никогда не матерился, не сквернословил. Что бы это значило? Надо подумать! Может, с психикой что-нибудь неладное? Интересно, а что потянет за собой это воспоминание? Впрочем, такое настроение у меня было всю последнюю неделю. Это от подсознания. Что-то оно мне подсказывает, готовит меня к какому-то решению или поступку... Берегись, Гора, главное разум. Разум превыше всего! Будь по-твоему, дай мне только рассказать о Круглове и Пирия, а потом я три дня ни о чем не буду вспоминать. Договорились?.. Идет!.. В ту пору начальником Спасской тюрьмы был некий капитан Круглов, законченный садист, даже глаза у него были белые! В одной из камер сидел господин Пирия, бывший министр просвещения в том правительстве, которое по указанию Сталина провозгласило во время войны независимость Южного Азербайджана. Кончилась война, правительство бежало в Советский Союз. Тут, как известно, свое дело знали, и Пирия вместе с остальными министрами и их приспешниками загремел в лагерь. Отсюда он, в чем-то провинившись, попал в Спасскую тюрьму. Как-то раз, когда экс-министр в сопровождении надзирателя нес в нужник парашу, он вдруг заметил стоящего к нему спиной Круглова. Пирия, не долго думая, подошел и вывернул ему на голову парашу! Круглов таких шуточек не любил, и что случилось с беднягой Пирия, представить не трудно. Случай этот возымел свое действие. Во-первых, капитан больше никогда не оборачивал спину к заключенному с парашей; во-вторых, он перестал бахвалиться, как прежде: "Один Круглов - в Москве, а второй - вот он я, здесь!" Капитан имел в виду тогдашнего министра внутренних дел!.. Давай-ка вспомним дуэт Воробушкина и Удодова. Это история той поры, когда я из Спасской тюрьмы угодил в Четвертое отделение... К работе меня не допускали, а если метеослужба обещала по радио буран, попросту отправляли в карцер. В этом отделении сидел некий Симор Гольфанд, благодаря которому и не без собственного своего участия я снова оказался в Спасской тюрьме... Но сначала об отношениях Симора с полковником Воробушкиным. Родители Симора вернулись из Соединенных Штатов в Тбилиси в двадцать третьем году. Через пару лет у них родился сын Симор. Он учился в медицинском институте, когда его арестовали и дали десять лет - не знаю, по какой статье. Хотя Симор родился в Тбилиси и был советским гражданином, повел он себя по-американски. Выписал из дому микроскоп при условии, что ему дадут место микробиолога в лаборатории лагерной больницы. Это избавляло его от земляных работ на объектах. Он получил микроскоп, но начальство и не думало выполнять обещание. Прибор лежал в каптерке, а Гольфанд по-прежнему воевал с мерзлой землей. Опером у нас в отделении был полковник Воробушкин. По договору с ГУЛАГом, армия нашла возможность пристраивать старых, выживших из ума офицеров: их переводили в систему лагерей и держали до выслуги лет. Затем давали очередной чин "за безупречную службу" (в случае с Воробушкиным - генерала), соответствующую зарплату, оформляли генеральскую пенсию, и перебирался человек со своими сбережениями и пенсией в теплые края до самой смерти...

Воробушкин раз в неделю вызывал к себе в кабинет Симора и задавал ему всегда один и тот же вопрос:

– Признайтесь, с какой целью, с каким заданием послало вас в Советский Союз Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов? - Он записывал вопрос и ждал ответа.

Ответ всегда был один:

– Я родился в Грузии. Мои родители приняли советское гражданство еще до моего рождения. Отец скончался, мать жива. Вы полагаете, что у американцев разработана технология вербовки незачатых существ?

Полковник Воробушкин с великим тщанием записывал ответ в протокол допроса и говорил Симору:

– Вы свободны. Идите.

Через неделю все повторялось.

Какие-то офицеры несколько раз предлагали Симору продать микроскоп. Он не продал. Я посоветовал ему подарить микроскоп кому-то из них или отослать его домой. Отослать домой не было возможности, а подарить рука не поднималась. Каких только козней не строили несчастному, как только не измывались над ним; Симор стойко терпел все напасти, пока офицеры, охочие до микроскопа, не рассорились между собой. Порешили на том, что придет мать Симора и заберет микроскоп с собой - ни тебе, ни мне. Приехала несчастная старушонка, свиделась с сыном, взяла микроскоп, но один из офицеров, переплюнув сотоварищей, подговорил кого-то украсть микроскоп. Мать Симора вернулась в Тбилиси с пустыми руками. Воробушкин донимал еще одного заключенного, но тут дело решилось значительно проще. Заключенный он был иностранцем - получал посылки Красного Креста, аккуратные ящики в красной, под сафьян, упаковке. Чекисты, полагая, что сафьян настоящий, мучили беднягу иностранца почему зря, покуда он не догадался, точнее, пока ему не сказали: "Отдай сафьян!" Он, естественно, отдал. Каждому офицеру по штуке. Пошли офицерские жены в лагерной мастерской сапоги из псевдосафьяна, - они, конечно же, разлезлись в первый же дождь... Лучше расскажи, как Воробушкин обошелся с тобой. Да, правда. Это случилось в другом лагере, до начала реабилитаций, уже после освобождения японских рыбаков. Воробушкин находился здесь в качестве опера, поскольку и этот лагерь подчинялся его отделению. Теперь, о каких японских рыбаках речь. После капитуляции Японии Советский Союз отторг у нее часть морских пространств. В рыболовном промысле японцы не знают себе равных, это общеизвестно, они даже землю удобряют бросовой рыбой. Японский рыболовный флот один из самых крупных в мире и занимает если не первое, то одно из первых мест по отлову рыбы. Лишившись части морского пространства, некоторые компании занялись браконьерством. Входили ночью в чужие воды, ловили рыбу и возвращались восвояси. Возвращались, но не все. Советские морские пограничники накрывали браконьеров на месте преступления. Капитана сейнера, штурмана или боцмана и еще одного или двух рыбаков арестовывали. Сейнер конфисковывали, личный состав отправляли в японское консульство во Владивостоке, а арестованных - в лагеря. Им давали не много - по два-три года. Примечательно, что контингент рыбаков не только не уменьшался, а с каждым новым потоком разрастался. Я был начальником цеха, в котором трудились триста японцев. Какими они были работягами, говорить не буду, об этом слышано все человечество. В один прекрасный день Хрущев объявил им амнистию. Отпустить японцев домой означало остановить домостроительный комбинат, поскольку наш цех был головным - заготовительным! Кто бы тогда работал - согнанные из российских университетов "стиляги"?.. Групповое освобождение в лагере происходило в следующем порядке. Выводили "оркестр" из трех, самое большее, четырех музыкантов - труба, барабан, кларнет и еще что найдется. Речь держал начальник культурно-воспитательной части лагеря и кто-нибудь из активистов. Играет оркестр, стоят японцы, триста человек, и ждут в нетерпении, когда кончится эта комедия. Я тоже стою. Кто-то взял слово. Воробушкин, поманив меня пальцем, предложил выпустить - как-никак мои подопечные. Говорить мне не хотелось, я уже попрощался с

каждым из моих рабочих в отдельности, поэтому от речи, естественно, отказался, но попросил Насидзиму-сан перевести одну-единственную фразу. Полковник разрешил. Насидзима-сан был генералом, сидел за военные преступления. Хрущевская амнистия его не коснулась. Он стоял неподалеку и охотно помог мне:

– Счастлив Император, у которого такие подданные, как вы!

Японцы уехали. Меня посадили в карцер - "трое суток с выводом на работу". Ночи я проводил в карцере, днем работал в цеху. Прошло время, и при случае я спросил Воробушкина:

– Гражданин начальник, за что меня посадили?

– А что, наши рабочие хуже японских? - незамедлительно отозвался он вопросом на вопрос.

Я промолчал.

Теперь вернемся к той истории, когда я снова оказался в Спасской тюрьме и надолго.

С нами сидел некий Клям, выдававший себя за австрийского генерала. Бандеровцы, заподозрив его в шпионаже, хрястнули ранним утром Кляма по голове. В таких случаях лейтенант Удодов, начальник отделения, лично вызывал всех, кто, по его мнению, способен был на такое преступление. В число подозреваемых попал, естественно, и я, хотя, видит Бог, за все время, что я сидел - долго и много раз, - я никогда не принимал участия в насилии. Я и по сей день уверен, что вызывал он меня для того, чтобы засадить на несколько дней в карцер, - метеослужба обещала бурю. Удодов прекрасно знал, что даже если бы я видел своими глазами, кто убирал Кляма, я бы все равно не выдал ни под какими пытками. Словом, пришли за мной надзиратели, я еще лежал, и потребовали следовать за ними. Я сказал, что оденусь и приду. Вероятно, из-за моих побегов и сам Удодов, и надзиратели считали меня бандитом номер один, поэтому применять ко мне силу не решались, особенно после того случая, когда я во время одной из отсидок в штрафном бараке, опять-таки из-за бурана, гонялся с палкой за четырьмя надзирателями - они едва ноги унесли... В общем, я оделся, поел, припрятал махорку с боковушкой от коробка, спички, чтобы не нашли при шмоне, и направился к административному корпусу. Приблизился. Смотрю, из барака напротив надзиратели выводят Симора... Он бросился ко мне, будто хотел что-то шепнуть на ухо, и незаметно от надзирателей, так во всяком случае ему казалось, сунул мне в карман бушлата нож... Ничего особенного небольшой нож. Надзиратели хотели было потащить меня к начальству, но я уперся: "Прежде зайду в нужник оправиться, потом приду сам". Они не стали тащить меня силой. Увели Симора, вошли в корпус. Я бросил нож в выгребную яму и явился к Удодову. Лейтенант был, вроде Круглова, белоглазым садистом, разжалованным из полковников именно за издевательства над заключенными вот только должность ему оставили. Было в этом человеке что-то бабье, особенно голос и манеры. Произошел такой диалог.

– Что сунул вам Гольфанд в карман? - Он ткнул пальцем на Симора.

– Ничего, гражданин начальник.

Подскочив, он взвизгнул:

– Знайте, в моих руках ни одному бандиту радости не видать! И вы не увидите!

– Знаю, гражданин начальник, сущая правда, вам и самому в своих руках радости не видать!

– Вон их! Вышвырнуть! Обоих!

Вышвырнули. Точнее, осторожно, можно сказать, деликатно, вывели. Рядом со мной в камере оказался Симинец - личность чрезвычайно оригинальная. Когда я смотрел на него, мне

приходило в голову много интересных мыслей... Жизнь и смерть в лагере имеют свои закономерности: кто и почему умирает? Я не имею в виду тех, кто попадает в лагерь уже серьезно больным и вскоре по отсутствию должного ухода и лечения угасает... Я говорю о здоровых: первые четыре, пять лет критические для тех, кто слишком сильно переживает об утраченном благополучии, о семье; кто терзается мыслями о несправедливости и произволе, царящих вокруг. Они сознательно отталкивают от себя все, что приносит радость, живут страданиями, измельчающими душу. Они непрерывно пребывают в плену трагических обстоятельств, впадают в крайности, почти искусственно вызывают в себе отрицательные эмоции, за которыми цепочкой следуют патология нервной системы, разного рода заболевания и, ясное дело, смерть. Есть иная категория. Понимая, что стоят на пороге смерти, они усилием воли берут себя в руки и, переболев страданиями, как заразной болезнью, стойко держатся до освобождения. Больше других "ломаются" завистники и циники. Так бывает и на воле. Люди озлобленные и мрачные погибают раньше других. Жаль, что никто не ведет такой статистики. Канадский профессор Селие, изучавший эту проблему в течение восемнадцати лет, пришел к выводу: никому и ничему не завидуйте, не подпускайте к себе ненависть, не то сами приблизите свою смерть! А на иных смотришь и диву даешься: они приходят в лагерный ад мыслить, чему-то учиться. Они все пропускают через призму легкого юмора, обогащают свой опыт и радуются жизни!.. Есть еще один тип людей, достаточно распространенный, это делатели, люди творческого склада! Симинец был ассенизатором - выгребал большим ковшом нечистоты из нужников. Как-то раз я проходил мимо, он заметил меня, подозвал: "Смотри, как споро я работаю, ни одного лишнего движения!" - приговаривал он, ловко орудуя ковшом. Симинец был преисполнен такой гордости, будто только что открыл шестой континент. К слову сказать, Симинец, участник гражданской войны, был вторым секретарем какого-то обкома партии. Он взялся за ассенизаторскую работу потому, что жил, руководствуясь твердым и несколько необычным девизом: "Ни единого движения ради Сталина! Да здравствует расстрелянный Бесо Ломинадзе!" Господи, Твоя воля, как говаривала моя бабушка! Жизнь под таким девизом означала, что в лагере он вообще ничего делать не будет, но чекисты взяли его за горло: "На заключенных поработаешь?" "Да, пойду на самую грязную работу", - объявил Симинец. Его определили в ассенизаторы, он добросовестно работал, пока не заметил, что в нужник для заключенных вошел надзиратель. Симинец выждал, пока тот сел на корточки, и вывернул ему на голову полный ковш нечистот, бросил его там же и сам пошел в изолятор. Я спросил, с чего он так разозлился. Симинец счел, что начальство нарушило уговор! Для такого поступка нужна была смелость, и не малая, потому как ему могли запросто накинуть срок... Симинец провел в заключении пятнадцать лет, вышел живым-здоровехоньким, вернее, его отправили на вольное поселение. Уверен, он выжил и вернулся домой... Если, конечно, у него был дом...

Удодов сбаврил меня - это обычная тактика всех начальников лагерей по отношению к беглецам, - все равно сбежит, пусть кто-то другой за него отвечает! Только Спасская тюрьма не помнит случаев побега. Я сидел там восемь или девять месяцев. Потом нас всех отправили в Майнудукский распределительный лагерь для этапирования на полуостров Таймыр. Пока я маялся в Спасской тюрьме, подлюгу Удодова перевели в Майнудук начальником.

Заключенных для этапирования принимает конвой эшелона. Сначала их пересчитывают, потом шмонают, чтобы в вагон не пронесли металлические предметы, а то не ровен час вырежут лаз и уйдут. Обыск происходит так: расстилаются два одеяла; на одно ступает заключенный, раздевается, оставляет одежду для шмона и нагишом переходит на другое одеяло, тут производится личный досмотр - не припрятано ли что-нибудь во рту или заднем проходе. Тем временем одежду с первого одеяла, уже прощупанную, перебрасывают на второе. Заключенный одевается, и конвой эшелона сажает его вместе с другими заключенными, уже досмотренными, сданными и принятыми. Я стоял на втором одеяле, ожидая, когда мне подбросят белье и штаны. Вдруг откуда ни возьмись Удодов. Подошел к

первому одеялу. Как раз в этот момент обыскивающий достал из кармана моей рубашки табакерку из тонкого алюминия. Заносить алюминий в вагон не запрещалось. В табакерке у меня хранились последнее обвинительное заключение с приговором - я считал его спорным и, когда писал жалобы, ссылаясь на него - и фотография мальчугана, моего крестника, сына близкого друга по первому побегу. Удодов протянул руку, конвоир отдал ему табакерку. Он открыл, достал все, что в ней было, и стал просматривать.

Сначала пробежал глазами обвинительное заключение и приговор.

– Эти бумажки вам уже не нужны! - порвал, выбросил. Потом бросил взгляд на фотографию мальчугана, порвал и ее: - Это вам тоже никогда не понадобится. Оттуда не возвращаются!

– Послушай, лейтенант, - сказал я. - Нет дыры, из которой я не смог бы уйти. Я знаю, ты недавно женился, у тебя грудной ребенок. Запомни, уйду, твою ляльку в люльке удушу!..

Удодов побледнел, в ужасе уставившись на меня, и, не вымолвив ни слова, отвернулся. Я знал, что у него грудной ребенок; эти слова я выпалил сгоряча, оттого что он порвал карточку мальчугана... Я не способен был на злодеяние и никогда не исполнил бы угрозы, а если бы Бог дал мне возможность уйти в побег, стал бы я терять время на Удодова?..

С тех пор прошло два года. На Таймыре в моем активе значилось семьдесят пять лет. Пришел этап из Караганды. Принесли весть: Удодов в психушке, у него навязчивая идея, вскакивает по ночам, кидается к люльке и вопит: "Ребенка удушили!"

Не знаю, правда ли это. За язык я никого не тянул, придумать - такого не придумали бы!..

Я был молод, горяч. Правильно ли я поступил, пригрозив ему?.. Что было, то было. А не вспомнить ли нам Желтый оазис? Еще бы, конечно... Хорошая история. Как фамилия того проходимца?.. Кацаберидзе - вот как!..

Это случилось, когда нас везли по этапу в Караганду. Поскольку я рассчитывал попасть в Коми-Инту или Воркуту, туда, где в лагерях были мои друзья Амиран Морчиладзе, Резо Ткавадзе, Тариэл Кутателадзе, Саша Папава, это те, о которых я знал, - мне нужно было любым способом отстать от этапа. Долгая отсидка научила меня разным хитростям, и, среди прочего, я умел прикидываться психом. Был еще один способ отстать - выкрасть дело, но в условиях, когда ты заперт в купе вагон-зака, а дела хранятся у начальника конвоя, осуществить это практически невозможно. Словом, я решил прикинуться слабоумным. Это трудно, потому как нужно впасть в оцепенение, ни на что не реагировать, ничего не есть и делать под себя. А еще важно выбрать время и место - чтобы оказалась неподалеку одна из психиатрических больниц ГУЛАГа или же твой поезд шел через город, в котором есть лечебница. Неважно, признают тебя больным или нет. Важно отстать от этапа, остальное устроится потом. Короче, в Казани меня сняли с поезда - заключенного Иагора Каргаретели сдали санитарам, и поезд отправился дальше в Караганду. Меня доставили в больницу, заперли в этапную камеру. Я сопротивлялся, в точном соответствии с моей программой придуривания. Втолкнули. Столько психов вместе - в детстве родители водили меня в Сурами - я и в тамошнем дурдоме не видел. Камера, довольно вместительная, кишмя кишела придурками. Я забился в угол, стал осматриваться... Происхождение этого Желтого оазиса таково: не скажу, когда церковь, верная учению Мартина Лютера, основала в паре километров от Казани монастырь, дабы обратить в свою веру паству, принявшую мусульманство еще под монголами. Поначалу тут был всего один корпус, потом два или три с кровлями в готическом стиле и дымовыми трубами, выведенными в ряд по всему коньку. Эта деталь необходима для описания последующих событий!.. Революция отвергла учение Лютера, а заодно отобрала монастырь и передала его ГУЛАГу... Да, сидел я, скукоженный, в углу и наблюдал. Время от времени появлялись санитары и выводили на комиссию больных. Некоторых возвращали, когда болезнь не подтверждалась, некоторых нет, их распределяли

по палатам... Дверь открылась, внесли обед, приступили к раздаче - обычная баланда и ломоть хлеба, как в лагере. Раздали, ушли. Был в камере больной матрос, рядом с ним доктор Розенберг показался бы лилипутом. Он не прикоснулся к еде - сидел себе, что-то бормотал. Напротив, на койке, лежал мужчина с пламенеющими рыжими вихрами, как у юродивого из моих видений. Рыжий умял свою баланду, утерся ладонью, хлопнул в ладоши и вскрикнул: "Асса!" Матрос вскочил, раскинул руки и пустился в пляс, время от времени вскрикивая "Асса!". У мерзавца голос был - штукатурка со стен отваливалась. Пока матрос выкидывал коленца, рыжий взялся за его баланду с хлебом. Матрос плясал, покрикивая. Рыжий время от времени хлопал в ладоши. На шум сбежались санитары, схватили матроса, надели на него смирительную рубашку и ушли. Рыжий покончил с едой, положил миску на место. Санитары вскоре вернулись. Сняли с притихшего матроса рубашку, камера успокоилась, жизнь вошла в прежнюю колею. С утра снова стали выводить больных на комиссию. На этот раз взяли довольно многих. Настало обеденное время, раздали еду, и повторилось то же, что накануне. Рыжий вскрикнул: "Асса!", хлопнул в ладоши, матрос вскочил и пустился в неистовый пляс. Снова прибежали санитары, надели на морячину рубашку, и снова рыжий умял его баланду. На третий день было все то же, но уже на четвертый смирительную рубашку надели и на рыжего - прознали санитары, что он подначивает матроса. Надевать рубаху - процесс довольно болезненный, у рыжего вырвалось соленое словцо и "Ой, мамочка!" по-грузински. А может, сначала "Ой, мамочка!", потом, сочный мат - значения не имеет. На пятый день меня с утра взяли на комиссию. Конечно, поняли, что никакой я не придурок, и вернули в камеру. Собственно, я и не скрывал, что прикидываюсь сумасшедшим только для того, чтобы отстать от этапа... Как бы то ни было, я уяснил для себя, что рыжий грузин и отнюдь не псих. Вот что он, мерзавец, надумал. Когда внесли еду, он затаился, накрывшись одеялом. Вероятно, хотел убедить всех, что он тоже не в своем уме, а матрос пляшет и вскрикивает "Асса" без его подначиваний. Впрочем, это мои домыслы, а у рыжего, может, были какие-нибудь другие соображения, не знаю... Во всяком случае, к еде он не прикоснулся, лежал, накрывшись одеялом, но едва санитары вышли, как он высунул руки из-под одеяла, хлопнул в ладоши и замер. Все повторилось как обычно. Санитары тоже действовали как обычно - надели на матроса рубаху... Рыжий съел свою баланду лишь после того, как с матроса сняли рубашку, и ограничился ею.

Еще пара дней, и камера почти опустела. Матроса повели на комиссию и очень скоро вернули. Осталось нас четверо или пятеро. Внесли обед. Рыжий высунул руки из-под одеяла и вскрикнул: "Асса!" Матрос спокойно встал и подошел к подстрекателю, укрывшемуся с головой: "Асса... а, да?! Твою мать!" - поднял его и, ей-ей, стал швырять от стены к стене. Бросит на какую-нибудь пустую койку, потом поднимет, швырнет на другую, не забывая попутно наносить удары... Только я и вмешался, другие, в надежде, что, может, их еще раз возьмут на комиссию, оставались в стороне - сумасшедший в драку не полезет. Едва утихомирил его. Не стану скрывать, при этом и мне досталось на орехи. На этом наше общение кончилось. А кончилось оно потому, что Проскуров снова взобрался на конек, и меня взяли вместо него колоть дрова на кухню - я ведь сам признался на комиссии, что симулирую! Понадобились рабочие руки, и меня пристроили к делу. Да, о Проскурове... Интересный был тип, ничего не скажешь. Он страдал навязчивой идеей: совхозы, а не колхозы поднимут советское сельское хозяйство! Причем эта идея мучила его только временами. По большей же части это был рачительный, основательный мужик, работал на кухне, рубил дрова, - словом, из хроников. Аудиторию для высказывания своих взглядов он тоже собирал весьма оригинальным способом: взбирался на конек двускатной крыши и вещал оттуда. Со временем город сильно разросся, и бывший монастырь оказался в его черте. Во всяком случае, за оградой лечебницы ГУЛАГа, именуемой Желтым оазисом, была обычная улица, и по ней ходили обычные люди. Свое первое выступление Проскуров провел так. Поднялся на чердак, с чердака вышел на двускатную кровлю, с кровли перебрался на конек с дымовыми трубами. Их было несколько, пять-шесть, располагались они в ряд, одна за другой, и оратор имел возможность совершать променады в пять-шесть шагов. К счастью для санитаров, потребность излить свои чувства у Проскурова возникала раз в квартал, иначе, шутка ли, спускаться оттуда

чокнутого? Санитары не решались вылезать с чердачного окна на крышу - у каждого из них была семья, дети, да будь они и холостыми, никто не испытывал особого желания грянуться оземь с высоты третьего этажа. Когда аудитория ввиду сумерек уменьшалась, Проскуров укладывался спать тут же, на коньке, чтобы с рассветом взяться за нелегкий труд проповедника. Я бы дал Нобелевскую премию санитару, спустившему Проскурова, когда он в очередной раз, четвертый, взобрался на крышу: несколько дней его не трогали, он вволю наговорился, а к вечеру пятого санитар поманил его из чердачного окошка ломтем хлеба. Проскуров, крепко оголодавший, рванулся за хлебом, на том и кончилась вся история - ясное дело, до очередного раза. Поместили Проскурова в палату, а когда прошло помрачение, вывели на работу... В следующее свое затмение оратор, не будь дураком, прихватил с собой на конек недельный запас питания, и спустить его оттуда в ближайшее время не представлялось возможным. Вот почему мне пришлось заместить его на кухне. Еще одна история, случившаяся в мое пребывание в Желтом оазисе, - Кузнецов! Господи, с чем только человек не сталкивается... Стояла отвратительная норильская зима, мы работали на строительстве города. Между рабочей зоной и лагерем пролегал коридор-проулок из колючей проволоки. Я ходил в ночную смену, то есть отлично выспавшимся возвращался в лагерь... Ночная смена встречалась с дневной в проулке. Иду, на лицо натянута маска, пурга, светает; за колючей проволокой притопывают, пытаюсь согреться, часовые в овчинных тулупах. Я еще издали заметил Давида Робакидзе. Поравнявшись со мной, он оттянул маску, на мгновение остановился, шепнул на ухо: "Околел, околел!" - и пошел дальше. Он говорил о Сталине. Это сообщение, конечно, не было для нас неожиданностью, радио все время передавало сводки о состоянии здоровья вождя, и все же весть потрясла меня... Кого не потрясла?! Мы пришли в лагерь, я сел на нары, задумался. Ко мне подсел Коля Кобжицкий, тоже притихший. Я почему-то глянул в сторону - возле окна кто-то стоял спиной к нам, плечи вздрагивали - ясно, от плача. Я подтолкнул Колю локтем: смотри, мол! Коля встал, подошел к плачущему, положил руку на плечо, повернул. Это был Кузнецов...

– Ты-то чего плачешь, палач?! - рассвирепел Коля.

Кузнецов служил у немцев полицаем, его приговорили к двадцати годам каторги. Был такой период, когда советская власть, дабы продемонстрировать всему миру гуманность нашего строя, заменила расстрелы каторжными работами, но большинство таких заключенных отбывали срок с нами, в обычных лагерях, почему, непонятно!

– Я не палач, за мной нет вины... Сталин умер, что теперь с нами будет, как жить дальше?..

Коля отвесил Кузнецову оплеуху, вернулся, подсел ко мне.

Прошло довольно много времени. После одного из побегов я попал в мордовские лагеря. Встретился там с Кузнецовым, он был "вороной" при оперуполномоченном, то есть служил клинальщиком. Это были времена, когда Хрущев задумал свести к минимуму число заключенных, и после норильского бунта началась компания "условно-досрочного освобождения". Приезжал суд, пересматривал дела заключенных, которым администрация давала положительные характеристики, как бы представляя их к освобождению. Освобождали, как правило, всех... Приехал суд, лагерная столовая едва вмещала заключенных. Приведу два примера. Вызвали Гигу Кипшидзе, срок - три года. Фамилия, имя, отчество, профессия, должность - главный архитектор города Севастополя. После того как на заседании парткома зачитали известное письмо Хрущева, он, оказывается, напился и сорвал со стены портрет вождя... Судья, полистав дело, заметил:

– За это царь-батюшка десять лет давал!

Суд вышел, через пять минут вернулся. Гигу Кипшидзе освободили. Потом разобрали еще несколько дел. Освободили и этих. Вызвали Кузнецова, кажется, под конец. Судья долго листал его дело:

– Кузнецов, как вы оказались возле избы Медведева?

– Я дома возился по хозяйству. Пришел Иванов, сказал, что Медведев у себя, велел мне идти с ним. Я и пошел! Что мне было делать?!

– Кто такой Медведев?

– Командир партизанского отряда.

– Что случилось потом?

– Потом мы...

– То есть полицаи, да?

– Да, мы оцепили дом и... стали кричать, чтоб Медведев выходил и сдавался...

– Медведев не вышел, - прервал его судья. - Что было потом?

– Потом Иванов принес канистру бензина...

– Не Иванов, а вы, Кузнецов!

– Нет, ей-богу, Иванов принес...

– Продолжайте!..

– Медведев все не выходил, и Иванов полил бензином избу...

– Кузнецов! Вот показания, написанные вашей рукой, вы принесли бензин, полили избу и подожгли ее.

Начались клятвы-уверения. Судья зачитал кузнецовские показания и велел ему рассказывать, что было дальше.

– Когда изба занялась, все заволкло дымом, ничего не было видно... раздался взрыв гранаты - это Медведев прорвался через оцепление и, отстреливаясь, ушел задом... Мы ведь не знали, что он ушел!.. Потом вдруг кто-то появился на крыльце, в дыму не разобрать кто...

Кузнецов умолк, понурился.

– Почему вы замолчали, Кузнецов? На крыльце выскочила жена Медведева с двумя детьми. Один из них - грудной. Вы их расстреляли, так?

– Я не в них, я в воздух стрелял, клянусь!

– По показаниям остальных свидетелей, стреляли только вы... Медведев жив, он в Брянске. Увидит вас, пойдет на преступление. Как быть?

– Что я в Брянске оставил, у меня брат в Днепропетровске, к нему и поеду...

Кузнецова освободили!

Вот этого Кузнецова я и встретил в "оазисе". Он разгуливал себе по двору и выкрикивал: "Тррр, тррр!.."

Да, мы же хотели рассказать, как повесили Леху... Это случилось в том же лагере, где Хоречко так необычно ел свой бутерброд - маслом вниз... Да, там это и случилось, по весне.

Лехе, курокраду, оставалось отсидеть семь-восемь месяцев. Начальство выдало ему пропуск, и он работал прислугой в семьях военных - носил из лесу хворост, из колодца воду, разве переведутся домашние дела?.. С самим же пропуском обстояло так: заключенный, выходя из зоны, брал его с собой, а возвращаясь, оставлял на вахте, то есть если пропуск на вахте, стало быть, заключенный в зоне.

Стояла весна. Леха - фамилию его запомнил - то на воле работал, то в зоне мыкался. Был полдень. В лагере почти никого не было, кроме обслуживающего персонала из заключенных да бездельников вроде меня, которых к работе вообще не допускали. В зоне оставался и Павлик Лукашов, мой старый друг, занимавший соседнюю с Лехой нару. Подходит ко мне Павлик и говорит: "Кажется, Леха повредился в уме, с ним творится что-то неладное". Я встревожился. Павлик передал мне Лехины слова: "Был я в лесу, рубил дрова, увидел девчонку Маркова, заманил ее, ссильничал, убил и забросал ветками!" Дело было нешуточным, я предложил отыскать Митьку Балака. Балак заведовал баней и верховодил лагерными бандеровцами. Поразмыслив, Балак кликнул трех своих парней, велел им найти Леху, затащить его на чердак одного из барачных корпусов и всыпать, чтоб тот во всем откровенно признался. Не прошло и пятнадцати минут, как посланец, вернувшись, оповестил, что никаких розог не понадобилось, Леха и так все выложил. Парень спрашивал - что делать дальше?! Мы решили поддержать Леху на чердаке, пока сами не узнаем, что и как - а вдруг у него с черепушкой неполадки или просто что-то привиделось? Всяко бывает. Несколькими годами раньше я сам был свидетелем, как заключенный, наголодавшись, вдруг объявил, что срезал с трупа Парфенова ягодицу и съел ее! Парень малость сбрендил - труп Парфенова лежал где и был, его никто не трогал.

Прошел час или чуть больше. За территорией зоны поднялся переполох, вопли и причитания. Сбежались офицеры и надзиратели, стали искать Леху. Откуда им знать, что Леха на чердаке - лестницу к лазу убрали. Нас пересчитали разов пять. Лехин пропуск лежал на вахте, а его самого не было. В конце концов мы подослали старичка спросить, что случилось, зачем Леху ищут?! Тот, кого спросили, не стал скрывать, рассказал все, как было. Тогда Балак дал знак, Леху повесили на кровельной скобе и смотались с чердака.

Когда нам надоело строиться для пересчета, намекнули, что ищут не там, где надо.

Нашли. Леха болтался в петле.

Обошлось! Всего раз пожаловала группа следователей. Порасспрашивали о том о сем, оформили, по-моему, самоубийство, и концы в воду!

Отлично! Теперь по плану о том, как нас выпустили из изолятора хоронить гиганта латыша. Дай Бог памяти, как его фамилия?.. Ах, да... Доктор Розенберг, латыш немецкого происхождения. Огромный мужик что в длину, что в ширину. Каково?! У бедняги поднялось давление, случилось кровоизлияние - скончался. Абрек Батошвили, Ахмед Ибрагимов, врач-азербайджанец, прозябавший в фельдшерах, Митя Дангулов и я сидели в изоляторе... Глубокой ночью, когда мы крепко спали, вдруг открылась дверь, вошел старший надзиратель, велел всем одеваться и выходить! Мы мешкали подобного рода выводы чреватые были провокацией. Выводили за территорию зоны, вроде бы на работу, потом открывали огонь и оформляли "при попытке к бегству". Удел "неисправимых"... Мы отказались выйти. Надзиратель стал уговаривать: "Ничего страшного, нужно похоронить Розенберга, не упрямитесь!" Мы попросили время подумать. Он закрыл дверь, ушел. Через четверть часа вернулся. Мы решились выйти - будь что будет. Это был период, когда по спущенной сверху директиве мертвецов хоронили в деревянных гробах, то есть по-человечески, не то что прежде - бирка на ногу, с номером, фамилией и именем, и матрас вместо гроба. Вышли. Гришка Пискун подъехал к вахте на лошади, запряженной в повозку с гробом. Мы выехали за ворота, где нас поджидали шестеро солдат и проводник с собакой... Нужно сказать, что лагерные кладбища обычно размещались в паре километров от дороги, подальше от людских

глаз. Еще одна деталь: администрация всегда знала, какое количество мертвых будет за зиму. Поскольку нормы выработки на разных видах работ были разными, они планировались заранее. Скажем, вырубка леса и земляные работы. Столько-то трупов - столько-то кубометров леса и столько-то вырытых могил... Зимой земля промерзала, поэтому могилы рыли летом в установленном количестве. Этим занималась похоронная бригада. Взятся Дангулов за поводья, и мы тронулись, сопровождаемые почетным эскортом - семь человек с собакой. Колыма - страна сопков, пирамидальных островерхих холмов и гор, с подъемами и спусками, не слишком удобными для ходьбы. До поворота на кладбище было недалеко, но оттуда до могилы нужно было километра три тащить гроб, то есть четыре сырые доски с десятипудовым покойником внутри, и это петляя между сопками и карабаясь по кручам. Нас было четверо, все четверо сидели десять дней в изоляторе - триста граммов хлеба в день, пол-литра водянистой баланды через день. Правда, кипятка сколько душе угодно! Каково?! До поворота мы едва доплелись, потом, охая и стеная, подняли с повозки гроб на плечи и пошли. Около километра нужно было переть в гору, потом еще километр тащиться по плоскогорью до кладбища... Не успели мы пройти и двухсот метров, как Дангулов с Ибрагимовым взмолились о привале. Мы с Абреком тоже чувствовали себя не птахами. Передохнули, но поднимать груз было так трудно, что, если б не один из солдат, мы бы не смогли взвалить гроб на плечи. Пошли. Через сотню метров Ибрагимов упал, гроб грохнулся оземь, подмяв под себя Дангулова. Ибрагимов и Дангулов, оба приземистые, шагали впереди. Мы с Абреком, ростом повыше, шли замыкающими... Вытащили Дангулова из-под гроба, передохнули, тот же солдат помог нам взвалить на плечи гроб, и мы двинулись по кручам. На следующем привале начальник конвоя запретил доброхоту подходить к нам. Мы взмолились, начальник - ни в накую. Делать было нечего, с грехом пополам подняли гроб и, не сговариваясь, вероятно, движимые внутренней решимостью, на одном дыхании одолели все кручи и вышли на плоскогорье, но ох как тяжело нам дался этот переход. Мы едва переводили дух и, повалившись на снег, целых полчаса пытались прийти в себя. Мы бы еще полежали, но начальник конвоя едва ли не ударами приклада заставил нас подняться... Лично мне в лежачем положении стоящие мысли в голову не приходят, я больше соображаю, расхаживая взад-вперед. С Абреком было наоборот, едва приляжет, как выдаст такое, афинским мудрецам не приснится, всем семерым! Так было и на этот раз. Абрек воскликнул: "У меня идея!" - "Какая?" - "Снесем по частям! Крышку, гроб, а затем и покойника". Мы обрадовались, чуть не захлопали от восторга!.. Сняли крышку, положили ее на плечи и отмахали без остановки полтора километра, опустили у разверстой могилы, вернулись. Гроб оказался несравненно тяжелее. Крышка была сбита из двух широких досок потоньше, а гроб - из сырых двухдюймовых досок. Он, зараза, был такой тяжелый, что мы несколько раз останавливались передохнуть, и когда донесли его, попадали на снег. Начальник конвоя и впрямь приложился прикладом к каждому из нас: "Встать, расстреляю!" Мы потащились, то и дело останавливаясь, доплелись до мертвеца и уселись... Вдали, примерно на расстоянии пятисот метров, мерцал огонек - будка лагерной водокачки. Ибрагимов поглядывал, поглядывал на нее и разродился идеей... Мы все ее одобрили, даже конвоиры. Абрек сказал: "Вы отдыхайте, я принесу". С ним пошел солдат. Вернулся он с топором. Взятся Ахмед за труп бедняги Розенберга и разрубил его на шесть частей. Мороз стоял градусов тридцать-сорок, труп был как каменный, но Ибрагимов со знанием дела, как опытный мясник, разделал его... Дангулов был так плох, что нам пришлось втроем, в две ходки, отнести расчлененный труп Розенберга. Очистили могилу от снега, опустили в нее гроб, сложили Розенберга, накрыли крышкой и пошли... Землей обычно засыпала похоронная бригада... Нет, ты настоящий идиот, дурак... Не дурак, а дура! Бедняга Зубов шельмовал душой лиц мужского пола. Может, для эффекта? Как знать... Тебя он душой не называл. Да, да, ты прав, душой меня назвал попугай, был случай. Правда, не только меня - нас было трое, но относилось и ко мне... На нашей улице жили немцы, целых пять семей. Они держали коров, и мы покупали у них молоко и простоквашу. Брели в долг, а в конце месяца расплачивались. Как-то раз пошли мама с тетей, жившей по соседству, к фрау Майер. Меня взяли с собой, поскольку оттуда мы должны были куда-то пойти, кажется к зубному врачу. Постучали в дверь и услышали: "Войдите, пожалуйста". Вошли. В комнате никого не было, кроме большого

пестрого попугая в золотистой клетке. Взрослые присели, я приблизился к клетке рассмотреть птицу. Не знаю, то ли оттого, что я подошел, то ли по какой другой причине, но попугай раскряхтелся: "Дуры пришли, дуры пришли!" На его голос вошла фрау Майер, она возилась с коровой во дворе. Дамы занялись счетами, а попугай, недовольный, разворчался: "Дуры пришли, дуры пришли. - И в сердцах добавил: - Обманщицы, обманщицы!" Фрау Майер встала, подошла к клетке, пару раз щелкнула его палочкой, вроде дирижерской, что-то шепнула, и он объявил: "Приношу искренние извинения!" Судя по тону, попугай отнюдь не чувствовал себя виноватым, просто хотел угодить своей хозяйке. Какая чушь! Не хватит ли?.. Ты прав, хватит! Давай-ка вспомним еще одну историю, забавную, - как мы встретились в Москве с Юрой Кобуловым. У меня такое чувство, что эта буря никогда не кончится. И голод дает о себе знать... Ты, совсем как те цыгане, завел свое: "Мандро нани, мандро нани!" Когда детям хочется есть, а еды нет, цыганка-мать запекает песню: "Мандро нани, мандро нани!", что означает "хлеба нету, хлеба нету!". Поет, хлопает в ладоши, вовлекает в пляску детей, они поют, танцуют, и на душе становится легко... А мы вспомним о Юре Кобулове, и голод забудется. Это было еще при жизни моих родителей. Я и Юра, сын известного чекиста, вместе были зачислены на первый курс техникума. Он походил несколько месяцев и бросил, а может, родители заставили. В городе мы часто встречались на улице и даже здоровались. Его пребывание в техникуме мне запомнилось вот почему. Гоги Цулукидзе умел пускать дым колечками, да еще какими! На одном выдохе больше тридцати колец подряд. Юра побился с ним об заклад, сможет ли тот выпустить столько-то колец. Пари было денежным, а деньги у Юры водились - папенька подбрасывал. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало... Вскоре Юра Кобулов исчез из города. Поговаривали, что отец отправил его на курсы МГБ в Россию! Прошло много лет - десять или двенадцать. Я работал в Белоруссии, приехал по делам в Москву. Поднялся в кафе-мороженое на улице Горького, оно помещалось на втором этаже. Спросил "Сандэй", я очень любил его и, когда случалось быть в Москве, всегда лакомился. Только мне принесли мороженое, как в кафе вошел майор госбезопасности Юрий Бахчиевич Кобулов в сопровождении двух кокетливых девиц. Они уселись за столик напротив, мы оказались совсем близко, лицом к лицу. Юра поднял глаза, заметил меня. Во второй раз посмотрел, когда ел мороженое. По лицу его скользнула улыбка или нечто похожее на улыбку. Сомнений не было - он узнал меня. Мы были молоды, внешность за время, что мы не виделись, почти не изменилась. И еще... Если я тотчас узнал его, отчего ему было не узнать меня? Что мне было делать? Уйти? Нельзя. А вдруг он не узнал меня, зачем же мозолить ему глаза своей фигурой, походкой, повадками?.. Как часто бывало со мной, я положился на авось - будь что будет - и спросил еще мороженого. Мой последний побег был не только "шумным", он неблагоприятно отразился на карьере пяти или шести чекистов, к тому же на меня за эти четыре года, что я был в бегах, четыре раза объявлялся отдельно союзный, отдельно зарубежный розыск. Юра Кобулов, как сотрудник Лубянки и сын своего отца, не мог не знать о том, что я в розыске, и, уж конечно, не мог не узнать меня... Они съели мороженое, Юра Кобулов еще раз взглянул на меня и ушел... Прошло много времени, я освободился, вернулся в Тбилиси. Как-то во время застолья мне представился некий Беридзе. Он был близок с семьей Кобуловых, пока их всех не пересажали. Юре удалось избежать ареста, и он рассказал Беридзе о нашей встрече в кафе-мороженое. Он не выдал меня! Я искал Юру - мне хотелось поблагодарить его. Тщетно. Никто ничего не знал о нем!..

Ветер стих. В путь, Гора!"

Глава восьмая

Гора подошел к истоку Васюгани. Отсюда он должен был пройти напрямик к юго-востоку двести-двести пятьдесят километров и выйти к Оми. "Отрада" располагалась на берегу реки,

там, где ее пересекал восьмидесятый меридиан. По карте Мити Филиппова идти надо было низинами, по замерзшим болотам, стало быть, путь был легким. Дней за пять-шесть до того, как Гора вышел к верховью Васюгани, боль в суставах отпустила, он даже смог стать на лыжи. Гора приободрился, повеселел... Единственное, что омрачало его настроение, - Митиленич. Тот не воспользовался ни одной из возможностей взять беглеца, хотя весь путь его лежал перед ним как на ладони. Он и на Васюгани не оставил "бесхозным" своего подопечного - сначала над Горой кружил вертолет, а совсем недавно он заметил путника. Тот мелькнул неподалеку раза три или четыре. Надо думать, Митиленич будет сопровождать его до самой Оми, но что он затаил в душе, что затевает? Горе, разумеется, приходило в голову: Митиленич - игрок, все его операции задуманы оригинально, другим это не под силу. Он замышляет что-то такое, что принесет ему награду, очередной чин и признание. Например, возьмет беглеца так, что даже генералы в верхах рты поразевают. Но как? Гора не знал и знать не хотел. По крайней мере, сейчас.

"Я столько времени в пути и ни разу не обмолвился о том, почему перебрался из Грузии на Север... Тогда начнем со дня реабилитации и освобождения... Почему? Разве меньше довелось мне пережить, видеть и слышать хотя бы на том же полуострове Таймыр и Колыме?.. Оттуда и началась "пора ухода"... Правильно, но в лоне свершений... Все, что мне пришлось испытать, привело меня, пусть отчасти, к мысли о побеге и ее претворению в жизнь... Вспомним, конечно, и об этом, но потом... Сначала расскажем, как мне раз в жизни выпало выйти из лагеря на законном основании. Давай-ка, а? Ладно, согласен! Начнем с "Я - никто". В лагере, где я отбывал срок, были стадион и баскетбольная площадка. Мы сколотили шесть команд и устроили турнир. Играли грузины с литовцами. Шел второй тайм, мы проигрывали. Примчался Ворон, крикнул: "Каргаретели, на свободу!" Все застыли как вкопанные, уставившись на меня. Обычно в таких случаях поднималась суматоха - поздравления, объятия, поцелуи. Я знал, что Верховный суд пересматривает наше дело, опротестованное прокуратурой, ждал реабилитации, но не так быстро. Времена были хрущевские, люди освобождались из лагерей один за другим. Я сказал Ворону, что приду, как только кончится игра. Буквально через несколько минут появился начальник учетно-регистрационного отдела. Постоял, посмотрел, как мы играем, и крикнул: "Каргаретели, ты что, на свободу не хочешь?!" Я отозвался: "Приду, как смогу!" Он развел руками, ушел. Кончилась игра, я принял душ, попрощался с друзьями, добрыми знакомыми, собрал свое барахло и пошел на выход. Провожатых было много, совали, по обыкновению, деньги на дорогу.

В лагере у меня не было никаких забот по той простой причине, что я ничем не мог помочь тем, кто находился на воле. А тут, по освобождении, я сразу окунулся в хлопоты, впрочем, так бывало после каждого побега.

Я получил "литер" до Тбилиси, сухой паек: селедку, крупу, три пайки сахара, соль, постное масло и муку - мне ее дали, сославшись на то, что выпечка не подоспела. Продукты я оставил в лагере, сдал на вокзале литер и, добавив денег, купил билет до Москвы в мягком вагоне.

Одежда на мне была более или менее приличная, чемодан хороший - то ли купил у кого-то, то ли подарили, в деньгах я тоже не нуждался - скопились за время работы в России.

В два часа ночи прибыл поезд. Я поднялся в вагон, отыскал свое купе, вошел. В нем сидели трое пассажиров. У меня было верхнее место, я взобрался на полку и вскоре уснул.

Проснулся я с рассветом, но не по лагерной привычке - меня разбудили голоса. Прислушался, не открывая глаз. Пассажир напротив переговаривался с супружеской парой на нижних полках - они ехали с Камчатки в отпуск. Муж полковник авиации, его китель с погонами я заметил еще с порога. Жена учительница. Разговорчивый собеседник, явно выраженный еврей, оказался заместителем начальника управления снабжения и сбыта "Якуталмаз". Я поздоровался, спрыгнул с полки и наведалься куда надо. По возвращении в

купе я нашел своих попутчиков одетыми, умытыми и причесанными. Я даже удивился, как они быстро управились. Завязалась беседа о том о сем. В деятеле из "Якуталмаза" явно ощущалось беспокойство, точнее, мне показалось, что его мучает какой-то вопрос. Я чуть не выпалил: "Чего мнешься, спрашивай!" То ли деятель почувствовал мою настороженность, то ли выбрал подходящий момент, но он обратился ко мне, украдкой подмигнув в сторону супружеской пары:

– А вы кто?

Подумав немного, я ответил:

– Никто. Можно сказать, студент нестуденческого возраста.

Супруги насторожились и вздернули брови.

Деятель из "Якуталмаза", довольный тем, что добился своего, едва заметно улыбнулся.

– Как это "никто"? Почему "студент нестуденческого возраста"?! забеспокоилась женщина.

– Помыкался по тюрьмам и лагерям со студенческих лет по вчерашний день! - не замедлил я с ответом.

Нависла тишина; в течение десяти-пятнадцати минут в купе, кроме перестука колес, не было слышно ни единого звука. Даже Якуталмаз притих. Супруги, ни слова не говоря, собрали свои манатки и ретировались. Якуталмаз обрадовался так, будто получил дорогой подарок, стал поспешно доставать еду, напитки, и мы устроили настоящий пир. После первого же стакана мой попутчик - звали его Мишей - признался, что намеренно спровоцировал меня, чтобы чета убралась из купе. Солдафоны, антисемиты и ярые коммунисты, они так надоели ему за время пути, что он не чаял от них избавиться, все искал случая, и вот наконец он представился!

Господи, как он додумался?!

Мы подъезжали к Москве. Проводница принесла нам билеты и спросила Мишу по-свойски, чем он так довел супругов, что они столько времени торчат в коридоре! Я был неприятно удивлен поведением этой четы, они шарахнулись от меня, как от чумного. Впоследствии я не раз замечал такое отношение к себе.

В России я пробыл довольно долго и все это время никак не мог избавиться от привязавшейся фразы "Я - никто". В Тбилиси я вернулся только в шестьдесят первом году. Республикой правили люди моего поколения, они очень помогли мне. Собственно, ничего особенного мне и не требовалось, кроме той маленькой комнатухи, которую нам с дедом дали после конфискации. Я не мог притязать на свою старую квартиру, она составляла половину частного дома - ее заполучил чекист. Какими путями - Бог весть. Он оказался себе на уме: узнав загодя, что готовится реабилитация и возврат имущества, взял и продал дом моих родителей семье тбилисских дельцов. Те щедро отвалили мне деньги, лишь бы я отстал от них. Остаться в Тбилиси мне расхотелось. Даже если бы я попытался отстаивать свои права, мне бы это все равно не удалось: мог ли я тягаться с такими китами? Я взял деньги и устроил себе временную берлогу в комнатенке, которую мне вернули.

Вероятно, с этой поры и началось все то, что заставило меня покинуть Тбилиси. Я по-прежнему мучился сознанием своей никчемности, ремесло радиотехника не могло прокормить меня. Поддавшись уговорам, я, как Гоги Цулукидзе, поступил на заочный в индустриальный институт, только я - на факультет "добычи и переработки нефти и газа", а он - на финансово-экономический. Поступил без протекции. Когда я вернулся, Гоги уже заканчивал учебу, обзавелся семьей. Бедный мой Гоги, на этом чертовом пути я ни разу не подумал о нем, разве что мельком. Что ж, исправим огрех. Согласен, с чего начнем?.. А вот с

чего. Еще в ссылке Гоги запала в душу мысль стать директором гастронома. Отсидев десять лет на Колыме, он предпринял попытку бежать, но неудачно - ранили в ногу. Во избежание приговора, он решился на ампутацию, ногу отняли выше колена. Высокий стройный мужчина, а нога деревянная. В ту пору эков по окончании срока отправляли на "вольное поселение". Гоги открыл лавку в одном из поселков золотоискателей - жить-то надо было. Вероятно, тогда и почувствовал он вкус к этому делу, в нем зародилась тайная и страстная мечта стать директором гастронома. Наступили хрущевские времена, поселенцам разрешили вернуться на родину. Вернулся и Гоги, сдал экзамены, окончил институт и стал директором гастронома. Исполнилась заветная мечта, но нам, друзьям, это директорство тяжело далось. В конце каждого квартала у Гоги обнаруживалась недостача. Магазин помещался неподалеку от мастерских художников - не мог же он брать деньги с приятелей, старых и новых, за колбасу и пиво?.. Вот и пускали шапку по кругу его старые друзья по заключению. Наконец Гоги ушел с этой работы. Ваню Таргамадзе взял его к себе коммерческим директором. Гоги поработал у него недолго. Скончался. Прилег на диван с книгой и вдруг умер. Находчивый, остроумный, с замечательным юмором! Самый внимательный, заботливый и непосредственный из всего нашего братства. Уж если ты заговорил о юморе и находчивости, приведи хотя бы несколько примеров... Ладно, приведу, а то Бог знает, доведется ли еще вернуться к этой теме. В Тбилиси был парень по прозвищу Бако. Он как-то трепанул, что меньше чем за три тысячи в услужение к коммунистам не пойдет! Не пошел, всю жизнь пробездельничал. Как-то раз собрались друзья, человек десять, и Гоги известил Бако, что знает место, где ему будут платить три тысячи, лишь бы он согласился заступить на эту работу.

Бако восторжен, что это за место такое, где дают министерскую зарплату. Гоги, не жалея красок, стал расписывать, что это место заведующего базой, что Тбилисскую канализационную систему переоборудовали, теперь по единому трубопроводу фекалии поступают на завод в Поничалах и там перерабатываются в удобрения, - "так вот, все эти нечистоты собирают на базе, которую я тебе предлагаю". Бако отмахнулся: "Кляузное дело". Гоги невозмутимо возразил: "Как раз не кляузное; если обнаружится недостача, друзей у тебя - пруд пруди, никто из нас не поспеет - придем и восполним!.." Теперь и не вспомнить, сколько шуток было... Расскажи о бешеной собаке... Да, это было здорово! Поехали Гогины теща с тестем отдыхать в Кавтисхеви и взяли с собой внуку. Отправился Гоги с женой навестить ребенка. Навестил. Собрался было обратно, как вдруг откуда ни возьмись шавка. Повертелась, покрутилась и тая за ногу Гогину супругу. Кинулись в Тбилиси, в институт Пастера, там Медее сделали укол против бешенства. Прошло три или четыре дня. Гоги сидел под вечер в кресле, полураздетый, без протеза. Раздался звонок, Медее открыла. Пришли санитары из института Пастера и потребовали, чтобы Медее шла с ними: нельзя прерывать курс инъекций. Она отказалась. Добром не получилось, санитары решили действовать силой. Медее крикнула Гоги на помощь. Тот вышел, опираясь на костыль, и потребовал объяснений: что происходит?! Санитар объяснил: так, мол, и так, пациентка должна пойти с нами. Гоги в ответ: "Эта женщина моя супруга, никто не знает ее лучше меня, вам бы доискать ту собачку, как бы с ней беда не стряслась" - и закрыл дверь... А как он к нам в Магадан заявился?.. Да, это классно!.. В Магадане у меня обнаружили кавернозный туберкулез, я сообщил о своей болезни по трассе, в лагеря, расположенные в глубинке Колымы, и попросил помочь продуктами и деньгами. Первым прибыл для "изучения вопроса", то бишь уточнения моего местонахождения, Шукур Инаишвили. Он повез мне массу всего и уехал. За ним те же семьсот или восемьсот километров отмахал Гоги, ясно, с разрешения подкупленного коменданта. Он привез с собой продукты, лекарства - в районах золотоискателей этого добра было навалом, помог и деньгами. Мы, друзья, всегда приходили на выручку друг другу.

Гоги дал вахтеру на лапу, проник в лагерь со своими дарами, мы посидели допоздна, и он ушел. Ушел, но ночлега не смог найти и отправился в магаданский вытрезвитель, "подмазал" главного, выпался, а наутро снова заявился ко мне с прекрасным матрасом в подхват. Отдал мне его и отправился восвояси. В те времена в вытрезвителях был такой порядок: пьяница, доставленный милицией, должен был заранее оплатить стоимость матраса - все

они, как правило, мочились в постель. Оплатил и Гоги, естественно, не обмочился, а матрас прихватил с собой: Горе, дескать, пригодится!

Когда Гоги умер, мне припомнилась мысль из "Философии духа" Гегеля. Я сделал обобщение, не знаю, правильное ли. Гегель говорит о том, что исторические личности, исполненные мирового духа, имеют свое назначение. По завершении миссии они покидают бренный мир: Александр Македонский умер в тридцать два года; Наполеон окончил жизнь на острове Святой Елены. Эта мысль не раз находила подтверждение в истории - древней и новой. Если меня спросить, то это правило почти не знает исключений, оно приложимо и к простым смертным. Выполнит человек свое назначение и уходит в лучший мир. Взять хотя бы Гоги. Всю жизнь он проявлял заботу о людях, дарил им радость своим остроумием, женился, родил ребенка, поставил его на ноги, объединил квартиры, свою и жены, получилась трехкомнатная, приобрел мебель, обустроил семью, оставил по себе память достойного мужчины и скончался... Нет, ты неисправимый болтун, начал за здоровье, а кончил за упокой. Разве не интересно?.. Может, интересно, но... к делу отношения не имеет. Я только хотел сказать пару слов о Гоги... Ничего себе пара слов, уболтал до чертиков!.. Ладно, приступим к главной теме! Меня зачислили на заочный в индустриальный институт. То было недосуг, то подленивал, то кутил с друзьями и ездил... Словом, до защиты диплома прошло семь лет. За эти семь лет столько всего случилось хорошего и плохого, не говоря о причинах, из-за которых я перебрался на Север... Послушай, давай-ка сначала о смешном, а потом о печальном, чтобы хватило сил "съездить" на Север! О Гоги Цулукидзе мы рассказали. О ком еще?.. Давай о мандаринах... Давай! Я шел в Сололани на день рождения сынишки одного из моих лекторов. Подарок у меня был не ахти. Поэтому, когда я увидел прохожего с мандаринами в авоське, я обрадовался: хорошо бы купить мальчику. Справившись, где продают мандарины, я пошел в плодово-овощной магазин. Он помещался в подвале на Сололанской улице еще со времен моего детства. Подвал был просторным, с прилавком посерединке. Спустился по ступенькам - народу тьма. Не очередь, а куча мала. Только слева - ступенчатый ряд, стоят ветераны войны и старые коммунисты. Я, конечно, в эту давку лезть не стал, решил удовольствоваться подарком, какой есть. Собрался было выйти, но не успел, разыгралась занятная сцена. В дверном проеме появился мужчина средних лет и на какое-то время оторопел, вроде меня. Убедившись, что не сможет пробиться к прилавку, он крикнул продавцу: "Шалико, у меня гости, нужен килограмм картофеля к обеду, твои мандарины мне даром не нужны, я брошу сумку, отвесь картофель, деньги внутри!" Шалико был в такой запарке, что, кажется, и не слышал его, иначе, надо думать, отозвался бы. Прошло много времени, мужчина повторил свою просьбу, но уже тоном повыше. На сей раз Шалико откликнулся: спроси, мол, у людей. Мужчина обратился к очереди: "Ваши мандарины мне даром не нужны, пусть продавец отвесит мне картофель, вас от этого не убудет!" Очередь отнеслась к просьбе покупателя, мягко говоря, отрицательно. Собачились довольно долго... Шалико, не прерывая работы, заметил: "Гриша, дорогой, ты же видишь, что творится, ничем не могу помочь". Гриша, видно, жил по соседству и к Шалико ходил не первый год. Я решил, что после такого ответа он уйдет. Не тут-то было! Гриша постоял-постоял и вдруг гаркнул: "Коммунисты здесь есть?!" Вопрос был обращен к ступенчатой очереди. Я бросил взгляд - никакой реакции. Гриша выкрикнул вдругорядь. На этот раз, насколько я заметил, ветераны зашевелились, один даже выступил на полшага; второй, из боязни, как бы кто не заподозрил его в беспартийности, неуверенно последовал примеру первого, остальные отозвались со своих мест: "Да, мы коммунисты, ну и что?!" Гриша в ответ помянул их матушку и со всеми сородичами до третьего колена!.. Очень громко, отчетливо, с завидной дикцией выложил все, что думал о коммунистах, и спокойно, не спеша, удалился... Те, кто остался стоять в очереди, погалдели немного и успокоились... А те, кто сделал шаг вперед... Вот это была умора!..

На той же улице помещалась аптека. В моем детстве ее называли аптекой Отена, по фамилии то ли ее основателя, то ли последнего владельца. Не могу сказать, сколько лет прошло после того случая в овощной лавке, потому как я рассказываю не во временной последовательности, а как вспоминается... Вошел я в аптеку. В ней работала супружеская

чета. Рецепты на изготовление лекарств принимал муж, готовые препараты выдавала жена. В очереди стояли несколько покупателей. Я пристроился в конец. Продавщица отпустила двоих; мужчина передо мной купил пятьдесят презервативов и ушел. Я взял свой аспирин, пошел было к выходу и вдруг слышу:

– Ваню, как ты думаешь, сколько презервативов купил тот мужчина?

– Сколько?

– Пятьдесят!

– Запасся на целый год.

– Идиот, на свой аршин не мерь! - презрительно фыркнула жена.

Дальше я не слышал, вышел на улицу. Точнее, последнюю фразу я уловил уже на выходе. Это тоже характер. Когда я припоминаю характеры, я отвлекаюсь от мрачных мыслей, да и отношения между людьми становятся яснее. Вот Вахтанг Чноидзе. Неповторимый характер! Он на все смотрел с юмором: на людей, события, обстоятельства. Как-то раз он вернулся домой в стельку пьяным, даже раздеться не мог, жена расстелила ему постель. Стала снимать с него одежду и увидела на нем дамские трусы. Чувства жены понятны, но она не стала устраивать скандала, только заметила желчно: "Куда свои трусы подевал? Может, твоя дама и красивее меня, но бестия она порядочная!" Вахтанг поднял голову: "Ты что несешь? - Бросив взгляд на трусы, упал без сил на подушку и пробормотал: - Я здорово набрался, придумай что-нибудь вместо меня, детка!.." У Вахтанга был сын, как говорится, без царя в голове. В Кутаиси его забрали в милицию то ли за игру в кости, то ли еще за что-то. Посадили за решетку. Друзья собрали Вахтангу сто тысяч рублей, чтоб подмазал следователя. Поехал Вахтанг в Кутаиси, нашел следователя и заявил ему без обвиняемых: "Вот сто тысяч, собрали друзья. Половина тебе - половина мне. Хочешь - бери, не хочешь - держи у себя этого мерзавца и любуйтесь друг на друга!" Умолчим о скарденности, но такую шутку оценил бы кто угодно, даже следователь. Вызвали Вахтанг сына и уехал. А еще, он был на редкость находчивым и обладал удивительным даром подмечать характерные особенности во внешности. Об одном светловолосом грузине-москвиче он сказал: "Леван? Который? Ах этот, как на снегу нассанный?" О ком-то еще, белолицем с черными усами и бровями, его слово было: "Будто углем в нужнике нарисовали..." Разве упомнишь все остроты Вахтанга, но уверен, если бы кто попытался собрать их, получилась бы толстая книга.

Как-то летом друг пригласил меня в Гагры на свою дачу, неподалеку от Дома творчества литераторов. Там у меня нашлись знакомые и друзья из писателей. Я часто навещал их - поговорить, время провести... Там же я познакомился с бывшим, вроде меня, заключенным, а ныне артистом цирка и администратором Центрального Дома работников искусств в Москве, старым евреем, Петром Петровичем Фрединым. Имя и отчество он выбрал себе сам. Петр Петрович прожил на свете без малого восемь десятков, много видел, испытал, имел за плечами огромный жизненный опыт. Беседа с ним была праздником, тем более что от природы он был наделен тонким чувством юмора. Личностью он был изумительной, добрый, мягкий. В 1905 году черносотенцы устроили в Одессе погром, во время которого погибли родители Фредина. Мальчику было лет десять. Его подобрал бродячий итальянский цирк и выучил со временем своему искусству. Мальчик взял себе для выступления звучный псевдоним Петручо Фредолини!!! В тридцать седьмом году Петручо Фредолини арестовали. Тройка приговорила его к пятнадцати годам. Петр Петрович добросовестно отсидел срок. По освобождении был отправлен в Иркутскую область на вольное поселение, а в пятьдесят пятом году реабилитирован. Вернулся в Москву. Встречу с прокурором при получении реабилитации Фредин описывал так.

– Вас приговорили к пятнадцати годам за шпионаж в пользу Италии. Изобличающих фактов в

деле нет. Может, у вас были в Италии родственники или коллеги, с которыми вы переписывались? - спросил его прокурор после того, как целых полчаса перелистывал и читал его дело.

– Родственников у меня вообще нет, и переписку я ни с кем в Италии не вел, - ответил Фредин.

Прокурор снова попытался отыскать следы преступления в деле - тщетно. Тогда он обратился к Фредину:

– Вы сами за столько лет не догадались, за что сидели?

– Точно нет, но есть подозрение...

– Какое, какое?

– В тысяча девятьсот тринадцатом году наш цирк был на гастролях в городе Житомире, там мы жили в гостинице "Флоренция", - объяснил Фредин.

Однажды в холле столового корпуса гагринского Дома литераторов собрались отдыхающие перед телевизором - с кем-то играло тбилисское "Динамо". Мы с Петром Петровичем принесли свои кресла, сели бок о бок, естественно, так, чтобы не мешать другим. Ждали начала трансляции... За несколько дней до этого в Дом литераторов припорхнул известный композитор, автор популярных песенок - запомнил его фамилию. Разлетелся композитор, усадил свое кресло перед телевизором и загородил собой весь экран. Довольно долго все молчали, полагая, что знаменитость сама отодвинет кресло в сторону.

Ничуть не бывало.

Тогда кто-то из отдыхающих робко заметил: "Вы загораживаете экран". Композитор и ухом не повел.

Поднялся ропот - композитор ни с места. Наконец Фредин протянул руку, легонько коснулся его локтя, тот инстинктивно обернулся в нашу сторону. Фредин сказал:

– Товарищ, знаете, кто вы?

– Кто? - вырвалось у композитора.

– Вы сено, пропущенное через лошадь!

"Сено, пропущенное через лошадь" вскочило и ринулось куда-то. После этого - истинная правда - его вообще никто не видел.

Петр Петрович Фредин был честолюбив, он ощущал особенную потребность во внимании и уважении к своей персоне. Это проявлялось в общении с людьми и особенно явно в той кутерьме, которую он затевал по случаю дня своего рождения. Фредин приезжал в Гагры с полуторной путевкой, то есть на тридцать шесть дней, и подгадывал так, чтобы день его рождения приходился на конец отдыха. Фредин отмечал свой праздник, вернее, ему отмечали праздник, и отправлялся в гастрольную поездку на Северный Кавказ - он был иллюзионистом. С девятого-десятого октября старик начинал писать открытки примерно такого содержания: отдыхаю там-то и там-то, чувствую себя хорошо, третьего ноября мне исполняется, скажем, семьдесят шесть лет, вода теплая, погода чудесная и, под конец, пожелания благ... Он рассылал сто таких открыток - и кому!.. - Козловскому, Лемешеву, Лепешинской, Улановой, Тамарниной, Гиллельсу, Ойстраху, Флиеру... Фредин на самом деле был знаком с ними, потому как работал администратором в Доме работников искусств.

Адресаты - люди чуткие и доброжелательные - не могли обидеть своим невниманием старика, и без того необласканного судьбой. И вот примерно с двадцать пятого октября начинали поступать от знаменитостей открытки на имя Петра Петровича. Надо было видеть, с какой гордостью носил он их повсюду с собой и со слезами радости на глазах показывал - знакомым и незнакомым. Он был на седьмом небе, даже важничал немного, начисто забыв о том, что сам напросился на поздравления. Бедняга твердо верил в свое "Я" и внимание знаменитостей приписывал собственной значимости.

А Мераб?! Заставил тебя воду в Цхинвали таскать! Да, это было здорово. Он был моим сокурсником, широкий в кости, огромный, склонный к полноте, мы называли его Барбосом. В Цхинвали у них, трех братьев, был дом. Барбос все упрекал меня, что однажды, когда я оказался в Нартли, то ли на практике, то ли дипломную работу делал, точно не помню, решил наведаться к Барбосу, благо ехать было недалеко. Точного адреса я не знал. Доброхоты посылали меня то в одну сторону, то в другую. Наконец добрался до Мераба. При виде меня на лице его отразилось такое крайнее изумление, какое мне редко доводилось видеть - у него челюсть отвисла, он долго не мог поверить, я ли это на самом деле. А чему, собственно, удивляться - приехал друг, сокурсник, но время было такое, знаете, необычное! Когда Барбос наконец пришел в себя, то проявил свое обычное радушие, гостеприимство и все извинялся: "Почему-то не работает система отопления, утром проверю, что с ней, а ночью придется спать под теплым одеялом". Барбос устроил ужин, обильный, вкусный, с подливками и деликатесами, мы крепко выпили и заснули. Хоть одеяло и было теплое, но к утру я продрог как собака. Вскочил, оделся. Мераб уже был на ногах и попросил помочь ему натаскать воду в бак, поскольку из отопительной системы вытекла вода. Бак помещался на чердаке, там же, возле лаза, а кран - во дворе. Мераб предложил: "Ты - на лестницу, я буду носить ведрами воду со двора, подавать тебе, ты поднимаешься всего на четыре ступеньки и сольешь воду в бак!" Я стал на лестницу. Мераб принес два ведра воды и подал их мне. Как подняться?! Ступенька - узкая перекладка. Руки заняты, в них по ведру! Когда я сделал десять ходок, то есть поднял двадцать ведер, Мераб справился, не наполнился ли бак. Я сунул руку по локоть. Какое там?! Он попросил слить ведра, подняться еще разов пять, может, что и получится. Слил! А бак пустой! Мераб решил пойти в подвал и посмотреть, что там такое. Когда он появился, вид у него был довольно смущенный - кран внизу оказался открытым! Что оставалось?.. Я спустился, мы позавтракали, запили горе прекрасным коньяком, и Барбос проводил меня до поезда, вероятно, в благодарность за эквилибристику и те тридцать ведер, которые я поднял на чердак... Это все пустяки. За год до этого Барбос едва не отправился на тот свет. Мы были в Гурии, друг пригласил нас в дом своих родителей. Мы поужинали, выпили, устроились спать на террасе. Было лето. Легли головами к перилам с балясинами. С них свисали низки с сушеным инжиром. Ветерок раскачивал их прямо над нашими носами. Меня разбудил Нодар, кивнув на Барбоса, - то ли во сне, то ли со сна, Бог весть, он нащупывал губами сухофрукт, срывал его и прожевывал. Инжир за инжиром, он обглодал низку до самого верха и куснул бечевку - видно, она пришлась ему не по вкусу. Барбос улегся и уснул. Месяц спустя у него начались боли в желудке. Проверили, просветили, обнаружили огромную опухоль. Лучший оператор, что называется "первые руки", разрешил ему брюшину и извлек какой-то ком... Барбос проглотил низку инжира вместе с бечевкой... Это тоже случилось во время практики.

Плоешти - центр добычи и переработки нефти, мы проходили там практику. В лагере у меня был друг - румын Марчел, он жил в Бухаресте. По освобождении Марчел уехал на родину - Румыния страна социалистическая, его пустили. Сын сельского учителя, он женился на племяннице короля Михая! У меня был его адрес, я написал. Он приехал в Плоешти навестить меня: сначала повез в Бухарест, потом - в село к родителям. Нас принимала госпожа Дана супруга Марчела, дружески, радушно. Дана осталась, а Марчел и я отправились в Бухарест. Нам предстояло проехать восемьсот километров. За рулем сидел Марчел. Он ехал, ехал, видно, устал и остановился перед большой крепостью, построенной, по его словам, таким-то королем. Георгиу-Деж держал в ней сотрудников "Сигуранцы", там

устанавливали степень виновности и приводили приговор в исполнение. Живым отсюда никто не вышел. Кого расстреляли расстреляли, кого нет, помер, своей смертью умер. Марчел хотел подремать, пока я осматривал крепость. Она оказалась огромной, со множеством этажей и просторными подвалами... Я ходил, прикидывал: вероятно, румынские диктаторы держали в этой темнице по несколько тысяч узников одновременно. Появился обеспокоенный Марчел, с момента моего ухода прошло, оказывается, два с половиной часа - я и не заметил. Мы вышли, поехали дальше, и на меня вдруг напал хохот. Марчел удивился. Я пояснил, что с тех пор, как мы отъехали от крепости, я все время думаю, что же я там делал два с половиной часа. И додумался! Я ходил с этажа на этаж и осматривался, пытаюсь найти лазейку для побега из этой темницы, но не нашел, это чертово логово было сработано так, что выбраться оттуда без вооруженной силы не представлялось возможным. Во всяком случае, мне не удалось найти лазейку... Это ведь тоже проявление характера?.. Да, характера, сформированного жизнью, перипетиями прошлого!.. Мне еще кое-что вспомнилось, не могу не рассказать об этом. Пока меня мытарил по лагерям, мой однокашник Медзмаришвили окончил в Тбилиси Академию художеств и снискал себе имя талантливого живописца. Я как-то заскочил в Союз художников к своему другу - он был одним из секретарей Союза, - и тут нас уведомили, что Медзмаришвили попал в милицию, сидит в отделении на улице Дзnelадзе. Художник мой, ростом с ноготок, был спокойным, чрезвычайно вежливым человеком и, что самое главное, миролюбивым. Со слов очевидца, мы узнали, что какие-то парни, избив его, удрали, а он угодил в милицию за драку. Секретари, все трое маститые художники, отправились выручать Медзмаришвили. Я увязался за ними, дел у меня особых не было. Даже если бы и были, художник был моим другом и однокашником. Отделение милиции размещалось неподалеку, и через пять минут мы были на месте. Дежурный восседал на подиуме, обнесенном перилами с балясинами, - сидел что тебе профессор! Самым степенным из нас был Элгуджа. Он обратился к дежурному первым. Начал с того, что Медзмаришвили известный человек, доцент Академии, потом сообщил о незлобивом характере задержанного, его хрупком телосложении, не забыв упомянуть об отличающем его чувстве высокой гражданственности. Говорил не менее пяти минут... Дежурный, подперев подбородок ладонью, слушал его с особым вниманием, но результата никакого. Потом слово взял Реваз. Он посвятил свое "выступление" заверениям, что этот человек, размером с фруктовую косточку, в драчуны и боксеры не годится. Ничего. Дежурный сидел все в той же позе, подпирая подбородок ладонью, и внимательно разглядывал каждого из нас. Наконец Мераб, как председатель Союза художников или первый секретарь - запаматовал его должность, - взял слово! Он говорил долго, очень убедительно и спокойно. Кончил, ждем результата. Дежурный еще раз оглядел нас и крикнул: "Майсурадзе, поди сюда!" Когда Майсурадзе подошел, дежурный озабоченно справился у него: "А этих вы обыскали?!" Вмешался министр внутренних дел Отар Кавтарадзе, он вызволил Медзмаришвили и тем закрыл дело.

Ладно, теперь потолкуем о том, почему мы перебрались на Север, не так ли?.. Если у нас еще и остались забавные истории, отложим их на потом... Восемьдесят три года в активе. Прикажешь и об этом потом?.. И об этом. Потолкуем о причинах переезда... Когда я вернулся, могилы деда Горы не было. Какой-то подонок выкопал его гроб и опустил в могилу своего покойника. Я чуть не спятил! Я радовался свободе и своему возвращению, потому как в Грузии у меня была родная могила. Ее осквернили. Я долго горевал, но делать было нечего. Видано ли такое, у человека нет родных могил?! Где похоронили отца - не знаю. Не знаю, где скончалась и похоронена мать. Была у меня тетка, и та скончалась, когда я был на третьем или четвертом курсе. Никого не осталось: ни живых, ни мертвых. Раньше, при жизни тетки, я все время пропадал у нее - квартира была хорошая. Потом мне опять пришлось ютиться в своей комнатенке... Студенческие годы, нужда... Правда, друзей у меня было много, но жить за их счет?.. Меня выручило мое ремесло! Декоративное покрытие металла. Был некий Цомашвили, с ним мы и открыли цех... Это уже в бытность мою на пятом курсе... Тогда нужно рассказать и о Мише Кватадзе, это он помог нам открыть цех. Поговорим и об этом, куда нам торопиться... Вообще-то я уехал из Тбилиси из-за таких людей, как Кватадзе, - это одна из

причин, так сказать, составляющая. Я предпочитаю иметь дело с такими, как Хорек, тот, по крайней мере, не юлил. Не то что этот ублюдок Кватадзе. Не гнушался ничем. Деньги, выгода! Вот его идола. Изверившийся, озлобленный, коварный! Кватадзе то ли ненавидел человечество, то ли не считал его достойным ненависти, но он, бесспорно, был личностью! Личностью - в полном значении этого слова. Дважды его приговаривали к расстрелу, и оба раза он отсидит лет пять и выйдет. Это в тридцать седьмом году! Его тащили по делу какого-то московского функционера, очень крупного. Выкрутился, отсидел пять лет, вышел, потом снова сидел четыре года... Сидел! Как же, синяки набил на нарах в тайшетских лагерях! Он дальше авчальского семафора шагу не ступил, оба срока отмотал в Грузии, и это еще вопрос, полностью или частично?.. Ночевал он по большей части дома, на пуховой перине... Злые языки поговаривали, что он заложил других, оттого и выкрутился. Только что-то мне не верится, что можно выкрутиться, заложив других... Я думаю, доверь ему любое государство, он бы стал им управлять лучше иных. В нем была змеиная мудрость, но жизнь его сложилась так, что он не смог найти должного применения своим способностям. Надо полагать, что из способностей ему недоставало той, которая ставит человека на путь достижения далекой, но достойной цели. Так или иначе, Гоги Цулукидзе мне как-то сказал, что заходил к Мише Кватадзе, тот спрашивал, как я, что поделываю, на что живу. Гоги ему рассказал, что я учусь на заочном, на пятом курсе, доходов никаких, нуждаюсь. Миша предложил зайти к нему! Было время, когда мы втроем волочили вместе срок. Именно тогда Миша, числясь старостой нашего лагеря, отбывал срок в собственной постели. Я пошел к нему, мы поговорили. Он возглавлял крупную службу рекламы. Миша подозвал кого-то, познакомил меня. Оказалось - начальник типографии Давид Бесионич. Отлично. Дело на том не кончилось. Кватадзе велел Давиду Бесионичу принести грузинский и русский тексты к коробкам с дустом: "Этот товарищ выправит материал, сдаст тебе, а ты оплатишь ему работу". Давид Бесионич ушел. Работа не составляла труда, я решил тут же сделать ее, но Кватадзе схватился за голову: "Они люди малограмотные, в этом ничего не смыслят; если ты принесешь раньше чем через две недели, копейки от них не дождешься". Я послушался, принес "работу" через пару недель. В стилистике и правописании Кватадзе тоже был не профессор, но, как и подобает руководящему работнику, надменно осведомился: "Ну как, справился?" Я улыбнулся. Меценат вызвал Бесионича и велел: "Отдай в печать, а этому человеку выплаты три тысячи!" Я собрался было сказать, что не могу взять такие деньги за пятиминутную работу, но Кватадзе опередил меня: "Окончательно рассчитаемся, когда напечатаем". Давид Бесионич покивал в ответ и назначил мне прийти шестнадцатого числа - в день выдачи зарплаты... Три тысячи зараз! Я давно не видел таких денег, на них я бы мог безбедно существовать три месяца. Господи, твоя воля!.. Тебя опять занесло? Начал с Кватадзе, а съехал на Давида Бесионича?.. Не мешай! Он мне нужен для характеристики Миши Кватадзе. Вот как это было. Я пришел в означенный день. В бухгалтерии - просторной комнате - народу было не счесть, люди мошкаркой вились вокруг сейфа с деньгами. Давида Бесионича нигде не было. Я не без труда нашел себе укромное местечко и принялся ждать, наблюдая за выдачей денег. Кассира звали Абдулой. Работал он сосредоточенно, деловито, вообще атмосфера была крайне напряженной. Одно только... Получатель клал в карман какую-то часть суммы, очень незначительную. Остальную часть, то есть большую, кассир откладывал в пакет мужичку! Получателями были "мертвые души", а мужичок с пакетом - пенкосниматель. Я глянул в пакет - он был полон доверху! Мертвые души убрались, Абдула покинул позиции, и бухгалтерия опустела. Давид Бесионич так и не появился. Две недели я колебался, не знал, идти или нет за этими деньгами, полударенными-полузаработанными, потом, следуя поговорке "Красть у вора не зазорно", направился второго числа следующего месяца к Давиду Бесионичу - я очень нуждался! На сей раз Давид промелькнул, как падающая звезда, успев мне шепнуть: "Сейчас принесу", - и исчез. Так повторилось и во второй половине следующего месяца, и потом, в начале другого. Я решил: так дело не пойдет и, когда настал день выдачи очередной зарплаты, явился к дебитору с заранее разработанным планом. Когда Давид Бесионич неся мимо, я успел ухватить его за пиджачную пуговицу, отвел в сторону и, кивнув на "мужичка" с набитым пакетом, сказал: "Вот отберу, унесу, и черта лысого ты вызовешь милицию!" Давид Бесионич достал из кармана

толстую пачку пятидесятирублевых, отнял от них часть, дал мне, объявив, что тут три тысячи, и продолжил путь. Пошел и я, но дома обнаружил - недостает пятидесяти рублей! Спустя время мы создали цех при той же службе рекламы. Я был накоротке с Давидом Бесионичем, и в один из летних вечеров, когда мы принимали чужеземных гостей, я, между прочим, спросил его:

– Бесионич, будь добр, скажи, почему ты не додал мне пятьдесят рублей из трех тысяч? Только не говори, что ошибся, не поверю.

Бесионич, разбираемый хмелем, пустился на откровенность:

– В тот день я принес в семью пятьдесят рублей чистоганом. Если приносишь пять червонцев, достать нужно десять - это раз. Я попридержал деньги на целых два месяца, не так ли? За два месяца они принесли еще деньги - это два, а потом, запомни, это важно, когда у тебя чужие деньги, старайся по возможности дольше держать их у себя. - Бесионич протянул руку к городу, сияющему огнями в котловине: - Видишь, какой большой город? Сколько всего угрожает человеческой жизни? Не торопись отдавать, откуда знаешь, что будет завтра?

Я в изумлении уставился на своего собеседника и от души рассмеялся.

Бесионич снисходительно заметил:

– У тебя никогда не будет денег!

Вот какие люди окружали Мишу Кватадзе. Так он поставил дело. Гора, братец, прошу прощения, но такие пространные отступления от темы... Мог ли я умолчать о Бесиониче? Сам посудите...

Не мог!

Тогда продолжим. Прошло какое-то время, и Миша Кватадзе сказал: "Если у тебя есть какое-нибудь прибыльное дельце на примете, возмись за него, я дам займы начальный капитал, раз в месяц будешь мне возвращать из прибыли". Я обрадовался. Кватадзе дал мне деньги, я внес свою долю двадцать пять тысяч.

Остальные двадцать пять вложил мой компаньон, и дело пошло. Мы открыли цех декоративной обработки металла. Три-четыре месяца производство набирало обороты, потом из первых же прибылей я стал выплачивать Кватадзе долг. Расплатился через полгода и подумал, что теперь свободно вздохну, но... человек предполагает, а Бог располагает. В гениальности этой пословицы мне вскоре пришлось самому убедиться.

В одно ласковое летнее утро цех оказался опечатанным! Пожаловал следователь из Отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности со свитой - это были рабочие - и предъявил нам, приунывшим компаньонам, удостоверение. Сняли печать, началась опись "материальных ценностей". Рабочие нехотя перетаскивали с места на место материалы и сырье. Сам следователь тоже не проявлял особой прыти в поисках недостачи или излишков. Мы оба заметили это, я и мой компаньон, но что означала его пассивность, не сразу поняли. На другой день следователь сам попытался установить с нами контакт, упомянув в разговоре нескольких человек: знаком ли вам такой-то?.. Знаком ли?! Он назвал самых близких мне людей, друзей детства! Это обстоятельство заронило в нас надежду, что со следователем можно найти общий язык. Мы и нашли. Вот что при этом выяснилось. Миша Кватадзе дал начальнику районной милиции тридцать тысяч: прижми, мол, такой-то цех, они кинутся ко мне за помощью, и я смогу сорвать с них шестьдесят кусков за мнимую помощь. Что ему, подлецу, денег не хватало? Начальник милиции поручил проведение операции начальнику Отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности, отстегнув ему десять

тысяч. Тот, в свой черед, передоверил дело нашему следователю. Какими путями прознал следователь о сути вопроса, никому не ведомо, но факт остается фактом, он был отлично осведомлен. Выходило, что начальство руками подчиненного урывало себе куш, оставляя его на бобах. Следователь счел подобное поведение грубым нарушением профессиональной этики и решил отомстить, но не мог сообразить как. Я был молод, у меня была богатая фантазия, и потом, как говорится, с кем поведешься, от того и наберешься. Я решил нагреть руки на кознях Миши Кватадзе и вместе с тем доказать своему бывшему меценату: чтобы сподличать, ума не надо, главное, чтобы совесть отсутствовала. "Свой человек" - выражение, принятое среди деляг. Оно подразумевает безымянного покровителя на высокой должности. Такой Важа Спиридонович или Яков Соломоныч сидит на зарплате у деляги, то есть получает свой ежемесячный куш. Разумеется, в зависимости от дела. Время от времени, если куш крупный, его берут в долю. У меня тоже был покровитель, крупный функционер в Министерстве внутренних дел, но вот беда - я не знал, как он себя поведет. Человек бескорыстный, незапятнанный, он мог вместо помощи привлечь меня, друга своего детства, к уголовной ответственности вместе со всеми участниками дела... В цеху рабочие таскали с места на место листовую алюминий и стальные уголки, следователь старался произвести впечатление служаки, чрезвычайно добросовестно выполняющего свой долг, а я терзался проблемой - идти или нет к "своему человеку". Миша Кватадзе затаился, не подавал признаков жизни. В цеху практически не было ни излишков, ни недостачи, но в акт внесли и то и другое, причем в крупных размерах. Такой документ вкупе с фактом, что мы не кинулись Мише в ноги, умоляя о заступничестве, легко могли привести нас, компаньонов, поначалу в городскую милицию, а потом и в Ортачалскую следственную тюрьму. Время не терпело. Положение - нарочно не придумаешь. Как говорится, впереди - огонь, сзади полымя. Я выбрал полымя, пошел к "своему человеку". "Человек" внимательно выслушал мою исповедь и, когда я кончил, стал хохотать так, что я, глядя на него, встревожился, не случилось бы что с ним. Отдышавшись, он заметил: "Ай да Кватадзе, вот сукин сын! Чего только ни придумает! Ничего, сообразим что-нибудь..."

"Мой человек" не только наметил план последующих действий, но и заставил вытвердить его на память. На другой день Мишу Кватадзе вызвал "его человек": "Некоему функционеру стал известен твой сговор с начальником милиции, он собирается возбудить дело. Надо подослать к нему какого-то Каргаретели - он у тебя работает, единственный, кто сможет подступиться к этому должностному лицу. Ступай, прими меры!" Долго ль, коротко ль вызвал меня к себе Кватадзе разузнать, откуда и как близко я знаю имярека. Оттуда, говорю, довольно близко. Ответил точь-в-точь, как велел "мой человек". Тогда Кватадзе попросил: "Сделай одолжение, замолви за меня словечко". "Замолвил". А когда вернулся, объявил Мише, что функционер требует ни много ни мало сто тысяч. Кватадзе отнял от какого-то початого миллиона сто тысяч! Финал был таким: я пришел к Кватадзе домой, мы поговорили, выпили по стакану вина. Перед уходом я выложил пятнадцать тысяч...

– Что это, Гора?

– Сдача с твоих ста тысяч. Я мог и не возвращать, но за добро нужно платить добром. Ты мне помог - тебе полагается.

– С моих ста тысяч?

– Да. Тридцать из них я отдал следователю за информацию; двадцать пять оставил себе в счет внесенной доли - выхожу из дела. У меня остаются тридцать тысяч, пока не начну новое дело... Ты для меня загадка. Сделал мне добро - непонятно почему. Хотел причинить зло - тоже непонятно почему. Нуждаешься, что ли?.. Бывай!

Я повернулся уходить. Кватадзе остановил меня:

– Принципы, усвоенные в лагере, на воле тебе не пригодятся. Здесь с ними не проживешь,

забуди о них. В этом мире творят бал корысть, грязь и подлость. Я не знал этого, потому и пришлось сесть во второй раз на четыре года. Иди ко мне работать, мне нужны способные люди!..

Слишком многословно вышло, но, спрашивается, могло ли такое окружение укрепить меня в желании остаться в Грузии?! Я ушел от Кватадзе, денег было много, но надолго ли их хватит... Еще одно - за мной все время следили так называемые органы. Сколько раз я замечал за собой хвост! Интересно, на что они рассчитывали - я оброну что-нибудь, а они подберут? Бог с ней, со слезкой. Я учился в институте на заочном. Стоило мне появиться там, как начальник спецчасти - чуял меня, что ли, - вызывал к себе. Не пойти нельзя, во всяком случае, я так думал. Начинались расспросы: почему на заочном, что у меня за границей, за что сидел, почему реабилитирован, кто мои друзья-приятели, почему не окончил институт в положенный срок и так далее... Между прочим, диплом я получил с опозданием отчасти и по этой причине - мне претило ходить в институт. Еще одно обстоятельство смущало меня - на курсе были одни молодые, среди них я смотрелся как белая ворона, заматерелый мужик-студент... Особенно трудно далось мне два последних года, случалось и голодать. Когда я вернулся в Тбилиси, у меня было множество друзей-приятелей из бывших зэков. За те семь лет, что я учился в институте, больше половины из них поумирало. Они ушли, оставив по себе скорбь, печаль и горькие воспоминания. Настоящие люди уходили, а сброд оставался... Я вовсе не хочу сказать, что, помимо них, у меня не было друзей, но те, что ушли, по понятным причинам занимали особое место... Еще пример, какой была обстановка на ту пору. В тридцатых годах в Тбилиси существовало иранское консульство. Сына иранского консула звали Ахметом, он учился в немецкой школе. Консульство упразднили, Ахмет уехал вместе с отцом. Он был нашим другом, мы устроили ему пышные проводы. Где он потом учился, чему, Бог знает. Прошло много времени, я уже был в заключении, когда узнал, что Мирфендерески назначили послом Ирана в Москве. Когда в Москву прибыла с визитом то ли мать, то ли сестра шаха, я был на воле. Она посетила и Тбилиси, естественно, со свитой, которая числила и полномочного посла Ирана. Точнее, посол в этой свите был первым лицом. Коммунистическая верхушка обычно устраивала торжественную встречу зарубежным гостям: на улицы города сгонялись все учреждения в полном составе, махали чужеземными флажками, хлопали, выкрикивали лозунги. Юлик Хвигия, бывший чекист, был на ту пору директором парка Муштаида, в детстве он тоже учился в немецкой школе. Не знаю, за что его разжаловали из чекистов в директора парка, но помню, он участвовал в моем первом аресте, когда меня взяли в кинотеатре "Спартак". Так вот, вывел Юлик Хвигия своих сотрудников в аэропорт, стоит, машет иранским флажком. Появилась делегация. Ахмет Мирфендерески как увидел Юлика, так кинулся к нему, обнял. Узнал его спустя столько лет! Он расспросил Юлика в подробностях обо всех друзьях-товарищах и, заглянув в блокнот, попросил созвать на завтрашний вечер, свободный от дел, всех друзей, чтобы вместе посидеть за столом, вспомнить детство и юность! Он дал свои координаты, номер телефона - разумеется, он знал их загодя, - и делегация отправилась дальше. Юлик Хвигия позвонил Амирану Морчиладзе: "Так и так, что делать?" Амиран ответил: "Ты был чекистом, тебе лучше знать". На этом все кончилось. Ахмет Мирфендерески, вероятно, зря прождал целый вечер. Ничего не поделаешь - кто рискнул бы встретиться с иностранцем? Второй почти такой же случай. В свое время в одном из лагерей с нами сидела довольно большая группа немецких преступников-офицеров. Чуть позже доставили еще одного - заведующего кафедрой русского языка и литературы венского университета. Он прекрасно говорил по-русски и держался в стороне от эсэсовцев, общался больше с нами. Мы называли его Фрицем, хотя он был Фридрихом. Когда Гитлеру пришлось туго, в армию забрали стариков, в их число попал и Фридрих. Мы не спрашивали его, за что сидит, сам он никогда не говорил об этом. Будучи в другом лагере, я узнал стороной, что его освободили по амнистии семнадцатого сентября тысяча девятьсот пятьдесят пятого года. Эта амнистия была вызвана приездом Аденауэра и коснулась всех пленных немцев, не замешанных в военных преступлениях. Фриц дружил со мной, я подкармливал его чем мог, естественно, пока меня не перевели из этого лагеря, а может, нас разлучил побег - уже не

помню. Одно только: на всякий случай мы обменялись адресами. Прошли годы. Я вернулся по реабилитации, учился в индустриальном институте, кажется, на последнем курсе. Разгадделись газеты: в Москву прибыл президент Австрии. Президент приехал и в Тбилиси. Встретили с большой помпой. Это был Фридрих!.. Его принимал Председатель Президиума Верховного Совета Грузинской ССР. Когда Председатель покончил с рассказами о нашей республике, президент Австрии попросил провести его в другой корпус, в здание Совета Министров. Разумеется, повели, сам председатель сопровождал. Вошли в вестибюль. Президент огляделся по сторонам, поднялся по лестнице на третий этаж, остановился перед одной из дверей и спросил, можно ли войти... Вошел, кивнул чиновникам, посмотрел под ноги и сказал: "Я настелил этот паркет !.." Тут только я узнал, за что Фридрих сидел в лагерях. Он был пленным, работал на строительстве корпуса, в котором теперь признал настланный им паркет, фыркнул, прохаживаясь по адресу советского строя, и оказался в лагере. Эту историю я припомнил потому, что, как выяснилось впоследствии, он спрашивал обо мне: "Такой-то человек - мой друг. Может, изыщите возможность устроить нам встречу?" Скрыли, сказали, ничего обо мне не знают! Этот случай я пересказал тоже для характеристики той обстановки. Настало время, и мне все опротивело: обстановка, люди, город, где уже не было моих друзей. Я пошел к Рези Тавадзе, другу, которого обрел уже в бытность свою в Тбилиси. До того как его перевели в редакторы писательской газеты, он был на большой должности в Центральном Комитете партии. Я пришел к нему и сказал: "Рези, брат, я дошел до точки, к черту институт, к черту все, я должен уехать. Что-что, а литературу с историей я смогу преподавать где-нибудь в деревне. Только бы подальше отсюда, от этих людей". Рези, подумав, ответил: "Ты думаешь, там, куда ты попадешь, обстановка и люди будут лучше?!" И только. Я налег на учебу, получил диплом и поехал по распределению в Уренгой. Тогда действовал закон: за теми, кто уезжал из Грузии по распределению, сохранялось право на жилплощадь. У меня оставалась моя каморка в Тбилиси. Когда я приезжал в отпуск, была крыша над головой... Кто знает, может, эта каморка и поныне числится за мной... Как звали того мерзавца? Звали? Скорее всего, он и теперь жив-здоров, ходит в домоуправах. Нам-то что с этого? Да, его звали Александром, по прозвищу Сандаля. А помнишь Сандалу Шахпарунова? Да, я встретил его, когда приезжал в последний раз в отпуск. Он был уже глубоким стариком. Как он меня узнал, надо же?! Да, это было по возвращении из армии, он работал продавцом в гастрономе, там мы и познакомились... Я встретил его в Рикё, он держал какой-то склад или духан... Нет, пункт приема макулатуры. Сандаля пригласил меня зайти к себе на минутку. Это было там же, я вошел. Стены задней комнаты за приемкой были сплошь испещрены стихами. Он указал мне на один, чтоб я прочел, понравится ли? В старости стал писать стихи. Довольно приличные. Четыре стены стихов! Каково?! Я похвалил и ушел... Эх, Уренгой, Уренгой!.. Хороших дней в нем у меня было больше, чем плохих. Я был сам себе голова. То приеду в Тбилиси в отпуск, то двину в Москву, в Ленинград, иногда один, иногда со стервой... А помнишь Испанию?.. В Испании я был один, когда в наших со стервой отношениях уже сквозил холодок... Какой удивительный народ, великая, своеобразная нация... Метрополитен в Мадриде какой-то странный - новый и старый. Помню, мне нужно было перейти из старого в новый, чтобы попасть по нужному адресу. Спросил у испанца, как мне перейти. Он любезно проводил меня. Мы протопали километра два, пока я попал туда, куда нужно. Это в первые дни, потом я взял напрокат машину и объездил всю Испанию. Пробыл там больше месяца... А мужчина, затеявший ссору с игральным автоматом?.. Это было в Андалузии... Я заскочил в бар перекусить. Вошел мужчина, судя по тому, как его приветствовали, завсегдатай. Он пообедал, расплатился, взял сдачу и подошел к игральному автомату. Опустил монету, проиграл и погрозил автомату кулаком. Проиграл вторую - разъярился. Проиграл третью и чуть не спятил, стал изливать на автомат потоки брани; все, кто был в баре, в одну душу поддержали его святая простота!.. В Севилье я, оставив машину на стоянке, пошел в гостиницу. Было жарко, южный зной. Шла девушка. О таких говорят, какая мать тебя родила! Я не мог отвести от нее глаз. Она прошла. Зачарованный, я смотрел ей вслед - девушка была в пяти шагах от меня... Обернулась, сказала: "Мучас грасиас, синьор!" - и пошла дальше... Погоди, братец, какой день я иду от истоков Васюгани?.. Третий, что ли?! Хорошее местечко, разобьем лагерь, переночуем. О чем завтра будем вспоминать?

Завтра?.. О побегах. Давай о третьем, сроку тогда набежало семьдесят пять лет. А еще о четвертом, когда накинули восемь лет... Тот был так себе, попыткой... Расскажем о них..."

Митиленич в гражданском сидел в приемной Санцова и ждал своей опереди. Санцов вел прием, народу было много. Митиленич значился в списке восемнадцатым. Ждать пришлось долго. Наконец его пригласили войти. Вошел.

– Садитесь. Слушаю. Если можно, очень коротко, у меня уйма дел.

– Уже вечер, вы и ночью работаете?

– Иногда целые сутки. Говорите!

– Коротко, не так ли? Извольте. В Уренгое вы занимали должность начальника управления снабжения и сбыта. Так?

– Да, если вы пришли по этому вопросу, лучше обратиться в управление, вместо меня назначен другой, к нему и обратитесь.

– Ваша правда. Но дело в том, что меня занимают кое-какие факты из вашей жизни. - Митиленич подчеркнул "вашей".

– Представьтесь, кто вы.

Митиленич положил на стол удостоверение.

Санцов прочел:

– Начальник розыска, полковник... Зачем вы ждали в очереди, предупредили бы секретаршу... Я бы вас принял. Начальник розыска!.. Кого разыскиваете?..

– "Заключенного, бежавшего из лагеря, Каргаретели, звать Иагором, в преступном мире известен как Гора... Для вас он тоже был Горой?"

Санцов задумался и после долгого молчания заметил:

– Страшный человек, типичный преступник, опасная личность, крайне опасная!..

– Я бы сказал, сложная, а не опасная, его к рукам не приберешь. Профессиональный беглец. Знаете ли вы, что такое беглец?

– Знаю, я хорошо знаю самого Каргаретели. Какое-то время мы работали в одном тресте, он квалифицированный инженер, но от него можно ждать чего угодно.

– Отчасти вы правы, - согласился Митиленич. - Теперь к делу. Товарищ Санцов! Вашими стараниями, повторяю, вашими стараниями после вынесения приговора Каргаретели оказался в заполярном лагере, откуда не возвращаются. Во всяком случае, долгосрочники и лагерники прозвали его "Тупиком контрреволюции". Думаю, это название пришло в голову кому-то из сотрудников ГУЛАГа, потом авторство приписали зэкам. Так или иначе, Каргаретели был помещен в этот лагерь намеренно: чтобы помер там.

– Моими стараниями? - всполошился Санцов. - При чем тут я? Нашли тоже начальника пересылки!

– Да, вы не были начальником иркутской пересылки, зато им был ваш брат Валерий Санцов. Он-то и доставил спецрейсом, ясно, за казенный счет, в лагерь особого режима Каргаретели, тогда как за нанесение телесных повреждений он должен был со смехотворным приговором отбывать срок в лагере общего режима...

– Нет, товарищ полковник! Ошибаетесь. В заполярный лагерь Каргаретели, как профессиональный беглец, был доставлен из иркутской пересылки, при чем здесь мой брат?! Он должен был отбывать срок в этом лагере или каком-нибудь аналогичном лагере.

– А вы, оказывается, довольно хорошо осведомлены о судьбе Каргаретели... Но для нас обоих имеет значение вот что: Каргаретели бежал, шел пять месяцев и в настоящее время находится возле вашей "Отрады". Понятно?!

– Что он там забыл, зачем ему "Отрада"? - воскликнул Санцов.

– Не могу знать. Вы ведь сами сказали, что личность он крайне опасная?! Всяко может быть.

Молчание затянулось. Санцов размышлял. Митиленич гадал про себя, что же он скажет.

– Вы говорите, что Каргаретели находится возле "Отрады". Значит, вы следили за ним и знали, в каком направлении он идет... Пять зимних месяцев в тех широтах...

– Да, никто не верил, что он выберется. Выбрался!

– Если вы знали, в каком направлении он идет, почему вы не взяли его, не прикончили?!

– Валерий Санцов поручил профессиональному убийце, по прозвищу Жук, убрать Каргаретели... Ничего не вышло, мы расстроили его планы. Жук раскололся, я сам с ним беседовал, лично. За чистосердечное признание мы перевели Жука в мордовские лагеря. Вы, наверное, понимаете, что за любое убийство в лагере спрашивают с администрации - значит, плохо работали. Мы сумели предотвратить убийство. Вашего брата, поскольку он отрицает свое участие, а доказать его вину мы не смогли, только понизили в должности. Теперь он служит начальником режима в одном из лагерей Нижне-Амурского Управления... Знаете, Санцов, по-моему, над вами сгустились тучи. Что вы на это скажете?

– Как вы думаете, Каргаретели сбежал, чтобы расправиться с нами?

– С нами? Вы употребили множественное число. Кого вы имеете в виду?

– Полину Цезареву - нас было двое пострадавших. Из-за этого Каргаретели и сел в тюрьму... По-вашему, он сбежал, чтобы отомстить, а?

– Не могу сказать. Может, и так. - Митиленич намеренно не стал разубеждать Санцова.

– Кто такой Ашна и чем объясняется его слепая преданность вам? неожиданно спросил полковник.

– Почему же слепая... И вообще, я на допросе или как?

– Нет, товарищ Санцов, это только беседа. Допросы не по моей части. Для допросов есть другие, если, конечно, до них дойдет дело. Скажите, кто такой Ашна, кто он для вас, этот гражданин Алибек Салимов?

Санцов долго думал, прежде чем ответить на вопрос.

– Мой шофер, мы долго работали вместе, почти близкие друзья. Отсюда и преданность.

– Кто сбил пешехода? Вместо кого Ашна получил - не помню - три или пять лет и вроде Каргаретели незаконно оказался у нас, в лагере строгого режима. Вы вполне могли устроить так, чтобы Ашна отбывал наказание где-нибудь поблизости. Как он попал в Заполярье?

– Совершенно случайно. Контингент отправляли к вам. Вышло так, что он попал в этот этап. Я не думал, что его ушлют так далеко. К тому же я рассчитывал на условно-досрочное

освобождение. В конце концов я добился, чего хотел.

– Каргаретели с Ашной старые знакомцы. Прежде вместе сидели и теперь...

– Теперь?.. - вырвалось у Санцова.

– Да. К тому же они друзья. Я буду с вами откровенен, поскольку делу от этого вреда не будет. Едва Ашна начал работать в "Отраде", как сообщил Каргаретели о своем местонахождении и обещал помочь в случае необходимости. Может статься, что Каргаретели идет в "Отраду" за помощью. У меня нет больше к вам вопросов, но я бы попросил об одном: посоветуйте вашей подруге Полине Цезаревой не упорствовать и выполнять все мои указания.

– Разумеется, разумеется! Мы оба, как граждане, обязаны все предпринять для того, чтобы посылно помочь вам обезвредить такого опасного преступника! - объявил Санцов.

– Да-да! - кивнул Митиленич. - Будьте здоровы, спасибо!

"О чем это мы должны были вспомнить?.. Как о чем? О том, как я набрал семьдесят пять, а потом еще восемь. Семьдесят пять ты уже вспоминал, правда, урывками. К примеру, как с Карпухиным случился шок в момент, когда он должен выбраться по подкопу, на волю, и мы с трудом оттащили его от лаза; да, Карпухин - "дурак подкопный"; потом, как я уходил от погони большой, с температурой, сел на корточки, трижды сказал себе: "Нельзя болеть!" - и поднялся здоровым... Это когда мы сбили со следа собак, что ли? Да! А как меня в Джезказгане взяли прямо из постели женщины?! Тогда я получил двадцать пять, и мой четвертак утроился. Восемь лет мне дали в бухте Ванина. О, об этом стоит вспомнить! Вспомним. Мы в бухте Ванина, нас готовят к этапированию на Колыму... Готовят, как же! Просто держат. У беглеца всегда глаза распахнуты, нет ли где лазейки, чтобы сбежать. Мое внимание привлек Карпухин - "дурак подкопный". Он расхаживал по зоне в резиновых сапогах... Мне это показалось подозрительным, где-то явно затевался подкоп. Ясно, впрочем, было и другое: Карпухин снова не решится на последний шаг, и ох как трудно придется его соучастникам! Не хочешь тащить по всему под-копу этакую орясину, если, конечно, ему не выпадет по жребию лезть последним... Полно, не путаю ли я фамилию, Карпухин ли это? Хоть Багратион-Мухранский, не все равно?! Я проследил за ним и заметил, что ээки делали подкоп от большого нужника, землю оставляли в яме же, отбрасывая ее по обе стороны и маскируя фекалиями. Нужник, метров десять в длину и пять в ширину, был рассчитан на несколько тысяч человек. Яма располагалась в двух-трех метрах от проволочного ограждения, и сделать подкоп особого труда не составляло. Я поделился своими соображениями с Картлосом Ахвледиани. В побег идут семеро. Даже если удастся ускользнуть двоим, откуда знать охране, бежали двое или, скажем, пятеро? Под нашим бараклом фундамент метра на полтора, под полом пустота. Запасемся провизией. Сейчас лето - вода, табак, по одеялу. Что нам еще нужно? Начальство засуетится, значит, судно причалило к пирсу. Да мы и отсюда его заметим пристань отлично видна. Заберемся в подпол, затаимся и будем отсиживаться, пока группа не уйдет в побег. Из-за двух-трех беглецов этап не задержат. Зона опустеет, мы переждем с неделю в укрытии, ночью вылезем, и пусть ищут. Не скажу, что план был совершенным, но безнадежным он тоже не был. Картлос объявил: я на Колыме деревьев не сажал, поливать мне здесь нечего". Когда пришло время, мы спустились в подпол. Верные люди забросали сверху наше укрытие, и через пару дней состоялся побег, точнее, ээки сделали подкоп, вышли, но охрана взяла всех одного за другим... Нам сообщили об этом, но почему-то сказали, что Саше Воробьеву и Ивану Кузнецову удалось уйти... Мы с Картлосом решили отсидеться в укрытии - время все лечит, за несколько дней ситуация прояснится... "Красногвардеец" - пароход, переоборудованный для перевозки заключенных, загрузили до краев, зона опустела, мы должны были высидеть еще несколько дней и... Но оказалось, что уходивших по подкопу взяли всех, и поскольку двоих при общей проверке не досчитались, сообразили, к какой уловке прибегли пропавшие - где-то спрятались!.. Привели собаку и

приказали: "Выходите, господа!" Мы долго убеждали, что не бежать хотели, а только отстать от этапа, там, дескать, у нас враги, мы боялись, что нас порешат! Дураков нет - восемь лет! Итого - восемьдесят три!.. Что-то ты говорить стал через пятое на десятое, мы пытались бежать, когда нас вели из Норильска на Колыму! А как быть с норильскими историями? Как быть? Да никак. Рассказать, и вся недолга!

Это был тур во всех отношениях примечательный. Караганда-Норильск. Три тысячи семьсот заключенных в пульмановских товарных вагонах. Мы прогромыхали через всю восточную часть Советского Союза до Красноярска. К составу прицепили и так называемый вагонзак, в котором везли особо опасный контингент. Меня, естественно, поместили в этот вагон. Думаю, из-за моих побегов, а может, Удодов приложил руку, в таком случае я приношу ему свою благодарность за то, что он избавил меня от ударов деревянным молотком по спине. В пульманах пересчитывали так. В вагон врывалась охрана, перекрывала его посередке и начинала пересчитывать заключенных, перегоняя их на свободную половину, при этом хоть раз да охаживала по спине молотком, прямое назначение которого простукивать снаружи стенки, - не вырезал ли кто доски изнутри. В вагонзаке пересчитывали прямо в купе, обходились без молотков... Везли нас, везли и привезли в енисейский распределитель. Сколько времени понадобилось на эту часть тура? Пара недель... Да, не больше. Здесь мы провели всего несколько дней, потом нас погрузили на огромную баржу "Путораку", ходившую на буксире до Таймыра. Через семнадцать суток прибыли на речной вокзал Дудинка, откуда нас отправили по узкоколейке в Норильск. Эх, сколько проделали этот путь, сколько полегли в эту мерзлую полярную землю... Займутся и этим когда-нибудь исследователи...

Наш контингент являл собой хорошо организованную, надежно законспирированную силу, исполненную бойцовского духа. Ценою забастовок, бунтов, жизней многих из нас мы добились "свободы в заключении" и именно по этой причине оказались в Заполярье. Нас привезли, распределили по разным лагерям и принялись "изучать" каждого в отдельности.

Тогда полуостров Таймыр был самостоятельной административной единицей со столицей Норильск. Тут добывались и обрабатывались различные полезные ископаемые. Правил полуостровом некий Зверев, полковник, наделенный неограниченной властью. Судите сами, он имел право освобождать заключенных! Вот только ни разу им почему-то не воспользовался. Период правления коммунистов в России отмечен дальновидностью и роковыми ошибками. Трудно сказать, почему вдруг бунтарский карагандинский контингент перебросили на полуостров Таймыр. Это было ошибкой, и большой, что в скором времени подтвердилось. Думаю, история ГУЛАГа еще не знала такого рабского послушания, какого добились от заключенных генералы и полковники Зверева. Для этих целей использовались суки и элементы, склонные к криминалу. Лагерная администрация назначала их комендантами, бригадирами, обслуживающим персоналом, поближе к кормушкам, - словом, наделяла их властью. К примеру, бригадир отбирал у членов своей бригады не только гроши, заработанные тяжелым трудом, но и посылки, получаемые из дому. Если кто шел против правил, верные "молотобойцы" вершили самосуд, чтоб неповадно было обкрадывать его величество бригадира. К слову сказать, среди бригадиров и прочих заправил были люди и порядочные, но если кто-нибудь из них нарушал заведенный порядок - прощай, благополучие, а может, и жизнь! В общем, рядовые заключенные работали, медленно угасали, а бригадиры занимались спортом и играли в карты, одаривая награбленным добром супругов мужеского пола.

В это царство беспредела и насилия привезли нас, многонациональное, но прочное единство людей, поставивших перед собой цель поднять общее восстание рабов. Первый этап нашей борьбы предполагал достижение "свободы в заключении". Поскольку мы, по мнению лагерного начальства, были сплошь "отрицаловкой", то лучших педагогов, чем норильские бригадиры, для нашего исправления трудно было сыскать... Однако начальство просчиталось. Мы уже в карантине стали призывать лагерников к неповиновению, пропагандировать полученные в Караганде результаты. Наша деятельность превзошла

ожидания. Пока нас распределяли по бригадам, основная масса уже была на нашей стороне. Поколебавшись, к нам примкнули и те из бригадиров, которых силой подчинили заведенному порядку. Были эксцессы, стычки, на кое-кого надели "деревянный бушлат". Лагерь очистились, вздохнули и мы, пришлые и местные.

Вот как неумно распорядились чекисты: болезнь переросла в эпидемию. Что говорить, время и без нас внесло бы изменения в Горлаг, или Горный лагерь.

Мы прибыли в Норильск в сентябре. Через шесть месяцев великий вождь отправился на тот свет. Его соратники, как видно, понимали, что перемены необходимы, но какие? Вероятно, по этому поводу начались раздоры, и чекисты пребывали в растерянности. Неразбериха в верхах отразилась и на лагерной жизни. Похоже, никто не мог решить: усилить или ослабить режим. Сверху, надо думать, указаний тоже не спустили, иначе не посмели бы послушаться! Словом, все пошло на самотек, можно подумать, нам специально предоставили свободу.

Странная вышла история. Председателем второго отделения нелегального комитета был украинский нациздапист Владимир Нос, один из тех людей, кому цельность натуры, разум и доброта были дарованы Богом. Во время войны он был связным в одной из украинских подпольных организаций. В пятнадцать лет, когда его схватили немцы. Мальчик бежал из концентрационного лагеря. Прошел через всю Германию, вернулся домой, снова взялся за подпольную работу. Его взяли, он опять бежал... Потом его арестовали уже коммунисты. Приговорили к расстрелу. Расстрел заменили лагерем - мальчик был несовершеннолетним. Бежал и оттуда. Владимир Нос посвятил свою жизнь родине и людям. Его любили и уважали все. В политическом мире ГУЛАГа его знали все. Он был отважным борцом и правильным человеком, даже чекисты питали к нему почтение. Прозвище он получил за большой нос. Точно заметил Коробов: честные в политике не выживают. Нос действительно не выжил. Погиб. Погиб, когда нужен был движению как воздух. Он был организатором карагандинского сопротивления. Нос не только превосходно знал законы и правила конспирации, но и умело пользовался ими. Чекисты много раз сажали его в следственную тюрьму, но доказать вину так и не смогли. Никаких улик. Одни подозрения. Нос умудрялся руководить движением даже из штрафного изолятора. Он погиб при крайне подозрительных обстоятельствах. Впоследствии подозрения подтвердились. Вот как это было. В лагере началось брожение. Бригады ходили на работу, но делать ничего не делали. Система зачетов действовала: при перевыполнении нормы день засчитывался за три. Вкалывали те, кому нужны были дни, и те, кому оставалось совсем немного до окончания срока. Бригада Носа работала на строительстве города. Нос сидел долго, и его показное рвение получить зачет ни у кого не вызывало подозрений. В один из дней панель, сорвавшись с подъемника, придавила Носа. Он скончался на месте... Мы были близкими друзьями, я очень любил его и тяжело переживал утрату... В какие только передряги он не попадал! Такая личность - и такой тривиальный конец!.. Это важно для изложения норильских историй, потому и рассказал...

Вот и пришло время вспомнить господина Чан Дзолина. На этот раз он не привиделся мне, как бывало в детстве. Я встретился с ним в пятом лагере "ГОРЛАГа". Самое удивительное, что он оказался в той же секции, что и я, на соседних со мной нарах, живое существо во плоти. Но в отличие от моего торговца жемчугом, этот Чан Дзолин держал в руках котелок и хлебал баланду. Мы встретились как старые кореша, разве что не поцеловались. Мне и поныне наша встреча кажется удивительной - в моем сознании реальность причудливо переплелась с воображением. Человек этот был китайцем, странно совпавшим своим обликом с Чан Дзолином из моих видений. Между нами, зэками, ходила история, случившаяся с китайцем, отбывавшим срок в пятом лагере. Он им и оказался. История связана с кухней, в частности с баландой... Поскольку я назвал китайца Чан Дзолином, пусть это имя за ним и останется, тем более что его настоящего имени я никогда не знал; китаец отлично заваривал чай еще довод, почему лично я величал его Чан Дзолином... Да, теперь об истории. У китайца была в жизни счастливая пора, когда, возвращаясь с работы, он до поздней ночи подвизался на кухне и всегда был сыт. Раз как-то он хватил лишку, случился

заворот кишок, его сочли мертвым, отнесли в морг. Там он то ли от холода, то ли еще от чего воскрес. Когда вернулся из лазарета, его место на кухне заняли - селедку от белых червей, так называемых попрыгунчиков, чистил кто-то другой. Вот после этого и прогремело имя Чан Дзолина по всему ГУЛАГу, он изобрел новый способ кражи баланды - прямо с крыши! Как? Над котлами с варевом были установлены огромные вентиляционные зонты, от них на крышу вела вытяжная труба с приваренной к ней лесенкой. Чан Дзолин, человек наблюдательный, в подробностях изучив распорядок дня на кухне, взбирался на крышу, когда баланда, уже готовая, мирно клокотала на плите, а повара тешили свой аппетит краденым морзверем. Следуя заведенному ритуалу, они запирались в кабинете заведующего. Кухня оставалась без присмотра. Вот тогда-то в самый центр восьмисотлитрового котла и опускалась по трубе вентиляционного зонта трехлитровая посуда особой конструкции. Все суета сует, и все в подлунном мире преходяще, не так ли? Кашевары в лагерях, как правило, были людьми жестокими и грозными. Для начала они избили Чан Дзолина до полусмерти, потом сунули его в котел, из которого он подкармливался, и развели под ним огонь, но Бог милостив, и подоспевший дежурный спас от гибели в кипящем вареве хитрого прожорливого китайца. Чан Дзолин от природы был щуплым, а в лагере настолько съежился, что скорее походил на тень - в толпе не вдруг заметишь: вечно голодный, забитый, тихий, молчаливый. Трудно было судить о его умственных способностях по тусклым глазам; могли я себе представить, что у Чан Дзолина, теоретика и практика, был за плечами богатый опыт заговоров, переворотов, революций, национально-освободительной борьбы и других деяний!

Как-то раз, вернувшись с работы, я заметил на двери барака объявление: "Даю уроки технологии победы. Четвертая секция. Китаец".

Кратко и ясно! Я подумал, Чан Дзолин дошел до ручки, вот и закинул аркан. В тот вечер на объявление никто не откликнулся. Назавтра вечером пришли двое, но Чан Дзолин марки не уронил: "Группа должна состоять хотя бы из пяти человек!"

Понабежали лидеры-козьявки, и Чан Дзолину как-то удалось увлечь их своими беседами. Однажды я вернулся с заседания комитета. Чан Дзолин сидел во главе стола, читал ученикам очередную лекцию. Их собралось столько, что сидели на полу. Я прилег, прислушался. Мелькнула мысль: "Вот не думал, что он так хорошо будет смотреться в роли тамады". Это был совсем другой Чан Дзолин, полный достоинства, сдержанный и, представьте, внешне ничего себе! Мне почему-то кажется, что тибетские лекции по медицине тамошние ученые читают именно таким тоном и в таком стиле - вежливо, спокойно, со скупой жестикуляцией и твердой верой в истинность своих слов.

Он проповедовал.

– Мы уже прошли ту часть полного курса, краеугольным камнем которого является положение: конечное прибежище неудачников - политиканство. Теперь нужно заострить внимание на том, в каком случае человек не достигает поставленной цели, с какими качествами он приходит в политику. Основная причина поражения - бездарность. Нет таланта - с делом не справишься, цели не достигнешь. Однако одной бездарности маловато. Необходима убежденность, что причина поражения лежит не в тебе, а в окружающих. Но и это не все. Победы должны исполнить вас манией величия. Это легко, поскольку всех вас родители баловали, пестуя комплекс гениального ребенка. Мания величия необходима для того, чтобы ни на мгновение не усомнились в безграничности своих возможностей. Если масса заметит в вас нерешительность, она не пойдет за вами. Необходимо еще одно качество - трусость, но на этом не нужно особенно заострять внимание, потому как трусость и без того всегда сопутствует мании величия и идет от убеждения, что в случае моей гибели никому не дано продолжить начатое мною дело. У кого нет перечисленных данных, прошу покинуть семинар!

Чан Дзолин окинул взглядом собравшуюся аудиторию и недовольно покачал головой:

– Недоростков, где обещанный сахар?..

– Принесу, все время забываю. Сегодня же принесу!

– Ладно, ладно!.. Значит, так. Вы твердо должны усвоить, что для активизации борьбы и достижения победы нужна благоприятная обстановка. Масса, к которой обращены ваши слова, суть почва, предназначенная для ваших манипуляций, и она должна быть готова принять в себя зерно, напоить его, чтобы оно набухло и выбросило росток. Обратите внимание, политизированная часть молодежи стала отпускать бороду и усы! Знак того, что революционная ситуация зреет!.. Улыбаетесь? Симптом, подтвержденный историей... Теперь первейшая задача - выявить всех стукачей и выдворить из лагеря. Если даже кто останется, проследить за тем, чтобы стукач вообще не встречался с начальством, а в случае вызова брал с собой свидетеля из заключенных, чтобы остальные знали, зачем его вызвали. Между прочим, это правило распространяется на всех, независимо от репутации... Чекисты, надо полагать, из боязни засветить оставшихся в лагере агентов, тоже станут избегать общения с ними.

Таким образом, начальство не будет знать, что происходит в лагере, а политические вожди, устранив помехи со своего пути, легче смогут политизировать массы. Начальство выпустит из рук бразды правления, полетят производственные планы, жизнь лагеря дестабилизируется. Для ГУЛАГа это "чрезвычайное положение"; пересуды, разные сплетни, неопределенность и предчувствие беды всколыхнут лагерную массу...

Все семинары я прослушал лежа на боку.

Чан Дзолин проповедовал методы борьбы все в той же аудитории - вел семинары в нашем лагере, вот только состав слушателей несколько изменился. Я рассудил так: кто не брал в расчет паранойю и манию величия, перестали ходить на лекции, а те, кто считал эти болезни достоинством, напротив, стали посещать их. Так или иначе, с течением времени я прослушал полный курс лекций китайца и в результате мог бы в одной из стран Южной Америки устроить революцию за приличное вознаграждение, но предпочел на время воздержаться и пройти производственную практику в Норильске.

После смерти Сталина и событий, связанных с Берия, когда власть перехватил на несколько месяцев Маленков, мне довелось прослушать такую лекцию Чан Дзолина:

– Автор системы преставился, он в аду. Его клеветы, не поделив между собой власть, расправились с жандармским головой. Намотайте это на ус. В процессе вашего правления может сложиться ситуация, когда с вас спросят за содеянные преступления или ошибки. Переложите вину на вашего соратника. Пусть он один держит ответ. Очень удобно. Испытанный метод. Всегда дает желаемый результат. Нас интересует арена, на которой разворачивается наша деятельность, - ГУЛАГ! Да будет вам известно, что помимо паранойи и мании величия, великого вождя мучил еще навязчивый страх террора. Этот страх стал одной из причин создания ГУЛАГа, окружение вождя тоже не возражало против постоянных репрессий. Напротив. Они чувствовали себя спокойно, когда их потенциальные конкуренты были надежно упрятаны в тюрьмы.

– Правильно! - прервал один из учеников. - Вот, например, мой родственник Александр Сергеевич Щербаков. Только за два года - тридцать седьмой и тридцать восьмой - он сменил четыре разные области в качестве первого секретаря. Поскольку у него был обширный опыт по проведению репрессий, его перебрасывали из области в область. Во всех четырех он поработал успешно, был настолько предан вождю, что даже моего отца не пощадил. Потом до конца жизни просидел начальником Главного политического управления Советской Армии. Сталин держал его на этой должности, чтобы использовать в случае надобности. Скольких он там уничтожил, Бог знает. Разве такой человек мог обойтись без ГУЛАГа?!

– Не мог! - поддержал чей-то голос. - Таких много, потише...

Чан Дзолин снова взял слово, и только теперь я заметил, как он говорил по-русски, с едва заметным акцентом - значит, учился, сукин сын, в Москве!

– Государству от ГУЛАГа один ущерб, это известно. Нельзя не согласиться, что система лагерей - университет для воспитания врагов коммунизма; ни одно высшее учебное заведение не готовит столь высококвалифицированных специалистов в этой области. Миллионы заключенных имеют семьи, в каждой по три-четыре члена, помимо этого, у них родственники, друзья, сочувствующие. Тот, кто сочувствует репрессированному, - враг коммунизма, если не действующий, то потенциальный. Согласитесь, это грозная опасность для государства. Врагов нужно нейтрализовывать... Кроме того, новая власть наметила новый курс внешней политики. Общеизвестна реакция всего человечества на систему террора и насилия в советской империи. Надо полагать, это вынудит власти провести реформы, послабляющие режим в системе ГУЛАГа.

Чан Дзолин замолчал, встал, заложил руки за спину и стал расхаживать. По-моему, обдумывал содержание второй части лекции, и, если меня спросить, получилось здорово:

– Представим себе всеобщие амнистии, довольных людей, незанятые рабочие руки, опустевшие лагеря, экономию денежных ресурсов, реакцию свободного мира! Можно завоевать сердца десятков миллионов людей!.. Среди руководителей государства непременно есть такие, кто понимает, что ГУЛАГ рудимент, его должно преобразовать, а лучше ликвидировать и создать заново. Понимают, но их мало, реакционеров больше, и на уступки они не пойдут. Иначе быть не может. Как их вынудить? Надо игнорировать все мероприятия, приказы и указания лагерной администрации. Это убедит реакционеров в том, что коренные перемены в репрессивной системе необходимы! Кажется, я уже говорил, но хочу еще раз заострить ваше внимание на том, что каждая новая власть, добиваясь доверия масс, допускает множество ошибок - вынужденных и случайных, включая роковые. Подобные ситуации неоднократно повторялись и считались закономерными. Вы должны помогать врагам допускать ошибки! Как помогать? Очень просто - путем дестабилизации!!! Что последует за этим? Тупик, безвыходная ситуация и неизбежная роковая ошибка властей. Допустим, во властных структурах взяли верх реакционеры. Начнутся расстрелы, человечество заявит протест, власти вступят в переговоры. Другой вариант: взяли верх сторонники реформ. Власти пойдут по пути уступок. В обоих случаях события будут развиваться в нашу пользу и тогда - да здравствует гипертрофия демократии, то есть хаос! Для чего это нужно, узнаете потом. А теперь - дестабилизация! Это ближайшая задача!

Я пересказал слова Чан Дзолина членам нелегального комитета. После небольшой дискуссии мы решили работать в этом направлении - способствовать хаосу. О том, что идея принадлежит китайцу, все почему-то забыли, и вышло так, будто подпольщики сами пришли к этому решению, точнее, его предложил Святополк, председатель нашего комитета.

Ситуация сложилась такая, что выходить на работу было как бы не обязательно. Кто хотел, ходил. В основном же все лагеря Таймыра - в зоне или на работе - занимались митингами и политикой. Однажды Чан Дзолин подсел ко мне на нары. Говорил шепотом. Глаза его сверкали - обычно такие глаза бывают у овчарки на привязи, почуявшей чужого!

– Я хочу сказать: любая власть во все времена берет на войну в первую очередь молодых. У них горячие сердца, они бездумно жертвуют собой, влекомые инстинктом, а не разумом. Восстание - как юноша, исполненный экстаза, за счет этого оно и побеждает! Восстание обречено на провал, когда в дело активно вмешивается способность анализировать и проницать, свойственная пожилым интеллигентам. Мудрость вредит восстанию, мудрость нужна до восстания и после него, независимо от победы или поражения. Парадокс? Пересмотрите историю восстаний под этим углом. Известно, что есть интеллигенты иного

склада - неудачники. У этих ко всему отношение злобное, циничное. Они стремятся проникнуть в новую для них сферу деятельности, вкорениться в нее и взять бразды правления в свои руки. Вы меня поняли?

– Да, понял. А дальше?

– Их нужно устранить из лагеря. Большинство с радостью согласится унести ноги от опасности. Иные в лепешку расшибутся: хочу, дескать, умереть вместе с вами! Пусть остаются, Бог с ними...

– Святополк уже разогнал интеллигентов. Шайка Киприна стала возводить на них поклепы, а когда раздосадованные интеллигенты потребовали у Святополка объяснений, он им сказал: "Я знаю, вы - агенты чекистов. Если можете возразить мне - слушаю, возражайте!"

– Ладно, оставим это. Знаете ли вы, кто такой Святополк и откуда у него это имя?

– Нет.

– Я знаю. Он вроде Святополка Окаянного, предал гибели своих же братьев из-за политических разногласий... Думал ли ты о смерти Володи Носа? С ним он разделался так же, как с интеллигентами: вы, дескать, агенты чекистов, - и убрал конкурентов с дороги. Ясное дело, расчищает путь. Для него восстание - это идефикс. Конечно, он тоже страдает манией величия, но как руководитель он, безусловно, на порядок выше всех. Вы, вероятно, знаете, у него есть свои люди. Довольно большая группа, у них коноводом Киприн. Они с готовностью выполняют все задания Святополка, в том числе и убийства. Почему? Потому что паранойя для них равносуща гениальности... Знаете, что дает мне смелость быть с вами откровенным? Во-первых, я чувствую ваше отношение к Святополку и знаю, вы меня не выдадите. Во-вторых, меня отсюда скоро заберут. Вы с Минцем составили Обращение к правительству, я его прочел - разрешить иностранцам выезд на родину!.. Помимо этого, в Обращении есть пункт- признать заключенных официальной стороной... Это дополнение внес Святополк, он собирается использовать его для своих дел. Я кончил, теперь я в ваших руках...

Тем временем мы узнали от пожарников, врачей и знакомых с воли, что полковник Зверев с приспешниками отбыл в Москву на совещание. Через неделю прошел слух, что он возвращается с особыми полномочиями! Сказать, что это было для нас неожиданностью, не могу, мы и так предполагали, что за нас возьмутся всерьез. А что им оставалось?! В общем, начальство прибегло к террору. Первая трагедия произошла на Медвежке. Конвой вел колонну заключенных на работу. У старичка сектанта подкосились ноги, он упал. Сколько ни кричали на него конвоиры, встать он не смог. Расстреляли. Весть об этом распространилась по всем лагерям. Была пора долгих ночей. В четвертом лагере двое сектантов проникли в запретную зону и с криками "Начальник, стреляй!" стали карабкаться на проволочное ограждение. Расстреляли и этих. Дважды еще разъяренные конвоиры пытались вывести заключенных из строя и пристрелить на месте. Товарищи не позволили. И оба раза конвой едва не открыл стрельбу по всей колонне. Эти эпизоды накалили страсти, люди были на пределе, для восстания нужна была искра, и она высеклась.

Пятый лагерь был мужским, шестой - женским. Их, как обычно, разделяла огневая зона с ограждением из колючей проволоки. Вечерами к зоне с обеих сторон сходились женщины и мужчины, в основном земляки. Если кто получал весточку из дома, обменивались новостями. Были заигрывания, шутки, люди отводили душу... Часовые смотрели на это сквозь пальцы. Если мне память не изменяет, это случилось вечером третьего или четвертого мая тысяча девятьсот пятьдесят третьего года; парни, по обыкновению, балагурили с девушками, переиририваясь через зону, и вдруг часовой открыл по ним пулеметный огонь. Несколько человек упали - кого убило, кого тяжело ранило. Чаша терпения переполнилась. Представителей администрации вышвырнули из лагеря...

Мы объявили всеобщую забастовку. На другое утро к нам присоединились все лагеря полуострова Таймыр.

Остановилось все: строительство Норильска, добыча и переработка меди, угля, железа, кобальта и других цветных металлов. Прекратились работы по погрузке и разгрузке морских и речных судов. Свободное население охватила паника. Лагерь обнесли окопами, установили огневые точки. На сторожевых вышках поместили динамики. Появились какие-то полковники, попытались начать переговоры. Лагерный забастовочный комитет отказался разговаривать с мелкими сошками. Тогда пожаловали генералы с материка. Помню, какие у них были удивленные морды: из-за чего, дескать, сыр-бор! Мы требовали представителей правительства, хотели официально, из рук в руки, передать наши требования.

Пообещали пойти и на эту уступку!

На заседании комитета мы доработали документ - Обращение к Политбюро Компартии, Совету Министров СССР. За преамбулой на трех страницах следовало двенадцать пунктов требований:

1. Упразднить номерную систему; то есть спороть номера, заменяющие нам фамилии, имена, отчества, с груди, левого рукава, правой штанины и шапки.
2. Упразднить заведенный порядок, в соответствии с которым заключенные в бараках сидели взаперти с семи часов вечера до шести утра.
3. Снять решетки с жилых помещений.
4. Предоставить свободу переписки; официально мы имели право посылать два письма в год, но на самом деле и этого не было.
5. Признать заключенных официальной стороной; мы хотели добиться, чтобы все злободневные вопросы решались с администрацией на основе соглашений.
6. Установить восьмичасовой рабочий день.
7. Отправить всех иностранцев на родину для отбывания срока в соответствии с законами их стран.
8. Перевести в отдельный лагерь заключенных-краткосрочников на время принятия решения касательно их будущего.
9. Немедленно освободить инвалидов. (Три последних пункта имели свой подтекст: мы готовы стоять до последнего и хотим уберечь от кровопролития людей, которым недолго ждать освобождение.)
10. Освободить женщин с малолетними детьми, независимо от приговора, исключая случаи преднамеренного убийства и приравненные к ним преступления.
11. Ликвидировать ОСО - Особое Совецание МВД СССР - орган, наделенный правом выносить заочно приговор от трех лет до расстрела включительно на основании заключения, представленного Комитетом госбезопасности.
12. Пересмотреть все политические дела, которые когда-либо рассматривались Комитетом госбезопасности. Без исключений.

Обращение мы передали начальству.

Никакой реакции! По мнению Святополка, текст следовало зачитать лагерникам. Я принес

документ на площадь, там никого не оказалось. Пошел на стадион. Народу собралось видимо-невидимо. Святополк стоял возле трибуны с членами комитета. Я передал сообщение и спросил: "Почему назначили митинг на стадионе?" "Площадь плохо просматривается, пусть чекисты видят наше единодушие!" - ответил Святополк, поднимаясь на трибуну, и стал читать документ.

Люди слушали, затаив дыхание. За колючей проволокой сгрудилось высокое начальство - такого скопления офицеров нам не приходилось видеть. Стояли, слушали. Едва Святополк кончил читать, как среди чекистов поднялся переполох - в них полетели намни. Это действовала шайка Киприна, их было человек десять...

– Прекратить! - заорал Святополк и, повернувшись ко мне, приказал: Сбегай, утихомирь подлецов! - Он соскочил с трибуны, спасая свою шкуру.

Я сорвался с места. Пробежал почти полпути, как раздалась команда: "Огонь!!!" Застучал пулемет. Митинг не то что рассеялся - испарился...

– Отставить! - послышалась команда. Стрельба прекратилась. На стадионе лежали несколько десятков раненых и убитых, среди них и Марат Киприн, исключенный из университета за сочинение и распространение пасквилей...

– Нострадамус! - пробормотал я, потрясенный, не в силах двинуться с места.

– Возглас венценосной дамы, не так ли? - заметил Чан Дзолин.

Обернувшись, я машинально откликнулся:

– Екатерины Медичи!

Он стоял понурившись, будто был соучастником этого ужасного побоища. Мне припомнилась наша беседа накануне и его предупреждение: "Берегись!"

Раненые кричали, стонали, взывали о помощи, но поблизости никого не было. Я сделал движение подойти. Это не было сколько-нибудь четко осознанным решением, я только знал, что нужна помощь, и двинулся.

Чан Дзолин схватил меня за руку:

– Не ходи! Видишь, они все еще там, что-то замышляют... Киприн, само собой, знал больше положенного. Святополк послал тебя не потому, что ты был первым в списке тех, кого надо убрать с дороги, не думай. Ты просто попал ему под руку, стоял ближе других. Роберт Сорский и тот простодушный энтузиаст... Как его? Оппозиционер!

– Дискант.

– Дискант! Вот кого он хотел убрать, они могли оттеснить Святополка на задний план. Не вышло.

Офицеры со знанием дела осмотрели стадион. Отдали еще какие-то распоряжения и оставили поле боя.

Над бараками взвились черные флаги. Три-четыре дня плакали и выли все лагеря Таймыра. Голосили женщины, шесть тысяч одновременно! Забыть это невозможно. Такое дано услышать раз в жизни, да и то не каждому! Мы вырыли на стадионе братскую могилу. Траурные митинги продолжались неделю. Искренно, с горечью и болью двести тысяч заключенных оплакивали новые жертвы ГУЛАГа.

Я спросил Чан Дзолина, зачем чекисты пошли на такое дикое преступление.

– Порой в процессе революций, на некоторых этапах, цели освободительного движения и реакционных сил совпадают. Более того, кое-какие процессы и ход событий на руку обеим сторонам. Случается, что лидеры двух противных сторон действуют заодно. В условиях нашей лагерной революции подобная ситуация может сложиться в самом ближайшем будущем. А пока, думаю, просто совпали цели сторон, противники не сговаривались заранее о побою. Цель Святополка ясна - кровь! Чекистами двигало нечто иное. Они знали, когда голову поднимет оппозиция и страсти поутихнут, придется пустить события на самотек или принять меры устрашения.

Офицеры, думаю, пришли на митинг не слушать. Акция была запланирована, мы дали повод. Верх одержал Святополк, лагерной администрации не представился случай прибегнуть к репрессивным мерам. Отныне они будут действовать заодно, согласованно!..

После того как на стадионе расстреляли Киприна с его людьми, переговоры с начальством прервались. До этого и после, по возобновлении, они проходили так. Часовой с вышки оповещал: "Прибыло начальство, от вахты на двадцать метров отступить!" Мы выделяли от нас двух добровольцев-златоустов, на которых возлагалось одно: твердить, что наши требования справедливы, правительство должно удовлетворить их все без исключения. Противная сторона тянула резину: требования, дескать, рассматриваются, вот-вот будет вынесено решение, вам нужно успокоиться и возобновить работу. Вот и все. Наши посланцы, люди битые, держали ухо остро. Начальству случалось во время переговоров обмолвиться о чем-то важном для нас, посланцы все мотали себе на ус и пересказывали нам.

Прошло десять дней, и вот наконец часовой с вышки крикнул: "Прибыло начальство, отступить на двадцать метров от вахты!" Отступили. Ворота распахнулись, мы застыли: генерал в сопровождении двух штатских, двойной ряд охраны - и все! Ни единого офицера. Нависла тишина, муха пролетит, и то слышно. Мы смотрели на них с изумлением, они - с плохо скрытым страхом.

– Здравствуйте, работяги! - крикнул штатский.

Снова наплыла тишина. Не скажу, обратил ли кто внимание на это обращение, но лично я пропустил его мимо ушей. Чан Дзолин насторожился.

– Со времен революции нас всегда называли зэками. "Работяги" должно что-то значить! - шепнул он мне.

– Да, действительно!.. - отозвался Святополк, не сводя глаз с прибывших.

– Ну что, будем говорить или как? Где ваши... как их... представители?

Наши посланцы в ожидании указаний обернулись на Святополка, - идти им или нет? Тот по-прежнему не сводил глаз с прибывших. Тогда один из посланцев вопросительно посмотрел на меня, я кивнул: "Ступай!"

Они пошли.

Начались переговоры. Слов почти не было слышно, и лагерники подошли поближе к ограждению. Святополк встал за спиной наших представителей. Чан Дзолин и я остановились на расстоянии слышимости.

Посланцы стали легко, без запинок, излагать требования - много раз говоренный, затверженный на память текст. Святополк поначалу прислушивался, потом вмешался. Начал он спокойно, но по мере того, как говорил, все больше распалялся и механически

продвигался вперед. Едва он переступил за ворота, как солдаты схватили его. Ворота захлопнулись!

Толпа расшумелась. В ответ застучали пулеметы, мы бросились врассыпную - кто куда. Стреляли в воздух, никого не задело. Четко спланированная операция была проведена не менее четко. Что правда - правда.

Опамятовавшись, мы подали знак женщинам, и те устроили такой ор - как только небеса не рухнули. Мы требовали вернуть Святополка. Всколыхнулся Таймыр, началась паника среди населения. Двинулся к казармам караван детей и женщин с узлами...

Наша взяла. Двухчасовой мятеж сделал свое дело - Святополка отпустили! Мы почти до рассвета обсуждали события того дня. Святополк заверил нас, что противная сторона готова пойти на уступки, но будет торговаться из-за каждого пункта.

Утром по возвращении в барак я застал Чан Дзолина на ногах. Он вывел меня на пару слов. Я смертельно устал, но в том возрасте усталость мне была нипочем. Я мог не спать и двое суток за игрой в нарды, а уж полчаса ради того, чтобы послушать этого человека, я как-нибудь выдержал бы.

Мы вышли, стали прохаживаться. Наконец Чан Дзолин прервал молчание:

– Тюремный опыт у тебя большой. Задавался ли ты когда-нибудь вопросом, в каких случаях чекисты выпускают в ходе следствия задержанного политического преступника.

– Это азбучные истины.

– Я - гоминдановец, был близким другом Чан Кайши. В тридцать девятом нас пятеро попало в лапы к коммунистам. Пытали жестоко. Вмешался сам Мао Цзэдун. Один из членов нашей группы согласился сотрудничать с коммунистами, и нас выпустили. Он так и работал до конца на коммунистов. Перед смертью признался. Таких людей немало.

Чан Дзолин умолк.

Я спросил:

– Зачем ты затеял этот разговор?

– Скоро меня заберут отсюда. Два пункта ваших требований касаются непосредственно меня: я - и инвалид, и иностранец. Они удовлетворят оба эти требования. То, что я скажу тебе, должно для пользы дела остаться между нами. Сам не пойму, почему мне хочется, чтобы ты знал об этом: чекисты завербовали Святополка еще во время первого следствия. Потому и выпустили. Хотя, должен отметить, он стойкий борец, один из тех, кто умеет поставить на службу своему делу даже связь с органами. Обычно говорят, что в политике и борьбе все средства хороши. Я держался иного убеждения, может, потому и проиграл.

Чекисты на какое-то время потеряли Святополка из виду. Такое случается. Надо думать, они вышли на него в Караганде. Тот рыжий субъект из свиты генерала, что представился депутатом Верховного Совета... Может, он на самом деле депутат, не знаю. Но ты заметил, как Святополк смотрел на него? Буквально пожирал его глазами! Потом подошел поближе, чтобы быть на виду. Во время этих переговоров между ними установился молчаливый контакт... Святополк так и нарывался, чтоб его схватила охрана. Ты думаешь, его отпустили оттого, что наши вопли помогли? Они снюхались и отныне будут работать в сговоре, у них есть общая цель!.. Правда, доколе будет длиться это согласие, не скажу.

Около полудня меня разбудили гул тысячной толпы лагерников и слаженный стук. Я выскочил из барака. К воротам подошел рыжий знакомец Святополка. Он был без

сопровождения. Узнав, из-за чего крик, он удалился.

Через пару часов ворота снова распахнулись, вошел лжедепутат и позвал к себе заключенных. Первыми, естественно, ринулись наши послы.

Рыжий, выждав, пока люди приблизятся, объявил:

– Получен приказ из Центра. Он распространяется на все исправительно-трудовые лагеря системы ГУЛАГ. Бараки на ночь запираются не будут, решетки можно снять, номера спороты! Успокойтесь, со временем все ваши требования будут удовлетворены.

Его последние слова поглотил рев толпы.

Рыжий повернулся и ушел. Мне запомнилось, с какой радостью лагерники с треском срывали друг у друга номера с одежды. У нас был столяр, эстонец. Когда ему сорвали со спины номер, оттуда вдруг выпал столярник. Эстонец искренне удивился: "Откуда взялся?!"

Кто знает, чей бушлат ему достался, и какая судьба постигла того, кто вшил в бушлат заветный столярник. Может, родные и поныне ждут его дома... Бог весть!

Три пункта наших требований были выполнены. На второй день господин депутат объявил, что правительство согласно выполнить еще три пункта: свободу переписки - пиши и получай, сколько душе угодно; свободу выбора лагерники имеют право выбирать так называемый Совет актива; и, наконец, шестой пункт: восьмичасовой рабочий день. Из двенадцати пунктов выполнили шесть. Из оставшихся шести в последующие дни еще три: перевели в отдельный лагерь инвалидов и женщин с детьми. Через несколько месяцев их освободили. Перевели в отдельный лагерь и иностранцев. Мы с Чан Дзолином расставались со слезами на глазах. Оставались три пункта, они были выполнены впоследствии: ликвидировали ОСО; освободили большую часть заключенных Комиссия Верховного Совета СССР спустя несколько месяцев стала пересматривать дела, ездить по лагерям, допрашивать на местах. В лагерях осталась только часть заключенных, которым сократили срок, сведя его до минимума.

Один-единственный пункт остался невыполненным: краткосрочников не убрали из наших лагерей. Их оставили там же, где они находились во время восстания, - должен же кто-то строить Норильск?! Что касается актива восстания, то нас, несколько тысяч заключенных, погрузили на баржу и отправили по Енисею на Колыму. Как оказалось, ОСО еще до подавления восстания заочно приговорило нас к заключению в политизоляторе. Поскольку тюрьмы были переполнены, привести приговор в исполнение удалось частично не оказалось в наличии нужного количества мест. Что касается меня, то ОСО расщедрилось на пять лет заключения в изоляторе. Не больше. Я не сидел получил восемь лет за попытку побега из бухты Ванина. Впрочем, об этом я уже говорил. Этой истории много лет, в моем рассказе возможны упущения, неточности. Не суть важно. События, о которых шла речь, так значительны, что они найдут своих летописцев. Я только замечу, что Святополк обрел свободу, а вместе с ней и пулю в висок - по возвращении на Украину он был убит своими же людьми... Не могу не сказать о Таратуте - крепко он мне запомнился... За пару месяцев до начала восстания я случайно услышал историю Таратуты. Он рассказал ее сам, когда заскакивал в хижину бригады Анчабадзе погреться. Таратута был пленным - за то и сидел. Но пленный пленному рознь... Вот его рассказ. В первый же день начала второй мировой войны Таратута, выбрав момент, перешел на сторону немцев. Некоторое время мыкался в лагере для пленных, а потом, как часто бывало в начале войны, хозяин-немец взял его к себе на хутор пасти коров. Прошло время. Когда фашисты ощутили нехватку живой силы, они стали брать в армию и пленных с хуторов. На Таратуту немцы крепко рассчитывали: дескать, по своей воле к нам перешел, значит, хорошо воевать будет; а он возьми и удери от немцев, улучил момент и сдался англичанам. Не понравилось у англичан, переметнулся к американцам. Его зачислили в часть. Завязались тяжелые бои. Таратута снова перешел к немцам, рассчитывая на то, что его поместят в лагерь вместе с американскими пленными, и

он подкормится продуктами от Красного Креста, а там, глядишь, и война кончится. Не вышло. Немцы отправили Таратуту на Восточный фронт, на территорию Польши. Он перешел на сторону советских. Легенда у Таратуты была хорошая, ему поверили. Кончилась война. Через полгода за ним пришли чекисты - пятнадцать лет. Розыск о нем не вспомнил бы, но Таратута сам высунулся - позарился на медали. Свою историю он рассказывал с юмором, не лишенным бахвальства...

Когда началось восстание, норильские чекисты установили громкоговорители и стали уговаривать заключенных выйти из лагеря через проход в ограждении. Актив позволил покинуть лагерь краткосрочникам. Ушли человек тридцать, Таратута не входил в эту категорию заключенных. Актив во второй раз предложил покинуть лагерь тем из краткосрочников, кто еще не ушел. Желающих не оказалось. Тогда актив заключенных установил свой пост прохода. Они должны были задерживать перебежчиков, которые могли предать огласке планы восставших. В этом была необходимость.

Мы с Максимом Мельниченко болтали, устроившись на трибуне стадиона, когда я заметил Таратуту, завязавшего разговор с нашими часовыми неподалеку от коридора. Я кивнул на него Максиму и рассказал о мытарствах Таратуты. Мы стали с интересом наблюдать за ним, уверенные, что он собирается оставить лагерь. Для того чтобы прорваться к коридору, надо было лишь пересечь стадион - каких-то пятьдесят метров. Таратута вовлек дежурных в разговор и встал так, что сорвись он с места, те не смогли бы даже палкой пройти по его спине... План его удался. Но когда он был уже на полпути к коридору, я крикнул: "Беги, Таратута! Тебе не впервой..." Он остановился как вкопанный, застыл на какое-то время, потом обернулся на нас, на матерившихся дежурных... И пошел неторопливым шагом к ограждению... Едва он вышел за территорию лагеря, охранник скомандовал: "Ложись!" - и Таратута лег ничком на землю, лицом в грязь. Вдоль проволочного ограждения был проложен дощатый настил, по которому расхаживал часовой. Подошел прибывший из Красноярска полковник Михайлов.

– Фамилия?! - обратился он к Таратуте.

– Таратута, - ответил тот. Полковник бросил взгляд на расшумевшихся заключенных и произнес во всеуслышание:

– М-да! Таратута! Интересная фамилия...Перебежчиков, брат, всегда ненавидят! - повернулся и пошел по настилу.

На Таратуту надели наручники и погнали, как бычка... Эх, так я и не достал книгу Яна Амоса Коменского "Всеобщий совет по исправлению дел человеческих"... Интересно, как он собирался их исправлять?..

Однако... Сколько еще дней идти до Ашны?.. Восемь, девять или десять... Передохнем, а завтра - если выглянет солнышко - определим местоположение и доведем до конца свое дело!.."

Гора проснулся утром рано. Хотел позавтракать, взяться за обычные свои дела, но обнаружилось, что пропали сани! В укывище, которое он устроил накануне, оказались одни лыжи с палками да костыли, кое-какая мелочь в карманах...

"Выходит, ничего у меня не осталось! Спальный мешок, крючки, компас, часы, медикаменты - вот, пожалуй, и все... Что это мне вздумалось прятать отдельно сани... Обмотал бы лямкой руку и спал как всегда... Я дважды заметил того незнакомца. Неужели трудно было догадаться, что к чему?! Нет, в первый раз я видел одного, потом мелькнули двое, там, вдали! Мне и в голову не пришло, что они идут по моему следу. Зачем им такое барахло? Украсть мелочовку! Погоди, они оставили лыжи, палки и костыли! Что бы это значило? Оставили все, что нужно для ходьбы, остальное - фьють! Ха-ха, Митиленич, это твои козни?"

Те двое, которых я недавно видел, без труда могли взять меня. Какой тут расчет? А такой: чтобы ты зашел к Ашне! Уперли всю провизию... До Ашны неделя, от силы восемь дней... Он делает ставку на мою выносливость. Семь-восемь дней без еды... Митиленич, ты всем чертям черт!.. За шута меня держишь или как? Мне вообще не приходило в голову менять направление - ни тогда, ни теперь. И знаешь, почему? Потому что ты не собираешься брать меня до поезда. Я просчитал тебя, ты будешь брать меня в Омске, в купе, и там же сдашь с рук на руки оперативникам. Хочешь снискать себе имя пронизательного сыщика, артиста своего дела, получить генеральский чин и обеспечить себе спокойную старость на родине отца! Я прав, Митиленич?! Знаешь, что я тебе скажу? Еще мой отец рассказывал: Сумбаташвили-Южин был на званом вечере. Шла крупная игра. Сумбаташвили, играя, без умолку болтал с друзьями. Так он, играючи, просадил двадцать тысяч. "А теперь поедem к Палкину!" - предложил он друзьям. В самый дорогой московский ресторан.

Гора, брат, айда к Палкину!

В Омске, в гостинице, Митиленич беседовал с Глебом.

– Глеб, я должен знать, как выглядит эта женщина.

– Какая женщина?

– Софи Лорен!.. Полина Цезарева, кто же еще! Хорошо бы взглянуть, что это за цаца.

– Есть фотография. Правда, в жизни она постарше будет. Работает в какой-то редакции, точнее, издательстве.

– Кем?

– Заведует административно-техническим отделом. Есть в издательстве такой отдел.

– Чем конкретно занимается?

– Следит, чтобы вовремя приходили на работу, не болтали часами по телефону. Под ее началом уборщицы и прочий техперсонал. Вот, кажется, и все. Хотите зайти к ней домой или посмотрите со стороны, когда будет выходить с работы?..

– Пока мне нужна ее внешность, чтобы сверить с фотографией. Ошибка недопустима.

– Какая тут может быть ошибка? Это - Полина Цезарева.

– А вдруг не она?

– Как это не она?!

– Ладно, хватит! Через полчаса конец рабочего дня. Пошли, посмотрим.

Митиленич, сидя в машине Омского областного Управления МВД, ждал перед издательством, когда выйдет Полина Цезарева. За рулем сидел Глеб. Появилась Цезарева в шубке изнутри и такой же шапочке, с красивой сумкой через плечо и с авоськой в руке.

– Эта не замерзнет, - пробормотал Митиленич.

– Не замерзнет, - поддакнул Глеб. - Вчера на ней была другая шубка. Можно надеть обе вместе, тогда, пожалуй, вопреет. Похоже, она не бедствует, вон какие серьги, кольца. Между прочим, такие, как Цезарева, всегда выдают свои драгоценности за дешевые побрякушки.

– Далеко живет?

– Не очень. На проспекте.

– Трогай.

Поравнявшись с Цезаревой, Митиленич бросил взгляд на фотографию.

– Куда это годится, три на четыре, не могли достать снимок побольше? Тут сам черт не разберет... Глеб, есть здесь где-нибудь поблизости кафе или ресторан?

– Как же, "Аврора"!

– Давай обгони Цезареву, и я пойду ей навстречу. Хорошо бы прямо перед "Авророй" или где-нибудь поблизости.

Когда машина, минуя гостиницу, остановилась, Митиленич вышел и направился навстречу "объекту". Цезарева шагала весело, беззаботно.

– Здравствуйте, Ольга! - поздоровался Митиленич, поравнявшись с ней.

Цезарева вздрогнула, хотела пройти мимо - не получилось.

– Я, Ольга, к вам обращаюсь! Не узнали? Мирослав...

Цезарева, внимательно оглядев его с головы до ног, неприязненно заметила:

– Вы не Мирослав, а я не Ольга. Тут какое-то недоразумение...

– Вы правы, я не ваш шеф, но тоже Мирослав, а вы - Ольга. - Митиленич протянул фотографию размером три на четыре.

Покосившись на снимок, Цезарева ахнула:

– Господи, как я изменилась! На что стала похожа!..

– Нет, Ольга, вы по-прежнему прекрасны...

– Спасибо за комплимент, а как быть с тем, что вы не Мирослав?

– Пароль есть пароль. Если я назвал вас Ольгой и представился Мирославом, значит, для вас я Мирослав! Не так ли? Слово - слово, долг - долг... Хотите кофе?

– Кофе? - удивилась Цезарева. - Кофе, да?.. С удовольствием! Выпьем здесь, в "Авроре"... Такая дороговизна, что ресторан пустует.

"Легко согласилась", - отметил про себя Митиленич, предлагая даме стул. В ресторане посетителей было немного, и шум в зале стоял точно такой, какой нужен был для конфиденциальной беседы. Митиленич и Цезарева хорошо слышали друг друга, а посторонний, сядь он даже поблизости, все равно ничего не разобрал бы.

– Мирослав интересуется, почему нет больше информации о первом объекте?

– Первый объект попал в тюрьму за хулиганство и нанесение телесных повреждений.

– Это вы упрятали его за решетку. Зачем?

– Я?

– Да, Полина Цезарева, вы!

– Это неправда!

– Мирославу все известно, за исключением одного: почему вы избавились от объекта?

Цезарева пустила слезу и, помолчав, призналась:

– Я не нуждалась в нем больше... Он мешал мне!.. Мешал устроить личную жизнь.

– Активно мешал?

Женщина задумалась.

– Нет. Просто стоял между мной и вторым объектом.

– Вы что-то скрываете, Полина Алексеевна.

– Угадали. Мне казалось, что если я избавлюсь от объекта, то больше не буду с вами сотрудничать, отпадет необходимость. Судите сами: любить человека и следить за ним... Разве я не права?

– Правы, но ведь ваши надежды не оправдались, Мирослав поручил вам другой объект.

– Увы! Новый объект для меня лишь материал, я не испытываю к нему любви. Того человека я действительно любила, во всяком случае первые несколько лет...

– Понятно! - Митиленич, помолчав, спросил: - А почему, собственно, Мирослав, а не кто-нибудь другой? Как вы попали к нему?

– Давайте все же для точности назовем ее Мирославой. Видите ли, в первый раз я получила задание от женщины, она работала у нас заместителем начальника отдела. Тогда моим подопечным стал главный инженер на нашем предприятии, у нас была интимная связь. Любовные отношения, как известно, нужно хранить в тайне. А для этого лучше всего говорить о своем любовнике гадости. Такая уловка вводит окружающих в заблуждение: если это любовник, зачем шельмовать его за глаза? Я знала, что Мирослава - из бывших оперативников. Мы с ней и раньше были знакомы, а потом сблизились. Первое задание дала мне она. Потом она вернулась на работу в органы, у них была напряженка с кадрами. Отношений мы не прерывали, иметь подругу в таком учреждении всегда не лишнее... В конце концов вышло так, что я стала агентом, она поручила мне второй объект.

– Занятный способ маскировать свою любовь! - прервал ее Митиленич. Впервые слышу. Выходит, женщина должна поливать грязью своего интимного друга, для того чтобы сбить с толку окружающих. Так, что ли?

– Да, но это - один из способов. Есть и другие. Допустим, любовник человек именитый, известный в обществе, тогда, конечно, лучше воздержаться от брани и помолчать, пусть все знают, кто за тобой стоит!

– Вы передавали информацию письменно?

– Когда как. Чаще я рассказывала Мирославе с глазу на глаз то, что ее интересовало. Может, наши беседы и записывались на пленку, не знаю. Со временем органы утратили интерес к первому объекту. Вероятно, сочли, что достаточно изучили его. Тут и мой интерес к нему ослабел. Ничего не поделаешь, я женщина, мне нужно было растить детей, значит, завести друга посостоятельнее. Я и завела, но между нами стоял первый. Кончилось тем, что первый угодил в тюрьму. Я со вторым перебралась сюда, поскольку была с ним связана старыми обязательствами. Здесь меня нашла уже не Мирослава, а Мирослав. Теперь вы объявились.

– Да, так часто бывает. Должность остается, люди на ней меняются, но общая ситуация все та же. Так ведь?

– Конечно! - кивнула Цезарева.

Митиленичу надо было обдумать, как себя вести дальше. После такого разговора сразу к делу не перейдешь. Он предложил собеседнице поужинать.

Цезарева вежливо отказалась, Митиленич настоял. Подошел официант, принял заказ.

– Мирослав Иванович! Я вот чему удивляюсь. Всего десять дней назад у меня была встреча с настоящим Мирославом Ивановичем. Вы что, вчера заступили на должность?..

– Справедливо. Я все объясню за ужином. - Митиленич ушел от ответа, поскольку никак не мог решить, стоит ли сказать правду сейчас или лучше отложить ее на потом, и как быть со сбитым пешеходом - припереть Цезареву или воздержаться. Промучившись, он махнул мысленно рукой и приступил к делу: - Я должен вам кое-что сообщить. Надеюсь, это не испортит вам аппетита. А вот и наш заказ. За ужином мне легче будет сообщить новость, да и вам легче будет ее выслушать.

Полина Цезарева, наверное, впервые в жизни была растеряна и в мучительном нетерпении ждала, пока официант накроет стол и уйдет. Кроме них, в ресторане почти никого не было.

– Полина Алексеевна, я думаю, второй объект уже сообщил вам о том, что первый бежал из Заполярья, шел пять месяцев и теперь направляется к "Отраде".

– Это и есть неожиданность? Конечно, сообщил. Феликс звонил мне. Но Каргаретели не из тех, кто мстит. Я не вижу тут никакой опасности.

– Мне известно, что Каргаретели попал в Заполярье не без вашего участия. Он должен был отбывать срок в лагере общего режима.

– Да, Санцов говорил мне о том, что к нему заходил некий Митиленич, начальник розыска, и предъявил ему это чудовищное обвинение... Какая чушь!

– Брата Санцова понизили в должности, он служит где-то начальником режима. Может, и это чушь? Его разжаловали за то, что он дал задание убрать Каргаретели профессиональному убийце по кличке Жук.

– Неправда! Санцов стал жертвой интриг сослуживцев!

– Допустим. А что вы скажете об Ашне? Алибек Селимов отсидел за вас срок. Пешехода сбили вы, не он! Это, по-вашему, тоже ложь? Как вам удалось его уговорить? Сколько вы заплатили ему до ареста и после?.. Вы с Феликсом Санцовым упекли Ашну в Заполярье, потом вдруг забеспокоились, как бы он вас не выдал, и забегали, лишь бы освободить его условно, до срока. Вам это удалось! В бытность свою в Уренгое Санцов через Ашну брал взятки и долю за незаконные сделки. Это что, тоже ложь?.. Поскольку вам должно быть известно все о своем объекте, для вас не тайна, что за нынешнюю свою должность он заплатил большие деньги. Вы это знаете и утаиваете. Более того, вы характеризуете его как человека честного, незапятнанного. Да знаете, что вас за это ждет?! Ваша песенка спета, можете распрощаться со своими драгоценностями, мехами и благополучной жизнью. Вы ведете двойную игру - и вашим, и нашим. Шутить изволите?!

Цезарева побледнела, замерла и пустилась в слезы - надежный, проверенный способ...

Митиленич, глядя на нее, думал:

"Здорово вышло! Ты еще сомневаешься в своей гениальности, Митиленич?.. Вероятно, на Цезаревой как осведомителе поставили крест, иначе Заглобин не передал бы мне ее с такой легкостью... Вот это да! Как они до Ашны добрались, а? Выходит, им хана? Кому "им"? Как кому, Цезаревой и Санцову! Мне до них дела нет, пропади они пропадом; меня интересует Каргаретели... Как же перевести разговор на моего беглеца, а? Признаться, что никакой я не Мирослав?.. Так все гладко шло... А, была не была! Возьму и выложу правду! Куда она денется?.. Нет, не годится! А оставаться Мирославом годится? Предъявил обвинение в тяжком преступлении, а теперь перейду на какого-то беглеца... Разве поверит, что ей все простится, если выполнит небольшое поручение?.. Глупости!.."

Время шло. Митиленич размышлял. Цезарева, утерев слезы, замерла, лихорадочно размышляя, как бы ей выпутаться из этой ситуации. Лицо ее отражало мучительную борьбу. Наконец, решившись на признание, она со слезой в голосе обратилась к Митиленичу:

– В ваших словах много правды. Но относительно меня вы заблуждаетесь. Я всегда, вплоть до сегодняшнего дня, добросовестно выполняла все задания Мирослава. Нынче сложилась ситуация, из которой, вижу, выход один: я сделаю все, что прикажете...

Глава девятая

Гора увидел дом с надворными строениями, обнесенный колючей проволокой со столбами освещения и массивными воротами. Он влез на могучий кедр, вооружился биноклем, стал наблюдать. Эта усадьба, по-видимому, была "Отрадой", владениями Ашны. Все совпадало - замерзшая река, мощенная асфальтом дорога, многоквартирный дом на фундаменте, три-четыре хозяйственных строения и, как водится при правительственном доме, будка охранника. Вокруг, куда хватал глаз, морем расстилался убеленный снегом лес. Усадьба походила на красотку в бело-зеленой шубке.

"Летом здесь, должно быть, очень красиво. Вся территория, включая лужайки, распланирована архитектором. В прошлом усадьба была резиденцией секретаря райкома, ныне - "избранника народа" или назначенного сверху начальника уезда, и предназначалась она для интимного общения и возлияний. Так называемый "охотничий домик". Они повсюду так назывались... Может, и теперь так... Вот и дым!.. Стало быть, сторож, то есть Ашна, на месте, не так ли?.. Откуда ты знаешь, это Ашна или кто другой? У него должен быть сменник... Пусть, что из того? Подождем, пока появится Ашна... Каким же он был пройдохой! Когда нас выводили на работу, возле ворот всегда сидели бабы, торговали кто чем: молочными продуктами, соленьями, какими-то булочками... Ашна всегда что-нибудь да припасал на продажу или обмен: исподнее, полотенце, лагерную простыню, наволочку... Обменивал на продукты или просто продавал, причем и предмет, и деньги всегда оставались у Ашны. Как умудрялся?! И что удивительно, бабы всегда были довольны, никаких неурядиц!.. А когда я спросил, как он, сукин сын, ухитряется проворачивать свои делишки, Ашна ответил: "Это пустяки, видел бы ты моего дядю - вот настоящий артист! Он всю жизнь промышляет на ташкентском базаре и даже не знает, где находится милиция! Я в сравнении с ним козявка, любитель, не мое это ремесло. А что делать? Не голодать же?!" Удивительная метаморфоза: Ашна и вдруг сторож, да еще где? Не на ташкентском базаре, а здесь, у черта на куличках!.. В Тбилиси, мне рассказывали, был некий Бзишвили, убил он случайно брата, отбыл срок, поселился в верховье Атенского ущелья, сам без сторонней помощи проложил до Атени дорогу в двадцать пять километров... Искупил грех! Как-то привез секретарь райкома больших людей поохотиться в этих местах, поведал им о Бзишвили и строительстве дороги... На месте хижины Бзишвили возвели "охотничий домик" и стали наезжать... Откуда тебе знать, может, и Ашна убил кого-нибудь?.. Нет, на дядюшку, пролазу с ташкентского базара, у

него, факт, рука не поднялась бы, Ашна с особой почтительностью относится к виртуозам ... Да, когда я рассказывал ему о крестьянине, половшем кукурузу, он смотрел на меня разинув рот, с горящими от восхищения глазами... Это было на Северном Кавказе, водитель остановил машину, чтобы подлить воды в радиатор. В поле неподалеку крестьяне несколько мужчин и женщин - мотыжили кукурузу. Я залюбовался одним из них. Работал он споро, обошел всех метров на двести. Одним скупым, плавным движением выпалывал тяпкой сорняк, сбивал с него обухом землю и отбрасывал в сторону. Ашне пришлось по душе эта история!.. Расскажи я ему о Симинце, как тот мастерски управлялся с нечистота-ми, Ашна, может, и спятил бы от восторга... погоди, брат, не до этого. Вот вышел кто-то. растопил печь и вышел... Это Ашна, бьюсь об заклад!.. Нет, постарше, совсем пожилой... Ничего подобного, отпустил бороду... Это Ашна! Видишь, ногу приволакивает?.. А вдруг чужой?.. Двое колченогих на одну усадьбу, пожалуй, многовато, а?! Это Ашна! Дорогой мой, Ашна!.. Говорят, нужно уметь выбирать друзей. По расчету?.. Сердце должно выбирать, сердце, уважаемый Гора! Мое сердце выбрало себе другом прохиндея, что с того?.. Ладно, кончай. Пора спускаться... Нет, дождемся сумерек. Как знать, может, там еще кто-то есть. Если есть, то выйдет до вечера хотя бы помочиться?.."

Ашна включил генератор - свет залил усадьбу. Отключив наружное освещение, он вошел в небольшой сруб, помещавшийся возле будки. До сумерек оставалось еще довольно много времени, однако Гора решил идти. Миновав будку, постучался в дверь, где, как он полагал, находится Ашна.

Дверь открылась не сразу.

Ашна, оторопев, выдавил из себя:

– Пришел?! - Окинув Гору взглядом, засуетился: - Входи, входи!..

Гора вошел, закрыл за собой дверь. Ашна, потрясенный, не мог прийти в себя.

– Жив?! Жив?! - бормотал он, обнимая Гору. В глазах его стояли слезы. Успокоившись, он заметил: - Гора, милый, как ты быстро дошел...

– Голод гнал. Меня обчистили, одни сани оставили. Восемь дней назад... Я даже знаю зачем...

– Ты не ел восемь дней?

– Ел, крючки остались за пазухой, пришлось порыбачить!.. Хабибула был?

– Был, и не только он, кое-кто еще. Пошли, искупайся, побрейся, вот, смени одежду. Я что-нибудь приготовлю, посидим, выпьем... Торопиться некуда, пошли! Ничего срочного, потом расскажу, пошли!

Ашна был верным человеком, умел держать слово. Гора в нем не сомневался. Но почему он медлит с новостями, чем вызвано его спокойствие?.. Душ был теплым и приятным. Гора смыл с себя грязь пяти месяцев, надел ношеную одежду, которую приготовил ему хозяин, побрился и вернулся к Ашне. Еда была готова - яичница, хлеб, колбаса, коньяк.

– Давно идешь?

– Пять месяцев.

– Пять месяцев!.. Железный ты, что ли?.. Хабибула был месяц назад, тебя спрашивал... Знаешь, что я ответил? Гора уже не придет. Как я мог себе представить, а?.. Хабибула в ответ засмеялся, сказал: непременно придет, не сомневайся, - и ушел.

- Знаешь, зачем меня обобрали? Чтобы вынудить зайти к тебе, Ашна... Теперь скажи, кто еще был здесь, помимо Хабибулы?..
- Помнишь Митиленича, начальника розыска...
- Когда?
- Вслед за Хабибулой... Через пару недель.
- Стало быть, до того, как меня обокрали?.. Что хотел?
- Сказал, ему известно о нашем с тобой уговоре, о том, что ты должен сюда прийти... Крепко поприжал... Я отвечал: знать ничего не знаю. Отрицать, что мы знакомы, я не мог. Он перечислил все места, где мы вместе сидели. Ему известно, что мы знакомы по Уренгою. Знать ничего не знаю, говорю. Он ушел.
- Все правильно! - Гора даже потер руки от удовольствия.
- Что правильно?! Знаешь, на что все это похоже?.. Они ведут тебя на поводу, как теленка за веревочку. - Ашна, помолчав, спросил: - Ты знаешь, что это усадьба Санцова?
- Знаю, ну и что?
- Как что?.. Я должен кое-что сказать: тут замешана Лина Цезарева, хочет встретиться с тобой, понял?
- Откуда ты знаешь?
- Приснилось! - отрезал Ашна. - Сама приезжала, иначе откуда мне знать?!
- Полина Цезарева хочет встретиться со мной?!
- Не кипятись, дело не хитрое, послушай! Погляди, как Митиленич работает: от меня ничего не добился, пошел к Санцову. Тот умыл руки. Митиленич стал копать дальше, вышел на Уренгой: перепроверил факты из твоего приговора - всплыла Лина! О чем с ней был разговор, не знаю. Третьего дня она подъехала на машине Санцова и сообщила о том, что ты идешь ко мне и что ей надо бы с тобой свидеться. Я сделал удивленные глаза. Лина, естественно, мне не поверила и назначила день, завтрашний, для встречи с тобой. Сказала, что подьедет и будет ждать, сколько нужно! Понял, как обстоят дела? Артачиться не имело смысла, я пообещал дать знак, если ты объявишься!..

Отужинали. Ашна расстелил постель в другой комнате. Гора разделся, лег.

"В первый раз за столько времени усну по-человечески - в тепле, мягкой постели... Удивительное дело, ей-богу! Сначала мне привиделся юродивый. Есть хочу, говорит! На третий день меня обокрали. Удил рыбу, задремал, мне явилась Нино... Погоди, как она сказала? Кажется, так: тебя ищет злая женщина, найдет, но зла не причинит. Имя у нее что-то вроде Поликарпа!.. Вот тебе, пожалуйста, должна пожаловать Полина Цезарева: Поликарп Полина!.. Чего она хочет, соскучилась, что ли?.. Назначила встречу на завтра... Значит ли это, что Митиленич готовит мне западню? Исключено. Он мог сделать это и раньше, хотя бы в ночь ограбления, вместо шмоток взял бы меня; хочет использовать Полину Цезареву для своих целей. Каких?.. Погоди, погоди, одно с другим не вяжется! Никогда не подумал бы, что мне доведется еще раз встретиться с Полиной Цезаревой... Ни в жизнь! То время осталось в моей памяти как дурной сон... В первые годы мы по-настоящему любили друг друга. Потом она стала заводить интрижки то с одним, то с другим. Искала мне замену. Муж скончался, дети подросли, возросли и запросы, мне она была не по карману... У Полины, нужно сказать, два таланта. Ей ничего не стоит расположить людей, внушить к себе уважение и любовь, тут

она чародейка. Ей так же ничего не стоит солгать, причем лжет она с простодушием ребенка и невинностью Богородицы.. Ее основное оружие - ложь. При желании в чем угодно убедит хоть Фому неверующего... Помнишь тот случай?! Как-то раз ее муж застал нас в постели... Она держалась... Господи, твоя воля!.. Муж стоит, разнесчастный, растерянный. Что мне оставалось - я встал, оделся. Кирилл Иванович по-прежнему ни с места. Поднялась Лина, накинула халат и кинулась к мужу: "Что с тобой, милый, может, тебе плохо!" Налила ему валерьяновых капель, приласкала, приголубила... Я ушел без всякого. Прошло довольно много времени - два или три месяца, и Кирилл Иванович жалуется мне при встрече, что у него с психикой не все в порядке, начались галлюцинации, и в подтверждение приводит случай, когда застал меня с Полиной в постели!.. Как ей это удалось, что она наплела, не знаю, но факт остается фактом... Доконала беднягу. Мне она все время плакалась, что иссякло ее терпение, это не муж, а иждивенец, десять лет она кормит, поит всю семью!.. Сбила человека, а бедняга Ашна, под давлением Санцова, сел за нее в тюрьму. Как это ей удалось?! Я едва не спятил, когда вдруг увидел в лагере Ашну. Нет, между ним и Санцовым что-то есть - они повязаны. Чем?.. Не наше дело... Я тоже хорош! Дурак каких поискать... Дурак? Разве я мог поступить иначе - в моей квартире, в моей постели, с моей любовницей... Какой любовницей, просто бабой!.. Ты знал, что она спит с Санцовым... Я не был уверен, только подозревал... Подозревал? Пусть так - ведь подтвердилось. Подтвердилось и дорого стоило. Зачем было приводить его ко мне?! Можно подумать, своей квартиры не было... Нашла кого выбирать, Феликса Санцова! А он-то, он, хорош гусь! Еще прикидывался моим ближайшим другом! Какой-то прыщавый слизняк пластает бабу в моей постели, а я должен стоять сложа руки, как несчастный Кирилл Иванович?.. Мне кровь бросилась в голову... Какая наглость! Я не мог поступить иначе! Даже судья с защитниками нашли, что я действовал в состоянии аффекта!.. Называйте как хотите, но из комнаты они оба уползли на карачках. Прыщавому Феликсу больше досталось, спору нет, но и Лина получила свое... Говорят, не должен был бить женщину!.. Затащила в постель, где столько лет спала со мной, моего же "друга" - и я не должен был ей вмазать?! Нет, тут явно был какой-то умысел. Но какой?! Сколько я ни пытался понять - так и не смог... Если мне все-таки доведется встретиться с этой стервой, непременно вытяну из нее признание, почему именно в мою постель она завлекла Санцова?! Она же прекрасно знала, что я должен вернуться с минуты на минуту, что у меня был ключ от квартиры и замок открывается совершенно бесшумно?! Когда они ползли, избитые, к двери, Лина на глазах у Санцова приставила пальцы к голове, изображая рога! За это я и дал ей напоследок пинка!.. Я не отвечал за себя. Согласись, что спрашивать с человека при таких обстоятельствах. Я, собственно, ничего не проиграл! Уж на суде спорили, горячились!.. И вот результат! Если бы не припаяли мне этот срок, не представился бы случай проделать этот путь!.. Ради такого свершения можно было и три года отсидеть. Они что-то замыслили, спору нет, иначе зачем было брать в тот же день заключение от врача и возбуждать постыдное дело?.. Я так и не смог найти ответа на этот вопрос... А разве теперь он меньшая головоломка?.."

Гора проснулся к полудню. Ашна позаботился о еде, стол был щедро накрыт. В комнате стояла теплынь. Гора подсел к столу, как был, в исподнем, поел в охотку и снова погрузился в сон. Спал он чутко, слышал сквозь сон, как вошел Ашна, вынес посуду с остатками еды. Было еще светло, когда послышался шум машины. Гора встрепенулся, подошел к окну, осторожно приподнял угол белой короткой занавески и стал наблюдать. Шум приблизился. Ашна занял место у будки. К усадьбе подъехала черная иномарка. Ашна открыл ворота. Машина проехала к дому. Ашна собрался было запереть ворота, но сидящий за рулем мужчина, выйдя, крикнул ему, чтобы не закрывал, поскольку ему нужно ехать обратно! Достав из багажника большой чемодан, мужчина поставил его прямо на снег. Из машины вышла женщина в каракулевой шубе и такой же шапочке. Вытащив сумку, она перемолвилась парой слов с мужчиной, и тот уехал. Ашна закрыл ворота, отпер двери дома, впустил женщину, внес багаж и вышел. Гора узнал обоих - это были Санцов и Цезарева. Чуть погодя к нему зашел Ашна.

– Сказать, что ты здесь?

– Стемнеет, потом...

– Да, якобы ночью пришел, - согласился Ашна.

Когда тьма сгустилась, Ашна поднялся по лестнице и постучал в дверь дома.

– Входи, - донеслось изнутри.

Цезарева сидела в кресле под светильником, держала книгу.

– Пришел, - сообщил Ашна.

– Пришел?! Когда?

– Час назад.

Цезарева, подумав, велела:

– Приведи его минут через пятнадцать! - встала, вышла в спальню.

– А если он не захочет? - бросил ей вслед Ашна.

– Захочет, захочет... Он почти голый! - донеслось из спальни.

"Зачем мне с ней встречаться, соскучился я по ней или как?.. После того злополучного случая я не имел с ней дела... Интересно, она и с Санцовым так: лжет, хитрит, изменяет?.. Куда ей, она и тогда уже увядала, теперь, наверное, совсем утратила прежнюю привлекательность. Зачем ей другой кормилец, зачем рушить налаженную, как часы, жизнь... Дети, наверное, учатся в университете. Пока поставит их на ноги... И потом... Хорошо бы проучить ее, улизнуть и пусть себе ждет... Это выше моих сил, умираю от любопытства. К черту любопытство!.. Куда я пойду голышом?! Ашна-то даст все, но... Пошли, поднимайся, Гора!.."

Гора открыл дверь гостиной и расположился в кресле.

– Почему без стука? - послышался из спальни мягкий, вкрадчивый голос. Такой голос был у одной Полины Цезаревой.

"Хорош голосок... Сладко поешь, ничего не скажешь!.."

– Мадам, мне передали, что вы ждете меня, - отозвался Гора, - я человек вежливый, не могу отказать женщине. То, что я вошел без стука, понятно, давно ни с кем не занимался любовью, а наглость, как вам должно быть известно, почти всегда в барыше... Выгляните, не то я уйду, не дождавшись!..

Несколько минут было тихо.

– Погоди, оденусь!

– Не утруждайте себя. Когда женщина просит о встрече наедине, ей лучше оставаться в чем мать родила... Мне ждать или уходить?.. - Гора встал.

Еще несколько секунд, и Цезарева вышла из спальни. Вышла и остановилась на пороге.

Она была в халатике нараспашку и прозрачной комбинации, сквозь которую просвечивали трусики.

"Ашна сказал, что она одета. Надо же, устроить маскарад специально для меня... Э-э-э, по-моему, она хочет меня изнасиловать!.."

Цезарева, приблизившись, заметила с сожалением:

– Как ты изменился! Сядь.

Гора опустился в кресло. Цезарева тоже.

"И вы изрядно поизносились, мадам!"

Они довольно долго смотрели друг на друга. Сидели лицом к лицу, яркое освещение резко обозначило черты.

"Крепко ты пожухла, несчастная".

– Прежде чем начать разговор, ты должна ответить на два вопроса. Иначе наша беседа не состоится! - твердо сказал Гора.

Цезарева смешалась - вероятно, не ждала такого оборота.

– Между нами есть кое-что, о чем надо поговорить...

– Об этом потом! Сначала ответь на два вопроса! Первый - для чего тебе понадобилось сношаться с Санцовым в моей постели? Ты же знала, что я должен прийти с минуты на минуту?! Коротко и только правду!

Цезарева, подумав, ответила:

– Это почти то, о чем я хотела с тобой поговорить. Между прочим, я пришла сюда не лгать, сам убедишься в этом. Ты отлично знаешь, для чего мне нужен был Феликс-слизняк. Ты не мог меня обеспечить, а мне нужно было поставить на ноги детей, создать условия себе и им. Дорогие тряпки, драгоценности - откуда их брать?.. Прыщавый Феликс не хотел прочной связи, он ревновал к тебе: ты, мол, меня обманываешь, ты любишь Гору Каргаретели... Я должна была убрать тебя с дороги, но так, чтобы Феликс и думать забыл о ревности. Затея удалась, тебя засадили за решетку... Мы живем здесь, а где оказался ты - тебе лучше знать!..

– Господи, Господи! - пробормотал Гора.

– "Господи, Господи"! - передразнила его Цезарева. - Этот твой Господь ни разу мне не помог. Всех мужчин, какие у меня были, послал мне отнюдь не Господь. Для меня вы были и есть материал. Я леплю из вас что хочу, сообразуясь со своими возможностями, внешностью, талантом завязывать отношения! Я никому ничего не должна, включая и твоего Господа. Я ни разу в жизни не осенила себя крестом. Я сама, только сама добилась того, что у меня есть!.. - Цезарева умолкла, перевела дух: - Я сказала правду? Тогда выслушай еще одну. Так глубоко и самозабвенно, как тебя, я никого не любила, люблю тебя и сейчас, вот в эту минуту!.. Что тебя еще интересует?

Гора содрогнулся. Спустился столько лет он получил ответ - да какой! - на мучивший его вопрос.

– Хорошо! Хоть раз услышал от тебя правду, - пробормотал он, овладевая собой. - Скажи, кто и зачем подослал тебя?

– Полковник Митиленич! Все, что я сказала, чистая правда, не так ли? Я и впредь намерена говорить правду. Сама не понимаю, чего он хочет! Подослал меня, чтобы я наплела тебе с три короба: будто, узнав от Ашны о твоём появлении, я, в память о старой любви,

примчалась сюда с роскошными тряпками, провизией, необходимыми тебе для дальнейшего пути. Ей-богу, не знаю, чего он добивается... Я только надеюсь, что в случае ареста ты останешься мужчиной и рыцарем, каким был и есть, - не выдашь меня!

– Кто это купил, на какие деньги?

Цезарева от души рассмеялась:

– Я, кто же еще, на деньги Санцова! Важно, чтоб ты сел в поезд прилично одетым! Он что, не может взять тебя в тряпье?..

"Митиленич подстроил кражу для того, чтобы я непременно зашел к Ашне, не сворачивая с намеченного пути. Теперь он при помощи Полины отряжает меня в дорогу одетым и сытым. Отряжает, чтобы я не изменил направления. Митиленичу, вероятно, и в голову не приходит, что эта карга может выложить мне правду... Самое забавное, что у меня и в мыслях не было менять направление, а Митиленич болты рвет!.."

– Еще один вопрос, - обратился Гора к Полине. - Как Митиленич заставил тебя пойти на эту встречу?

– Мы у него в руках, я и Санцов. Он знает, что я сбила пешехода, а в тюрьму сел Ашна, понятно? По-моему, больше у тебя не должно быть вопросов. Самое время поужинать, отоспаться, а завтра с утра тронемся в путь. Знаю, тебя ограбили и ничего, кроме саней, не оставили. Получишь всё, что нужно.

Цезарева кликнула Ашну, отдала кое-какие распоряжения и взялась подавать ужин.

"Ну, знаешь, если ты столько времени угрохал на эту музейную редкость - стерву Лину, то освежи в памяти и других женщин из своего прошлого... Любимых?.. Нет, других, мимолетных... Тогда давай о Вальках, их скопилось целых шесть... Послушай, не все были шлюхами, первая, факт, была порядочной. Вторая - да, не спорю, но... Ладно, с которой начнем? С любой, лучшего развлечения не придумаешь!.. Тогда с Вальки из Джанкоя!.. В какой последовательности, хронологической? Нет, по выбору души. Мусор нужно сгребать в кучу!.. Да не мусор это, а люди, люди, раздавленные жизнью. Пятеро из них, по крайней мере. Их ли это вина? Ладно, ладно. Валька из Джанкоя, пожалуй, больше интересна тем, что она - плод фантазии Бекира-циника, а сам Бекир чего-нибудь да стоит, хорошее развлечение... Впереди еще четыреста километров, любезный Гора... Как говорится, с таким скарбом!.. Богу спасибо скажи, что есть у тебя скарб... Что-то ты стал перескакивать с одного на другое. Может, с головой что не так?.. Да я не об этом! Не знаю, хватит ли сил или нет... Ха-а, вспомни: "Но человек есть нечто, которое должно превозмочь!" Мне не попадал "Заратустра" на грузинском. Как же эта фраза звучит по-грузински?.. Есть, в конце концов, предел - я прошел две тысячи километров... Это по кочкам да ухабам!.. Пусть так, разве мало? А другие больше смогли? Хочешь оправдать свое желание пойти на компромисс. Так?.. Вот районный центр. Конюшня, больница и пара пьянчуг в белых халатах тебе гарантированы. Пациент-рекордсмен!.. Пстой, пстой! Не забывай, что основной принцип побега: жить! Только идиоты бегут, чтобы умереть. Прикинем, сумеем ли мы при нынешнем состоянии здоровья одолеть оставшиеся четыреста километров. Ноги болят. Зубы, вернее, десны ноют - цинга. Ее еще скорбутом называют. Ладно, Бог с ней. Суставы в бедрах ломит, мочи нет. Тоже, по-твоему, авитаминоз? Не знаю, но от хвойного отвара меня уже наизнанку выворачивает... Я вот что говорю: может ли так случиться, что я заявлюсь в больницу, меня примут, потом явятся оперативники и заберут?.. А ты возвел Митиленича в председатели общества милосердия?.. Не навлекай беды на свою голову... Может, все-таки оставят в больнице, подлечат, а там, глядишь, дам деру - я же везучий... Везучий до поры!.. Есть над чем подумать... Но выздороветь с их помощью, а потом сбежать - в этом есть свой смак! Хорош был бы финт!.. Ты ищешь оправданий своей слабости. Плоть понуждает. А ты

прислушайся к душе! Думай о чем-нибудь другом, тебя ждет Валька из Джанкоя... Подождет. Я почти довел дело до конца... И ты поверил, что я обращусь в больницу? Я только рассматриваю возможность... Ладно, ладно. В три дня раз по Вальке - вот тебе и восемнадцать дней... Начнем. Первая - Валька из Джанкоя. Списанная шлюха. Как говорят при оценке оборудования, морально и физически изношенная. Ее выписал Бекир из крымского города Джанкоя. По мне, цинизм профессия, и Бекиров был по профессии циником. Взять хотя бы случай с Акопом. В лагерях и вообще в местах заключения отношения между мужчинами и женщинами завязываются несколько необычно. Эта история произошла в Норильске, не так ли? Да, в Норильске, на строительстве города. Мужская и женская зоны были разделены колючей проволокой. То есть мы видели друг друга, даже беседовали, если можно назвать беседой перекрики... Короче, короче, любезный Гора... Да, знакомство и дружба начинаются с перекриков выясняются данные, самые различные: имя, фамилия, из какого города и прочее. После этого из зоны в зону перелетают камешки, обернутые письмами и перевязанные шпагатом. Иногда в письмах содержится просьба найти желающего переписываться! Ничего удивительного, людям свойственна потребность общения, тем паче тянутся друг к другу мужчины и женщины... Так вот, уважаемый, за письмами следуют подарки. С женской стороны обычно летят вышитые думки, носовые платки, какая-нибудь мелочь; с мужской - сработанные в лагере украшения или малая толика денег. Потом налаживаются постоянные отношения, которые в основном выливаются в обоюдную поддержку... Словом, без преувеличения можно сказать, что для заключенного такая переписка имеет жизненно важное значение. Была переписка и у Бекирова. Об этом знал цирюльник Акоп, потому как Бекиров давал ему пару раз почитать письма от своих зазноб. Эти послания привели Акопа в такой восторг, что он, занимаясь своими клиентами, ни о чем другом не мог говорить. Как-то раз он попросил Бекирова найти и ему кого-нибудь, с кем бы он мог переписываться. Бекиров охотно согласился и даже сам продиктовал ему первое письмо. Ответ не заставил себя ждать, завязалась переписка, и, пользуясь словарем сентиментальных романов, душа бедняги Акопа, жаждавшая страстей, завязла в ногтях любви. Обязанности почтальона взял на себя Бекир. Как известно, удовлетворение подобных чувств требует денег. Акоп положил своей возлюбленной пятьдесят рублей в месяц. Для цирюльника сумма не разорительная, поскольку профессия брадобрея в лагере денежная, каждый клиент оставит по рублю. Словом, небо было солнечным и голубым до тех пор, пока в Акопа не вселился червь сомнения, нет ли тут подвоха. Он послал своей сударке письмо через другого почтальона, и... Да-а, мне довелось увидеть то, что может выпасть на долю смертного, разве что при большом везении, да и то раз в жизни, не больше, потому как подобные зрелища относятся к категории неповторимых: распетушившийся Акоп-брадобрей с двумя опасными бритвами в руках бегал из барака в барак и диким голосом вопил: "Где этот татарин?!"

Дело в том, что Бекир Бекирович Бекиров, наряду с обязанностями почтальона, исправно исполнял и любовные обязанности Акопа-брадобрея, к тому же в течение всех этих шести месяцев прикармливал его денежки. История кончилась тем, что цирюльник получил утешительное письмо из женской зоны с уверениями, что его зазноба всегда вовремя и в полном размере получала любовные подношения и что теперь у нее вышел срок, ничего не поделаешь, а все остальное - сплетни, пустые наговоры. Письмо пролилось бальзамом на душу брадобрея, его "общественное реноме" было восстановлено. Справедливости ради нужно сказать, что цинизм Бекирова имел под собой основания... Бекиров, сын крымского татарина, в годы фашистской оккупации, мальчиком лет тринадцати-четырнадцати, удрал от своих родителей, людей интеллигентных, и пробрался на румынский пароход. Беспризорный отрок объездил весь свет. Бог свидетель, какие только испытания не выпали на его долю...

Борьба за выживание выработала в нем цинизм, подавивший врожденные качества. Вернулся он уже полнолетним, заматеревшим в нужде. На его земле процветало чужое семя, родные, да и весь народ, были сосланы в Среднюю Азию. Пожил он тут немного и, не имея за собой никакой вины, разделил участь всех возвращенцев. Бекиру дали десять лет. Он был

шутником, острословом, но, коль скоро не верил людям, его юмор выливался в цинизм.

Эпизод с Валькой из Джанкоя следовало бы внести в учебники цинизма всех народов и времен, а может, и в книгу Гиннеса. Мы работали в каменоломне, в Восточной Сибири, дробили щебень, производили и другие строительные материалы. Прораб передоверял мне дела, а сам где-то пропадал до вечера. Работало целых двадцать бригад - до тысячи заключенных. Баба ну, где ее возьмешь, но иногда нам удавалось проводить баб в те зоны, где работы шли только днем. Вот как это делалось. Если за территорией зоны появлялась какая-нибудь краля, златоуст из заключенных вступал с ней в переговоры. Результаты, естественно, зависели от нее, она могла ответить на красноречивые зазывания словом, письмом или даже любовью. Всяко бывало. Если на предложение мужчины она отвечала согласием, тогда препятствия ей были ничем. А предложение было вот каким. Ночью рабочая зона пустовала. Зэк готовил надежное укрытие, чтобы никто не смог его обнаружить, и сообщал даме своего сердца точное местоположение, разумеется письменно, а не перекрикиваясь. Это трудное дело, потому как провернуть его надо тайком от конвоя и надзирателей, что очень не просто, а потом, не исключено, что может настучать кто-нибудь из лагерников; когда встреча наконец оговаривалась, дама приходила в укрытие и ночевала там. Наутро конвой приводил заключенных, проверял вместе с надзирателями зону и, убедившись, что все в порядке, приступал к делу: одна часть конвоя занимала места на сторожевых вышках, другая - пересчитывала заключенных в зоне. Все. "Влюбленные" в течение целого дня оставались наедине! Вечером конвой угонял заключенных в лагерь, а дама отправлялась восвояси, но при желании могла наведаться и на следующий вечер. Голь на выдумки хитра. Затея частенько терпела неудачу, но последствия были пустячными: дама должна была за двадцать четыре часа поменять местожительство, то есть удалиться от данного населенного пункта не менее чем на двадцать километров. Собственно, при определенном накале чувств преодолеть эти двадцать километров труда не составляло. Короче, нет ничего невозможного, и Бекир Бекирович Бекиров построил свой план именно на этой возможности... Интересно, почему все называли его по имени, отчеству и фамилии? Он был совсем молодым, лет двадцати пяти-двадцати шести, краснощеким, всегда веселый... Откуда мне знать! Да, однажды он сказал, что у него в Джанкое есть на примете проститутка, можно бы ее выписать. Я принял его слова за шутку. Прошел месяц или больше. Как-то раз мы вошли в зону, Яков Абрамыч Шерман открыл, по обыкновению, свою инструменталку, намереваясь начать выдачу инструмента, но, несмотря на сильное недовольство присутствующих, вынужден был тотчас закрыть ее. Примчавшись ко мне, он шепнул на ухо: "В инструменталке баба" - и, потрясенный, вперился в меня. Что мне было делать? Никто не видел, говорю? Он покачал головой. Начнешь раздавать инструмент, заметят - спрашиваю. Нет. Тогда ступай, раздавай, говорю. Он ушел, у меня в голове молнией мелькнула мысль: не бекировская ли это шлюха? Послал кого-то за Бекировым. Он не выказал особого энтузиазма: пусть остается. В те времена зарплату лагерникам давали на руки, так что в зоне деньги водились. Бекиров учел этот факт и стал сдавать Вальку напрокат. Валька из Джанкоя оставалась в инструменталке денно и ночно. Дело оказалось прибыльным. Бекиров по уговору обеспечивал красотке личную гигиену, пропитание и двадцать пять рублей с каждого клиента, что и исполнял неукоснительно. Правда, установленная им такса исчислялась стольником, но подобная безбожная эксплуатация, к тому же в условиях социализма, объяснялась Бекировым высокими накладными расходами: проездными, командировочными и прочее... Помимо того, что Бекиров полностью обеспечивал эксплуатируемую особу, он еще и оплачивал "веселый" Валькин труд, когда случалось по дружбе приводить к ней своих приятелей за просто так. Если еще учесть, что автором идеи Валькиного приглашения был сам Бекиров, приходится признать, что он по-своему был прав. Но Валька из Джанкоя, то ли жадность ее обуяла, то ли обострилось чувство протеста против социальной несправедливости, завела себе "левых" клиентов: чего, мол, этому татарину стольник платить, когда я и за пять червонцев могу обслужить. Бекиров счел этот выпад оскорбительным для своего престижа, впал в ярость и пригрозил своему "средству производства": "Еще раз позволишь себе такое, попомнишь кузькину мать!" По моему с

Валькой наивному разумению, это были пустые угрозы. Что он мог ей сделать? Ровно ничего. Посему Валька гнула свое. Гнула и в один прекрасный день влетела ко мне в таком гневе, что рядом с ней Акоп-брадобрей показался бы улыбающимся херувимом. Эта тщательно законспирированная особа вопила так, что часовой на вышке взялся за телефонную трубку - сообщить в штаб, что в зоне убивают женщину! Бекиров только вышел от Вальки, сидел у меня и, я уверен, ждал эффекта от своего там пребывания. Девка истошно кричала: "Что мне теперь делать!" Бекиров сидел, погруженный в свои мысли. Попервоначально я решил, что он ищет способ помочь ей. Какое там! В ответ на Валькины крики он вымолвил одну-единственную фразу: "А что я тебе говорил?!" Сбежались надзиратели, Вальку волоком поволокли в караулку, а она все не могла уняться. "Что ты ей сделал, черт?" - спросил я Бекирова. "Что заслуживала!" - мрачно отрезал он. Уже вернувшись из карцера, Бекиров рассказал: тешась с Валькой любовью, он надел на свой член половинку яичной скорлупы и затолкал ее Вальке в чресла! Я опешил. Что это? Безграничное презрение или равнодушие? Может, и то и другое... А сочетаются ли они? Эти Вальки меня почему-то здорово занимают... Странно, с чего бы?..

Среди них есть такие, что, кроме гадливости, никаких других чувств не вызывают. Что же тебя занимает?.. Не знаю, может, мне не по себе от этой встречи с мерзавкой Линой!"

Гора сдержал слово, в течение трех суток и близко не подпускал к себе ни одну из Валек. На четвертый день погрузился в воспоминания.

"Значит, так - вторая Валька. В Белоруссии, в Минске, во внутренней тюрьме МГБ я то ли провинился, то ли нет - точно не скажу, но на меня надели наручники и повели вниз, в карцер. Там, в коридоре, приказали повернуться лицом к стене - я догадался, кого-то выводили, освобождая камеру для меня. Мне удалось подсмотреть, это была женщина, ее завели в соседнюю камеру. В освободившуюся втолкнули меня и сняли наручники. Камера, как и повсюду, являла собой стандарт, разработанный научно-исследовательским институтом Министерства госбезопасности СССР полтора метра на три, маленькое оконце с выбитым стеклом и складными нарами с висячим замком. В камере было градусов пятнадцать мороза, тьма кромешная. Как видно, представительнице прекрасной половины человечества облегчили страдания - перевели в камеру с застекленным окном, а мне, представителю менее прекрасной половины, любезно предоставили возможность разделить ее прежнюю участь. Ясное дело, я стал ходить из угла в угол. Ни сесть, ни встать. Ходил, ходил. Все равно продрог, оправиться хотелось ужасно. Подошел к параше, прикрытой куском дикта. Наклонился снять крышку и увидел что-то округлое, продолговатое, мерзлое как камень. Я не понял, что это. Снова стал расхаживать взад-вперед. Чуть погодя из соседней камеры послышался женский голос:

– Эй! Ты кто? - Какой, дескать, ты масти?

– А ты? - откликнулся я. Мой ответ означал, что я не вор.

– Валька-Чайка! - представилась соседка. Я расспросил, по какой статье она сидит, разумеется, после того, как выложил свою подноготную. Валька-Чайка загудела в тюрьму за то, что пырнула ножом начальника паспортного стола. Пырнула, поскольку тот припозднился с выдачей паспорта после ее очередного освобождения.

– Слушай, фрайер! Ты там у себя ничего не видел? - обратилась ко мне Валька-Чайка.

– А что?

– На параше ничего не видел?

– Видел. Что это? - решился я удовлетворить свое любопытство.

Валька от души расхохоталась:

– Угадал?

Я подошел, еще раз посмотрел. Как будто понял, что это, но не решился облечь в слова свою догадку.

– Нет, - промямлил я.

– Говно! - крикнула она и разразилась хохотом.

Не стану скрывать, я растерялся. Как тут не растеряться, когда я и колбасы никогда не видел такого диаметра. Что тебе солтисон!..

– А чье такое? - простодушно осведомился я.

– Мое... чье еще!

– Ну и ну!

– Скука. Вот и лепила!"

Прошло три дня. Гора извлек из памяти третью Вальку.

"Это случилось в московской тюрьме Красная Пресня, где я ждал этапа. Я попросил коменданта сводить меня в каптерку. Стояла зима, нужно было достать из сумки теплые вещи. В полдень пришел надзиратель, мы спустились на третий этаж, женский, где помещалась каптерка. Пришли - закрыто на перерыв. "Стой здесь, сейчас приду", - сказал мне надзиратель и ушел. В женском корпусе надзирателями работают женщины. Вот появилась одна из них, окинула меня взглядом и ушла... Вернулась она со старичком, тоже заключенным. Он держал под мышкой стекло, из кармана пиджака торчал стеклорез. Надзирательница открыла дверь напротив... Из камеры хлынул такой смрад, что я покачнулся. Впустив стекольщика, надзирательница заперла за ним дверь и удалилась. Выждав, пока она скрылась за углом, я отодвинул заслонку и заглянул в глазок... Лучше бы я этого не делал! О стекле там и думать забыли. Женщины стащили со старика брюки и, распластав его на нарах, кинулись на него, отталкивая друг друга локтями. Я довольно долго наблюдал за тем, как то одна, то другая пытались пробудить к жизни мертвую мужскую плоть... В конце концов одна из заключенных с криком "Девоньки, понюхать дать надо!" - спустила с себя штаны, переступила через беднягу и стала тереться чреслами об его нос... Тут из-за угла высунулась надзирательница. Наверное, первый и последний раз в жизни я настучал на кого-то в тюрьме. Махнув надзирательнице рукой, я подозвал ее. Она подошла, заглянула в глазок. Бесшумно открыла дверь и крикнула: "Валька, поганка! А ну слезай сейчас же!" Вошла, ухватила Вальку за волосы и оттащила ее как кутенка, пиная ногами. Несчастный стекольщик едва ноги унес".

Четвертая Валька.

"В Восточной Сибири после прихода Хрущева к власти я получил пропуск, точнее, ко мне, беглецу, проявил доверие полковник Мамедов. Я стал работать экономистом. У меня в мыслях не было бежать, ибо я знал, готовилась реабилитация. Как-то раз, составив месячный отчет, я сел на мотоцикл и двинул в Главное управление. Автомобильных дорог на ту пору не было. Впрочем, что говорить о дорогах, когда и Тайшет-Ленская железнодорожная магистраль работала, так сказать, условно. Люди ходили по путям. Поскольку снег был плотно утоптан, можно было ездить и на мотоцикле. До Заярска оставалось каких-нибудь четырнадцать-пятнадцать километров, когда мотоцикл забарахлил. Я покопался в нем - никакого результата. Пришлось толкать в гору этукую махину. Я с ног валился от усталости.

Добравшись до первого же дома в Заярске, постучал - нужно было где-то переночевать... Дверь открыла старуха. Я объяснил мое положение и попросился ночевать, обещая заплатить, сколько надо, за ночлег. Она согласилась. Оставив мотоцикл в сенях, я вошел в горницу, в ней было жарко, топилась русская печь. Мы поговорили, у меня были с собой кое-какие мелочи, я подарил их хозяйке, дал денег... Заметив постель, чисто застланную, я полюбопытствовал, чья она. Старуха объяснила, что сама спит на печи, а тут ночует постоялица, хорошая девочка, приехала из России по комсомольской путевке. Вскоре пришла и постоялица со своим парнем. Они внимательно оглядели меня, парень достал из внутреннего кармана бушлата початую бутылку водки. Сели за стол. К горнице примыкала небольшая прихожая. В ней помещалась кровать, довольно просторная, с теплыми одеялами, старуха предоставила ее мне. Я разделся, лег. Молодые распили бутылку, ушли. Я так измотался за день, что уснул как убитый. Не знаю, что меня разбудило, - вероятно, громкие голоса под окнами моей спальни. Парень с девушкой возбужденно спорили. Потом раздался звук увесистой затрецины, и девушка вбежала в дом, немного повсхлипывала и успокоилась.

Дом объяла тишина, я уснул. Сколько прошло времени - не скажу, но проснулся я оттого, что кто-то скользнул ко мне в постель... Хотел я этого или нет, но что за этим последовало, понятно, да это и не имеет особого значения. Важно то, что Валька, занимаясь любовью, все приговаривала: "Вот тебе, Володька, вот тебе!" Разумеется, я и без того понял, что пришла она ко мне в пику Володьке, но пока я сообразил, как мне к этому отнестись, все было кончено, и Валька отправилась в свою постель.

Проснувшись поутру, я застал только старушку".

Пятая и шестая Вальки.

"Как давно это было! Моя Валентина, если, конечно, жива, уже постарела. А была такой прекрасной! Кубанская казачка, она работала в какой-то станице. Училась на заочном в Ростове-на-Дону, мечтала преподавать литературу в старших классах... Если кого-то и можно назвать красавицей, то ее - клевая была девка, ничего не скажешь! Стыдно признаться, но то, что ее звали Валентиной, коробило, отталкивало меня, я мучился ассоциациями навидался всяких Валек. Бзик, ничего не поделаешь! Разве можно ставить их на одну доску?! Интересно, Вальками они сами себя называли или как? Берут же себе беглецы расхожие имена... Зачем далеко ходить? Ты сам кем только ни был: Гелашвили, Гиоргадзе, Майсурадзе - эти фамилии у всех на слуху... Окстись, я скрывался, не мог же я носить свою фамилию?! А им от кого скрываться?! За ними же никто не гонится?.. Итак, был сорок шестой или сорок седьмой год... Карачаевцев выслали, Клухори присоединили к Грузии, движение в сторону Владикавказа стало оживленнее. Меня послали в Ростов-на-Дону на курсы повышения квалификации. Ехать ужасно не хотелось. Я бы вообще не поехал на эти чертовы курсы, но перевал был открыт, и я подумал, что, так как движение из Грузии стало интенсивным, лучше бы на время убраться в Ростов, дабы не напороться на грузинских чекистов или просто знакомых. С Валею я познакомился в гостинице, она приехала на сессию. Впервые я встретил ее в ресторане - ужинал поздним вечером и увидел ее со спины, у нее были пушистые волосы удивительного цвета. Я покрутился, любовался ею - она была божественна. В ту ночь я глаз не сомкнул. На второй день я подошел к ней и выпалил: так, мол, и так! Порядки в гостиницах были полицейскими, наша - не составляла исключения. Пришлось снять на Боготяновской комнату у старушки с отдельным входом и мокрой точкой. Я был занят в дневные часы, Валя - в вечерние. Встречались мы практически ночью. Когда Валя уходила, я отдыхал, потом выходил в Город, проводил время в бильярдных - довольно надежное убежище для беглого политического заключенного, там, если кого и ищут, то только воров и бандитов. В первые же свои выходы я заметил, что перед нашим домом собираются в пух разряженные и размалеванные девицы. Присмотревшись, я понял, что тут гужуются шлюхи. Должен признаться, меня с юности занимала жизнь этого люда, их психология и характер ремесла.

Как-то вечером я вышел из дому и замер: сексуальный мир Ростова-на-Дону заметно обогатился. Я присмотрелся. Ко мне подбежала одна из девон, в жизни не встречал таких крошечных созданий - точно кукла, едва доставала мне до ребер. Стояла и улыбчиво ждала моих слов. Я молчал.

– А я высоких люблю. Валька! - объявила она со смехом.

– А я миниатюрных девушек, но у меня нет времени! - отозвался я, протягивая ей червонец.

Она даже не взяла, а выхватила его, думала, что я разыгрываю ее. Какое-то время постояла, выжидая, не потребую ли чего-нибудь взамен. Потом поблагодарила и пошла, виляя бедрами. Пошел и я своей дорогой, перебирая в памяти всех Валек своего прошлого. Вот бзик так бзик! Как бы там ни было, проститутка Валя на протяжении того месяца, что я снимал комнатушку, почти каждый раз, заведя меня на пороге, подбегала за своим кровным червонцем и получала его. По тем временам червонец немного стоил - три-четыре килограмма хлеба или пол-литра водки со сдачей.

Прошло два года, я снова попал по делам в Ростов-на-Дону. Вернулся как-то в гостиницу, уставший, измотанный. Только задремал, как звякнул телефон.

– А я высоких мужчин люблю.

Валя! Разумеется, я вспомнил ее и даже обрадовался.

– Ты откуда взялась, негодница? - засмеялся.

– Я теперь здесь работаю. Можно приду к вам?.. Просто так... Повидаться хочется. Можно?

– Ну валяй!

Прошло не меньше получаса. Раздался стук в дверь. Я оправил одежду, открыл дверь и... Передо мной стоял официант с тележкой - бутылка шампанского, какие-то закуски... "Я ничего не заказывал", - пробормотал я.

Официант посмотрел на дверь, убедился, что не ошибся номером, и пожал плечами.

– Ваша женщина велела!.. - сообщил он шепотом.

Я засмеялся, впустил его. Он накрыл на стол и ушел.

Вскоре явилась и "моя женщина". Та же искренность во взгляде, тот же смех. Все существо ее лучилось благодарностью к жизни. Валя "работала" при гостинице, поскольку у нее был сутенер, обеспечивавший ее клиентами из постояльцев. Я всегда испытывал жалость к проституткам, считал их жертвами злой судьбы и спросил у Вали, что она думает на этот счет.

– Женщина должна рожать, воспитывать детей или тешить мужчин. Другого назначения у нее нет! - твердо сказала она.

Зазвонил телефон. Мужской голос спросил Валу. Вызывал шеф! Она торопливо распрощалась.

– Мне на седьмой... Хотите вернуться? Я высоких люблю... - Она не закончила фразу и, засмеявшись, ушла.

Я смотрел ей вслед, пока она шла по коридору. Вернувшись в номер, оглядел разоренный стол и от души расхохотался: меня, бывало, угощали воры, бандиты, хулиганы, но чтобы

проститутка, на деньги, заработанные своим ремеслом?! Не доводилось!.. Ну что, доволен? Знаешь, что я тебе скажу? Этими Вальками и прочей дребеденью ты себя оскорбляешь... И слушателей! Сколько раз я рассказывал об этом в кругу друзей! Они слушали с интересом, но им было неприятно... Кое-кому из них, не всем!.. Как бы то ни было, не будем больше о плохом, подождем, пока настроение поправится. Передохнем денька три..."

Целых три дня Гора и вправду думал только о своей дороге - он умел заставить себя. А еще он умел стирать из памяти то, о чем мог проговориться во время пыток. Он частенько говаривал: "Чего не знаешь, того не выдать!" На четвертый вечер, немного оживившись, он снова пробудил в душе воспоминания.

"Здорово разозлила меня эта баба, змея подколодная! Пожалуй, не в ней одной дело. Ты был подавлен оттого, что вдруг почувствовал: пришла пора уходить, и нет чтобы выбросить из головы эту мысль, стал пуще растравлять себя из пальца высосанными доводами; договорился до того, что в покойники себя записал. Ладно, не будем об этом. О чем поразмышляем?.. Вспомним Силу, сколько раз собирались, да все откладывали до лучших времен... Да, Силу я увидел впервые в Карабазском лагере, куда попал из Караганды за побег. В этом распределителе была установлена суточная норма воды: три литра на человека из расчета полтора литра на кухню для баланды, остальное - хочешь мойся, хочешь стирай, хочешь клизму себе ставь... Три литра, как же, держи карман шире! Вода доставалась по ранжиру: сначала тем, у кого авторитет, потом, в общей свалке, - тем, кто посильней, остатки - тем, кто половчее. По шестьдесят-семьдесят трупов выносили среди бела дня. Обматывали проволокой ноги - и айда! Мне тоже доводилось, правда в других местах, выволакивать трупы. В этой пересылке было четыре зоны: три - мужские, одна - женская для заключенных разных мастей. Впрочем, зонами они только назывались, их разделяла проволока, ступай себе куда хочешь. Я был политическим беглым; с мастьями делить мне было нечего, я мог выбрать любую зону. В одном из барачков я нашел свободное нижнее местечко и, бросив узелок на нары, прилег. Стояло жаркое лето. Чтоб увеличить доступ воздуха оконные рамы выставили, но от жары это не спасало. Я устал после дороги и вздремнул. Меня разбудил густой, рокошущий бас:

– Эй ты! Спросил, чье это место?!

– Нет!

Пришелец несколько опешил от простодушного ответа, но тут же нашелся:

– Это наша зона, воровская. Тебе сказали?

– Я не спрашивал, - ответил я смеясь, настолько меня поразило несоответствие между голосом и тщедушным строением - плотный бас в щуплом, взъерошенном существе, сильно смахивавшем на оголодавшего после зимы воробья.

– Чего лыбишься, ты кто?!

– Спокойно! Я - бывший и вечный студент. Звать Горой. А тебя?

– Гора!.. Как же, знаю. - Мой собеседник с трудом сдерживал распиравшее его любопытство. Убедившись, что сумел сохранить достойный вид, он как бы между прочим сообщил: - Я Сила. Ты, верно, слышал. - Он смотрел на меня такими умоляющими глазами, что, ответь я отрицательно, он бы расплакался.

– Слышал, - соврал я. - Тебя куда?

– Не знаю, нас, воров, загребли из четырнадцатого штрафного.

Нашлась же в Советском Союзе сотня людей, и не одна, которая волочила вместе с Лениным бревно на пресловутом субботнике. Так и в лагерях: дерзкий побег не только тема, одна из главных, для разговоров, но и возможность для определенной части зэков похвастать если не тесной дружбой с беглецом, то хотя бы совместной отсидкой в прошлом. Наш последний побег был дерзким, с жертвой, и в лагерях нас знали поименно. Вероятно, эти подробности врезались Силе в память, оттого и имя мое ему показалось знакомым.

Взобравшись на нары - он занимал место надо мной, - Сила принялся без умолку болтать, изо всех сил стараясь произвести на меня впечатление матерого вора в законе. Дудки! Он был скорее пристяжным, вором от него и не пахло - опытный зэк с полувзгляда определяет масть, со временем вырабатывается нюх. Во всех распределителях есть спец, который, не расходуя слов, одним движением пальца разбирает прибывший этап по мастям. Мог ли я ошибиться!

Сила долго еще рокотал. Потом наконец умолк, вероятно, задремал. Прошло время, заскрипели доски, и Сила, спрыгнув, объявил:

– Пойду поиграю, развлекусь маленько. Вишь, вон там, у воров берлога, играют без передыху... Ха-ха-а, воры, как же! Там воров, раз-два и обчелся. Остальные - черти с мутного болота.

Прошло несколько часов. Раздалось мурлыканье, совсем близко. Это явился Сила с увесистым узлом в подхват - тряпьем, сложенным в ношеную рубашку и рукавами же рубашки завязанным. Закинув узел на нары, он влез и принялся разглядывать, перебирать выигранные вещи, при этом он, на манер зарубежных певцов, а может и лучше, напевал хриплым голосом. Я чувствовал: он с нетерпением ждал, когда я заговорю с ним.

– Что, снова напал на фрайеров?! - попытался кто-то подольститься к нему в надежде поживиться чем-нибудь из выигранных вещей.

Сила сделал вид, что ему нипочем комплимент, и подозвал льстеца:

– Поди сюда, оголец!

"Оголец" оказался старым паралитиком с перекошенной губой и скукоженной правой половиной тела.

– На, бери, не жалко! - Сила торжественно протянул "огольцу" пару носков, достал из-за пазухи деньги, пересчитал их: - Вот двадцать пять рублей, отнеси их Сойке, он знает! Спрячь подальше, не нарвись на собак, отберут. Ступай. Бегом.

"Оголец" и впрямь устремился бегом - одной ногой он ступал нормально, другую приволакивал, поэтому "в беге" ему приходилось чаще перебирать парализованной ногой.

Сила красочно, со вкусом расписал, как ему удалось до нитки обобрать "чертей с мутного болота". Доложил и о том, что выиграл сорок восемь рублей и шмоток, почитай, на пару тысяч. Цена лагерных шмоток, мягко говоря, условная. Обычно, когда речь заводят об их стоимости, имеют в виду игровую стоимость, а не за сколько их можно толкнуть. Это на самом деле тряпье, покупателя на него не найти даже перекупщику, поднаторевшему в своем ремесле, но для игры они годятся. За ветхие штаны, что просят заплат, можно выиграть годовую пайку сахара с наличными в придачу.

Посланец вернулся, извлек из-под рубахи завернутый в ветошку "мерзавчик" и протянул его Силе. Тот вышиб пробку и прильнул губами к горлышку. Не знаю, болезнь это была такая или так от рождения были устроены его кишки, но я слышал не только то, как он глотал, но и то, как спускалась жидкость до желудка и дальше. Оставив самую малость на доньшке, он

протянул мне пузырек:

– Пей, интеллигент!

– Не хочется. - Мне действительно не хотелось.

– Не хочется? - с сомнением переспросил он.

Я промолчал, и тогда Сила торопливо опорожнил пузырек - дескать, не передумал бы. Опорожнил и зарокотал. Он рассказывал о своих выигрышах, вкрапывая в них сведения автобиографического характера. Затем спрыгнул и объявил:

– Пойду корешей повидаю, может, какого-нибудь фрайера наколю.

В лагерях частенько случалось заключенному, выпив пару глотков водки, мыкаться из барака в барак, нарываясь на драку. Был и стимул для этого: если ты мог позволить себе купить водку - значит, ты судьбою меченный! Мыкался лагерник, раззадоренный хмелем, рвался в драку. Не случалось затеять ее с кем-нибудь из заключенных, цеплялся к надзирателю, пока не оказывался в карцере, зато это приключение работало на его авторитет.

– Не ходи, ввяжешься в историю, - посоветовал я, зная наперед, что он не станет меня слушать.

– Я? - удивился Сила и пошел. Сделав шагов десять, остановился, задумался, вернулся.

– Интеллигент, тут двадцать три рубля, спрячь хорошенько... Я скоро вернусь.

Он припозднился. Я справился о нем. Дай-то Бог, чтобы все мои предсказания так сбывались... Сила пристал к какому-то офицеру: ты, дескать, кривой на один глаз. Тот, вероятно, пропустил бы мимо ушей поклеп, но в нос ему ударил запах водки...

Трое суток!

Силе заранее был известен финал прогулки, иначе зачем бы он стал оставлять деньги?

Клеветник-визитер вернулся на следующее же утро. По счастью, в тот вечер воры насмерть сцепились с "суками", возникла нужда в свободных карцерах, и поддавшего накануне постояльца попросили освободить апартаменты.

Оставшуюся часть дня Сила посвятил отдыху, восстановлению формы. Время он в основном провел в окрестностях кухни, но чуток перебрал с кашей, крупа оказалась гнилой, и Силе пришлось извиняться передо мной: "Ни моя вина, живот сводит! Еще бы в руках палачей!"

Вечером он пересчитал деньги, отметил, что нужно бы пополнить кассу, и отправился играть. Силе свойственно было оповещать всех о своих намерениях. Рокотал он неумолчно, но правды ради нужно отметить, рассказчиком он был хорошим.

Сила ушел, но через час влетел, крайне взволнованный, сгреб все тряпье, какое было, и умчался. Вернулся он поздно вечером, и возвращение его было печальным. Он не пришел, а приполз в одних замызганных трусах, зато с бабочкой на шее. Он не мог ее снять, поскольку играл на это, такова была ставка: в случае проигрыша он должен был раздеться до трусов и оставаться с бабочкой на голой шее. Тут не отвертись.

Влез Сила на нары, до меня донеслись всхлипывания. Сила плакал! Сначала - без слов, потом сопровождая рыдания горькими причитаниями. Лично мне прошлое Силы открылось в основном из этих причитаний.

В юношескую пору судьба привела Силу в отряды Нестора Махно. Сила объяснял этот шаг так: в те времена иначе не получалось, нужно было непременно держать чью-то сторону. Лично я убежден, Силу к Махно привели не убеждения, а жажда пожить и жизнь сохранить. Его обязанности в войске Махно сводились к следующему. Обоз родоначальника украинского анархизма числил, помимо прочего, вместительную повозку сахара. Когда войско разбивало лагерь где-нибудь поблизости от еврейского местечка, Сила шел туда и предлагал сахар. Поторговавшись и договорившись о цене, он приводил с собой покупателя и показывал ему товар. Бывали случаи, когда ему удавалось сбыть сахар вместе с повозкой и запряженной в нее лошадью. Рассчитавшись с Силой, евреи забирали повозку, а в нескольких верстах их поджидал отряд махновцев, отбирал товар и возвращал его в обоз. Эта практика длилась достаточно долго, но в конце концов накрылась, поскольку слишком много развелось любителей нагреть руки. Сила порвал с анархизмом, навсегда распрощался с теми краями и, по его собственному выражению, "отдался базару" в белорусском городе Ошмяны. Тут непременно нужно сказать пару слов о гражданине Шмулевиче, которого Сила поминал в своих причитаниях крепким словом. Шмулевич был одним из тех, кто некогда купил у Силы сахар. Он оказался человеком феноменальной памяти, живо узнал барыгу, раз виденного десять лет назад! Подначивая Силу, я задал ему вопрос, употреблял ли Шмулевич после той пресловутой сделки сахар в качестве пищевого продукта или вообще изъясил его из своего рациона?..

Он не знал.

Как бы то ни было, в двадцать девятом году Сила схлопотал десять лет, а поскольку у него был нюх, он тотчас смекнул, что человеку с его биографией лучше всего отсиживаться в тюрьме мазуриком. С тех пор он строил из себя бывшего вора, и иногда, представьте, у него это получалось.

Пока я не приступил к следующей части биографии Силы, то есть к истории с гармонью, отмечу, что бабочку с шеи он снял благодаря мне. Я дал ему новенькую украинскую рубашу, подаренную Славой Нагуло. Он сел, сыграл, выиграл. Снова напился, пошел мыкаться по баракам. Дьявол заманил его в "сучью" зону. Там, как выяснилось, Силова пропаганда воровских законов привела аборигенов в такую ярость, что я едва узнал его по возвращении так его отлупцевали. "Суки" сочли его мертвым и только поэтому отцепились, иначе не миновать ему проволоки на ногах. Что касается гармони, об этом лучше рассказать от лица Силы:

– Что я за человек! Будь у меня капелька ума, не вцепился бы в эту гармонию! Вон сколько фрайеров с деньгами, тьма-тьмущая. Где их только откопали, всех этих старикашек, инженеров и профессоров?! К нам на "Беломорканал" их пригнали табуном, все как один в пальто с меховыми воротниками из каракуля и выдры, в очках в золотой оправе. Я себя чувствовал как в харьковском ломбарде! Стоило пальцем ткнуть - они сразу все с себя снимали. А я, дурак, позарился на гармонию! Люди банк брали и получали за это пять, ну, от силы, восемь лет. А мне за гармонию - десять?!

Дело тут было не в гармонии, проступок квалифицировался как лагерный бандитизм. Есть такое юридическое понятие, тянет на десять лет. Какому-то зэку дали в качестве премии, как передовику труда, гармонию. Сила вознамерился отнять ее. Владелец уперся. Сила пырнул его ножом в ягодицу случай этот пришелся на тридцать третий год. Дата освобождения отодвинулась до сорок третьего. Жизнь полна неожиданностей, Сила знал об этом, но предположить, что его ждет ампула политического заключенного, никак не мог. Когда лагеря переполнились контингентом тридцать седьмого года, пронесся слух, что Гитлер дал испить Сталину с Ежовым такого яду, что оба спятили и стали уничтожать собственных друзей. Мог ли прийти к иному заключению лагерный интеллект тех времен?! Прослышав об этом, Сила неосмотрительно брякнул: "Хоть бы дали им такого зелья испить, чтоб они оба ноги протянули". Хотели расстрелять. Потом учли малограмотность и удовольствовались

"червонцем". Силе полагалось выйти в сорок седьмом, через восемнадцать лет. В сорок пятом он хлопбыстнул палкой надзирателя, прибавил себе еще "червонец"...

Я встретился с ним в пятьдесят втором, мы пробыли вместе полтора месяца. Меня вызвали. Я попрощался с Силой. Знал, куда меня ведут. Пошел, присоединился к другим. Поодаль собирали лагерников, чтобы вести на работу... Вдруг поднялась суматоха, гогот - надзиратели волокли Силу.

– Вы не заставите меня, я в жизни не работал! Я вор и воров уму!.. А сапоги пусть чистят ваши жены-бляди!.. Вон кошкоеды - выводите их, пусть они вкалывают! - грохотал он густым басом.

Я не разглядел, отпустили Силу или он ускользнул, я только видел, что он припустил как заяц, продолжая издали материть надзирателей. Мне и в голову не приходило, что доведется когда-нибудь снова свидеться с ним, однако через год судьба свела нас на полуострове Таймыр, на строительстве города Норильска.

Меня перевели из одного лагеря в другой. Здесь, как и в прочих местах, зэков, возвращавшихся с работы, обыскивали так: заключенный раздевался и стоял нагишом, пока шмонали сначала одежду, потом его самого. В условиях Заполярья эта процедура, естественно, производилась в крытом помещении, поскольку тюремщикам нужны были рабочие руки, а не больные с воспалением легких. Подошел мой черед, я разделся. Стою, жду. И тут я впервые за время заключения увидел профессионального чистильщика обуви! Он сидел в углу на колоде, в кресле перед ним восседал офицер; чистильщик работал с удивительным мастерством и блеском. Я, вроде Ашны, испытываю особое уважение к профессионалам, именно их я считаю элитой человечества... Меня обыскали, я оделся. Чистильщик посадил в кресло человека в хромовых сапогах - привилегированного зэка, чекистского холуя. Я подошел к чистильщику, он на мгновение поднял голову, и я с изумлением узнал Силу. Мне припомнилось, как в Карабазе надзиратели волокли его, а он вопил что есть мочи: "Пусть сапоги чистят ваши жены-бляди!"

– Сила, здорово, как ты? - Бог свидетель, я обрадовался ему.

Сила вскинул на меня глаза и, смутившись, выдавил:

– Я умею варить ваксу... Лучшую ваксу...

Вот как жил Сила. Сидел, драил ботинки, копил денежки, рубль к рублю. Сколотив семьдесят пять рублей, совал нарядчику взятку - двадцать пять рубликов, и его отправляли в город на стройку с какой-нибудь бригадой. Там Сила договаривался с шофером, тот доставал ему за пятьдесят рублей пол-литра спирта. Сила выпивал и начинал склонять слоны[13], после чего надзиратели волокли его в карцер. Больше двух суток Сила никогда не сидел, он был нужным человеком - начальник лагеря страдал комплексом надраенных сапог. Вышвыривали Силу из карцера, и все начиналось по новой.

Однажды кто-то из лагерников заскочил в хижину бригады Лео Анчабадзе сказать, что бедняга Сила замерз возле бетонного завода, там, где бревна валяются. Я содрогнулся, бросился бежать.

Сила лежал навзничь на бревнах с примерзшей к рукам пустой бутылкой из-под спирта, лицо и ворот были в блевотине.

Беда стряслась с Силой на двадцать четвертый год его непрерывного заключения. Что было делать? Я взвалил его на спину и понес в медпункт. Там равнодушно констатировали, что Сила предпочел отправиться в лучший мир. Я воздел руки и громко, во всеуслышание, взмолился: "Господи, отпусти грехи по части сахара, гармонии и других соблазнов рабу своему

Силе, ведь он был продуктом государства и общества, созданных волею Твоею..."

Неприятный осадок от встречи с Полиной Цезаревой долго мучил Гору. К тому же в воздухе несколько раз появлялся вертолет, без сомнения следовавший его маршрутом, что тоже, естественно, не располагало к веселью. Выходило, что контакт Цезаревой с Митиленичем уже состоялся. Нужно было свернуть с дороги, вернее, с реки, затаиться на несколько дней и потом идти только по ночам. Груз - дары Цезаревой - "потяжелел". Воспоминания, даже забавные, тоже не могли поправить настроения. До встречи в условленном месте оставалось много дней, больше нужного. Поэтому Гора позволил себе свернуть в лес, устроиться в берлоге и полежать в ней до ночи. Вертолет покружился и улетел. Гора дождался сумерек, вытащил сани на ледяную гладь реки и двинулся дальше.

"Знаю, Митиленич, что у тебя на уме. Воображаю, в какую ярость ты впадешь, когда обнаружишь, что я ускользнул от тебя. Ничего не поделаешь, я мужчина и должен довести до конца свое дело... Ты доводи свое... Я приду в то место, где ты будешь ждать меня, приду, но ты сядешь в лужу, - увидишь, так оно и будет... Я всего раз видел тебя, но запомнил, и знаешь, кого ты мне напоминаешь?.. Михаила Михайловича Колосова... Только внешне. Доведись тебе побывать в тюрьме, ты, пожалуй, стал бы другим, не таким, как Колосков... Тюрьма полна Колосковых, опустившихся интеллигентов. Это - в основном бывшие большие люди... Сам он так представлялся: "Бывший главный инженер Главснаба Совета Министров СССР". Начальствовал в упомянутом учреждении Лазарь Михайлович Каганович. Это была одна из его должностей. Любовница бедняги Колоскова, супруга первого секретаря одного из московских райкомов, вдруг призналась мужу в своей неверности уже после того, как ее роман с Колосковым лопнул. Колосков получил двадцать пять лет, за "бытовое разложение", срок основательный, ничего не скажешь. Он сидел и все время что-то писал. Раз я спросил его, чем это он занимается на досуге. Он на полном серьезе объяснил: "Должен доказать, что мой следователь агент американской разведки!.." В ту пору бывшие шишки собирались в отдельные бригады, их направляли на легкие работы. Колосков нажимал на какие-то кнопки - это и была его работа, как будто чистая, однако спал он все равно в носках, стало быть, с черными от грязи ногами - он вообще не мылся. Однажды я и Котэ Кахидзе, бригадир этих шишек, сидели после работы, играли в нарды. К нам подошел Колосков и, едва не плача, пожаловался на то, что ему не дают хлеба! Котэ объяснил, что люди выполняют его распоряжение. "Ступайте, искупайтесь, тогда получите". Колосков молча помчался в баню. Мне стало жаль его, но Котэ считал, что надо заставить Колоскова хоть раз стать под душ! Местность изобиловала горячими источниками, лагерная баня была просторной, душой на тридцать, в ней всегда была теплая вода... Колосков вернулся через несколько минут, по лицу его стекали черные струйки. Котэ поднял на него глаза: "От него все равно толку не будет" - и велел выдать ему хлеб... Если не ошибаюсь, Колосков освободился по реабилитации. Мы узнали стороной, что он там и ушел в носках, с черными подтеками на лице... Гора, что ты выматываешь душу, сдался тебе весь этот мусор, изжеванный вонючим ртом и зубами. Дело, как говорится, заладилась. Мы шагаем сами по себе, Митиленич сам по себе. Пусть гонит, сколько влезет, свои вертолеты, оборудованные самыми современными приборами, он ведь только и хочет, чтобы моя поимка зачлась ему за артистизм: словил, как хотел и где хотел! Поглядим - увидим!.. Потому, любезный, прибавь шагу. Лед толстый не проломится! Нечего портить себе настроение, а через него и организм, поразмышляем о приятном... Как хорошо думается во тьме... Хотя... Когда я закрываю глаза, прошлое встает как в тумане, я не могу припомнить даты, фамилии, имена. А ты не закрывай глаза! Погоди, о чем повспоминаем? Об Испании? Да, о Томи и еще о многом, не так ли?"

Митиленич, одетый в кожаную куртку на меху, сидел на чемодане, в полном смысле этого слова - на фибровом чемодане среднего размера, в своем кабинете и только ждал звонка шофера, чтобы тронуться в путь.

Он сидел не сводя глаз с физической карты Обь-Енисейского бассейна. Путь заключенного Иагора Каргаретели был отмечен красно-синей кривой, которая прерывалась на

Дальневосточной железнодорожной магистрали и венчалась жирным восклицательным знаком. Хотя Митиленич был твердо уверен в том, что Гора именно в этом месте должен выйти на железную дорогу, тем не менее он волновался, вдруг не удастся осуществить поимку по задуманному плану.

Дверь открылась. Входить без стука в кабинет полковника значило нарваться на резкое замечание. Сотрудники Управления знали об этом. Митиленич сидел спиной и даже не обернулся на дверь, только слегка повернул голову, как бы спрашивая: кто это? В ответ раздался стук женских каблучков.

– Почему входите без разрешения? - Митиленич, по-прежнему не оборачиваясь, смотрел на карту.

– Перестань, не порчи!.. - Это была Мара, супруга Митиленича.

– Что-нибудь случилось, дорогая?

– Случилось, прочти! - Мара, улыбнувшись, бросила папку на стол и подбоченилась в ожидании эффекта. Митиленич бросил взгляд на папку.

– Это из отдела учета. Как она попала к вам, снабженцам?

– Нина принесла, Коротилова.

– Что-нибудь для меня?

– Да! Открой.

Митиленич открыл...

Пробежав первую страницу, побледнел, обмяк, потом подпер рукой подбородок и устремил взгляд на снежные просторы за окном. Прошло довольно много времени. Митиленич взялся за папку и стал читать. В ней было три-четыре страницы...

Дочитав, он поднял глаза на Мару.

– Что ты на это скажешь, дорогой? - насмешливо осведомилась жена.

Митиленич, помолчав, задумчиво спросил:

– Зачем принесла?!

– А что, не нужно было? - Мара усмехнулась. - Ты блаженный. Нет, сумасшедший, ей-богу.

Митиленич помотал головой:

– У меня нет другой профессии, я только сыщик! Понятно?!

Жена жалостливо посмотрела на него и, усмехнувшись, провела рукой по его голове.

– Ладно, ладно, тебе лучше знать. Успокойся.

Митиленич встал, обнял жену, улыбчиво глядя ей в глаза. Потом поцеловал в щеку, вернулся к папке, достал один из документов и спрятал его.

– Я возьму себе копию. Попроси Нину дождаться моей радиограммы, до этого пусть попридержит документ, не дает ему ходу.

– Скажу.

– До радиogramмы молчок, слышишь?!

Мара ушла.

Митиленич стал расхаживать по кабинету, размышляя: "Надо же! "Из-за отсутствия состава преступления!" Ни больше ни меньше, ну и времена настали!.. Раньше, бывало, приводили людей: "За что сидел, если ты хороший человек? Десять лет изволь! А теперь? Чего только не придумают - "за неимением достаточных улик"! Вот чудачки, ей-богу. Что это за следствие, если оно не может найти улики?! Будь арестованный хоть сам Господь Бог, всегда можно что-нибудь припаять... Брось, что в этом хорошего? Мара думает, что я малость того? Как-то странно она улыбалась... Потому и принесла папку, надеялась, что я откажусь от поездки. Нет, дорогая. Я слишком много сил положил, чтобы идти на попятный!.. Где это я вычитал, что существует книга жизни, роль жизни... Что там еще? Ах да! Дело жизни!.. О себе я могу сказать - операция моей жизни... "Из-за отсутствия состава преступления"? Ну и что, он ведь об этом не знает?! Никто меня не понимает; я должен победить его, иначе что получается - он сумел, а я нет? Он профессионал, а я - любитель? Победить достойного противника - ради этого стоит жить... А он?! Какой путь прошел!.. Шапки долой! Человеку все подвластно... Надо же! В одиночку..."

Зазвонил телефон. Поначалу Митиленич и ухом не повел. На второй звонок он слегка повернул голову, спокойно выждал и только потом, словно выполняя неприятную обязанность, неохотно снял трубку...

Митиленич продолжал размышлять в самолете: "В моем отношении к Каргаретели с самого начала была какая-то двойственность. Я не признавался себе в этом. С одной стороны, я совершенно сознательно ставил себе цель найти и взять его. С другой - меня точил червь, я не хотел такого конца, надеялся в глубине души, что он не выдержит стольких испытаний, помрет в дороге, и тогда мне не придется брать его. Со временем во мне что-то изменилось, я понял, что не хочу его смерти... После того случая я убедился, что он справится с трудностями и уйдет. Как ему удалось?! Охотник сообщил нам, что в его хижине лежит мужчина без сознания, незнакомец, явно беглый заключенный, которого мы ищем. Интересно, что с ним такое приключилось? Наверное, схватил воспаление легких. Когда мы нагрянули в хижину, его и след простыл: ни внутри, ни поблизости. Идем по пятам, а все никак не накроем - следы замечает! Представляю, как он намучился, пока добрался до хижины. Скорее всего, уходил он тоже больным - так быстро не выздоровел бы. Ну и здоровье, перенести на ногах воспаление!.. Такие люди не должны умирать!.. Кто знает, сколько раз ему приходилось перемогаться в пути. Я уважать его стал... Любить... Нет, при чем тут любовь... Недаром Мара говорит: "Хоть бы ты обо мне столько думал, сколько думаешь об этом подонке Каргаретели!" Впрочем, ясно ведь, я как бы вместе с ним переживаю его трудности. Чем это объяснить? Голова только им и забита, я видел проявление его воли и мужества... Вполне возможно, что я не объективен в оценке этого человека, в конце концов, я вылепил его личность сам, сделал его своим фетишем, придаю слишком большое значение своей грядущей победе дьявол честолюбия попутал... Интересно, какой он сейчас? В такие годы обычно мучают предвестья возраста, даже если живешь в роскоши. Могу себе представить, что пришлось ему вынести!.. Помню, каким он был, когда его привели. В формуляре значилось: "Беглец, склонен к бегству". Я спустился в подразделение, вызвал его. Он был в возрасте, но походка, повадки были молодежьими. Я подумал: "Этот больше не сбежит". Ан нет! Сбежал! Из Заполярья!..

Гора был доволен. Все устроилось как нельзя лучше. Несмотря на то что ему приходилось идти только ночами, к дачному домику Хабибулы, точнее, к пригородным участкам сосновчан он вышел в назначенный срок. Гора выждал, пока рассвело, выбрал место для наблюдения, замаскировался и до наступления темноты осматривался.

"Прекрасное укрытие! Жителей в Сосновке тьма, вон сколько участков целых пятьдесят, даже больше.

Теперь надо встать спиной к востоку и отсчитать третий домик направо. Отлично. Ну-ка, посмотрим в бинокль... То, что нужно! Какими здоровенными буквами написал: Хабибула. Впрочем, так он и сказал: Только приду, напишу!" Пообещал и выполнил. Стало быть, ждет. Хабибула - ты человек слова! Давно ждет?.. Почти пять месяцев... Сколько раз так бывало, люди освобождаются и даже писем своих корешей не доставляют по адресу... Доставляют? Как же! Рвут тут же, за порогом. Это понятно, когда выходишь из ада, хочется разрушить все мостки, связывающие с прошлым, чтобы навсегда вытравить из памяти, но... все зависит от человека. Это и называется совестью, чувством долга... Жизнь - проявитель, человек - опущенная в него пленка...

Так оно! Значит, Хабибула ждет нас. Он обещал наезжать каждое воскресенье. Вот только как он ведет отсчет? Может, ему надоест зря ездить, скажем, решит, что я мертв. Допустим, он был вчера, тогда еще неделю ждать? Главное, чтоб он еду оставил, как договорились... Ладно, уважаемый. Вот и ночь спустилась. Кажется, ничего подозрительного. После полудня пришаркал один старик, что-то захватил с собой в мешке. Только и всего. Больше ни души не было. Теперь главное - лежит ли ключ в условленном месте?.. Скажем, лежит. Это еще не значит, что Хабибула ждет тебя, не все же ключи в кармане носят!.. Ждет, Хабибула умеет держать слово!.. От твоего самомнения спятить можно. Ты все твердишь, что такого везунчика, как ты, нет больше на земле. Если это так, то не только ключи окажутся на месте, но и Хабибула объявится сегодня: здрастье, мол, как поживаете?.. Не удивлюсь. Когда я говорю, что мне везет, я имею на это право. Разве пример бедняжки Арфеник не явное тому доказательство? Погоди, как это было? После первого побега я пристроился на работу в издательство техническим редактором, занимался типографским делом. Бог свидетель, я и копейки не брал левой - беглец обычно чурается подобных дел. Поймают на рубле, раскроется побег - и привет! Да там и красть было нечего, все работали честно, но в какой стране мы жили? Типографским рабочим на хлеб не хватало. Что им было делать? Словом, не дашь сверху, толком ничего не сделают. А откуда деньги возьмешь? Как откуда? Выписывали человеку со стороны зарплату за якобы сделанную работу. Это называлось "платить мертвым душам", но они были не то чтобы совсем мертвые, большую часть выписанных денег они уносили совсем как живые, попробовал бы кто слово им сказать. Остальное было твоим, то есть ты должен был раздать их типографским рабочим. Вот как обстояли дела... У нас была "мертвая душа", звали ее Арфеник. Она работала в типографии, но в другой, не в нашей. Это была старая женщина, добрая и кроткая.

Нагрязнула ревизия. Копали, копали две недели. Ничего не обнаружили, доложили начальству: нет, мол, нарушений. Тогда на эту ревизию наслали еще одну. Настал их черед копать. Ничего! Ревизоры обозлились дальше некуда. Собрались уходить. Они бы и ушли, но то ли догадались, то ли шепнул им кто - трое отправились к Арфеник!

Связь с ней поддерживал я, стало быть, и перед законом держать ответ должен был я. Арфеник в простоте душевной могла выложить все как есть. Каково?! У меня испортилось настроение, что правда - правда. Я даже подумал, может, рвануть отсюда, пока не поздно, все равно это место мне не по душе.

Сижу я печальный, томлюсь в ожидании.

Вернулись ревизоры - мрачные, носы повесили.

– Ну что? - осведомился старший ревизор.

– Умерла та женщина!

– Арфеник? Я ее вчера видел!.. - воскликнул я.

– Вот вчера и померла!

Клянусь совестью, я расстроился, но... А если бы ревизоры застали ее в живых?.. Вот и говори после этого о невезении?!

А с брюками как вышло? О, это и впрямь классика! Может, не совсем, потому как никто не верит. Это случилось во время моего второго побега, когда я работал в Белоруссии директором завода. В Минске я познакомился с прелестной девушкой, она была личным секретарем министра. Я долго обхаживал ее - то цветочки принесу, то конфеты. В ту пору нравственность была иная, отношения - сложными, деликатными. Непросто склеить кого-нибудь было. Это теперь парень хватить девку за руку: пошли, мол, перепихнемся, и бежит за ним вприпрыжку. У нас все было иначе... Ладно, черт с ним! Наконец я решился пригласить ее в кино. Мы условились встретиться в половине седьмого после работы. Я жил в Молодечно, а в Минск наезжал по делам. Из гостиницы я вышел в десять минут седьмого. Лето, жара. Война пару лет как кончилась, разрушенный Минск отстраивался заново. Час пик, транспорт переполнен. Такси в помине нет. С грехом пополам втиснулся в автобус, там народу - иголке негде упасть. На полпути я с ужасом почувствовал, как в давке лопнули по шву брюки! Я пощупал - прореха примерно в пядь длиною... Сзади! А из прорехи выглядывает исподнее, белое! Срамота! На мне только брюки и сорочка. Что делать?! Притарахтел автобус к месту свидания. Я спрыгнул, прилип задом к стенке, размышляю: съездить в гостиницу и переодеться уже не успею. Девушка вот-вот придет. Что делать? Я бы все обратил в шутку, но как сдвинуться с места? Я даже подумал, хорошо бы она вовсе не пришла, до сумерек простою возле стены, потом пойду. Стою понурившись... На асфальте, возле самых моих ног, что-то валяется. Я присмотрелся и рассмеялся: что лисе снилось, то и мерещилось. Пригрезится же такое. Я отвел глаза, лихорадочно размышляя. Так ни до чего не додумавшись, решил: была не была, погляжу, что у меня под ногами лежит. Смотрю: свернутая в трубочку бумажка с намотанными черными нитками и вдетой иглой! Я стоял как раз возле стройки. Вошел внутрь, подальше от любопытных глаз, зашил прореху. Выхожу, а мне навстречу летит моя девушка!.. Я много раз рассказывал эту историю. Не думаю, чтобы кто-нибудь мне поверил... Впрочем, человек рожден для острых ощущений, как же иначе! Так повелось от века. Везучий не тот, кто безбедно проводит жизнь, держась за маменькину юбку, а тот, кто, побывав сотню раз на пороге смерти, сотню раз сумеет отвести ее от себя... Ладно, хватит, пошли.

Значит, ключ должен лежать справа, под второй ступенькой. Открою, войду. У Хабибулы есть запасной. Придет - сам откроет... Старик, что тут мелькал, живет вон в той халупе. Печь топится. Собирался бы уходить, не растопил бы... Может, он бездомный или сбежал от злой снохи... А если это человек Митиленича?.. Ну, знаешь! Отвяжись от него!.."

Было темно, лишь снежные островки слегка светились белизной. Гора переложил барахло из саней в огромный мешок Ашны, взвалил его на спину и спустился с косогора в низину. Осмотревшись, он двинулся к домику. Постоял в нерешительности, никак не мог заставить себя наклониться и пошарить рукой под лестницей... Лежит ли на условленном месте ключ? Это не только решало судьбу Горы, но и подвергало суровой проверке слово друга, его достоинство и мужскую честь, не раз испытанные в беде.

"Хабибула, вера в тебя позволила мне вынести то, что я вынес. Спасибо, брат! "Не искушай Всевышнего!" Нет, я не стану испытывать нашу дружбу. Уйду, и мы до конца будем верить друг другу, но оскорбительна и малая толика подозрения, разве я имею на нее право? Как мне поднять на тебя глаза, Хабибула!.. Что с тобой, возьми себя в руки!.."

Гора сердито сплюнул. Нагнувшись, пошарил рукой под второй ступенькой, зажал в кулаке ключ, распрямылся, глубоко вздохнул. Лицо его озарилось улыбкой. Оглядевшись, открыл дверь, вошел. Прошел через сени, втащил сани. Дверь в комнату была закрыта, в замочной скважине, торчал ключ. Гора повернул его, шагнул через порог, заперся, сбросил рюкзак на

пол, подбоченился. Долго стоял, не двигаясь, не смея поверить в то, что наконец добрался до Хабибулы. Когда глаза привыкли к темноте, Гора присел на тахту. Прошло много времени. Стряхнув с себя оцепенение, он подумал, хорошо бы найти что-нибудь из еды... Но нет, сначала нужно было осмотреть убежище. Гора встал, сделал шаг, другой...

Сил ни на что не было. Тогда он повалился на тахту и забылся тяжелым сном.

Ему снились рельсы и поезда с пассажирами - щупленькие дочки возле пышных матерей, в спортивных рейтузах в обтяжку - ни дать ни взять узлы с приданым; чекисты в гражданском с бегающим взглядом, мечущийся Митиленич.

Магистраль пролегла совсем близко, отчетливо слышался грохот пронесшихся один за другим составов. Шум не мешал Горе, он крепко спал до самого утра. Окна в комнате были занавешены плотными белыми шторами. Эта белизна, подсвеченная просыпающимся утром, заставила его открыть глаза. Гора привык, находясь в укрытии, ждать. Так бывало в каждый из его побегов.

"На настенном календаре восемнадцатое марта, сегодня шестнадцатое. Значит ли это, что Хабибула придет послезавтра? Хорошо бы... Перекусить бы! Здесь вроде едой и не пахнет. В конце концов, это дачный домик или салон дочерей Александра Чавчавадзе? Неужели связи лука нигде не найдется?.. Нет, браток, для лука Хабибула отвел бы подвал. Выходит, надо искать люк в подпол... Есть! Смотри-ка, он оставил свет включенным. Ха-ха, ничего, не по счетчику платить... Господи, да у него и счетчик установлен, надо же! Хаби, ты всем царям царь... Не знаю, как тебя еще вознести..."

Подвал оказался обустроенным. После сбора урожая прошло много времени, однако полки ломились от съестных припасов, и, что самое главное, тут нашлась мощная электрическая плитка, да не одна - Хабибула запасся. Горе даже пришлось подумать, из чего готовить, - столько продуктов оказалось под рукой. Приготовил, поел и обратил к Богу молитву - ниспослать младшему брату Хабибулы здоровье и многие лета, потому как урожай на участке был его заслугой. Покончив со стряпней, Гора поднялся в комнату, прилег и задремал было, как вдруг услышал шорох. В комнате было темно. Даже если б кто и заглянул в окно, ничего бы не увидел. Гора встал, подошел на цыпочках к окну. Прислушавшись, явственно различил звук крадущихся шагов, удалявшихся от дома.

"Кто бы это мог быть? Старик, которого мы засекали днем? Агент Митиленича? Не исключено... Ей-богу, интересно!.. Шторы плотные, печь мы не топим, дым исключается. Вылазки - только поздней ночью... Эх, Бог с ним! Если бы Митиленич захотел, он мог бы взять меня раз сто! Не взял!.. Что он замышляет?.."

Хабибула, как и было помечено на календаре, приехал утром восемнадцатого марта. Пошарил под лестницей - ничего. Стал на колени, чтобы убедиться, - ключа на месте не было. Хабибула присел на ступеньку подумать. Потом осторожно, бесшумно открыл дверь своим ключом, прошел на цыпочках в сени - ключа в замочной скважине не оказалось. Он замер, прислушиваясь. Нажал на ручку, чуть приоткрыл дверь, заглянул... Из открытого люка бил свет, слышался то ли шорох, то ли шипение. Разулся, лег ничком. Невысокий, сухопарый, он скользнул ящерицей к люку и на мгновение замер. Приподнял голову, заглянул в подпол и встретился глазами с Горой. Тот стоял, настороженно вслушиваясь. На электрической плитке шипела картошка...

– Жив, пришел! - с трудом выдавил Хабибула, замер на мгновение и залился смехом.

Вскочил, проверил обе двери, не оставил ли открытыми, и спустился в подпол.

Они проговорили часа два, слава Богу, было о чем.

– Хаби, тут кто-то ходит. Кажется, присматривается к твоему дому, заметил Гора.

– Есть тут один старик, бездомный, никого из родных у него нет. Ты его не бойся. Он знает, что, если напакостит, получит "деревянный бушлат". Мне почему-то кажется, что Митиленич здесь не появится, он рассчитывает взять тебя в другом месте. Захотел бы, давно взял. Разве нет?.. Тут что-то непонятное. Когда он говорил со мной, мне показалось, что его интересовало одно: в каком направлении ты двинешься отсюда.

– Когда он говорил с тобой?

– Третьего дня. Я только вернулся в Сосновку, он заглянул ко мне под вечер. От меня, конечно, ничего не добился. Но я понял, он все время следит за тобой... Я тебе, Гора, не советчик. Ты знаешь мое правило: вдруг мой совет окажется дурным, что тогда? Ты поумнее, решай сам. Мое дело доставить тебе костыли, билет уже куплен. Хочешь бери, а нет... как знаешь. Костыли и билет, считай, через пару дней...

– Если до этого Митиленич не явится по мою душу...

– Не думаю. В общем, тебе лучше знать!

– Хаби, окажи мне еще услугу. Купи второй билет, но в другой вагон... Мягкий. Еще один билет, понимаешь... На тот же поезд, но в другой вагон, спальный или мягкий... Скажи-ка, спальные вагоны сцепляют один за другим?.. Не обращал внимания?..

Хабибула, пожав плечами, пробормотал:

– Нет, не обращал... А если даже так, что из того?

– Ровно ничего!.. Достанешь?

– Достану, начальник станции мой кореш!.. Погоди, откуда такие цацки-шмотки?

– Потом скажу!

Ночью Гора крадучись вышел из хижины, долго слушал тишину, потом направился к проселочной дороге, которая вывела его из тайги, но не прошел и сотни метров, как боль вступила в поясницу. Отдохнул, сторожко прислушиваясь к звукам, вышел на дорогу и свернул направо, к железнодорожной магистрали. Дорога пошла под уклон, идти стало легче, и вот наконец в лунном свете блеснули рельсы. Полотно было совсем близко, как он и прикидывал по грохоту проносящихся поездов. У Горы сперло дух, на какое-то мгновение отключились все чувства, разум, он замер, потом громко, грязно выругался, погрозил рельсам кулаком и, разразившись хохотом, опустился на землю. Из глаз его текли слезы...

Гора сидел и плакал. Он и не помнил, когда плакал в последний раз, наверное, в юности, а потом раза два-три, когда терял самых дорогих людей. Отведя душу и успокоившись, он посмотрел на косогор, с которого спустился, прикинул: взбираться будет труднее, нагрузка придется на суставы - и повернул обратно к дому.

Хабибула пришел на третью ночь, принес костыли, американский кейс и конверт. Поболтали, договорились о пароле, если понадобится помощь Хабибулы, обнялись. Хабибула прихватил с собой старые костыли и все, что указывало на присутствие здесь Горы, и ушел со слезами на глазах. Гора прислушался к скрипу шагов друга, запер дверь и спустился в подпол. В конверте были деньги и два билета в разные спальные вагоны.

"Поезд мой послезавтра, в двадцать три часа двадцать минут. До полотна идти полчаса... Рельсы! Считай, час... Точно. По шпалам до Сосновки семь километров, стало быть, часа два с половиной, никак не меньше. Пожалуй, все три! Итого четыре часа. Значит, я должен выйти

в двадцать один час двадцать минут... Правильно ли я сделал, купив билеты в спальный вагон?.. В прежние побеги такой шаг оправдывал себя, они искали беглецов или в трущобах, или среди тех, кто сторонится людей. В Белоруссии я никого не сторонился и даже выступал на официальных собраниях. Я шел четыре года и три месяца. Для того периода время почти рекордное... Да, поездка в спальном вагоне!.. Небольшой рюкзак, кейс, костюм и подходящая одежда! Вид у меня будет, прямо скажем, экстравагантный - богатый старатель едет подлечиться! Легенда ничего, сойдет... В который раз ты обходишь вопрос: кому и зачем ты нужен таким, какой ты есть?! Не увиливай, говори!.. Что говорить? Я уже сказал: "Настал час уходить, Гора!" Но это не значит, что отойти я должен сегодня или завтра..."

Чем больше старался Гора отделаться от этого вопроса, тем настойчивее требовал ответа вопрос. Размышляя над ним, Гора все больше мрачнел. От природы веселый и жизнерадостный, он чувствовал: сердце его сжимается, сознание кренился, как тонущий корабль. Меряя шагами комнату, он вдруг увидел себя как бы со стороны. Сгорбленный, скукоженный - неприглядное зрелище. Он расправил плечи и зашагал, выпрямив спину, как, собственно, и ходил всегда, всю жизнь. Ему пришлось несколько раз одергивать себя, распрямлять ссутуленные плечи. В конце концов, прискучив самобичеванием, он махнул рукой, перестал метаться по комнате и время, остававшееся до выхода, использовал на размышления о ловкой комбинации с двумя билетами в спальном вагоне. Вопрос, оставшийся без ответа, по-прежнему мучил его...

"Это, наверное, депрессия, отрицание эйфории. Напряжение чувств, как правило, завершается срывом, физическим недомоганием и душевной расслабленностью".

Гора осмотрел хижину, не оставил ли в ней следов. Перекинул через плечо рюкзак, взял кейс и вышел. "Запер дверь, ключ положил на прежнее место. Постоял, вслушиваясь в ночь, и пошел той же тропкой, которая вывела его накануне на проселочную дорогу.

Место было голым, луна выстлала серебром окрестность. Гора вышел на дорогу. Насторожился. Прогрохотал состав. Гора не двинулся с места, пока не стих вдали перестук колес, потом встал на костыли и легко, чуть ли не вскачь, спустился с косогора. Только войдя в лесозащитную полосу, он присел отдышаться.

"Сколько осталось?.. Чертова насыпь, до чего крутая!.. Одолею ее, и я на рельсах! Откуда это чувство тревоги, беспокойство... Может, интуиция?.. Со мной это бывало и прежде. Вроде все рассчитано, предусмотрено, а душа не лежит, какая-то невидимая сила держит тебя, не пускает, но ты, отмахиваясь от предчувствий, берешься за дело и сталкиваешься с неодолимыми препятствиями... Может, и так случится... Ладно, что она мне диктует, эта интуиция или как там ее?.. Поскольку мы приняли версию, что Митиленичу все известно, включая вагон и место, то в ближайшие несколько часов единственная опасность - это он..."

В это время Митиленич, укрывшись по другую сторону насыпи в такой же лесозащитной полосе, размышлял: "Может, я что-нибудь напутал? Значит, так. Глеб сообщил мне, что Гора вышел из дому! Поезд на Челябинск, отправляется в двадцать три часа двадцать минут. Гора должен пройти на костылях шесть-семь километров. Это два с половиной-три часа, не опоздает. Теперь. Хабибулин купил билет, который я ему подсунул, - девятое купе, нижнее место. Верхнее мое, билет у меня в кармане. В Омске Хабибула получил перевод из Тбилиси и Уренгоя. Сумма мне известна. Костыли и кейс куплены там же. Во что одет Каргаретели, знаю. Он должен выйти к железнодорожному полотну по проселочной дороге. К полотну он выйдет по двум причинам. Первая: надо полагать, что сесть на рельсу - его мечта со дня побега, это точка крайнего напряжения сил. Вторая: одет он чистенько, не станет ходить по грязи, пойдет по шпалам... Вот и он, поднялся... Смотрит в мою сторону! Неужели чувствует, что я здесь?.. Сел, лицом ко мне, смотрит на меня!.. Могу поклясться, он знает, что я здесь!.."

Гора не сводил глаз с леса, где, как он полагал, сидел в засаде Митиленич. Послышался шум

поезда. Грохот нарастал. Гора сошел с полотна, пропустил состав, сел спиной к Митиленичу.

"Вот мы и пришли, Гора, сели на рельсу!.. Добились своего. Ты свободен, сидишь на рельсе - почему нет радости?.. Этот вопрос я задавал себе после каждого побега. Я никогда не испытывал радости, а теперь вдобавок ко всему у меня такое чувство, как если вдруг проснешься и обнаружить, что тебя дочиста обокрали, даже исподнего не оставили! Поднимется в поезд Митиленич, и баста. Рассуждай тогда о своем стремлении к свободе! Сколько сил положено, сколько испытаний пройдено... Не будет этого, брось, ты сам прекрасно знаешь, где он возьмет тебя. А насчет того, чтобы украсть... Никто не украдет того, чего ты добился. Это свершение! Пусть последнее, но из всех твоих свершений самое тяжелое - не надо чересчур скромничать. Даже если тебя убьют, то, что сделано тобой, не пропадет, оно останется людям... Ладно, ладно, брось высокопарный вздор..."

В наушниках сквозь шипение послышался голос Глеба: "Я еду, уже в машине!"

Митиленич, не отвечая, выключил рацию и ушел в свои мысли: "Допустим, Каргаретели знает, что я здесь, тогда чего он мешкает? Ждет, что я поднимусь в вагон и возьму его?! Может, он смирился с мыслью, что ему придется вернуться в лагерь, пройти через следственный изолятор? Что еще может быть? Он говорит, что имел три побега, этот - четвертый. А те два забыл, когда удирал один раз от оперативника, другой - от милиционера, и прямо на улице... Не прибедряйся, братец, этот побег шестой!.. Что ему на сей раз было бежать? Мокрых дел за ним нет, он не шпион, ему не надо бояться, что раскроется преступление. Что же тогда?! Я устал думать об этом! Попробую стать на его место. Беглец в Грузию вернуться не может возьмут не только его, но и тех, кто даст ему убежище; осесть где-нибудь в других краях тоже не дважды два, нужны деньги, присмотр - здоровье пошатнулось, возраст не тот... Во всяком случае, он так думает... Допустим, у него есть сбережения и он рассчитывает на них. Но такой путь, испытания, крайнее напряжение сил измотают кого угодно! Он что, идиот? Нет, братец, не возводи на него клепов, он человек достойный! Не было у него другой корысти, кроме как уйти в побег и сесть на рельсу. Вот и сидит на рельсе, ждет меня: "Митиленич, я сделал свое дело, теперь твоя очередь, бери меня!" На-кася выкуси! Мы должны встретиться. Я колебался, брать тебя или нет; я даже примирился с мыслью об одинокой старости, были на то причины, так сказать, семейные! Но теперь этот вопрос снят - мы с женой уедем, станем жить на берегу Черного моря, а копию документа, который принесла Мара, я вставлю в рамку и повешу на самое видное место среди моих грамот!.. Служба есть служба! Э-э, встал и снова сел!.. Опоздаешь на поезд, да и я замерз... Внимание, Митиленич! Вдруг бросится под поезд, может такое быть?.. Почему бы нет? Ты же сам говоришь, у него другой корысти не было, кроме как уйти в побег и сесть на рельсу!.. Если так, мне хана... Почему? Я же нашел его!.. Жаль, такой человек!.. Человек человеком, а как же мой план?! Нельзя... Встал, встал, идет! Пусть идет, не станем мешать".

Гора положил кейс в рюкзак, перебрал его через плечо и пошел.

"Митиленич, чую, ты сидишь в укрытии и носа не кажешь. Неужели?.. Почему бы нет, он рассчитывает взять меня в купе и передать омичам, все отлично устроится... Ладно, уважаемый, поглядим, кто кого, мы будем делать свое дело до конца! Да, о чем я давеча думал?.. Настало время уходить! Может, рано об этом говорить? Постараемся как-нибудь избавиться от этого настроения. Помнишь, когда я попал по этапу из Белоруссии в Москву, прочел в тюремной бане надпись, сделанную химическим карандашом: "Кто слабый, тот загнется, кто сильный, тот уйдет!" Во всех подобных случаях я руководствовался этой максимой... Было у меня здоровье, надежное гнездилище духа и твердая уверенность, что мне дано вершить в будущем великие дела..."

Ты прав, тебе еще хотелось стать свободным человеком в обстановке всеобщего насилия и террора! Э-э, нет! Это было неосознанное желание, скорее, реакция на обстановку, в которой мы жили. Так жила наша семья и все ее окружение. Никто не носил маску, никто не пытался

приспособиться! Мои родители и родственники стали жертвами этого неосознанного желания. Надо думать, это подспудное чувство определило всю мою жизнь, ничем иным я не могу объяснить многие из моих поступков. Я все время бежал и старался догнать! Что?.. Конечно, свободу! В условиях всеобщего насилия и рабства?! Только и всего?.. Да, только и всего!.. Мало?.. Ныне нет ни насилия, ни террора. Свобода, сродни прежним стереотипам, "спущена" сверху, подарена... Тебе всегда претило пользоваться дарованными правами... У тебя есть твоя родина, Грузия, дел в ней непочатый край... Допустим, ты бы мог туда поехать, но тебя там никто не станет слушать. Допустим, удастся найти надежное убежище. Что с того? Ничего! Ты - беглец, постоянный страх изъест твою душу и плоть, болото обыденности засосет тебя... И как тогда ты назовешь этот последний побег? В лучшем случае - бегством из плена, в худшем - сочтешь, что в очередной раз сработал благоприобретенный рефлекс... Победа над старостью! Да Бог с ним..."

Митиленич еще долго сидел в придорожном сосняке. Выждав, пока Гора отошел на кило-метр, он встал и направился к машине. Дорога шла параллельно железнодорожному полотну, примерно в нескольких сотнях метров. Митиленич сел в машину, обождал еще немного, справился у Глеба, который час, и велел шоферу ехать в Шиловскую - небольшую станцию в паре километров от Омска, обслуживающую какой-то завод и пригородные поезда. Приехали.

– Глеб, сходи к начальнику станции, напомни, что нужно остановить поезд.

Глеб вернулся быстро.

– Все в порядке, остановка - одна минута, проводник спального вагона предупрежден, выйдет на ступеньку. Состав в графике, но ждать придется целый час... Да, кстати, станционный дежурный хочет вам что-то сообщить.

Митиленич вошел в здание вокзала. Открыл дверь кабинета начальника станции. Дежурный привстал, предложил гостю сесть и снял телефонную трубку.

– Сосновка?.. Здорово, Владимир Иванович! Как сказать, помаленьку... Где тот человек?..

Дежурный протянул трубку Митиленичу:

– Сейчас позовут! - Он сел и продолжил игру в домино.

Митиленич довольно долго стоял, прижав трубку к уху. Ожидание затягивалось. Нервы были на пределе. В какой-то момент ему даже захотелось положить трубку, он протянул было руку, но, передумав, снова поднес ее к уху. Наконец в трубке раздался чей-то голос. Митиленич несколько раз переспрашивал абонента - помимо плохой слышимости, мешал стук костяшек домино.

– Какой вагон, какое место? - крикнул Митиленич, крайне взволнованный, и, выслушав ответ, вышел из комнаты.

Гора шел более полутора часов. На Шиловской почувствовал, что за ним следят. Сначала он подумал, может, показалось, но нет, слежка была, причем явная. Миновав станцию, Гора прошел еще километр, до Сосновки оставалось столько же. Бросив взгляд на часы, присел перевести дух.

"И сердце пошаливает... Верблюда спросили: почему у тебя шея кривая? Разве только шея?.. - удивился он. Помнишь, что сказала тебе, расставаясь, прекрасная Томи: "Гор, ты сложен из камней тех крепостей, что некогда были сровнены с землей. Лучше нам по отдельности вершить наше суэртэ де муэртэ! Свой побег, стремление сесть на рельсу я относил к иным духовным ценностям, а на поверку оказалось, что это всего лишь процесс умерщвления -

суэртэ де муэртэ! Такая уж большая разница между мной и тем быком?! Быка убивает эспада, меня - собственный характер".

Гора встал на костыли, продолжил путь. Послышался шум поезда. Гора хотел было сойти с полотна, но почувствовал, что ноги и тело не подчиняются ему. Он дернулся в одну сторону, в другую - тщетно.

"Что происходит?.. Рельсы держат меня, не отпускают... Погоди, погоди, с тобой уже бывало такое. Что это, явь или видение? Я и прежде не мог понять - так тесно они переплетались. Может, мне и грохот поезда чудится?.. Он приближается, но я слышу его как сквозь вату... По какому пути он идет - этому или соседнему?.. Не все ли равно - не обернись! Если мне предначертано умереть так и здесь - да свершится воля Господня!.."

Гора снова попытался оторвать ноги от шпал, но даже костыль не смог сдвинуть с места. Между тем грохот поезда нарастал. Гора скинул рюкзак, положил его на шпалы, вытянул перед собой костыли и лег. Я всю жизнь был рельсами. Разве не так?.. Что только по мне не переезжало!" - воскликнул он, закрыл глаза и опустил голову. В то же мгновение перед ним предстал Великан с Коджорской горы, волновавший в детстве его ум... Ослепительным, необычным блеском сверкнула молния - раз, другой, третий... В ужасающем грохоте и блеске молний Великан распрямылся, встал, торжествующе воздел к небу сжатые кулаки со свисающими цепями... Это был товарняк, груженный. Он довольно долго гудел и наконец прошел...

Поезд приближался к Сосновке. Митиленич сидел в девятом купе спального вагона. Глеб стоял возле двери, откуда должны были подняться пассажиры.

По чистому небу плыла полная луна. Митиленич смотрел на нее и думал: "Поезд простоит десять минут... Как красиво плывет луна; это не луна плывет, а вон то белое облачко. Облачко плывет, а кажется, что луна... Всегда так. Это что еще такое?.. Из-за облака показалась большая птица... Летит за луной!.. Настигла, хочет сесть на неё!.. Куда она делась?.. Кажется, села... Где это слыхано, чтобы птица на луну садилась?! Сели же космонавты!.. Откуда мне знать!.."

Поезд остановился на станции. Митиленич вышел из купе, направился к выходу.

– Глеб, будь здесь! - приказал он помощнику и перешел в соседний вагон. Прошел еще два следующих. Дверь в сторону перрона была открыта, на ступеньке стояла проводница. Митиленич остановился наблюдать. Гора стоял за киоском, глядя на часы. Когда до отхода поезда оставалось всего три минуты, он двинулся, протянул проводнице билет и поднялся в вагон.

Сунул костыли под мышку, осмотрел коридор, направился к своему купе. Нашел, нажал на ручку. Дверь оказалась запертой. Он огляделся в поисках проводницы.

Поезд тронулся. Гора по-прежнему стоял возле купе. Один-два пассажира, выходявшие на перрон, поднялись, прошли на свои места. Вскоре появилась и проводница, которой он предъявил билет; увидев притулившегося в коридоре пассажира, достала ключ, открыла дверь.

Гора нажал на ручку, вошел в купе.

Дверь оставил открытой, может, специально - для второго пассажира.

Верхнее место пустовало. Гора прислонил костыли, сел, снял рюкзак, бросил на полку. Посидел, понурившись, какое-то время, потом повернул голову к окну... На столике стояли два стакана - с красным вином и пустой. Гора подвинулся к столику. Между стаканами лежал

конверт. На конверте красивым почерком было написано:

"Иагору Ираклиевичу Каргаретели".

Гора взял конверт, еще раз прочел свое имя, фамилию и расхохотался. Он долго хохотал, потом, успокоившись, вскрыл конверт, достал содержимое, пробежал глазами... Вскочил на ноги, снова сел, перечитал и опустил голову.

Сидел, думал.

В дверях показался Митиленич. Гора поднял на него глаза, встал, хотел было что-то сказать, но Митиленич, не останавливаясь, прошел мимо.

Эпилог

Томи!.. Как часто вспоминается мне эта встреча... Почему? Не знаю, запала в сердце, и все тут. Изящная и прекрасная Томи... Может, это встреча была особенной? Классический образец сентиментальных отношений, мелодрама... Брось, было бы хорошо, а называть можешь как угодно...

Мы познакомились на сувенирном базаре корриды, то есть на Пласа де Торос. В Мадриде есть толкучка, подобная нашей Чихомахо, что была в Сабуртало, с той разницей, что у нас торговали неопишным хламом, а на Пласа де Торос неопишными по разнообразию и численности сувенирами. На земле были расстелены подстилки, на них разложен товар для сорока трех миллионов туристов, ежегодно посещающих Испанию. Базар сувениров опоясывал всю Пласа де Торос - за пару часов не обойдешь.

В первый раз я видел корриду в Севилье недели две назад. Потом ночью в гостинице еще раз посмотрел ее, уже в записи, по телевидению. Не могу сказать, чтобы я получил удовольствие, ощущение было тягостным: в пытках осуществлялся акт смерти несчастного животного. Однако любопытство мое было растревожено. В те же дни, кажется, в Малаге мне снова представилась возможность посмотреть по телевидению корриду. Теперь уже в моем сознании обозначилась какая-то схема. В Мадриде у меня был знакомый - дон Хосе Артигас, кастильский аристократ, доктор философии, возглавлявший в то время Книжную палату Испании и кафедру философии мадридского университета. Он любезно пригласил меня на корриду, потом мы поехали ужинать в элитарный ресторан. Переводчик свободно владел русским. К этому времени у меня сложилась довольно четкая концепция корриды, и в разговоре я поделился ею со своими сотрапезниками. Они внимательно, с интересом выслушали меня. Потом дон Хосе Артигас, переговорив с друзьями, сказал:

— Для нас, испанцев, коррида - часть наших будней. Чего только ни писали о ней, но подобное толкование мы, честно говоря, впервые слышим.

Я улыбнулся. Поблагодарил за комплимент.

— Найдется время, запишите то, о чем вы сейчас говорили, - застенчиво предложил мне один из застольцев. - У нас собирают и публикуют высказывания иностранцев о корриде. Напишите, мы тиснем.

— Благодарю, но моя точка зрения нуждается в проверке, уточнении. Можете воспользоваться моими словами как заготовкой.

То, что мое толкование корриды привлекло внимание столь ученых людей и даже вызвало

обсуждение, еще больше раззадорило меня. С утра пораньше я отправился в Эстрамадур и провел там три дня. Вернулся ночью, а на следующее утро, едва открыл глаза, снова стал размышлять о корриде.

Дел у меня особых не было, ничем другим я заниматься не мог, поэтому пришел на Пласу за два часа до начала корриды. Пока открылись кассы, я поклонялся по базару. Наконец подошло время, и я пошел за билетом.

Деньги были на исходе, поэтому я прошел к кассе с самыми дешевыми билетами - восемьсот песет! Очередь оказалась небольшая. Передо мной стояла молодая женщина в джинсах, стало быть туристка. Испанцы, а тем более испанки, редко носят джинсы. У них свой стиль, довольно любопытный. По мнению философа господина Зураба Какабадзе, американки носят джинсы потому, что их крой подчеркивает сексуальные узлы, делая женщин притягательными. Правда, мода меняется с быстротой молнии, но в манере грузинок одеваться постоянной остается одна особенность: дабы привлечь внимание мужчин, они носят по возможности дорогую одежду, со вкусом сшитую, и держатся стилия капусты. Много тряпок, под которыми тело угадывается. Мне редко встречались красивые испанки - я, разумеется, имею в виду нормы красоты, принятые среди грузин, а по испанским понятиям, может, каждая вторая у них раскрасавица. Как бы то ни было, у испанок неповторимый стиль: они не позволяют себе слишком оголяться и вместе с тем как-то умудряются создать зримое ощущение изящества, упругости, трепета прикрытого одеждой тела. Возможно, это объясняется их пластичностью, они особенно грациозны.

На женщине передо мной были тесные джинсы и очень открытая майка - все в точном соответствии с американским рационализмом. Я несколько раз попытался заглянуть ей в лицо. Ничего не вышло: мы были ограничены с обеих сторон перилами, а женщине и в голову не приходило обернуться или посмотреть в сторону. В результате наблюдений мне удалось лишь установить, что в волосах у нее проседь, значит, лет ей, должно быть, около сорока. Незнакомка купила билет и повернулась, чтобы выйти. Она оказалась белокожей, с большими голубыми миндалевыми глазами, от век разбегались мелкие морщинки-лучики. Я улыбнулся ей. Она ответила на улыбку, но не остановилась. Протягивая деньги кассирше, я был уверен, что встречу знакомку на трибуне.

Мне довелось увидеть ее раньше.

Сунув билет в карман, я поклонялся по барахолке. Устал так, что у меня подкашивались ноги. Увидев в тенистой аллее расставленные там и сям лавки, присел на одну из них и только потом заметил, что рядом сидит моя знакомка в джинсах. Она читала книгу. Я скосил глаза. Книга была английской, толстой, щедро иллюстрированной. На одной из фотографий я вдруг увидел дракона в пенсне. Вообразите! Меня как громом расшибло. Потом разобрал смех: каким макаром здесь оказался Лаврентий Павлович Берия?.. Женщина вскинула на меня удивленные глаза. Я попросил у нее книгу, она дала. На переплете огромными буквами значилось "KGB" и еще что-то по-английски. Я раскрыл книгу. В ней были собраны фотографии всех мало-мальски известных чекистов, которых когда-либо рождала Российская Империя. Я объяснил причину своего веселья. Теперь о том, как мы объяснялись. Я знаю немецкий, совсем чуточку, английский - такую же чуточку, русский - хорошо, грузинский - мой родной язык. К тому же у меня был при себе испанско-русский разговорник, которым я ловко пользовался. Незнакомка свободно изъяснялась по-немецки, сносно - по-русски и дай Бог каждому - по-английски. Клянусь, наша беседа стоила того, чтобы ее послушать. Открытая, общительная по натуре, американка тут же выложила, что звать ее Томи, мужским именем, что преподает она в университете историю, родители тоже профессора, ей под сорок, она не замужем, и у нее никогда не было мужа, она путешествует по Испании, маршруты выбирает сама. Томи говорила, и с лица ее не сходила улыбка. Мы условились, что я буду называть ее Тото, она меня - Гор. Не прошло и получаса, как мы стали ближайшими друзьями, оба помирали со смеху от нашей пятязычной беседы с призвуком иронии, сопровождавшим

наше общение с самого знакомства. Как-то так получилось, что я поделился с ней своими мыслями относительно джинсов и сексуальных узлов, высказался по поводу испанок и грузинок.

Тото слегка скорректировала свою улыбку, ближе к серьезной, и заметила:

– Когда я собиралась в Испанию, в мои планы не входили флирты и увлечения. Не думаю, чтобы я их изменила... Мистер Гор, вы бывали на корриде?

– Бывал ли я?! Я - теоретик, исследователь и эксперт корриды. У меня собственное учение, которое рассчитываю в ближайшем будущем распространить на все страны, где принят бой с быком. Тото, для вас это первая коррида?

– Да.

– Что вы говорите?! В таком случае вы самый подходящий объект для изложения моих мыслей. Я не упущу такой возможности. Слушайте меня внимательно и не заигрывайте со мной, иначе мои мысли, и без того нескладные, вконец перепутаются.

– Слушаю.

– Вы историк и, конечно, знаете, что в Испании реконкиста - отвоевание территорий, захваченных врагом, - началась в восьмом веке. Корриду в ее первоначальном виде испанцы переняли в одиннадцатом веке у балканских народов, а на Балканы она попала в незапамятные времена - из Колхиды. Возможно, баски ввели это зрелище в Испании.

– Гипотеза мне известна.

– Рад слышать!.. Испанские народы и племена в течение семисот лет противостояли захватчикам...

– Сколько тебе лет, Гор? - по-русски спросила она и, мне думается, этим вопросом внесла простоту в наши отношения.

– Когда Иешуа распяли на кресте, мне было тридцать три года, я - почти вечность.

– Вы дружили?

– Да, с детства. Потом в юнкерском училище произошел разрыв. Он был очень упрямым, мы так и не сошлись. Я говорил ему: "Брось, ввяжешься в историю". Он не послушал и вот!

– Что послужило причиной вашего разрыва?

– Он твердил: "Но кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую". Я же был убежден, что "не мир принес я вам, но меч".

Цитировать мне пришлось по-грузински, и мы отдали мукам перевода довольно много времени. Точнее, время отнял смех. Она хорошо знала евангелие, это выручало.

– Напрасно разошлись, - заметила Тото, когда мы успокоились.

– Продолжим лекцию! Разве удивительно, что у народа, занятого постоянными войнами, со временем возникает желание создать игру, отображающую борьбу с врагом и победу? У большинства наций существуют развлечения, зрелища или мистерии, выполняющие именно эту функцию. Испанцы постепенно приспособили корриду к своим потребностям и стали использовать ее как иллюстрацию процесса борьбы с завоевателем, победы над ним и уничтожения. Правда, в нашей действительности коррида утратила свое первоначальное

назначение, зато теперь ее миссия - воздействовать на историческую память народа, на его чувства, отодвинутые в подсознание. Как иначе объяснить разницу в интересе, проявляемом в корриде испаноязычными народами и всеми остальными?

– Гор, сколько у тебя детей? - прервала меня Тото, улыбкой давая понять, что я разжевываю азбучные истины.

У этой женщины для каждого оттенка настроения была своя улыбка.

– Если мы побудем еще некоторое время вместе, язык нам не понадобится, я буду читать по твоим улыбкам. У меня нет детей. Пошли, займем места.

Когда мы поднимались по лестнице амфитеатра, Тото предупредила меня:

– Во время корриды, пожалуйста, помолчи о своем учении. Я все поняла. Сама хочу разобраться. Если хочешь, поухаживай за мной.

Наши места оказались в одном из последних рядов, на самом солнцепеке "соль". Удобно устроившись на подушках, взятых напрокат у входа, я спросил:

– Я приобрел билет на эту жаровню только потому, что у меня вышли деньги. Ты что, тоже на мели?

– Нет, у меня достаточно денег. Понадобится, пришлют еще. Мне сказали, что коррида - ужасное зрелище, и я подумала, что мои нервы могут не выдержать, сбегу. Так вот, если я сбегу отсюда, потеряю восемьсот песет; из сомбры - четыре тысячи. Есть разница?

– Стопроцентная американка! Как ты думаешь, сколько сейчас градусов?

– Я знаю по справочникам, что здесь в полдень в июле бывает столько же градусов, сколько миллионов нынче проживает в Испании плюс сорок один-сорок два в тени... Ужасная жара, правда?.. Если бы я купила билет в сомбру, я бы не встретила тебя. Ты говоришь занятные вещи. Тут лучше.

– Спасибо, сеньорита.

Она, задумавшись, молчала.

– ...Это человечество! - как бы вслух продолжила она свою мысль. Я понял, она имела в виду битком набитые трибуны. - Человечество, которое было, есть и будет...

– Правильное начало, госпожа Тото!

В тот день прославленному мастеру Луису Рейне предстояло убить одного из быков. По установленному порядку церемониальное шествие участников проходило под звуки оркестра. Парад открывали три матадора, в середине шел сам Луис Рейна, справа и слева шагали не менее известные эспады. За ними следовал верхом копыеносец, или пикадор, очень смахивающий на святого Георгия, если бы не кляча с набрюшником, предназначенным для защиты от бычьих рогов, на которой он восседал. За пикадором шествовали трое бандерильеро. Эти, когда настанет время, всадят в загривок быка украшенные лентами бандерильи. За ними развернулись в ряд трое капеадоров, которым предстояло раздражить быка. Следом шагал пунтильер, задача которого всадить нож в загривок смертельно раненного шпагой матадора животного и прервать его агонию. Шествие замыкали куадрильи де араста - двое участников верхами, выволакивающие под конец с арены убитого быка. Участники парада в ярких цветных костюмах, расшитых золотом, двигались с подчеркнутым достоинством. Со стороны это всегда выглядит немного смешно, но апасионады - страстные болельщики, которые лучше азбуки знают все двести правил боя с быком - с такой

серьезностью воспринимают пасию, с таким искренним восторгом приветствуют своих любимцев, что для юмора чужеземцев места не остается.

Парад прошел перед ложей префекта, поприветствовал его и двинулся к выходу. Я поделился с Тото мыслью о комизме зрелища.

– Да, забавно. Если бы кто-нибудь из летописцев с юмором живописал прошлое, может, составила бы более достоверная история.

Парад кончился. На арене остались одни капеадоры и бандерильеро. Они слонялись по арене, беседовали друг с другом в ожидании знака префекта, по которому должны были выпустить из загона быка. Это зрелище пополнило новую деталью образный ряд, сотворенный моей фантазией; арена, пока на нее вырвался бык, - место мирного общения людей, наций и государств, наша круглая земля с проживающими на ней народами. Амфитеатры - человечество на одном этапе исторического развития. Завтра здесь будут сидеть иные люди, послезавтра - иные, но человечество, составленное из разных поколений, будет вечно, равно как и на этой вот арене одни народы будут сменять другие. Все изменчиво, кроме того инстинктивного страха, что на арену вырвется насильник и превратит гармонию в хаос. Вот это вечно!

Я был занят этими мыслями и не заметил, как префект махнул платком. Бык выскочил, как бешеный, и застыл, ослепленный ярким солнцем - несколько часов до начала боя его держали в темном загоне.

– Завоеватели в основном являются миру из тьмы, - заметил я, объясняя Тото причину оцепенения быка.

Бык, по привыкнув к свету, заметил капу - дразнящее глаз малиновое полотнище в руках капеадора - и ринулся на него. Капеадор мягко увернулся от рогов и бросился бежать. Бык за ним, но тот успел заскочить в укрытие. Таких укрытий несколько в ограждении, опоясывающем арену. Преследуемые быком капеадоры устремляются в них, сродни воинам, потерпевшим неудачу в бою и ищущим прибежище в своей крепости. Капеадоры сменяются один за другим и дразнят быка до тех пор, пока префект не сочтет нужным прервать десфиле и пригласить на арену пикадора.

– Совсем как история человечества. Разве нет, Гор? Ты прав: нападение, отражение, бегство, преследование, поражение, победа. Что еще? - спросила Тото и продолжила: - Так бывает на войне: что-то кончается, а что-то начинается. Война - это торжество грубой силы, и начало ее же смерти. Быка изматывает эта дразниловка, он устает, теряет силы и начинается его смерть!

– Этот процесс на профессиональном языке корриды называется суэртэ де муэртэ - процесс умерщвления.

Тото подняла на меня глаза, вслушиваясь, и пробормотала:

– Господи, какой ужас! Суэртэ де муэртэ - процесс умерщвления. Это ведь приложимо ко всем обстоятельствам...

На арене появился верхом на кляче пикадор. Ноги всадника от колен и ниже были защищены металлическими щитками. В руках он держал копьё со стальным наконечником, насаженным на крестовину, чтобы острие не слишком глубоко вонзалось в бычий хребет, потому как убить животное надлежало матадору.

– Посмотри, Гор, на копьё! Имитация креста! - заметила Тото. - Неужели назначение его - указывать на лицемерие христианства? Обрати внимание, люди смеются, свистят.

– Сдается мне, их потешает и надутый, самодовольный вид всадника. Они знают, что этот фанфарон, в образе святого Георгия, никакой не герой и не спаситель...

– В народе всегда живет подсознательное чувство неконкретизированного бунта, и его, как лишнюю кровь, время от времени нужно выпускать. Испанцы верующая нация, тем не менее в людях заложен внутренний протест против Бога и святых. Его нужно нейтрализовать, и вот, пожалуйста, - смейся и свисти сколько душе угодно! Это испытанное средство любой власти, - добавила Томи.

Тем временем раззадоренный бык боднул лошадь пикадора в брюхо, но не смог пробить набрюшник. Пикадор, воспользовавшись паузой, всадил быку копые между лопатками. Кровь хлынула струей, стекая кизилковым потоком по черным бокам животного. Бык, пуще распалившись, поддел лошадь рогами, уперся в нее лбом, будто отыскивая незащищенное место. Пикадор в другой раз всадил копые. Бык, подняв лошадь на рога, бросил ее оземь, падая, она подмяла под себя ногу всадника. Бык рванулся добить лошадь, но напеадоры, заманив его на сторону, тотчас окружили. Бык растерялся, застыл. Остальные бросились к кляче, пытаясь высвободить пикадора. Люди гоготали. Рев стоял такой, что Тото зажала уши.

Как только удалось увести быка в сторону, десфиле продолжалось. Высвободили ногу, подняли всадника, он уселся на лошадь и, не теряя достоинства, покинул арену.

– Тото, несмотря на обещание молчать во время корриды, я все-таки выскажу тебе одно соображение, чтобы убедиться в его правильности. Выслушаешь?

– Говори.

– Вот, предположим, отдельная территория, которую хочет подчинить себе некий завоеватель. На ней расположены какие-то государства, народы, среди которых есть, разумеется, лидер, наделенный силой. Вторгается завоеватель, лидер выжидает, чем кончится сопротивление соседей послабее, разжигает их ненависть, даже тайком помогает им, чтоб измотать, истощить врага, а потом уже двинуться на него самому. В этом ожидании заложен тайный умысел: после победы в решающей битве, в чем самодовольный лидер не сомневается, он сможет если не целиком, то хотя бы частично прибрать к рукам земли, потерянные мелкими козьянками, потому как он - победоносец и освободитель. И вот тогда население присоединенных земель содрогнется от его ненасытной алчности и, может, с тоской возмечтает о возвращении побежденного захватчика. Все это народы хорошо знают и свое отрицательное отношение к лидеру выражают, как, например, испанцы, в комическом образе пикадора в корриде. Как ты думаешь, правильно ли такое определение художественного образа пикадора?

– Народы такими сложными категориями не мыслят.

– Правильно. Мысли, живущие в подсознании, находят выход в музыке, хореографии и спортивных играх. Свое подспудное отношение к лидеру испанцы выразили созданием комического образа пикадора.

– Испанцы, впрочем, как и вы, грузины, столетиями воюют с захватчиками. Мы же, американцы, сами от века захватчики, жесточайшие завоеватели. В вас живет боль за свое прошлое, и вы рассматриваете корриду с этих позиций. Во мне нет ваших историко-психологических посылок. Разве могут быть одинаковыми наши толкования образа пикадора? Может, поэтому мне твой анализ кажется искусственным. Я - американка, и для меня пикадор комедийный персонаж корриды, некая оппозиция христианской религии, существующая в народе и указующая на то, что христианство, благодаря своему всепрощенчеству, при сопоставлении его с другими религиями выглядит несостоятельным, беспомощным и даже комичным.

Бык, получив две раны, с нарастающей яростью носился за капеадорами. Одного даже настиг, боднув рогами в зад. Хотя удар и лег косо, капеадор перекувырнулся в воздухе. Люди, почуяв запах смерти, замерли, но остальным капеадорам удалось ловко увести быка в сторону.

– Хороший бык, - заметил я. - Как выскочил, ни разу не остановился.

– Да, в напористости ему не откажешь, но я не понимаю, чего он хочет. Гоняет этих бедолаг по арене, и только. Понятно, что у животного не может быть какой-нибудь осознанной цели, но сам этот бессмысленный и бесконечный бег, преследование, должны же что-то по своей концепции выразить. Ведь так?

– По-моему, в этом и заложена глубинная суть корриды - все суета сует! От кого бы ни исходило разорение и опустошение человечества, истребление народов и государств - это все тот же бесконечный бег и преследование. Разве не так?.. А в общем, если уж говорить, что остается в руках завоевателя или что вообще остается из завоеваний?!

– В этом плане, да... Посмотри, как упорно носится за малиновой тряпкой бык. Это проявление бессознательной агрессии существует в каждом живом организме.

– Это действие отображает борьбу за порфиру, за императорские регалии. В этой мистерии, прекрасная Тото, все предусмотрено!

Бык устал, ноги у него подкашивались. Заметив, как он пошатнулся, префект дал знак бандерильеро. Десфилирование закончилось; капеадоры, перевесив на руку дразнящие полотнища, отошли от быка.

Эта часть зрелища и впрямь очень красива. Стоя на цыпочках, боец изящным движением уворачивается от рогов мчащегося быка, подпрыгивает, на мгновение замирает в воздухе и вонзает в хребет копыцеа в две пяди длиной, украшенные красными лентами, - оба одновременно. Теперь второй бандерильеро, вызывая на поединок быка, распалает его возгласами "торо". Животное мешкает, может, размышляет, как сподручнее поднять врага на рога. Потом срывается с места, делает прыжок, и этот мощный рывок, казалось бы, несет смерть этому изящному человеку, удел которого завершить свою жизнь, подобную игре, на бычьих рогах... И снова красивейший пируэт, молниеносный промельк грозных бычьих рогов, прыжок, и снова два всаженных в хребет копыцеа. Это действие повторяется грациозности ради и очень походит на поединок отважных, искусных в бою, рыцарей с темными и злыми силами.

Действо закончено, в бой снова вступают капеадоры, и снова мечется бык, а в его хребте колышутся, леденя душу, бандерильи.

– Корриду ведет префект, - отметила Томи. - Каждое последующее действие начинается по его знаку. Он правит зрелищем, как Бог - грандиозной мистерией человечества. Бог нужен на все случаи.

Префект дал знак матадору выходить.

Когда бык находится на половине арены, освещенной солнцем, пестрая одежда бойцов, переливающийся золотом песок, колыхание малиновых полотнищ, трепет копыцеа с развивающимися желто-красными лентами в бычьем хребте, кизилевые подтеки свернувшейся крови на боках обезумевшего животного создают неповторимую фантазию цветов. Это конвульсивное движение сливается с диким ревом трибун, и на глазах у зрителей бушует история самого человечества, создавая иллюзию вечности.

– Посмотри, Тото, что творит солнце! - не смог сдержать я восторга. Помнишь Эрнеста

Хемингуэя? "Коррида должна быть осыанной лучами солнца".

– Думаю, Хемингуэй имел в виду не только корриду, а внутренний мир произведения. Он довольно долго жил в Испании, постиг истинное значение "дуэндэ" и назвал его внутренним солнцем. Высочайшая техника исполнения, мастерство, - словом, все то, что возводит до утонченного артистизма красоты, что воспринимается не только глазом или ухом, но и какими-то тайными путями, что проникает в душу и обогащает тебя - внутреннее солнце, дуэнде!

Матадор неторопливым шагом, с достоинством главного героя вышел на арену, стал под левой ложей префекта, снял треуголку, испрашивая разрешение вступить в поединок. Получив согласие, он передал треуголку одному из служителей, взял мулету - ярко-красное полотнище - и направился к быку. Ему предстояло продолжить десфилирование быка, и без того измотанного и обессиленного. Нападки быка, демонстрация высшего мастерства и грации матадора длились до тех пор, пока боец не счел животное готовым к закланию. Он подошел к префекту, получил от него согласие и взял шпагу.

Бык и матадор встали друг против друга.

Матадор слегка колышет мулету левой рукой, бросая вызов быку. В вытянутой правой он держит, прицеливаясь, шпагу; он должен нанести укол между лопатками быка до самого позвоночника - тогда он будет смертельным. Бык стоит, как бы собираясь с силами, и срывается с места. Матадор плавным пируэтом уклоняется от огромных рогов и одновременно наносит удар шпагой. Действие разворачивается так стремительно, что глаз едва успевает зафиксировать момент нанесения удара. Бык стоит замерев, со шпагой в хребте, словно пытаясь расслышать поступь смерти в этом невообразимом реве трибун, и падает как подкошенный.

Свершилось! Процесс умерщвления завершен. Матадора приветствуют переполненные зрителями трибуны, народ ревет, топочет. Женщины и девушки в передних рядах подбрасывают косынки. Пласа де Торос празднует победу.

– Кончилось? - спрашивает Томи.

– Нет. Будет еще кое-что заслуживающее внимания.

Пунтильеро, прервав агонию быка, всадил ему нож в шею. Подбежал к ложе префекта, вернулся, отрезал ухо у быка, показал его трибунам и поднес матадору.

– Я был свирепым завоевателем, теперь я труп раба с отрезанным ухом! Ну что, все?

– Нет, должно свершиться основное, то, ради чего коррида придумана.

На арене появилась упряжка лошадей - куадрилья де арасте. Быку накинули петлю на рога, другой конец веревки затащили узлом на упряжке и под свист и улюлюканье толпы поволокли тушу.

В ту же минуту появился служитель, взмахнул веником раз, другой, там, где была кровь, и все - следов трагедии не осталось.

– Кончилось? - снова спросила Томи.

– Нет. Это никогда не кончится. За этим должна последовать другая коррида...

– С меня довольно и этой! - Томи встала, мы спустились по лестнице.

Трибуны ревели, требуя триумфа для матадора.

– Кричали женщины "ура!" - и в воздух чепчики бросали! - пробормотал я.

Тото попросила перевести. Я перевел, точнее, мы вместе перевели. На лицо ее вернулась улыбка, она сказала:

– Быть не может, чтобы у испанцев, помешанных на корриде, не было летописцев. У матадоров, уверена, есть свои биографы, а кто вспомнит прекрасное, дерзкое животное, которое так небрежно выволокли какие-то подонки!

– Ганадерия-хозяйство, которое быка вырастило! Оно внесет в свои летописи: "Бычок от такой-то коровы и такого-то бугая стал достойным бойцом". Потомков завоевателей, естественно, радуется возвеличивание "заслуг" прародителя-быка, но они не любят привлекать внимание прочих к его разрушительной силе.

– Я проголодалась, - объявила Томи. - У меня номер в "Веласкесе", приглашаю на обед.

Если у меня и были какие-то сомнения относительно материальных возможностей Томи, то при упоминании "Веласкеса" они тотчас рассеялись. Эта гостиница с несколькими ресторанами относилась к высшему разряду.

– Богатая и прекрасная госпожа Томи, я уже докладывал, что мой кошелек на последнем издыхании, как форель, выброшенная на берег. А еще должен сообщить, что мой родитель не позволял себе ходить в ресторан даже с ближайшими друзьями и вообще куда бы то ни было, если у него не было денег, чтобы оплатить все расходы полностью.

– И часто он кутил?

– Достаточно.

– Гор, я опубликую в Штатах твои воззрения на корриду, разумеется, с упоминанием имени автора. Наша страна за идеи платит больше, чем за товар. Считай своим гонораром часть платы за обед...

– Иду!

Мы доедали десерт, когда подошел служащий бюро путешествий, он принес Томи билет на самолет. Речь шла о поездке в Сан-Себастьян и о номере в гостинице.

– Когда летишь, Томи? - упавшим голосом спросил я, дождавшись ухода служащего.

– Завтра утром, в восемь часов десять минут по мадридскому времени! вроде даже насмешливо возвестила она.

– Жаль!

Томи одарила меня одной из своих улыбок и сказала:

– Ты страшный человек, Гор, ты сложен из камней тех крепостей, что некогда были сровнены с землей. Боюсь, что даже это недолгое общение с тобой изменит мой характер, мою былую легкость и улыбку сменит угрюмость. Лучше нам по отдельности каждому совершить свое суэртэ де муэртэ!

Мы отошли на несколько шагов от стола, когда я обернулся. "КГВ" лежала там.

– Тото, ты забыла книгу! - Я сделал движение вернуться.

– Пусть остается, я это видела сегодня на корриде.

Мы не оставили друг другу адресов..."

Гора Мборгали, кто ты, бык или эспада?!

1980-1994

Примечания

1

Ерундой, выдумкой (лаг. жарг.).

2

Персонаж повести Ильи Чавчавадзе "Отарова вдова".

3

Атоци - храм в Картли.

4

Поджаренная пшеничная мука, перемешанная с топленным маслом и медом.

5

Известное грузинское лакомство: нитка орехов в застывшем фруктовом сиропе, приготовленном особым способом с мукой и сахарной пудрой.

6

Стихотворение классика грузинской литературы Акакий Церетели "Он не умер..."

7

Персидский царь, который, по преданию, прожил семь с половиной веков.

8

Герой грузинского народного эпоса XIX века.

9

Классик грузинской литературы XX века.

10

Нынешний Владикавказ.

11

Картли, Кахетия - области в Восточной Грузии.

12

"Параклитов" - сборник молитв, которые читаются в грузинских храмах в понедельник и в субботу.

13

Дурака валять, приставать (жарг.).